

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 9

Издаётся с 2005 года

2014

УДК 930.1
ББК Т1(2)6
М630

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензент

д-р ист. наук, профессор *В.Н. Худяков*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.П. Корзун* (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков* (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Алеврас*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Антощенко*,
д-р ист. наук, проф. *В.Г. Рыженко*, д-р ист. наук, проф. *Г.П. Мяжков*,
д-р ист. наук, доц. *А.В. Свейников*, канд. ист. наук *М.А. Мамонтова*,
канд. ист. наук, доц. *С.Б. Крих*

М630 **Мир историка** : историографический сборник / [редкол.:
В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас
и др.]. – Вып. 9. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 507 с.
ISBN 978-5-7779-1696-9

Выпуск посвящен 150-летию со дня рождения выдающегося российского историка, историографа, методолога А.С. Лаппо-Данилевского. Ведущие отечественные историографы размышляют над судьбой его научного наследия, публикуют источники, ярко свидетельствующие о его научном облике. Другая дата – 150-летие университетского устава – нашла отражение в статьях, исследующих влияния формальных условий на жизнь научных сообществ, многообразие их связей и контекстных взаимодействий. Отдельные разделы посвящены туристическим и интеллектуальным экскурсам ученых, их размышлениям над «иными» интеллектуальными и культурными пространствами и мирами, коммуникациям и их изменениям в интеллектуальной и политической ситуации эпохи. Раздел документов традиционно знакомит с неизвестными ранее историографическими источниками.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания.

УДК 930.1
ББК Т1(2)6

ISBN 978-5-7779-1696-9

© ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2014
© Общество интеллектуальной истории, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	6
----------------------	---

Раздел 1. А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Корзун В.П.</i> А.С. Лаппо-Данилевский: к вопросу о генезисе интеллектуальной истории	17
<i>Алеврас Н.Н., Корзун В.П.</i> Речь А.С. Лаппо-Данилевского на диссертационном диспуте.....	41
Речь А.С. Лаппо-Данилевского, произнесенная 9 мая 1890 г. на диссертационном диспуте в Санкт-Петербургском университете во время защиты магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований»	51
<i>Бухерт В.Г., Корзун В.П.</i> «Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой...».....	60
Письмо А.С. Лаппо-Данилевского М.А. Дьяконову от 12.05.1890 г.	61
<i>Бухерт В.Г., Корзун В.П.</i> «Позвольте Вам выразить искреннюю признательность комиссии...»	65
Письма А.С. Лаппо-Данилевского по поводу издания сборника «Русская наука»	66
Интервью с Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским	70

Раздел 2. УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1863 г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ. УЧЕНЫЕ СООБЩЕСТВА В ГРАНИЦАХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ И АКАДЕМИЧЕСКИХ УСТАВОВ – ФОРМАЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И ИХ КОРПОРАТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

<i>Посохов С.И.</i> Университетская реформа 1863 г. в ряду Великих реформ: историографический аспект	81
<i>Воробьёва И.Г.</i> Университетский устав 1863 г. и российское славяноведение	103
<i>Блиев В.Р.</i> Духовно-академические уставы 1869 и 1884 гг. как организационный фактор развития отечественной церковно-исторической науки.....	111
<i>Гришина Н.В.</i> От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг.	122

Мамонтова М.А., Согонова Е.Ю. Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930–1970-е гг. 146

Раздел 3. ПУТЕШЕСТВИЯ УЧЕНЫХ – НАУЧНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ЭКСКУРСЫ. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИОГРАФИИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПЛОЩАДКИ «ДРУГИХ» СООБЩЕСТВ ИСТОРИКОВ

<i>Кузнецов А.А.</i> Путь Э.Г. Эрстрёма в 1812–1813 гг.: географическое путешествие из Москвы в Нижний Новгород vs экскурс в историю России.....	176
<i>Антощенко А.В.</i> Г.П. Федотов: в поисках академической карьеры в США	201
<i>Шаталов Д.В.</i> «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества.....	224
<i>Будзанивская Н.В.</i> Отношения В.И. Вернадского и А.Е. Крымского как зеркало жизни интеллигенции	241
<i>Чеканцева З.А.</i> Историки, история и память в современной Франции	253
<i>Голубев А.В.</i> От структуры к движению: Незавершенное путешествие из российской в канадскую аспирантуру.....	268
<i>Вжосек В.</i> Восемь тезисов о присутствии мифа в истории.....	289

Раздел 4. УЧЕНЫЙ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПОЛЯХ ОБЩЕСТВА И НАУКИ

<i>Умбрашко К.Б.</i> «Нелепые толки нашего времени...»: М.П. Погодин против М.Т. Каченовского	295
<i>Еремеева С.А.</i> В.И. Вернадский и практика поминания в научном сообществе	335
<i>Журба О.И., Скиба И.А.</i> Коммуникации Владимира Валерьяновича Данилова, или Отечественный гуманитарий XX века на дисциплинарных и культурных порубежьях	363
<i>Селиванова О.С.</i> К портрету В.П. Бузескула – историографа (по материалам его переписки с И.Н. Бороздиным и Н.И. Кареевым)....	393

Раздел 5. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	402
<i>Антощенко А.В.</i> «Теперь я спокоен за свое будущее, могу думать только о своей работе над книгой...».....	402

Письма Г.П. Федотова к Б.А. Бахметьеву и сопутствующие материалы.....	405
<i>Клюев А.И., Свешников А.В.</i> Письма советских медиевистов к О.Л. Вайнштейну.....	441
Документы из жизни современного исторического сообщества.....	455
«Прожив столько, отбираешь то, что в какой-то мере соответствует твоему настрою, твоим сегодняшним взглядам, твоим увлечениям...» (фрагменты беседы с Сигурдом Оттовичем Шмидтом 16 мая 2012 г.).....	455
<i>Мягков Г.П.</i> Мастерская средневекового историографа и «нормативная» диссертационная позиция.....	480
<i>Алеврас Н.Н.</i> «Импрессионистская техника мелкого, насыщенного штриха...».....	491
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	503
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	504

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В 2013 году исполнилось 150 лет со дня рождения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) – выдающегося историка, методолога, науковед, социолога и организатора науки («титана науки»). Этот год оказался чрезвычайно насыщенным коммеративными событиями, связанными с именем ученого. С 25 января по 5 апреля в Российском государственном гуманитарном университете в режиме интернет-конференции прошел круглый стол «Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков». 28–29 июня в Санкт-Петербурге в Социологическом институте РАН состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Пятые чтения по истории российской социологии “Понимание общественно-исторического развития и современности: методология социальных наук. Памяти А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919): 150 лет со дня рождения”». 4–5 октября в Санкт-Петербургском государственном университете прошла Международная научная конференция «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения)». Тематические подборки статей и документов, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому, разместили на своих страницах журналы «Исторический архив» (2013. № 2), «Журнал социологии и исторической антропологии» (2013. № 3), «Клио» (2013. № 12). В меру наших скромных возможностей члены редколлегии «Мира историка» многократно прилагали усилия к изучению и популяризации научного наследия и сети научных коммуникаций ученого¹.

¹ Корзун В.П. Исторические взгляды А.С. Лаппо-Данилевского // Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001. С. 174–216; *Ее же*. Теоретико-методологические и исторические воззрения А.С. Лаппо-Данилевского // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 178–232; *Ее же*. «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-

В ходе проведения очередной студенческой конференции на истфаке ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (18 апреля 2013 г.) мы попытались продолжить коммуникативную волну в молодежной аудитории через размышления об историке и перипетиях памяти о нем как внутри корпорации интеллектуалов, так и за ее пределами, в широком социокультурном пространстве. Буквально накануне пленарного заседания от нашего коллеги и активного автора «Мира историка», профессора Днепропетровского университета Олега Ивановича Журбы пришла информация об открытии мемориальной доски в бывшем имении Лаппо-Данилевских в селе Гуляйполе Криничанского района Днепропетровской области Украины. Это свидетельство проявления интересных новых общественных и культурных тенденций в коммеморациях, связанных с именем историка (бренда территории, культурно-исторического мифа и даже дублирования знаковых персонажей в национальных российской и украинской историографиях). В продолжение всех предыдущих усилий мы и скомплектовали первый раздел нашего историографического сборника, посвященный личности и деятельности А.С. Лаппо-Данилевского. Но прежде чем представить содержание юбилейного раздела, отметим особенности данного этапа коммеморации. Собственно одну из них мы уже обозначили – это присвоение интеллектуального героя, в данном случае историка, общественным сознанием. Есть в мировой и отечественной историографии имена, по тем или иным причинам пребывающие «не на слуху», не часто произносимые в журналистских проектах, в кадрах документального кино или, тем более, на новостных сайтах. При этом собственно научных заслуг у них отнюдь не меньше, если не больше, чем у остальной когорты классиков. Незвестность широкой публике за пределами профессиональной науки может быть вызвана многими причинами, большая часть из которых носит либо случайный, либо идеолого-политизированный характер, либо, особенно в настоящее время, объяснимо особенностями функционирования масс-культуры. В конце концов, дейст-

Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008. С. 455–499; Вып. 5. Омск, 2009. С. 316–353; Вып. 6. Омск, 2009. С. 411–426; *Ее же*. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011. 192 с. и др.

вительно нет пророка в своем отечестве, а пантеон героев науки и масс-культуры, как правило, не совпадает. Именно к таким историкам и относится Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Появление и закрепление его имени в широком социокультурном пространстве связано с процессами региональной и национальной самоидентификации в современной Украине, что естественным образом провоцирует и специфический украинский историографический нарратив, и соответствующие поиски и «присвоение» новых интеллектуальных героев. И так, мемориальная доска есть в Гуляйполе, естественно на украинской мове, и маститые университетские историки объясняют школьникам, одетым в национальные костюмы, и взрослым сельчанам, включая местную администрацию, священнослужителей, представителей различных партий, кто есть А.С. Лаппо-Данилевский, каков его вклад в науку, а его предков – в обустройство их малой родины. Подобные процессы, как известно, достаточно противоречивы, сопровождаются не только интенсивным конструированием исторической памяти и пробуждением чувства гордости великими предками, но и редукцией и мифологизацией... Но это уже о другом. А вот в Санкт-Петербурге установить мемориальную доску пока не удалось, утрачена и могила историка на Смоленском кладбище...

Следующая особенность данного этапа пульсирования памяти об историке носит сугубо академический характер и связана со спецификой познавательной ситуации в отечественной да и в мировой гуманитаристике. Содержательно плодотворная, хотя теоретически не бесспорная попытка А.С. Лаппо-Данилевского соединить идеографическое знание и строгую научную системность актуальна и интересна для современной науки. В конце XX века, по мнению авторитетных методологов, формируется неоклассическая модель исторического исследования, представляющая тип познавательной деятельности, направленный «на преодоление односторонностей рассудочно-социологических и экзистенциально-антропологических научно-исследовательских практик в исторической науке»². Идеи методологического синтеза, альтернативно-

² *Лубский А.В.* Историческая наука в современной России: интеллектуальная ситуация «Findesiècle» // *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева*: сб. ст.: в 2 т. М., 2013. Т. I. С. 162.

сти и дополнительности методологических принципов (в зависимости от специфики предметной области и задач исследований) все более утверждаются в гуманитаристике, хотя и вызывают огромные трудности при экспликации их в исследовательскую практику, ведь речь идет не только и не столько о гипотетическом единстве объективных и субъективных параметров бытия, сколько о «способе их взаимодействия»³. В таком когнитивном контексте Лаппо-Данилевский безусловно попадает в зону возрастающего научного интереса отечественных историков и историографов. Парадоксально-закономерно, что новая модель историописания эксплицируется и на творчество самого Лаппо-Данилевского. При сохранении внимания к интерпретации исторического источника и методике работы с ним, к теоретико-методологическим (в особенности!) аспектам творчества историка⁴, на современном этапе более заметной становится тенденция к целостному рассмотрению его творчества в единстве личностного, научного и социокультурного (феномена А.С. Лаппо-Данилевского). В подтверждение этого тезиса выделим новую проблематику, связанную, во-первых, с историей семьи А.С. Лаппо-Данилевского⁵, во-вторых, с его научной школой, в-третьих, с его ролью в становлении новых дисциплинарных полей в отечественной гуманитаристике и, в-четвертых, с процессом классикализации его имени и текстов.

Исследование семейного микрокосма ученого позволяет «полноправно-корректно» проникнуть в его жизненный мир, показать «развертывание спиралей» интеллектуальных / научных / житейских ситуаций, которые собственно и составляют его. Семейный микросоциум Лаппо-Данилевских уникален и интересен по составу участников, наличествующего и стремительно нарас-

³ Лубский А.В. Указ. соч. С. 163.

⁴ Абсолютным рекордсменом по количеству цитирований в отечественной науке является «Методология истории». См. об этом: Ростовцев Е.А., Потехина И.П. А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 24.

⁵ Корзун В.П., Колеватов Д.М. Профессорская семья: стиль жизни, ролевые функции в поле научной повседневности // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. II. М., 2010. С. 226–247; Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские; Лаппо-Данилевский К.Ю. Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 83–101.

тавшего культурного капитала, содержательности взаимосвязей традиционной дворянской культуры и новой культуры модерна (интеллектуальной, профессорской). Именно на семейном поле Лаппо-Данилевских происходит циркуляция интеллектуальной культуры, выявляются межпредметно-личностные, интеллектуально-поколенческие связи. Особо содержательно интересным в этом плане представляется интеллектуальное и житейско-нравственное взаимодействие двух выдающихся ученых – А.С. Лаппо-Данилевского и его сына – известного математика И.А. Лаппо-Данилевского. Именно благодаря обращению к семейным архивам мы можем представить себе отношение к окружающему миру и собственному творчеству отца и сына, рассмотреть сочетание типичного, повседневно-традиционного и новаторского, уникально-содержательного («попытка обретения новой реальности») в их жизни и научной судьбе.

Что касается второй новации, связанной со схолярной проблематикой, то здесь тоже обозначился принципиально иной ракурс исследования. Если в предшествующей историографической традиции речь шла по преимуществу о составе школы ученого и ее общей характеристике в противопоставлении со школой С.Ф. Платонова, то сейчас наметился интерес к творчеству учеников А.С. Лаппо-Данилевского и поставлена проблема рецепции идей учителя в исследовательских текстах его учеников, что предполагает сравнительное изучение этих текстов и научных почерков целого круга историков так называемого «второго плана». Одни исследователи направленность подобной рецепции видят прежде всего в русле источниковедческо-археографической ориентации, подчеркивая принципиальную методологическую позицию – изучать источник (акт) как историческое явление⁶. Другие (оговоримся, что другие представлены одним автором – С.С. Илизаровым), расширяя круг учеников А.С. Лаппо-Данилевского, фокусируют свое внимание на рецепции философских и историко-научных идей историка, на выучке мыслительным процедурам,

⁶ *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 46–49; *Комочев Н.А.* Методика дипломатического анализа в трудах школы А.С. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 16–19.

на необходимости «производить различия между разнородными понятиями», на интересе к генеалогии идей. Речь идет о фигуре Т.И. Райнова – историка науки, науковеда, философа, экономиста, социолога, востоковеда, библиотекаря, библиографа, – талантливейшего воспитанника школы Лаппо-Данилевского, «ставшего в первой половине XX века крупнейшим историком науки»⁷. Вырисовывается новое проблемное поле – «многоэтажность школы» и степень фрагментированности внутри данного сообщества, связанная не столько с различными ролевыми функциями его участников, сколько с различной дисциплинарной направленностью. Это последнее из указанных обстоятельств позволяет более явственно осознать роль А.С. Лаппо-Данилевского в формировании новых направлений в отечественной гуманитаристике, в частности, на примере Т.И. Райнова, в становлении и развитии отечественного науковедения и интеллектуальной истории.

Таким образом, новое прочтение схолярной проблематики актуализирует интерес к становлению новых областей гуманитарного знания, в конструировании которых участвовал А.С. Лаппо-Данилевский – это третья отмеченная нами новация в академической коммеморации историка. К науковедению и интеллектуальной истории⁸ добавим еще и социологию. Конечно же, о занятиях Лаппо-Данилевского социологией писали и раньше, современный этап отличается документальной фундированностью и совмещением институционального и концептуально-содержательного подходов в освещении данной сферы деятельности историка. Лаппо-Данилевский предстает и как организатор социологической науки в России, выстраивавший ее формальные и неформальные институции, соответствующее коммуникативное поле, и как исследователь, формирующий социологическую проблематику, и как педагог, разрабатывающий планы систематических курсов по социологии⁹.

⁷ Илизаров С.С. Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 53.

⁸ Об этом подробнее см. статью, помещенную в данном сборнике: Корзун В.П. А.С. Лаппо-Данилевский: к вопросу о генезисе интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 17–40.

⁹ «Без просвещения свобода не имеет большой цены и крепости». Статья А.С. Лаппо-Данилевского о необходимости создания Института социальных наук. Июль 1918 г. / публ. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2013. № 2. С. 4–13; Дол-

Четвертая из отмеченных нами характеристик современного этапа академической коммеморации касается особенностей классикализации А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной научной традиции. Так или иначе, данная проблема звучит во всех историографических обзорах, посвященных великому историку, но в качестве самостоятельной и с оригинальным, хотя и не бесспорным подходом, она была обозначена в статье Е.А. Ростовцева и И.П. Потехиной¹⁰. Авторы попытались осмыслить механизмы обретения статуса классика в историографии на примере А.С. Лаппо-Данилевского. На основании данных систем индексирования публикаций и цитирований РИНЦ, WoS и Scopus представлена картина востребованности трудов историка в широкой хронологической перспективе, в сравнении с ведущими российскими историками, принадлежащими к той же генерации, что и А.С. Лаппо-Данилевский. Наукометрическую точность приобретает и сделанный ранее вывод о невостребованности методологических поисков А.С. Лаппо-Данилевского в западной историографической традиции¹¹. Если в отечественной историографии наиболее востребованной является «Методология истории», то для западной научной традиции этот труд по-прежнему остается малоизвестным¹². Данная констатация провоцирует постановку проблемы специфики исторической рефлексии в отечественной и западной научной традиции, ее социокультурной обусловленности. Проблема, что называется, витает в воздухе, она актуализируется в различных проблемных полях и ждет своего комплексного исследования.

гова Е.А. Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 67–70; Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 8–16; Его же. А.С. Лаппо-Данилевский – организатор социологической науки в России // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 102–104 и др.

¹⁰ Ростовцев Е.А., Потехина И.П. А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 23–28.

¹¹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 298.

¹² Ростовцев Е.А., Потехина И.П. Указ. соч. С. 25.

В целом, данный этап коммеморации, на наш взгляд, содержательно важен в плане перехода от восприятия Лаппо-Данилевского как ритуальной и несколько загадочной фигуры групповой самоидентификации сообщества отечественных историков к попыткам системного, полномасштабного выявления эвристического ресурса его трудов¹³. В такой трансформации образа значимую роль сыграли публикации работ историка. Речь идет, прежде всего, об академическом (в культурном плане) издании «Методологии истории»¹⁴ и неоконченного главного труда жизни А.С. Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики»¹⁵.

Коммеморативный раздел нашего «Мира» представлен статьей В.П. Корзун, в которой автор рассматривает начальный этап становления интеллектуальной истории в России и связывает его с трудами и организационной деятельностью А.С. Лаппо-Данилевского. Мы нарушили сложившуюся рубрикацию сборника и документы, связанные с именем историка, поместили в этот раздел. Замыкает его интервью с доктором филологических наук, сотрудником ИРЛИ РАН, правнучатым племянником великого историка Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским, который известен как историк литературы, к тому же написавший очерки (именно так мы определяем жанр его обширной публикации¹⁶) по истории знаменитой семьи. Интервью дает нам возможность представить место семейного предания в сохранении / творении памяти о А.С. Лаппо-Данилевском.

Еще одна дата, которую мы попытались осмыслить на страницах представляемого сборника – это юбилей университетского устава 1863 г. Этот сюжет принципиален для концепции «Мира историка». В двух предшествующих выпусках (Вып. 6, 7) нами была обозначена проблема влияния различных факторов на про-

¹³ В данном случае мы прибегли к использованию терминологии, предложенной И.М. Савельевой. См.: *Савельева И.М.* Классики в исторической науке. «Свои» и «Чужие» // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 515.

¹⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М., 2010.

¹⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln; Weimar; Wien, 2005.

¹⁶ *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Указ. соч.

цесс становления и трансформации диссертационной культуры в российской истории науки, исследователи обратили внимание на корреляцию университетской автономии и практик нормативов, предъявляемых к диссертации. Коммуникативное поле науки находится в очень сложных взаимоотношениях с внешними формальными рамками, задаваемыми как властью, так и собственно научным сообществом. Эти процессы и пытались отследить авторы нашего второго раздела. Так, С.И. Посохов исследует университетский устав в контексте социально-политических реформ 1860-х гг. и обращает внимание на интеллектуальную рецепцию современников модернизации университетского пространства, И.Г. Воробьева исследует процессы влияния уставов на формирование славяноведения, В.Р. Блиев – на процессы в отечественной церковно-исторической науке, а Н.В. Гришина, М.А. Мамонтова и Е.Ю. Соганова – на сложные трансформации традиций научной деятельности и защиты диссертаций, в частности, в советский период в рамках новой социокультурной и политической среды XX в. Отметим, что по мере формирования институциональных механизмов науки и образования начинает просматриваться процесс, который может быть определен известной формулой – «от предписания к расписанию».

Третий раздел «Мира историка» посвящен проблеме восприятия других национальных историографий и других национальных сообществ историков, взгляду со стороны на иные культурные и историографические площадки. Авторы подтверждают тезис современных методологов о том, что рефлексия об историографии «может быть успешно осуществлена только тогда, когда она трактуется как отрасль культуры»¹⁷. Представленные в сборнике статьи позволяют составить представление об особенностях дискурсивных и методологических практик американско-канадских научных гуманитарных школ, европейских культурных научных традиций, а также вариаций становления школ и направлений в российско-советской и украинско-советской историографиях. На наш взгляд, это позволяет сегодня в той или иной степени продолжить дискуссии о влиянии ментальных и техногенных начал на

¹⁷ *Вжосек В.* Культура и историческая истина / пер. с пол. К.Ю. Ерусалимского. М., 2012. С. 17.

облик ученого в эпоху модерна и постмодерна (статьи А.В. Голубева, Н.В. Будзанивской, А.А. Кузнецова, Д.В. Шаталова, З.А. Чеканцевой).

В очередной раз не остались без внимания и отдельные персоналии российской историографии с пристальным вниманием к межличностным коммуникациям и формам академической памяти (М.П. Погодин и М.Т. Каченовский, В.И. Вернадский, В.В. Данилов, В.П. Бузескул).

Традиционным для «Мира историка» является раздел, где авторы публикуют источники по историографии, расширяющие наши представления о творчестве историка. В этом плане весьма информативными являются документы о Г.П. Федотове. По существу, речь идет об устойчивом документальном цикле, сформированном несколькими выпусками нашего «Мира историка» о жизни и деятельности выдающегося ученого. Автором этого цикла является известный историограф, член нашей редколлегии профессор А.В. Антощенко. Безусловный интерес представляет переписка отечественных медиевистов с О.Л. Вайнштейном (публикация и комментарий профессора А.В. Свешникова и аспиранта А.И. Клюева). Впервые в качестве историографического источника мы публикуем отзывы современных ученых на кандидатские и докторские диссертации. Этот источник в историографической практике используется эпизодически, его когнитивные возможности еще не получили должного освещения. Представляется, что этот источник дает нам не только информацию о сложившихся на данный момент нормах, критериях и правилах экспертной оценки научного труда, о состоянии научной проблематики, но и об индивидуальном авторском стиле историографического письма, и, что особенно важно, этот источник дает нам возможность проследить генезис новых идей и почувствовать интеллектуальную энергию поля защиты диссертации. Оппонент, как правило, высказывает новые идеи, часто расшатывая сложившиеся шаблоны и стереотипы, выступает более смело в силу того, что не сложилась практика печатания этих отзывов. Некоторые из высказанных замечаний и мыслей обретут печатную, текстуальную жизнь много позже. Эти обстоятельства, с нашей точки зрения, подчеркивают значимость данного источника. Мы публикуем отзывы ве-

дущих современных историографов – профессора Н.Н. Алеврас, профессора Г.П. Мягкова.

И наконец, данью нашей благодарной памяти является публикация последнего интервью, данного В.Г. Рыженко выдающимся отечественным историографом, источниковедом, краеведом и культурологом С.О. Шмидтом, в котором он рассуждает о многих источниковедческих, методологических, этических проблемах современной исторической науки. В результате, помимо нашего желания, от А.С. Лаппо-Данилевского в начале – до С.О Шмидта в конце сборника, словно существует невидимая вольтовая дуга вечных ценностей научного служения и знания, которой освещается вся сопутствующая историографическая проблематика. Мы надеемся, что читатель ощутит этот накал.

В.П. Корзун, С.П. Бычков

**А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ
И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ**

В.П. Корзун

**А.С. Лаппо-Данилевский:
к вопросу о генезисе интеллектуальной истории***

Предпринята попытка показать поиск А.С. Лаппо-Данилевским образа интеллектуальной истории в рамках нарастающего интереса к культурной истории в мировой и отечественной историографии.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, культурная история, история интеллектуальной жизни, культура разума, история умственного развития человечества, история идеи, рецепция, национальная наука, национальное сознание, одновременность научных открытий.

V.P. Korzun

**A.S. Lappo-Danilevsky
and genesis of intellectual history in Russia**

The paper attempts to show search A.S. Lappo-Danilevsky image intellectual history within the growing interest in the cultural history of the world and national historiography.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, cultural history, history of intellectual life, the culture of the mind, the history of mankind's intellectual development, the history of ideas, reception, national science, national consciousness, the simultaneity of scientific discoveries.

Интеллектуальная история как дисциплина имеет сложную судьбу, сопровождающуюся разрывами и продолжением определенных научных традиций. «Продолжением», так как «история идей» изначально вплетена в историческое развитие научного со-

© В.П. Корзун, 2014

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13 0100115.

общества, является частью процесса конструирования самости и обретения осознанного прошлого его акторами, способом их профессиональной самоидентификации. Разрывом, так как на определенном этапе происходит своего рода феноменологическая редукция, интеллектуальная история опредмечивается, выделяясь из общего культурно-исторического контекста.

Таким образом, уже по определению, становление интеллектуальной истории представляет собой процесс изменчивый, дискретный и сложный. Яркую и образную характеристику этого процесса дает С.А. Экштут: «Образно интеллектуальная история легко представима в виде некоторого пространства, границы которого непрерывно меняются во времени: они постоянно пульсируют, расширяясь и сжимаясь»¹.

В настоящее время складывается историографическая традиция, согласно которой интеллектуальная история функционирует в научном пространстве в довольно тесной связи с такими направлениями исследовательской деятельности, как культурная и политическая история, соучаствующими в процессе содержательной, когнитивно-пространственной циркуляции. Известный французский историк, один из зачинателей новой культурной истории, профессор Ж.-Ф. Сиринелли указывает, что «двадцать лет тому назад именно интеллектуальная история стала матрицей истории культурной»². Он подчеркивает неразрывную связь культурной и интеллектуальной истории и на современном этапе, в изменяющихся когнитивно-содержательных координатах. Последняя, согласно его представлениям, безусловно охватывается культурной историей и занимается по преимуществу «выяснением циркуляции смысловых конструкций какого-либо данного общества»³. Он констатирует также несомненную связь между политической и культурной историей – «благодаря подходам культурной истории политическая история до такой степени глубоко обновилась,

¹ Экштут С.А. Пространство интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. М., 2011. С. 20.

² Цит. по: Канинская Г.Н. Историк об историческом знании и о себе. Интервью с директором Центра истории института политических наук Парижа профессором Ж.-Ф. Сиринелли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 30. М., 2010. С. 297.

³ Там же.

что можно уже говорить о культурной истории политики»⁴. Как видим, по Сиринелли, «культурная история выступает и как область знания и как способ видения – взлет ее в последние двадцать лет вдвойне обогатил французскую историографию»⁵.

Данная историографическая ситуация ставит проблему генезиса интеллектуальной истории, ее «пульсирования» в различных историографических контекстах. Интеллектуальная практика, выступающая вначале как личностное предпочтение, исследовательский прием – «историографическая находка», персонифицированная и вплетенная в конкретную историографическую ситуацию, в процессе историографического развития в определенной степени деперсонифицируется, приобретает надситуативный характер. Но этот путь надо было пройти, и творческие поиски А.С. Лаппо-Данилевского являются на нем содержательно важной вехой.

В предлагаемой статье предпринимается попытка показать движение к дисциплинарному суверенитету интеллектуальной истории. В отечественной традиции это движение связано с фигурами А.С. Лаппо-Данилевского и В.И. Вернадского. Историко-научные взгляды последнего достаточно интенсивно изучаются в современной историографии, чего нельзя сказать о А.С. Лаппо-Данилевском. В силу этого обстоятельства в центре нашего внимания оказываются представления А.С. Лаппо-Данилевского об «истории идей», «истории разума», «истории интеллектуальной жизни», «истории умственного развития человечества». Завораживающе соблазнительной представляется попытка не ограничиваться упрощенно-любовным рассмотрением Лаппо-Данилевского как «великого предтечи», «зачинателя и основателя – уже Лаппо-Данилевский знал, умел, понимал и т. д.», а попытаться представить особенности интеллектуального реагирования его на социальную и научную контекстуальность эпохи, на место истории культуры / культурной истории в этом процессе.

Включение в общекультурный контекст, ценностное возвышение исторического факта через придание ему дополнительного статуса факта культурного, построение целостных картин культурного развития характеризуют интеллектуальную и научную

⁴ Канинская Г.Н. Указ. соч. С. 296.

⁵ Там же. С. 296–297.

атмосферу, интенциональную когнитивность, «идейный узор» эпохи конца XIX – начала XX в. Попытки такого рода неизбежно требовали определить отношение к уже наличествующей интеллектуальной традиции, к господствующим тогда позитивистским нормативам научной объективности, к грандиозной попытке деконструкции интеллектуальной истории, предпринятой О. Конттом. Как известно, он исторически разъединил в своей концепции теологию, метафизику и науку и развел их по разным эпохам. В процессе расчленения интеллектуальной истории О. Конт «осуществил переформатирование того материала по истории западной духовной культуры, который имелся в его распоряжении»⁶.

Как нам представляется, Лаппо-Данилевский последовательно конструировал во многом альтернативную контовской концепцию интеллектуальной истории (не употребляя самого этого термина), включающую на равных правах религиозные и светские принципы знания⁷. Еще задолго до знаковой статьи историка в сборнике «Проблемы идеализма», где он четко проговаривает свое несогласие с «грубым реализмом доктрины О. Конта», утверждающей тождественность социальных и естественных законов, мы можем констатировать намечающийся методологический дрейф в сторону от классического позитивизма. Уже применительно к 1890-м гг. Лаппо-Данилевскому становится тесно в рамках позитивистского научного дискурса, работая над магистерской диссертацией, он одновременно задумывает труд по истории русской культуры. Этот замысел (как и намечавшаяся оппозиция позитивизму Конта) диктуется и логикой личностного развития молодого ученого, его стремлением «услышать биение мирового сердца, подняться над житейской повседневностью до уровня мирового музыкального синтеза, гармонической целостности». В то же время его творческая интенциональность объясняется и логикой его науч-

⁶ Бачинин В.А. Социология интеллектуальной истории. Конструкция и деконструкция Огюста Конта // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 30. М., 2010. С. 277.

⁷ См. об этом: Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000. С. 146; Сорокина М.Ю. Об историке и его книге: предисловие от составителя // Lappo-Danilevskij A.S. Politische ideen im Russland de 18. Zusammenhang mit der allgemeinen Entmoigeschichte: Politik. Köln; Weimar; Wien, 2005. S. XVIII.

ного развития, умением сочетать в одном лице «археолога факта» и теоретика-методолога⁸. Именно в это время (в 1890-е гг.) вырисовываются контуры нового проекта, который все явственней просматривается через фазы освоения новой проблематики. Это освоение не носило случайный характер, оно вытекало из программной установки историка на целостное знание. «Если Moira предопределила мне долгую жизнь, – пишет он своему другу В.И. Вернадскому, – то я думаю разделить ее на три периода: первый посвящаю специальности, второй – кругу знаний, однородных с моею специальностью (наукам общественным), третий – знанию вообще. Этим дележом я не рассекаю своей умственной жизни на три бессвязные части, а рассматриваю как союз трех знаний, который с статической точки зрения представляю себе в виде трех concentрических кругов, а с динамической – в виде взаимодействия трех обратно пропорциональных прогрессий»⁹. Подобная установка просматривается уже в магистерской диссертации Лаппо-Данилевского, он не укладывается в формальную схему государственников (позитивистские подходы и методы пока оставим в стороне), его увлекает идея государства как определенный «культурный тип» и нельзя не заметить нарастающего интереса к взаимоотношениям личности и государства, к соотношению ценностных установок эпохи и уровня их реализации.

В литературе эта сторона поиска Лаппо-Данилевского освещена достаточно полно. Авторы обращают внимание на разработку историком лекционных курсов с четко выраженной «культурной» ориентацией. Как отмечают М.Ю. Сорокина и Л.А. Черная, «душа его лежала к историко-культурной тематике... Так, в 1892 году Лаппо-Данилевский прочел публичную лекцию в Петербургском университете на тему “христианство в древнерусской культуре” (отметим также прочитанную в этот период лекцию “Важнейшие иноземные факторы развития древнерусской культуры” – явно выраженный интерес к вопросам взаимодействия культур. – В.К.), в 1890-ых годах – цикл лекций “Первобытная культура”, в те же годы им собраны выписки из документов и ли-

⁸ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 5.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 923. Л. 19.

тературы по темам “О культуре и образовании в России в XVIII–XIX веках”, “Об истории религии и русской церкви в XVII–XIX веках”, “О развитии русского правосознания во второй половине XVIII века”, “Об истории развития русской и европейской науки”, “Об истории права” и др. Но особенно ценным в связи с вышеизложенным представляются планы и заметки для лекций и монографий, посвященных возникновению русского общества и духовным факторам, повлиявшим на его развитие»¹⁰.

К этому же времени относится замысел «открыть... специальный курс историографии», в котором Лаппо-Данилевский намеривался излагать важнейшие научные точки зрения... в связи с общественными настроениями»¹¹. Эти раздумья найдут свое воплощение и даже видоизменения в более поздних лекционных курсах по историографии. В конечном итоге он поставит новую задачу – рассмотреть историографию в связи с общим ходом развития нашей культуры, она должна быть не вводной дисциплиной в науку истории, «а особенным отделом истории культуры»¹², «которая выразилась в научной обработке сознания прошлого»¹³. Но это будет позже. А в 1891 г. историк в письме к М.Я. Дьяконову сообщает о своих намерениях «открыть курс по методологии общественных наук, или что-нибудь в этом роде»¹⁴. В круг чтения этого периода входит не только и не столько специальная историческая литература, но и философская, в том числе и неокантианские труды. Так, в письме к своему душевно и духовно близкому корреспонденту Марии Сергеевне Гревс в январе 1891 г., А.С. упоминает Пауля Герхарда Наторпа, немецкого философа-идеалиста, представителя Марбургской школы неокантианства¹⁵. Именно для этой школы характерно стремление раскрыть единство различных форм культуры и глубокий интерес к логическим основаниям науки¹⁶.

¹⁰ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Указ. соч. С. 5.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 14.

¹² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 242. Л. 9.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 94 об.

¹⁴ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 257. Л. 34.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 29.

¹⁶ Указанные проблемы станут центральными и для А.С. Лаппо-Данилевского. Однако его интерес к Марбургской школе неокантианства не осмыслен в современной историографии.

В начале 1900-х гг. Лаппо-Данилевский по заданию Отделения истории древностей Российских разыскивал в Кенигсбергском и Неаполитанском архивах неопубликованные сочинения «латинумудрствующих» и «приверженцев эллино-греческого учения», а также свидетельства посещения этих архивов в XVIII в. русскими дипломатами и учеными¹⁷. В это же время он задумывается и над проблемами экстенсивности культурных заимствований, обращается к проблемам лингвистики, прорабатывает лекции А.И. Соболевского, посвященные иностранным заимствованным словам в древнерусской культуре, и размышляет над монографией А. Дармстедтера «Жизнь слов». Экстенсивность заимствования понимается им на данном этапе как количественный процесс. Такой подход корреспондируется с попытками французского социолога Г. Гарда найти квантифицированные показания процесса подражания.

Указанная проблематика не что иное, как поиски глубинных смыслов, системных связей, формирующих поле отечественной интеллектуальной истории. В этом плане показательна трансформация замысла докторской диссертации А.С. Лаппо-Данилевского. Первоначально задумывался труд «Лицо, общество и государство в России XVIII века», но в процессе работы менялись исследовательские акценты и в конечном итоге подготовленная автором к печати рукопись имела другое название: «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики».

Фокусом его пристального внимания становится история культуры. Отметим, что в этом плане Лаппо-Данилевский вписывается в научный мэйнстрим конца XIX – начала XX в. Напомним о работах по истории отечественной культуры В.О. Ключевского, П.Н. Милокова, Г.В. Плеханова, его коллеги и друга М.Я. Дьяконова и др.

Стоит учитывать и такой принципиальный фактор, как изменение парадигмы историописания. Именно в это время на повестку дня выдвигается актуальный как в мировой, так и в отечественной историографии проект «культурной истории», персонифицированный в лице Л.С. Мухоморова.

¹⁷ Демина Л.И., Мохначева М.П. Итальянские архивы на службе российской исторической науки // Труды Историко-архивного института. Т. 33. М., 1996. С. 224–234.

фицированный Лампрехтом в Германии и Милюковым в России¹⁸. Милюков понимал культурную историю в самом широком смысле как и «экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и религиозную, и эстетическую», акцентируя параллельность материальных и духовных процессов, в его поле зрения попадает прежде всего институциональная сторона истории культуры. Историко-культурный процесс рассматривался им как рецепционный, «во главу угла развития русской культуры ставится борьба различных “влияний”: восточного и западного»¹⁹. Подчеркнем, что речь шла все же не о простом заимствовании идей, а о диалоге культур, который проходит через несколько стадий / фаз.

«В центре концепции русской культуры А.С. Лаппо-Данилевского оказывается оценка влияния европейской средневековой и ренессансной мысли на русское общественное сознание в области морали, политики и права, а также борьба “восточников” и “западников” в кругах русских книжников и религиозных мыслителей. Западное влияние на русскую культуру XVII в., которое шло преимущественно по религиозным каналам, для Лаппо-Данилевского было несомненным. При этом он был склонен преувеличивать его роль»²⁰. Эта приведенная нами цитата современного автора весьма показательна и отражает конвенционное единство исследователей творчества Лаппо-Данилевского, которые, безусловно, не только расширяют предметное поле исследования рецепции идей, но принципиально акцентируют, в отличие от Лаппо-Данилевского, своеобразие и уникальность «русской национальной религиозности и связанного с ней комплекса морально-этических представлений, зафиксированного в книжности традиционной», ссылаясь на работы современников историка Н. Тихонова и В.О. Ключевского²¹.

¹⁸ Бон Т.М. История культуры в Германии и России в трудах К. Лампрехта и П. Милюкова: сравнительный анализ // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 233.

¹⁹ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Указ. соч. С. 6.

²⁰ Сукина Л.Б. Концепция истории русской культуры XVII века А.С. Лаппо-Данилевского и ее место и роль в современных гуманитарных исследованиях. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/sukina_ld/16-1-0-141 (дата обращения: 20.08.2013).

²¹ Там же.

Незамеченным при этом остался принципиально новый поворот в размышлениях Лаппо-Данилевского – история культуры как выход на историю науки, способ видения, понимания процесса производства знания. В предметном поле исследования культуры Лаппо-Данилевским выделяется такая деляна, как история духовного развития страны, «культура разума», интеллектуальные практики рецепции идей и национальное поле их производства, его интересует сознание человека другой эпохи, говоря современными метафорами – «мыслительные фигуры исторического сознания». Подобное «исследовательское опредмечивание» объясняется как особенностями индивидуализирующей методологии Лаппо-Данилевского (история культуры как коллективная индивидуальность), так и его несомненной чуткостью к методологическим веяниям эпохи, когда явственно обозначилась тенденция к предметной четкости исследовательских практик, выделению различных предметных полей исследования. Напомним, что само противопоставление объекта предмету в теоретическом плане формулируется в начале XX в.

Обозначенный проблемный блок отражает интерес историка к каналам циркуляции интеллектуальной культуры, процессу обучения мыслительным процедурам. Отыскать «научное в культурном» – к этой задаче его подталкивала позитивистская традиция «высокой научности». Именно в ее рамках усиливается и оформляется интерес к истории науки как интеллектуальной истории, хотя последняя, по Лаппо-Данилевскому, стала привлекать внимание философов и ученых с конца XVII – начала XIX в. В 1890–1900-е гг. начинает формироваться науковедческая традиция в европейской историографии, и А.С. Лаппо-Данилевский чутко реагирует на эту новацию и сам принимает участие в ее творении. Историко-научная проблематика все более захватывает историка, она подпитывается, безусловно, его собственным опытом изучения культуры, опытом преподавания историографии, научно-организационной работой в Академии наук, связанной в том числе с коммеморативными практиками, интеллектуальными коммуникациями с В.И. Вернадским, серьезно увлекающимся историей науки и, конечно же, неокантианством.

Свидетельством такого поворота в проблемном поле является курс лекций, прочитанный им в 1906 г. для учителей гимна-

зии, под названием «Размышления об истории наук, ее задачах, методах построения и педагогическом значении». Особую роль в процессе становления интереса к истории науки Лаппо-Данилевский справедливо отводит О. Конту, который, по его словам, «с особой настойчивостью указывал на ее значение и с тех пор интерес к истории науки не только не ослабел, но заметно усилился»²². В общем развитии европейской историко-научной мысли, «истории умственного прогресса» последнего столетия историк выделяет два направления: философское и историческое. К первому он относит О. Конта, В. Уэвелла, И. Мерца, ко второму – П. Таннери, В. Вундта, Ф. Мэнтра. Отмечается им и эволюция философского направления в науковедческой мысли, выделяется построение общей истории науки с позитивной и идеалистической точек зрения. Под последней понимается неокантианство. Особо подчеркивается значимость концепции Ф. Даннеманна, который отчетливо зафиксировал связь между общей историей культуры и наукой, что нашло отражение в его периодизации истории науки²³. Такой подход, как мы могли убедиться, был созвучен и самому Лаппо-Данилевскому.

В своей «Методологии истории» Лаппо-Данилевский представил обширный историографический обзор по проблеме генезиса истории культуры как особого направления историко-философской и исторической мысли. Обширная библиография и знаковые имена в истории культуры (Друменн, Кольб, Риль, Гизо, Бокль, Липерт, Бургхардт и др.), размышления автора по поводу когнитивной ценности интеллектуальных феноменов – авторов и их трудов – позволяет не только реконструировать концептуальные построения А.С., но и представить процесс их создания, конструирования. Мы получаем возможность увидеть, как реально проявляется научный максимализм историка, как «работает» его нацеленность на предельно-методологическую строгость.

Фиксируя появление и закрепление позитивистской, атомистическо-кумулятивной традиции в историко-культурном направлении, воспринимая ее с «легкой иронией»²⁴, Лаппо-Данилевский

²² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 6.

²³ Там же. Л. 23.

²⁴ Выражение Л.А. Черной и М.Ю. Сорокиной.

сталкивается с нелегкой задачей определиться по отношению к ней. С одной стороны, он неизбежно должен выступать в роли продолжателя традиции, предлагать собственный вариант позитивистского нарратива, логически-схематического рассмотрения истории отечественной культуры, выделения из нее и конституирования собственно научной составляющей. Это тем более неизбежно, что позитивистские схемы вполне работают в плане выявления и организации фактологического материала. И в то же время пребывание в мире позитивистских практик демонстрирует ему вновь и вновь реальные слабости позитивистского исследовательского синтеза, понимаемого «как сумма эмпирических данных, систематизируемых историком» (достаточно наглядно, на наш взгляд, свидетельствуют об этом его рецензии на выдержанные в духе позитивистского нарратива работы его коллег-историков, которых он упрекает в невыдержанности исторической точки зрения, неумении «дать изображение живой человеческой личности в ее отношениях к данной социальной среде» и т. д.²⁵).

Преодоление позитивистской «научной недостаточности» предполагается Лаппо-Данилевским на путях неокантианства, в рамках которого наука рассматривается как часть мирового целого, на первый план выходит проблема социокультурных оснований единства научного творчества, роли и места в этом единстве человека науки – творца, создателя интеллектуального продукта. Он ставит перед собой, как видим, близкую современной науке задачу антропологизации и контекстуализации (исторической и культурной) интеллектуальной истории. Переключка с современностью (именно переключка, так как о полной тождественности говорить не приходится) объясняется, на наш взгляд, методологическими установками самого Лаппо-Данилевского – попытаться рассмотреть в едином предметном поле «ход политики», развитие политической культуры и национального самосознания России, отталкиваясь от источников – «объективированных продуктов человеческой психики», воссоздать «чужую одушевленность». Сложность поставленной задачи «объемного исторического синтеза», недос-

²⁵ См. об этом подробно: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 181–192; *Корзун В.П.* Указ. соч. С. 43–46.

таточная изученность в «конкретной наполненности» каждого из ее составляющих сегментов, невыработанность исследовательских подходов дают, на наш взгляд, несколько парадоксальный результат – сближение текстов Лаппо-Данилевского с современным историографическим письмом не только тематически, но и типологически, по самому типу, характеру историописания, построению нарратива – работа (речь идет об «Истории русской общественной мысли и культуры...») в значительной мере основывается на гипотетических вариантах решения рассматриваемой проблемы, что порождало и соответствующий лексикон: «возможно, вероятно, может быть».

В масштабах исследования Лаппо-Данилевского особо остро вставала проблема адекватного постижения «чужой одушевленности», осуществление грандиозного историографического, культурологического, науковедческого синтеза на основе идеографического знания, принципов «строгой науки». Пытаясь руководствоваться этим принципом, историк в то же время понимал ограниченность области его применения. Согласимся с наблюдением современного методолога М.Ф. Румянцевой, что принцип «признания чужой одушевленности» принимался им в регулятивно-телеологическом значении, т. е. «в качестве научной гипотезы, нужной для объяснения некоторой части действительности». По убеждению Лаппо-Данилевского, «признание чужой одушевленности» необходимо «...психологу, социологу или историку для того, чтобы объединять свое знание о наблюдаемых им чужих поступках и деятельности». В историческом исследовании на основе этого принципа историк «конструирует... перемены в чужой психике, в сущности, недоступные эмпирическому... наблюдению»²⁶.

Современные историографы обратили внимание на несомненное присутствие дискурса интеллектуальной истории в «труде жизни» Лаппо-Данилевского – «Истории политических идей в России в XVIII веке...»²⁷. Попытаемся, опираясь на текст работы,

²⁶ Румянцева М.Ф. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в контексте русской версии неокантианства. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/gumianceva_id/16-1-0-137 (дата обращения: 03.09.2013).

²⁷ Булыгина Т.А. А.С. Лаппо-Данилевский об истории идей и интеллектуальной истории. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/bulygina_id/16-1-0-145 (дата обращения: 07.07.2013).

предметно вычленил его. Становление дискурсивного поля интеллектуальной истории в «главной книге» Лаппо-Данилевского может быть прослежено в двух планах. Во-первых, в плане собственно истории идей, рецепционно-коммуникативного взаимодействия России и Европы. Во-вторых, в плане учета «взаимодействия между движением идей и теми социальными, политическими, религиозными, общекультурными контекстами, в которых эти идеи возникают, распространяются и трансформируются»²⁸. Важнейшей характеристикой идейно-рецепционного взаимодействия России и Запада для автора является проблема адекватного усвоения «учености» Запада, «экстенсивности» и «интенсивности» распространения заимствуемых идейных течений. Такой теоретический поворот стимулировал интерес как к способам получения и трансляции западных идей, так и к степени их усвоения, проникновения в существо усваиваемых доктрин. Лаппо-Данилевским выделяются конкретные произведения и личности, значимые тексты и фигуры, включенные в процесс идейной коммуникации. Стремясь к максимальному приближению к истине, исчерпывающей полноте воспроизведения работы интеллектуальной сети, автор воспроизводит «с большой обстоятельностью те положения важнейших течений европейской культуры, а также юридической и политической мысли, которые оказали влияние на развитие правосознания и законодательную политику России». Этим же личностным стремлением «взглянуть прямо на солнце, увидеть истину»²⁹ он руководствуется, реконструируя процесс идейного взаимодействия во всей его внутренней противоречивости и концептуальной сложности.

Рецепция для историка, в соответствии с точным значением этого термина, – это не только процесс усвоения определенных культурных и идейных форм, но и приспособление их к «реальным условиям русской общественной жизни». В реальных условиях этой жизни, как отмечает Лаппо-Данилевский, в складывающуюся интеллектуальную сеть «Россия – Запад» «вместо главных произведений... часто попадали произведения второстепенные»

²⁸ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 338.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

для европейской интеллектуальной традиции, «иногда малоизвестные в современной социальной литературе, и задача «отнесения к ценности», обстоятельного рассмотрения их места в истории европейского правоведения и возможного ценностного влияния на интеллектуальную жизнь России представлялась особенно важной. Как скрупулезно добросовестный исследователь Лаппо-Данилевский сознает, что «трудно... вполне определенно указать на сущность и пределы такого влияния»³⁰.

В противовес позитивистской традиции, акцентирующей линейность и поступательность движения идей, он фиксирует реальную сложность, дискретность, фрагментированную несистемность этого процесса. Историк показывает борьбу латино-польского, эллино-греческого и протестантского направлений учености на русской почве, сменяемость и вариативность процессов идейного заимствования. По существу, исследователем осознавалась проблема альтернативности развития и культуры и политического развития страны. К примеру, с одной стороны, по Лаппо-Данилевскому, протестантское влияние несло в себе наибольший реформаторский потенциал и способствовало освобождению русской мысли из под гнета схоластики, становлению новой светской образованности, знакомству с учением о естественном праве³¹. С другой стороны, наличествовали и варианты. Показательна в этом плане дневниковая запись В.О. Ключевского от 23 апреля 1909 г. После разговора с Лаппо-Данилевским о проникновении политических идей с Запада в Россию в XVII – начале XVIII в. у него сложилось впечатление – «Прощай Федор еще 10–15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама»³². Лаппо-Данилевский акцентирует внимание на зависимости процесса эволюции политических идей в России от «многих, довольно случайных посторонних влияний», на дискретность, фрагментарность этого процесса, отсутствие в нем «внутренней цельности... единства самостоятельного индивидуально-

³⁰ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII в. ... С. 22–23.

³¹ *Lappo-Danilevskij A.S. Politische ideen im Russland de 18... S. 169.*

³² Ключевский В.О. Дневники 1901–1910 гг. // Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990. С. 347.

го развития»³³. Произведения отечественной литературы XVII–XVIII вв. политико-правоведческого характера, указывает Лаппо-Данилевский, «были в большинстве случаев продуктами заимствований, иногда довольно сложных, а не результатами оригинального и непрерывного творчества собственно русской мысли... слишком мало влияли друг на друга... каждая из них зависела от одного из моментов развития западноевропейской мысли»³⁴. Мысль Лаппо-Данилевского о дискретном характере идейной эволюции получила более четкое выражение в его поздней работе «Идея государства в России». Историк отмечает: «В эпоху преобразований история этой идеи (государства. – В.К.) еще не получила характер непрерывной и прогрессивной эволюции: звенья этой цепи почти не входили друг в друга. Каждая из них скорее зависела от общего и соответствующего развития исторических идей, чем от предшествующего звена, и только очень слабо определялось следующее за ним звено»³⁵.

Лаппо-Данилевский находит возможным выделить не только общее направление заимствований, но и обозначить те познавательные ситуации, в которых это становится возможным и необходимым, и даже сделать первые попытки компаративистского анализа в этом плане России и Запада. Например, он проводит аналогию между европейской образованностью второй половины XIII века, когда происходило интенсивное усвоение схоластической традицией Аристотеля и античного наследия, и русским литературным движением XV–XVI вв., когда схоластика, включавшая «некоторые элементы классической эрудиции», стала проникать в Россию³⁶. Сравнивая эти познавательные ситуации, общим для них Лаппо-Данилевский называет также наличие ортодоксальной схоластической традиции и подавляемых ею еретических, «более рационалистических» движений³⁷. В характеристику познава-

³³ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. ... С. 21.

³⁴ Там же.

³⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства в России // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 28.

³⁶ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. ... С. 26–28.

³⁷ Там же. С. 28.

тельных ситуаций включается автором и рассмотрение познавательного инструментария эпохи, применяемых мыслительных процедур. Так, характеризуя воздействие на «умственные стремления» представителей российской образованности латино-польского схоластического направления, Лаппо-Данилевский отмечает, что «схоластика, правда, подчиняла философию религии и церковному учению... но она все же приписывала разуму ценность, хотя бы в чисто формальном его смысле, в какой он мог служить для систематизации церковного учения»³⁸. Схоластика, по Лаппо-Данилевскому, способствовала тому, что «русские люди, привыкшие жить традициями и настроениями... могли приобрести некоторую наукообразность мышления, они приучались рассуждать более точно и последовательно при помощи дефиниций, силлогизмов и аргументов»³⁹. В то же время «схоластика... была преимущественно школьной мудростью – требуя культуры разума, она естественно приводила к учреждению школ», что оказало воздействие на процесс трансляции знаний в России в целом – «светские школы, появившиеся в эпоху преобразований, стали применять тот же принцип систематического школьного обучения»⁴⁰.

Историк довольно подробно рассматривает процесс циркуляции идей в русском обществе, каналы, через которые он происходит, называет «субъектов эволюции» в сфере идей. В поле его зрения попадают культурно-образовательные центры (Киево-Могиланская и Славяно-греко-латинская академии, Московский университет, Академия наук, церковные и светские школы), литературные заимствования, представители малороссийской образованности, иностранные специалисты, россияне, контактирующие с Западом (выделяется особая роль в этом процессе Посольского приказа), конкретные государственные деятели (например, А.С. Матвеев, А. Виниус, Ф.М. Ртищев, царь Алексей Михайлович, Петр I). Такое внимание к государственным деятелям не случайно. И хотя, по Лаппо-Данилевскому, «в XVI–XVII веках... главным носителем идей нужно признать Московское государство... история

³⁸ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. ... С. 142.

³⁹ Там же. С. 144.

⁴⁰ Там же. С. 146–147.

политических идей в России вообще складывалась в зависимости от его развития»⁴¹, трудно согласиться с исследователями, полагающими, что историк недооценивал роль личностного начала, царственного выбора в определении направления культурно-интеллектуального развития⁴².

В связи с этим обратим также внимание на интересную и ценную новацию А.С. Лаппо-Данилевского. В своем труде он разрабатывает интеллектуальные биографии представителей российской образованности (С. Полоцкий, С. Медведев, Ю. Крижанич, И. Посошков и т. д.). Лаппо-Данилевский, по сути дела, представляет модель такой биографии (образование, карьера и положение в обществе, идейные и научные пристрастия и учителя, анализ текстов сочинений и выяснение их идейной основы, способы распространения своих построений и складывание коммуникативного пространства, в котором происходит циркуляция идей). Опыт построения подобных биографий позже приведет исследователя к важному выводу, сформулированному уже в науковедческом проблемном поле – «открытие новых идей происходит благодаря умственной деятельности данной личности, а она сама оказывается не только продуктом таких условий, но и одним из них»⁴³. Используя антропологический подход, через житейские и идейные биографии русских мыслителей и вольнодумцев, историк рассматривает в первом приближении такую сложную проблему, как творческое усвоение западных влияний, самостоятельное идейное творчество на русской почве. Акторами этого процесса выступают русские еретики (М. Башкин, Д. Тверитинов) и такой оригинальный мыслитель, как И. Посошков. Последний, как полагает Лаппо-Данилевский, олицетворял целое направление русской общественной мысли, определяемое автором как православно-прогрессивное (за реформы, но против протестантизма)⁴⁴.

Таким образом, работа Лаппо-Данилевского чрезвычайно важна в плане становления предметного поля интеллектуальной

⁴¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVI–XVIII вв. ... С. 20–21.

⁴² *Сукина Л.Б.* Указ. соч.

⁴³ СПФ АРАН. Ф 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 79.

⁴⁴ *Lappo-Danilevskij A.S.* Politische Ideen im Russland de 18... S. 256.

истории, высвечивания интеллектуальных интенций, присущих именно данному жанру исторического исследования. Продуктивная сложность этого процесса заключается в том, что, стремясь построить свое исследование на началах предельно строгой научности, предельного, на грани достижимого, приближения к истине, гениальный научный формалист Лаппо-Данилевский вынужден все более расширять и усложнять предметное поле своего исследования, включать в него новые структурные элементы, области исследования, каждая из которых должна быть рассмотрена во всех ее элементах, их взаимодействии и динамике, что обречло его труд на незавершенность.

Выделение интеллектуальной составляющей из общекультурного универсума в работе явственно намечено, но рефлексивно не закреплено. Отсутствует само понятие «интеллектуальная история», терминологическое поле носит общекультурный, культурно-исторический характер («европейская культура», «католическая или протестантская культура», «правосознание», «рационализм», «естественное право» и т. д.). Движение от «интеллектуально очевидного к научно проясненному», к легитимации интеллектуальной истории как самостоятельной сферы исторического исследования наблюдается в поздних работах и проектах историка (1906–1917 гг.), посвященных истории науки и образования в России. Именно в это время рождается и начинает воплощаться в жизнь проект «Русская наука». Науковедческие штудии Лаппо-Данилевского – значимая часть научной мысли начала XX в., когда на повестку дня выходит самопознание науки, методологическая саморефлексия, формируется предметная область наукоучения. Лаппо-Данилевский создает общую панораму развития отечественной научной мысли в длительной хронологической перспективе, показывает, как менялись цели научного поиска и ценностное отношение общества к науке и познанию в широком смысле этого слова. Концепционно науковедческие поиски историка с их экспликацией на отечественную историю науки и культуры нашли выражение в лекции в Кембридже в 1916 г.⁴⁵ В контексте культурной истории он осмысливает особенности научного мыш-

⁴⁵ *Lappo-Danilevsky A.S. The development of science and learning in Russia // Russian Realities and Problems / ed. by J. D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.*

ления, выделяя мыслительные привычки и «логические лейтмотивы», связанные с профессиональными предпочтениями.

Так, православие, по Лаппо-Данилевскому, в течение долгого времени поддерживало среди русских ученых догматическую и традиционную концепцию науки. В XVII столетии наблюдается постепенный подъем русской светской мысли. Среди причин такого поворота историк называет потребность в истине, которая проявляется сначала как любознательность и утилитарный взгляд на науку, хотя последний реально утверждается в XVIII в. В пространстве этого века начинает осознаваться ценность истинных знаний. Зарождение такого подхода он связывает с именем Ломоносова, который уже признавал абсолютную ценность науки, уравнивая ее с «религиозным и священным действием» – научное мышление должно иметь свою собственную область господства⁴⁶. Новые импульсы научная мысль получает в XVIII в. под воздействием немецкой, французской и английской философских школ. Немецкая философия, по Лаппо-Данилевскому, побудила в русских кругах интерес к проблемам единства мышления, систематического понятия мира, хотя оно носило отпечаток трансцендентности и метафизики и переходило границы положительной науки и знания. «Само собой разумеется, что эта наука была еще очень далека от русской действительности и часто чуждалась ее», почти не находя поддержки и сочувствия в «самодетельном русском обществе»⁴⁷. Французский сенсуализм и английский эмпиризм способствовали подъему светской мысли, подчеркивал историк, не только в конце XVIII в., но и в XIX в. Постепенно французское и английское влияние столкнулись с немецким и предотвратило полное подчинение русских ученых немецкому мышлению. Эти три потока подорвали авторитет православной догмы и стимулировали свободное мышление, «благодаря этим влияниям углубилось осознание ценности истинных знаний»⁴⁸. Разнообразие влияний способствовало «развитию мышления, свободного от предрассуд-

⁴⁶ *Lappo-Danilevsky A.S.* The development of science and learning in Russia. P. 170.

⁴⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Петр Великий – основатель императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. СПб., 1914. С. 56.

⁴⁸ *Lappo-Danilevsky A.S.* The development of science and learning in Russia. P. 170.

ков и традиций, оно расширило сферу их идей и породило космополитические и гуманистические настроения, оно познакомило русских с многосторонним проявлением науки и учений»⁴⁹.

Лаппо-Данилевский ставит проблему «национализации» русской науки и в неокантианской версии пытается выяснить социокультурные основания единства научного знания. Как полагает историк, «в русских концепциях сознания как соединения воли, мысли, религиозного чувства нравственная точка зрения играет значительную роль, именно она выступает унифицированным принципом»⁵⁰. Проявление этого он видит в общих конструкциях, концепциях мироздания и приводит имена Лобачевского и Чебышева, Менделеева, Федорова и Павлова, Вл. и Ал. Ковалевских, Мечникова, Вл. Соловьёва и С.Трубецкого, Плеханова и Ленина.

В историко-научных исследованиях Лаппо-Данилевский рефлексировал над проблемами дискретности в науке, возможностях и обстоятельствах одновременности открытий, о роли коммуникативного поля и его изменениях в плане функционирования, циркуляции идей, о соотношении внутринаучных и социальных факторов, логического и исторического в развитии науки. Историк размышляет о законосообразности историко-научного процесса. Почти в это же время В.И. Вернадский предлагает собственный вариант решения этой сложной проблемы. «Можно только утверждать, что эти законы не совпадают с законами логики... а являются сложным проявлением человеческой личности»⁵¹. С.Р. Микулинский отмечает, что Вернадский выделяет три главных направления, ведущих к ее решению. Первое – сравнительно-генетическое изучение разных мировоззрений различных эпох, в конечном итоге приводящее к пониманию закономерности процесса смены одного мировоззрения другим. Второе – изучение структуры науки различных эпох. Третье – изучение взаимодействия науки с другими формами научного сознания⁵².

Лаппо-Данилевский, принимая указанный подход, движется как бы с другой стороны туннеля. Он полагает, что, поскольку

⁴⁹ *Lappo-Danilevsky A.S.* The development of science and learning in Russia. P. 171.

⁵⁰ *Ibid.* P. 227.

⁵¹ *Вернадский В.И.* Очерки по истории современного научного мировоззрения // *Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки.* М., 1981. С. 75.

⁵² *Микулинский С.Р.* В.И. Вернадский как историк науки // Там же. С. 31.

логическое развитие науки постоянно нарушается, законы при таких обстоятельствах вряд ли можно сформулировать, поэтому есть смысл говорить о законосообразностях историко-научного процесса. Выделяя их, он выступает с критикой плоского эволюционизма и возражает против тезиса Уэвелла, согласно которому «предшествующие истины не изгоняются, и таким образом, история каждой науки, которая может показаться рядом революций, в сущности, оказывается рядом эволюций»⁵³. Механизм научной эволюции представляется ему более сложным. По Лаппо-Данилевскому, о непрерывности можно говорить только в гносеолого-психологическом смысле, т. е. как «о непрерывности сознания, поскольку оно сказывается в умственном развитии человечества», а в действительности истина прерывается заблуждением⁵⁴.

Становление интеллектуальной истории в варианте Лаппо-Данилевского происходит поистине на просвете научного бытия. С одной стороны, оно несомненно связано с внутренней легитимацией науки, всплеском методологической саморефлексии в научном сообществе, процессами, интенсифицирующимися на рубеже веков. Рассматривая историю и предысторию идейного развития страны в XVIII в. (который он оценивает как «переломный», ключевой для истории России), Лаппо-Данилевский, по сути дела, ставит проблему вхождения России в новую цивилизационную действительность («вторую ось истории» по Ясперсу), «сложившуюся в Европе на протяжении 16–18 вв. В этот длительный интеллектуально насыщенный исторический период (от Коперника до Канта) формируется новая цивилизационная и – шире – глобально-историческая парадигма, в основу которой лег принцип самоанализирующего, самокорректирующего и сознательно видоизменяющегося, самоизменяющегося знания как важнейшего конструкта всей человеческой, а вместе с ней и цивилизационной действительности»⁵⁵. В плане осознания этой действительности, научной саморефлексии переломным был как раз любимый Лаппо-Данилевским XVIII в. – эпоха Лейбница, Юма, Канта, Гердера.

⁵³ Уэвелл В. История индуктивных наук: в 2 т. СПб., 1867. Т. 1. С. 10.

⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 91.

⁵⁵ Рашковский Е.Б. Смыслы в историческом исследовании по истории веры, познания, культуры. М., 2008. С. 250–251.

* * *

Подведем итог. Как нам представляется, работы А.С. Лаппо-Данилевского дают основания говорить о первых шагах оформления интеллектуальной истории в России в самостоятельное научное направление, которое вырастает из культурной истории. Основаниями для такого выделения является, во-первых, формирование проблемного поля истории идей, попытка, ознаменовавшаяся творческими удачами, максимально полного воспроизведения идейной биографии страны. Опыт рассмотрения истории идей в России во всем многообразии творческих мутаций и контекстных, «родственных» связей социокультурного базирования (не только и даже не столько в плане «эффективной полезности», но реальной генетической сложности) позволяет говорить о выходе Лаппо-Данилевского на проблему генеалогии идей в России. Проблемы, поставленные, намеченные Лаппо-Данилевским в ходе рассмотрения социокультурных оснований эволюции идей, формирования науки в России, оказываются весьма востребованными и на современном этапе – очерченное им проблемное поле весьма жизнеспособно. Так, рассмотрение процесса «индигенизации», формирования и укоренения научной традиции на отечественной почве, интеллектуального взаимодействия с Западом предполагает «переключку идей» современных исследователей и Лаппо-Данилевского по ряду важнейших когнитивно-содержательных направлений. К таковым следует отнести взаимодействие русской культурной традиции, традиционной грамотности русского человека («спасительного знания», вечных идей, основывающихся на тезисе – «братие, не высокоумдрствуйте») и европейского Просвещения, основ естественно-научных и технических знаний⁵⁶. Безусловно, важна для современной науки и поставленная Лаппо-Данилевским проблема взаимодействия научной и религиозной традиции, религиозной санкции на интеллектуальные поиски и научные исследования. Тезис о подготавливающей, «пропедевтической» роли протестантизма и консервативно-ограничительной роли православной церкви в плане ознакомления русского общества с идейными новациями и научностью Запада получает подтверждение /

⁵⁶ Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX в.). М., 1999. С. 14.

продолжение / развитие в современной историографии. Активно разрабатывается в современной историографии и такое проблемное поле, как адекватность восприятия западной учености, семантические аспекты этой проблемы. Н.И. Кузнецова отмечает, что у современных исследователей выделяется интересная закономерность культурологического плана: когда язык одной культуры обогащается лексикой другой, то в семантическом плане можно наблюдать в «принимающем» языке некоторое падение значения обретаемых слов до архаичного или бытового уровня (например, слово «геометрия» уточняется для русского читателя следующим образом – «Приемы циркуля и линейки»). При таком подходе, когда наука воспринимается только в совокупности внешних своих проявлений, весьма затруднительным оказывается усвоить представление о научной теории – «феория» в лучшем случае была нужна как основа для решения практических задач⁵⁷.

Несомненным приобретением отечественного науковедения явилась намеченная Лаппо-Данилевским проблема соотношения идеала Просвещения и идеала поиска Истины – первый из них в общественном сознании России долгое время ставился гораздо выше. И, несомненно, в немалой степени заслугой Лаппо-Данилевского является закрепление в науковедческом поле таких проблем, как институализация науки, социальный контекст ее развития. По замечанию Н.И. Кузнецовой, «система светского, секуляризованного просвещения – школы, университеты, академии – естественно функционируют только в рамках государственного, а не “вотчинного” устройства социума»⁵⁸.

Во-вторых, был предложен новый подход к исследованию идей, который базировался на сочетании позитивистских традиций и неокантианских новаций. Интеллектуальная история выделяется из общего культурологического комплекса, обзаводится понятийным аппаратом и собственным названием – «история идей» (долгое время, как указывает Л.П. Репина⁵⁹, эти два понятия были синонимичны). В формирующемся предметном поле интеллектуальной истории Лаппо-Данилевский выделяет область, в которой

⁵⁷ Кузнецова Н.И. Указ. соч. С. 44–45.

⁵⁸ Там же. С. 10.

⁵⁹ Репина Л.П. Указ. соч. С. 327.

наиболее возможно и необходимо переходить к выявлению внутрисистемных связей, повышать степень научной достоверности выводов (от вероятностного «могло оказать влияние» до определенного «благодаря этим влияниям углубилось осознание ценности истинных знаний»). В этом плане логично его обращение к истории науки, развитие и функционирование которой отличается высокой степенью системной организованности. Логично и акцентирование внимания на истории российской науки – без изучения ее исторического пути (например, процесса «национализации» науки) и национальных особенностей (например, концепций мироздания), «законосообразности» ее развития трудно представить ее когнитивные возможности, изучать историю идей в России с позиций строгой научности. В личностном плане, как историк идей, Лаппо-Данилевский идет по пути совершенствования своего творческого метода, преодоления психологических сложностей, возникающих перед ним в процессе познания. Напомним его известную характеристику этих трудностей: «Я не принадлежу к тем, кто за деревьями не видит леса. Я вижу лес, но не вижу его границ, и это меня ужасает»⁶⁰.

В-третьих, очевидно, мы можем говорить о первых шагах институализации данного направления, связанного с организационной деятельностью А.С. Лаппо-Данилевского. Речь идет о таких коллективных проектах, как празднование 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова, «Русская наука» и др.

В новых исторических условиях Советской России эта деятельность была продолжена в Комиссии по истории знания, но происходит переакцентировка в понимании исследовательских задач, приоритет отдается изучению социальной детерминации идей, и осуществляется разведение истории науки и идей в гуманитарной и естественной сферах. Продуктивные наработки Лаппо-Данилевского оказываются созвучными более поздним поискам европейских и американских мыслителей в разумении предметного поля интеллектуальной истории и ее дисциплинарного оформления. К середине 1930-х гг. это направление манифестируется и как исследовательская программа в трудах А.О. Лавджоя⁶¹.

⁶⁰ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 14.

⁶¹ См. об этом подробнее: *Репина Л.П.* Указ. соч.

Н.Н. Алеврас, В.П. Корзун

Речь А.С. Лаппо-Данилевского на диссертационном диспуте

Комментируется речь А.С. Данилевского, изданная автором сразу после защиты. Авторам комментария она важна как строгий академический текст с продуманной системой аргументов, стройной структурой и логикой, эмпирической и методологической информацией, с заметными акцентами в область теоретико-методологических обоснований. В историографическом плане интересны представления А.С. Лаппо-Данилевского о том, как должен выглядеть научный текст в момент презентации идей историка.

Ключевые слова: методология истории, диссертационная защита и диспут, ценности научного сообщества, пропуск в науку, манифестация идей.

N.N. Alevras, V.P. Korzun

It A.S. Lappo-Danilevsky debate on the thesis

The article commented on it A.S. Danilevsky published author immediately after protection. Authors of the commentary, it is important as a rigorous academic text with a sound system of arguments, well-structured and logic, empirical and methodological information, with notable emphasis in the theoretical and methodological studies. Historiography important copyrights submission A.S. Lappo-Danilevsky how scientific text should look at the presentation of the ideas of the historian.

Keywords: methodology of history, thesis protection and dispute, the value of the scientific community, pass in science, the manifestation of ideas.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919), активная научная деятельность которого пришлась на рубеж двух предшествующих столетий, остается притягательной и до конца не изученной фигурой отечественной историографии. Пережив периоды признания современниками, а потом длительного забвения официальной (советской) историографией¹, его образ,

© Н.Н. Алеврас, В.П. Корзун, вступительная статья, публикация, 2014

¹ См. подробнее: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 225–299 (Гл. III. «Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке»).

идеи и труды вновь приобретают актуальность², а его «Методология истории» впервые переиздана на достойном академическом уровне³.

«Мода» на Лаппо-Данилевского зиждется на оригинальности его мышления и методологическом новаторстве. Черты научного почерка историка позволяют не только адекватно воспринимать опыт модернистского методологического поворота в науке конца XIX – начала XX в. и осознать место А.С. Лаппо-Данилевского в историкометодологических исканиях того времени, но и осуществлять ретро-проекцию его идей на современные методологические штудии в отечественном историческом знании.

Публичная защита диссертации А.С. Лаппо-Данилевского состоялась 9 мая 1890 г. в Санкт-Петербургском университете. Его магистерская работа была посвящена проблемам налогообложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. Ко времени защиты диссертации Лаппо-Данилевским в российском университетском сообществе уже сложилась диссертационная культура, включающая распорядок / реестр репре-

² См.: *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000; *Ее же.* Петербургская школа русских историков в конце XIX – начале XX века // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун.* Омск, 2005. С. 147–232; *Ее же.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011; *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании Новейшего времени // *Исторические записки.* 1999. № 2 (120); *Ее же.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; *Румянцева М.Ф.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // *Вопросы истории.* 1999. № 8; *Ее же.* Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич // *Культурология. Энциклопедия: в 2 т. М., 2007. Т. 1. Ст. 1100; Ее же.* Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ру // *Клио. Журнал для ученых.* 2013. № 12 (84). С. 28–31; *Круглый стол «Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков (к 150-летию со дня рождения Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского)»* [январь – апрель, 2013]. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/anonsy_npsh/lappo_150/14-1-0-136 и др.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. / [подгот. текста: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; авт. вступ. ст. М.Ф. Румянцева, О.М. Медушевская; авт. коммент. Т.В. Гимон, М.Ф. Румянцева; авт. указ. имен Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева]. М., 2010.

зентации научного исследования соискателем степени, главным фактором которого является публичная защита диссертации; шкалу (непроецируемую, но вербализованную) экспертных оценок со стороны научного сообщества, информацию общества в широком смысле этого слова о факте защиты диссертации, чем придавалась особая значимость общекультурному акту «рождения ученого» и, наконец, обыденные ритуалы, сопровождающие этот процесс (поцелуи, рукопожатия, «вспрыскивание магистра», протокол застольных речей).

Публикуемая речь А.С. Лаппо-Данилевского на диспуте по поводу защиты им магистерской диссертации приоткрывает одну из страниц его научной биографии, связанную с завершением этапа профессионального становления и вступлением его в новую стадию научной жизни. Впереди историка ожидал путь академического ученого, работа над докторской диссертацией, разработка широкого спектра проблем истории России, а также методологических и источниковедческих основ историко-научного знания, формирование научной школы.

Уставно-нормативные требования, предъявляемые к этой категории ученых и их диссертациям, не устанавливали каких-либо стандартов к характеру презентации диспутантом перед научным сообществом основных идей своей диссертации. Речь соискателя являлась произведением свободной формы для выражения итогов диссертационного исследования и презентации концептуальных и методологических идей диссертанта. Ее содержание и характер находились в прямой зависимости от особенностей научного мышления и горизонтов личностного знания диссертанта.

Речам на диспутах придавалась особая значимость как акту научной самоидентификации. Не случайно диссертационные речи многих признанных историков сохранились либо в их фондах, либо были предусмотрительно опубликованы ими самими или современниками, осознававшими значение такого рода выступлений.

Речь ученого на диссертационном диспуте в практиках диссертационной культуры изучаемого времени может рассматриваться как выражение своего Ego через отношение к себе самому как ученому и миру науки сквозь призму персонального опыта и

индивидуального восприятия научной реальности. Она не только реализует творческое самовыражение человека науки, но и является носителем его личностного самосознания. Авторское «Я» организует структуру текста речи диссертанта и задает интерпретационно-оценочную составляющую ее содержания. Речи диссертантов, будучи уникальными сочинениями, складывались в соответствии с проблемно-тематическими задачами каждой диссертации, зависели от ценностных ориентаций диспутанта – научно-теоретических и мировоззренческих, – а также ситуативных обстоятельств, сопровождавших процесс работы над диссертацией или определявших ход ее защиты. Тем больший интерес представляет саморефлексия диспутанта по поводу своего выступления. Письмо Лаппо-Данилевского своему другу М.А. Дьяконову дает нам возможность проникнуть не только в атмосферу самой защиты магистерской диссертации, но и почувствовать нервное напряжение и волнение автора, его отношение к составлению речи, ощутить его первые эмоции и первую рефлексию по поводу только что состоявшегося события: «Ночь перед диспутом прошла правду сказать [не очень] спокойно, чувствовалась какая-то неловкость в груди, просыпался часто и ощущал нервное раздражение. Утром было лучше; я ещё немного поработал, снова пересмотрел речь, которую намерен был сказать устно, а в 12 часов стал приготовляться к битве, намереваясь до часу ещё погулять немного. Но тут случился казус, какие со мной бывают постоянно. Белого галстука не оказалось; я послал поскорее брата⁴ за этим приспособлением, а сам жду с нетерпением. Жду $\frac{1}{4}$ часа, 20 минут; смотрю на часы: без 20 минут час! Пришлось стремглав самому лететь за проклятым галстуком, из-за которого я на диспут опоздал минут на десять, так что застал весь факультет уже в сборе и ожидания»⁵.

На рубеже XIX–XX столетий русская историческая наука, по признанию большинства историографов, вошла в полосу кри-

⁴ Родной младший брат А.С. Лаппо-Данилевского Сергей в это время был студентом математического факультета Санкт-Петербургского университета, до женитьбы А.С. они вместе снимали квартиру по адресу: Мытнинская наб., д. 16, кв. 6. См.: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 91.

⁵ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 257. Л. 14.

зиса, затронувшего, прежде всего, теоретико-методологический сегмент знаний. Вопросы теории и методологии истории в период модернизационной трансформации исторической науки все чаще явно или неявно внедряются в конкретно-историческую исследовательскую проблематику историков, что адекватно отзывалось в диссертационных сочинениях. Конечно, эти знаковые изменения получали воплощение в трудах наиболее глубоких интеллектуалов, чувствовавших вкус и ощущавших способности к научным опытам в области исторической эпистемологии.

Трибуна диссертационного диспута в силу особенностей политической культуры страны, не сформировавшей развитой сети общественных коммуникаций, и характера научных традиций, не имевших масштабного опыта интеллектуального общения, зачастую приобретала роль своего рода сакрального места научного волеизъявления. Диссертационная речь становится важным каналом и способом донести до научной корпорации сокровенные идеи и инновации, приобретая тип коммуникативной структуры, образно названной Р. Коллинзом «лицом к лицу»⁶.

Текст речи А.С. Лаппо-Данилевского являлся выражением методологических устремлений части представителей молодого поколения ученых, их желания выйти за пределы исторической эмпирики («сырого материала», по словам историка) и подняться к «высоким ступеням исторического отвлечения». Несомненно, что в этом научном и интеллектуальном движении, которое в 1890-е гг. в России еще только зарождалось, фигура этого историка занимает лидирующую позицию.

Диссертационная речь А.С. Лаппо-Данилевского, изданная автором сразу после защиты, построена как строгий академический текст с продуманной системой аргументов, стройной структурой и логикой – ясно изложенной и дозированной для слушателей эмпирической и методологической информацией, с заметными акцентами в области собственных теоретико-методологических обоснований. Перед нами не просто изложение результатов исследования, а, возможно, – манифестация авторских представле-

⁶ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 73.

ний о том, как должен выглядеть научный текст в момент презентации идей своего труда.

В речи он обозначил две исходные позиции, которые, по его мысли, должны определять научную актуальность любого исторического труда, в том числе и представляемой им диссертации: «...каждое научное сочинение можно рассматривать с двух точек зрения: *методологической* и *феноменологической*» (курсив – А.С. Лаппо-Данилевского)⁷. Выдвинутый принцип он положил в основу презентации своих наблюдений и выводов. Такой подход предопределил появление в речи специального историографического раздела, в то время практически отсутствующего в выступлениях других диспутантов. При подготовке речи к публикации, которую, судя по ее содержанию и структуре, он осуществлял с особой тщательностью, историографический сюжет, как и краткий перечень используемых архивных материалов, был им размещен в подстрочнике. Но, вероятно, в ходе устного выступления данный фрагмент источника органично вошел в контекст его презентации. В историографическом пассаже, состоящем из перечня основных исследований предшественников, отдельно сформулированы «недостатки» их трудов⁸, что придавало его выступлению критико-аналитический характер и оттеняло оригинальность его собственного замысла и результатов исследования.

Новаторской выглядит та часть текста, где он, раздумывая над классификацией изучаемых явлений, представляет их «не отвлеченную однообразную схемой, а в виде живой развивающейся ткани соотношений, определяемых местными условиями древнерусской жизни». Называя свою классификацию «динамической», Лаппо-Данилевский не просто формулировал свои выводы по проблеме, а фактически выдвигал методологические принципы любого исторического исследования: «Классификация явлений, единообразно повторяющихся, естественно остается неизменной; но порядок, в котором следует рассматривать основные элементы общественного развития данной социальной группы, не может оставаться одним и тем же: он меняется, сообразно тому, какой из этих элементов является центром их соотношения в тот или иной

⁷ Историческое обозрение. СПб., 1890. Т. 1. С. 283, 284.

⁸ Там же. С. 285–286.

промежуток времени. Отсюда необходимость во всяком историческом исследовании видоизменять статическую схему исследуемых явлений в динамическом смысле, сообразно времени и месту». Системный анализ, как исследовательский метод диссертации историка, позволил ему органично проникнуть *«из области методологии в сферу феноменологии нашего труда»* (курсив – А.С. Лаппо-Данилевского).

Обрисованная им структура диссертации была представлена как система вопросов⁹, которые можно было задать применительно к изучению истории любого государства. Но его цель, объяснял в речи диссертант, была связана с попыткой выявить специфические национальные черты Московского государства XVII в. (черты «изучаемой народности»), определившие динамичную социальную и политическую систему налогообложения в данное время и в данных условиях древнерусской жизни.

Для более адекватного понимания идей историка целесообразно обратиться к тексту предисловия его диссертации, в котором он рассуждал о чертах историко-национального типа российской государственной системы XVII в. Этим самым им задавались параметры для постановки теоретической проблемы, решение которой могло быть сопряжено со сравнительно-историческим анализом состояний государственности различных периодов русской истории. Заданный ракурс мог потребовать и сопоставлений «государственных типов» в российском и западноевропейском вариантах. Реализацию такого подхода мы обнаруживаем в более поздних исследованиях А.С. Лаппо-Данилевского, в частности, в его обширной статье «Идея государства в России»¹⁰ и в «Истории политических идей...»¹¹. Возможно, «идеальным» стремлением А.С. Лаппо-Данилевского сформировать «тип» изучаемой эпохи, которое напрямую не совпадало с конкретными задачами диссертации, объясняется появление примечательного фрагмента его предисловия, выступающего как зашифрованный текст: будучи не

⁹ Историческое обозрение. СПб., 1890. Т. 1. С. 287.

¹⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства в России // Голос минувшего. 1914. № 12.

¹¹ Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln; Weimar; Wien, 2005.

связанным с проблематикой диссертации, он требует специального внимания и интерпретации. В конце предисловия молодой историк признавался о своей сокровенной цели достижения истины и изучения исторических явлений «без всяких предубеждений», что было невозможно без теоретического их осмысления. Свое состояние выбора между миром конкретно-исторического и философско-теоретического он метафорически характеризовал как эмоционально-психологическую ситуацию внутреннего творческого противоречия. Оно выражено проникновенным откровением: «Душа болезненно рвется на простор, хотя и прикована тяжелыми цепями к миру конкретных представлений, сознание мучительно бьется в железной клетке, но согревается надеждой когда-нибудь вылететь на чистый воздух, возвратиться на лоно природы и отождествить свое я с мировым бытием»¹². Можно сказать, что, выступая с речью, А.С. Лаппо-Данилевский приоткрывал научному сообществу интимные стороны творческого вдохновения и, по существу, спрогнозировал дальнейшую модель своего научного пути.

В данном контексте оригинально выглядит его попытка в тексте диссертационной речи сравнить изучаемые социальные процессы с феноменами биологического происхождения, что на первый взгляд дает основание рассматривать ее как традицию позитивистского подхода. Но на это можно посмотреть и в ином ракурсе. Обратимся к его рассуждениям в речи – о способности половой клетки передавать наследственные черты создаваемой новой «особи» при одновременном стремлении этой «особи» «к индивидуальности»¹³. Феномен наследственности из области современной ему генетики (вспомним открытия Г.И. Менделя, Т.Х. Моргана) рассматривается Лаппо-Данилевским в качестве аналогии социальных явлений. Диспутант полагал, что и в социальной среде «при смене различных периодов исторической жизни любой общественной группы» происходит борьба между «наследственными» чертами прежнего времени и чертами «индивидуальными», «свойственными именно тому, а не другому периоду». В этом, счи-

¹² *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. IV (Предисловие).

¹³ Там же. С. 288, 287.

тал он, проявлялась борьба «старого с новым»¹⁴, в том числе и в сфере изучаемого им вопроса – организации прямого обложения. Если подобным образом интерпретировать подход историка, учитывая и дальнейшее развитие взглядов, то предлагаемая им аналогия может быть воспринята в качестве метода, позволяющего формировать представление о мире как целостной взаимосвязанной системе биологической и социальной жизни – природы и культуры.

Уже в ходе защиты речь историка была высоко оценена современниками как значимый факт науки. Газета «Новое время», освещая диспут историка, писала о «блестящей речи» диссертанта, в которой он «указал на главнейшую сторону своего труда и высказался о том, что практические и теоретические соображения» заставили его выбрать тему защищаемой диссертации¹⁵. Да и сам А.С. Лаппо-Данилевский полагал, что «в общем, все отзывались с похвалой, и всё прошло благополучно»¹⁶. В письме к Милюкову он писал: «Смущения я не чувствовал нисколько, речь, как говорят, прочел удачно, а возражения были не важные... В общем, осталось довольно жалкое впечатление и значительная неудовлетворенность. Диспут был, впрочем не скучным, кончился в 4 ½ часа»¹⁷. В то же время у его оппонента С.Ф. Платонова именно к характеру речи были высказаны претензии, что отражает факт актуальности этой формы диссертационной культуры в явных и неявных полемиках историков этого времени¹⁸.

¹⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве... С. 288–289. В свете постановки историографической проблемы идентификации теоретико-методологических идей А.С. Лаппо-Данилевского текст его диссертационной речи, вполне соотносимый с содержанием теоретических пассажей диссертации, можно рассматривать и как аргумент в пользу оригинальности его методологической концепции, и как факт уже начавшегося в то время выхода историка за пределы позитивистской парадигмы.

¹⁵ Новое время. 1895. 10 мая.

¹⁶ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 257. Л. 16 об.

¹⁷ Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова / коммент. и вступ. ст. П.А. Трибунского // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. № 3. P. 117–118.

¹⁸ См.: Алеврас Н.Н. Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 134–135.

Резюмируем: диссертационная речь А.С. Лаппо-Данилевского стала для него актуальным поводом апробировать свои первые теоретико-методологические идеи, в развитой форме воплотившиеся в его специальных приват-доцентских теоретических курсах для студенческой аудитории, а позднее – в «Методологии истории». Текст выступления историка на диспуте предстает аутентичным источником для понимания и конструирования очертаний теоретико-методологического потенциала и особенностей самовыражения молодого ученого в момент его уверенного вхождения в национальное и мировое пространство науки.

**Речь А.С. Лаппо-Данилевского, произнесенная
9 мая 1890 г. на диссертационном диспуте
в Санкт-Петербургском университете
во время защиты магистерской диссертации
«Организация прямого обложения
в Московском государстве со времен смуты
до эпохи преобразований»**

Мм. гг. Всякая сознательная, теоретическая деятельность должна быть вызвана известными причинами и определенным методом стремиться к строго намеченной цели; лишь при таких условиях она достигает более или менее устойчивых результатов, которые получают право гражданства в науке. Поэтому каждое научное сочинение можно рассматривать с двух точек зрения: *методологической* и *феноменологической*.

С этих-то двух точек зрения мне и хотелось бы ознакомить вас, хотя бы в самых кратких чертах, с главнейшими сторонами труда, содержание которого будет обсуждаться в настоящем собрании.

Если обратиться к *методологической стороне* этого труда, то прежде всего является вопрос о том, *каким образом историк мог приняться за изучение организации прямого обложения* в один из предшествовавших веков нашей отечественной истории? – Вопрос этот решается при помощи двоякого рода соображений: теоретических и практических.

Прошло время, когда история была одним только искусственным, литературным рассказом любопытных, славных или учительных происшествий. Как наука, которая изучает явления развития, обнаруживающиеся во взаимодействии живых индивидуумов, история в настоящее время обнимает довольно определенный, хотя и весьма обширный круг вопросов: она следит, главным образом, за развитием того взаимоотношения, в каком находились между собою явления духовные, хозяйственные и правовые в пределах разнородных социальных групп (народов), а также и на то положительное или отрицательное влияние, какое эти группы (народы) оказывали друг на друга при таком развитии.

Но возможно ли принять на себя исследование подобного рода вопросов, хотя бы относительно какой-либо одной народности, уму еще молодому, далеко не зрелому, уму, который обладает пока еще небольшим запасом сведений, мало производил самостоятельных наблюдений? Разумеется, нет. Молодому работнику, быть может, полезнее на первый раз ограничить поле своих

исследований, самому приняться за исследование сырого материала и таким трудом выработать себе некоторые приемы исторического изучения, а потом уже, с течением времени, перейти и к более высоким ступеням исторического отвлечения. – Поэтому едва ли не целесообразнее в первых ученых трудах не задаваться слишком широкими целями, а выбрать предметом исследования одну из вышеуказанных групп явлений духовных, хозяйственных, правовых в пределах одной социальной группы или отношений международных. Разумный выбор той или другой группы уже зависит не столько от отвлеченных рассуждений об истории вообще, сколько *от особенностей исторического развития той национальности, которая служит предметом изучения*. И на такой выбор влияют теоретические и практические соображения.

Всеобщая история занимается изучением норм общественного развития, общих всему человечеству, или, по крайней мере, цивилизованной его части. Специальное изучение исторического развития известной народности, напротив, стремится к определению специфических ее признаков. Всеобщий историк, разумеется, знакомится с историей отдельных народностей, но отвлекает от них одни общие нормы: историк, специально изучающий историю той или другой народности, напротив, следит за теми видоизменениями, каким подвергаются общие нормы под влиянием специфических особенностей изучаемого им типа, и, таким образом, проверяет, исправляет и дополняет выводы, уже занесенные на страницы всеобщей истории. Вот почему изучение национальной истории должно иметь особенно ценные результаты в том случае, когда обращено будет на периоды наиболее резкого развития специфических особенностей изучаемого типа. Эти общие рассуждения естественно прилагаются и к изучению нашей отечественной истории. В XIV–XV вв. уже видны зародыши будущего Московского государства, обрисовываются важнейшие черты государственного строя, но лишь в XVII в. они достигают определенного, более или менее устойчивого, взаимоотношения, которое дает возможность довольно ярко представить себе известный государственный тип. В XVIII в. национальные черты этого типа сильно бледнеют под влиянием западноевропейской цивилизации. С этой точки зрения история XVII века имеет для нас глубокий теоретический интерес. Но за этот период времени развитие великорусской национальности было довольно односторонним. Оно сказывалось, главным образом, в прогрессивном росте правительственных органов и их функции, а не в историческом разностороннем движении всей

совокупности народных сил. Поэтому, изучение XVII в. сводится, главным образом, к ознакомлению с его правительственной историей. В этой истории наиболее важными вопросами за это время являются: финансы и войско. Причинное соотношение, в каком находятся эти явления, естественно приводит к предварительному изучению первого из них. Хотя военные потребности и имели большое влияние на финансовый строй, но и последний, в свою очередь, делал возможною ту или другую военную организацию. Отсюда можно естественно придти к заключению, что государственное хозяйство XVII в., с теоретической точки зрения, может послужить весьма важным предметом ученого исследования.

В своевременности такого рода исследования нас убеждают соображения более практического свойства. Нечего говорить о том богатстве рукописного и печатного материала, благодаря которому можно иногда до мельчайших подробностей ознакомиться с тем или другим явлением русской жизни XVII века. Любопытно, что та часть этого материала, которая ближе всего касается государственного хозяйства в XVII в., очень мало известна, хотя и отличается замечательным богатством содержания. Многие важнейшие памятники по этой части, каковы, например, писцовые книги, окладные росписи и сметные списки, доселе остаются почти неизданными, а то, что издано, сильно нуждается в ученой переработке¹. Таким образом, богатство материала² по истории государст-

¹ В самом деле сочинений по истории русских финансов немного. Таковы, например, по истории прямых налогов и прямого обложения. Ю. Гагемейстера. Розыскания о финансах древней России, СПб., 1833 г.; К. Веселовского. История поземельного налога в России в Жур. Мин. Госуд. Имущ., 1841 г., т. I, стр. 147–179; Тр. Д. Толстого. История финансовых учреждений России, СПб., 1848 г.; Н. Янишевского. О расходах России до конца XVII в. в Уч. Зап. Каз. Унив. 1850 г. Кн. 1.; В. Незабитовского. О податной системе в Московском государстве со времени установления единодержавия до введения подушного оклада Петром Великим, – Написано в 1852 г., изд. 1884; В. Кури. О прямых налогах в древней Руси, в Юрид. Сборнике Д. Мейера, Каз. 1855, стр. 105–152; Е. Осокина. О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России. Каз., 1856 г.; В. Гольцева. Государственное хозяйство во Франции XVII в., М. 1878 г. (Здесь на стр. 129–170 помещена глава: «Хозяйство Московского государства в XVII в.»); А. Спицына. Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII в. в Вятском календаре за 1887 г.

Недостатки, свойственные вообще всем этим сочинениям следующие:

1) Все они написаны исключительно по печатному материалу, а так как в то время напечатано было очень мало, то естественно отличаются крайней неполнотой, случайностью.

венного хозяйства в России в XVII в. и довольно слабая ученая разработка этого материала утверждали меня в намерении заняться его изучением.

Трудно, однако, охватить сразу весь обширный круг вопросов, входящий в финансовую историю Московского государства в XVII в. Эти вопросы можно рассматривать с точки зрения их экономического значения или с точки зрения их юридической определенности. Но финансовая политика XVII в. держалась не столько политико-экономических, сколько социально-политических воззрений; она более заботилась о казенных выгодах, чем о поощрении частной предприимчивости и развитии народного хозяйства. Поэтому, имея отчасти в виду первую из вышеуказанных точек зрения, автор стоял преимущественно на второй из них, а между тем, именно со второй из этих точек зрения, несомненно, наиболее важное, общее значение и имеет вопрос об организации прямого обложения.

Таков логический путь, которым я пришел к изучению организации прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. Как ни узка может показаться эта тема, однако, материал для ее изучения громадный. Нечего говорить, как легко собирать такой материал. Всякий, кому приходилось вести такого рода работу, знает, как он разбросан по разным столичным и провинциальным изданиям, как мало существует указателей, да и то неполных, напечатанным грамотам и актам, в каком неудовлетворительном состоянии находятся многие реестры архивных дел. Классификация этого материала также представляет немало затруднений. Классификация явлений, единообразно повторяющихся, естественно остается неизменной; но порядок, в котором следует рассматривать основные элементы обще-

2) Почти все они обнимают весьма значительные промежутки времени, а потому и вопрос рассматривают в общих чертах, довольно неясных, ибо бедность изложения зависит не от отвлечения от заранее разработанных частных, а от малого знакомства с такими частностями.

3) Все они почти совсем не касаются вопросов, от разрешения которых зависит успех дела. Игнорируется социальная организация тяглых классов, а также деятельность местных органов управления в системе финансовых учреждений Московского государства. (Здесь и далее – примечания А.С. Лаппо-Данилевского.)

² Важнейшими собраниями рукописных источников являются, конечно, Архив Министерства Юстиции и Главный Архив Министерства Иностранных Дел в Москве. Списки XVIII в. с писцовых книг, хранящихся в Арх. Мин. Юстиции, можно также найти в Имп. Публ. Библиотеке.

ственного развития данной социальной группы, не может оставаться одним и тем же: он меняется, сообразно тому, какой из этих элементов является центром их соотношения в тот или другой промежуток времени. Отсюда необходимость во всяком историческом исследовании видоизменять статическую схему исследуемых явлений в динамическом смысле, сообразно времени и месту. Этой точки зрения приходилось держаться и при изучении организации прямого обложения в Московском государстве XVII в. Надлежало разработать вопросы о том,

1) как подати распределялись между различными классами населения;

2) как правительство окладывало податями тяглое население и как раскладка тех же податей производилась самим населением;

3) как эти подати, после правительственного оклада и мирской раскладки, взимались органами местного самоуправления и приказной администрации и

4) как собранные подати распределялись и хранились по центральным учреждениям государства.

С такими запросами можно обратиться к истории всякого государства. Но не во всяком государстве эти вопросы разрешаются одинаково. Различное их решение состоит в различном соотношении, какое в зависимости от времени и места принимают явления, входящие в состав этих общих подразделений. И это замечается не только при сравнении различных государств, но и при сопоставлении разных периодов в жизни одного и того же государства. Так, в Московском государстве XVII в. тяглыми людьми были крестьяне и посадские. Но первоначально из этого правила сделано было много исключений: отношения этих классов друг к другу и к остальному населению оставались неопределенными. Лишь к концу XVII в. замечается, с одной стороны, почти полное уничтожение податных привилегий (преимущественно жалованных грамот монастырям), с другой, более точное подразделение тяглых людей на посадских и крестьян и более резкое разграничение тяглого и служилого класса. В раскладке и взимании податей XVII в. также замечается историческое движение. Правительство все более и более упрощает систему оклада, все точнее определяет место, которое должна занять тяглая община в административном порядке, и окончательно вручая ей мирскую раскладку с запрещением воеводе в нее вмешиваться, зачисляет выборные власти морского самоуправления в ряды областных органов администрации.

Наконец, такое же историческое движение замечается и в распределении поступлений по центральным учреждениям. Первоначально основанием такого распределения служил главным образом территориально-сословный принцип, в силу которого доходы, получаемые с целой области, поступали в четверть, заведовавшую этою областью, или скорее тяглым населением этой области в финансовом отношении. Но со второй половины XVII в. замечаются попытки правительства систематизировать поступления, разбить доходы по группам смотря по их характеру, и препроводить их в учреждения, различающиеся между собой по роду дел. Таким образом в тех общих рамках, которые намечены были выше, изучаемые явления представляются не неподвижно, а напротив, в их историческом движении, не отвлеченною однообразною схемой, а в виде живой развивающейся ткани соотношений, определяемых местными условиями древнерусской жизни.

Эта динамическая (если можно так выразиться) классификация исторических явлений предваряет и правильное их разъяснение, *а результаты последнего прямо вводят нас из области методологии в сферу феноменологии нашего труда.*

Подобно тому, как в органическом развитии наблюдается способность половой клетки создавать особь, тождественную с особью, которой эта клетка принадлежала, но не замечается полной тождественности этих особей в виду стремления каждой клетки к индивидуальности, так и при смене различных периодов исторической жизни любой общественной группы не трудно заметить борьбу, которая ведется между наследственными и индивидуальными, свойственными именно тому, а не другому периоду, чертами изучаемой народности. И при исследовании такого частного вопроса, каковым является вопрос об организации прямого обложения в Московском государстве XVII века, замечается та же борьба старого с новым. Почти все прежние виды налогов (за исключением разве пищальных денег, которые заменяются в большинстве случаев стрелецкими), известные до смуты, продолжают существовать и в XVII в., но взаимоотношение их все более и более определяется, и главное место начинают занимать стрелецкие деньги. Следы прежнего общественного порядка, допускавшего массу отступлений и значительный произвол, весьма заметны в начале XVII в., но с течением времени начинают сглаживаться под влиянием более строгих разграничений тяглых и служебных обязанностей. Соха (по крайней мере, в поместных и вотчинных землях) сменяется живущею четвертью и двором; подати

взимаются с этих податных единиц при помощи новых приказных учреждений (воевод), неизвестных XVI веку, хотя потом эти учреждения и уступают место снова земскому самоуправлению; наконец, в распределении доходов по центральным учреждениям если еще заметно действуют старые принципы – вотчинный и территориально-сословный, то видны и новые, неизвестные до того, попытки систематизировать поступления.

Но при разъяснении исторических явлений недостаточно определить составные их элементы, недостаточно указать на те видоизменения, какие происходят в их взаимоотношении под влиянием борьбы старых и новых начал. Необходимо еще определить, каковы были причины, вызвавшие появление этих новых начал.

Причины, вызвавшие перемены и нововведения в организации прямого обложения Моск. гос. в XVII в., можно разделить на две группы: на причины внутренне и внешне. Внутренние причины сводятся главным образом к одной весьма сложной – к разорению Московского государства, какое оно потерпело в смутное время. Разорение это выразилось в сильном понижении народного благосостояния, главным образом, в упадке земледельческой культуры, и, следовательно, вредно влияло на положение казны. Под влиянием разорения правительство принуждено было прибегнуть к временным льготам и привилегиям, быть может, заменило соху живущею четвертью. Но главное влияние на перемены и нововведения в прямом обложении вызваны были потребностями внешней политики.

Московское правительство XVII века понимало, что разрешению восточного и балтийского вопросов в XVI веке помешала Польша, что на очереди стоит вопрос польский, а не балтийский или восточный, и нашло законный путь к его разрешению в войнах из-за Малороссии. Но для войны нужно было иметь войско, а для содержания войска требовались денежные средства. Поэтому устройство войска и добывание средств, предназначавшихся на его содержание, и стали главными задачами внутренней политики XVII века. Все общественные силы привлекались к удовлетворению этих главных потребностей государства, а поэтому и все население делилось на две группы: на людей тяглых и людей служилых. И те, и другие служили государству: первые – имуществом, вторые – личною службой. Для отправления последней, однако, необходима была прежде всего более или менее удовлетворительная организация податных обязанностей. Но требования, предъявляемые войной, не допускали возражений; в силу этих требо-

ваний, надо было заранее определить оклад налогов, сообразуясь не столько с благосостоянием народного хозяйства, сколько с военными нуждами. Эта необходимость в связи с самодержавною формой правления привела к образованию репартиционной системы налогов. И прямые, и косвенные налоги отличались окладным характером, но особенности этой системы, конечно, ярче всего выразились в организации прямого обложения. Правительство, как известно, равномерно окладывало всякого налогоплательщика, и во всяком случае, за весьма немногими исключениями, не держалось полной пропорциональности обложения. В репартиционной системе оно находило средство к централизации, ибо ею уравнивало обязанности различных областей к государству, стягивало распределение этих обязанностей в один главный центр и ставило в непосредственную зависимость от этого центра возможно большее количество нередко весьма мелких территориальных единиц. Но, принимая на себя разрешение лишь вопросов о количестве тяглых хозяйств, о налогоплательщиках и их окладе, правительство тем самым принуждено было предоставить тяглой общине распределение податей между налогоплательщиками, сообразно хозяйственному благосостоянию каждого из них, и, таким образом, вручило ей одну из важных функций областного управления. Итак, милитаризм в связи с монархическим принципом, который сам в значительной мере обязан был ему своим возникновением, вызывал образование репартиционной системы; она служила отчасти средством для усиления централизации, хотя и принуждала правительство отвести тяглому миру небольшое место в административном порядке. Те же условия отчасти влияли и на распределение поступлений по центральным учреждениям. Посольский, а отчасти и Стрелецкий приказы были центрами, к которым нередко приписывались многие учреждения финансового характера.

Но если репартиционная система складывалась под влиянием потребностей внешней безопасности и военных нужд, то, с возрастанием последних, ее особенности должны были обнаруживаться все резче и резче. Быстрый рост военных потребностей, с одной стороны, вызывал привлечение всех свободных, незанятых военною или гражданскою государственною службой, общественных сил к обложению, с другой – при малом запасе административных сил и настоятельности этих потребностей, побуждал правительство к упрощению системы обложения. Правительство отказалось от поземельного налога, который требовал значитель-

ных и долговременных измерений. Оно заменило соху живущую четвертью, а живущая четверть, с течением времени, в последней трети XVII в., уступила место двору. В равномерном окладе последнего гораздо резче выразился репартиционный характер организации прямого обложения. То же постепенно усиливавшееся влияние, какое оказывал рост военных потребностей на эту систему, обнаружился и в третьей попытке правительства упростить систему прямых налогов путем слияния нескольких податей с главной податью того времени – стрелецкою, которая должна была поступать прямо в Стрелецкий приказ.

Таким образом, не только в характере, но и в главнейших моментах развития организации прямого обложения не трудно заметить то влияние, какое в этом процессе имели все более и более разрастающиеся военные потребности.

Разъяснив главнейшие причины того, а не другого характера организации прямого обложения, остается сказать несколько слов о значении этой организации для XVII века и для последующего времени.

В самых общих чертах значение это выразится в следующем:
во-1-х, благодаря этой организации все население Московского государства, не находившееся на военной или гражданской государственной службе, привлечено было к обложению; в таком процессе правительство мало обращало внимания на частные интересы, которые таким образом поглощены были государственными;

во-2-х, та же организация в значительной мере способствовала развитию централизации, и

в-3-х, при такой организации государство привыкало удовлетворять свои потребности собственным равномерным, хотя и тяжелым, народным трудом, а это в значительной мере дало возможность населению без слишком губительных последствий выдержать то страшное напряжение народных сил, которое наступило в эпоху преобразований.

Таковы, м. г. и м. г-ни, те точки зрения, которых я держался при изучении вопроса об организации прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований, и те результаты, которых я достиг помощью такого изучения.

Историческое обозрение. Сборник исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете за 1890 г. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. Т. 1. С. 283–292.

«Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой...»

В архивах Академии наук сохранилась обширная переписка двух историков – А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова (АРАН. Ф. 639; СПФ АРАН. Ф. 113). Публикация писем историков – дело будущего. В данном сборнике мы ограничились письмом А.С. Лаппо-Данилевского своему другу М.А. Дьяконову, в котором, что называется, по свежим следам описывается собственная защита магистерской диссертации. Этих историков связывала длительная дружба. Их знакомство состоялось в начале 1880-х гг. в Петербургском университете. Начинаящие ученые вместе работали в научно-исследовательских и литературных кружках: в научно-литературном обществе, созданном О.Ф. Миллером, и в знаменитом Кружке русских историков. Они занимались русской историей в рамках одного временного периода, проявляли интерес к вопросам русской культуры. «Особенно теплота отношений между историками появилась в дни тяжелых утрат – сначала сестры, затем и матери Дьяконова»¹. Эта переписка поражает откровенностью чувств и переживаний по поводу духовных исканий и сомнений, которыми делятся друг с другом, казалось бы, два замкнутых человека, застегнутых на все пуговицы и воспринимаемых значительной частью научного сообщества как трудные в общении.

Публикуемое письмо погружает нас в атмосферу защиты магистерской диссертации А.С. Лаппо-Данилевского, которая состоялась 9 мая 1890 г. в Санкт-Петербургском университете. И если оппоненты, возражения, ход дискуссии во время защиты нам уже известны из исследовательской литературы, то переживания главного героя мы вычитываем именно в этом тексте. Житейская и научная повседневность теснейшим образом переплетаются и дают нам основания проникнуть в историографический быт эпохи. Источник представляет также интерес в плане самооценки, само-

© В.Г. Бухерт, В.П. Корзун, вступительная статья, примечания, публикация, 2014

¹ Гришин К.П. Личные и научные взаимоотношения академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 12 (84). С. 61.

рефлексии по поводу одного из этапных событий в жизни любого ученого – защиты диссертации и вхождения в научное сообщество на равных.

Письмо публикуется в соответствии с правилами современной орфографии без сокращений и изменений.

Письмо А.С. Лаппо-Данилевского М.А. Дьяконову

12 мая 1890 г.

Дорогой Михаил Александрович.

Ваше письмо застал на столе по возвращении с диспута и прочёл его с удовольствием и благодарностью. Спасибо за искреннюю дружбу. Отвечать Вам немедленно не мог по уважительным причинам. 9-го вечером был у Гревсов, четверг прошёл частью в размышлениях об Анне Леопольдовне², с которой я запоздал для Андреевского (я теперь не знаю, как от него отделаться), а вечер пропал у Платонова. Вчера и сегодня были всё экзамены; теперь от них совсем освободился, но по кое-каким соображениям, которые сообщу Вам впоследствии подробно, останусь здесь до 20-го по крайней мере. – Вы просите сообщить Вам мои впечатления о диспуте. Хотя они не особенно ярки попробую описать их *inextenso*³. Ночь перед диспутом прошла правду сказать не⁴ спокойно, чувствовалась какая-то неловкость в груди, просыпался часто и ощущал нервное раздражение. Утром было лучше; я ещё немного поработал, снова пересмотрел речь, которую намерен был сказать устно, а в 12 часов стал приготовляться к битве, намереваясь до часу ещё погулять немного. Но тут случился казус, какие со мной бывают постоянно. Белого галстука не оказалось; я послал поскорее брата⁵ за этим приспособлением, а сам жду с нетерпением. Жду ¼ часа, 20 минут; смотрю на часы: без 20 минут час! Пришлось стремглав самому лететь за проклятым галстуком, из-за которого я на диспут опоздал минут на десять, так что застал весь факуль-

² Анна Леопольдовна (1718–1746) – «правительница» Российской империи (1740–1741). Речь идет о статье А.С. Лаппо-Данилевского «Анна Леопольдовна», см.: Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1890. С. 797–801.

³ Полностью (лат.).

⁴ Далее зачёркнуто: «довольно».

⁵ Родной младший брат А.С. Лаппо-Данилевского Сергей в это время был студентом математического факультета Санкт-Петербургского университета, до женитьбы А.С. они проживали в одной квартире.

тет уже в сборе и ожидании. Ламанский взял меня под руку (он ещё раньше одобрительно отзывался о книге, лобызал меня и мычал), за ним и факультет, бычки и тому подобная тварь земная. Добрели мы до XI аудитории. Кареев начал протестовать, что будет очень жарко. Я тоже. Факультет остановился у дверей, а Ламанский стал неодобрительно «нукать» на сторожа, которого, в конце концов, заставили перенести все регалии в актовую залу. Публики было довольно, особенно в виду позднего времени; все двинулись туда же. Вошли, расположились, стали читать мой некролог, или что-то в этом роде. Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой, возбуждение даже приятного свойства. Пока знаменитый оратор Ернштедт⁶ плевал и шипел с кафедры, я сел между Сырку⁷ и Незелёным⁸ и разговаривая с последним, спросил у него, получил ли он книгу, не находит ли он положений (которые, кстати, я вам пришлю) длинными и пр. Я очень благодарен Ернштедту, который своим дурным чтением оттенил моё говорение; последнее, кажется, показалось в общем удовлетворительным. Фактическое содержание почерпнуто было главным образом из предисловия и заключения, но речь построена на более широкой теоретической основе в виду публики. Говорил я долго, 35 минут, но, в общем, успешно и по окончании обрёл аплодисменты. Начал Кареев, первый официальный оппонент. У него было три группы возражений: 1) на примечание, где я русск[ие] финансы сравнивал с западноевропейск[ими]; здесь указана была неверная ссылка на Avenel, пользование некоторыми (по мнению Кареева), уже устаревшими сочинениями, как deParieu, неясная передача одного текста Токвиля⁹. Говорились эти мелочи свысока. От некоторых возражений пришлось Карееву отказаться, или скорее их смазать и перейти поскорей к другим, другие же я ослабил тем, что сам указал на случайность моих сопоставлений и притом в примечаниях, а не в тексте. 2) Затем пошли возражения насчёт (мнимых) противоречий в определении того, что такое крестьянская община. Кареев выхватил разные черты из разных мною указан-

⁶ Ернштедт Виктор Карлович (1854–1902) – филолог-классик, профессор Петербургского университета (с 1884 г.), академик АН (с 1898 г.).

⁷ Сырку Полихроний Агапиевич (1855–1905) – историк славянской литературы, приват-доцент Петербургского университета (с 1883 г.).

⁸ Незеленов Александр Ильич (1845–1896) – историк русской литературы, приват-доцент (с 1889 г. и.д. профессора) Петербургского университета (1877–1895).

⁹ Токвиль Алексис (1805–1859) – французский социолог, историк и политический деятель.

ных типов и стал меня уверять, что я разное определяю в разных частях крестьянскую общину. Возражать было не особенно трудно. Ещё были замечания, что я различие города и села определяю неясно (стр.168), и на мнимые противоречия на стр.164 («правительство поспешило...»), стр.169 (правительство не спешило»), стр.176 («правительство не препятствовало...»). Сравнивши внимательно (а не поверхностно) эти страницы и стр.171 (на что я и указывал на диспуте) вы увидите, что это поверхностные придирки, а между тем Кареев сперва сделал громогласное заключение, что я будто бы написал последующее и как бы забывал ранее сказанное! – Почти все эти возражения по признанию самого Кареева на диспуте свелись к тому, что я не всегда ясно выражаюсь. 3) Наконец Кареев опять-таки погнался за мнимыми противоречиями на первой странице предисловия и стр. 441. Там я будто говорю, что XVII в. отличался определённой отношением, здесь – что он неопределён. Я заметил, что если я XVII век сам по себе считаю (с теоретической точки зрения) довольно неопределённым, то из этого вовсе не следует, что я не имел права сказать, что сравнительно с предшествующим временем он достигает определённых форм, что ясно из контекста. – Думаю, что я прав и Кареев не спорил, а отступил. – Возражения Платонова глав[ным] образ[ом] след[ующие]. По взгляду на правительственную историю (стр. 1) я принадлежу к школе родовиков, а взгляд этот, не узок ли? Впрочем Плат[онов], кажется, удовлетворился моими разъяснениями. Притом в спор вмешался (в мою пользу) Ламанский, к немалому неудовольствию Плат[онова], который покраснел и не мог удержаться от того, чтобы не сказать: «Да вы, В[ладимир] И[ванович], против кого же возражаете? Вот мы лучше спросим, каково мнение А[лександра] С[ергеевича] по этому вопросу» Затем сделано возражение относительно того, что я будто бы князьям XIII в. приписываю полукочевой образ жизни. Я обратил внимание на фразу (стр.1) «хозяйство в[еликих] кн[язей] отзывалось следами...», привёл рукописное свидетельство о существовании подсечной системы в Вологодском уезде XVII в. и проч. Затем Плат[онов] спрашивал, неужели по моему мнению все позднейшие денежные сборы были сперва натуральные и сам привёл фразу на стр. 2 «то же отчасти» и проч., чем я не преминул воспользоваться, поблагодарив его, что он меня защищает против самого себя. Был разговор об Ольгином¹⁰ оброке, и лавочном оброке, причём вмешался в мою

¹⁰ Ольга (христианское имя Елена) (ок. 890–969) – великая княгиня киевская (с 945 г.).

пользу Яроцкий¹¹. Я уступил одно: стр. 39, прим. 2 быть может действительно правильнее вместо оброка (в скобках) поставить пошлинных денег. Ещё Платонов корил тем, что я признаю татарское влияние, а о византийском мало забочусь. Я указал на стр. 179 и 180 прим. 1 и просил Платонова доказать на примере не только сходство, а положительное влияние Византии на податную систему, что он, конечно, не сделал. Наконец стр. 318, Платонов указывал, что в мирскую раскладку правительство не вмешивалось потому, что она его не касалась¹² и что нечего это разъяснять стремлением правительства сохранить соответствие и проч. – Теперь я вижу, что платоновские разъяснения – простая тавтология; быть может я уже забыл, что он мне говорил, но, во всяком случае, что-то неважное. После Платонова сделал ещё несколько замечаний Лебедев¹³ – отчасти по поводу стр. 31, прим. 1-е, указывая (очень мягко) на то, что термин «репартиционный»¹⁴, насколько ему известно, у нас не употребляется. Я сослался на «Финансовое право» Янжула¹⁵. Ещё в пику Карееву заметил, что глава о податных классах (особенно о бегстве и прикреплении) – слишком длинная, (Кареев напротив, говорил, что я главное внимание посвящаю всё-таки «техническим» (?) вопросам). – В общем, все отзывались с похвалой¹⁶, и всё прошло благополучно. Диспут кончился в 4 ½.

Кланяйтесь Надежде Александр[овне].

Прощайте, Ваш А. Лаппо-Данилевский.

Кареев меня немножко раздражил; против Платонова я не чувствовал никакого раздражения, да и против других. Но посторонние говорят, что я вообще вёл себя прилично.

АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 257. Л. 14–16 об.

¹¹ Яроцкий Василий Гаврилович (1855–1917) – экономист, профессор Александровского лицея (с 1883 г.).

¹² Далее зачёркнуто: «Теперь вижу что это».

¹³ Лебедев Василий Александрович (1833–1909) – экономист, финансист, профессор Петербургского университета (с 1884 г.).

¹⁴ То есть раскладочный.

¹⁵ Янжул Иван Иванович (1846–1914) – экономист, статистик, профессор Московского университета (с 1876 г.), академик АН (с 1895 г.).

¹⁶ Иную оценку диспута мы находим в письме С.Ф. Платонова от 10 мая 1890 г., адресованного П.Н. Милюкову: «Диспут был скучным и монотонным, и устали все до крайности. Саша Лаппо защищался остроумно, но речь сказал малоудачную, слишком растянул в ней свое предисловие». – Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.М. Милюков) / под ред. проф. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 218.

В.Г. Бухерт, В.П. Корзун

**«Позвольте Вам выразить
искреннюю признательность комиссии...»**

А.С. Лаппо-Данилевский, как известно, стоял у истоков формирования ряда новых научных дисциплин, в том числе истории науки и интеллектуальной истории. Весьма показателен в этом плане задуманный и частично им реализованный междисциплинарный проект «Русская наука». В 1916 г. была создана Комиссия «Наука в России». Предполагалось создание сборника очерков «Русская наука» общим объемом в 99,5 п. л. и справочного ежегодника «Наука в России», которые замысливались по аналогии с немецкими изданиями. В подготовке и издании сборника «Русская наука» участвовали 57 ученых – специалистов в разных областях знания. В комиссию наряду с гуманитариями (Н.Н. Глубоковский, Э.Л. Радлов, А.А. Кауфман, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.А. Гредескул, И.М. Гревс, И.М. Ростовцев, С.А. Жебелев, П.Г. Виноградов, А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр) вошли также крупнейшие представители негуманитарных наук, в том числе и математики. Как особо интересующие издателей проблемы были выделены общие суждения о русской науке, а также вопросы сходства и особенностей русской научной мысли в сравнении с западноевропейской, именно эти вопросы в качестве центральных были предложены в разработанной А.С. Лаппо-Данилевским анкете для ученых¹. По существу, в анкете прочитывается концепция национальной специфики русской науки, которая затем была развернута Лаппо-Данилевским в лекции «Развитие науки и образования в России» в 1916 г. в Кембридже. Это был итог науковедческих поисков мыслителя и в известном смысле – программа

© В.Г. Бухерт, В.П. Корзун, вступительная статья, примечания, публикация, 2014

¹ Русская наука // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 67. Л. 10–11. См. об этом подробнее: Туркина Э.В. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // Петербургская Академия в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 1. С. 182–194; *Ее же*. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний (1921–1932): Из истории организации историко-научных исследований и Академии наук: сб. документов. СПб., 2003. С. 637–659.

подобных исследований в России. Как вспоминает С. Ольденбург, А.С. Лаппо-Данилевский перед отъездом в Англию долго размышлял над особенностями русской науки и намерен был говорить о ее специфической связи с жизнью: «Через всю научную работу проходит одно настроение, одно чувство, одна мысль: их работа (русских ученых. – В.К.) связывается с жизнью, с тем, что мы в России зовем идеею, для русского ученого нет науки вне жизни и без жизни»². Позже, в 1917 г., эта лекция была опубликована на английском языке³, и к сожалению, не получила глубокого осмысления в отечественной историографической литературе.

Лаппо-Данилевский был интеллектуальным магнитом Комиссии по истории русской науки, но ко всему прочему ему приходилось заниматься «прозой жизни» – текущей организационной работой, налаживанием коммуникационных связей, подбором авторов. Публикуемые ниже документы фрагментарно позволяют представить эту организационную рутину, столь необходимую в организации любого крупного проекта.

Письма А.С. Лаппо-Данилевского по поводу издания сборника «Русская наука»

П.П. Лазареву⁴
[Петроград]. 2 мая 1917 г.

Глубокоуважаемый Пётр Петрович.

С большим удовольствием доложу о Вашем согласии принять участие в сборнике «Русская наука» Комиссии, образованной для сего Академией.

В течение мая надеюсь прислать Вам дальнейшие подробности о составе сотрудников и проч.

С искренним уважением готовый к услугам
А. Лаппо-Данилевский

АРАН. Ф. 459 (П.П. Лазарев). Оп. 4. Д. 70. Л. 1.

² Ольденбург С. Работа Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 180.

³ *Lappo-Danilevsky A.S. The development of science and learning in Russia // Russian Realities and Problems / ed. by J.D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.*

⁴ Лазарев Пётр Петрович (1878–1942) – физик, био- и геофизик, академик АН (с 1917 г.).

В.Н. Перетцу⁵
27 февраля 1918 г.

Многоуважаемый Владимир Николаевич.

От лица Академии позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой вывести подкомиссию по вопросу об издании сборника «Русская наука» из большого затруднения: академик В.М. Истрин⁶, взявшийся было за составление очерка по истории литературы, пишет мне, что он вынужден отказаться от него, т.к., проживая в Серпухове не имеет под рукою нужных книг. Вы, конечно, в лучших условиях, да и знакомы с историей малорусской литературы, а потому было бы очень желательно получить Ваше согласие на участие в нашем предприятии. Несколько сведений о его характере Вы почерпнёте из прилагаемых материалов. К очерку надо присоединить указатель главнейших трудов по библиографии предмета (общих, если таковые имеются) и по самому предмету (1-е изд[ание] и послед[ующие], целые сочинения и особенно ценные статьи) в порядке упоминания их в тексте. Такой указатель, составленный, разумеется, со строгим выбором, может дать наглядное понятие о движении данной науки, но не может быть по самому характеру издан, большого объёма: 1–2 страницы или меньше пети́та были бы достаточны. В состав его могут войти и такие сочинения, которые не упоминали в тексте.

Надеюсь, что Вы не откажете в вашей ценной поддержке благому делу, и ответите мне согласием.

Если срок Вам неудобен, можно было бы сговориться о другом.

Преданный Вам
А. Лаппо-Данилевский

РГАЛИ. Ф. 1277 (В.Н. Перетц). Оп. 1. Д. 44. Л. 2–3.

⁵ Перетц Владимир Николаевич (1870–1930) – литературовед, фольклорист, приват-доцент Петербургского университета (1896–1903), профессор киевского Университета св. Владимира (1903–1914), академик АН (с 1914 г.), АН УССР (с 1919 г.).

⁶ Истрин Владимир Михайлович (1865–1937) – текстолог, лингвист, палеограф, литературовед, славист, знаток древних языков, издатель и комментатор памятников письменности. Академик АН и АН СССР.

В.Н. Перетцу
[Петроград]. 27 марта 1918 г.

Многоуважаемый Владимир Николаевич.

Позвольте выразить Вам искреннюю признательность Комиссии по вопросу об издании сборника «Русская наука» за выраженное вами согласие принять участие в её работах.

Вы спрашиваете, нужно ли принимать во внимание «итоги» или «положительные приобретения изучения истории русской литературы?» Комиссия полагает, что нужно, по крайней мере, в главнейших чертах, что[бы] ясно представить в чём именно заключалось движение данной науки и в какой зависимости последующие её моменты находились от предшествующих.

В вашем письме Вы также сообщаете, что XIX [век] «никогда не занимались». Комиссия всё же надеется, что Вы не отказываетесь взять на себя и XIX в.? Едва ли желательно было бы дробить изложение и разделять его между двумя лицами – по крайней мере во всех остальных случаях (т.е. очерках, имеющих войти в состав сборника) такого дробления удалось избежать.

В распоряжении редакции до 10 очерков по разным наукам и приступлено к печатанию. Поэтому откладывать Вашу работу на долгий срок было бы не совсем удобно. Комиссия будет надеяться получить Ваш труд в августе или сентябре, разумеется, если мы будем живы.

Уважающий Вас
А. Лаппо-Данилевский

РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 44. Л. 4–4 об.

В.Н. Перетцу
[1918 г.].

Многоуважаемый Владимир Николаевич.

Летом наша типография почти не работала и, хотя «Русская наука» уже набирается, однако, Ваша очередь ещё не так скоро настанет: тем временем Вы, вероятно, успеете составить Ваш очерк, по крайней мере, в общих чертах. Печатание его вряд ли можно начать до января, и дополнительные справки Вы могли бы сами поручить сделать здесь так же, как и подобрать библиографические указания, которые, впрочем, должны иметь в виду лишь главнейшее и не могут занять более нескольких страниц (например, 2–3

большого формата). Редакция сборника была бы очень признательна Вам, если бы Вы не отказывались от намерения принять в нём участие, тем более ценное, что оно распространяется и на малорусскую литературу.

Уважающий Вас

А. Лаппо-Данилевский

РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 44. Л. 5–5 об.

Интервью с Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским

Для начала представим нашему читателю Константина Юрьевича Лаппо-Данилевского. Он литературовед, доктор филологических наук, doktor habilis Гиссенского университета.

В 1985 г. окончил русское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. 31 октября 1988 г. защитил диссертацию «Литературная деятельность Н.А. Львова» (науч. руководитель Г.Н. Моисеева). С 1 ноября 1988 г. научный сотрудник сектора по изучению русской литературы XVIII века ИРЛИ. В период с сентября 1989 по январь 1990 г. находился в США как стипендиат IREX, собирая информацию о писателях русской эмиграции, читал доклады в Принстонском, Йельском (Нью-Хэвен), Питтсбургском, Колумбийском (Нью-Йорк) и других университетах. В ноябре – декабре 1991 г. находился в Италии по приглашению Миланского университета; в марте 1993 г. – по приглашению университета в Салерно. В ноябре 1995 г. стал стипендиатом Общества австрийской литературы (Вена). В 1995–1998 гг. – стипендиат Гумбольдтовского фонда в университетах Марбурга и Бонна (науч. руководители Ханс-Бернд Хардер и Ханс Роте). В сентябре – октябре 1999 г. проводил научные разыскания в библиотеках Берлина по приглашению Центра по изучению европейского Просвещения (Потсдам). В 1999–2002 гг. – стипендиат немецкого фонда Deutsche Forschungsgemeinschaft для написания книги «Winckelmann und sein Einfluss auf die russische Literatur und Kunstkritik im 18. und 19. Jahrhundert» (науч. руководитель Герхард Гиземан).

19 марта 2005 г. факультетом «Язык, литература, культура» Гиссенского университета на основании представления этой монографии в качестве хабилитационного сочинения и доклада «“Значимое отсутствие” в повести Ярослава Ивашкевича “Взлет”» присуждена научная степень «Dr. habil.».

В 2003–2005 гг. – научный сотрудник Славянского семинара Марбургского университета.

© В.П. Корзун, вступительная статья, примечания, расшифровка текста, публикация, 2014

16 ноября 2007 г. ВАКом по представлению документов о хабилитации в Гиссенском университете присвоена научная степень доктора филологических наук (протокол № 160-ЮЭ).

8 декабря 2007 г. на ежегодной конференции Винкельмановского общества в Стендале (Германия) за монографию «Gefühl für das Schöne. J.J. Winkelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland» (2007) присуждена Винкельмановская медаль г. Стендала.

7 ноября 2008 г. назначен заведующим Группой по изданию сочинений Вяч. Иванова.

Участник многочисленных славистических конференций в России, Швейцарии, Англии, Австрии, Германии.

Области интересов: источниковедение, сравнительное литературоведение, теории интертекстуальности, нарратология, история русской литературы XVIII–XX вв., взаимосвязи русской литературы с немецкой, итальянской, французской и польской.

Действительный член Международного общества по изучению XVIII в. и Российского Союза германистов, а также Винкельмановского общества (г. Стендаль, Германия).

Беседа с Константином Юрьевичем состоялась в здании Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге 9 октября 2013 г. после научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского – он входил в оргкомитет юбилейной конференции. Ниже публикуются фрагменты этого интервью. Выбор материала, вошедшего в эти фрагменты, объясняется желанием донести до читателя новую информацию, не представленную в обширной и содержательной статье «Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции», принадлежащей перу Константина Юрьевича. Отметим также, что статья основана на интереснейших архивных, частично справочных материалах, интервью же позволяет нам представить место устной традиции, семейного предания в создании / припоминании образа великого ученого (это, как мы увидим, двуединый процесс, включающий и актуализирующиеся семейные истории-предания, с которыми вырос автор, и его собственные, заинтересованно-творческие усилия по их актуализации). Мы получаем, таким образом, возможность представить, как ученый-литературовед К.Ю. Лаппо-Данилевский

становится историком-генеалогом своей семьи, как возобновляется – в новой исторической и познавательной ситуации – благородная деятельность родственников Александра Сергеевича в первой трети XX в. по творению «мест памяти» знаменитой семьи, оставившей столь значимый след в истории отечественной науки и культуры. В конце концов на современном этапе развития науки в поле исследовательского интереса все более существенное место занимает «прошлое, изломанное памятью», которое оттеняется в прерывностях истории, и способы реконструкции исторических феноменов, включающие / учитывающие субъективность историка.

В.П.: Константин Юрьевич, первый вопрос, который меня интересует – это степень Вашего родства с А.С. Лаппо-Данилевским.

К.Ю.: Я правнучатый племянник Александра Сергеевича. Все носители фамилии Лаппо-Данилевских, передающие дальше по мужской линии эту фамилию – потомки младшей сестры Александра Сергеевича Надежды Сергеевны Лаппо-Данилевской¹. Средний ее сын – Константин Михайлович Лаппо-Данилевский – это мой дед, который воспитывался в значительной мере родителями Александра Сергеевича и его сестрами. Эти смутные воспоминания принесла в мое сознание в основном моя бабушка, вторая жена Константина Михайловича. Бабушкин рассказ – это важный канал передачи родственной информации. Мой дед был заключен в Корлаг и погиб, когда моему отцу Юрию Константиновичу было два года.

В.П.: Константин Юрьевич, а когда именно Вы слышали от бабушки эти истории? Когда вы сами начали расследование этих историй?

К.Ю.: Я вырос с этими историями-припоминаниями, кроме того, в семье хранились кое-какие фотографии. В частности, два снимка Надежды Сергеевны со своими детьми. Именно через эти фотографии и рассказы бабушки все мы узнали о степени родства с Александром Сергеевичем. Но очень многое потом конечно уже разыскивал я сам. То есть то, что касается Надежды Сергеевны, ее связи с Александром Сергеевичем – это было как-то донесено бабушкой. Кроме того, были, естественно, фотографии моего деда

¹ Надежда Сергеевна Лаппо-Данилевская (1872 – 10.02.1944).

Константина Михайловича, это по большей части были поздние фотографии 1930-х гг. И тогда вместе с рассмотрением фото деда всплывали какие-то предания о его общении в 1920-е гг. с Иваном Александровичем². Насколько оно было тесным, трудно судить, но оно было, и это были такие аксиомы, которые в семье не оспаривались. Потом меня заинтересовал портрет Александра Александровича, прадеда Константина Михайловича, и его жены грузинки Е.С. Гангебловой, благодаря которой в жилах Екатеринославских Лаппо-Данилевских течет грузинская и сербская кровь.

В.П.: Александр Александрович – это прадед Константина Михайловича?

К.Ю.: Да, соответственно, это дед Александра Сергеевича и Надежды Сергеевны. Ну и надо сказать, что я рано, еще в школе, интересовался этими вопросами, но доступ к информации тогда был затруднен, в студенческие годы я просматривал кое-какие материалы. И от бабушки же я знал, что у Ивана был младший брат, художник, но все это в семейной памяти уже как-то стиралось. Я думаю, что репрессивный аспект свел семейную информацию к минимуму, потому что вскоре после ареста Константина Михайловича, его высылки, был потом уже донос на Ларису Михайловну и других родственников. Драматическая судьба близких Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в XX столетии была не в последнюю очередь вызвана броским фамильным именем, затруднявшим мимикрию в эпоху социальных потрясений. Фамилия была на слуху и у многих вызывала приливы классовой ненависти.

В.П.: Лариса Михайловна – это бабушка?

К.Ю.: Да, это бабушка, урожденная Жежеленко. Бабушка не имела профессии, она была из интеллигентной семьи, причем корни со стороны отца и бабушки были связаны с духовенством, но, к сожалению, это тоже не ясная ситуация. Она была 1906 г. рождения, это драматическое поколение, не успевшее получить образование до Революции, а потом было довольно сложно. Известно, что она обучалась в гимназии, получила хорошее домашнее образование. У нее дома была бонна немка, и поэтому немецкий язык у нас с большей или меньшей степенью совершенствовался в по-

² Речь идет о сыне Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского Иване Александровиче, известном математике, рано ушедшем из жизни (1896–1931).

следних трех поколениях. У моего отца немецкий тоже с детства на слуху, потом он доучивал его, я тоже с ранних лет с немецким языком как-то связан. В 1920-е гг. она снимается в двух немых фильмах, сотрудничает с ФЭКСой – это фабрика эксцентрического актера, оттуда вышли известные деятели советского кино – Г.М. Козинцев и Л.З. Трауберг. Потом пошло звуковое кино, и у нее как-то не сложилось.

В.П.: Но давайте вернемся к тому, как восстанавливались в семейной памяти другие имена Лаппо-Данилевских.

К.Ю.: Я уже упоминал о младшем сыне Александра Сергеевича Александре. Я купил в букинисте, мне повезло, книжечку, посвященную его памяти³. Потом я откуда то узнал, что его женой (хотя я думаю, что они не были расписаны) была Бенита фон Эссен, и через каких-то знакомых бабушки я познакомился с ее двоюродным братом Александром Александровичем фон Эссенем, сыном красного барона фон Эссена, возглавлявшего в 1920-е гг. Академию художеств. И от него я узнал кое-что о судьбе Бениты Николаевны. Она умерла в 1970-е гг., ее брат вспоминал, что она была замужем за Александром Александровичем. Но это такая человеческая память, которая не подтверждена документально. Возвращаясь к Александру Сергеевичу, я должен сказать, что его фигура для меня была довольно притягательна, но я довольно рано ощутил величину этой фигуры и силу ума, и, конечно, меня к нему, с одной стороны, тянуло, с другой стороны – я боялся оказаться вблизи этой фигуры просто служителем его памяти. Возможно, поэтому мой выбор был связан с литературой, а не с историей. Я, конечно, искал свой путь.

В.П.: Да, это очень понятно, когда в истории действуют два или более одноименных персонажа, человеческая память ранжирует их. Мне сразу вспомнилась биография А.Дж. Тойнби, который, казалось бы, был приговорен к тому, чтобы пребывать в тени своего великого дяди – Арнольда Тойнби. Но в конечном итоге стал равноправной фигурой в этом интеллектуальном семействе. Итак, вот вы с такой фамилией поступаете в университет. Что Вы ощущали?

³ Речь идет о книге: А.А. Лаппо-Данилевский / Изд. Общины художников. Л., 1928.

К.Ю.: Я думаю, что в советское время это не играло никакой роли, там играл роль политизированный блат, который имел место тогда в университете.

В.П.: Я имею ввиду другое: преподаватели как-то говорили – «ах, вы тот самый, вы связаны, вы родственник»? Или как-то по-другому реагировали?

К.Ю.: Естественно, люди образованные и воспитанные как-то откликались на эту фамилию. Кстати, не только знаменитого историка. Один раз я стоял в очереди в железнодорожную кассу и одна культурная женщина, как потом выяснилось, переводчица, сказала: «А вот вы с такой математической фамилией...» Хотя казалось бы, она была гуманитарий, должна была знать Александра Сергеевича, но она знала Ивана Александровича благодаря тому, что ее дочь была математиком. Так сохранялась и транслировалась память даже на обыденном уровне. Люди говорили приятное, но в большинстве случаев это была скорее мифологическая память имени. Потом, когда я уже знакомился с кем-то из исторического цеха (я не помню когда, по-моему, когда я был в аспирантуре, я познакомился с Алексеем Николаевичем Цамутали) – конечно, это был более глубокий разговор и фигура Александра Сергеевича высвечивалась совершенно по-другому. Но иногда люди говорили: «А Вы-то, мол, какое имеете отношение к этому имени, какое у Вас образование, что Вы значите?» Но я пытался найти какой-то свой путь, тем более, что история меня, конечно, привлекала, но меня довольно рано заинтересовала именно история литературы, вопросы поэтики. Я колебался, думал. У меня была специализированная немецкая школа, я думал, что я буду германистом, скандинавистом. Но когда дело дошло до поступления, кто-то из круга знакомых моих родителей мне посоветовал остановиться именно на русской литературе.

В.П.: А как к этому выбору отнеслись Ваши родители? Не могли бы Вы рассказать, чем они занимались.

К.Ю.: Мой отец вырос в ссылке и начал образование на биолого-почвенном факультете, хотя хотел заниматься химией, как он говорил. Потом ему удалось вернуться из Фрунзе в Петербург после долгого отсутствия, и здесь он закончил Ленинградский университет.

В.П.: То есть начинал он учиться во Фрунзе?

К.Ю.: Да, еще в ссылке. Моя мама закончила русское отделение Санкт-Петербургского университета, работала редактором. Поэтому были, конечно, какие-то семейные предпосылки выбора профессии. По крайней мере, было ясно, что я пойду учиться в университет.

В.П.: Вы сразу были нацелены на занятия наукой? Или это было еще проблематично?

К.Ю.: Было задано направление, но было не совсем ясно, честно говоря, как это все функционирует, потому что из научного сообщества в моем окружении никого поблизости не было. Были сокурсники матери, которые работали в Пушкинском доме, ее знакомые, но это было все как-то отдаленно. Я думал, что учеба дальше что-то покажет, но тем не менее я понимал довольно рано, что занятия XX веком вряд ли возможны, меня все более интересовали прошлые эпохи. И я ходил на другие отделения, на классическое отделение, на германистику, учил французский язык. Но все это было немножко вслепую. Для меня был очень важен семинарий Натальи Дмитриевны Кочетковой, ученицы Беркова Павла Наумовича, и именно там я нашел академическую атмосферу, которая меня устраивала, хотя семинарий был немногочисленный.

В моем формировании как историка литературы сыграли большую роль два фактора: то, что я ходил долго на древнегреческий язык к Александру Константиновичу Гаврилову, довольно известному человеку в Петербурге, основателю классического кабинета при 610-й гимназии. И на лекции Александра Иосифовича Зайцева, замечательного знатока древности. В дополнение был семинарий по XVII веку, где я уже какие-то общие представления о филологии претворял на практике и, как мне кажется, мне удалось найти в своей дипломной работе, посвященной «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, некоторые новые повороты. Эта дипломная работа открыла мне путь в аспирантуру. Моим научным руководителем стала доктор филологических наук Галина Николаевна Моисеева. Я взялся за Николая Александровича Львова, выяснилось, что это замечательный писатель, который не опубликован. Позднее, несмотря на всякого рода сложности общественного характера, мне удалось опубликовать и лите-

ратурные тексты, и его итальянский дневник. Я все не могу закончить монографию о его поэтике, но, даст Бог, эту тему я завершу.

Параллельно этим занятиям у меня рос интерес к эмигрантской литературе. Этому способствовала атмосфера второй половины 1980-х гг. и некоторые элементы случайности. Совершенно случайно, через своего героя Львова, я познакомился с внучатым племянником Моисея Семеновича Альтмана, студента Вячеслава Иванова в Баку. Дело в том, что мне для диссертации нужен был текст издания Анакреона в переводе Львова, издания 1794 г., и я хотел сделать копию. Это можно было сделать только получив разрешение из ГорЛита у нас в институте. Естественно, в библиотеке мне тоже никакую книгу этого года не выдавали, поэтому один приятель мне сказал: «Знаешь, у меня есть друг, у которого есть эта книга». Так я зашел к родственникам Альтмана и мы разговорились, затем подружились, и выяснилось, что у него дома сохранился литературный архив, и там есть такая жемчужина, как разговор Вячеслава Иванова с Моисеем Альтманом. И параллельно к этому литературному памятнику есть еще и дневники Альтмана, которые совсем с другой стороны освещают этот контакт, это общение, есть стихотворная переписка, автографы Вячеслава Иванова. Книгу⁴ я тоже готовил к печати, она большое внимание привлекла.

В.П.: В моем представлении Вы человек мира, потому что Вы много путешествуете, работаете в иностранных архивах, Вы там публикуетесь. Чувствуете ли Вы специфический код русского литературоведения или специфическое отношение к нему в «чужих» научных сообществах? Меня интересует этот вопрос, потому что Александр Сергеевич был озабочен проблемой национальной науки. Как ни странно, он человек мира, русский европеец, и тем не менее у него эта проблема была очень остро поставлена, особенно в начале XX в. в связи с работой над проектом «Русская наука».

К.Ю.: Да, это было другое время, не знаю, хорошо это или плохо, но мы движемся в общем русле с мировой наукой. При этом русская наука давала, если вспомнить того же М.М. Бахтина или тех же структуралистов и формалистов, очень мощный импульс

⁴ Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. 384 с.

мировому литературоведению. К сожалению, проблема в том, что многое растеряно, хотя, в то же время, многое делается для восстановления и традиций, и престижа. Несмотря на то, что стена изоляции рухнула, по-прежнему слабой остается филологическая подготовка в плане изучения языков, источников. Но нельзя не сказать и о глобальном падении престижа гуманитарного знания на Западе, так что это общие проблемы.

В.П.: Константин Юрьевич, давайте вернемся к А.С. Лаппо-Данилевскому. В 1996 г. после выхода археографического ежегодника, в котором был помещен большой блок статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому, я, как автор одной из статей, получила от Вас письмо удивительно теплого содержания, в котором прочитывались озабоченность памятью о Вашем знаменитом родственнике и интерес к исследовательской литературе о нем. Казалось бы, Ваши пути разошлись, Вы стали к тому времени уже известным литературоведом. Чем подпитывался, стимулировался Ваш интерес?

К.Ю.: Я в течение своей жизни интересовался историей Академии наук, потому что я, благодаря счастливому стечению обстоятельств, стал ее сотрудником, и в силу того, что и родственники мои были с ней связаны, естественно, я жадно выхватывал в этой литературе, в каких-то сборниках памяти, в том, что печаталось, посвященное истории Академии. И фигура Александра Сергеевича меня привлекала все больше и больше, я понимал, что, несмотря на все мои усилия, тот уровень советского образования не дает мне возможности адекватно воспринять его труды. Первой попыткой уяснить кое-что для себя в его методологической концепции был реферат по философии, который я писал на первом курсе аспирантуры. С этим рефератом я подошел к проблемам идеографии, которые были очень созвучны моим литературоведческим размышлениям. Именно тогда произошло осознанное и прочувствованное знакомство с его работой. Потом как-то пунктирно я «встречался» с Александром Сергеевичем. Стоит наверно вспомнить мое знакомство с Мариной Сорокиной⁵. Она приехала в Петербург, нашла меня через рукописный отдел Сал-

⁵ Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, родилась 10 июня 1961 г.

тыковки (она тогда занималась подготовкой к изданию второй части рукописи А.С. Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики») и она довольно рано стала меня посвящать о трудностях, которые есть с изданием «Политических идей...». Дело кончилось тем, что я нашел какую-то возможность публикации в Германии. К сожалению, Марина Юрьевна все это очень затянула, а когда представила работу, выяснилось, что библиография недостаточно проработана, не хватило знания языков. Библиография была в ужасном состоянии, мне пришлось нарушить свои планы и взять на себя подготовку макета, макет был сделан в Петербурге, на это ушло несколько месяцев, пришлось работать в Публичной библиотеке и в библиотеке Академии наук, чтобы правильно оформить библиографию.

В.П.: Приходится удивляться Вашему знанию нескольких иностранных языков. Это культурный капитал, унаследованный из профессорской семьи Ваших великих родственников?

К.Ю.: Капитал капиталом, но языки – это такой напряженный труд, это надо долбить, параллельно с научными изысканиями. В какой-то мере многоязычность Александра Сергеевича, может быть, сыграла роль какого-то примера, но я вырос в таком советском вакууме, и было очень важно этот вакуум преодолеть, и это получилось. Во всяком случае, пеструю многоязыкую библиографию Александра Сергеевича я был в состоянии освоить и представить.

Я по-приятельски подредактировал вводную статью к изданию. Книга вышла в 2005 г., оценили ее с очень большим опозданием. И ее уже имело смысл публиковать в России, но это отдельная тема. Тут я хотел бы прерваться. Вот так я стал заниматься наследием Александра Сергеевича и внимательно следить за научной литературой о нем. Естественно, Александр Сергеевич меня интересовал и интересует, но интересовала и собственная история семьи, на которую семейные предания тоже не могли дать никакого ответа. Так я стал генеалогом семьи Лаппо-Данилевских.

В.П.: Не могу удержаться, чтобы не спросить о памяти относительно Ивана Александровича, поскольку я совсем недавно написала книгу о нем и эмоции сострадания и восхищения этим

человеком все еще не покидают меня. Как память о нем пульсирует в Вашей семье?

К.Ю.: Надо сказать, что Александр Сергеевич был немножко на бронзовом пьедестале, а вот об Иване, благодаря общению с Константином Михайловичем, который был двоюродным братом Ивана, остались какие-то более живые, человеческие, если не воспоминания, то интонации. И потом его ранняя смерть, его сгорание было весьма известно в кругах интеллигенции. Эта трагическая судьба (несмотря на его отъезд, который, несомненно, перешел в эмиграцию, потому что возвращаться они с женой и дочерью не хотели ни в коем случае, и были счастливы, что уехали все-таки втроем) делала его мучеником в истории советской науки. Это давало почву для интереса и разговоров о нем. Научная же судьба его отца, Александра Сергеевича, сложности, связанные с научным наследием, непростая судьба его учеников – все это приглушало разговоры о нем. Слухи о гонениях, потом статья Л.В. Черепнина, это все если не прямо, то косвенно докатывалось до родственников А.С. Лаппо-Данилевского и было сопряжено с определенным страхом.

В.П.: Благодарю Вас за интересную беседу, и за то что Вы делаете для памяти А.С. Лаппо-Данилевского.

**УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1863 г.
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ РОССИИ. УЧЕНЫЕ СООБЩЕСТВА
В ГРАНИЦАХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
И АКАДЕМИЧЕСКИХ УСТАВОВ – ФОРМАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕДУРЫ И ИХ КОРПОРАТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ**

С.И. Посохов

**Университетская реформа 1863 г. в ряду
Великих реформ: историографический аспект**

Анализируется историографический аспект проблемы роли и места университетской реформы в ряду Великих реформ, проводившихся в Российской империи в 1860–1870-е гг. Специальное внимание уделяется характеристикам университетского устава 1863 г. Фиксируются существенные отличия между выделенными историографическими этапами. Отмечается, что на определение значения университетской реформы влияло понимание социальных функций университета, а также общие методологические и мировоззренческие принципы исследователей.

Ключевые слова: Университеты Российской империи, Великие реформы, университетский устав 1863 г., историография.

S.I. Posokhov

**University reform of 1863 in the number
of the Great Reforms: historiographical aspect**

The paper analyzes the historiographical aspect of the problem of the role and place of university reform in a number of the Great Reforms carried out in the Russian Empire in the 1860–1870s. Special attention is paid to the characteristics of university statute in 1863. Substantial difference between the allocated historiography stages is shown. It is noted that understanding of the social functions of the university, as well as general methodological and philosophical princi-

ples of the researchers influenced on the determination of the values of university reforms.

Keywords: Universities of the Russian Empire, the Great Reforms, University Statute in 1863, historiography.

Изучение полосы реформ 1860–1870-х гг. в Российской империи, которое началось вскоре после их проведения, с разной интенсивностью и вектором направленности продолжается до сегодняшнего дня. Не все реформы одинаково привлекали внимание исследователей, наиболее всесторонне и глубоко, по сравнению с другими, исследовалась крестьянская реформа, о чем свидетельствует не только количество работ, но и широта исследовательских задач и методологических подходов. Примечательно, что исторические исследования, которые были посвящены отдельным реформам, уже в начале XX в. содержали историографические справки или обзоры. Этот факт свидетельствует о накоплении оценок и выводов, которые нельзя было игнорировать. Немало было высказано мнений и об университетской реформе, олицетворением которой стал Устав 1863 г. Вместе с тем специальные историографические исследования, где бы ставилась цель охарактеризовать процесс изучения университетской реформы среди других преобразований 1860–1870-х гг., появились лишь в последние годы¹ и многое в этом плане еще предстоит сделать. Взгляды авторов на университетскую реформу и ее место среди всех других реформ настолько разные, а порой и антагонистические, что их исследование представляет значительный научный интерес.

Характерной чертой дискуссии по «университетскому вопросу» во второй половине XIX – начале XX в. было то, что она часто шла отдельно от других проблем в сфере образования. В ходе полемики относительно характера университетской реформы ее участники придавали данной реформе настолько большое значение в общественных процессах, которые проходили в то время в Российской империи, что в этом контексте проблемы преобразования средней и низшей школы, как правило, даже не обсуждались.

¹ См.: *Посохов С.И.* Образы университетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX століття в публіцистиці та історіографії. Харків, 2006; *Посохов С.И.* Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Высшее образование. 2006. № 1 и др.

Об этом свидетельствуют материалы периодических изданий и собственно исследовательские работы. Так, Г.Е. Благодетель в 1861 г., сразу после провозглашения крестьянской реформы, высказал убеждение, что следующей будет университетская, поскольку «университетское учение находится в строгой логической связи с общим ходом народной жизни», а университеты являются «полным и верным выражением умственной деятельности народа»². Н.И. Пирогов также считал, что положение университета в государстве должно стать исключительным³ и считал абсолютно правильным проведение университетской реформы именно после того, как «подняты крестьянский и юридический вопросы», связывая университетскую реформу и «решение вопроса о свободе мысли и слова»⁴. Даже идейный оппонент Н.И. Пирогова Н.А. Любимов соглашался с ним в том, что реформирование университетов связано с «судьбой государства»⁵. Кажется, и представители власти были того же мнения. По крайней мере, В.В. Григорьев заметил, что «за исключением крестьянского Положения 19-го февраля, никакое другое законоположение в Империи не обрабатывалось с принятием таких гарантий для успешности дела, как университетский устав 1863 г.»⁶.

Со временем либеральная историография воспримет этот подход. В исследованиях о «великой эпохе освободительных реформ»⁷ университетские преобразования, как правило, занимали видное место (показательно, что и назывались они часто «университетская реформа»), в то время как другие изменения в системе образования почти не упоминались. Характерным примером является широко известная работа Г.А. Джаншиева «Эпоха вели-

² *Благодетель Г.Е.* О значении наших университетов в системе народного воспитания // Русская старина. 1861. № 12. Отд. 1. С. 2.

³ *Пирогов Н.И.* Университетский вопрос // Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. М., 1985. С. 341.

⁴ Там же. С. 347.

⁵ *Любимов Н.А.* Мой вклад: статьи, записки, чтения, заметки. Т. 1. Университетский вопрос. М., 1881. С. 217.

⁶ *Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 321.

⁷ Так, например, писал об этом времени В.И. Вернадский, см.: *Вернадский В.И.* Ближайшие задачи академической жизни // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 40.

ких реформ», в структуре которой соответствующее место (сразу после «Освобождения крестьян» и «Отмены телесных наказаний») занял раздел «Университетская автономия» с единственной главой «Университетский Устав 1863 г.». Автор, цитируя Н.И. Пирогова, подчеркивал связь университетской реформы с гражданскими свободами, акцентировал внимание на том, что университетская реформа должна была сделать университеты не только самостоятельными, но и общественными⁸. Аналогичного подхода придерживались авторы сборника «Три века. Россия от Смуты до нашего времени». В частности, И.М. Соловьев считал вполне естественным то, что «первою должна была ожить высшая школа», поскольку «жизнь наших университетов давно уже органически переплелась с историей русской общественности»⁹. Безусловно, это не означало, что реформы средней и начальной школы не исследовались или игнорировались, но они виделись и понимались совсем в другом контексте. Первоочередное значение придавалось университетской реформе и ее влиянию на ход и направленность последующих перемен. Слова «университет» и «прогресс» шли рядом. Так, например, В. Якушкин отмечал, что именно университеты «внесли идеи и практику просвещения в провинциальное общество», стали «хранителями нашей умственной свободы, важнейшими слугами русского просвещения и прогресса»¹⁰.

Важно отметить что и в исследованиях, которые специально посвящались изучению истории образования в Российской империи XIX в., рассмотрение преобразований в этой сфере обязательно начиналось анализом университетской реформы, после чего изучались изменения, которые произошли в средней и начальной школе. В публицистической литературе по «университетскому вопросу», а затем и в научных работах прозвучало обоснование и того факта, почему университетская реформа опередила все прочие. Собственно, еще до принятия нового устава и даже до начала Великих реформ как таковых, в 1858 г. один из разработчи-

⁸ Джанишев Г. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. С. 274.

⁹ Соловьев И.М. Университетский вопрос во второй половине XIX в. // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Т. 6. Вторая половина XIX в. М., 1913. С. 213, 216.

¹⁰ Якушкин В. Из истории русских университетов в XIX веке // Вестник воспитания. 1901. № 6. С. 51, 58.

ков университетского устава Н.Х. Бунге писал о том, что «без высшего образования невозможно ожидать ни обновления нравственных сил народа, ни плодотворного труда отдельных лиц»¹¹. Он полагал, что успех реформ может обеспечить только подготовленный к этому слой администраторов. «Мы перестали верить, – писал он, – в самоучек полководцев и администраторов, в мудрость чиновничьей рутины, в изобретательность неразвитого наукою ума»¹². И позже авторы были убеждены, что «бессилие университета грозит сделаться величайшим бедствием страны», поскольку «им пополняются кадры просвещенных работников, в нем рождаются движущие силы смелых новаторов»¹³. В связи с этим представители «либерального лагеря» трактовали реформу университетов 1863 г. как поворотный пункт правительственной политики и проявление демократии в обществе. Даже те, кто без особой симпатии относился к Уставу 1863 г., *de facto* признавали его роль в развитии всех других реформ. В конце 1870-х – начале 1880-х гг., когда правительство начало подготовку нового устава, М.Н. Катков так охарактеризовал суть этого процесса: «Новый устав важен не только для одного учебного дела, он важен еще потому, что полагает собою начало новому движению в нашем законодательстве. Как устав 1863 г. был началом системы упразднения государственной власти, так устав 1884 г. предначинает собою восстановление правительства, возвращение властей к их обязанностям»¹⁴.

Довольно рано, уже в 1870-е гг., и профессиональные историки стали задумываться о причинах первоочередности университетской реформы в ряду общественных преобразований. Так, В.С. Иконников четко сформулировал тезис о том, что вопрос реформирования университетов «стоял на первом плане» в деятельности каждого нового правительства¹⁵. Этот историк проанализи-

¹¹ Бунге Н.Х. О современном направлении русских университетов и о потребностях высшего образования // Русский вестник. 1858. Т. 14. № 4. Кн. 1. С. 311.

¹² Там же.

¹³ Левченко В. Кризис университетской жизни (мысли студента) // Русская мысль. 1908. № 5. С. 113.

¹⁴ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1884 год. М., 1898. С. 511.

¹⁵ Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 11. С. 114.

ровал волны реформ в истории Российской империи и пришел к выводу, что подготовка университетских преобразований началась значительно раньше перемен во всех других сферах – соответственно в 1802, 1835, 1858 гг.¹⁶ В начале XX в. такой взгляд стал характерен для многих исследователей. В частности, А.А. Корнилов относительно университетских преобразований 1860-х гг. писал о том, что «либеральные веяния начала царствования Александра сказались, прежде всего, на положении печати и университетов»¹⁷.

П.Н. Милюков также отмечал, что «четыре раза, в начале четырех царствований XIX в., русская высшая и средняя школа подвергались коренной перестройке»¹⁸, при этом он подчеркнул, что уже по этой периодичности учебных реформ можно догадаться, что они вызывались далеко не одними только педагогическими соображениями. «При такой тесной связи между историей русской школы и политическими настроениями русской власти и общества, – писал он, – совершенно невозможно говорить об одном, не касаясь другого»¹⁹. Отметим, что уже аннотация к разделу начинается словами: «Политический характер учебных реформ XIX в.: пять перемен». Также обращает на себя внимание использование Милюковым термина «учебная реформа» и название раздела – «Борьба за школу и просвещение». И хотя он объединял в единый процесс реформирование низшей, средней и высшей школы, тем не менее начинал его характеристику с университетов и прежде всего о них вел разговор, поскольку просвещение выводил за рамки сферы образования²⁰.

Отношение власти к университетам стало маркером не только зарождения реформ, но и контрреформ. Цезурами, фиксирующими соответствующие периоды правительственной политики по отношению к университетам, стали выступать университетские

¹⁶ *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 114.

¹⁷ *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881): Исторические очерки. М., 1909. С. 121–122.

¹⁸ *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 279–280.

¹⁹ Там же. С. 280.

²⁰ Там же. С. 306 и далее.

уставы. При всей пестроте оценок (а иногда встречаются противоположные характеристики даже среди представителей одного идейного круга) постепенно укрепились достаточно стойкие, можно сказать, стереотипные их трактовки. В частности, в либеральной публицистике закрепился взгляд на университетские уставы 1804 и 1863 гг. как на такие, что предоставляли автономию, и на уставы 1835 и 1884 гг. – как на консервативные, лишавшие университеты автономии (Д.И. Каченовский, В.А. Воробьев, П.Н. Милуков, В.И. Вернадский). Иногда это противопоставление даже специально усиливалось. Такие особенности публицистики и историографии были заметны уже современникам. В.И. Вернадский обратил внимание на то, что ненависть к Уставу 1884 г. привела к тому, что его предшественник – Устав 1863 г. – предстал в «необычайном сиянии и идеале»²¹.

Впрочем, хотя такой подход к университетской реформе стал определяющим в российской публицистике и историографии, уже в 1860-е гг. Д.И. Писаревым была высказана иная позиция, которую сам автор определил как маргинальную. В частности, он считал, что реформа образования должна была начаться с низших заведений, потому что в них, по его словам, «заключен корень нашего умственного бессилия»²². Можно сказать, что тогда же зародился, а затем постепенно укрепился нигилистический взгляд на университеты и всю систему образования. Отчасти он был «обратной стороной» обозначенного выше подхода. Стремление увязать университет и «ход общественного прогресса» уже в 1860-е гг. породил акцент именно на общих проблемах. Соответственно, если разговор об университетской реформе не шел дальше собственно университетских проблем, то у некоторых публицистов он вызывал раздражение. Так, Г.Е. Благовестлов написал, что «капитальная задача о значении и будущей судьбе университета была обращена в мелкий и односторонний спор о побочных предметах»²³. Он отстаивал тот взгляд, что «настоящая реформа высших учебных заведений требует более широких размеров», что «нельзя под-

²¹ *Вернадский В.И.* Об основаниях университетской реформы. М., 1901. С. 1.

²² *Писарев Д.И.* Наша университетская наука // Русское слово. 1863. № 7. С. 54.

²³ *Благовестлов Г.Е.* Указ. соч. С. 2.

нять значение университетов до тех пор, пока не сольются их интересы с интересами самой общественной жизни»²⁴. Н.Г. Чернышевский, иронизируя по поводу ключевых тем периодических изданий в 1862 г., заметил: «Об университетском вопросе напечатано было в течение четырех месяцев 4 444 статьи, ни одна из них даже и не упомянула о существенной стороне дела, о которой толковали 500 000 человек в Петербурге, 400 000 в Москве, 75 000 в Одессе, 70 000 в Саратове и т. д.»²⁵. Неизвестный автор «Отечественных записок» тоже упрекал тех, кто участвовал в дискуссии об университетской реформе, в том, что «устраивая и перестраивая университеты по своему идеалу», они «упускают из виду зависимость их от характера и стремлений общества и государства»²⁶.

Соответственно, пока, пусть в не явной форме, отрицалась сама дискуссия по университетскому вопросу и оставался лишь один шаг, чтобы нивелировать значение университетской реформы и университетов как таковых. Отчасти такая позиция была озвучена упомянутым Д.И. Писаревым, который, говоря о «многочисленных и крупных недостатках», сделал вывод о том, что «университет не дает нам истинно образованных людей»²⁷, что университет реформирует сам себя, если будут ликвидированы «ограничения», «искусственные преграды»²⁸. К слову заметим, что, по мнению некоторых современных исследователей, именно Д.И. Писарев показал «порочность всей системы университетского образования»²⁹ (другие считают, что этот его приговор высшей школе был слишком суровым³⁰).

Постепенно в революционных кругах сформируется представление о своем времени как о «мрачной эпохе, повсюду иско-

²⁴ *Благосветлов Г.Е.* Указ. соч. С. 26.

²⁵ Цит. по: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 134.

²⁶ О преобразовании университетов // *Отечественные записки.* 1861. Т. 99. № 11. С. 13.

²⁷ *Писарев Д.И.* Указ. соч. С. 38, 45.

²⁸ Там же. С. 54.

²⁹ *Ляхович Е.С., Ревушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 163.

³⁰ Д.И. Писарев в Петербургском университете: Новые архивные материалы / сост. и предисл. В.И. Щербакова // *Вестн. АН СССР.* 1991. № 6. С. 119.

ренияющей всякий проблеск науки и просвещения»³¹. Не удивительно, что и сами университеты будут трактоваться как составляющая этой эпохи (по словам В.И. Ленина – «одно из колес государственного механизма, которое перестает действовать»³²). Соответственно, реформирование университетов стало выглядеть как что-то несущественное, как такое, что лишь отвлекает от действительного переустройства общества. Неудивительно, что представители революционных идейных течений почти не принимали участия в дискуссиях по «университетскому вопросу». Впрочем, в начале XX в. и в историографии уже можно зафиксировать такие примеры, когда университетскую реформу стали характеризовать в последнюю очередь, в том числе после преобразований начальной и средней школы³³.

Примечательно, что такие процессы нашли отражение и в программах политических партий начала XX в. Если в программах центристских партий «университетский вопрос» занял одно из ключевых мест, то в соответствующих документах лево- и праворадикальных партий о нем вообще нет речи (заметим, что в них нет упоминания о реформировании не только высшей школы, но и системы образования в целом)³⁴. Очевидно, что в программе кадетов³⁵ нашли отражения взгляды либеральной профессуры и, в частности, тех лиц, которые вошли в состав ее Центрального комитета и которые активно высказывались по «университетскому вопросу» (В.И. Вернадский, С.А. Муромцев, А.А. Корнилов и др.). Показательно, что в программе Украинской демократической партии, придерживавшейся аналогичных политических позиций, параграф «Автономия высших учебных заведений» был представлен в первой главе «Государственное и общественное устройство».

³¹ Цит. по: *Щетинина Г.И.* Университеты и общественное движение в России в пореформенный период // Исторические записки. 1969. Т. 84. С. 200.

³² *Ленин В.И.* Признаки банкротства // Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1967. С. 277.

³³ См., напр.: *История России в XIX в.* Т. 3–4. Эпоха реформ. СПб., 1910.

³⁴ См.: *Посохов С.И.* «Университетский вопрос» в программах политических партий // Революция 1905–1907 годов: взгляд сквозь столетие: материалы Всерос. науч. конф. М., 2005. С. 298–300.

³⁵ Сборник программ политических партий в России. Вып. 2. СПб., [1905]. С. 37.

Таким образом, в публицистике и историографии второй половины XIX – начала XX в. возник довольно цельный доминирующий образ университетской реформы 1863 г. Он сформировался на признании за ней важной общественной роли, которая определила направленность всех других преобразований. Университетская реформа рассматривалась как модель, в соответствии с которой изменялись или должны были изменяться не только конкретные учреждения, но сами основы организации общества. Она принципиально не рассматривалась с позиций решения узко отраслевых задач, а выводилась на уровень первоочередных общественно-политических проблем. В связи с этим никак нельзя согласиться с мнением некоторых советских исследователей о том, что «вопрос об общественно-политической роли университетов даже не ставился в дореволюционной либерально-буржуазной историографии»³⁶.

В начале XX в. до известной степени единый образ университетской реформы распадается. Объясняется это тем, что, в то время как либералы продолжали отстаивать устоявшиеся взгляды на ведущую роль университетов в общественном прогрессе, консерваторы были склонны негативно оценивать эту роль. В этих различиях отобразились различные подходы к проблеме модернизации страны. Леворадикальные авторы постепенно создали образ университетских реформ как второстепенных, таких, что не имели особого значения. Этот образ был маргинальным, на данном этапе его воспринимала и транслировала лишь незначительная часть участников дискуссии по «университетскому вопросу», доминирование такого образа начнется на новом историческом этапе.

В частности, уже в обобщающих работах, написанных советскими историками в 1920–1930-е гг., например М.Н. Покровским, при рассмотрении 1860–1870-х гг. о реформировании университетов не упоминается, а идет речь о становлении «революционных традиций русского студенчества»³⁷. Можно также указать на курс лекций С. Пионтковского «Очерки истории России

³⁶ Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 9.

³⁷ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен: в 4 т. Б. м., 1934. Т. 4. С. 155; см. также «синхронистические таблицы» в этой книге, где в перечне буржуазных реформ не упоминаются реформы в области образования (С. 371).

в XIX–XX веках», который приобрел немалую популярность в 1930-е гг.³⁸

Вопрос о причинах первоочередности университетской реформы в советской публицистике и историографии долгое время вообще не поднимался, что еще раз свидетельствует в пользу того, что университетскую реформу относили к числу второстепенных, а то и вовсе лишали такого статуса. Советские исследователи в целом смотрели на реформы как на побочный продукт революционного прогресса, вынужденный ответ верхов на натиск революционного движения. В частности, реформы 1860–1870-х гг. назывались «куцыми», непоследовательными и т. д. Что же касается преобразований в университетах, то, как уже отмечено, многие историки вообще не склонны были признавать их реформой. Именно поэтому о них просто «забывали» упомянуть в соответствующих сюжетах о реформах. Более того, в 1920–1930-е гг. возрождался взгляд на университеты как на орудие правительственной политики, фактически в это время был отброшен системообразующий тезис прежних времен о том, что именно университеты были идейными центрами, где вызревало понимание необходимости общественных перемен. В лучшем случае университеты видели в качестве поставщиков революционной молодежи в ряды «освободительного движения».

Лишь в 1940-е гг. преобразования в университетах начала 1860-х гг. некоторые исследователи стали рассматривать как «буржуазно-демократическую реформу». Однако ее ограничивали перемнами в системе образования, она трактовалась только в контексте образовательных процессов, характеризовалась после изменений в системе низшей и средней школы. В том случае, когда авторы специально акцентировали внимание на реформах в системе образования, их анализ шел от низшей школы к высшей. Собственно, такая последовательность наблюдается и в исследованиях 1920–1930-х гг. Объяснялось это следующим образом: «...не будет преувеличением утверждать, что реформа высшей школы начинается не в ней самой, а именно тогда, когда из-под нее выдерги-

³⁸ См.: *Пионтковский С.* Очерки истории России в XIX–XX веках: курс лекций. [Харьков], 1930. С. 125–126. Заметим, что в этой книге именование «Великие реформы» дается в кавычках.

вается подставка традиционной средней школы и когда она становится лицом к лицу с новыми для нее источниками пополнения»³⁹. Но окончательно такая схема утвердится в обобщающих работах и специальных исследованиях по истории реформ 1860-х гг., которые вышли из печати в послевоенное время⁴⁰. В 1940-е гг. такой принцип расположения реформ стали применять и при характеристике образовательных «контрреформ» 1880-х гг.

Лишь в отдельных работах при характеристике реформ в порядке их очередности стали упоминать и университетский устав 1863 г.⁴¹ Однако такой подход был скорее исключением. В большинстве случаев «реформы в сфере народного образования» стали рассматривать после всех реформ (земской, судебной, городской, финансовой, военной, цензурной). Такая схема окончательно закрепились в «этапном» учебнике для высших учебных заведений по истории СССР, который вышел в 1940 г. К тому же здесь указывалось, что «новый университетский устав сложился под непосредственным впечатлением студенческого движения 1861 г.»⁴². Такое пояснение причин проведения университетской реформы надолго закрепится в литературе. В книгах, изданных к юбилеям университетов в 1940-е гг., отмечалось лишь то, что «буржуазные реформы... не могли обойти университеты»⁴³.

Хотя на протяжении всего советского времени при изучении истории Российской империи второй половины XIX в. авторы делали акцент на изучении классовой борьбы, вызревании революционных ситуаций и революционном движении, в 1950–1980-х гг. значительно больше внимания стали уделять и реформам, развитию общественной мысли, идейным течениям, в том числе в это время стали активнее изучать и реформы 1860–1870-х гг.

³⁹ Гринько Г.Ф. Очерк истории и системы профобра // Путь просвещения. 1923. № 6. С. 42.

⁴⁰ История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1940; Мороховец Е.А., Левин Ш.М. Буржуазные реформы 1860-х годов. М., 1947.

⁴¹ Історія України. Корот. курс / під ред. С.М. Білоусова та ін. Київ, 1940. С. 165.

⁴² История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке. С. 476.

⁴³ Короткі нариси з історії Харківського державного університету ім. О.М. Горького. 1805–1940. Харків, 1940. С. 10; Очерки из истории Московского университета // Уч. зап. Моск. ун-та. История. Юбил. сер. 1940. Вып. 50. С. 56.

Однако проблема места и значения университетской реформы в ряду других реформ и в это время по-прежнему чаще игнорировалась или оставалась на периферии исследовательского интереса. Типичным примером тому служит коллективная монография «Революционная ситуация в России в середине XIX в.» под редакцией М.В. Нечкиной, которая увидела свет в 1978 г. Это своего рода образец применения концепции о революционной ситуации к историческому материалу. Подготовка и осуществление реформ рассматриваются в ней в контексте основных составляющих революционной ситуации (углубление кризиса феодализма, ухудшение положения народных масс, «кризис верхов», обострение классовый борьбы). Однако в этой конструкции места для университетской реформы не нашлось, поскольку утверждалось, что «первоочередными были реформы, непосредственно затрагивавшие многомиллионные народные массы»⁴⁴. Лишь на одной из страниц книги встречается упоминание, что сразу после крестьянской реформы начали составлять новый университетский устав, но это пояснялось необходимостью в высококвалифицированных специалистах. К тому же делалась оговорка, что «наибольшую сдержанность правительство проявило в отношении университетской реформы»⁴⁵. Такие оценки были предопределены доминированием марксистской методологии, отводившей решающую роль в развитии общества базисным процессам. О том, что исследователи осознанно отодвигали на второй план преобразования университетов, свидетельствует, в частности, следующий вывод Г.И. Щетининой: «Пристальное внимание к истории университетов в либерально-буржуазной историографии объясняется характерным для нее преувеличением роли просвещения в общественном развитии»⁴⁶.

Не удивительно, что для многих обобщающих научных работ и учебной литературы 1950–1980-х гг., как и прежде, было характерно игнорирование университетской реформы (т. е. в данных преобразованиях университетов авторы по-прежнему не видели признаков реформы как таковой). В тех же случаях, когда она упо-

⁴⁴ Революционная ситуация в России в середине XIX в. / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1978. С. 338.

⁴⁵ Там же. С. 199.

⁴⁶ *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. С. 9.

миналась, ее, по сложившейся ранее традиции, в нарушение исторического хода событий располагали в конце списка реформ. При этом речь, как и ранее, шла о «реформе в сфере народного образования». Также сохранялась схема рассмотрения образовательных реформ от низшего уровня (начальной школы) к высшему (университетам). Именно так и в таком порядке подается ход реформ в одном из последних советских учебников по отечественной истории XIX – начала XX в. под редакцией И.А. Федосова, который вышел в 1987 г.⁴⁷ В учебнике по истории Украинской ССР в перечне буржуазных реформ после земской, городской, судебной, военной, финансовой стояла «школьная» реформа. Но, говоря о последней, автор ведет речь только о низшей и средней школе, а университеты даже не упоминает⁴⁸.

Не только в обобщающих работах, но и специальных исследованиях, посвященных университетской проблематике, университетская реформа выступала как второстепенная, «вынужденная», а Устав 1863 г. трактовался как «нежелательная уступка»⁴⁹. В юбилейных университетских изданиях этого времени обычно лаконично констатировалось, что перемены в университетах шли в ряду буржуазных реформ⁵⁰. Даже в специальных работах, посвященных не только изучению системы образования, но и подготовки научных кадров, характеристика процесса реформирования начиналась с низшей школы⁵¹. Взгляд на университетскую реформу как «дополняющую», второстепенную фиксируется в следующей цитате из монографии Е.В. Соболевой, в которой анализируется организация науки в пореформенной России: «Университетская

⁴⁷ История СССР, XIX – начало XX в.: учеб. для вузов по спец. «История» / под ред. И.А. Федосова. 2-е изд. М., 1987. С. 173, 174, 271.

⁴⁸ *Рибалка І.К.* Історія Української РСР: Доряд. період: підруч. для студентів. іст. фак. вузів. Київ, 1978. С. 353.

⁴⁹ *Щетинина Г.И.* Университеты и общественное движение в России в пореформенный период. С. 172.

⁵⁰ Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955. С. 63; *Історія Київського університету.* Київ, 1959. С. 37; *Історія Одеського університету за 100 років.* Київ, 1968. С. 13; Казанский университет, 1804–1979: Очерк истории. Казань, 1979. С. 25.

⁵¹ *Соболева Е.В.* О подготовке научных кадров в России 60-х годов XIX в. // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. 2. Л., 1969. С. 182.

реформа должна была завершить начатое дело – продолжить учебную реформу»⁵². Такой подход, как уже отмечено, не был случайным, он зиждился на нескольких основных постулатах советской историографии и сам, в свою очередь, «держал» на себе несколько конструкций, объяснявших ход исторического процесса в Российской империи XIX в.

Вместе с тем в специальных исследованиях по истории университетов уже в конце 1960-х гг. стали появляться и иные мнения. В частности, постепенно авторы стали использовать слово «реформа», когда речь шла о преобразованиях в университетах второй половины XIX в. Причем вначале это проявилось в работах, посвященных изучению периода политической реакции 1880-х гг., т. е. так называемых контрреформ. Так, в 1969 г. Г.И. Щетинина, начав традиционным утверждением о том, что «реакционное преобразование университетов, открывшее эпоху контрреформ, отразило (подч. мною. – С.П.) общий характер и особенности политической реакции 80-х годов»⁵³, затем использует термин «реформа» применительно к указанным преобразованиям⁵⁴. Углубленное изучение этой темы со временем только усилило убеждение автора в значимости университетской реформы среди прочих⁵⁵. Такая позиция постепенно станет характерной и для других исследователей истории университетов. Прозвучали аналогичные выводы и об университетской реформе 1863 г. В частности, весьма определенно высказался Ф.А. Петров, утверждая, что «университетский устав 1863 г. был неотъемлемой частью буржуазных преобразований 60-х годов», что либеральная профессура смотрела на академические свободы как на составную часть буржуазных свобод⁵⁶. В некоторых работах подобные мысли формулировались в нечеткой форме, но контекст работы не оставлял

⁵² *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 29.

⁵³ *Щетинина Г.И.* Университеты и общественное движение в России в пореформенный период. С. 164.

⁵⁴ Там же. С. 193.

⁵⁵ *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. С. 146.

⁵⁶ *Петров Ф.А.* Либеральная профессура Московского университета в годы второго демократического подъема // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История.* 1975. № 1. С. 70.

сомнений. Например, В.Р. Лейкина-Свирская писала, что «реформы 60-х гг. и контрреформы 80–90-х гг. сопровождалась и часто опережались соответствующими действиями власти в системе образования»⁵⁷.

Исследуя правительственную политику по отношению к высшей школе в 1860–1890-е гг., борьбу разных течений высшей бюрократии, С.И. Хасанова отметила, что «при всем расхождении взглядов, они сходились на... признании проблемы образования как одной из важнейших для будущего России»⁵⁸. Собственно, именно в этот историографический период произошла негласная реабилитация либеральных взглядов. В упомянутой работе «Революционная ситуация в России» утверждается, что «либеральные иллюзии – это не случайные ошибки, а закономерное явление этапа»⁵⁹. И, конечно, в этом случае искали и находили соответствующие цитаты у В.И. Ленина. Так, Г.И. Щетинина мотивировала актуальность своего исследования тем, что «в исторической литературе не получила конкретного воплощения глубокая мысль Ленина о политической роли пореформенных университетов»⁶⁰.

Таким образом, в советской историографии второй половины XX в. наблюдались противоречивые процессы в ходе исследования университетских реформ. С одной стороны, использовались конструкции, созданные в 1920–1930-е гг. С другой стороны, развивая учение о революционной ситуации, исследователи вплотную подошли к проблеме идейных основ тех или иных общественных процессов. Изучение истории университетов в контексте «освободительного движения» и классовой борьбы позволило охарактеризовать университет как важный фактор, влиявший на настроения и «верхов», и «низов». Анализ основ внутренней политики, общественно-политической мысли также возвращал университетам значение важных идейных центров. В резуль-

⁵⁷ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 23.

⁵⁸ Хасанова С.И. Правительственная политика в области высшего образования и формирование интеллигенции в России (60–90-е годы XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1981. С. 69.

⁵⁹ Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 77.

⁶⁰ Щетинина Г.И. Университеты и общественное движение в России в пореформенный период. С. 164.

тате специальных исследований университетских реформ, которые начались в советской историографии значительно позже, чем других преобразований второй половины XIX в. (что соответствовало пониманию их исторического места), были получены выводы, которые до известной степени противоречили устоявшимся прежде мнениям. Политический характер университетских реформ, закономерность их первоочередности в ряду других преобразований, продуманность программы действий правительства в решении «университетского вопроса» – эти и некоторые другие утверждения, появившиеся на страницах таких работ, на первый взгляд, совсем не разрушали устоявшийся образ университетских реформ. Тем более, что очень часто они сопровождались соответствующими цитатами из произведений В.И. Ленина и вписывались в контекст учения о революционной ситуации. Но на деле они имели в своей основе мнения, которые впервые были высказаны еще в дореволюционной либеральной публицистике. В результате возник образ противодействующего самодержавию университета, а сам университет был поднят на уровень важнейшего фактора общественно-политической жизни.

В постсоветское время данная тенденция получит свое дальнейшее развитие. Тем более, что и сами реформы второй половины XIX в. теперь трактуются как важнейший момент в истории России. Их снова стали именовать Великими реформами⁶¹. Впрочем, и в современной литературе, особенно учебного характера, можно по-прежнему встретить типичные для советской историографии подходы, выражающиеся, прежде всего, в сохранении схемы расположения и основных характеристик реформ. Порой в соответствующих главах вообще отсутствует упоминание об университетской реформе⁶², либо она упоминается в самом конце в ряду других «образовательных реформ»⁶³. Как и ранее, в главах о ре-

⁶¹ См., напр.: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002.

⁶² См., напр.: *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1998. С. 396.

⁶³ *Борисенко В.Й.* Курс української історії: З найдавніших часів до XX ст.: навч. посіб. Київ, 1996. С. 448–449; *Король В.Ю.* Історія України: навч. посіб. Київ, 2005. С. 216–217.

форме в системе образования начинают повествование с начальной школы и лишь в конце характеризуют университетский устав 1863 г.⁶⁴ (в связи с этим в литературе можно встретить название «школьная реформа»⁶⁵). Даже некоторые исследователи реформ середины XIX в. вплоть до недавнего времени рассматривали университетскую реформу как последнее мероприятие правительственной концепции преобразований⁶⁶. Схема основательно закрепила в историографии.

Однако дело не только в привычке. В основе такого отношения лежат определенные методологические подходы. Оценивая посвященную реформам коллективную монографию, Р.Г. Эймонтова указала на то, что связанные с просвещением реформы в историографии «обычно рассматривают как нечто несопоставимо менее важное по сравнению с социально-экономическими и политическими, а то и вовсе игнорируют»⁶⁷. Она поясняла такую позицию именно «данью традиции и результатом недостаточной изученности проблематики, связанной с просветительством в России», и, конечно, не считала ее правомерной.

Вместе с тем на сегодняшний день ряд факторов подорвали былое доминирование такой позиции. Прежде всего этому способствует укрепление антропологически ориентированной истории. Интерес к «просветительскому компоненту реформ», идеям и планам, настроениям и ориентирам – все это не позволяет использовать старые конструкции. Кроме того, наблюдается стремление осмыслить «весь комплекс реформ», увидеть связи между

⁶⁴ *Борисенко В.Й.* Указ. соч. С. 448–449; *Верига В.* Нариси з історії України (кінець XVIII – початок XX ст.). Львів, 1996. С. 305; *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 448–449; *Вишленкова Е.А., Смыков Ю.И.* История России, XIX век: курс лекций. Казань, 2003. С. 160–161; *Латышина Д.И.* История педагогики (История образования и педагогической мысли): учеб. пособие. М., 2003. С. 297–298; *Світлична В.В.* Історія України: навч. посіб. / за ред. Ю. Алексєєва. 3-є вид. Київ, 2004. С. 174; *Король В.Ю.* Указ. соч. С. 216–217.

⁶⁵ *Вишленкова Е.А., Смыков Ю.И.* Указ. соч. С. 160.

⁶⁶ *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 263; *Яковлев А.И.* Александр II и его эпоха. М., 1992. С. 30; *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. М., 1996. С. 47–48, 55.

⁶⁷ См.: *Власть и реформы в России: Материалы «круглого стола» // Отечественная история.* 1998. № 2. С. 27–28.

ними, оценить в контексте процесса модернизации России. Как отмечается в одной из таких работ, «внимательное рассмотрение на первый взгляд разрозненных и случайных перемен обнаруживает их единство и даже восхождение к единому плану, обширному и разностороннему, целостной реформы»⁶⁸. Соответственно, наблюдается повсеместная «реабилитация» университетских реформ, которые теперь занимают свое достойное место в ряду других реформ так называемого «пакета Великих реформ», как назвал их Е.М. Моцелков⁶⁹.

Однако обратим внимание и на иное. Историки, вслед за С. Кэссоу, стали говорить о том, что установить связь между Уставом 1863 г. и другими реформами не так и легко, а сам устав вряд ли можно назвать «захватывающим дух нововведением»⁷⁰. Но заметим, что, согласно С. Кэссоу, именно в эпоху Великих реформ была возможность предоставить убедительную связь признания и институализации уникальной сущности университетов⁷¹. Другими словами, реформу университета следует не напрямую соединять с другими реформами, но через осмысление общественной роли университетов, и такой взгляд постепенно утверждается в историографии. А.Ю. Андреев пишет, что в эпоху Великих реформ «университетский вопрос» снова стал играть первоочередную роль в развитии российского общества и государства⁷². Сегодня мало кто пишет о «вынужденных шагах» правительства, напротив, речь идет о том, что изменения в политике по отношению к университетам являются маркером политического вектора. По мнению современных авторов, реформа университетов отображала начало нового течения в законодательстве, моделировала следующие ре-

⁶⁸ Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 339.

⁶⁹ Моцелков Е.Н. Преобразовательные процессы в истории России (XVIII – начало XX в.): социально-политический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 4. С. 97.

⁷⁰ Кэссоу С.Д. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России. 1856–1878. М., 1992. С. 324.

⁷¹ Там же. С. 331.

⁷² Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. // Отечественная история. 2004. № 2. С. 54.

формы⁷³. Такие перемены в оценках теперь можно встретить и на страницах юбилейных изданий⁷⁴. Конечно, порой это лишь очевидное повторение (или возрождение⁷⁵) оценок и мнений, высказанных в либеральной публицистике и историографии второй половины XIX – начала XX в. При этом есть примеры того, когда авторы не просто повторяют, но обосновывают приоритетное проведение реформ университетов рядом факторов, однако имеются и такие варианты «возрожденных» выводов, которые не сопровождаются какой-либо дополнительной аргументацией.

И все же, методологически современные исследователи, как правило, ориентированы на понимание университетских реформ в связи с самыми разнообразными процессами. Наиболее успешно такой подход был реализован Р.Г. Эймонтовой, которая отметила, что «проблемы просвещения были напрямую связаны с проблемами идеологии, экономики, социальных отношений, государственного управления»⁷⁶, а «при проведении реформ (как и контрреформ) в России проблемы просвещения непременно рассматривались среди первоочередных»⁷⁷. Ее вывод о том, что университетская реформа вместе с крестьянской находилась в центре общественного внимания, позволяет лучше понять сам процесс вызревания реформ в обществе, а широко трактуемое понятие «просвещение» выводит на новые горизонты исследований. Итоговой ее работой, посвященной данной теме, стала монография «Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е гг. XIX в.)», которая вышла в свет в 1998 г.⁷⁸

Р.Г. Эймонтова обратила также внимание на то, что историки при пояснении причин первоочередности университетской

⁷³ Писарева Е.А. Організаційно-правові основи діяльності університетів Російської імперії другої половини XIX ст. (на матеріалах України): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2001. С. 10, 16.

⁷⁴ История Казанского университета, 1804–2004. Казань, 2004. С. 125, 180.

⁷⁵ Наверное, это подтверждает мнение М.М. Бахтина о том, что «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения». – Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 373.

⁷⁶ Власть и реформы в России: Материалы «круглого стола». С. 28.

⁷⁷ Эймонтова Р.Г. Реформы и просвещение в России XIX века // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 82.

⁷⁸ Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е гг. XIX в.). М., 1998.

реформы, признавая, что именно в ней в значительной мере проявлялся правительственный курс, тем не менее трактуют такую правительственную позицию как парадоксальную. Слово «парадокс» вообще стало ключевым на новом историографическом этапе. Тем самым исследователи нашли формулу соединения имеющихся противоречий и в истории, и в историографии. В известном смысле, такая формула соответствует принципу дополнительности, который занял свое прочное место в современных научных концепциях. И все же, на наш взгляд, интереснее и перспективнее взглянуть на ситуацию с позиций культурной истории. И примеры тому есть в историографии. Так, историки Казанского университета отмечают, что «в соответствии с просветительской идеей верховной власти, университет предназначался не столько для того, чтобы учить россиян, сколько для того, чтобы учить их мыслить по-европейски»⁷⁹. В данном случае акцентируем внимание на том, что просветительская идея соединяется с верховной властью, а с другой стороны – на том, что эта власть не противопоставляется народу, но соединяется с ним, образуя одно культурное поле. Соответственно, привлекает внимание не только процесс зарождения тех или иных идей, но и их восприятие, трактовка разными людьми, а также мотивация тех или иных действий. Именно в этом случае историки не только осмысливают собственный взгляд на реформы, но и начинают понимать позицию тех, кто жил и действовал в эпоху реформ.

Таким образом, в постсоветской историографии уже возник свой образ университетской реформы на фоне изменившегося понимания процессов реформирования Российской империи второй половины XIX в. Этот образ возник в условиях методологического плюрализма и потому порой выглядит несколько эклектичным. Часть его составляющих можно назвать историографическим наследием, что-то заимствовано из современной зарубежной историографии, есть, безусловно, и собственные новации. Важно то, что он не противостоит предшествующим доминирующим образам, а скорее базируется на них. Современные исследователи не только декларируют, но действительно стремятся аккумулировать цен-

⁷⁹ Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra Universitatis*: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 91.

ный историографический опыт предыдущих поколений ученых. Однако это не означает, что не происходит отказ от некоторых устоявшихся ранее положений. Очевидно, что современная историография реформ в значительной мере уже отошла от марксистского взгляда на соотношение реформ и революций, от концепции революционной ситуации. И, соответственно, все больше внимания уделяется состоянию общественного сознания. На университет теперь смотрят как на социальный феномен, которые пребывал в эпицентре общественного интереса и стал фактором формирования определенных общественных настроений. Особенностью историографического этапа стало стремление осмыслить университетскую реформу в связи с другими преобразованиями. И в этом плане сейчас интерес вызывает не сам по себе факт последовательности реформ, но «просветительский компонент» всех других реформ. Применение же принципов культурной истории создает предпосылки для того, чтобы найти точки сопряжения процессов принятия политических решений и их восприятия обществом, оценить университетскую реформу на широком социокультурном фоне.

И.Г. Воробьева

Университетский устав 1863 г. и российское славяноведение

Рассмотрены материалы, предшествовавшие утверждению университетского устава в 1863 г., и проанализированы мнения профессуры о преподавании славистических дисциплин, особенно по вопросу учебного предмета «история славян».

Ключевые слова: университетские уставы в России, история славяноведения, преподавание истории славянских народов в университетах.

I.G. Vorobyova

Statute of Univercities in 1863 and Slavic Historiography

In the article are observed data concerning the period before the validation of the statute of universities in 1863 and opinions of the professors about the teaching in slavic subjects, especially in slavic history.

Keywords: Statutes of Univercities in Russia, the History of Slavic Historiography, the Teaching in Slavic History in Univercities.

Славистические дисциплины в российских университетах стали преподавать по Уставу 1835 г., который предусматривал открытие кафедр истории и литературы славянских наречий. Первоначально речь шла об учреждении таких кафедр в четырех российских университетах – Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском¹. Но осуществление замысла натолкнулось на отсутствие необходимых кадров. Велись переговоры с европейскими славистами: П.И. Шафариком, В. Ганкой и др., – но по ряду причин они окончились безрезультатно. К тому же Министерство народного просвещения еще в 1827 г. выпустило циркуляр, по которому «со временем все кафедры в четырех русских универ-

© И.Г. Воробьева, 2014

¹ См. подробно: *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

ситетах были заняты природными русскими профессорами». Для этого предлагалось отправить молодых людей для совершенствования по своей специальности «за границу в те иностранные университеты, в коих сии науки более процветают»².

Кандидатом от Московского университета был назван О.М. Бодянский (1808–1877), от Петербургского – П.И. Прейс (1810–1846), от Казанского – В.И. Григорович (1815–1976), от Харьковского за границу был послан И.И. Срезневский (1812–1880). Все названные слависты стали профессорами кафедры истории и литературы славянских наречий и, за исключением П.И. Прейса, служили в университетах в момент обсуждения нового университетского устава в начале 1860-х гг.

В 1860-е гг. российское славяноведение вступило в новый этап развития, обусловленный целым комплексом причин. Немалую роль сыграли и реформы, проводимые правительством, особенно университетская реформа. В середине 1863 г. был принят новый университетский устав, внесший изменения и в преподавание славистических дисциплин. По нему вместо прежней кафедры истории и литературы славянских наречий устанавливалась кафедра славянской филологии. Предыстория такого решения и его последствия способны объяснить причины качественно нового этапа в становлении отечественной славистики.

Хорошо организованная бюрократия Министерства народного просвещения сохранила весь комплекс подготовительных материалов, анализу которых и посвящена настоящая статья. Новый устав университетов России готовили тщательно, не спеша: проект обсуждали семь раз, фиксируя все замечания и дополнения, причём уже в ходе реформы замечания на проект частично были изданы³.

Началом подготовки реформы, видимо, можно считать 1857 г., когда министр народного просвещения Е.П. Ковалевский обратился к попечителям учебных округов с запросом о желатель-

² Цит. по: Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 85.

³ Замечания на Проект общего устава Императорских российских университетов. СПб., 1862. Т. 1–2.

ных изменениях в действовавшем уставе, принятом в 1835 г.⁴ К этому времени Санкт-Петербургский университет уже подготовил свой вариант и предложил его министру⁵. Петербургский вариант начали рассматривать в университетах Москвы и Киева, и на получение отзыва ушло три года. В конце 1861 г. новый министр Е.В. Путятин предложил вернуться к обсуждению вопроса. Он организовал комиссию из 14 человек под руководством дерптского попечителя Е.Ф. фон Брадке. В перечне этой комиссии мы не найдем имён славистов, разве что близок к ним был историк, профессор Московского университета С.М. Соловьёв, исполнявший в то время должность ректора университета.

Комиссия принялась рассматривать параграф за параграфом Устав 1835 г., вносить изменения и к январю 1862 г. предложила свой проект министру. Таким образом, петербургский вариант в этот раз не обсуждался. К этому времени вновь произошла смена министров: им стал А.В. Головнин, имевший репутацию либерала. А.В. Головнин разослал текст проекта на отзыв во все российские университеты, губернаторам, духовным лицам и некоторым иностранным профессорам, принцип отбора каковых не совсем ясен, возможно, он был случаен. Поступившие в министерство предложения вскоре были опубликованы для общественности в уже названном издании «Замечания на Проект общего устава Императорских российских университетов». Два объёмных тома замечаний представляют исследователям необыкновенную возможность увидеть широту мнений и взглядов российской общественности на перспективу развития образования в России. Разные позиции достаточно полно и тщательно изучены в научной литературе⁶, однако представления профессуры о возможно-

⁴ См.: *Эймонтова Р.Г.* Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1994. С. 60–80.

⁵ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 261. Л. 1–118.

⁶ *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостнической к России капиталистической. М., 1985. О взаимосвязи между уставом 1863 г. и другими великими реформами см.: *Кэссоу С.Д.* Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 317–333.

стях и способах преподавания исторических и филологических дисциплин, насколько известно, не анализировались.

Интересующий нас вопрос о славянских кафедрах в университетах излагался в двух параграфах проекта устава. Параграф 12 полагал создание на историко-филологическом факультете кафедры славянской филологии и определял дисциплины, читаемые профессором кафедры: 1) «Славянские наречия», 2) «История славянских литератур», 3) «История славянских племён», 4) «Славянские древности». В параграфе 14 предполагалось открытие на юридическом факультете кафедры истории русского права и других славянских законодательств, чего прежде не было.

Обратимся к анализу высказанных по этим двум параграфам мнений. Отметим, что свои предложения представили все университетские советы, кроме столичного. От Петербурга было заслушано мнение попечителя округа И.Д. Делянова и некоторых университетских профессоров. В организации кафедры славянской филологии никто не усомнился, что же касается читаемых дисциплин, то обнаруживается различное понимание содержания понятия «славянская филология». Так, Киевский университет св. Владимира предложил изучать по данной кафедре только историю славянских литератур и славянские языки. С позиции совета, «историю славянских племен и славянские древности казалось более рационально отнести к кафедре исторической, именно к родственной славянскому миру Русской истории, чем к чисто филологической кафедре»⁷. Инспектор казённых училищ Киевского учебного округа высказал удивление: «Почему история славянских племён отнесена к кафедре славянской филологии, а не к одной из кафедр политических?»⁸ Как итог, Совет Киевского университета предложил на историко-филологическом факультете кафедры русской словесности, славянской филологии, всеобщей истории, русской истории и истории славянских племен. Советы Московского, Харьковского и Казанского университетов высказались за предложенный министерской комиссией вариант.

В числе профессоров, высказавших своё «особое от Совета мнение» по интересующему нас вопросу, были слависты Н.А. Лав-

⁷ Замечания на Проект общего устава... Т. 1. С. 25.

⁸ Там же. С. 445.

ровский, В.И. Григорович, А.Н. Пыпин, Н.И. Костомаров, А.В. Никитенко, Н.Н. Мурзакевич. Из них только Мурзакевич предложил: «К славянским древностям необходимо добавить и Русские (с нумизматикой)»⁹. А.Н. Пыпин, будучи экстраординарным профессором Петербургского университета, записал буквально следующее: «В распределении факультетских предметов и кафедр должно быть объяснено, каким образом последние должны быть замещаемы. Коли каждый из указанных отделов наук понимается как особенная кафедра, то 1) в некоторых случаях предметы разбиты на слишком большое число кафедр, например, философия, греческий язык и славянская филология пока не нуждаются каждый в четырёх преподавателях, и 2) всеобщая история едва ли где-нибудь может быть удобно предоставлена одному преподавателю»¹⁰. Таким образом, А.Н. Пыпин сомневался в необходимости увеличения числа преподавателей по славистике, а следовательно, и выделения истории славян в особую науку и учебную дисциплину, преподаваемую на факультете.

Любопытно замечание статского советника Греча, довольно разумное с современной точки зрения: «Где же славянские языки? Неужели языки польский, богемский, сербский и т. д. суть только наречия?» Далее он продолжает вопрошать: «К чему присовокуплять к славянской словесности истории славянских племён? На основании этого надлежало бы присоединить к истории Греческой и Латинской литератур историю Греков и Римлян»¹¹. Как ни странно, но столь существенного замечания не сделал ни один славист.

По поводу организации кафедры истории русского права и других славянских законодательств, недвусмысленно высказался профессор Петербургского университета И.И. Андреевский: «...история славянских законодательств должна составить особую самостоятельную кафедру; иначе эта важная часть – история славянских законодательств, никогда не получит самостоятельной разработки; в случае соединения его с историей Русского права, преподаватель принуждён будет всё своё внимание сосредото-

⁹ Замечания на Проект общего устава... Т. 2. С. 68.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 153.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 129.

чить на истории Русского права и не будет иметь возможности подвергнуть самостоятельному анализу историю других славянских законодательств»¹².

Итак, на этом этапе обсуждения проекта устава отечественные слависты не сомневались в перечне дисциплин, читаемых по кафедре славянской филологии, т. е. история славянских народов как изучаемый в университете предмет сохранялась.

В дальнейшем проект устава дорабатывался; летом 1862 г. был создан Учёный комитет Главного правления училищ, который изучил все замечания и предложения и подготовил новый вариант. Его корректировали ещё четыре раза, и 18 июня 1863 г. Александр II подписал текст «Общего устава императорских российских университетов».

Обсуждение проекта Учёным комитетом и журналы его заседания были опубликованы уже в 1862 г.¹³ Председатель комитета А. Воронов провёл первое заседание комитета 27 июня 1862 г. и пригласил для работы профессоров Петербургского университета Ивановского, Савича, Горлова, Костомарова, Березина, М. Сухомлинова, Андреевского, Спасовича, Советова, Утина, Пыпина, Бекетова, Калиновского, Панова, Люгебиля. При разделении обязанностей среди членов комитета о составе юридического факультета университетов должен был доложить Панов, об историко-филологическом – Люгебель. Оба профессора не занимались изучением славистики и не знали особенностей науки. Люгебель, зачитывая новую редакцию параграфа 12, заметил: «Мне кажется, вопрос о том, кому предоставить читать историю славянских племён и славянские древности – профессору ли Славянской филологии или профессору Русской истории, может быть решён надлежащим образом только факультетами и советами отдельных университетов, смотря по личности того или другого профессора»¹⁴. Замечание, на первый взгляд, разумное, но если учесть, что по кафедре русской истории предлагалась только одна штатная единица, то можно догадаться, какую историю читал бы профес-

¹² Замечания на Проект общего устава... Т. 1. С. 141.

¹³ Журналы заседаний Учёного комитета главного правления училищ по проекту общего Устава Императорских Российских университетов. СПб., 1862.

¹⁴ Там же. С. 76.

сор. Суммируя все замечания, Люгебиль сделал общие выводы о количестве кафедр, необходимых на факультете, и он же предложил новую редакцию раздела о кафедре славянской филологии, сократив перечень наук: история славянских племён в нём была опущена. Вариант Учёного комитета вошёл в окончательный текст устава.

Рассматривая замечания по кафедре истории русского права и других славянских законодательств и обзора местных законов в России, Панов согласился с мнением Андреевского о разделении кафедры. В окончательном тексте устава на юридическом факультете полагалось иметь кафедру истории русского права и истории славянских законодательств¹⁵.

Итак, подводя некоторые итоги, отметим: в новом университетском уставе не только появилась особая кафедра славянской истории, но из перечня предметов была исключена история славянских племён, хотя ни один из университетских уставов не ставил под сомнение её необходимость. Кстати, на это обстоятельство не обращено внимание в обобщающем труде по истории славяноведения в России¹⁶. В то же время можно согласиться с Л.П. Лаптевой, отмечавшей консервативную роль уставов в подготовке молодых специалистов по славистике, которых ориентировали только на изучение славянской филологии¹⁷. Однако нельзя не заметить, что исключение истории славян из числа обязательных предметов, читаемых по кафедре, произошло при полном молчании университетских профессоров, доверивших столь важное дело чиновникам министерства. Вероятно, у профессуры ещё не сложилось убеждение в необходимости открытия специальной кафедры по истории славян (вспомним слова А.Н. Пыпина, цитируемые выше).

Тем не менее история славянских народов как специальная дисциплина читалась в тех университетах, где профессора имели определённую подготовку. Так, в Московском университете О.М. Бодянский читал лекции по истории Сербии, Польши, Болгарии. Известно, что уже в 1866/67 учебном году Н.А. Попов чи-

¹⁵ Журналы заседаний Учёного комитета... С. 373.

¹⁶ Славяноведение в дореволюционной России. М., 1988.

¹⁷ Лаптева Л.П. Указ. соч.

тал «курс русских древностей сравнительно со славянскими»¹⁸. В 1870-х гг. М. Дринов в Харькове в курс «Краткий очерк новой письменности сербов и болгар» включал исторические сюжеты, которые порой преобладали¹⁹. Историю славян читали: в Петербургском университете В.И. Ламанский, в Казани – В.И. Григорович, в Варшаве – В.В. Макушев, в Киеве – А.А. Котляревский²⁰. Видимо, профессура действовала по принципу: дозволено всё, что не запрещено, а преподавание гражданской истории славян не запрещалось. Однако заметим, что сегодня нам слабо известно содержание лекций, прочитанных в период действия Устава 1863 г., т. е. до 1884 г., когда история славян вернулась в число обязательных дисциплин кафедр.

Изучение учебных программ и текстов лекций профессоров позволило бы ответить на вопрос, как всё-таки реально отразилась в славистических предметах историческая тематика: ведь при рассмотрении лингвистических вопросов, литературных сюжетов и, тем более, славянских древностей нельзя было обойтись без плотного исторического фона и прямых экскурсов в гражданскую историю.

¹⁸ См.: *Воробьёва И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов: Научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь, 1999.

¹⁹ См.: *Горина Л.В.* Марин Дринов – истории и общественный деятель. М., 1986.

²⁰ См.: *Лантева Л.П.* Указ. соч.

В.Р. Блиев

**Духовно-академические уставы 1869 и 1884 гг.
как организационный фактор развития
отечественной церковно-исторической науки**

Рассматривается влияние реформ православных духовных академий в 1870–1880-е гг. на развитие отечественной церковно-исторической науки. Автор выделяет два периода в развитии духовно-академической науки, которые связаны со временем действия уставов 1869 и 1884 гг. Доказывается, что уставы, активизируя некоторые аспекты деятельности академий, стимулировали или корректировали пути развития исторической науки в духовных академиях.

Ключевые слова: церковно-историческая наука, реформы высшего духовного образования, уставы православных духовных академий, вторая половина XIX в.

V.R. Bliev

**Statutes Theological Academies Russian church in 1869
and 1884 as an organizing factor in the development
of the domestic church-historical scholarship**

In this article author studies influence of reforms of orthodox ecclesiastical academies in the 70th – the 80th of the XIX century on development of domestic church and historical science. The author allocates two periods in development of the church science. These periods are connected with the periods of action of statutes 1869 and 1884. It is proved, that statutes making active certain aspects of activity of academies stimulated or corrected development of historical science in ecclesiastical academies.

Keywords: ecclesial historical science, reforms of the higher ecclesiastical education, statutes of Orthodox Ecclesiastical Academies, second half of the XIX century.

Неотъемлемой частью отечественной высшей школы дореволюционной России были духовные академии. Четыре академии – Санкт-Петербургская, Московская, Киевская и Казанская – находились в юрисдикции Русской православной церкви. Отличаясь от светских высших учебных заведений юридическим статусом,

© В.Р. Блиев, 2014

организационным устройством и социальным составом учащихся и учащихся, они входили в единое научное и образовательное пространство русской культуры, активно влияли на развитие отечественной науки и духовное просвещение. Реформы высшей духовной школы в XIX в. шли в русле общероссийских преобразовательных процессов и проходили параллельно с реформами высшего светского образования. В частности, основные документы, определявшие жизнь духовных академий, уставы (1869, 1884, 1910 и 1917 гг.) вводились почти тогда же, когда и новые уставы университетов.

Особое значение для развития отечественной церковно-исторической науки сыграли уставы духовных академий 1869 и 1884 гг. Их содержание наметило основные тенденции развития духовно-академической науки второй половины XIX – начала XX в., сделав этот период временем подлинного расцвета отечественных церковно-исторических исследований, проводившихся на базе православных духовных академий. Во многом этот расцвет был обусловлен действием Устава духовных академий 1869 г., что отмечалось уже современниками данных событий. Крупный отечественный византист и основатель научной церковно-исторической школы, профессор Санкт-Петербургской духовной академии И.Е. Троицкий, готовя вступительную лекцию по кафедре церковной истории в Петербургском университете в сентябре 1874 г., писал о своей дисциплине: «У нас самостоятельная наука считает пока свое существование не сотнями и даже не десятками лет, а чуть ли не единицами»¹. Действительно, предшествовавший Устав 1814 г. перевел церковную историю из разряда дисциплин «экстраординарных» (т. е. факультативных) в «ординарные» (т. е. обязательные для изучения)² и, тем самым, положил начало оформления научно-академического статуса церковно-исторической науки. Однако развитие церковно-исторической мысли в период действия этого устава отставало от других направлений исследова-

¹ *Троицкий И.Е.* Место церковной истории среди других факультетских наук и ее задачи в университете. Вступит. лекция 4 сент. 1874 г. // ОР РНБ. Ф. 790. Д. 217. Л. 14.

² *Лебедев А.П.* Церковная историография в ее главных представителях с IV до XX в. 2-е изд., пересмотр. СПб., 1903. С. 527.

ний в высшей духовно-академической школе. Церковно-историческая тематика исследований была отмечена высшей ученой степенью только шесть раз, при том, что всего до 1869 г. было присуждено три десятка степеней доктора богословия³. Это не удивляет, так как от профессоров духовных академий в этот период не требовалось докторских диссертаций, и сама степень на практике давалась только лицам священного сана. Количество периодических изданий, в которых можно было публиковать результаты исследовательской работы по церковно-исторической проблематике, было весьма невелико, да и исследователей, занимавшихся изучением этих вопросов, по признанию современников, также было крайне мало⁴. Практики обязательной печати магистерских диссертаций не было, степени давались за рукописные сочинения, «которые потом сдавались в архив, где и делались знакомы лишь мышам»⁵. Если же магистерская работа и публиковалась, то не всегда это было продиктовано ее научной значимостью. В качестве примера можно привести сочинение Е.Е. Голубинского «Об образе действия православных государей грекоримских в IV, V, VI вв. в пользу церкви, против еретиков и раскольников»⁶. Сам автор писал, что «тема эта была прислана из Синода митрополиту с тем, чтобы он велел дать ее в Академию» и затем из Синода же было получено предписание опубликовать ее⁷. Сам Е.Е. Голубинский впоследствии писал, что ему «далеко не совсем это нравилось»⁸.

³ Степень доктора богословия за сочинения по церковно-исторической проблематике получили протоиерей М.И. Богословский (1858), архиепископ Филарет (Гумилевский) (1859), протоиерей Н.А. Фаворов (1862), иерей В. Гетте (1863), протоиерей А.В. Горский (1865), архимандрит Никанор (Бровкович) (1869). См.: *Сухова Н.Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2013. С. 156–162.

⁴ См.: *Лебедев А.П.* Церковная историография... С. 535–539.

⁵ *Лебедев А.П.* Взгляд на условия развития церковно-исторической науки у нас // Лебедев А.П. «Великий и в малом...»: Исследования по истории Русской Церкви и развития русской церковно-исторической науки. 2-е изд., испр. СПб., 2008. С. 101.

⁶ *Голубинский Е.Е.* Об образе действия православных государей грекоримских в IV, V, VI вв. в пользу церкви, против еретиков и раскольников // Прибавления к изданию творений Св. Отцов, в русском переводе. Т. XVIII. М., 1859. С. 48–116.

⁷ См.: *Голубинский Е.Е.* Воспоминания. Кострома, 1923. С. 31–32.

⁸ Там же. С. 32.

Такую позицию можно объяснить желанием дистанцироваться от ряда высказанных в этой работе идей. Он подчеркивал, что его научный руководитель профессор А.В. Горский местами сам правил его сочинение, чтобы оно приобрело необходимое Святейшему Синоду содержание, «и там, где в нем полицейское красноречие о благодетельности мер против еретиков и раскольников, оно принадлежит А. В-чу»⁹. Не менее показательны слова самого А.В. Горского, который, в ответ на упрек о малом количестве богословских сочинений в отечественной историографии, на страницах своего дневника 19 июня 1836 г. сетовал на трудности исследовательской работы из-за цензурного гнета: «Да как и писать? Что ни будет написано со старанием раскрыть новую сторону в предмете, все это покажется ересью»¹⁰. Таким образом, проблема отсутствия свободы научного творчества также тормозила развитие церковно-исторической науки.

Устав духовных академий 1869 г., составленный в эпоху либеральных реформ Александра II, положил начало качественно новому этапу в развитии высшей духовной школы в целом и «в высшей степени благоприятно отозвался на положении церковно-исторической науки», подняв ее значение¹¹. Устав духовных академий 1869 г. был составлен по образцу университетского устава 1863 г. Это является вполне логичным, так как главным инициатор его появления был граф Д.А. Толстой, одновременно бывший Обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода и министром народного просвещения. Современники также отмечали особую роль в разработке Устава 1869 г. председателя Духовно-учебного комитета при Священном Синоде протоиерея И.В. Васильева и ректора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея И.Л. Янышева, бывших «душою комитета», занимавшегося пересмотром духовно-академического устава¹².

⁹ Голубинский Е.Е. Воспоминания. С. 32.

¹⁰ Горский А.В. Дневник / примеч. С. Смирнова // Академические лекции А.В. Горского: История Евангельская и Церкви Апостольской. Дневники. Репринт. изд. 1885 г. СПб., 1999. С. 43–44.

¹¹ Лебедев А.П. Церковная историография... С. 539.

¹² Подробнее о деятельности комитета и его членах см.: Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 гг. Н. Новгород, 2010. С. 245–247.

Устав 1869 г. провозгласил принципы самоуправления академий и, тем самым, способствовал развитию в них свободы научной и педагогической деятельности¹³. На первый план в нем вышли задачи развития церковной науки. В первом параграфе устава специально отмечалось, что целью православных духовных академий является предоставление «высшего богословского образования, в духе православия, для просвещенного служения Церкви, и готовить преподавателей для духовно-учебных заведений»¹⁴. Для получения магистерских и докторских степеней в академиях стала требоваться публичная защита печатной диссертации¹⁵. Введение специализации по отделениям также способствовало росту исследований во всех отраслях богословия, особенно же выиграли церковно-исторические отделения академий, так как они стали пользоваться повышенной популярностью среди студентов, и как следствие, увеличилось количество магистерских диссертаций по церковно-исторической тематике. В количественно возросшей духовной публицистике значительным явлением стала церковно-историческая проблематика, причем ее качественный уровень также вырос. Научная полемика стала нормой духовно-академической жизни¹⁶. По образному выражению А.П. Лебедева, «день появления в свет этого устава можно считать днем действительного рождения церковно-исторической литературы у нас в России; с этого же времени церковно-историческая наука вышла за стены учебных заведений, и сделалась явлением общественного значения»¹⁷. Указанного автора можно было бы заподозрить в идеализации эпохи действия Устава 1869 г., так как оценки давались им во время действия Устава 1884 г., к нововведениям которого А.П. Лебедев относился более чем критично. Однако его идеи согласуются с поздним (относящимся к 1910-м гг.) мнением профессора А.Л. Катанского, достаточно высоко характеризовавшего Устав

¹³ Тарасова В.А. Высшая духовная школа России в конце XIX – начале XX. История императорских православных духовных академий. М., 2005. С. 28–29.

¹⁴ Уставы и штаты духовных академий, высочайше учрежденные 30 мая 1869 года // Православный собеседник. Прибавления. 1869. Кн. 8. С. 1.

¹⁵ См. § 145 устава: Уставы и штаты... 1869 года. С. 23.

¹⁶ Подробнее см.: Лебедев А.П. Церковная историография... С. 539–543.

¹⁷ Лебедев А.П. Церковная историография... С. 542.

1869 г. и обращавшего внимание на деятельность и плодотворность в научном плане академической жизни в период его действия¹⁸. И такие примеры можно множить. Таким образом, вопреки сложившемуся в отечественной историографии мнению и несмотря на то, что социальный состав учащихся и учащихся в духовных академиях не изменился¹⁹, можно провести резкую границу между двумя качественными этапами в развитии высшей духовной школы – периодами действия духовно-академических уставов 1814 и 1869 гг.

Нужно признать, уже в весьма благожелательной для развития церковной историографии среде, созданной духовно-академическим уставом 1869 г., стали проявляться тенденции, определившие наступление реакционных преобразований в академиях в 1880–1890-х гг. Духовные академии стали трансформироваться в научные центры, которые были преимущественно ориентированы на исследовательскую работу. И, соответственно, задача подготовки духовенства в них отошла на второй план. Но большее опасение со стороны церковной синодальной администрации, академического иночества и славянофильско-ориентированных светских кругов, близких к церковно-исторической науке, вызывали занимавший лидирующие позиции в научно-исследовательской методологии духовно-академической профессуры метод историко-критического исследования и то внимание, которое они оказывали западноевропейской, прежде всего – немецкой протестантской историографии²⁰. Очень символична оценка, данная епископом Антонием (Храповицким) деятельности ряда профессоров духовных академий, «грешивших», по его мнению, этими «недугами»²¹. Таким образом, ряд ограничений церковно-исторической науки, имевших место в 1880–1890-х гг. был обусловлен бурным ее развитием в предшествовавшее время.

¹⁸ См.: Катанский А.Л. Указ. соч. С. 252, 340–344.

¹⁹ Колюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 17.

²⁰ Тарасова В.А. Указ. соч. С. 82, 154.

²¹ Антоний (Храповицкий) (еп.). Третья докладная записка. Духовная школа // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Материалы к предстоящему Всероссийскому церковному собору. В 3 ч. Т. II. СПб., 1906. С. 126–128.

Однако справедливость идей владыки Антония вызывает определенное сомнение. Причины обращения отечественных исследователей к протестантской историографии наиболее рельефно представлены В.В. Болотовым в письме к другу и ученику И.С. Пальмову от 24 февраля (8 марта) 1882 г., где ему приходится оправдываться от обвинения в «западничестве» в своем научном творчестве²². Прежде всего он указывает, что немецкая богословская наука количественно больше отечественной, как минимум, в четыре раза. Во вторых, обеспеченность источниками у немецкой богословской науки на порядок выше, чем у отечественной. И наконец, нельзя не признать, по мнению В.В. Болотова, значительный вклад в развитие богословских наук именно немецкой историографии, в том числе и по давности ее существования. «Ищите правды даже у немцев» – становится его девизом с точки зрения справедливости, и «ищите правды прежде всего у немцев» – с точки зрения практичности²³.

Не видит оснований отказываться от использования немецкой протестантской церковно-исторической литературы и А.П. Лебедев, для которого очевидна только польза от обращения к этому материалу. Признавая проблему необходимости догматического согласования протестантского понимания исторического процесса и православного, он пытается защитить право отечественного исследователя на критический подход к церковным преданиям, действиям исторических лиц или отдельным сочинениям, уважаемым в церковной практике. По его мнению, «православие стоит выше фактической жизни церкви и потому оно ничего не теряет, если бы в этой фактической стороне церкви не все оставалось в том виде, как это было раньше», так как церковь не должна отождествляться ни с какими частными богословскими воззрениями²⁴. Однако тот факт, что перед своей аргументацией А.П. Лебедев приводит цитаты о необходимости и пользе обращения к протестантской историографии из работ протоиерея А.М. Иванцова-Платонова и епископа Димитрия (Ковальницкого), православная

²² Герд Л.А. Неизданное письмо В.В. Болотова И.С. Пальмову // Христианское чтение. 2000. № 19. С. 39–81

²³ Там же. С. 45.

²⁴ Лебедев А.П. Церковная историография... С. 568.

ортодоксальность в исторических исследованиях которых не вызвала ни у кого сомнений, показывает, что его позиция не являлась признанной в духовно-академической среде и нуждалась во внушительной поддержке со стороны.

Следующий этап развития церковной историографии непосредственно связан с Уставом православных духовных академий 1884 г. Современники приписывали его реакционное содержание деятельности обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева и митрополита Иоанникия (Руднева)²⁵. Но при непосредственном знакомстве с этим документом становится ясно, что его содержание определилось изменением приоритета в целях высшего духовного образования. По нему, духовная академия должна была давать «высшее богословское образование, в духе православия, для просвещенного служения Церкви на пастырском, духовно-учебном и других поприщах деятельности»²⁶. Четвертый курс больше не служил для написания магистерского сочинения, а был включен в основной образовательный процесс. Отменялась открытость свободного посещения магистерских диспутов, получивших наименование «коллоквиумов», и степени доктора богословия, церковной истории или церковного права (ставшие нововведением Устава 1884 г.) стали присуждаться без публичной защиты на основании отзывов рецензентов о диссертации. Таким образом, главным становилась профессиональная подготовка церковных кадров²⁷. Ликвидацию специализации студентов по отделениям также можно рассматривать как средство к созданию целостной системы подготовки православного духовенства. Однако некоторые нововведения были специально направлены на ограничение предшествовавших академических порядков. Прежде всего, усилилась гегемония так называемого «ученого монашества» на административных постах, возросли полномочия ректоров академий, а сами академии были поставлены под «начальственное попечение» местного архиерея²⁸, по всей видимости, для контроля за «духом Православия» в стенах духовных академий.

²⁵ Катанский А.Л. Указ. соч. С. 343–344.

²⁶ Устав и штаты православных духовных академий, высочайше утвержденные 20 апреля 1884 года. Казань, 1884. С. 3.

²⁷ Тарасова В.А. Указ. соч. С. 28.

²⁸ Устав и штаты... 1884 года. С. 3.

В целом, не духовно-академический устав 1884 г. стал главным ответом на проявления в предшествовавшую эпоху «академического вольнодумства». Значительные ограничения на свободу научных исследований в церковной историографии были связаны с введением санкционированных Святейшим Синодом Правил для рассмотрения сочинений, представляемых на соискание ученых богословских степеней 1889 г.²⁹ В них был включен список тем, запретных для научного исследования³⁰. В частности, запрещалось принимать на соискание ученой степени магистра сочинения о еретиках и ложных учениях, так как признавалось вредным слишком долго задерживаться вниманием на подобных вопросах, и труды, в которых отрицалась бы достоверность таких событий, к которым церковное предание и народное верование привыкли относиться как к достоверным. Настоятельно рекомендовалось «как можно меньше иметь дела с иностранными богословскими книгами», а руководствоваться святоотеческими творениями³¹. Весьма показательно также запрещение на рассмотрение событий церковной истории только исходя из влияния господствующих в данное время школ и направлений и, в целом, «в связи с причинами и действиями, выходящими из одних человеческих побуждений и стремлений»³². Таким образом, исследования по церковной истории в рамках духовных академий должны были приобрести должную ортодоксальную направленность. Однако это было не единственной целью составителей «Правил...». Наличие в них тезиса о недопущении к защите сочинений, в которых события священной истории Ветхого Завета или действия тех или других лиц священной истории рассматриваются с точки зрения современных государственных и общественных учреждений, показывает желание церковной администрации преодолеть гипертрофированную социальность, ставшую характерной чертой церковно-исторической науки предшествовавшего времени.

А.П. Лебедев, характеризуя трудности, с которыми приходится сталкиваться соискателям степеней магистра или доктора

²⁹ *Лебедев А.П.* Взгляд на условия развития... С. 107–108.

³⁰ *Тарасова В.А.* Указ. соч. С. 81–82.

³¹ *Лебедев А.П.* Взгляд на условия развития... С. 108.

³² *Тарасова В.А.* Указ. соч. С. 81.

богословия при новых духовно-академических порядках, отмечал, что они для благополучного исхода дела «долженствовали быть мудры, как змеи, и просты, как голуби». Диссертации надо было преодолеть цензуру, искус рецензентов, контроль академического Совета, со стороны которого назначался для разбора диссертации один специалист по предмету исследования и второй, «это истинно Божеское наказание... аргус, оценивающий книгу лишь с точки зрения Православия»³³. Но и на этом «мытарства» не заканчивались: требовалось ходатайство местного архиерея, который мог и отказать, не изъясняя причин. Затем диссертация шла в Синод, где работа также проходила рецензию члена Синода перед рассмотрением ее в собрании Синода. И даже после утверждения Синодом в научной степени, требовалась еще подпись обер-прокурора под этим протоколом, при отсутствии которой «дело считалось затянувшимся или даже провалившимся». А.П. Лебедев сравнивал эту процедуру защиты и ее утверждения с «прогоном сквозь строй» и подчеркивал, что «если хоть на одной стадии этого инквизиционного процесса выйдет зацепка, “пиши – пропало”»³⁴.

Таким образом, необходимо признать, что изменения в духовных академиях в эпоху Устава 1884 г. не только придали церковно-историческим исследованиям определенную направленность в духе православной ортодоксии, но и ограничили свободу научных исследований в рамках духовно-академической историографии. В частности, не избежал подобных стеснений В.В. Болотов, не ставший представлять к защите докторскую диссертацию, посвященную Несторию, именно из-за боязни потерпеть «верное *fiasco*» при новых духовно-академических порядках. В письме И.Е. Троицкому он откровенно писал: «При действии прежнего устава, я уверен, “Несторий” прошел бы совершенно благополучно»³⁵. «Новый устав “положил есть тьму”, и мне дело представилось в таком свете: не следует ли вести себя так, чтобы на “гору гельвуйскую”

³³ *Лебедев А.П.* Два пионера церковно-исторической науки у нас и немногие сведения о жребиях их преемников // *Лебедев А.П.* «Великий и в малом...». С. 85.

³⁴ *Лебедев А.П.* Там же.

³⁵ *Болотов В.В.* Письмо И.Е. Троицкому от 11/12 апреля 1896 г. // ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 194. Л. 61.

1884 [года] «не сходила ни роса ни дождь»». «Устав ведь хочет научного бесплодия, не будем же и лезть на драку»³⁶.

Другой выход из сложного положения избрал Н.А. Скабланович, защищавший в 1884 г. в Санкт-Петербургской духовной академии докторскую диссертацию «Византийское государство и церковь в XI в.». В своей вступительной речи перед защитой наиболее острый в политико-идеологическом плане вопрос о плодотворности тесного союза государства и церкви он изложил в духе господствовавшей идеологии, но иначе, чем в своем сочинении³⁷.

Но, несмотря на определенные ограничения и стеснения со второй половины 1880-х гг., отечественная духовно-академическая наука за вторую половину XIX в. добилась впечатляющих успехов. Импульс развития, данный ей в эпоху Устава 1869 г., позволил вывести церковно-исторические исследования на высокий научный и богословский уровень, признанный в европейской историографии. Труды же наиболее выдающихся ее представителей, таких как В.В. Болотов, к началу XX в. обрели общемировую известность³⁸.

³⁶ Болотов В.В. Письмо И.Е. Троицкому от 11/12 апреля 1896 г. // ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 194. Л. 62 об.

³⁷ Подробнее см.: Блиев В.Р. Проблема отношений христианской церкви и государства в Византии в освещении отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. С. 65–69.

³⁸ Подробнее см.: Лебедев А.П. Церковная историография... С. 549–550; Бриллиантов А.И. Профессор В.В. Болотов. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 70–72.

Н.В. Гришина

От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг.*

Анализируется трансформация системы подготовки научных кадров в 1860–1920-х гг. Рассматривается нормативный аспект изменений, а также практическое применение правовых норм. Утверждается, что перевод официальных норм в практику повседневного использования приводит к их корректировке. Ученая корпорация рассматривается как непосредственный участник выработки системы воспроизводства научных кадров. Эта функция сохраняется за ней и в периоды усиления властной регламентации и идеологического давления на науку.

Ключевые слова: научные кадры, «оставленные» для подготовки к профессуре, аспиранты, общественная дискуссия, университетский устав.

N. V. Grishina

From "left to prepare for a professorship" to Soviet graduate: transformation of the system of reproduction scientific staff in 1860–1920-ies

This article analyzes the transformation of the system of training of research staff in 1860–1920th. The author examines the normative aspect of changes, as well as the practical application of legal norms. The article states that the transfer of official standards in the practice of daily use leads to their adjustments. Scientific corporation is seen as a direct participant in developing a system of reproduction of scientific personnel. This function is stored in periods of heightened regulation of power and ideological pressure on science.

Keywords: research staff, "left" to prepare for a professorship, graduate students, public debate, university statute.

© Н.В. Гришина, 2014

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (Проект № МК-1810.2013.6).

Наличие в государстве эффективной системы воспроизводства научных кадров является важной составляющей продуктивного развития национальной науки. Выработка параметров такой системы – обоюдная задача государства и ученой корпорации, совокупные усилия которых формируют нормативно-правовую основу ее функционирования. Перевод официальных норм в практику повседневного использования приводит к тому, что ученая корпорация по-своему прочитывает правовые нормы и зачастую инициирует их пересмотр и корректировку. В итоге вопрос о том, как должны выглядеть нормативная и практическая стороны системы приращения кадров ученых, постоянно находится в фокусе актуальной дискуссии.

Юбилейная дата Устава 1863 г. является лишним поводом поразмышлять о процессе выработки и трансформации законодательных норм, регулирующих жизнь научного сообщества. В данной статье осуществлена попытка проанализировать, как менялся статус ученого-«неофита» в соответствии с нормативно-правовыми актами и реалиями диссертационной культуры на протяжении 1860–1920-х гг. При этом особое внимание обращается на состояние системы воспроизводства научных кадров раннесоветского времени, когда шли наиболее интенсивные поиски новых очертаний этой системы, отвечающей нуждам советского государства и неизбежно апеллирующей к предыдущему опыту «вращения» профессоров.

* * *

Формула «оставление для приготовления к профессорскому званию», по всей видимости, начала формироваться с появлением Устава 1863 г. Именно в нем в главе «О факультетах» к совместному ведению факультетских собраний и Совета университета были отнесены вопросы «выбора лиц для оставления при Университете в качестве стипендиатов» и «избрания лиц, предназначенных к посылке за границу для приготовления к профессорскому званию» (ст. 23)¹. Далее в разделе об университетском Совете еще

¹ Общий устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 38. № 39752. С. 621–637.

раз подчеркивалось, что в его ведении находится «оставление при Университете стипендиатов для приготовления к профессорскому званию» (ст. 42)².

При этом статус «оставленных» подробно в нормативных документах не был прописан. Так, в Положении об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени, принятом в 1864 г. и фактически действовавшем на протяжении всего дореволюционного периода, какие-либо правила «оставления» не упоминаются³. Напротив, подчеркивается самостоятельность претендентов на профессорство. Они должны были подавать собственноручное прошение на имя ректора с целью прохождения различных квалификационных испытаний (Раздел I. § 3). Фактически этот пункт не изменился со времен аналогичного Положения 1844 г. (§ 6)⁴.

В официальном дискурсе в 1860-е гг. сложилось устойчивое понимание «оставленных» как выпускников университетов, которые получали стипендии⁵ или командировались за казенный счет за границу. То есть «оставление» при университете рассматривалось как своеобразное ручательство профессоров за то, что потраченные государством на содержание научной молодежи средства будут конвертированы в новые научные кадры, способные двинуть вперед российскую науку и образование. Сразу после принятия Устава 1863 г. и выхода сопутствующего Положения Министерства народного просвещения (далее – МНП) выражало умеренный оптимизм по поводу того, что профессорские стипендиаты, наряду с введенным институтом приват-доцентов, помогут университетам стать рассадниками хороших профессоров⁶.

Однако меры, предпринятые для поддержки будущих ученых по Уставу 1863 г., и государству, и ученым показались недос-

² Общий устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 г.

³ Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // ЖМНП. 1864. Январь. Часть СХХI. Отдел I. С. 96–103.

⁴ Положение о производстве в ученые степени // ЖМНП. 1844. Часть XLII. Отдел I. С. 179–190.

⁵ В нормативных документах и публицистике 1860–1880-х гг. применительно к «оставленным» часто применялось выражение «профессорские стипендиаты».

⁶ Обзор деятельности Министерства Народного Просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 гг. с приложениями. СПб., 1865. С. 80–81.

таточными. Усиление конкуренции между национальными университетами основными европейскими странами во второй половине XIX в. повысило озабоченность российского государства и общественных деятелей качеством подготовки научной молодежи. В конце 1860-х – 1870-е гг. МНП все чаще выражало обеспокоенность по поводу незначительного интереса студенчества к научной карьере и низкого процента приобщения «оставляемых» к преподаванию. Эти проблемы с подачи МНП активно обсуждались ученой корпорацией.

К примеру, в 1869 г. советам университетов было предложено обсудить возможные меры для привлечения студентов к науке. При этом МНП апеллировало к европейскому опыту, отмечая, что приобщению студентов к науке в Англии способствовала система «тutorства», в Германии «семинарии», а во Франции «*école pratique des hautes études*»⁷. При чем вопрос стоял о повсеместном (на основе опыта Университета св. Владимира⁸) введении письменных научных работ. По мысли МНП, цель таких изменений состояла в том, чтобы «удостоение ученых степеней и званий <...> зависело от достоинства письменных работ»⁹.

В начале 1874-го академического года Совет Московского университета, со ссылкой на министерское распоряжение, принял решение брать со стипендиатов «подписки», обязывающие «по истечении срока, на который были оставлены <...> или сдать испытание на степень магистра, или же прослужить два года (подчеркивание в тексте документа. – Н.Г.) в должности учителей гимназии или прогимназии по назначению правительства»¹⁰.

В середине 1870-х гг. была создана комиссия во главе с будущим министром народного просвещения И.Д. Деляновым по выявлению проблемных мест действующего устава. По ее подсчетам, результаты «оставления» также оценивались как неудовлетворительные (см. табл. 1).

⁷ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. (ранее ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 476. Д. 58. Л. 32.

⁸ См.: Правила для учащихся в Университете Св. Владимира. Изд. IV. Киев, 1867.

⁹ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 58. Л. 32 об.

¹⁰ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 1. Л. 6 об.

Таблица 1

**Результаты «оставления» в ряде университетов
Российской империи за период 1863–1873 гг.¹¹**

<i>Университет</i>	<i>Количество оставлен- ных стипендиатов</i>	<i>Количество стипендиатов, допущенных к преподаванию</i>
Московский	58	20 (34,5 %)
Харьковский	33	8 (24,2 %)
св. Владимира	35	10 (28,6 %)

Конкретизация обозначенных в таблице данных демонстрирует и вовсе неутешительные результаты «оставления». Так, в Московском университете из 58 стипендиатов 26 (44,8 %) даже не приступили к магистерскому экзамену¹².

В ходе обсуждения в 1875 г. корректировок уставных документов среди причин неэффективности подготовки к профессорскому званию наиболее часто упоминались трудность профессии ученого, отсутствие таланта у «оставляемых» и отвлечение на другие виды деятельности. Кроме того, комиссией был сделан вывод, что большая часть российской профессуры считала, что двухлетний срок «оставления», во время которого выплачивалась стипендия, был слишком коротким и не позволял профессорским стипендиатам сдать магистерские экзамены и, тем более, написать диссертацию¹³.

Важно отметить, что некоторые участники дискуссии считали, что основным изъяном сложившейся системы является то, что «оставленный при университете кандидат не имеет никаких сношений с профессором». «Рекомендующие не всегда знакомы с рекомендуемыми», – отмечал один из профессоров Новороссийского университета¹⁴. Распространенная практика тайной баллотировки приводила к тому, что выпускник университета часто

¹¹ Материалы, собранные Отделом Комиссии для пересмотра общего устава российских университетов при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 г. СПб., 1876. Часть II. Отдел IV. С. 19–20.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 23.

узнавал о своем «оставлении» постфактум. Кандидат в профессора соглашался на него не из четкого намерения сделать ученую карьеру, а для получения стипендии, которая становилась временной поддержкой в период поиска более доходного места¹⁵.

Участники обсуждения предлагали два основных выхода из сложившейся ситуации. Первый из них состоял в возвращении практики самостоятельного принятия решения выпускниками университетов о научной карьере. К примеру, Дерптский университет вообще выступил против сохранения института профессорских стипендиатов, считая, что «люди сами пролагающие себе дорогу надежнее тех, кого продвигают искусственными методами»¹⁶.

Второй выход предполагал выстраивание системы постепенного прикрепления неофита к университету через увеличение срока «оставления», налаживание связи с профессором-специалистом и приват-доцентуру (или ассистентство)¹⁷. Хотя и у него были противники. Постепенное введение по Уставу 1863 г. института приват-доцентов (ст. 68, 69) оценивалось как своеобразная «ловушка» для молодых ученых, которые ради приобретения права преподавания фактически обрекали себя на необходимость получения еще одной ученой степени – им необходимо было предоставлять диссертацию *pro venia legendi*, публично защищать ее, а также прочесть две пробные лекции¹⁸.

Важно подчеркнуть, что увеличение стипендиального содержания практически не рассматривалось как одна из возможных мер повышения эффективности «оставления». Напротив, озвучивались достаточно радикальные мнения – «...к научным вопросам способен лишь тот, кого интересует сам вопрос, а не материальное вознаграждение...», «или наука, или набивание кармана»¹⁹.

В итоге комиссия МНП пришла к выводу, что устав «не приносит действительной (желательной и возможной) пользы ни

¹⁵ См., напр., мнение профессоров Киевского университета: Материалы, собранные Отделом Комиссии... С. 22.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 20–30.

¹⁸ Степанов Я.С. По поводу пересмотра устава университетов. Казань, 1878. С. 24–25.

¹⁹ Материалы, собранные Отделом Комиссии... С. 26, 30.

университетам, ни аспирантам²⁰ на ученую карьеру»²¹, подтвердив необходимость его кардинального пересмотра.

Между тем, с принятием в 1884 г. нового устава правила почти не изменились. По нему вопрос «выбора лиц, оставляемых при Университете, в качестве стипендиатов, для приготовления к ученым степеням, а равно предназначаемых к отправлению за границу за казенный счет» подлежал к ведению собраний факультетов с последующим утверждением Попечителем и сообщением Совету университета (ст. 27)²².

При этом в процессе подготовки нового устава в мае 1884 г. было принято специальное положение «О порядке оставления молодых людей при университетах и командировании за границу с целью приготовления их к профессорскому званию». Инициатива в выдвижении кандидатов принадлежала самим факультетам, но последнее решающее слово оставалось за министерством²³. По этому положению срок «оставления» равнялся трем годам. Стипендиаты, не уложившиеся в этот срок, обязывались либо сполна возратить полученную стипендиальную сумму, либо отслужить учителем гимназии по два года за каждый год «оставления»²⁴. Как видим, в положении отразились министерские решения 1870-х гг., нацеленные на повышение ответственности стипендиатов и их сохранение в научно-образовательной системе.

Очередной виток общественно-государственной дискуссии по вопросам «оставления» пришелся на рубеж XIX–XX вв. И вновь

²⁰ Важно отметить введение в употребление термина «аспирант», буквально понимаемого как претендент на профессуру, который со временем войдет и в нормативно-правовые документы.

²¹ Степанов Я.С. Указ соч. С. 25.

²² Общий устав императорских российских университетов, 23 августа 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 4. № 2404. С. 456–474.

²³ См. подробнее: Иванов А.Е. Высшая школа в России начала XX века. М., 1991. С. 211; Дмитриев А. Заграничная подготовка будущих российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / науч. ред. Н.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. С. 65–76.

²⁴ См. подробнее: Якушев А.Н. Организационно-правовой анализ подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в университетах и академиях России (1747–1918): История и опыт реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.

посыл к обсуждению был вызван целями подготовки нового устава, обеспокоенностью состоянием отечественной науки на фоне европейской, а также фактами защиты «слабых» диссертаций²⁵. В 1902 г. МНП разослало университетам вопросник по наиболее проблемным местам действующего устава. Предложения университетских советов и отдельных факультетов в дальнейшем были вынесены на обсуждение в рамках министерской комиссии, созданной по инициативе П.С. Ванновского. Также вопрос о реформировании университетов был поднят в ходе работы министерско-профессорской комиссии И.И. Толстого в 1906 г.

Готовясь к преобразованию университетской системы, МНП среди прочего интересовалось у ученой корпорации: «Какие вообще меры должны быть приняты для правильного и успешного приготовления молодых людей к профессорскому званию?»²⁶ Советы почти всех университетов заключали, что для этого необходимо поднять престижность профессии ученого и «усилить содержание профессорских стипендиатов во время их научных занятий в России и за границей»²⁷. Советы в духе идеалов университетской автономии высказались за то, что формирование научной смены – задача самих ученых. Вот пространное и весьма эмоциональное мнение совета Университета св. Владимира: «...Только профессорской коллегии принадлежит и право организации новых *кадров* для приготовления молодых людей к профессорскому званию. Очевидно, что если профессорская коллегия устранена от участия в созидании и организации кадров молодых ученых, а исторический акт академического “провозглашения” ученого профессором, доктором и даже профессорским стипендиатом совершается путем *назначения*, то этим колеблется и принцип акаде-

²⁵ Подробнее о некоторых случаях защиты диссертаций, которые, по мнению корпорации ученых, не в полной мере соответствовали требованиям российской диссертационной системы, см.: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX века в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 36. М., 2011. С. 221–247.

²⁶ Свод мнений по вопросам, предложенным г. Министром Народного Просвещения, относительно желательных изменений в устройстве Императорских Российских университетов. СПб., 1902. Вопрос 9.

²⁷ Там же. С. 1, 14.

мической свободы науки и самая вера в науку, и доверие к ученым степеням; но этим же снимается и *ответственность* с профессоров за состояние ученых кадров и даже за уровень науки в стране»²⁸. Также впервые был поднят вопрос о создании специального института для подготовки научных кадров. Юрьевский университет считал необходимым «учредить при университете институт оставляемых для приготовления к профессорскому званию, в который должны быть зачисляемы на 2–3 года лучшие из оканчивающих курс, по постановлениям факультетов, для занятий под их контролем»²⁹. Хотя идея создания специального института «оставленных» поддерживалась не всеми. Так, профессор Томского университета Табашников указывал, что «бесполезно создавать при университетах особые питомники для приготовления профессоров, <...> ибо для успешного преподавания не достаточно обладать ученым балластом, а необходимо дарование и призвание»³⁰.

Высочайше учрежденная комиссия по преобразованию высших учебных заведений 1902 г. посвятила вопросу «о приготовлении молодых людей к профессорскому званию» целое заседание³¹. В основу обсуждения был положен доклад профессора Демидовского юридического лицея в Ярославле В.Г. Щеглова «Об условиях подготовки преподавателей» и его проект «Положения о профессорских стипендиатах». В центре дискуссии оказался вопрос о процедуре и сроках «оставления». Члены комиссии разошлись во мнении относительно сроков, достаточных для приобретения статуса приват-доцента и подготовки диссертации. Большинство участников считали, что предлагаемый срок в два года недостаточен для прохождения магистерских испытаний. Представитель Университета св. Владимира князь Е.Н. Трубецкой ратовал за выплату стипендии на протяжении 3–4 лет. А профессор

²⁸ Свод мнений по вопросам... С. 7.

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ Там же. С. 14.

³¹ См.: Труды Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. II. СПб., 1903. С. 42–57. (Заседание XXIV. Обсуждение вопроса о приготовлении молодых людей к профессорскому званию.) Некоторые аспекты деятельности Комиссии, к примеру, посвященные проблеме ученых степеней, уже становились предметом изучения. См.: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994. С. 47 и далее.

Варшавского университета В.П. Амалицкий предложил «оставлять аспиранта на один год без стипендии, чтобы он в продолжение этого времени мог доказать свою способность научно работать, занимаясь у профессора-специалиста». Однако в дальнейшем выплата стипендии должна была осуществляться не только во время сдачи магистерских экзаменов, но и в период написания диссертации³².

Вторым острым вопросом стал вопрос о роли факультета и профессор-специалистов в процессе «оставления». Представитель МНП А.С. Будилович заявлял, что инициатива в подготовке к профессуре может исходить не только от факультета, но и от самого аспиранта. Противники этого предложения, которых было немало, выдвигали два основных аргумента. Так, И.Я. Гурлянд, представлявший в комиссии Министерство внутренних дел, считал, что связь «оставляемого» с профессором формируется еще в годы обучения и «образует школу последовательную и систематическую». Осведомленность о научном потенциале университета позволяет профессору снизить до минимума риск «оставления» случайного для науки человека, и, кроме того, способствует «поддержанию принципа школы». В итоге он делал вывод, что «заботиться о судьбе магистранта – дело факультета»³³.

Аргументом второго порядка стали рассуждения о том, что по собственной инициативе в науку часто приходят неприспособленные к научным занятиям лица. Ссылаясь на опыт историко-филологического факультета Петербургского университета, С.Ф. Платонов заявил, что такие лица почти никогда «не являются приобретением для науки»³⁴. А.И. Введенский, профессор Санкт-Петербургских высших женских курсов, полностью разделял мнение С.Ф. Платонова. Кроме того, он акцентировал внимание участников заседания на формах отчетности аспирантов. К примеру, он считал, что предлагаемый проектом «коллоквиум нужен лишь для тех аспирантов, в достоинствах которых у факультета явилось сомнение». В случае прикрепления стипендиата к профессо-

³² Труды Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений... С. 42, 48.

³³ Там же. С. 44–45, 49–50.

³⁴ Там же. С. 47.

ру его подготовка к профессуре находится под постоянным при-
смотром, что является гарантией ее высокого уровня³⁵.

Наконец, третья проблема, поднятая участниками комис-
сии, состояла в степени формализации процедуры «оставления».
А.С. Будилович и профессор Военно-медицинской академии
Г.Е. Рейн, со ссылкой, в том числе, на практики европейских уни-
верситетов, высказывались за введение конкурса на получение
профессорской стипендии³⁶. Это предложение вызвало возраже-
ния со стороны большинства участников дискуссии. Профессор
Новороссийского университета Е.Н. Щепкин назвал конкурс «не-
желательной мертвечиной» и «машинным способом» приращения
научных кадров, не приемлемым для российских университетов³⁷.
С ним соглашался С.Ф. Платонов, считая, что при конкурсном по-
рядке «исчезает совершенно моральная оценка аспиранта»³⁸.

В итоге комиссия утвердила новый проект Положения о
профессорских стипендиях. По нему подготовка молодых лю-
дей к профессорскому званию возлагалась на факультеты уни-
верситетов (п. I). Инициатива оставления принадлежала профессору-
специалисту или декану факультета (п. II), однако в примечании
отмечалось, что «может быть допущена и собственная инициати-
ва аспирантов». Срок выплаты стипендии устанавливался в три
года, однако в особых случаях она могла выплачиваться еще один
год, а в случае успешной сдачи экзаменов выплата могла быть
продолжена общим сроком до пяти лет, включая время оставле-
ния (п. IV, примеч. 1, 2). Также проект предусматривал возмож-
ность оставления без содержания или на частные стипендии (п. V).
Вся ответственность за подготовку аспирантов и контроль над их

³⁵ Труды Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших
учебных заведений... С. 47. Важно подчеркнуть, что colloquium не являлся нов-
шеством данного проекта. Еще в Положении 1864 г. говорилось, что действи-
тельный студент, претендующий на степень кандидата, обязан в течение полу-
года подать диссертацию, по которой, в случае получения на нее положитель-
ного письменного отзыва, происходит устное обсуждение (colloquium) (§ 17). См.:
Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые сте-
пени. С. 100.

³⁶ Труды Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших
учебных заведений... С. 43, 45–46.

³⁷ Там же. С. 45.

³⁸ Там же. С. 47.

занятиями возлагалась на профессоров-специалистов и факультет (пп. VII, VIII). Для оставленных предусматривались командировки с ученой целью как внутри страны, так и за границу сроком до двух лет (пп. X–XIII)³⁹.

Как видим, новый вариант проекта носил компромиссный характер и учитывал практически все предложения комиссии, ориентированные на улучшение положения «оставленных» и гарантии им социальной защиты. Положение в такой редакции предусматривало для лиц, готовящихся к профессуре, и их руководителей различные возможности для увеличения срока «оставления» и, как предполагалось, улучшения качества будущих деятелей науки. Кроме того, фактически происходило закрепление этой сферы развития науки за ученой корпорацией, оставлявшей за собой право регулирования большинства вопросов в деле воспроизводства научных кадров. За МНП закреплялось принятие итогового решения об «оставлении» претендентов на профессорство.

Профессорское совещание по университетской реформе 1906 г. также не обошло вниманием проблему «оставленных» при университете, которой было посвящено одно из январских заседаний⁴⁰. Особую направленность обсуждению дало укоренившееся мнение о решении отменить магистерскую диссертацию⁴¹. В ходе дискуссии вновь всплыла степень кандидата, упраздненная, как известно, по Уставу 1884 г. На совещании велась острая полемика относительно того, в каком статусе – «получившего факультетское свидетельство» или «кандидата» – должен был находиться претендент на «оставление». Профессор Петербургского университета Д.Д. Гримм озвучил мнение, что оставлен при университете может быть только кандидат. Этот статус, во-первых, позволял

³⁹ Труды Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений... С. 55–57.

⁴⁰ Труды совещания профессоров по Университетской реформе, образованного при МНП, под председательством министра графа И.И. Толстого, в январе 1906 г. СПб., 1906. С. 71–75.

⁴¹ Слухи об отмене магистерской степени циркулировали весьма активно. К примеру, А.Е. Пресняков в одном из писем жене в 1906 г. писал об этом как о свершившемся факте: «...Теперь отменяются магистерские диссертации. Ученая степень будет одна – докторская». – Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 544.

ет судить о научных достоинствах претендента, а во-вторых, если «оставленный» будет только добиваться кандидатской степени, то «получится фактическое восстановление магистерской степени, формально отмененной»⁴². Именно его позиция получила наибольшую поддержку на совещании.

Еще более острой оказалась полемика вокруг сроков «оставления». При голосованиях (27 голосов против 17 и 23 голоса против 21) были приняты решения о минимальном сроке в один год и максимальном – не свыше четырех лет⁴³. Как видим, в этом вопросе комиссия оказалась более радикальной, чем ее предшественница. При обсуждении вопроса о командировках был оставлен их двухлетний срок, однако принято решение не включать заграничные командировки в общий срок «оставления»⁴⁴.

Несмотря на довольно острые дебаты по поводу принятия нового положения, которое бы регулировало процесс «оставления», по сути, продолжали действовать правила, введенные положением 1884 г. Именно за изменение этих правил в 1910 г. выступили факультеты Санкт-Петербургского университета. Факультет восточных языков предлагал функции окончательного принятия решения об «оставлении» и командировании за границу полностью передать от МНП факультетам⁴⁵. «Мнение факультета может быть ошибочным, но едва ли существует более компетентное учреждение, которое могло бы исправить эту ошибку»⁴⁶, – отмечали авторы представления. В обсуждениях факультеты исходили из принципов университетской автономии, которой хотели добиться и в вопросе «взрачивания» новых ученых. Требования «безупречной и надежной нравственности», вводимые по отношению к кандидатам на профессию Уставом 1884 г. и сопутствующим положением, оценивались как неисполнимые и несоот-

⁴² Труды совещания профессоров по Университетской реформе... С. 71.

⁴³ Там же. С. 72–73.

⁴⁴ Там же. С. 74.

⁴⁵ Представление Факультета восточных языков о внесении изменений по вопросу о порядке возбуждения и рассмотрения ходатайств об оставлении окончивших курс при Университете (Протокол от 12 апреля 1910 г.) // Протоколы заседания Совета императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб., 1911. С. 76–77, 100–105.

⁴⁶ Там же. С. 101–102.

ветствующие своей цели. По мнению факультетов, даже активное участие в студенческих волнениях не должно было становиться препятствием к началу научной карьеры⁴⁷.

К концу имперского периода система «оставления» для подготовки к профессорскому званию обрела устойчивую форму. Несмотря на многократно предлагаемые преобразования, в ней сложились определенные константы: подготовка профессором-специалистом мотивированного ходатайства и обсуждение его на совете факультета, контроль над работой неопита в процессе прохождения магистрантского пути, включавший отчеты «оставленных» и отзывы руководителя, регулярное информирование МНП о ходе подготовки магистрантов и т. п. При этом постепенному изменению подвергался результат «оставления». Различные министерские проекты как царского, так и Временного правительства предполагали упрощение процедуры вхождения в науку и преподавание в высшей школе через облегчение магистерского экзамена и вплоть до отмены одной из ученых степеней⁴⁸.

Смена государственной власти и правового статуса университетов, произошедшие в 1917 г., не исчерпали вопроса о системе воспроизводства кадров ученых и не убрали его с актуальной повестки дня. Отметим, что сразу после революции никаких изменений статуса «оставленных» или самой процедуры «оставления», по всей видимости, не предполагалось. Так, в постановлении о создании Государственного ученого совета (далее – ГУС) к кругу его ответственности в том числе было отнесено определение количества «оставленных» при университетах⁴⁹.

⁴⁷ См., напр.: Протоколы заседаний Совета императорского Санкт-Петербургского университета за 1884–1885 год. СПб., 1885. С. 5–6; Протоколы... за 1910 год. С. 103.

⁴⁸ Обсуждение этих проектов шло осенью 1917 г. на историко-филологических факультетах Московского и Петроградского университетов см.: ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 423. Л. 63–66; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 62. Л. 69. О ходе этих обсуждений см.: *Гришина Н.В.* «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910–1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: сб. статей. Челябинск, 2011. С. 172–173 и далее.

⁴⁹ Постановление Коллегии Отдела высших учебных заведений от 20 января 1919 г. о Государственном Ученом Совете // Сборник декретов и постановлений

В 1919 г. советам университетов был разослан проект положения «Об оставленных при Университете для приготовления к профессорскому званию». Небольшое по объему положение гласило, что «оставленные» находятся «в тесном научном общении с профессором» и работают под его непосредственным руководством (п. 1). В случае крайней производственной необходимости и после прохождения надлежащей педагогической подготовки они могут привлекаться к преподаванию (п. 2). Также регламентировался порядок проверки знаний и хода научных занятий: «оставленный» в конце каждого семестра должен был подавать профессору-руководителю письменный отчет, также предусматривался контроль его научной подготовки путем собеседований и прочтения научных докладов (п. 3). «Оставление» производилось сроком на два года, по истечении которого профессор-руководитель мог ходатайствовать о его продлении еще на год (п. 4). В проекте предусматривались санкции по отношению к тем «оставленным», которые не предоставили отчета своевременно или выполнили его некачественно (п. 5). Кроме того, подчеркивалось, что «оставление при Университете производится с обязательным назначением казенного содержания» (п. 6)⁵⁰.

При историческом отделении факультета общественных наук МГУ была создана специальная комиссия с целью обсуждения этого проекта. На заседании 9 июля 1919 г. комиссия озвучила свои предложения, бóльшая часть которых апеллировала к прежним правилам «оставления». К примеру, члены комиссии настаивали на восстановлении практики мотивированного ходатайства, которое должно было составляться профессором или группой профессоров, утверждаться факультетом и являться единственным формальным основанием для «оставления». Также комиссия признала целесообразность проведения коллоквиума в отношении лишь тех претендентов на профессию, чьи научные способности подвергнутся факультетом сомнению. Далее, комиссия предлагала семестровую проверку хода научных занятий заменить годовым отчетом, на основании которого профессор-руководитель состав-

рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. С 7 ноября 1918 по 7 ноября 1919 года. М., 1921. С. 14.

⁵⁰ ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. (ранее ЦАГМ). Ф. 1609. Оп. 6. Д. 3. Л. 2.

лял отзыв о работе «оставленного». Наконец, комиссия высказалась «за желательность сохранения двух категорий оставленных – с содержанием и без такового»⁵¹. В том же русле положение обсуждалось и на юридическом отделении факультета общественных наук⁵².

В начале 1920 г. положение было принято. Его текст свидетельствует, что большинство факультетских предложений было учтено. В частности, прописывался ход подготовки «оставленного», осуществляемой при непосредственном контроле со стороны профессора-руководителя, и сохранялось «оставление» без казенного содержания. От желающего начать готовиться к профессуре требовалось письменное сочинение, отзыв на которое вместе с общей характеристикой аспиранта давал профессор, инициировавший «оставление». Окончательное решение выносилось на заседании отделения, в котором «аспиранту производится коллоквиум в пределах темы его сочинения»⁵³. Положение распространяло свое влияние и на выпускников, получивших статус «оставленных» до его принятия. До начала 1923 г. факультеты университетов продолжали практику непосредственной работы с претендентами на профессорство, опираясь в основном на нормы дореволюционных уставов и сложившуюся традицию «оставления»⁵⁴.

Между тем уже с 1919 г. осуществлялись шаги по созданию параллельной структуры в деле воспроизводства научных кадров. В проекте положения о российских университетах 1919 г., среди профессоров по традиции именовавшегося уставом, предполагалось появление новой категории универсантов – членов-соревнователей. Видимо, они должны были прийти на смену бывшим «оставленным». В положении их статус прописывался достаточно неопределенно, но можно уловить использование его разработчиками опыта работы с дореволюционными претендентами на профес-

⁵¹ ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 3. Л. 44–48.

⁵² ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 6. Л. 1.

⁵³ ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 12. Л. 17, 18.

⁵⁴ На факультете общественных наук МГУ, исходя из постановления деканата, было принято решение «испытаний или научных собеседований при отделениях не производить» только в марте 1923 г. См.: ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 69. Л. 12, 12 об.; Д. 71. Л. 11 об.

суру. Так, указывалось, что каждый член-соревнователь «представляет полугодовой письменный отчет о своей научной работе», а также по истечении двух лет может претендовать на командирование для продолжения исследовательских поисков⁵⁵.

Еще одним шагом в деле создания новой системы подготовки кадров для высшей школы стало начавшееся с весны 1919 г. учреждение научных институтов⁵⁶. Помимо собственно исследовательской работы, им приписывалась педагогическая задача, «разрешаемая путем создания при институтах семинариев *повышенного* (курсив мой. – *Н.Г.*) типа»⁵⁷. Институт истории, созданный в 1921 г., также одной из своих целей ставил «усовершенствование в исторической науке лиц, окончивших исторические отделения высших учебных заведений»⁵⁸. Профессор Д.Н. Егоров, выступая перед его сотрудниками, подчеркивал: «Институт, не будучи ни Академией, ни ученым обществом, ни семинарием, является тем не менее научно-учебным учреждением, одной из важнейших задач коего должно быть не создание “профессоров”, а создание наилучших условий для образования вообще научных работников (подчеркивание в тексте документа. – *Н.Г.*) современного типа»⁵⁹.

⁵⁵ ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 12. Л. 2, 2 об.

⁵⁶ Идея создания научных институтов воспринималась учеными по-разному. Так, московский профессор Д.Н. Егоров еще в 1918 г. подготовил «Памятную записку о желательном возможно более скором осуществлении исторического института в Москве», частично использованную позднее, когда институт создавался. См. подробнее: *Калистратова Т.И.* Институт истории ФОН МГУ – РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород, 1992. С. 14–16, 24–25. Вместе с тем ряд профессоров сопротивлялся организации институтов вплоть до момента их учреждения. В 1920 г. профессор С.А. Жебелев на университетском заседании говорил, что «учреждение особых Институтов в составе Университета наносит несомненный ущерб идее Университета как таковой и стоит в явном противоречии с тем представлением, какое до сих пор связано было с понятием “Universitas”». См.: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 159.

⁵⁷ Положение о факультете общественных наук, утвержденное Народным Комиссариатом по Просвещению (от 3 марта 1919 г.) // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. С. 16.

⁵⁸ ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 7. Л. 43.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 82.

В проекте устава института, разработанном М.М. Богословским, были зафиксированы лишь общие принципы подготовки новых ученых: «Усовершенствование в исторической науке достигается прежде всего путем участия лиц, ищущих такого усовершенствования, в исследовательской работе. Кроме того, в институте для той же цели читаются курсы лекций и ведутся практические занятия в виде семинариев повышенного типа, посвящаемые разбору исторических памятников или научной литературы...» (п. 4)⁶⁰. Таким образом, процесс подготовки преподавателей высшей школы стал, в первую очередь, процессом обучения, а не самостоятельной исследовательской работы. Работа с будущими учеными переставала быть «штучной», эксклюзивной, осуществлялся переход от индивидуального консультирования со стороны профессора и длительной самостоятельной подготовки к магистерскому экзамену к групповому обучению в рамках семинаров и обсуждению докладов. Напомним, что подобная идея витала еще в начале века, но тогда не получила корпоративной поддержки.

По проекту, менялся статус начинающих ученых – они стали именоваться научными сотрудниками. Бывшие «оставленные» становятся научными сотрудниками II разряда, был введен также I разряд научных сотрудников, коими являлись ассистенты профессоров. Можно подчеркнуть, что появление этих должностей становится общепринятой практикой. Еще в 1919 г. эти должности существовали в Социалистической Академии. Вот что писал по этому поводу А.И. Неусыхин в письмах будущей жене: «“Научные сотрудники” это собственно студенты, только рангом выше <...>, работающие под руководством членов академии (т. е. профессоров)...»⁶¹

Для разработчиков положения, костяк которых составляли представители дореволюционной профессуры, сами некогда прошедшие весь магистрантский путь, было важным продемонстрировать преемственность системы подготовки научных кадров. Выступая в январе 1922 г. перед коллективом института, Д.Н. Егоров отмечал: «“Магистерские вопросы” при этом могут сохранить-

⁶⁰ ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 7. Л. 43.

⁶¹ АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 229. Л. 113.

ся, утратив лишь свою “каноничность” и приобретя большую гибкость в зависимости от индивидуальных интересов сотрудников. Благодаря тесному взаимообщению более опытных ученых с начинающими, эти магистерские вопросы перестанут быть единственным критерием для определения научного веса каждого сотрудника. Вследствие чего значительно уменьшится возможность неприятных сюрпризов, столь часто имевших место доселе на магистерских экзаменах и вызывавшихся слишком малым знакомством руководимых и руководителей»⁶². В некотором смысле проблема выглядит надуманной, учитывая практику мотивированного ходатайства профессоров. Скорее излишнее подчеркивание ранее имевших место проблем использовалось для формирования более лояльного отношения к вводимой системе подготовки кадров, которая позиционировалась как некий идеал, с одной стороны, модернизированный, с другой, – вобравший в себя все лучшие черты дореволюционного опыта. Действительно, степень преемственности прежней и новой форм подготовки научных кадров была относительно высокой. Из 32 «оставленных», числившихся по историческому отделению факультета общественных наук МГУ в 1917–1920 гг., 10 стали в институте научными сотрудниками I разряда, 11 – научными сотрудниками II разряда⁶³. Только треть выпускников, оставленных на факультетах, по разным причинам не нашла себе применения в новой системе. При этом изначально общая численность научных сотрудников не только не превышала количество «оставленных», но даже оказывалась несколько ниже (см. табл. 2)⁶⁴.

⁶² ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 82.

⁶³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 1г об., 4–6, 66, 134, 170–172, 181–182; ЦГА г. Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 3. Л. 51; Д. 8. Л. 57–57 об., 60, 62.

⁶⁴ Только к середине 1920-х гг. наметился значительный рост числа аспирантов. По данным заместителя председателя ГУС О.Ю. Шмидта, на 1927 г. в стране числилось 1 247 штатных и 582 сверхштатных аспирантов, из них в РАНИОН – 372 и 178 соответственно, что, однако, по его мнению, не решало кадровую проблему. См.: АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 142. Л. 1; Д. 150. Л. 2 об.

Таблица 2

**Общее количество научных сотрудников II разряда и аспирантов⁶⁵
в Институте истории в 1922–1927 гг.⁶⁶**

<i>Академический год</i>	<i>Штатные</i>	<i>Внештатные</i>	<i>Всего</i>
1922/23	10	–	10
1923/24	10	4	14
1924/25	9	6	15
1925/26	24	13	37
1926/27	32	13	55

Параллельно постепенному свертыванию работы с «оставленными» на факультетах шел поиск форм подготовки научных сотрудников II разряда в научно-исследовательских институтах. В Институте истории в 1922 г. прошло несколько жарких заседаний, посвященных этой проблеме. В ходе обсуждения выяснилось желание действительных членов и научных сотрудников I разряда не только сохранить общие контуры прежней системы подготовки профессоров, но и использовать институциональную специфику работы с «оставленными», сложившуюся в различных университетах. А.А. Кизеветтер указал на существование московской системы подготовки преподавателей высшей школы, сутью которой являлись отказ от ранней специализации и разработка «оставленным» важнейших исторических тем, которые могли пригодиться в будущей преподавательской деятельности, и петербургской системы, где «молодой ученый сразу же сосредоточивал внимание на теме для будущей специальной ученой работы, в связи с чем подбирались и другие вопросы программы»⁶⁷. Московская система рассматривалась как более громоздкая и сложная. Научная молодежь, выступавшая за упрощение программы, предлагала отказаться от «московского наследия», в то время как возрастная профессура, имевшая большой опыт приема магистерских экзамен-

⁶⁵ Аспирантура, официально введенная в 1925 г., привела к замене должности научных сотрудников II разряда на аспирантов.

⁶⁶ Сост. по: ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153. Л. 134.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 82 об.

нов, ратовала за универсальность и общепризнанность так называемой московской системы. Подобные споры можно рассматривать в контексте проблемы сохранности / трансформации «профессорской культуры», рассматриваемой, в том числе, как нормативно-ценностное наполнение науки⁶⁸.

Принятое по итогам обсуждения положение прописывало форму отчета научных сотрудников II разряда, представление которого, по сути, повторяло прежний опыт магистерского экзамена. Рассмотрим практику применения этого положения на конкретном примере. В июньском заседании 1924 г. заслушивался отчет М.П. Лесникова⁶⁹ по русской истории. Внутри отчета были заслушаны ответы на следующие вопросы: 1) о междукняжеских отношениях в Древней Руси; 2) о местном управлении Московского государства; 3) о Московском государстве в описании Флетчера. Отчет Лесникова был признан весьма удовлетворительным⁷⁰. Очевидно, что правила фиксации ответов в протоколах практически не изменились. Сам ответ, хоть и стал более специализированным (все вопросы касались одной исторической проблемы), все же охватывал ее различные аспекты.

До середины 1920-х гг. подготовка научных сотрудников / аспирантов осуществлялась с опорой на прежние традиции работы с «оставленными». Лишь к концу десятилетия интенсифицируется процесс советизации института аспирантуры. В 1925 г. были изданы инструкции, урегулировавшие порядок подготовки научных работников (уже как аспирантов) в социально-гуманитарной сфере в РАНИОН⁷¹. Данная инструкция закрепляла трех-

⁶⁸ Подробнее см.: Корзун В.П., Сидорякина Т.А. К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 1 (27). С. 65–76.

⁶⁹ М.П. Лесников был восстановлен в числе «оставленных» в 1920 г. (первый срок «оставления» по кафедре всеобщей истории пришелся на 1914–1918 гг.), затем стал в Институте научным сотрудником II разряда.

⁷⁰ Об этом и других подобных отчетах см.: ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 157. Л. 18 и др.

⁷¹ Инструкция о порядке подготовки научных работников в научно-исследовательских институтах, объединенных в РАНИОН (утверждена 3 июня 1925 г. протокол № 1) // РАНИОН. Справочник аспиранта на 1928/29 год. М., 1928. С. 8–11.

летний срок подготовки аспирантов, который мог быть увеличен еще на год по ходатайству коллегии института (п. 1). Деятельность аспирантов подвергалась четкому планированию. Планы, разрабатываемые в коллегиях института, согласовывались с президиумом ассоциации и должны были утверждаться ГУС (п. 3). Инструкция закрепляла пять основных направлений работы аспирантов. Во-первых, они должны были в рамках семинаров изучать теорию и методологию марксизма. Для историков обязательной была работа в двух семинарах – по историческому материализму и теории экономии. Во-вторых, проработка теоретического материала по специальной отрасли общественных наук. Это направление деятельности рассматривалось в качестве основного и могло осуществляться в семинарах, а также через индивидуальное руководство научных сотрудников института. В-третьих, аналогичным образом организовывалась работа по избранной специализации. В-четвертых, ряд аспирантских программ (по экономики, праву) включали дополнительную подготовку по темам, связанным с советским строительством. Наконец, пятым направлением значилась языковая подготовка (п. 2)⁷². По инструкции вводилась семестровая отчетность аспирантов. Подаваемые в декабре и июне отчеты должны были сопровождаться примерным планом работы на следующие полгода. Отчеты вместе с заключением по ним руководителей рассматривались на коллегии института и его президиуме (п. 6). Помимо промежуточных отчетов, предполагалась подготовка итоговой отчетной документации, включавшей письменный отчет о деятельности, работу научно-исследовательского характера по самостоятельной теме и программу курса или семинария (пп. 7, 8). Важно подчеркнуть, что итоговый отчет и научно-исследовательская работа рассматривались квалификационной комиссией института, после чего предусматривалось устное собеседование с аспирантом, а далее работа допускалась к устной защите в открытом заседании коллегии института (пп. 10, 11)⁷³. Итогом обучения в аспирантуре становилось получение права на преподавание в высших учебных заведениях (п. 12).

⁷² Инструкция о порядке подготовки научных работников в научно-исследовательских институтах... С. 8–9.

⁷³ Там же. С. 10.

Утвержденная инструкция, на основании которой происходило обучение в аспирантуре, казалось, урегулировала процесс подготовки аспирантов. Можно согласиться с Т.И. Калистратовой, что в целом «воспитание научной смены <...> приобрело плановый и централизованный характер»⁷⁴. Однако, практическая реализация сопровождалась попытками внести в аспирантскую подготовку новые правила, некоторые из которых противоречили инструктивным документам. Так, в Институте истории РАНИОН в январе 1928 г. был принят четырехлетний учебный план аспирантуры, в то время как инструкция допускала четвертый год обучения лишь в крайних случаях. По решению Института истории первые два года обучения отводились на участие в семинарии по историческому материализму⁷⁵, разработке темы по специальности и темы по специальному отделу истории, ознакомление с вспомогательными историческими дисциплинами и языковую подготовку. Аспирант должен был овладеть двумя языками. В течение третьего года он разрабатывал две специальные исторические темы. Четвертый год отводился на разработку еще одной исторической темы, программы курса и диссертации⁷⁶.

Принятие этого учебного плана, идущего некоторым образом в разрез с нормативными документами, как видится, было осуществлено не без участия самих аспирантов. Аспирант 1920-х гг. достаточно сильно отличался от дореволюционного претендента на профессию. Если на рубеже XIX–XX вв. продолжался планомерный курс на заботу об «оставленных» профессором-руководителем и факультетом, то в первое советское десятилетие подчеркивалась самостоятельность не только аспирантов, но и студентов, которые не нуждались в опеке, а наоборот, допускались к участию в управлении вузами. Таким образом, общественная дискуссия о ходе развития науки, где главными действующими лицами долгое время были профессора и преподаватели, приобрела нового полноправного участника в лице учащейся молодежи.

⁷⁴ Калистратова Т.И. Указ. соч. С. 87.

⁷⁵ В этом пункте также видится противоречие с инструкцией, которая прописывала обязательное участие для аспирантов-историков в двух семинарах по методологии марксизма.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 168. Л. 8.

В 1927 г. в Институте истории прошло общее собрание аспирантов, выразивших свое отношение к ходу обучения в аспирантуре. Аспиранты настаивали, что принимаемые коллегией решения по поводу организации обучения необходимо выносить на предварительные обсуждения. Кроме того, общий тон собрания состоял в требовании облегчения отчетной документации, отмене зачетов и экзаменов. Также аспиранты ратовали за увеличение срока аспирантуры: «Для разработки диссертации отвести один год сверх трехлетнего пребывания аспиранта в институте»⁷⁷. Еще один важный вопрос – о научном руководителе. Было высказано мнение, что аспиранты должны прикрепляться к конкретному руководителю.

Как видим, становясь все более централизованной, советская система подготовки кадров преподавателей высшей школы продолжала уточняться и корректироваться не без влияния непосредственных ее участников, подтверждая тем самым идею о сохранении даже в условиях ужесточения идеологического пресинга элементов «своего» прочтения предписываемых норм⁷⁸.

Собственное видение, в том числе, выразилось в разработке авторских программ работы с аспирантами, в которых удивительным образом, но часто вполне гармонично, уживались мощь «орудий марксизма-ленинизма» и «мирные» размышления о «собственных опытах творческого исследования» аспирантов⁷⁹.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 168. Л. 15 об.

⁷⁸ Подчеркнем, что данный вывод во многом коррелирует с идеями авторов статьи о профессорской культуре. См.: Корзун В.П., Сидорякина Т.А. Указ. соч.

⁷⁹ См., например, программы А.И. Неусыхина и О.А. Добиаш-Рождественской: АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 215. Л. 1–4 об. ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–21.

М.А. Мамонтова, Е.Ю. Согонова

**Трансформация нормативной стороны
«диссертационной культуры»
в СССР в 1930–1970-е гг.***

На основе анализа ряда инструкций, вышедших с 1934 г. по 1972 г., рассматривается нормативная сторона процедуры защиты диссертации, выделяются этапы ее развития и структурирующие элементы. Отмечается, что в период складывания данной процедуры интуитивно была разделена защита и предзащита диссертации, в дальнейшем были окончательно сформулированы основные требования к формальной стороне защиты диссертации, прописан регламент защиты и предзащиты. В статье также обращено внимание на восприятие этих норм научным сообществом и их применение или игнорирование в отдельных случаях.

Ключевые слова: диссертационная культура, защита и предзащита диссертации, этос науки, ученые степени, советская наука.

М.А. Mamontova, E.Yu. Soganova

**Transformation of the standard party «dissertation
culture» in the USSR in the 1930–1970th**

In this paper, based on the analysis of a series of instructions that came with the 1934 to 1972, is considered standard procedure thesis defense side, stand the stages of its development and the structuring elements. It is noted that during the folding of the procedure was divided intuitive protection and overcurrent protection dissertations were subsequently finalized the basic requirements for the formal aspect of the thesis defense, the regulations prescribed protection and overcurrent protection. The article also called attention to the perception of these standards by the scientific community and their application or neglect in some cases.

Keywords: dissertation culture, protection and preprotection of the thesis, ethos of science, scientific degrees, Soviet science.

© М.А. Мамонтова, Е.Ю. Согонова, 2014

* Работа выполнялась при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках государственных заданий высшим учебным заведениям на 2013 г. в части проведения научно-исследовательских работ, проект № 6.5331.2011 «Профессорская культура в условиях социально-культурных трансформаций: Россия XX–XXI вв.».

Происходящие в последнее время перемены в области институционального устройства науки, ее этических норм и процедур актуализируют проблему изучения механизмов «вхождения» в поле науки, где одним из важных маркирующих моментов в процессе становления ученого выступает защита диссертации. Интерес к этому этапу эволюции ученого позволил челябинским историкам предложить концепт «диссертационной культуры»¹, которая рассматривается как необходимый ритуал и одновременно структурирующий элемент научного поля, вокруг которого формируется научный быт и складывается широкое интеллектуальное пространство. Профессиональный историк – носитель сложившихся в научном сообществе ритуалов – выступает в этом поле как строгий цензор его автономности. Механизмом же его контроля служит как раз диссертационная культура, позволяющая отсеивать

¹ *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX в.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск, 2010. С. 9–21; *Их же.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX в. в восприятии современников: к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 36. М., 2011. С. 221–247; *Алеврас Н.Н.* Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 129–144; *Ее же.* «...Мир вещей в пространстве диссертационной культуры» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 6. Київ, 2011–2012. С. 136–159; *Гришина Н.В.* Диссертационная история И.П. Сенигова в системе коммуникаций историко-филологического сообщества // Вестник ЧелГУ. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 21–25; *Алеврас Н.Н.* Речь историка на диссертационном диспуте, или Подходы к изучению специфики текста историографического источника в ракурсе его функционального предназначения // Историк, текст, эпоха: тезисы IV Международной научно-практической конференции Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории, 16–18 марта 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 8–10; *Ее же.* Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия УРФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 276–286; *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Подготовка магистрантов в традициях университетской культуры России XIX – начала XX века // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. М., 2012. С. 169–172.

всех не усвоивших ритуал. В диссертационной культуре явственно выделяется неформальная ее сторона, эмоционально окрашенная, наполненная пикантными подробностями, тесно связанная с субъективными оценками и нестандартными ситуациями, но в то же время бледно отраженная в источниках, трудно уловимая для исследователя и поэтому особо желанная для читателя. Предметом же данной статьи выступает формализованная (или формальная) сторона диссертационной культуры, связанная с правовым регулированием процедуры «вхождения» молодого ученого в поле науки.

* * *

Институт научной аттестации как государственно установленная система был окончательно сформирован в российской традиции в первой половине XIX в. и просуществовал вплоть до 1917 г., подвергаясь незначительным изменениям. Революционные события 1917 г. оказали существенное влияние на структуру научной аттестации, хотя трансформации произошли не сразу. Отправной точкой в изменении сложившейся системы защиты диссертаций можно считать декрет СНК РСФСР от 9 октября 1918 г., отменяющий ученые степени и звания и, таким образом, разрушающий всю систему научной аттестации, а главное, уничтожающий один из «продуктов» деятельности ученого – диссертационное исследование и его публичную защиту.

Отмена данного института обернулась для молодой советской науки низким уровнем подготовки преподавательского состава и незаинтересованностью молодых ученых в усовершенствовании своих знаний. Для решения данной проблемы в 1925 г. при ЦК РКП(б) создается специальная Комиссия, деятельность которой была направлена в первую очередь на разрешение проблемы низкого уровня преподавания в высшей школе. Итогом работы Комиссии явилось возрождение института аспирантуры, что предполагало публичную защиту научной работы на совете факультета². Положением о руководстве подготовкой научных работников, утвержденным Наркомпросом 30 июня 1925 г., предусматривался трехлетний срок аспирантской подготовки. За это время аспирант

² Чанборисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 34.

должен был «углублено изучить» основные вопросы избранной дисциплины и «методологии исследования», освоить практическое приложение данной отрасли знания к теме исследования, «заниматься иностранными языками».

К 1932 г. не удалось создать какой-либо другой альтернативной системы пополнения молодых научных кадров, и в общих чертах был реанимирован прежний механизм ученых степеней и званий³. В Постановлении ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. было признано необходимым установление ученых степеней. Первым юридическим актом, узаконившим разделение на ученые степени и ученые звания, было Постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» от 13 января 1934 г.⁴ На основе этого документа осуществлялась аттестация преподавателей в 1933–1935 гг.

1930–1940-е гг. стали знаковыми для становления института диссертации в СССР как такового. Безусловно, возвращение диссертационному сочинению статуса центрального звена в университетском механизме научной аттестации было связано с восстановлением в 1934 г. ученых степеней и званий.

Уже в первом юридическом документе – инструкции «О порядке применения постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. “Об ученых степенях и званиях”» – регламентируются и процесс написания диссертационного сочинения, и процедура его защиты. Требования, предъявляемые к диссертационному исследованию, содержались в разделе «Представление диссертаций и порядок их защиты». Предполагалось, что выходить на защиту диссертации мог аспирант, успешно освоивший весь курс аспирантуры. В инструкции также предусматривалось, что лица, не закончившие аспирантуру, допускались к защите кандидатской диссертации лишь после сдачи предварительного специального испытания в объеме

³ Судя по воспоминаниям С.А. Жебелёва, какой-либо другой альтернативы не было. К делу «создания» данной системы в качестве экспертов были привлечены в основном те представители науки, которые вошли в научное сообщество на рубеже XIX–XX вв. и вольно или невольно являлись носителями «старых» традиций. См.: *Жебелёв С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем* / публ. И.В. Тункиной // *Очерки истории отечественной археологии. Вып. 3. М., 2002. С. 142–194.*

⁴ *Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательский кадры высшей школы СССР. М., 1950. С. 21.*

соответствующей аспирантской подготовки. Однако, согласно данной инструкции, аспирант мог выбирать вуз, в котором он намеревался защищать диссертацию. Выбор происходил из числа тех учебных заведений, кто имел право присуждения соответствующей ученой степени⁵.

В инструкции прописывались и основные требования к диссертационному сочинению. Так, от диссертанта, как от соискателя степени кандидата наук, требовалось обнаружить общие теоретические знания в области соответствующей дисциплины, специальные знания по теме диссертации и способность к самостоятельному мышлению. Диссертация соискателя степени доктора наук предъявляла более сложные требования. Так, будущий доктор наук должен был представить самостоятельную исследовательскую работу, которая не просто демонстрирует общие теоретические знания в области выбранной дисциплины, а содержит решение или теоретическое обобщение научных проблем, представляющих значительный научный интерес. Докторская диссертация отличалась от кандидатской широтой и глубиной представленных выводов и наблюдений.

Несколько иными были требования и к процедуре допуска к защите диссертации. Если для защиты кандидатской диссертации необходимо было завершить аспирантуру или успешно сдать экзамен, то к публичной защите докторской диссертации допускался уже состоявшийся ученый, имеющий кандидатскую степень. Усилия, прилагаемые соискателем докторской степени, были более затратными, чем для будущего кандидата, требования – более высокие, а результат для науки – более значимый, поэтому желающих получить данную степень было немного. Здесь, как нам кажется, сказывалась не только затратность, но и ответственность за достигаемый результат, что, как правило, останавливало истинных исследователей, скромно оценивающих свои усилия. Из-за многочисленности претендентов в отношении данного пункта были предусмотрены особые исключения. Так, к публичной защите докторской диссертации можно было допустить и лицо, не

⁵ *Выскуп В.Г.* Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М., 2005. С. 33–34.

имеющее ученой степени кандидата наук, но известного своими учеными трудами, открытиями или изобретениями; ученую степень доктора наук можно было получить и вовсе без защиты диссертации лицам, известным в мировой науке выдающимися достижениями и трудами, а также имеющим соответствующие ученые степени, полученные за границей или в дореволюционное время.

Современный исследователь, юрист, В.Г. Выскуб считает, что практика присуждения степеней без защиты свидетельствовала, с одной стороны, о признании высокого качества подготовки научно-педагогических кадров в царской России, а с другой – о недостатке в стране научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации⁶. Другая исследовательница, Л.А. Козлова, полагает, что в дальнейшем эти исключения стали своеобразной лазейкой для игнорирования процедуры защиты диссертации и даже вошли в общепринятую практику, став скорее правилом, а не исключением.

Новый нормативный документ способствовал формированию новой страты в научном сообществе – функционеров от науки. Несмотря на непроработанность гратификационной системы, а может быть, и благодаря этому, в первые годы после ее легитимации наблюдался бурный должностной рост при фактическом отсутствии кандидатских и докторских защит. Об этом явлении в своих воспоминаниях писали многие современники. Так, Э.Б. Генкина, выпускница Института красной профессуры, отмечала: «Многие икаписты первых выпусков, когда диссертация еще не была обязательна, публиковали большие и серьезные исследования... но никаких диссертаций – ни кандидатских, ни докторских – не защищали, а стали крупными учеными, сначала действительными членами Комакадемии, с одновременным присуждением докторской степени, а потом членами-корреспондентами и академиками»⁷.

По меткому замечанию Л.А. Козловой, «несмотря на введение института защиты диссертации и вместе с ним признание автономности внутренней научной экспертизы, созданная в 1930-е

⁶ Выскуб В.Г. Указ. соч. С. 37.

⁷ Цит. по: Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 155.

годы в СССР система аттестации научных кадров имела в значительной степени имитационный характер и использовалась в качестве научного аналога административно-политических чинов. Такая двойственность важнейшего для научного сообщества регламента воспризнания заслуг стала причиной неконсистентности “человеческого” и институционального компонентов научного знания и соответствующих ценностных образцов, а также типов карьер. С этого времени научные ранги стали присваиваться с защитой диссертации, без защиты диссертации и даже с инсценировкой защиты»⁸.

Инструкция 1934 г. в значительной степени дополняла и уточняла значение диссертации. В частности, диссертацией могла быть как опубликованная, так и неопубликованная работа. Для защиты представлялась диссертация и развернутые тезисы работы, дающие представление об ее основных положениях, которые затем размножались и рассылались заинтересованным учреждениям и организациям и наиболее известным специалистам, а также должны были быть представлены для ознакомления всем желающим. Предполагалось, что защита диссертации должна быть максимально публичной, поэтому разрешалось знакомиться с текстом диссертации и тезисами работы, информация о дате и месте защиты публиковалась в местной или центральной печати. Например, инструкция требовала извещения о предстоящих кандидатских защитах в местной печати, а о докторских защитах – в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК»⁹.

Прежде чем выпустить диссертанта на защиту, проводилась предварительная экспертиза текста диссертации. Для этого директором вуза или НИИ, куда поступала диссертация, создавалась комиссия, определявшая степень готовности диссертации и принимавшая решение о допуске соискателя к защите¹⁰. В состав комиссии входил специально назначаемый директором рецензент, который подробно знакомился с текстом работы и аргументировал свою позицию. Фактически, комиссия была последним барьером на пути к процедуре защиты диссертации.

⁸ Козлова Л.А. Указ. соч. С. 150.

⁹ Выскуб В.Г. Указ. соч. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 37.

Предшествующей ступенью была сдача кандидатских испытаний (если речь шла о соискателе на степень кандидата наук). В том же 1934 г. Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию утвердил инструкцию «О порядке сдачи кандидатских испытаний», в которой оговаривалось, что эти испытания представляют собой предварительную ступень, предшествующую защите диссертации на степень кандидата наук. К испытаниям допускались лица, имевшие законченное высшее образование и не менее трех лет производственного и научно-педагогического стажа после окончания вуза. Разрешалось сдавать экзамены в любом вузе и научно-исследовательском учреждении из числа тех организаций, которые готовили аспирантов по соответствующей отрасли наук, однако требовалось, чтобы все экзамены сдавались в одном месте и в срок, не превышая одного года. Программы экзаменов утверждались комиссией по месту их проведения индивидуально для каждого соискателя. Комиссия устанавливала как число предметов, так и форму испытания по каждому предмету. При успешном выполнении программы испытаний испытуемому выдавалось свидетельство о сдаче в полном объеме кандидатских испытаний с указанием специальности¹¹. В 1937 г. решили отказаться от индивидуальной программы кандидатских экзаменов, установив четыре обязательные дисциплины: по диалектическому материализму, иностранному языку и двум специальным дисциплинам (специальность в целом и узкая специализация)¹².

Несмотря на то, что нормативные документы 1934 г. на законодательном уровне закрепляли положение диссертационного сочинения как итогового шага в научной аттестации, все же в течение 1934–1935 гг. многие соискатели степеней доктора и кандидата наук (впоследствии это право было распространено и в отношении кандидатской степени¹³) получили их без защиты¹⁴.

¹¹ *Выскуп В.Г.* Указ. соч. С. 38.

¹² Там же. С. 40.

¹³ *Жебелёв С.А.* Указ соч. С. 162.

¹⁴ По данным А.Я. Синецкого, в течение года (начиная с 1934 г.) ученая степень доктора наук присуждена 112 чел., из них 91 – без защиты диссертации; за 1934–1936 гг. эту ученую степень получили 345 чел., из них после защиты – всего 67 чел.; в 1937 г. она присуждена 460 чел., из них 277 – после защиты докторской диссертации. См.: *Синецкий А.Я.* Указ. соч. С. 88.

Как считает историк С.А. Жебелёв, очевидец и участник тех событий, это было связано с тем, что принцип введения научных степеней в первые годы был недостаточно отрегулирован¹⁵.

Обратимся непосредственно к воспоминаниям С.А. Жебелёва, который в 1934–1935 гг. являлся членом квалификационных комиссий при отделении общественных наук АН СССР и при ГАИМК. Эти комиссии призваны были решать вопросы о присуждении ученых степеней, т. е. определяли квалификацию конкретного лица в области определенной научной дисциплины по объёму знаний, степени самостоятельности научной работы и её научному значению. Жебелёв пишет: «Было бы долго перечислять имена лиц, удостоенных степени доктора – так их много. Такою щедро рукою сыпались представления от учреждений... При таком массовом производстве, естественно, обсуждение вопросов велось слишком поспешно и казалось, что больше заботились о количестве «продукции», а не о её качестве. Характерно было и то, что институты, представлявшие будущих докторов, постоянно настаивали на том, чтобы степень доктора присуждалась без диспута, т. е. без защиты диссертации». Естественно, что, по меткому замечанию Жебелёва, с присуждением степеней кандидатов наук дело обстояло еще проще, «практически все претендующие её получали без защиты диссертации». Сетуя на то, что создалась своего рода «уравниловка», и что наравне с достойными, степени получили и те, кто был от них весьма далек, Жебелёв с горечью констатирует факт потери статуса диссертационной защиты в середине – второй половине 1930-х гг. «В одном из заседаний я не вытерпел, – пишет историк, – и произнес речь в защиту диспутов, сказав примерно следующее: в былое время диспут считали научным праздником, торжественным моментом в жизни ученого. Теперь на диспут смотрят как на своего рода пригвождение к позорному столбу и всячески стараются от него уклониться, что для меня является совершенно непонятным. Конечно, “речь” моя не имела никакого успеха»¹⁶.

Любопытно восприятие тех событий самими историками, в то время соискателями степеней. Н.П. Полетика, который полу-

¹⁵ Жебелёв С.А. Указ соч. С. 169.

¹⁶ Там же. С. 165.

чил звание кандидата наук в середине 1930-х гг. путем защиты кандидатской диссертации¹⁷, вспоминал: «В ВАКе были организованы высшие квалификационные комиссии по всем специальностям. Эти комиссии возглавляли наиболее крупные ученые – члены партии, академики СССР. Комиссии направлялись в вузы разных городов, где и проводили свою работу. В общем поездки на местах таких полномочных комиссий можно охарактеризовать песенкой послевоенного времени:

Приезжала выездная сессия Верховного Суда...

Этому дала, этому дала и этому дала,

Кому вышку, кому срок...

...Одним из итогов тех лет, – продолжает Полетика, – для меня была потеря веры и уважения к абсолютной ценности ученых степеней и званий. Конечно, я уважал их, так как они достались мне с большим трудом, на основании моей научной работы. Я стал уважать хорошие, добросовестные научные работы больше ученых степеней и званий. Ученые степени и звания высоко ценились и уважались во времена царизма, теперь уважение к ним стало исчезать...»¹⁸ Как мы видим, ученый, близко знакомый еще с дореволюционной системой защиты диссертаций и присуждения степеней, был сильно разочарован неполноценным восстановлением данного института. Стремление советской власти за короткий срок создать армию научных работников приводило к разочарованию в новой гратификационной системе, что, как показали последующие события, было временным явлением.

По видимому, к целесообразности дальнейшего упорядочивания правил, касавшихся процедуры подготовки и защиты диссертационного исследования, пришли и высшие инстанции. 20 марта 1937 г. было принято новое постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях»¹⁹. Оно систематизировало и дополнило требования к диссертации 1934 г., прописав четкий алгоритм защиты. В пункте «О представлении диссертаций, порядке их за-

¹⁷ В 1937 г. утвержден в степени кандидата экономических наук, в 1942 г. – степени доктора исторических наук.

¹⁸ Полетика Н.П. Воспоминания. М., 1978. С. 331.

¹⁹ Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1937. № 13.

щиты и присуждении ученой степени доктора без защиты диссертации» наряду с прежними требованиями к содержанию работы появились новые обязательные процедурные элементы. Отныне диссертация должна была предоставляться не менее чем в трех экземплярах, кроме того, диссертант должен был предоставить в трех экземплярах и расширенные тезисы, дающие представления об основных положениях диссертации. Для проведения квалифицированной экспертизы значительно расширился состав комиссии, куда теперь входили профессор-руководитель соответствующей кафедры и два профессора, один из которых назначался рецензентом (официальным оппонентом²⁰). При этом была внесена существенная оговорка, что рецензентом (официальным оппонентом) не мог быть руководитель работы диссертанта (видимо, такие прецеденты уже имелись). Устанавливался и единый срок рассмотрения диссертации – два месяца с момента поступления в вуз (т. е. в назначаемую для этого случая комиссию). С 1938 г. комиссия обязана была не только рассматривать тексты диссертации, но и проводить беседу непосредственно с самим соискателем, тщательно изучая все предоставленные им материалы.

В случае положительного решения диссертацию допускали к защите. Когда диссертация допускалась к защите, тезисы должны были быть размножены в необходимом количестве экземпляров и разосланы заинтересованным учреждениям, организациям и выдающимся специалистам в данной научной отрасли. Два экземпляра диссертации передавались в библиотеку института, а также предоставлялись для ознакомления всем желающим.

После одобрения комиссией диссертация представлялась в Совет высшего учебного заведения, а защита назначалась директором не позднее трех месяцев со дня поступления её в Совет. Принципы публичности процедуры диссертационной защиты были теперь законодательно закреплены и подробно прописаны. Не менее чем за месяц до дня защиты соискатель должен был разослать тезисы «заинтересованным учреждениям и организациям и наиболее известным специалистам» для знакомства с текстом своей работы. У каждого желающего была возможность не толь-

²⁰ Примечательно, что термины «рецензент» и «оппонент» в данном документе используются как синонимы.

ко познакомиться с текстом диссертации или тезисами, но и теоретически высказать свои возражения. Процедура эта возможность в документе не прописывалась, но отдельные требования такую возможность подразумевали. Например, в инструкции содержались требования публичной защиты диссертации, объявления дня и места защиты (причем не позднее, чем за 20 дней), фамилии диссертанта и официального оппонента, темы диссертации и места, где можно было ознакомиться с текстом работы, а также обязательной публикации данной информации в общей и специальной научной печати. В дальнейшем последнее требование было усложнено: с 1938 г. информация о защите должна была публиковаться в общей, но уже не ниже областной, ведомственной или специальной научной печати.

Сама процедура защиты имела четко прописанный алгоритм, который с небольшими изменениями сохранился и по сей день. Перед началом защиты оглашалась краткая биография диссертанта, где указывались основные вехи его творческой жизни, научные результаты и административные посты. Сама защита начиналась с обоснования диссертантом основных положений его работы, далее следовали вопросы и выступления официальных оппонентов. Прения по содержанию работы начинались после выступления официальных оппонентов, и участвовать в них имели право все присутствующие на защите. Предусматривалось обязательное оглашение поступивших в Совет письменных отзывов о диссертации. Завершающим этапом защиты диссертации было поименное голосование, решение на котором принималось простым большинством²¹.

Комплект документов, который подавался на защиту, был значительно дополнен в 1938 г. Он во многом учитывал те неопределенности, которые возникали на этапе предзащиты (например, ощущался недостаток информации по биографическим вехам соискателя, его научным достижениям, подтвержденным конкретными трудами, его партийной и административной принадлежности и многое другое). 23 сентября 1938 г. появляется инструкция «О порядке применения постановления СНК СССР от 20 марта

²¹ Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1938. № 4.

1938 г. и 26 апреля 1938 г. «Об ученых степенях и званиях»», обратившая внимание на указанные недочеты. В разделе «О порядке представления и защиты диссертации на соискание ученой степени (кандидата наук, доктора наук) и присуждении ученой степени (кандидата наук, доктора наук) без защиты диссертации» впервые прописывался набор документов, прилагаемый к заявлению о допуске к защите, который ярко свидетельствовал о начавшейся бюрократизации преддиссертационных процедур. С 1938 г. утверждался следующий пакет документов, необходимый для защиты: личный листок по учету кадров, заверенный подписью руководителя учреждения, в котором работает диссертант, и скрепленный печатью учреждения; автобиография соискателя с его собственной подписью; диссертация, напечатанная типографическим путем или перепечатанная на пишущей машинке, в трех экземплярах с четким оформлением всех приложений к ней, без помарок с собственноручной подписью соискателя; тезисы докладов (в трех экземплярах) соискателя по теме диссертации; копия диплома об окончании высшего учебного заведения, заверенная в установленном порядке; напечатанный на пишущей машинке в трех экземплярах перечень научных трудов соискателя; развернутая деловая и политическая характеристика соискателя за подписью руководителя и общественных органов того учреждения, где соискатель состоит на работе; копия удостоверения об окончании аспирантуры или о сдаче кандидатских испытаний, или документ, подтверждающий право соискателя быть освобожденным от сдачи соответствующих испытаний.

Невысокий процент защиты докторских диссертаций заставил несколько смягчить условия ее предоставления – отныне в качестве текста диссертации соискатель мог представить не только опубликованные и неопубликованные научные работы, но и текст опубликованного высококачественного учебника.

В этом же году был определен круг официальных оппонентов: по докторской диссертации – не менее трех, а по кандидатской – не менее двух. Причем оговаривалось, что один из оппонентов должен был быть высококвалифицированным специалистом в данной области, что само собой подразумевало остепененность (т. е. докторскую или кандидатскую степень). В новой ин-

струкции вводилась ответственность официальных оппонентов за соблюдение сроков предоставления отзыва. Содержание письменной рецензии официальных оппонентов нужно было сообщить соискателю под расписку не позднее, чем за 10 дней до защиты.

С 1938 г. небольшие изменения были внесены в процедуру защиты диссертации: теперь заседание Совета начиналось с оглашения ученым секретарем Совета краткого содержания всех представленных диссертантом материалов, а также решения предварительной комиссии, завершалась защита заключительным словом диссертанта, голосованием и подсчетом голосов ученым секретарем под строгим контролем председателя Совета. После подсчета голосов и оглашения постановления Совета, председатель Совета закрывал публичное заседание.

Данной инструкцией был упорядочен набор аттестационных документов, представляемых в ВАК для утверждения степени. В частности, здесь появились документы, позволяющие восстановить процедуру защиты диссертации и усилить контроль за ее нарушениями: явочный лист, стенограмма или расширенный протокол заседания совета, баллотировочный лист с подписью одного из членов Совета с выражением в нем своего мнения о присуждаемой ученой степени или о присвоении ученого звания.

Несмотря на все инструкции и положения, нарушения, видимо, встречались, что заставило в 1939 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы (далее – ВКВШ) разъяснить требования к официальным оппонентам при защите диссертаций: еще раз подчеркивалось, что оппонентами не могут назначаться научные руководители диссертантов, а при защите докторской диссертации – и работники тех кафедр, где выполнялась диссертационная работа соискателя²².

Как мы видим, вопрос о повышении уровня диссертационного сочинения являлся одним из главных для ВКВШ, и это выражалось не только в нормативных документах. К примеру, на выступлениях актива комитета, посвященных «Очередным задачам высшей школы», помимо прочих, поднимался вопрос и об обобщении опыта работы советов институтов по присуждению канди-

²² Выкуб В.Г. Указ. соч. С. 42.

датских степеней в целях повышения требований к диссертантам – кандидатам и докторам. Подчеркивалось, что защита диссертаций должна рассматриваться как средство повышения научного и педагогического уровня каждого преподавателя²³.

Требования к повышению содержательного уровня диссертации были сформулированы в приказе ВКВШ от 30 октября 1940 г. № 905 «Об улучшении работы советов институтов по присуждению ученых степеней и званий», в котором предлагалось обратить особое внимание на актуальность тематики диссертаций, их ценность для науки и практики, обоснованность метода исследования, глубину разработки поставленных вопросов и проблем, а также на форму изложения. Кандидатские диссертации рекомендовалось предварительно обсуждать на кафедрах по месту их выполнения, а заключения кафедр оглашать при защите. Были усилены требования к официальным оппонентам, которые должны были подойти к диссертации не формально, а провести глубокий анализ рассматриваемых диссертаций, указать на ее недостатки и достоинства, обосновать выводы о соответствии диссертации предъявляемым требованиям. Рекомендовалось рецензии официальных оппонентов, не дающих развернутого анализа и оценки диссертации, возвращать для доработки²⁴.

Существенные дополнения в порядок представления диссертации были внесены в инструкции от 24 мая 1941 г. «О порядке применения постановления СНК СССР от 20 марта 1937 и 26 апреля 1938 г. “Об ученых степенях и званиях”»²⁵. В пункте «О порядке представления и защиты диссертации» указывалось, что заявление на соискание ученой степени должно подаваться на имя директора вуза или НИИ, к заявлению следует прилагать пакет документов, претерпевший некоторые дополнения. Впредь тезисы к докторской диссертации полагалось подавать в четырех экземплярах, а на титульном листе диссертации указывать, при каком

²³ *Кафтанов С.* (пред. Всесоюз. Комитета по делам высшей школы при СНК СССР). Очередные задачи высшей школы: сокращен. стенограмма выступления на активе ВКВШ, состоявшемся 25 марта 1940 г. // *Alma Mater: Вестник высшей школы.* 2005. № 9. С. 58.

²⁴ *Выскуп В.Г.* Указ. соч. С. 43.

²⁵ Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР. 1942. № 3.

учреждении выполнена диссертация, по кандидатской – кто был научным руководителем. Плюс ко всему, соискатель должен был в обязательном порядке предоставить заключение кафедры (или научного руководителя) о кандидатской диссертации по месту её выполнения.

Что касается требований, предъявляемых к содержанию кандидатской диссертации, то к уже имевшимся правилам добавлялось непереносимое условие – работа должна была быть направлена еще и на достижение нового научного результата.

В качестве докторской диссертации по-прежнему могла быть представлена опубликованная или неопубликованная научная работа, а также высококачественный опубликованный учебник. Но вносилась поправка – учебник должен был быть написан обязательно для высшей школы, демонстрировать самостоятельную научную или научно-методическую работу соискателя, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к диссертации. Данная ремарка связана, видимо, с тем, что в этот период начинается бум выхода школьной учебной литературы, которая демонстрировала скорее педагогический талант ее автора и умение адаптировать достижения науки к школьной аудитории, чем научные поиски самого соискателя.

Требования к процедуре предзащиты приобретали более четкие формулировки, исключали «двойные прочтения» и возможности пренебречь статусными ролями. Решение о допуске соискателя к защите принимал директор вуза или НИИ на основании развёрнутых рецензий назначенных им официальных оппонентов. В состав оппонентов входили: по кандидатской диссертации – один профессор, а по докторской – два доктора наук соответствующей специальности. Защита диссертации назначалась директором института не позднее чем через четыре месяца со дня подачи заявления соискателем. Увеличение срока (с трех до четырех месяцев) было связано, с одной стороны, с увеличением количества поступающих заявок на защиту, с другой – с нерасторопностью самих соискателей, не укладывающихся в сроки отправки тезисов. Тезисы принятой к защите диссертации размножались институтом и рассылались членам Совета и заинтересованным учреждениям и организациям не позднее, чем за 10 дней до дня защиты, вместе

с извещением о дне защиты. Один экземпляр диссертационной работы следовало передать в библиотеку института для всеобщего ознакомления, как и экземпляры, возвращаемые впоследствии официальными оппонентами. Публикация о защите диссертации должна была помещаться в печати институтом также не позднее, чем за 10 дней до дня её защиты. Теперь в публикации требовалось указать не только данные о самом соискателе, но и информацию об официальных оппонентах (например, ученую степень). Появилось и жесткое наказание за несоблюдение процедуры предзащиты – защита признавалась недействительной, если публикация появлялась в печати позднее 10-дневного срока.

Претерпела более жесткую регламентацию и сама процедура защиты диссертации: отныне личное присутствие официальных оппонентов на защите было обязательным, с их выступления начинались прения. Диссертант в свою очередь обязан был ответить на все заданные вопросы и на критику официальных и неофициальных оппонентов. Научный руководитель соискателя ученой степени кандидата наук имел право выступать только до начала прений. По окончании прений и заключительного слова диссертанта Совет принимал решение тайным голосованием, процедура которого в инструкции была детально расписана. Решение Совета считалось принятым, если не менее 50 % членов Совета, подавших баллотировочные бюллетени, голосовали за данное решение. Закрытое обсуждение результатов публичной защиты диссертации не допускалось. Решения советов высших учебных заведений (научно-исследовательских институтов) о присуждении ученой степени кандидата наук являлось окончательным, а решение о присуждении ученой степени доктора наук представлялось на утверждение ВАК.

В годы Великой Отечественной войны были приняты ряд документов, в которых обращалось внимание на необходимость повышения уровня подготовки аспирантов, в частности, по иностранным языкам, а также на улучшения подбора кандидатов для обучения в аспирантуре. Устанавливалось, что экзамен по специальной дисциплине проводится первым, чтобы выявить эрудицию поступающего и его склонности. К испытаниям по другим дисциплинам допускались лишь те, кто проявил глубокие знания по

специальности²⁶. В приказе 1944 г. «О мероприятиях по улучшению подготовки аспирантов в высших учебных заведениях»²⁷ еще раз обращалось внимание на необходимость ознакомления с диссертацией широкого круга научных работников, подчеркивалась необходимость квалифицированного и грамотного исследования вопросов, а также соответствующего оформления диссертации²⁸.

Не только высшие инстанции были заинтересованы в качественных характеристиках диссертационного сочинения, но и само научное сообщество было обеспокоено этим вопросом. Для иллюстрации этого наблюдения обратимся к интересному архивному документу, речи В.И. Вавилова на выборах суда чести АН СССР «О достоинствах советского ученого»²⁹. «Кадры советских ученых, – пишет Вавилов, – непрерывно растут. Но дело не только в их числе. Наша обязанность обеспечить высокое качество научной работы молодых ученых. В Ученых советах наших институтов происходят многочисленные защиты диссертаций на степень кандидата и доктора. Закон предусматривает тщательное рассмотрение и дает полную возможность правильно оценить ее качество. Между тем, весьма распространенным, как говорят «бытовым» явлением стало поверхностное отношение официальных оппонентов к порученному им делу, рассмотрение диссертаций. Несмотря на крупные имена оппонентов, казалось бы, обеспечивающие правильность научной оценки диссертации, в ряде случаев Высшей аттестационной комиссии приходится аннулировать решение Ученых советов о присуждении степени кандидата или доктора. Конечно, в таком отношении официальных оппонентов к диссертациям нет ничего намеренного и злостного, но в результате небрежности наносится большой вред нашей науке. Ошибочно присужденная высокая ученая степень во многих случаях равносильна появлению лжеспециалиста на высоких постах»³⁰.

²⁶ *Выскуп В.Г.* Указ. соч. С. 44.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 46.

²⁹ *Вавилов С.И.* «О достоинстве советского ученого». Речь на выборах суда чести АН СССР. URL: http://www.ras.ru/sivavilovarchive/1_actview.aspx?id=511 (дата обращения: 22.07.2013)

³⁰ Там же.

Кроме того, одним из шагов на пути повышения требований к диссертациям явилось постановление ВАК при Министерстве высшего образования СССР от 11 октября 1948 г. «Об итогах работы по аттестации научных кадров за 1947/1948 учебный год». В этом документе впервые вводился автореферат диссертации, который необходимо было разослать не позднее одного месяца до защиты заинтересованным лицам в количестве 100 экземпляров. Критерии составления автореферата, его структура в постановлении не были определены, более того, наряду с авторефератом сохранялось представление тезисов диссертации, что во многом вводило в заблуждение диссертанта (соискатель отдавал предпочтение тезисам, забывая про автореферат). Также ВАКом была одобрена инициатива издания аннотаций защищенных диссертаций в специальных и отраслевых журналах³¹.

Таким образом, можно с достаточной определенностью сказать, что нормативные документы 1930–1940-х гг. явились базовыми для становления советских диссертационных практик. В это время формулируются основные требования к процедуре защиты диссертации, строго оговаривается регламент предзащиты и появляются первые меры наказания, влекущие за собой признание защиты диссертации недействительной. Хотя в момент становления советской гратификационной системы во второй половине 1930-х гг. исключения из правил, оговоренные в законодательстве, становились довольно распространенной практикой.

* * *

Хронологическим рубежом в развитии нормативной базы диссертационных защит служит середина 1950-х гг. В это время происходят изменения не только в общественно-политической жизни страны в связи со сменой ее лидера, но и в области науки и высшей школы. Усиливаются позиции Академии наук, появляется возможность знакомства с зарубежной интеллектуальной продукцией, несколько ослабевает идеологический контроль над учеными, возрастает ценность высшего образования и привлекательность профессии ученого. Не остается в стороне от этих процессов и диссертационная защита.

³¹ *Высукб В.Г.* Указ. соч. С. 47.

Новая инструкция «О порядке присуждения учёных степеней и присвоения учёных званий»³², принятая 4 апреля 1957 г., учитывала эти возросшие требования и увеличивающуюся конкуренцию в получении степеней. В разделе «О порядке представления и защиты диссертации» требования по всем направлениям подготовки диссертационного исследования вновь усложняются и дополняются. Связано, видимо, это было с тем, что в 1956 г. в постановлении ЦК КПСС и Совета министров «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» правительство указало на несоответствие подготовки научных и научно-педагогических кадров требованиям дальнейшего развития науки и техники. Указывалось, что при подготовке научных кадров слабо учитывается потребность ведущих отраслей народного хозяйства и культуры, а многие советы вузов и НИИ не проявляют необходимой требовательности к качеству докторских и кандидатских диссертаций, присуждая ученые степени за работы, не имевшие теоретического и практического значения. Также отмечалось, что темы отдельных работ не были связаны с решением наиболее актуальных задач науки и практики, а защита диссертаций превратилась в формальность³³.

Итак, в инструкции 1957 г. изменения коснулись в первую очередь процедуры предзащиты диссертации. Теперь соискатель подавал диссертацию не на имя директора вуза, в котором намеревался защищаться, а на имя председателя диссертационного Совета вуза или НИИ, что освобождало директора вуза от создания специальной комиссии для рассмотрения дела диссертанта, все документы, как и право окончательного решения в отношении поданной диссертации, передавались в диссертационный Совет вуза. К заявлению прилагался ранее установленный набор документов, за исключением таких небольших нововведений, как фотография соискателя, которая прилагалась к личному листку, большее количество обязательных экземпляров докторской (четыре вместо трех) и четыре экземпляра автореферата (в инструкции не уточнялось, но, скорее всего, речь шла о черновике автореферата).

³² Бюллетень Министерства высшего образования СССР. 1957. № 8.

³³ *Высуб В.Г.* Указ. соч. С. 50.

Стремление сделать результаты исследования наиболее доступными и широко обсуждаемыми в научной общественности и свести формализм к минимуму заставило несколько скорректировать процесс подготовки диссертации. В качестве необходимого требования заявлялась публикация результатов работы. Впервые в инструкции устанавливалось, что докторские и кандидатские диссертации должны были приниматься к защите только после их опубликования в печати в виде монографий или отдельных статей, отражающих их основное содержание, причем они могли быть опубликованы как самостоятельно, так и в соавторстве. Опубликование допускалось отдельным изданием, в научных или специальных журналах и других научных сборниках и изданиях, а также в научных записках или ученых трудах вузов или НИИ. В опубликованных работах должны были освещаться основные вопросы диссертации. По словам Е.В. Гутновой, это обстоятельство несколько затруднило защиту её докторской диссертации. Статей по теме у нее было более чем достаточно, но опубликованной монографии не было, поэтому совет факультета отказался принимать ее работу по формальным признакам, ссылаясь на это недавно вышедшее постановление. Однако, через месяц при помощи административных ресурсов (в частности, при поддержке тогдашнего декана исторического факультета А.В. Арциховского) Е.В. Гутновой удалось выйти на защиту без изданной монографии³⁴, что иллюстрирует возможности лавирования между отдельными положениями, регламентирующими защиту диссертации.

В случае с Е.В. Гутновой можно предположить, что соискатель воспользовался возможностью рассылки автореферата вместо публикации монографии. В частности, в инструкции весьма туманно объяснялось, что по диссертациям, результаты которых опубликованы в виде отдельных статей, требовалась публикация и рассылка автореферата заинтересованным учреждениям, а по диссертациям, изданным отдельной книгой, рассылка автореферата была не обязательной.

В связи с увеличением значимости автореферата в процедуре предзащиты и защиты диссертации появились и подробные

³⁴ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 295–296.

требования к нему. Автореферат диссертации должен был представлять собой печатный текст объёмом до одного печатного листа для кандидатской и до двух печатных листов для докторской, должен был быть отпечатан типографским способом самим вузом или НИИ в количестве не менее 100 экземпляров и разослан членам совета и заинтересованным организациям не позднее, чем за 30 дней до защиты. В конце автореферата обязательно указывался перечень научных изданий, в которых было опубликовано содержание диссертации (список научных работ автора). Рассылка автореферата была завершающим аккордом в процедуре предзащиты диссертации, потому как разрешение на нее предусматривалось после получения от официальных оппонентов отзывов на диссертацию.

В этот период особое внимание по содержанию диссертаций было обращено на научную и практическую значимость. От кандидатской диссертации требовалось обязательное содержание новых научных и практических выводов, от докторской – значительный вклад в науку и практику. Критерии значимости и величины вклада, конечно, не прописывались, но их применение подразумевалось через отзывы со стороны научного сообщества, почему и уделялось такое повышенное внимание доступности и публичности выносимых на защиту положений.

Процедура предзащиты диссертации начиналась с момента поступления диссертации в Совет вуза, где председатель Совета принимал решение направить диссертацию и опубликованные по ней работы на заключение соответствующей кафедры. Совет, принявший диссертацию к защите, назначал официальных оппонентов, причем впервые вводились достаточно жесткие ограничения на выбор кандидатуры оппонента: ими не могли быть члены ВАКа, председатели экспертных комиссий ВАКа и их заместители, а также научные работники кафедр, где выполнялась диссертация. При положительном решении вопроса о допуске соискателя к защите диссертации назначалось время защиты, информация о месте и времени защиты помещалась в печати, один экземпляр диссертации или опубликованные труды, представленные к защите, передавались в библиотеку института в тот же день, когда выходило объявление. Количество экземпляров диссертации в библио-

теке не оговаривалось, но к моменту защиты значительно возрас- тало, так как, согласно инструкции, оппоненты обязаны были вер- нуть свои экземпляры в Совет или библиотеку не позднее, чем за 10 дней до начала защиты.

Процедура защиты диссертации не претерпела особых изме- нений. Все устоявшиеся этапы были сохранены: оглашение био- графии соискателя, его выступление, вопросы, выступления оппо- нентов и их возражения, ответы диссертанта на возражения оппо- нентов, пояснения научного руководителя, заключительное слово соискателя и процедура тайного голосования, после которой огла- шался результат. Данной инструкцией были сделаны неболь- шие послабления в формальной части процедуры защиты. Напри- мер, допускалось отсутствие одного из оппонентов при условии уважительной причины и оглашения его отзыва во время защиты диссертации (прежде присутствие оппонентов на защите было строго обязательным). После ответов соискателя предоставлялось слово научному руководителю, но это отныне было не обязатель- ным условием защиты. Особо подчеркивалось, что обсуждение диссертации должно носить характер диспута, в котором на про- тяжении всех прений в качестве одной из сторон должен был вы- ступать соискатель.

Решения совета высшего учебного заведения (научно-иссле- довательского учреждения) о присуждении ученой степени кан- дидата наук являлось окончательным. ВАК рассматривает все кан- дидатские диссертации в порядке контроля. Ученая степень докто- ра наук присуждается ВАК по ходатайству совета высшего учеб- ного заведения (научно-исследовательского учреждения) на осно- вании успешной защиты диссертации.

В 1960 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли по- становление «О мерах по улучшению качества диссертационных работ и порядка присуждения ученых степеней и званий»³⁵. Пе- ред руководством опять остро стояла проблема защиты некачест- венных диссертаций, которые не имели серьезного теоретическо- го и практического значения. Поэтому, детализируя положения указанного постановления, в апреле 1960 г. ВАК ввел в действие инструкцию «О порядке присуждения ученых степеней и при-

³⁵ *Высукб В.Г.* Указ. соч. С. 52.

своения ученых званий»³⁶. В пункте «О порядке представления и защиты диссертации» вводилось новое правило, согласно которому соискатели ученых степеней, включая аспирантов, не имели права защищать диссертацию по месту работы. Это новшество стало серьезной преградой для ряда соискателей, среди них оказался К.Г. Левыкин. В своих воспоминаниях он отмечал: «Было запрещено защищать диссертации в ученых советах научных учреждений, в которых соискателем было выполнено диссертационное исследование, соискатели должны были теперь представить свои работы к защите в ученые советы других профильных научных учреждений при предварительном их обсуждении на предмет их научной значимости и готовности к защите. Вот так случилось, не удалось мне завершить работу в назначенный срок и вовремя защитить свою диссертацию»³⁷.

Диссертанты должны были отныне значительно потрудиться, чтобы подготовиться к защите. Например, опубликовать результаты своих исследований за три (в случае с кандидатской диссертацией) или четыре (в случае с докторской) месяца до подачи пакета документов в Совет. Советы в свою очередь получили право отклонять не подкрепленные публикациями исследования по формальным признакам (хотя и так было понятно, что серьезная работа не могла быть проведена в более короткий срок).

Требования, предъявляемые к самим диссертациям, были существенно расширены. Изменения касались в первую очередь тематики исследования – темы кандидатских и докторских диссертаций должны были отвечать задачам современного развития науки и практики, вытекать из запросов народного хозяйства и культуры страны. Впервые была сформулирована актуальная тематика диссертационных исследований по гуманитарным наукам. Соискателям на ученые степени доктора и кандидата наук предлагалось разрабатывать в первую очередь такие темы, в которых бы обобщался опыт борьбы партии и народа за победу коммунизма и творчески разрабатывались коренные проблемы современ-

³⁶ Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР. М., 1960. № 8.

³⁷ *Левыкин К.Г.* Мой университет. Для всех – он наш, а для каждого – свой. М., 2006. С. 468.

ности, основные закономерности перерастания социализма в коммунизм. При этом диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата наук должна была содержать новые научные и практические выводы и рекомендации, обнаруживать у соискателя способность к самостоятельным научным исследованиям, глубокие теоретические знания в области данной дисциплины и специальные знания по вопросам диссертации.

К докторской диссертации предъявлялись более значительные требования, согласно которым она должна была быть самостоятельной исследовательской работой, содержащей теоретические обобщения и решения крупной научной проблемы, представляющей значительный вклад в науку и практику.

В качестве диссертации по-прежнему мог быть представлен опубликованный высококачественный учебник для высших учебных заведений, являющийся самостоятельной научной и научно-методической работой соискателя и подчеркивающий его вклад в систематизацию и развитие научных знаний.

Стремление власти направить научные исследования в нужное русло заставило в середине 1960-х гг. вновь вернуться к диссертационной практике. Инструкция 1966 г. «О порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий»³⁸ опять же обращала внимание на тематику кандидатских и докторских диссертаций, рекомендуя выбирать темы, направленные на разработку новых, наиболее целесообразных теоретических и практических решений. Опубликованные работы, представляемые к защите, должны были быть посвящены разработке вопросов, объединенных одной темой, и по своим научным и практическим результатам соответствовать требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям при представлении их на соискание ученой степени доктора наук, и требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям при представлении их на соискание ученой степени кандидата наук.

В качестве диссертации также мог быть предоставлен опубликованный высококачественный учебник, соответствующий тем же требованиям, плюс ко всему он должен был содержать науч-

³⁸ Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР. 1967. № 11.

ные достижения автора и быть опубликованным не менее чем за год до защиты. Основное содержание диссертации могло представляться в Совет в виде рукописи, но ее основные положения должны были быть опубликованы заранее в научных изданиях. Работы по диссертации могли быть опубликованы самостоятельно или в соавторстве в виде монографии или статей в научных или специальных журналах и других научных изданиях, а также в ученых записках или научных трудах высших учебных заведений (научно-исследовательских учреждений), выходящих платным изданием (любым тиражом), изданных типографическим способом или на ротапринте. Сама же процедура защиты осталась прежней. В 1967 г. в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об улучшении подготовки научных и научно-педагогических кадров» было рекомендовано в целях повышения качества диссертаций привлекать к оценке диссертаций предприятия, учреждения и организации, заинтересованные в использовании результатов исследований. Предпринимаемым мерам по совершенствованию системы аттестации предшествовал процесс критического осмысления достигнутых к середине 1960-х гг. результатов, выявления недостатков и путей их устранения. По мере накопления и изучения опыта работы системы аттестации выявился ряд недостатков, особенно в процедуре защиты диссертации³⁹.

Последняя до реорганизации ВАК инструкция «О порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий» была утверждена ВАК при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР 23 июня 1972 г.⁴⁰ Согласно этой инструкции темы докторских и кандидатских диссертаций теперь должны были отвечать практике коммунистического строительства, требованиям борьбы за развитие и чистоту марксистско-ленинской теории, непримиримости к буржуазной идеологии. Темы диссертационных работ должны были утверждаться советами вузов и научно-исследовательских учреждений персонально для каждого соискателя и лишь тогда, когда была установлена их актуальность, научное и прикладное значение, наличие условий для выполне-

³⁹ Выскуб В.Г. Указ. соч. С.55.

⁴⁰ Бюллетень Минобразования СССР. 1972. № 8.

ния в намеченный срок и должное научное руководство (для аспиранта).

Диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата наук должна была быть законченной научно-исследовательской работой и могла быть выполнена самостоятельно или под руководством ученого, она могла содержать решение части или отдельных вопросов крупной научной проблемы. Диссертация на соискание ученой степени доктора также должна была быть самостоятельной исследовательской работой, содержащей решение крупной научной проблемы. Здесь напрямую можно провести параллели с дореволюционной шуткой, ходившей в отношении магистерской («М») и докторской («Д») диссертаций, когда соискатель первой степени работал еще «мало», а второй – уже «достаточно».

Советская наука поощряла коллективные работы ученых и вынуждена была учесть этот момент в требованиях к диссертации как сугубо индивидуальному исследованию. Например, материалы кандидатских диссертаций аспирантов (соискателей) могли быть использованы в докторской диссертации их научного руководителя для иллюстрации или доказательства новых научных положений, развиваемых в его работе. При этом автор докторской диссертации должен был сослаться на опубликованные (или неопубликованные) работы соискателя кандидатской степени или совместные с ним труды, что несколько снижало напряженность в области кражи или присваивания интеллектуальной продукции.

Включение материалов собственно кандидатской диссертации в докторскую было возможно только в том случае, когда они представляли собой значительный вклад в науку и удовлетворяли требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Как докторская, так и кандидатская диссертация должны были содержать новые идеи, новые научные или научно-технические результаты, полученные с использованием современных методик и технических средств, с учетом достижений современной науки.

Новая инструкция, опять же, демонстрировала возросшее значение автореферата.

Впервые в инструкции регулировался объем рукописных диссертаций: для докторских – не более 300 страниц, для кандидатских – не более 150 страниц машинописного текста. Опубли-

кованная монография, представляемая к защите в качестве диссертации, объемом не ограничивалась.

В качестве диссертации также мог быть предоставлен опубликованный высококачественный учебник, соответствующий тем же требованиям. Учебники для общеобразовательной и средней специальной школы и техникумов могли представляться к защите на соискание ученой степени кандидата педагогических наук лишь в качестве составной части диссертации, посвященной разработке методики преподавания соответствующего учебного предмета. В положении оговаривалось также, что учебные пособия и словари к защите не принимались.

Ученая степень доктора наук присуждалась ВАК по ходатайству советов вузов и научно-исследовательских учреждений, ученая степень кандидата наук присуждалась советами вузов и научно-исследовательских учреждений на основе успешно защищенной диссертации (работы, учебника). ВАК рассматривал в порядке контроля все защищенные в советах на соискание ученой степени кандидата наук диссертации (работы, учебники).

Итак, становится вполне очевидным, что посредством нормативных документов, изданных в 1960–1970-х гг. происходит постепенное усовершенствование советских диссертационных практик. В борьбе за качество диссертационного исследования инструкции 1960–1970-х гг. ужесточают требования по многим направлениям защиты и предзащиты, окончательно закрепляя основные принципы, которые будут во многом сохранены в системе научной аттестации, вплоть до самого распада СССР.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование и развитие нормативной стороны защиты диссертации прошло два этапа. На первом из них происходило складывание основных требований, интуитивно была разделена защита и предзащита диссертации, хотя требования были еще расплывчатыми и ориентированными на рост количества, а не качества диссертаций. В погоне за количеством мы также наблюдаем многочисленные отступления от принятых правил, когда присвоение ученой степени кандидата или доктора наук происходило без процедуры защиты

диссертации. Но эта практика к 1941 г. была свернута, а сама процедура стала приобретать более четкие очертания. В процедуре защиты диссертации выделяется подготовительный этап, на котором соискатель должен был освоить курс аспирантуры, сдать все экзамены (список их к 1940-м гг. оформился в виде четырех обязательных), подготовить диссертацию и отдать ее на рассмотрение в один из вузов, сопроводив необходимым набором документов. Директор этого вуза вынужден был создать комиссию для рассмотрения содержания диссертации и принять решение о допуске непосредственно к защите. Регламент защиты диссертации на первом этапе неоднократно пересматривался, уточнялся, можно сказать, ужесточался. Чтобы исключить формальность в процедуре защиты диссертации, предусматривалось знакомство с основными положениями работы широкого круга специалистов. Для этого вводилась обязательная рассылка тезисов диссертации, извещение о месте и времени защиты, возможность присутствия на самой защите и знакомства с текстом диссертации. На этом этапе впервые появляется автореферат, функции которого еще четко не определены.

На втором этапе ужесточаются требования к формальной стороне защиты диссертации, полностью оформляется регламент защиты и предзащиты, предпринимаются попытки учесть всевозможные нюансы в этой процедуре. В борьбе за качество диссертаций особое внимание уделялось отныне доступности ее основных положений. Для этого от соискателя на момент подачи диссертации в Совет требовалось опубликовать результаты своих научных поисков в виде статей в специализированных изданиях или монографий. Учитывая коллективность советской науки, допускалась возможность совместных публикаций и даже включения разделов кандидатских диссертаций учеников в докторские их руководителей. Ужесточились требования к содержанию выдвигаемых на защиту диссертаций: диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата наук должна была быть законченной научно-исследовательской работой и могла быть выполнена самостоятельно или под руководством ученого, она могла содержать решение части или отдельных вопросов крупной научной проблемы; диссертация на соискание ученой степени

доктора наук также должна была быть самостоятельной исследовательской работой, содержащей решение теперь уже крупной научной проблемы.

Для сохранения состязательности, дискуссионности процедуры защиты диссертации в инструкциях вводился запрет на обращение соискателя в Совет тех учреждений, в которых они работали или учились, на включение в состав Совета представителей контролирующих инстанций (ВАКа, например), коллег по работе и научных руководителей, на избрание в качестве официальных оппонентов лиц, административно связанных с диссертантом. Сама процедура защиты диссертации не претерпела особых изменений, были только регламентированы ее устоявшиеся этапы: оглашение биографии соискателя, его выступление, вопросы, выступления оппонентов и их возражения, ответы диссертанта на возражения оппонентов, пояснения научного руководителя, заключительное слово соискателя и процедура тайного голосования, после которой оглашался результат.

**ПУТЕШЕСТВИЯ УЧЕНЫХ –
НАУЧНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ЭКСКУРСЫ.
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ИСТОРИОГРАФИИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ
ПЛОЩАДКИ «ДРУГИХ» СООБЩЕСТВ ИСТОРИКОВ**

А.А. Кузнецов

**Путь Э.Г. Эрстрёма в 1812–1813 гг.:
географическое путешествие из Москвы
в Нижний Новгород vs экскурс в историю России**

Рассматривается изложение истории России в тексте дневника Эрика Густава Эрстрёма, который, будучи студентом Московского университета, в 1812 г. был эвакуирован в Нижний Новгород. В статье дневник Эрстрёма рассматривается как источник постижения им истории России и Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: Эрик Густав Эрстрём, Финляндия, 1812 г. Московский университет, Нижний Новгород, дневник, история России, Нижегородский летописец, путешествие.

А.А. Kuznetsov

**The way of E.G. Erstrom in 1812–1813:
the travel ‘Moscow–Nizhny Novgorod’
vs excursion into history of Russia**

The subject of this paper is the history of Russia in the full text of diary of Eric Gustav Erstrom. He was a student of the Moscow University and was evacuated in 1812 to Nizhny Novgorod. The article considers his diary as a source for studying of Erstrom the history of Russia and Nizhni Novgorod.

Keywords: Eric Gustav Erstrom, Finland, 1812, Moscow University, Nizhny Novgorod, diary, history of Russia, Nizhegorodsky letpysech, travel.

Впервые вышел полный русский перевод путевых записок Эрика Густава Эрстрёма «Для меня и моих друзей»¹. Они посвящены впечатлениям шведскоязычного автора, студента Московского университета, эвакуированного в 1812 г. в Нижний Новгород.

Эрик Густав Эрстрём (1791–1835) впоследствии станет первым финляндским² славистом и русистом: в 1815 г. защищена диссертация о структуре русского языка («Öfversigt af Ryska språkets bildning»), с 1816 г. по 1824 г. занимал должность доцента русского языка и литературы в университете Або (Турку). За это время вместе с другом и коллегой Оттелином (с Эрстрёмом был в Московском университете и в нижегородской эвакуации) он создал «Учебник русского языка для начинающих», «Практические упражнения по грамматике русского языка» и «Книгу для чтения по русскому языку со словарём» (в трёх частях), которые переиздавались в Финляндии до конца XIX в. Эрстрём написал и работу по истории исследования русского языка в Финляндии³. Эти «русские труды» были обусловлены ещё той стипендией, что Эрик Густав Эрстрём и Карл Густав Оттелин получили от правительства Российской империи для обучения русскому языку в Московском университете. Целью этой имперской программы было создание посредством распространения русского языка, который должен был заменить шведский⁴, «русскоязычной элиты в Финляндии», присоединенной к России в 1809 г.

¹ Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород / [сост. и авт. вступ. ст. Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецов; коммент. С.Н. Искюль, Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецова, А.В. Морохина]. Н. Новгород, 2013. С. 28–180; 181–228. Это перевод А.М. Галиновой шведского издания дневника Эрстрёма: *Moskva brinner: svensk dagbok från 1812 / red. av Christman Ehrström. Borås, 1984, 1985.*

На русском языке отрывки из «русского» дневника Эрстрёма, переведённые Т. Тумаркиной, публиковались: Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей // Наше наследие. 1991. № V. С. 64–82.

² Термины «финляндец», «финляндский» были введены в 1829 г. Э.Г. Эрстрёмом для обозначения всех уроженцев Финляндии независимо от языка и этнической принадлежности. См.: Коваленко Г.М. Эрик Густав Эрстрём // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. С. 14 (со ссылкой на: Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 24).

³ Ehrström E.G. Öfversigt af ryska språkets studium i Finland. Åbo, 1822.

⁴ Коваленко Г.М. Указ. соч. С. 6, 11–12.

Э.Г. Эрстрём искренне воспринял эту политико-культурную программу и осознанно работал над своей культурной идентичностью, о чём свидетельствует запись в его дневнике от 30 октября (11 ноября) 1812 г. Эрстрём на вопрос нижегородца Андрея Ивановича Ягодинского, не иностранец ли он, отвечал: «Да, я швед, я прожил в России семь месяцев. Моя родина в Новой Финляндии, и с осени 1809 года я – российский подданный»⁵. И эта манифестация прозвучала три-четыре года спустя русско-шведской войны, на которую студент Абоского университета Эрик Густав отправился добровольцем в шведскую армию, попал в русский плен, и после которой ему было суждено пережить включение его родины в состав Российской империи⁶. Да и обучение в Московском университете (апрель – июнь 1812 г.) оказалось недолгим: после вынужденного пребывания в Нижнем Новгороде Эрстрём и Оттелин в марте 1813 г. двинулись на родину, чтобы завершить обучение в Абоском университете. Парадоксально звучит, но эти обстоятельства не помешали тому, чтобы стремительно обретенная идентичность финляндца, подданного Российской империи, не размылась и позволила ему выступить в 1816–1824 гг. поборником русского языка в публичной дискуссии в Финляндии, в так называемой «русской распри»⁷. Она, впрочем, завершилась поражением языковой программы русского правительства.

Всё это отнюдь не означает, что Э.Г. Эрстрём изменил шведской культуре и шведскому языку. С 1824 г. он оставил университет и начал карьеру пастора. В 1826 г. он возглавил общину св. Екатерины в Санкт-Петербурге, объединявшей российских шведов и финнов столицы Российской империи. На этой службе Эрстрём, кроме выполнения основных обязанностей, возглавил церковную школу, единственную в российской столице, где можно было изучить шведский язык. В его забвении Эрик Густав Эрстрём видел опасность национально-культурной самобытности шведской общины Петербурга⁸. Полутора десятилетиями ранее, как раз когда

⁵ *Эрстрём Э.Г.* Для меня и моих друзей... // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. С. 141.

⁶ *Коваленко Г.М.* Указ. соч. С. 5.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 14.

целенаправленно обреталась российская идентичность, он искал следы шведского присутствия в Москве и Нижнем Новгороде, интересуясь шведскими военнопленными предшествовавших военных конфликтов, сравнивая российские и шведские обычаи, традиции⁹.

Такая внешне противоречивая, но объясняемая жизненными обстоятельствами стройная позиция Эрстрёма в 1812–1835 гг. в отношении к России и к родной шведской культуре позволила ему написать исторический труд «Исторические описания общин св. Екатерины и св. Марии, или шведская и финская общины в Санкт-Петербурге с краткими сведениями о всех общинах в Российской империи, подчиняющихся евангелическому соборному капитулу в Санкт-Петербурге»¹⁰, в котором соединились симпатии автора к России и верность своим традициям. В этом научном нарративе Эрстрём последовательно описал пребывание шведов и финнов в Петербурге¹¹.

В интенсивном постижении Эрстрёмом России, конструировании им ее культурно-исторического образа, конечно, ключевую роль сыграл его вынужденный вояж из Москвы в Нижний Новгород и знакомство с последним. Эрик Густав пристально всматривался в расположение городов и сёл, сравнивал обычаи и традиции, вслушивался в русскую речь и постигал манеры обращения в личном общении.

Такой же существенный вклад в освоение России Э.Г. Эрстрёмом внесло сознательное и одновременное с путешествием изучение её прошлого. Историческому аспекту географического путешествия будущего финляндского слависта посвящена данная статья. В ней рассматриваются упоминания Эрстрёмом фактов российской истории до XVII в. (прошлое России, Швеции и русско-шведские войны XVIII – начала XIX в. не затрагиваются).

Эрстрём форсировано и стремительно овладевал русской словесностью, образцы которой он находил в стихах Н.М. Ка-

⁹ Кузнецов А.А. «...вряд ли самая захудалая деревня в Швеции была бы худшим городом, нежели сия обитель несчастья»: шведские и финляндские картинки в дневнике Эрстрёма // *LiteraruS-Литературное слово*. 2014 (*в печати*).

¹⁰ *Ehrström E. Historisk beskrifning öfver S:t Catharina och S:t Maria Församlingar, eller Swenska och Finska Församlingarna i S:t Petersburg. Åbo, 1829.*

¹¹ Коваленко Г.М. Указ. соч. С. 13–14.

рамзина «К соловью», «К прекрасной»¹², В.Л. Пушкина «Примите нас под свой покров...» (первая по времени фиксация этого текста, правда, на шведском языке)¹³, в русских народных песнях (например «Младой узник», «Прощанье», «Заплетись, моя коса...»)¹⁴. Активно он практиковался в устном общении с представителями разных социальных слоёв и обобщал этот опыт в дневнике (например глава дневника «Ваше высокоблагородие, любезный», где написано «о манере обращения друг к другу в России»¹⁵). Применительно к изучению Эрстрёмом русского языка и российской культуры инициатор публикации перевода дневника Г.М. Коваленко задействовал метафору впитывающей губки. Ею можно воспользоваться и для характеристики овладения 21-летним шведом, уроженцем Финляндии, историей России. Её изучение, как кажется при чтении путевых записок, было насущной культурной потребностью. Она дала Эрстрёму множество примет, благодаря которым он «узнавал» незнакомые ему прежде населенные пункты на пути от Москвы к Нижнему Новгороду и сам Нижний Новгород.

Об источниках исторической информации Эрстрёма о прошлом России можно узнать из списка его утрат, понесённых из-за пожара Москвы осенью 1812 г. Вот исторические труды, которые были в библиотеке Эрстрёма. «Список вещей, оставленных мною при бегстве из Москвы и сгоревших при французах, как и Императорский Московский университет...

Книги:

– Краткая история руссов и других народов, годами бывших во власти русских, в кожаном переплете. Написана по повелению императора Петра I. Санкт-Петербург, 1722.

– Ломоносов. Древняя Российская история в бумажном переплете¹⁶.

¹² Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 38–39, 139–140.

¹³ Там же. С. 119–120.

¹⁴ Там же. С. 45, 100–101, 160.

¹⁵ Там же. С. 97–100. Отрывки этой главы перепечатаны: «Извольте-с, любезный братец, душечка моя» // Нижегородская коллекция. 2013. № 2. С. 30–31.

¹⁶ Древняя российская история от начала российской народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломо-

– Историческая книга Вогажского о русских племенах. Написана по приказу императора Петра I. Санкт-Петербург, 1798.

– О народах, издревле обитавших в России. Москва, 1803¹⁷.

– О причинах войны Петра I и Карла XII. Санкт-Петербург, 1720¹⁸.

– Сказания о древних славянах, особенно о новгородцах. Шесть частей...

– Ручной дорожник от Санкт-Петербурга до Москвы с четырьмя гравюрами в футляре¹⁹...»²⁰.

Кроме того, в Нижнем Новгороде Эрстрём читал памятник нижегородского летописания XVII в. (см. ниже). Дневник Эрстрёма выдает в авторе поклонника поэзии, но не истории Н.М. Карамзина. Увы, с ним Эрстрём не пересёкся в Нижнем Новгороде, где тот тоже пребывал в эвакуации²¹.

В облике Москвы, куда Эрстрём прибыл 11 (23) апреля 1812 г., важнейшим «из того, что составляет Москву, – Кремль с

носковым, статским Советником, Профессором Химии, и Членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук. [Ч. 1–2]. СПб., 1766. – См.: *Искюль С.Н.* Комментарий 146 // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. С. 214.

¹⁷ Согласно С.Н. Искюлю, «название этой книги перекликается с названием главы 1 первого тома “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина, но отдельного издания под таким названием не было, а том 1-й “Истории” Карамзина вышел в свет в СПб.: иждивением братьев Слёниных, в типографии Н. Греча (1818)». – *Искюль С.Н.* Комментарий 147 // Там же. С. 215.

¹⁸ *Шафиров П.П.* Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел. – См.: *Искюль С.Н.* Комментарий 148 // Там же. С. 215.

¹⁹ «Возможно, речь идет о путеводителе И.Ф. Глушкова “Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах, по оному лежащих, известия историческая, географическая и политическая с описанием обывательских обрядов, одежд, наречий и видов лучших мест”, вышедшем в 1801 и 1802 гг. на русском и в 1805 г. на немецком языке». – *Коваленко Г.М.* Комментарий 162 // Там же. С. 216

²⁰ Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 122–124.

²¹ О причинах этого см.: *Кузнецов А.А.* Дневник Эрика Густава Эрстрёма: Путешествие из Нижнего Новгорода 1812 года в Нижний Новгород 2012 года // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. С. 25. См. также: *Кузнецов А.А.* Нижегородский Карамзин // Нижегородская коллекция. 2013. № 2. С. 29.

дворцом правивших в Москве царей»²². Понятно, что такое замечание обязано своим появлением и книгам по истории, и рассказам москвичей. Уже позднее – 26 августа (7 сентября) – Эрстрёму удалось посмотреть на Москву с высоты колокольни Ивана Великого²³. При отъезде из Москвы 1 (13) сентября Эрстрём наблюдал людей, читавших «афишу генерал-губернатора» с призывом вооруженным собраться на Поклонной горе: «В этом месте двести лет назад Пожарский разбил врагов Москвы»²⁴. Следующие переживания Эрстрёма по поводу русской истории связаны с его дорогой в Нижний Новгород.

Владимир-на-Клязьме с красивыми каменными строениями, древними Золотыми воротами, окруженный «стенами совсем как древние крепости» и «высоким валом», поразил Эрстрёма 7 (17) сентября 1812 г.²⁵ Двумя днями позже Эрстрём отметил, что Золотые ворота и «древний вал» – единственное напоминание о прежнем великолепии Владимира. Оно же было связано с тем, что город «в течение 170 лет, или с 1157 по 1238 год... был местом пребывания знатнейших великих князей Руси». В конечном итоге, столичное значение перешло к Москве. Правда, в эту державную эстафету между Владимиром и Москвой автор дневника неправомерно поставил Суздаль, что может быть свидетельством в пользу того, что Эрстрёму в короткие сроки пришлось постигать огромный объём знаний по русской истории. Зато Эрстрём весьма квалифицированно представил две конкурирующие версии основания Владимира. Согласно первой, город был основан в X в. Владимиром Святославичем, о котором студент Московского университета знал, что «тот поспешествовал распространению на Руси христианской религии». По второй версии, Владимир основал Владимир Мономах в начале XII в.²⁶

В данном случае Эрстрём демонстрирует глубокие познания в истории России и истории Владимира. Сведения, приводимые им, соответствуют научным представлениям начала XXI в. Для со-

²² Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 29.

²³ Там же. С. 47–49.

²⁴ Там же. С. 56.

²⁵ Там же. С. 67–68.

²⁶ Там же. С. 69.

временных профессиональных историков дата основания Владимира – 1108 г. В 1107 г. Суздаль стал объектом набега волжских болгар. В 1108 г. Владимир Мономах женил своего сына Юрия (Долгорукого) на дочери половецкого хана Аепы и вместе с молодоженами отправился в Северо-Восточную Русь. Там и был посажен на княжение Юрий Владимирович. Тогда же были заложены Ярополч (Пирово Городище в 5 км от современных Вязников) и Владимир²⁷, перекрывшие устье Нерли и защитившие Суздаль²⁸. Вместе с тем многие современные политики пытаются укоренить российскую историю в глубокой древности – в конце X в.: в 2007 г. во Владимире усилиями областных властей был возведен памятник князю Владимиру Святославичу и епископу Феодору, якобы основавшим в конце X в. город. Сведения для такого удревления взяты из летописных памятников XV–XVI вв., где проводилась идея о сугубой древности, а значит и святости Владимира перед Ростовом. Данные летописные известия противоречат историческим и источниковедческим реалиям и являются недостоверными²⁹.

Из Владимира Эрстрём вместе с университетским обозом последовал к Мурому. Такой «крюк» по отношению к современной магистрали Москва – Нижний Новгород потребовал изучения в ходе подготовки к публикации «Для меня и моих друзей»: почему после Владимира маршрут пролегал через Судогду, Муром и Оку на юго-запад нынешней Нижегородской области, а затем к Нижнему Новгороду на устье Оки; в силу каких причин был проигнорирован более короткий тракт через Вязники, Гороховец прямо на восток к нынешнему Канавину, соответствующий нынешней федеральной трассе Москва – Нижний Новгород? Выясняется, что такой путь был проложен всего-то недавно – в середине XIX в. А Эрстрём со спутниками двигались по дороге Москва – Нижний Новгород, сложившейся еще в русское средневековье:

²⁷ См., например, летописную статью «А се князи Русьстии»: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III. М., 2000. С. 467.

²⁸ *Кучкин В.А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 12–13.

²⁹ *Кузнецов А.А.* К изучению летописных дат основания Владимира-на-Клязьме // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 3–14.

Москва – Владимир – Судогда – Муром – пересечение Оки – Павлово – Ворсма – Богородское – Нижний Новгород³⁰. В начале 1850-х гг. было построено шоссе Москва – Владимир – Вязники – Гороховец – Балахнинский уезд Нижегородской губернии – Кунавинская слобода (Нижегородская ярмарка).

Муром понравился Эрстрёму, причем эстетические впечатления перемежались у него с весьма научно корректными рассуждениями о древности города: «Муром – один из древнейших городов России, более древний, чем Владимир³¹, и по застройке его можно сравнить с Ньюкарлебу в Финляндии. Все дома, за редким исключением, бревенчатые и большая их часть не выкрашена. Это придает городу сходство с деревней. Город украшают шестнадцать церквей. Расположение у реки Оки делает Муром привлекательнее и превращает его в бойкое торговое место»³². Применительно к Мурому Эрстрём проявил недюжинные познания в былинном эпосе: «По одну сторону простиралось поле, по которому мы пришли. По другую сторону реки Оки высился знаменитый большой Муромский лес³³. В давние времена в Муромском лесу жил герой Илья Муромец, чье имя с почтением упоминается в старых сказках. Илья Иванович Муромец был одним из самых отважных героев древней Руси. Он родился в городе Муроме, где прожил часть жизни. Затем он отправился в Киев и сражался вместе с князем Владимиром Святославичем с печенегами. Так же, как и Владимир, он принял христианство в 988 году. Муромец умер в Киеве, и говорят, что его тело нетленно и до сих пор лежит в одной из киевских пещер»³⁴.

Здесь Эрстрём привёл устоявшуюся к началу XIX в. в Российской империи и дожившую до сих пор трактовку образа богатыря Илья Муромца. В нем слились герой русских былин, выходец из Мурома (есть другие варианты написания его неканониче-

³⁰ *Кирьянов И.А.* Сухопутные связи Нижнего Новгорода с Москвой (до 60-х гг. XIX в.) // Записки краеведов. Очерки. Статьи. Воспоминания. Документы. Хроника. Горький, 1983. С. 40–46.

³¹ Первое упоминание Мурома в Повести временных лет – под 862 г.

³² *Эрстрём Э.Г.* Для меня и моих друзей... С. 76.

³³ На самом деле Муромский лес тянется в другую сторону от Мурома – к Рязани.

³⁴ *Эрстрём Э.Г.* Для меня и моих друзей... С. 77.

ского имени, позволяющие возводить его к украинским землям), служивший князю Владимиру Красное Солнышко, и инок Киево-Печерского монастыря Илья Муромец (канонизирован в 1643 г.). Его-то мощи и хранятся в Киево-Печерском монастыре. Еще раз об Илье Муромце Эрстрём вспомнил, когда обозревал лес на правом берегу Оки, ошибочно считая его Муромским³⁵.

К сюжетам из российской истории в следующий раз Эрстрём обратился уже в Нижнем Новгороде. 2 (14) октября он, описывая свою прогулку по Нижнему Новгороду, упомянул ряд фактов из его истории:

«Шестьсот лет назад в 1212 г. великий князь Юрий³⁶ шествовал той же дорогой, что и мы... Только кое-где стояли лачуги, в которых жили мордвины. Великий князь, плененный красотой и удобством расположения этого места, решил основать здесь торговый город. Мордвины, которые тогда еще были язычниками и древними обитателями этой земли, были вынуждены бежать от воинственного великого князя, и вскоре между Окой и Волгой показались русские дома и церковь, носящая имя Архангела Михаила.

Городу дано было название Новый город. Но, поелику на севере уже был Новгород... то у нового Новгорода впереди появилась приставка Нижний, то есть расположенный на юге...

Но недолго оставалось жителям города надеяться на собственное благоденствие. Сначала на город напали мордвины, которые хотели отвоевать старое свое место проживания. Пришельцы были разбиты и взяты в плен, а их могилы покоятся с тех пор на волжском дне. Затем пришли татары, накрывшие Россию опустошительной волной. Нижний Новгород оказался тогда первым городом, который они подчинили себе. В течение двухсот лет, пока Россия стонала под татарским игмом, город этот часто терпел голод, нужду и прочие тяготы. И все же впоследствии Нижний Новгород возродился. Перепись начала XVII века упоминает в нем 1300 дворов»³⁷.

³⁵ Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 78.

³⁶ Великий владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович (годы жизни 1188–1238; годы владимирского княжения 1212–1216 и 1218–1238) основал в 1221 г. (не в 1212 г.) Нижний Новгород.

³⁷ Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 104–105.

Вообще, Эрстрём вольно и поэтически пересказывает сведения памятника нижегородского летописания XVII в. – Нижегородского летописца: «В лето 6720-го. Велики князь Георгии Всеволодичь заложил Нижней Новъградъ на устье Оки реки и нарече ему имя Нижней Новъград, и церковь поставил в немъ соборную во имя святого Архистратига Михаила, деревяную. А преж сего владели тою землею погани – мордва. В лето 6735-го. Велики князь Георгии Всеволодичь заложил в Нижнем Новегороде церковь каменную во имя Архистратига Михаила и поганую мордву отогналъ, и жилища их и зимницы разорил...»³⁸ Об этом свидетельствуют: 1) неверная дата основания Нижнего Новгорода – 1212 (6720) г., встречающаяся лишь в Нижегородском летописце; 2) уникальные сведения о том, что на месте будущего Нижнего Новгорода, при устье Оки, жила мордва – читается только в Нижегородском летописце (непосредственно на месте будущего Нижнего Новгорода мордва не жила); 3) упоминание постройки каменной церкви Михаила Архангела в Нижнем Новгороде есть только в Нижегородском летописце (в других летописях, в том числе и в Лаврентьевской (создана в 1377 г.), содержащей наиболее полный набор сведений по истории Нижнего Новгорода в 1220–1230-е гг., вместо Михаило-Архангельского собора упоминается другой – каменный Спасо-Преображенский собор) – это известие объясняется тем, что Нижегородский летописец писался в Михаило-Архангельском соборе XVII в., и летописец удревнял таким образом «свой» храм.

Эрстрём предложил самую распространенную этимологию полисонима Нижний Новгород. Во второй половине XIX в. появится версия, выводящая название от Городка, расположенного вверх от устья Оки (сведения об этом брались из Нижегородского летописца – см. ниже). В последней трети XX в. укрепилась гипотеза о том, что Новгород на устье Оки получил название Нижний по отношению к Городцу, расположенного вверх по Волге³⁹.

³⁸ Тексты // *Шайдакова М.Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. С. 136 (цитата отсюда), 143, 148, 169, 183, 197, 212, 225, 238, 249, 258.

³⁹ *Кузнецов А.А.* Топонимика в решении вопроса об обстоятельствах основания Нижнего Новгорода // Мининские чтения. Н. Новгород, 2003. С. 177, 181, 183–184.

На сегодняшний день последняя версия, на наш взгляд, является самой обоснованной из всех имеющихся.

В рассказе о бедствиях, обрушившихся на только поставленный Нижний Новгород, усматривается вольное изложение Эрстрёмом информации, почерпнутой из Нижегородского летописца: в 6811 (1303) г. мордва безвестно пришла к Нижнему Новгороду, но была отогнана нижегородско-московской ратью, земли мордвы были разорены, пленники были приведены в Нижний Новгород, где их волочили по льду и травили псами; в следующей статье (6825 (1317)) татары из Мамаевой орды взяли Нижний Новгород⁴⁰. Действительно, в Нижегородском летописце встречаем переложение распространенного в общерусском летописании XV–XVI вв. рассказа о наказании нижегородской мордвы зимой 1377–1378 гг. за помощь мамаевым татарам в битве на Пьяне, последовавшем сожжении ордынцами Нижнего Новгорода и разорении мордвой Нижегородского уезда летом – осенью 1377 г. События, представленные в Нижегородском летописце и переложенные Эрстрёмом, в реальности имели обратную последовательность: в августе 1377 г. татары из Мамаевой орды после Пьянского побоища разорили Нижний Новгород, осенью 1377 г. мордва, воспользовавшись этими обстоятельствами, грабила Нижегородский уезд, но была настигнута нижегородскими отрядами и побита. Зимой 1377–1378 гг. состоялся карательный нижегородско-московский поход на мордву, после которого и вершились жестокие казни пленных на льду Волги у Нижнего Новгорода⁴¹.

В Нижегородском летописце эти сведения являются первыми известиями о «вызовах» Нижнему Новгороду со стороны внешних врагов. Они причудливо додумываются Эрстрёмом и контаминируются, соединяясь с его представлениями о русской истории. Нижний Новгород у него оказался первым русским городом, принявшим удар монголов, которые установили иго на 200 лет (вообще неизвестно, был ли Нижний Новгород разгромлен монголами в 1238–1239 гг.). Мордва оказалась погребенной под волжской водой, видимо, с тем, что казни мордовских пленников зи-

⁴⁰ Тексты // *Шайдакова М.Я.* Указ. соч. С. 136–137, 143–144, 149–150, 169–170, 183–184, 197–198, 212–213, 225–226, 238–239, 249–250, 258–259.

⁴¹ См., например: Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 118–119.

мой 1378 г. происходили на льду Волги. В выстраивании своего нарратива по нижегородской истории Эрстрём не обращает внимания на недостоверные даты своего источника и не соотносит их с хронологией русской истории, ему известной лишь в общих чертах. Но требовать от молодого шведскоязычного студента глубокого владения инструментарием исторического исследования и обширной эрудиции по истории России нельзя.

Между тем реальная последовательность событий нижегородской истории верно отражена Эрстрёмом: первое вражеское нападение на Нижний Новгород было совершено мордвой, ведомой Пургасом, весной 1229 г., а затем Нижний Новгород после Батыева нашествия в 1237–1238 гг. попал под ордынское иго.

Сообщение о числе дворов в Нижнем Новгороде в начале XVII в. является удачной интерпретацией Эрстрёмом сведений того же Нижегородского летописца: в 7129 (1621) г. писцы Дмитрий Лодыгин, Василий Полтев и дьяк Дементий Образцов в переписи отметили, что «в посаде 1300 дворов»⁴².

Изучение этих и других цитат из Нижегородского летописца у Эрстрёма позволило установить, что перед его глазами была Первая сокращенная редакция Нижегородского летописца (список XVIII в.)⁴³, ныне хранящаяся в Нижегородском государственном историко-архитектурном музее. Где он находился в 1812 г., неизвестно⁴⁴. Факт чтения и трактовки Эрстрёмом нижегородского летописного текста, кроме того, что открывает еще одну грань научной любознательности молодого человека (он только полгода изучал русский язык, а тут начал разбирать сложный почерк и лексику), имеет значение для понимания феномена нижегородского историописания XVIII–XIX вв. До 1830-х гг. не встречается попыток написать текст нижегородской истории, тогда как в других местах провинциальная историография развивалась. Видимо, потребность в представлении своего прошлого у нижего-

⁴² Тексты // *Шайдакова М.Я.* Указ. соч. С. 159, 176, 190, 205, 219, 232, 245, 255, 264.

⁴³ *Коваленко Г.М., Кузнецов А.А.* Нижний Новгород 1812 года глазами финляндского студента // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2012. № 6. Ч. 3. С. 104.

⁴⁴ *Шайдакова М.Я.* Указ. соч. С. 29, 238–248.

родцев XVIII – начала XIX в. удовлетворялась Нижегородским летописцем⁴⁵.

Увлечшись рассказом о страницах прошлого Нижнего Новгорода, Эрстрём представил фантастическую картину: «Теперь перейдем по мосту через один из пересекающих город глубоких рвов. Многие века тому назад эти рвы были притоками Волги и Оки. Они изрядно глубоки. Их донья примерно такой же глубины, как и сама Волга. Высота же обрыва у этих рвов выше уровня Оки и Волги почти на сотню шведских локтей»⁴⁶. На самом деле автор видел глубокие овраги, естественным образом изрезавшие правый берег Оки и Волги.

Ниже по тексту Эрстрём напрямую указывает, что пользовался городской летописью. Это замечание связано с рассказом, посвященным истории конкретного места: «Но, давайте покинем торговую площадь и пойдем по Рождественской улице влево вдоль Оки. Здесь под береговым обрывом, вопреки ожиданию, обнаруживается ряд домов, хотя и каменных, но в большинстве своем построенных безыскусно. Поспешим же мимо них и пойдем к городской окраине. Здесь хочу показать вам место, где вскоре по основании Нижнего Новгорода, произошел оползень. В древней летописи города об этом дословно сказано так:

“В Нижнем Новгороде, на берегу Оки у подножия холма была слобода. Но по воле Бога и за грехи людей рухнул весь холм с росшим на нем лесом на город. Он похоронил сто пятьдесят дворов вместе с находившимися там людьми и животными”⁴⁷.

В переложении этого отрывка Нижегородского летописца («В летописце пишеть шестые тысеци. В Нижнем Новгороде под старым городкомъ вверхъ по Оке реке была слобода на берегу Оки реки. И божиимъ изволениемъ, грехъ ради нишихъ, оползла гора сверху на слободу. И засыпало в слободе 150 дворов с людьми и скотиною. А тотъ городокъ поставлень былъ, какъ великие князи суздальские ходили на взыскание града...»⁴⁸) Эрстрём де-

⁴⁵ Кузнецов А.А. Дневник Эрика Густава Эрстрёма: Путешествие из Нижнего Новгорода 1812 года в Нижний Новгород 2012 года. С. 26–27.

⁴⁶ Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 105.

⁴⁷ Там же. С. 105–106.

⁴⁸ Тексты // Шайдакова М.Я. Указ. соч. С. 140 (цитата отсюда), 147, 155, 173–174, 187–188, 202, 216–217, 229–230, 242, 253, 262.

монстрирует свойственные ему трудности перевода русских летописных источников. «Городок» превратился у него в город, под которым он подразумевал недавно основанный Нижний Новгород. А для автора Нижегородского летописца Городок и Нижний Новгород – разные объекты. В летописце оползень погубил слободу, стоявшую под горой с Городком, а у Эрстрёма – собственно город, т. е. Нижний Новгород. Иностранного студента могло смутить то, что в летописце указывается основание Городка, когда суздальские князья ходили на взыскание града, чтобы распространить свое княжение. Поскольку не имеющее годовой даты сведение Нижегородского летописца отнесено им к размытой «шестой тысящи», то Эрстрём в силу всех этих обстоятельств «отредактировал» данное известие. Свидетельство о городке, читаемое только в Нижегородском летописце XVII в., недостоверно и противоречит другим источникам, повествующим об основании и ранней истории Нижнего Новгорода.

В этой же части дневника Эрстрём ещё раз обратился к Нижегородскому летописцу – в связи с посещением кафедрального Спасо-Преображенского собора. Храм находился в кремле, который Эрстрём справедливо сравнил с московским⁴⁹. Поднявшись на звонницу собора, Эрстрём с заботой о близком ему читателе снабжает описание самого большого колокола историей, с ним связанной: «Но чтобы вы могли представить себе, что колокол интересен, я зачитаю вам следующее место из летописи Нижнего Новгорода:

“В 6880 году от сотворения мира, или в 1372 году от Рождества Христова, самый большой колокол собора христианской церкви, сам по себе прозвонил трижды”⁵⁰. Сведение из Нижегородского летописца: «В лето 6880-го. В Нижнем Новгороде у соборной церкви боголепного Преображения колокол большей сам о себе воззвонил трижды...»⁵¹. Оговорим только то, что в XIV в. было другое здание Спасо-Преображенского собора, которое так обветшало к XVII в., что его заменили. Именно построенный в XVII в.

⁴⁹ Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 107.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Тексты // Шайдакова М.Я. Указ. соч. С. 138 (цитата отсюда), 145, 152, 171, 185, 200, 214 (событие датировано 6882 годом), 227, 240, 251, 260.

собор и видел любознательный студент. Прогулка его закончилась выходом к восточной окраине города: «Не стану просить вас прийти до Казанской заставы на Печерской улице – то есть на улице гонимых христиан – ибо я уже вас утомил»⁵². Здесь Эрстрём предлагает авторскую этимологию названия Казанской заставы. Видимо, поскольку от нее начиналась дорога на Казань, которая до 1552 г. была столицей ханства, куда угоняли русских пленных, то автор посчитал это обстоятельство основным мотивом для именнаяречения. На самом деле в основе топонимов «Казанская застава» и «Казанский тракт» лежат исключительно географические обстоятельства.

Во время следующей прогулки – 9 (21) октября – по дороге от Нижнего Новгорода по направлению к Казани Эрстрём ещё раз обратился к Нижегородскому летописцу:

«Светило солнце, погода была безветренна, и мне не стоило опасаться того небесного путешествия, что совершил некий крестьянин 416 лет назад на том самом месте, каковое я только что проследовал. Хочу рассказать вам об этом событии на основании летописи Нижнего Новгорода:

“В 6904 году от сотворения мира, или в 1396 году от Рождества Христова, случился в Нижнем Новгороде такой сильный вихрь, что у Казанской заставы проезжавшего по дороге крестьянина вместе с телегой и лошадьёю подхватил ветер и поднял так высоко, что его больше никто не видел.

На следующий день нашли висящую на дереве телегу и мертвую лошадь на другом берегу Волги. Но следов человека не нашли”»⁵³. Сведение из Нижегородского летописца: «В лето 6904-го. В Нижнем Новгороде была буря велика и вихорь страшен зело. Взем человека с телегою и с лошадьёю и подняло высоко, что очинма человеческими не видеть. И на другой день изыскаша на другой стороне Волги реки лошедь мертву, а телегу на древе висящу, а человека не сыскали...”»⁵⁴. Как видим, в летописном тексте нет Казанской заставы, имеющейся в отрывке у Эрст-

⁵² Эрик Густав Эрстрём. Для меня и моих друзей... С. 109.

⁵³ Там же. С. 127.

⁵⁴ Тексты // Шайдакова М.Я. Указ. соч. С. 139 (цитата отсюда), 146 (под 6889 г.), 154, 173, 187, 201, 216, 229, 241, 252, 261.

рёма. Казанской заставы не могло быть в 1396 г. Видимо, автор, выходя из города через Казанскую заставу, «приближает» историю конца XIV в. к себе и к читателям, показывая, каким опасностям он мог бы подвергнуться.

Возможно, автор записок наращивал тревожное настроение того, кто мог бы читать его записи, поскольку он привёл ещё одну историю о стихийном бедствии. Этот рассказ был навеян загородным ландшафтом.

«Я все шел по обрывистому берегу Волги. Холмистый берег был неровным, то там, то сям в выбоинах, весь в расщелинах. Эти расщелины – отметины бывшего в далеком прошлом оползня.

Вскоре я пришел к прежнему Печерскому монастырю, окруженному крепостной стеной. С высоты я зрел остатки этого почитаемого монастыря, разрушенного в результате природного бедствия 215 лет назад. Не буду рассказывать об этом несчастье сам, а предоставлю возможность нижегородской летописи сделать это в простых безыскусных выражениях:

“В 7105 году от сотворения мира или в 1597 году от Рождества Христова, 18 дня июня месяца, случилось в Нижнем Новгороде, что выше Печерского монастыря образовалась большая трещина в земле. У подножия холма стоял монастырь на берегу Волги. И холм начал, вместе с растущим на нем лесом и посевами ржи, сползать на монастырь с чудовищным треском и грохотом. Людей охватили сильный страх и ужас.

Тогда архимандрит Печерского монастыря Трифон взял Святой Крест и чудотворную икону Богоматери и вышел из монастыря со всеми священниками и монахами и начал молитвенное пение с плачем...

По милости Бога оползень не остановился над самим монастырем, а прошел под ним в Волгу. Но монастырь был сильно поврежден. Церковь Христова Вознесения была полностью погребена, и остался только купол над алтарем. Церковь Пресвятой Богородицы была разрушена до алтарных окон. Деревянная церковь Николая Чудотворца сдвинулась с места. Монашеские кельи и хозяйственные постройки были засыпаны землей. На берегу погребенными оказались многие дворы”⁵⁵. Сведение из Нижегородско-

⁵⁵ Эрик Густав Эрстрём. Для меня и моих друзей... С. 127–128.

го летописца: «В 7105-мъ году. Июня въ 18 день в Нижнем в Печерском монастыре, от монастыря вниз по Волге реке до монастырской слободы Печерь, всего на версту, явися щель великая на земли поверхъ монастыря, а монастырь стоить в полугоре. И нача гора осыпаться с лесом, и бысть шумъ и трескъ великъ от лесу. И нападе на люди страхъ и трепет вели. И Печерскаго монастыря архимандрить Трифонъ вышелъ со всемъ освященнымъ соборомъ и со всею братиею своею из монастыря, взявъ пречистыя богородицы образъ, чудотворную икону. И нача петь молебны с плачемъ, дабы укротилъ богъ праведны свои гневъ. И божиею милостию, и пречистыя богородицы заступлениемъ прошла гора под землею, и явися та гора в Волге реке. А которые струги были на реке у берегу, и те стали от Волги на берегу далече. А в Волге учинися бугры великие. А в монастыре храмъ каменной Вознесения от того разрушился до основания, толко осталось над жертвенникомъ верхъ единъ, и колоколня разсыпалась. А теплои храмъ пресвятыя богородицы изшатило на сторону и опустило в землю близ окошек олатарные. И святые ворота, и в монастыре кельи, и поварни, и погребы повалились, и ограду переломало. И на берегу у Волги храмъ Николы чюдотворца здвинуло с места и паперти обломало. А в слободе дворы пожатились»⁵⁶.

Дальнейшие экскурсии в историю России у Эрстрёма уже не связаны с Нижегородским летописцем и нижегородской историей. Последнее замечание касается и записи от 9 (21) декабря: «Между тем русская армия одержала немало славных побед над Наполеоном. До нас доходили радостные вести. Дух Пожарского воскрес в сынах России. Да здравствует отважный фельдмаршал Кутузов! Наполеон разбит и отступает»⁵⁷.

В данном случае упоминание Д.М. Пожарского многозначительно. Кутузов изгоняет врага после оставления Москвы, а Пожарский в 1612 г. освободил Москву от польско-литовского гарнизона. В тексте Эрстрём вспоминает о Пожарском после очередного отрывка о нижегородском ополчении 1812 г. Так он невольно устанавливает связь времен 1612 г. и 1812 г. Эрстрём не усмат-

⁵⁶ Тексты // *Шайдакова М.Я.* Указ. соч. С. 142, 147, 157, 175, 189, 203–204, 218, 231, 243–244 (цитата отсюда), 254, 263–264.

⁵⁷ *Эрик Густав Эрстрём.* Для меня и моих друзей... С. 154.

ривал связи между подвигом Пожарского, ведомого им ополчения с Нижним Новгородом⁵⁸. Хотя, казалось бы, пребывание автора дневника в Нижнем Новгороде, где за 200 лет до него формировалось ополчение Минина и Пожарского, уже должно было бы обогатить исторические познания Эрстрёма.

Ещё во время пребывания Эрстрёма в Москве был обнаружен манифест «О сборе внутри государства земского ополчения» (6 июля 1812 г.), где было напоминание об историческом опыте 1611–1612 гг., чтобы враг встретил в каждом дворянине князя Пожарского, в каждом горожанине Кузьму Минина, в каждом лице духовного звания монаха Авраамия Палицына. Сергей Глинка в «Записках о 1812 годе» зафиксировал примечательный факт: «Предполагали, что в Нижнем устроится главное ополчение и двинется к Москве мининскими путями»⁵⁹. Так власть составляла «сценарий» войны с Наполеоном, впрочем, не реализованный полностью, реанимируя опыт преодоления кризиса двухвековой давности. Эрстрём знал о славном 1612 годе в истории России, и двойное упоминание Пожарского свидетельствует о владении финляндским студентом историко-культурным кодом России начала XIX в. – ему были понятны отсылки власти к имени Пожарского. Однако Эрстрём, пребывавший в Нижнем Новгороде, видимо, не связал подвиг ополчения Пожарского с городом, где оно зародилось. Лидером, главой нижегородского ополчения для него является исключительно князь Д.М. Пожарский. Заметим и то, что Эрстрём не говорит об ополчении 1612 г., но только о его лидере – князе Пожарском. Возможно, это связано и с тем, что к 1812 г., и особенно в контексте грозных событий этого года, в России «подвиг 1612 года» воспринимался и подавался как общее имперское достояние, а потому его «нижегородский субстрат» не был актуализирован.

Кузьма Минин вообще не упомянут в дневнике Эрстрёма. Более того, Эрстрём, видимо, не знал, кто это такой. Данное пред-

⁵⁸ Коваленко Г.М., Кузнецов А.А. «Дух Пожарского воскрес в сынах России». Война 1812 г. глазами Э.Г. Эрстрёма // 1812 год в судьбах России и Европы. Сборник трудов международной научной конференции. СПб., 2012. С. 25–29

⁵⁹ Цит. по: Лушин А.Н. Нижегородское народное ополчение в 1812–1814 годах. Урок российского патриотизма. Н. Новгород, 2010. С. 9.

положение нашло своё подтверждение уже после издания записок Эрстрёма. Он привёл на шведском языке текст марша нижегородского ополчения 1812 г., который был неизвестен исследователям:

Спеши, грозная вооруженная рать!
Поспешай под знаменами России!
Туда, где вероломный враг
Хочет поработить родину.

Хор:
Не страшна нам угроза врага,
Когда нас призывает наш государь.
Каждый из нас –
Душой и сердцем русский.

Наш правитель – преемник Ярослава,
Основатель свободы Нижнего Новгорода.
Мы – потомки славян,
Метавших молнии во вражеский стан.

Мы очистим родную землю
От варварских вражеских полчищ.
Мы жаждем справедливого отмщения,
Стягаем славу в бою или умрем.

Хор:
Не страшна нам угроза врага,
Когда нас призывает наш государь.
Каждый из нас –
Душой и сердцем русский⁶⁰.

Уже после выхода в свет текста «Для меня и моих друзей» профессор Новгородского государственного университета В.А. Кошелев отыскал подлинный русский текст этого марша:

⁶⁰ Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 133.

**Военная песнь при получении высочайшего манифеста
в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества**

Июля 15 дня 1812 года

Стремися, грозно ополченье,
Под сенью отческих знамен
Туда, где лезть, коварство, мщенье
Готовят россам вечный плен!

Хор:
Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражбих нам угроз? –
Не всяк ли тот из нас Пожарской,
Кто духом, сердцем, чувством росс?

Наш царь – наследник Ярослава;
А мы – потомки тех славян,
Пред коими летала слава
И гром бросала в вражий стан!

Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Пойдем! – душами съединимся,
России храбрые сыны!
Усердьем, верой ополчимся
К защите отческой страны!

Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Дружину нового Мамаю
С лица земли родной сотрем,
И мезтью праведной пылая,
Иль лавр в бою – иль смерть найдем!
Хор: Внимая гласу воли царской, и проч.

Врагу там можно ль покориться,
Где щит Отечества в сердцах?
Здесь всё Отчизне посвятится!
Здесь Минина священный прах!

Хор:
Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз? –
Не всяк ли тот из нас Пожарской,
Кто духом, сердцем, чувством росс?⁶¹

Сюжет с могилой Минина в подлинном тексте марша примечателен тем, что на рубеже XVIII–XIX вв. в Нижнем Новгороде сложилось стойкое убеждение о захоронении Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе Кремля. Как показало исследование, ни источников, ни оснований для такого суждения нет⁶². Однако Эрстрём оказался невосприимчив к образам Минина и Пожарского при фиксировании марша ополчения, а ведь идеи, связанные с ними, являются ключевыми именно для нижегородского ополчения 1812 г. Минин и Пожарский напрямую связаны с Нижним Новгородом. Это обстоятельство особенно важно, поскольку в 1812 г. планировалось пышное празднование 200-летия освобождения Москвы от поляков ополчением Минина и Пожарского, следствием чего стало утверждение династии Романовых. Поэтому имена Минина и Пожарского были на слуху и естественным образом попали в манифест. Ожидание праздника было резонансным и в Нижнем Новгороде. Все эти приготовления обусловили и первоначальный вариант создания народного ополчения в России, о котором упоминал С.Н. Глинка: центром ополчения, как и в 1611 г., виделся Нижний Новгород, туда должны были стекаться отряды из других городов и единой силой «мининскими путями» идти на Москву⁶³.

⁶¹ Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 2. С. 35–36. Перепубликуется в: Нижегородский музей. 2014 (*в печати*).

⁶² *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии // Мининские чтения: сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород, 2011. С. 186–206; *Кузнецов А.А.* Погребение Кузьмы Минина: вопросы остаются // Мининские чтения: сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Н. Новгород, 2012. С. 174–176.

⁶³ *Лушин А.Н.* Нижегородское народное ополчение в 1812–1814 годах. Урок российского патриотизма. Н. Новгород, 2010. С. 9.

Эрстрём не знает этих исторических реалий: он только весной 1812 г. оказался в России, тогда же он начал изучать русский язык и постигать российскую культуру. За такой короткий срок стать осведомленным в русской истории было невозможно даже при высокой степени мотивированности. Смутное время с массой персонажей, запутанной логикой развития событий не могло быть сразу осмыслено любознательным студентом-иностранцем. Финляндский швед знал о подвиге князя Пожарского и ведомого им ополчения, но, видимо, он никак не мог связать его с Нижним Новгородом; Минин вообще оказался незамеченным. Этим и можно объяснить то, что, фиксируя текст марша, Эрстрём обратил внимание на его общий патриотический пафос и проигнорировал Минина и Пожарского⁶⁴.

Подобным образом можно объяснить и то, что Эрстрём оказался несведущим в другом важном событии истории России, в генезисе которого важную роль сыграли нижегородцы – Расколе. Посетив 21 января (2 февраля) 1813 г. старообрядческую церковь в Нижнем Новгороде, Эрстрём писал: «Когда в X веке в России водворилось православие, богослужение проводилось в соответствии с уставом греческой церкви уже третье столетие. Когда же впоследствии Григорий Богослов и Василий изменили обряды богослужения, во время правления Ивана Васильевича, многие русские посчитали, что это противоречит требованиям веры. Они остались упорными приверженцами старых обрядов, и их потомки называются староверами»⁶⁵. Понятно, что Григорий Богослов и Василий Великий не имели отношения к церковной реформе в России, проведенной в середине XVII в.

Очевидно, что Смута и тонкости истории Русской православной церкви вызывали трудности у свежейиспеченного русского подданного, который, к тому же, был протестантом. Эти два блока проблем переплелись в ещё одном «трудном месте» текста Эрстрёма, передавшего впечатление от процедуры анафематствования 2 (14 марта) 1813 г.: «Анафеме предали отвергающих Христианство, а также предателей и еретиков. Прокляли Мазепу, по-

⁶⁴ Коваленко Г.М., Кузнецов А.А. Эрик Густав Эрстрём. Для меня и моих друзей: продолжение следует // Нижегородский музей. 2014 (в печати).

⁶⁵ Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 169.

могавшему Карлу XII, Пугачева, притворявшегося Петром III, Бориса Годунова, убившего великого князя Дмитрия, и Наполеона. Предали анафеме и староверов, соблюдавших старые церковные обряды»⁶⁶. Но Борис Федорович Годунов не отлучался от церкви, а потому не мог анафематствоваться в 1813 г. Кроме того, причастность к преждевременной и трагичной смерти царевича Дмитрия в Угличе до сих не доказана⁶⁷. Вероятно, Эрстрём перепутал. С подачи Бориса Годунова анафеме был предан Григорий Отрепьев, выдававший себя за якобы спасшегося царевича Дмитрия. Уже по распоряжению императора Павла I имя Гришки Отрепьева обязательно звучало в российских православных храмах при анафематствовании.

* * *

Подведём итоги. Любознательный студент Абоского университета, получивший стипендию российского правительства, весной 1812 г. оказался в Московском университете для того, чтобы изучить русский язык и способствовать его распространению в Новой Финляндии. Затем волею судеб он после трудного пути оказался в сердце европейской России – Нижнем Новгороде, а в 1813 г. вернулся на родину. Там он быстро, но ненадолго, сделал карьеру учёного в области российской словесности. Есть все основания утверждать, что российский вояж Эрика Густава Эрстрёма предопределил его быструю, продуктивную, но не продолжительную карьеру русиста. Вместо привычной схемы – сформировавшийся учёный-гуманитарий приезжает в другую страну и фиксирует свои наблюдения – в случае с Эрстрёмом всё складывается наоборот. По причудливой логике обстоятельств он, 23-летний юноша, оказался в стране, чью культуру внутри себя пришлось соотносить и примирять со своей родной. Интригу здесь добавляло то обстоятельство, что совсем недавно подданный шведской короны Эрстрём воевал с Россией. И этот процесс приобретения российской идентичности при сохранении своей исконной шёл во время путешествия стипендиата Московского университета в Нижний Новгород.

⁶⁶ Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей... С. 177.

⁶⁷ Козляков В.Н. Борис Годунов. М., 2011. С. 117–125.

Географическое постижение России развивалось одновременно с экскурсией по её прошлому. На исторической карте России Эрстрём неплохо ориентировался среди ключевых событий и фигур. Прибыв в Москву в апреле 1812 г., он уже в сентябре 1812 г. знал о роли князей Владимиров – Святого (980–1015) и Мономаха (1113–1125) – в истории России, разобрался в вопросе об основании Владимира, осознавал более седую древность Муром, имел познания в русском былинном эпосе, понимал место и роль монгольского нашествия, выделял как вехи церковный раскол и Смуту. Но всё это было своеобразными «реперными точками» в постижении русской истории. Более глубокая детализация этих важных событий для Эрстрёма оборачивалась неравномерностью в их осмыслении. Более уверенно он чувствовал себя в древнем периоде – истории Руси, а вот события XVII в. с резко увеличившимся набором действующих лиц, сложностью и многомерностью вызывали у Эрстрёма затруднения. Кроме вышеуказанных объяснений, уместно ещё одно. Швед, уроженец Финляндии изучал историю России, двигаясь от древности к своему времени. В силу этого Эрстрём к осени 1812 г. уже знал седую древность Руси, но ещё только «наводил резкость» в создании ясной картины Смутного времени и с трудом пробивался сквозь богословские сложности Раскола. Неискушенному в изучении исторических источников Эрстрёму казалось достаточным прикосновение к летописному манускрипту, которое позволило ему представить прошлое Нижнего Новгорода. Ради соблюдения справедливости надо отметить, что на уровне Эрстрёма в потребительском отношении к Нижегородскому летописцу до сих пор находятся отдельные нижегородские краеведы.

Это современное звучание для историографии текста Эрстрёма позволяет говорить о представленном нарративе как своеобразном путешествии в историю России. Сама по себе публикация его путевых записок актуализировала целый ряд исторических проблем: Отечественная война в 1812 г., российская провинция в 1812 г., сообщение Москва – Нижний Новгород в средневековье и Новое время, изучение нижегородского летописания XVII в. и др. Исторические экскурсии Эрстрёма являются источником для изучения практик коммемораций отдельных сюжетов прошлого России.

А.В. Антощенко

**Г.П. Федотов:
в поисках академической карьеры в США***

Используя документы архивов в Колумбийском университете (архива Бахметьева и архива Объединенной богословской семинарии), Православной Церкви в Америке и Центра русской культуры в Амхерсте, автор характеризует попытки известного русского историка Георгия Федотова получить статус профессора в американских университетах, колледжах и семинариях. В завершении исследования определяются причины окончательного решения Федотова преподавать в Свято-Владимирской православной семинарии.

Ключевые слова: биография Георгия Федотова, русская эмиграция в США, Свято-Владимирская православная семинария, американская академическая среда.

A.V. Antoshchenko

**George Fedotov:
searching of academic careers in USA**

Using documents of the archives at Columbia University (Bak-hmeteff's archives and archives of the Union Theological Seminary), of the Orthodox Church in America and of the Amherst Center for Russian Culture, the author characterizes the attempts of famous Russian historian George Fedotov to obtain a Professor's position at American universities, colleges and seminaries. The author concludes this research by defining the reasons of Fedotov's final decision to teach at the St. Vladimir's Orthodox Seminary.

Keywords: biography of George Fedotov, Russian emigration to the United States, St. Vladimir's Orthodox Seminary, American Academic Environment.

© А.В. Антощенко, 2014

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 13-01-00170 «Апостол древнерусской святости Г.П. Федотов (1886–1951)».

14 сентября 1941 г.¹ после почти восьмимесячного путешествия, полного трудностей и опасностей, Георгий Петрович Федотов (1886–1951) прибыл в Нью-Йорк, где его уже ждала семья – Елена Николаевна и приемная дочь Нина, приехавшие из Франции в Америку раньше. Добившемуся признания и устойчивого положения в эмиграции публицисту, историку и бывшему профессору Богословского православного института в Париже нужно было вновь приспособливаться к совершенно незнакомым ему условиям жизни. Именно этот аспект его биографии так называемого «американского периода» будет рассмотрен в данной статье. В качестве основных источников при изучении данного вопроса использовались материалы Бахметьевского архива, хранящегося в библиотеке Батлера Колумбийского университета, и архивов Юнионистской богословской семинарии в Нью-Йорке, Русской Православной Церкви в Америке (документы о деятельности Свято-Владимирской духовной семинарии) и Центра русской культуры в Амхерсте. Обращение к этим материалам представляется особенно важным ввиду появления в последнее время многочисленных работ о Георгии Петровиче, не подкрепленных архивными изысканиями. Как ни парадоксально это звучит, но выполненные на соискание учёной степени в области именно исторических наук, они удостаиваются «искомой степени», как, например, работа А.А. Галямичевой о научно-педагогической, публицистической и общественно-политической деятельности Г.П. Федотова в эмиграции (1925–1951), хотя в ней нет ни одной ссылки на архивы Свято-Троицкого богословского института, где он преподавал с 1926 по 1940 г., или Свято-Владимирской духовной семинарии (с 1948 г. – академии), где он был профессором с 1944 по 1951 г., ни тем более на архивы американских учебных заведений, где читал лекции Георгий Петрович, о которых «исследовательница»

¹ В воспоминаниях Е.Н. Федотовой указана другая дата прибытия – 12 сентября 1941 г. Однако в подписанной им копии документа о местах жительства за границей и в США, составленного летом 1943 г. для натурализации, Г.П. Федотов указал именно 14 сентября. Ср.: *Федотова Е.Н.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г.П. Лицо России (статьи 1918–1931). Paris, 1967. С. XXXII; Places of residence abroad and in the United States (Copy signed by George Fedotov) // The Archives of Amherst Center for Russian Culture. Yurii (George) Ivsak papers. Series 1. Box 3. Folder 1.

даже не подозревает². Однако, «ничтоже сумняшеся», она предаст результаты своего «исследования» публикации³. Против таких «горе-исследователей» отчасти и направлена эта статья.

Сразу же по прибытии Георгий Петрович попытался связаться с теми, кого он знал ещё в Париже и кто мог оказать ему содействие в поиске постоянного заработка. Увы, число таких лиц было минимальным. Наиболее авторитетным среди них и известным своей отзывчивостью на чужие просьбы был Михаил Михайлович Карпович, преподававший русскую историю в Гарвардском университете. Именно ему Г.П. Федотов отослал своё первое письмо, в котором просил содействия в поисках работы. «Я не откажусь ни от какого заработка и положения, – писал Георгий Петрович, – конечно, предпочитал бы академическое, или библиотечное, вообще дающее возможность научной работы. Кроме Вас у меня есть ещё надежды на YMCA⁴, но там я еще никого не видал. На днях будет в Н[ью-]Й[орке] Андерсон⁵, и мы поговорим с ним. Если же Вы можете сделать что-нибудь для меня (я понял, в смысле богословских колледжей), буду очень благодарен»⁶.

Кроме обращения за помощью к М.М. Карповичу Г.П. Федотов предпринял самостоятельную попытку найти академическую должность, обратившись в Новую школу социальных исследований в Нью-Йорке, известную своей поддержкой ученых, вынужденных эмигрировать в США из-за преследований нацистов. Однако здесь вакансий не оказалось, но директор школы Э. Джонсон⁷

² *Галямичева А.А.* Научно-педагогическая, публицистическая и общественно-политическая деятельность Г.П. Федотова в годы эмиграции (1925–1951 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

³ *Галямичева А.А.* Георгий Петрович Федотова: жизнь и творческая деятельность в эмиграции. Саратов, 2009.

⁴ YMCA (Young Men's Christian Association) – Юношеская христианская ассоциация, молодежная волонтерская организация, основанная в 1844 г. в Лондоне.

⁵ Андерсон Павел Францевич (Anderson Paul) (1894–1984) – американский миссионер, пресвитерианин, сотрудник американского отделения YMCA, активно помогал Свято-Сергиевскому православному богословскому институту в Париже, в котором преподавал Г.П. Федотов.

⁶ Письмо Г.П. Федотова к М.М. Карповичу от 15 сентября 1941 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (далее – BAR). Ms. Coll. Karповich. Box 1. Folder: Fedotov, Georgii Petrovich (n.p., n.d.) To Michael Karповich.

⁷ Джонсон (Johnson) Элвин Саундерс (1874–1971) – американский экономист, один из учредителей и первый директор Новой школы.

рекомендовал Г.П. Федотову обратиться за стипендией в Рокфеллеровский фонд, а Э. Стаудингер⁸, активно сотрудничавшая с комитетом помощи ученым, вынужденным покинуть родину по профессиональным причинам, предприняла попытку добиться для него стипендии в Йельском университете. Кроме того у него попросили рекомендаций, что вновь отсылало Георгия Петровича к М.М. Карповичу. В письме от 23 сентября 1941 г. он писал ему: «Сейчас у меня к Вам вот такая большая просьба. Не откажите прислать мне Вашу рекомендацию для New School for Social Research⁹, и притом в двух экземплярах: один на имя директора школы Dr. Alvin Johnson, прямо по его адресу: N[ew] School f[or] S[ocial] R[esearch] 66 West 12 St[reet], New York, а другой на имя Mrs. E. Staudinger по тому же адресу. Эта дама занята моим временным устройством в один из колледжей стипендиатом. От Джонсона зависит получение Рокфеллеровской стипендии, что сейчас очень трудно, если не безнадежно.

Сейчас я взял бы любую работу, которая дала бы возможность существовать, если не удастся обеспечить себе досуга для научной работы. Мне представляется, что указанная мне г[оспо]жей Staudinger стипендия в Yale на положении среднем между оставленным при унив[ерситете] и членом факультета была бы для меня идеальным выходом»¹⁰.

М.М. Карпович выслал рекомендацию, в которой охарактеризовал Г.П. Федотова как человека, обладающего «широкой культурой, обширным кругом интересов и блестящими лингвистическими способностями». «По моей оценке, – писал М.М. Карпович в рекомендательном письме, – он является самым способным иссле-

⁸ Стаудингер (Staudinger) Эльзе (1890–1966) – учредительница и исполнительный секретарь Американского совета для эмигрантов по профессиональным причинам.

⁹ Новая школа социальных исследований – американский университет, основанный в Нью-Йорке в 1919 г. В 1933 г. она стала именоваться «университетом в изгнании», так как по инициативе ее директора Э. Джонсона содействовала спасению и трудоустройству ученых, преследуемых в Европе по национальным и политическим мотивам.

¹⁰ Письмо Г.П. Федотова к М.М. Карповичу от 23 сентября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Fedotov, Georgii Petrovich (n.p., n.d.) To Michael Karpovich.

дователем среди историков моего поколения»¹¹. Однако Э. Джонсон вновь подтвердил невозможность для Г.П. Федотова получить постоянное место в академических учреждениях Нью-Йорка¹².

В надежде хоть как-то закрепиться в американском университете Г.П. Федотов обратился к Г.В. Вернадскому, преподававшему в Йеле, где, по словам Э. Стаудингер, был шанс получить стипендию. «Мы когда-то встречались с Вами в Петербурге, вернее, в Царском Селе у общих друзей – Штейнов, – писал Г.П. Федотов Г.В. Вернадскому в письме от 4 октября 1941 г. – На основании этого обстоятельства, а также общности наших интересов в работе позволяю себе обратиться к Вам со следующей просьбой. Я только что приехал в Америку после трудного почти годового путешествия. Вижу, что устроиться здесь будет не легко. Но сейчас мне представляется возможность некоторой временной передышки. New School for Social Research предлагает мне просить о стипендии (Fellowship) при Divinity School Йельского университета, дающей право жить в Колледже и работать в библиотеках, на положении среднем между студенческим и профессорским. Впрочем, Вы, вероятно, лучше это знаете. Необходимые документы уже посланы. Из Йеля пришел ответ, что прошение едва ли не запоздало, но что есть ещё надежда. Если, действительно, не поздно, не могли ли бы Вы посодействовать мне? Ваше положение, как профессора Йельского Университета и как историка, делает Ваше вмешательство особо авторитетным»¹³.

После встречи Г.В. Вернадского с профессором Богословской школы Йельского университета Роландом Бейнтоном последний обратился за рекомендацией Г.П. Федотова опять же к М.М. Карповичу, который вновь подтвердил свою высокую оценку способностей своего коллеги-компатриота¹⁴. Сообщая об этом

¹¹ Письмо М.М. Карповича к Э. Джонсону и Э. Стаудингер от 30 сентября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

¹² Письмо Э. Джонсона к М.М. Карповичу от 3 октября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

¹³ Письмо Г.П. Федотова к Г.В. Вернадскому от 4 октября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Vernadsky. Box 2. Folder: Fedotov, Georgii Petrovich New York & n.p., 1943–1946 & n.d. To George Vernadsky.

¹⁴ Письмо М.М. Карповича к Р. Бейтону от 7 октября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

Георгию Петровичу, Михаил Михайлович всё же указывал на то, что предлагаемое положение не предполагает жалования. Выход он видел в возможности предоставления стипендии Гуманитарным фондом для написания Г.П. Федотовым книги о русской религиозной духовности, проект которой Георгий Петрович обсуждал во время встречи с Борисом Александровичем Бахметьевым 1 октября 1941 г.¹⁵ «В связи с этим, – писал М.М. Карпович в письме от 7 октября 1941 г., – пока совершенно доверительно, хочу сообщить Вам, что Б.А. Бахметьев, по-видимому, готов постараться достать для Вас некоторую сумму денег (он пишет о 500–600 долларах), чтобы дать Вам возможность написать Вашу книгу.

Может быть, с этой поддержкой Вы уже могли бы рискнуть принять йельское предложение, если они его Вам сделают. Думаю, что для Вас было бы и приятно и полезно провести эту зиму в американской университетской среде»¹⁶.

Таким образом, через месяц после прибытия в США благодаря поддержке Б.А. Бахметьева и М.М. Карповича и содействию американских коллег Г.П. Федотов оказался в Нью-Хейвене, где прожил почти два года, получая стипендию Гуманитарного фонда и занимаясь подготовкой книги по истории русского религиозного сознания. Характеризуя свой замысел в письме М.М. Карповичу от 13 октября 1941 г. из Нью-Хейвена, Георгий Петрович писал: «Книга, о которой мы говорили с Б.А. Бахметьевым, по-английски могла бы называться “History of the Russian Religious Mind” (а по-русски “религиозности”). Я имею в виду дать очерк отдельных духовных течений, характеристику разных религиозных слоев и групп, выяснение оригинальности или связанности с греческой традицией. Для новой, петербургской эпохи задача осложняется необходимостью проследить религиозные следы в светских и даже антихристианских направлениях. Сквозь всё тысячелетие мне видится некоторое единство, хотя и не сводимое к

¹⁵ См. документ 1 публикации «Теперь я спокоен за свое будущее, могу думать только о своей работе над книгой...» в разделе «Документы и материалы» данного сборника.

¹⁶ Письмо М.М. Карповича к Г.П. Федотову от 7 октября 1941 г. // VAR. Ms. Coll. Karповich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

одной формуле, конечно. Материалом должны служить жития святых и памятники литературные.

Вы видите, задача дерзкая. Я принялся за неё в Лондоне в 1939 г. и представлял себе первый том, обнимающим домонгольский период. Теперь речь идёт (т. е. шла у нас с Бахметьевым) не о такой аналитической книге с научным аппаратом, а о более популярной, для американского читателя. Это будет черновой очерк – резюме, к сожалению, ненаписанной книги, или книг. Но и как резюме, это должно быть довольно плотным томом»¹⁷.

Первыми впечатлениями и настроением, вызванными вновь приобретённым местом жительства, Георгий Петрович, вполне естественно, делился, прежде всего, со своей женой. «Ну, вот я и обосновался в Нью-Хейвене и сижу в библиотеке, – писал он Елене Николаевне 15 октября. – Только чувствую себя несчастным. Старость ли это, но только приспособление к новому быту мне даётся с трудом, и всякие мелкие неудачи раздражают. Особенно трудности с языком, которые рождают всякие недоразумения. На американцев я не могу пожаловаться. Они очень радушны и гостеприимны. Divinity School расположена за городом, в парке, и выстроена в чудном “георгиевском” стиле: кирпично-белая. Еда первый класс. Но мучит сомнение, хорошо ли я сделал, приехав сюда. Заниматься я должен в Большой Унив[ерситетской] Библиотеке – около 1/2 часа ходьбы. Русских книг, нужных для меня, очень мало. В Университете нет курсов англ[ийского] языка и стилистики, и я не знаю, как мне быть с языком. Проф[ессор] Vainton обещал найти студента для обмена на франц[узские] уроки – чего мне не хочется. Порядки в Библ[иотеке] (по-моему) отвратительные. Я должен дожидаться у прилавка каждой книги и работаю запёртый в крошечный, жарко натопленный чулан. <...>

Получил от Карповича сообщение, что мне будет дана (почти наверное) стипендия в 600 долларов в год (это зависит и от него). Итак, я мог бы работать и в Н[ью]-Й[орке]. Но... остаётся но. Здесь я принудительно прикован к письменному столу, и для меня это важно. И ещё проблематичное – будущие связи. Со

¹⁷ Письмо Г.П. Федотова к М.М. Карповичу от 13 октября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Fedotov, Georgii Petrovich (n.p., n.d.) To Michael Karpovich.

студентами они завязываются легко. Главное моё препятствие – в моей нелюдимости.

Вывод: надо подождать, осмотреться»¹⁸.

Осмотревшись, Г.П. Федотов заметил в первую очередь своих бывших соотечественников – Вернадских, Толлей, Паниных, Саркисовых. И хотя не со всеми вновь обретенными знакомыми отношения были приятны («Ростовцев тяготеет, как кошмар», – связывил о своём бывшем преподавателе в одном из писем жене Георгий Петрович¹⁹), они позволяли преодолеть (по крайней мере, внешне) одиночество. Ещё более значимыми стали знакомства с американскими коллегами, которые постепенно завязывались, несмотря на трудности с английским языком. Способ преодоления языковых трудностей был выбран тот же, что и много лет назад во время первого изгнания в Германию за революционную деятельность, когда Георгий Петрович начал слушать многочисленные лекции немецких профессоров. И если на первых порах он был не доволен результатами слушания лекций на английском языке²⁰, то через некоторое время мог вполне общаться с американцами и даже сам читать лекции.

Среди американских коллег, с которыми познакомился Г.П. Федотов, наиболее значимым для него оказался Р. Бейнтон. Именно он представил его коллегам по Богословской школе на специально организованном по этому поводу собрании. Очевидно, он же инициировал чтение Г.П. Федотовым лекции о Русской православной церкви, которая, по оценке Георгия Петровича, понравилась студентам. Наконец, наиболее значительным событием, произошедшим благодаря Р. Бейнтону, стало приглашение Г.П. Федотова принять участие в обсуждении докладов, читавшихся представителями Богословской дискуссионной группы, съехавшимися из ведущих американских университетов в Нью-Хейвене

¹⁸ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 15 октября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1941–1942.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Слушаю много английских лекций, но нет чувства, что мой язык развязался, как это бывало иногда в Англии», – писал Г.П. Федотов жене 23 октября 1941 г. См.: BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1941–1942.

на своё очередное собрание 7–9 ноября 1941 г.²¹ Тема обсуждения – христианская этика – являлась одной из важнейших для творчества русского историка, поэтому он не преминул высказать свое мнение о прозвучавших в докладах и выступлениях идеях.

8 ноября он делился этой новостью со своей женой: «Сегодня утром пр[офессор] Бейнтон передал мне приглашение участвовать в беседах небольшой группы теологов, съехавшихся со всех концов Америки на уикенд в Йель. Это постоянная и замкнутая группа, в которую входят все знаменитости. Он не мог пригласить меня раньше, п[отому] ч[то] для этого необходимо было избрание, а они съехались только вчера вечером. Я очень польщён этим избранием, и в сегодняшнем заседании даже сказал несколько слов – кажется, удачно. Тема – об евангельской этике, и ты понимаешь, что нам есть что сказать»²².

Участвовал Г.П. Федотов в прениях по докладам и на следующем утреннем заседании группы, после чего в её составе был принят ректором университета, а вечером участвовал в собрании в методистской церкви²³. Его выступления были по достоинству оценены коллегами, и один из них – профессор Р.Л. Келхоун – даже предложил прочесть вместо себя лекцию об Иоанне Дамаскине во время его отлучки из Нью-Хейвена. «Я ещё ответа не дал, – писал в этой связи своей жене Георгий Петрович, – но внутренне я согласился и сию сейчас за Дамаскином. Если лекции сойдут удачно (а лекцией о русской церкви студенты были очень довольны), то моя академическая карьера наполовину обеспечена. Через богословский кружок я связан со всеми лучшими бог[ословскими] колледжами в Америке»²⁴.

По оценке Георгия Петровича, первая лекция прошла удачно, «в том смысле, что студенты поняли и были довольны – види-

²¹ Группа существовала с 1937 г., собираясь два-три раза в год в том или ином американском университете для обсуждения актуальных вопросов христианства. Материалы работы группы отложились в архивах библиотек Богословской школы Йельского университета и Единой богословской семинарии Колумбийского университета.

²² Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 8 ноября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1941–1942.

²³ Там же.

²⁴ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 11 ноября 1941 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1941–1942.

мо заинтересованы»²⁵. Правда, он успел изложить лишь половину из запланированного материала, что делало вторую лекцию еще более насыщенной данными²⁶. Однако чтение лекций не оправдало тех надежд, которые возлагались на это событие. Г.П. Федотов так и не смог найти постоянное место преподавателя ни в одном американском колледже. Только летом 1942 г. он согласился на ведение интенсивного курса русского языка, от которого по финансовым соображениям отказался В.В. Набоков. Небольшой заработок, полученный за время преподавания, и доброе отношение одного из студентов, предоставившего семье Федотовых на время каникул свою квартиру с примыкающим к ней садом, позволили Георгию Петровичу провести это лето вместе с Еленой Николаевной и Ниной. Однако уже в письме от 30 сентября 1942 г. он вынужден был констатировать в письме М.М. Карповичу: «Теперь все кончилось: и дом, и сад, и йельское инструкторство. Мой контракт не возобновили на зиму, “за отсутствием средств”. Нина уехала в Нью-Йорк, мы переехали в одну комнату, и Елена Николаевна ищет себе работу в Нью-Хейвене. Я пробовал тоже, но пока ничего не вышло. Ей, конечно, найти гораздо легче, потому что я не могу взять такой работы, которая отняла бы у меня возможность продолжать мою книгу.

Книга, к несчастью, мало продвинулась за лето, а начала идти лучше лишь тогда, когда наше благополучие окончилось. Кажется, уроки рус[ского] языка отнимали время, но не так уже много. Словом, я слишком много отдыхал и не хочу искать оправданий.

В последнее время написал около 130 моих листов, что равняется приблиз[ительно] тому же количеству страниц на машинке (в 37–38 строк). По содержанию, это 1. Введение. 2. Русское язычество. 3. Византизм. 4. Русский византизм. 5. Русский кенотизм. К тому, что Вы уже видели, прибавились 2 главы – по величине равные первым 3. Здесь я разбираю Климента Смолятича²⁷,

²⁵ См.: Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 18 ноября 1941 г. // VAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1941–1942.

²⁶ Там же.

²⁷ Климент (Клим) Смолятич (ум. ок. 1164) – древнерусский церковный писатель и богослов, митрополит Киевский и всея Руси (1147–1155).

Кирилла Туровского²⁸, Илариона²⁹, Бориса и Глеба³⁰, Феодосия Печорского³¹. По намеченному плану это половина Киевского периода. Т. е. сделано ужасно мало – сравнительно с тем, что осталось.

В виду этого я стесняюсь просить о продолжении стипендии, хотя предоставляю этот вопрос на Ваше усмотрение. За лето я скопил небольшую сумму, которая даст мне возможность в течение нескольких месяцев посвятить себя исключительно работе. А дальше найду какую-нибудь работу на “part time”³². Конечно, стипендия создает чувство обеспеченности – security³³, – которого я сейчас лишен. Но, как показал пример Франции, securité³⁴ очень обманчивый идеал. Впрочем, если он будет, я приму с радостью»³⁵. Учитывая положение Г.П. Федотова, Б.А. Бахметьев и М.М. Карпович пошли ему навстречу, возобновив выплату Гуманитарным фондом гранта для написания книги с января 1943 г. с условием, что рукопись будет завершена в течение года³⁶.

Первую половину 1943 г. года Федотовы провели в Нью-Хейвене. Однако недостаток литературы на русском языке в библиотеках Йельского университета и отсутствие возможности устроиться на работу, позволяющую заниматься историческими исследованиями, определили его желание перебраться в Нью-Йорк. 23 июня 1943 г. Георгий Петрович писал дочери о своей жизни в этом городе: «О себе самом могу сообщить много приятного. Во-

²⁸ Кирилл Туровский (1130 – ок. 1182) – древнерусский церковный деятель и писатель. Канонизирован Русской православной церковью в лике святителя.

²⁹ Иларион Киевский (ум. ок. 1055) – митрополит Киевский и всея Руси, святитель, автор «Слова о законе и благодати».

³⁰ Борис и Глеб (в крещении Роман и Давид, убиты в 1015) – русские князья, сыновья киевского князя Владимира Святославича, первые русские святые, канонизированные в лике мучеников-страстотерпцев.

³¹ Феодосий Печерский (ок. 1008 – 1074) – древнерусский православный монах, преподобный, один из основателей Киево-Печерского монастыря.

³² Part time (англ.) – неполный рабочий день.

³³ Security (англ.) – защищенность.

³⁴ Securité (фр.) – защищенность, безопасность.

³⁵ Письмо Г.П. Федотова к М.М. Карповичу от 30 сентября 1942 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Fedotov, Georgii Petrovich (n.p., n.d.) To Michael Karpovich.

³⁶ См. документы 11–18 публикации «Теперь я спокоен за свое будущее, могу думать только о своей работе над книгой...».

первых, первый том моей книги почти закончен, и нашлась одна американка, которая поправляет мой английский текст в обмен на уроки русского языка. Это Miss Shelley, мамина находка. Чтобы она не сбежала и не изменила мне, мы поселили её рядом с нами, пьём кофе и завтракаем вместе (т. е. со мной) и, вообще, присматриваем за ней, т. к. она, хотя и очень милая, но совершенно безвольная и нервно расстроенная, впрочем, как все иностранцы, влюбленные в русскую культуру и Достоевского. Осенью надеюсь послать книгу в издательство Гарвардского университета.

Мое устройство, предпринятое Зубовым³⁷ (помнишь?), подвигается медленно, но нормально. Все шансы, что я буду преподавать зимой. Есть и другие возможности, которые появляются – но и исчезают так же быстро. Теперь всплыл City College – помнишь на 137 улице?

А самое приятное – в Вашингтоне дали постоянную визу. Я начинаю хлопотать для поездки в Канаду. Кажется, это тянется очень долго, но на всякий случай ты должна быть готова взять отпуск дня на 3 на эту поездку.

Вот все добрые новости.

Провалились уроки в Колумбии, да и о премии New York Post ничего не слышно»³⁸. (Следует заметить в скобках, что Георгий Петрович умолчал об ещё одном неприятном событии – ухудшении отношений с Еленой Николаевной, что привело их к решению жить раздельно. Об этом он сообщил дочери лишь в следующем письме³⁹.)

Помощь в поиске для Георгия Петровича преподавательской работы оказывали его друзья. Первая попытка найти место для Г.П. Федотова в американских учебных заведениях была пред-

³⁷ Зубов (Zouboff) Петр Петрович (1893–1964) – полковник русской армии, георгиевский кавалер. После Гражданской войны эмигрировал в Эстонию. С 1931 г. в США. Окончил Колумбийский университет и защитил докторскую диссертацию о Вл. Соловьеве (PhD, 1943). Один из основателей Свято-Владимирской духовной семинарии в штате Нью-Йорк. Неоднократно избирался делегатом от мирян на Всеамериканские церковные соборы.

³⁸ Письмо Г.П. Федотова к Нине Федотовой от 23 июня 1943 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1946.

³⁹ Письмо Г.П. Федотова к Нине Федотовой от 5 августа 1943 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1946.

принята М.М. Карповичем ещё весной 1942 г.⁴⁰ Через год он общал Г.П. Федотову, что декан исторического факультета университета штата Огайо Дж. Вашбург намеревается открыть специализацию по русской истории. «Не знаю, что из этого выйдет, и не знаю, захотите ли Вы уезжать так далеко, – писал М.М. Карпович Георгию Петровичу 10 мая 1943 г., – но это хороший университет и Columbus достаточно большой и культурный центр, так что мне казалось, что стоило попробовать»⁴¹. Однако, несмотря на рекомендацию М.М. Карповичем его кандидатуры Дж. Вашбургу, Георгий Петрович не участвовал в реализации этого проекта, хотя в ответном письме к Михаилу Михайловичу заметил: «Что касается самого проекта по существу, я, конечно, принял бы его, если бы он осуществлялся»⁴². Другой план – создания русского института (очевидно, при Новой школе социальных исследований), к обсуждению которого был привлечен и Г.П. Федотов, не получил поддержки Э. Джонсона, который «охладел к проекту, убедившись в политических разногласиях в русской среде»⁴³.

В конце 1943 г. благодаря рекомендации М.М. Карповича Георгий Петрович был привлечен Библиотекой Конгресса США к созданию картотеки материалов для изучения истории и культуры России. «Может быть, Вы уже слышали что-нибудь о предложении, которое я получил от директора библиотеки Конгресса – организовать группу лиц, которые составили бы основную библиографию русских книг по разным отраслям русской истории и культуры, – писал М.М. Карпович Г.П. Федотову 16 ноября 1943 г. – Я имел в виду предложить Вам взять на себя составление такой библиографии по отделу “Духовной культуры”, который включил бы в себя следующее: церковь, религиозные движения (как сектантство), религиозную мысль, философскую мысль и, наконец,

⁴⁰ См. документ 9 публикации «Теперь я спокоен за свое будущее, могу думать только о своей работе над книгой...».

⁴¹ Письмо М.М. Карповича к Г.П. Федотову от 10 мая 1943 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Fedotov, Georgii Petrovich (n.p., n.d.) To Michael Karpovich.

⁴² Письмо Г.П. Федотова к М.М. Карповичу от 14 мая 1943 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Fedotov, Georgii Petrovich (n.p., n.d.) To Michael Karpovich.

⁴³ Там же.

образование. В библиографии нужно будет давать только книги и притом только те, которые кажутся Вам важными. Я не думаю, чтобы по указанным отделам Вы могли набрать более одной тысячи названий – вероятно, меньше. Полагаю, что работа эта не отнимет у Вас больше двух месяцев при не очень напряженной работе (они хотят получить материал к 1-му марта)»⁴⁴. Выполнение этого заказа дало Г.П. Федотову около 400 долларов дополнительного дохода весной 1944 г.

Помимо М.М. Карповича содействие в поисках места в американской академической среде Г.П. Федотову оказывали П. Андерсон и П.П. Зубов, с которым Георгий Петрович познакомился, очевидно, летом 1943 г. В своих действиях они опирались на поддержку Б.А. Бахметьева⁴⁵. Благодаря их усилиям удалось получить согласие дирекции Общей богословской семинарии организовать специальный курс лекций по истории православной церкви в весеннем семестре 1943/44 академического года. Оплату, которая осуществлялась вплоть до 1946 г. через англиканско-православное братство, членом которого был Г.П. Федотов, взял на себя опять же Гуманитарный фонд, выделяя для этих целей 600 долларов ежегодно⁴⁶. Если в продвижении Г.П. Федотова в Общую богословскую семинарию главную роль сыграл П. Андерсон, то П.П. Зубов обеспечил приглашение Георгия Петровича в Свято-Владимирскую духовную семинарию, членом правления которой он являлся. В работе педагогического совета семинарии Г.П. Федотов начал участвовать с весны 1944 г.⁴⁷

Лето 1944 г. Г.П. Федотов провел на даче Карповичей, где завершил свою книгу, а с осени 1944/45 академического года он

⁴⁴ Письмо М.М. Карповича к Г.П. Федотову от 16 ноября 1943 г. // BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Fedotov, Georgii Petrovich (n.p., n.d.) To Michael Karpovich.

⁴⁵ См. документы 19–20 публикации «Теперь я спокоен за свое будущее, могу думать только о своей работе над книгой...».

⁴⁶ См. ежегодные отчеты Гуманитарного фонда: BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 50. Subject files: Humanities fund, 1944, 1945, 1946.

⁴⁷ См.: Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 16 мая 1944 г. // The Archives of the Orthodox Church in America (АОСА). XI. Records Relating to Church Institutions. 1938–present. U Box 1&2: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1956. Folder: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1946.

начал преподавание в Свято-Владимирской семинарии двух предметов – церковно-славянского языка и истории Западной Церкви⁴⁸. Казалось бы, ему удалось достичь устойчивого положения, так что следующее лето, прежде чем приехать на дачу к Карповичам, Георгий Петрович решил отдохнуть на ферме Гульда. «Пишу тебе от Карповичей из Вермонта, куда я переехал из Gould Farm, где провел 11 дней, которых, вероятно, не скоро забуду, – делился он своими впечатлениями с дочерью 17 июля 1945 г. – За эти 11 дней я сблизился с Америкой больше, чем за 4 года. Это оказалось чем-то вроде толстовской колонии, открытой и для гостей, но не для всех, а для нуждающихся и “достойных”. Большинство американцев с breakdown’ом, что делает их очень милыми и похожими на русских чеховского типа. Я никогда не чувствовал себя так легко в обществе, как с ними – старыми и малыми. Говорил без конца и очень подвинул свою английскую речь. Помимо этого много гулял, играл в крокет, работал на огороде и даже 4 июля танцевал “Virginia reel”! Это, между прочим, показывает, что чеховские американцы вовсе не нытики, а довольно весёлый народ. Но, как Алёша Рейснер сказал, “человек начинается с горя”»⁴⁹. Непосредственное знакомство с американцами произвело на Георгия Петровича очень сильное впечатление, которым он поделился и со своей женой, заметив, что «встретил здесь столько добрых и скромных людей, которые примиряют с перспективой остаться навсегда в этой стране»⁵⁰.

В 1945/46 академическом году Г.П. Федотов продолжил преподавание в Свято-Владимирской семинарии, проводя в пятом классе занятия по нравственному богословию⁵¹. С весны 1946 г. к

⁴⁸ Расписание уроков в Свято-Владимирской духовной семинарии. Осеннее полугодие 1944–1945 учебного года // АОСА. XI. Records Relating to Church Institutions. 1938–present. U Box 1&2: St. Vladimir’s Orthodox Theological Seminary. 1944–1956. Folder: St. Vladimir’s Orthodox Theological Seminary. 1944–1946.

⁴⁹ Письмо Г.П. Федотова к Нине Федотовой от 17 июля 1945 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1946.

⁵⁰ См.: Письма Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 4 и 14 июля 1945 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1945.

⁵¹ Расписание уроков в Свято-Владимирской духовной семинарии. Осеннее полугодие 1945–1946 учебного года // АОСА. XI. Records Relating to Church Institutions. 1938–present. U Box 1&2: St. Vladimir’s Orthodox Theological Seminary. 1944–1956. Folder: St. Vladimir’s Orthodox Theological Seminary. 1944–1946.

ним прибавился курс церковной истории, от которого отказался епископ Макарий⁵². Однако финансовое положение семинарии было неустойчивым, выплата жалования нередко задерживалась, как и выплаты через англиканско-православное братство, которые прекратились весной 1946 г. Именно в это время Георгий Петрович особенно остро ощутил зыбкость своего положения. Поскольку перспективы преобразования семинарии в академию представлялись ему смутными (хотя он и включился в этот процесс с присущей ему энергичностью⁵³), он готов был принять предложение Р.О. Якобсона, выдвинувшего его кандидатуру на кафедру русского языка в университете штата Индиана, где вела уроки русского языка Елена Николаевна. Хотя при этом он вполне трезво осознавал, что переезд на новое место зависит от его избрания на кафедру⁵⁴.

Сложное положение разрешилось счастливым образом – предоставлением стипендии мемориальным фондом Гугенгейма, на которую у Г.П. Федотова было «мало надежды»⁵⁵. Годовая сумма стипендии в 3 000 долларов позволяла Георгию Петровичу чувствовать себя «богачом» и оказывать существенную финансовую помощь Елене Николаевне, уехавшей в Париж в августе 1945 г. без каких бы то ни было средств существования⁵⁶. Окрыленный успехом, он в мае 1946 г. отправился в Гарвард, чтобы на месте выяснить, как продвигается подготовка его книги к изданию. «На

⁵² См.: Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 28 марта 1946 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1946.

⁵³ Первым шагом на этом пути стало участие Г.П. Федотова в состоявшемся 20 октября 1944 г. совместном заседании представителей Свято-Владимирской семинарии и Юнионистской богословской семинарии Колумбийского университета, на котором рассматривались вопросы изменения учебного плана православной семинарии, направленные на сближение его с учебными планами различных факультетов (и прежде всего богословской семинарии) Колумбийского университета. Вопрос об участии Г.П. Федотова в процессе преобразования Свято-Владимирской семинарии в академию заслуживает специального изучения и будет рассмотрен нами в отдельной статье.

⁵⁴ См.: Письма Г.П. Федотова к Нине Федотовой от 2 и 6 апреля 1946 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1946.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Письмо Г.П. Федотова к Нине Федотовой от 16 апреля 1946 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1946.

днях съездил в Бостон в Harvard University Press и остался очень доволен работой редакторов над моей книгой, – писал Георгий Петрович Елене Николаевне 23 мая 1946 г. – Почти ничего не выкинули и проявили большое внимание и любовь. Книга им очень нравится. На этой неделе она уже идет в печать. Это меня ободряет на второй том»⁵⁷. Однако прежде нужно было закончить «хрестоматию» по истории русской религиозной мысли, работу над которой Г.П. Федотов начал осенью прошлого года и особенно интенсивно вел весной 1946 г., так как обещал завершить её к лету этого года⁵⁸. Стресс и волнения, связанные с необязательностью некоторых сотрудников по составлению хрестоматии, привели к переутомлению, которое вызвало гипертонический криз. «У меня тут был какой-то breakdown, от переутомления, – писал Георгий Петрович дочери 6 мая. – Пришлось пойти к доктору, сесть на диету (навсегда) и почувствовать себя стариком (давление, склероз и проч.). Надо ехать на отдых, а еще масса работы»⁵⁹. Только завершив работу над рукописью хрестоматии «A Treasure of Russian Spirituality» («Сокровищница русской духовности»), Г.П. Федотов уехал на дачу к Карповичам в Вермонт. Однако и здесь ему пришлось продолжить работу, теперь уже над корректурой книги о русском религиозном сознании. «Я работаю 6 часов в день, это большой прогресс, но, увы, голова устает, и я чувствую, что, как только разделаюсь с корректурой, надо будет абсолютно отдохнуть», – писал он жене из местечка Вардсборо штата Вермонт⁶⁰.

Стипендия фонда Гугенгейма позволила Г.П. Федотову сосредоточиться на работе над вторым томом своей книги. От преподавания в Свято-Владимирской семинарии в 1946/47 академи-

⁵⁷ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 23 мая 1946 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1946.

⁵⁸ См.: Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 13 августа 1945 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1945; Письма Г.П. Федотова к Нине Федотовой от 10 сентября 1945 г., 27 марта, 2 и 6 апреля 1946 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1946.

⁵⁹ Письмо Г.П. Федотова к Нине Федотовой от 6 мая 1946 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1946.

⁶⁰ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 23 мая 1946 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1946.

ческом году он, очевидно, отказался. По крайней мере, ни в одном из писем, написанных им во второй половине 1946 г. и в первой половине 1947 г., упоминаний о его лекциях и занятиях в ней нет. Однако, это не значит, что он утратил всякую связь с коллегами по семинарии. Напротив, с лета 1946 г. стал постепенно осуществляться его план привлечения в семинарию ведущих преподавателей-эмигрантов из Европы, что позволяло преобразовать её в академию⁶¹. Осенью 1946 г. Георгий Петрович был приглашен на 7-й Всеамериканский церковный собор в Кливленд, на третьем заседании которого 28 ноября он выступил с докладом об открытии Духовной Академии в Северной Америке⁶². Охарактеризовав меры по превращению семинарии в высшее богословское учебное заведение, Георгий Петрович отметил: «Ввиду двуязычного характера нашей паствы и преимущественно английской культуры наших студентов, преподавание в Духовной Академии должно быть тоже двуязычным, так, чтобы некоторые курсы читались на английском языке. Это дало бы возможность слушать их и православным других национальностей и инославным друзьям – американцам. Это важно и в смысле материальной поддержки Академии и в смысле духовного влияния Русского православного богословия в Американской жизни»⁶³. Выступивший вслед за Г.П. Федотовым П.П. Зубов обосновал возможности финансового обеспечения богословского образования⁶⁴, что позволило собору принять одобрительную резолюцию по этим докладам⁶⁵. Однако преобразование семинарии в академию не могло совершиться мгновенно.

Завершение выплаты гугенгеймовской стипендии весной 1947 г. поставило Г.П. Федотова перед необходимостью искать работу. «Стипендия кончилась уже, и я не знаю еще, на что я бу-

⁶¹ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 14 июня 1946 г. // VAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1946.

⁶² См.: Доклад Профессора Г.П. Федотова по вопросу об открытии в Америке Русской Православной Академии // Протоколы 7-го Всеамериканского церковного собора, состоявшегося в Свято-Феодосиевском соборе г. Кливленд штата Огайо ноября 26-го, 27-го, 28-го и 29-го 1946 года. Б. м., б. г. С. 17–19.

⁶³ См.: Там же. С. 19.

⁶⁴ См.: Доклад П.П. Зубова о финансировании богословского образования // Протоколы 7-го Всеамериканского церковного собора. С. 19–21.

⁶⁵ См.: Протоколы 7-го Всеамериканского церковного собора. С. 21.

ду жить лето, – писал Георгий Петрович дочери 11 апреля. – Если Духовная Академия будет существовать, то совершенно неизвестно, когда будут платить, и будут платить гораздо меньше»⁶⁶. Получить дополнительный заработок он смог в Юнионистской богословской семинарии в Нью-Йорке. Первую попытку организовать для него лекционный курс по истории Русской церкви в этой семинарии П. Андерсон предпринял ещё летом 1944 г., обратившись с письмом к профессору Генри Ван Дюсену⁶⁷, который знал Георгия Петровича по его участию в собрании Богословской дискуссионной группы в Нью-Хейвене в ноябре 1941 г. Г. Ван Дюсен поддержал предложение и представил его президенту семинарии, предупредив П. Андерсона, что надежд на успех мало⁶⁸. Как он и ожидал, эта попытка оказалась неудачной. В 1945 г. Г. Ван Дюсен сам стал президентом семинарии и через два года вернулся к этой идее, поскольку она соответствовала его представлениям о необходимости расширения влияния семинарии и, соответственно, круга предметов, преподаваемых в ней⁶⁹. Возможность для финансирования чтения лекций представил фонд Эли, попечители которого проголосовали за использование его средств для организации годовичного курса лекций по христианским институтам. В письме к Г.П. Федотову от 5 июня 1947 г. Г. Ван Дюсен отмечал, что в первом семестре желательно сосредоточить внимание на историческом развитии Восточной Православной Церкви в целом и в особенности – Русской церкви, во втором семестре – на их современном развитии. Оплата лекционного курса определялась в 1 500 долларов за академический год. Особенно в письме подчеркивалась «важность участия в жизни семинарии, а не отбывание лекционных часов, поскольку студенты семинарии обо-

⁶⁶ Письмо Г.П. Федотова к Нине Федотовой от 11 апреля 1947 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1947–1950.

⁶⁷ P. Anderson to H. Van Dusen, June 1, 1941 // The Burke Library Archives (Columbia University Libraries) at Union Theological Seminary, New York. Union Presidential Records. Box 25: Fedotov, Dr. George P.

⁶⁸ H. Van Dusen to P. Anderson, June 3, 1941 // The Burke Library Archives (Columbia University Libraries) at Union Theological Seminary, New York. Union Presidential Records. Box 25: Fedotov, Dr. George P.

⁶⁹ См.: *Handy R.T.* A History of Union Theological Seminary in New York. N.Y., 1987. P. 211–215.

гащаются в ходе неформального общения с профессорами помимо занятий – на общественных мероприятиях и специальных собраниях. Мы надеемся, – писал Г. Ван Дюсен, – что Вы изъявите желание появляться в семинарии настолько часто, насколько это возможно, и что, в общем, Вы будете рассматривать семинарию как Ваш академический дом в течение предстоящего года»⁷⁰.

Помимо Юнионистской богословской семинарии Георгий Петрович возобновил лекции в Свято-Владимирской семинарии. «В обеих семинариях у меня четыре курса и ко всем приходится готовиться, – писал Георгий Петрович Елене Николаевне 24 октября 1947 г. – А кроме того social и half-social life⁷¹. Но жаловаться грех. Живется мне прекрасно, относятся ко мне хорошо и профессора, и студенты. Мои заслуги преувеличивают, но зато стараются запрягать и эксплуатировать, заставляют читать доклады в разных кружках и собраниях. А мне сейчас, дай Бог, со своей работой справиться.

Мне всё ещё странно, что я через 6 лет оказался вдруг (во второй раз) в Америке, и мне ещё трудно приспособиться. Но, в отличие от тебя, я подхожу к Америке с открытой душой, и она отвечает мне тем же. Правда, это Америка первый сорт. Ни намёка на пошлость, даже речь у всех, с самых отдалённых штатов, понятная и чистая, вроде английской. И много идеализма. Юнион – центр экуменического движения, сюда приезжают постоянно профессора и пасторы из Европы (на днях был лютеранский епископ из Берлина), и все студенты живут Европой»⁷².

Важным для Г.П. Федотова было и то обстоятельство, что Юнионистская богословская семинария предоставила ему общежитие. «Живу в весёлом монастыре среди молодежи обоего пола, – продолжал он в том же письме в Париж. – Масса студентов женатых, есть и с детьми. Два раза в день “чапель”, что мне очень нравится. Но, конечно, всё это милое общество не заглушает чув-

⁷⁰ H. Van Dusen to G.P. Fedotov, June 5, 1947 // The Burke Library Archives (Columbia University Libraries) at Union Theological Seminary, New York. Union Presidential Records. Box 25: Fedotov, Dr. George P.

⁷¹ Social и half-social life (англ.) – социальная и полусоциальная жизнь.

⁷² Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 24 октября 1947 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1947.

ства одиночества. Только работа помогает забыться»⁷³. Последняя тревожная нотка ещё больше усилилась в дальнейшем, когда он вынужден был признаться Елене Николаевне: «К чему я, однако, никогда не привыкну, это к английскому языку, и единственный английский курс в Union seminary заставляет меня волноваться за много дней. Вообще, жизнь в семинарии для меня полна постоянного напряжения. Масса – сотни людей, – с которыми встречаешься за столом, в библиотеке, в коридорах. Со многими знакомился, разговаривал и, конечно, забыл. Как отличить знакомых и незнакомых в этой толпе? С некоторыми общение установилось, с другими ткётся и обрывается поминутно. Легко себя чувствую с русскими, у которых бываю по вечерам»⁷⁴.

И ещё через десять дней: «Вообще говоря, я больше устаю не от работы, а от непрерывного общения. Всё время в напряжении от необходимости разговаривать с незнакомыми людьми и всё по-английски. Несмотря на мои постоянные “гафы” и угрюмую застенчивость, меня все ещё терпят и даже, кажется, любят, т. е. относятся приветливо. Я чувствую даже, что переоценивают мою эрудицию, что тоже не облегчает моего положения. Но жаловаться на это грех»⁷⁵.

Сложности, вызванные подготовкой к занятиям и необходимостью постоянного общения на неродном языке, определили то, что он без особого сожаления принял известие об отказе администрации Юнионистской семинарии возобновить с ним контракт, хотя это и означало значительное сокращение его доходов. «Год кончается, Union Seminary не пригласила меня на следующий год, и я выбираюсь на лето в помещение русской семинарии совсем близко, – писал Георгий Петрович Елене Николаевне 29 апреля 1948 г. – На следующий год мой доход сокращается вдвое, но, думаю, хватит»⁷⁶. Уверенность Г.П. Федотова в стабильности

⁷³ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 24 октября 1947 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1947.

⁷⁴ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 11 ноября 1947 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1947.

⁷⁵ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 21 ноября 1947 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1947.

⁷⁶ Письмо Г.П. Федотова к Е.Н. Федотовой от 29 апреля 1948 г. // BAR. Ms. Coll. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1948.

финансового положения при сохранении единственного места работы определялась официальным признанием временного статуса Свято-Владимирской духовной академии как высшего учебного заведения штата Нью-Йорк в июне 1948 г., что предполагало обеспечение материальных условий её деятельности. Среди мер, направленных на это, было создание фонда финансовой поддержки академии, пополнение которого (особенно в части обеспечения жалования профессорам, определённым в 2 000 долларов в год) первоначально обеспечивалось всё тем же Гуманитарным фондом, а затем целым рядом комитетов, в которых участвовали авторитетные представители Русской Православной Церкви в Америке и американских академических кругов, а также бизнесмены-эмигранты, добившиеся успеха в США⁷⁷.

Таким образом, семилетние поиски Г.П. Федотовым своего места в американской академической среде закончились. Возможность для него закрепиться в высших учебных заведениях США определялась рядом факторов, среди которых владение предметом, исследовательские навыки или педагогическое мастерство не являлись ведущими. Объективным условием, сокращавшим его шансы, являлось финансовое положение американских вузов, ухудшившееся в годы войны. Субъективным препятствием для естественного включения в академическую жизнь было пассивное владение английским языком. Достаточно быстрое овладение навыками письменной речи позволило ему успешно освоить совершенно новую для него социальную практику получения грантовой поддержки для своих исследований. Однако чтение лекций, а главное – интенсивная «социальная жизнь», являвшаяся неотъемлемой частью работы в американских вузах, вызывали постоянное напряжение, определяя, по сути, состояние стресса, которое подрывало и без того не крепкое здоровье историка. К этому следует добавить и ещё одно соображение, объясняющее остроту восприятия им своего положения в американской академической среде. Блестящий стилист, Г.П. Федотов едва ли чувствовал себя уютно, когда не находил адекватных выражений в своем английском тезаурусе. Если при написании книги это

⁷⁷ См.: АОСА. XI. Records Relating to Church Institutions. 1938-present. U Box 1&2. Folder: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1947–1948.

можно было поправить, обратившись за помощью к друзьям, то в живом общении с американскими коллегами это приводило к тому, что сам Георгий Петрович не без иронии назвал «гафами». Понятно, что затруднения в свободном обсуждении вопросов, которые не вызывали сложности при их рассмотрении на русском языке, создавали дополнительный психологический стресс, которого хотелось избежать. Именно поэтому, как представляется, когда проявления сердечной недостаточности стали очевидными, он принял решение сосредоточиться на завершении своего исследования русского религиозного сознания и ограничиться преподаванием только в Свято-Владимирской духовной академии, где ему, увы, вскоре пришлось читать помимо курсов на русском языке один специальный курс по-английски

Д.В. Шаталов

**«Путевая литература» начала XIX в.
и формирование историографического образа
украинского казачества**

С точки зрения формирования «казацкого мифа» проанализировано восприятие российскими путешественниками начала XIX в. прошлого и современного им положения украинского казачества. Сделан вывод о нечеткости представлений в российском социуме того времени об этом феномене.

Ключевые слова: украинское казачество, запорожцы, путевая литература, историографический образ, Малороссия, Новороссия.

D.V. Shatalov

**«Travel Literature» beginning of the XIX century
and the formation of the historiographical image
of Ukrainian Cossacks**

This article from the perspective of the formation of «Cossack myth» analyzed perception-prize Russian travelers beginning of the XIX century past and present to them the provisions of Ukrainian Cossacks. It is concluded that fuzzy representations in Russian society at the time of this phenomenon.

Key words: Ukrainian Cossacks, Zaporozhians Cossacks, travel literature, historiographical image, Little Russia, New Russia.

Во второй половине XVIII в., реорганизуя, унифицируя империю, правительство Екатерины II постепенно ликвидировало казацкие военно-административные структуры Слободской, Левобережной и Южной Украины. Именно с этим в историографии и общественном мнении традиционно связывается конец истории украинского казачества. Но, несмотря на исчезновение прежних военных организаций, казачество продолжало существовать не только в народной памяти, но и как отдельная социальная группа – малороссийские казаки, – сохранявшая часть своих экономических привилегий, и в виде обновленных военных структур, появ-

лявшихся и исчезающих в конце XVIII – начале XIX в. в зависимости от внешне- и внутривосточных обстоятельств России.

Практически в это же время начинает формироваться так называемый казачий миф, надолго ставший одним из центральных нациообразующих сюжетов украинской историографии. В его основание легли как реальные социальные практики казачьего сословия XIX в., живая народная память о его героическом военном прошлом, так и научно и литературно организованный дискурс. В оформлении «казачьей памяти» в интеллектуальном пространстве первых десятилетий XIX в. «приняли участие» самые разнообразные свидетельства. Но каким группам, видам, жанрам источников принадлежит приоритетная роль в формировании историографического образа казачества еще предстоит выяснить путем вычленения и анализа необходимой информации. Но предварительно уже можно сказать, что особое место тут занимают травелоги, открывающие казачество как одну из важнейших специфик южнорусского / украинского бытия. Однако вопрос, в какой мере путешественники рубежа XVIII–XIX вв. оказались «ответственными» за конструирование историографического образа казачества, до сих пор практически не ставился. Поискам ответа на него и посвящена данная статья.

Записки российских путешественников конца XVIII – начала XIX в. вряд ли можно назвать малоизвестными текстами. Напротив, они стали почти хрестоматийными и имеют богатую традицию использования в качестве источников для истории Украины. Историки начали обращаться к ним еще с конца позапрошлого столетия, уделяя внимание разнородным аспектам бытия, бросавшимся в глаза путешественникам. Едва ли не первым из них был Л. Синицкий, которого преимущественно интересовали сведения об этнографии и экономическом развитии Левобережной Украины (в терминологии XVIII–XIX вв. – Малороссии)¹. Из не-

¹ Синицкий Л. Малороссия по рассказам путешественников конца прошлого и начала нынешнего столетия // Киевская старина. 1892. Февраль. С. 226–259; *Его же*. Путешествие в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И.М. Долгорукого // Киевская Старина. 1893. Февраль. С. 274–292; Март. С. 412–441; Апрель. С. 29–49.

давних работ стоит отметить статьи Н. Рябчука², В. Киселева и Т. Васильевой³, обратившихся к этому жанру источников в поисках колониального дискурса и путей конструирования образа Малороссии в российской словесности.

Наиболее же значимым для данного исследования трудом является работа А. Толочко, где автор обратился к вопросу «открытия Малороссии» российскими путешественниками и восприятия ими киево-русского наследия⁴. Концептуальным можно считать утверждение историка, что «круг чтения формировал ожидания и определенным образом настраивал оптику: путешественники преимущественно видели то, что вычитали из книг»⁵.

Однако, разумеется, «видели» путешественники не только прочитанное, но и предварительно известное им из рассказов и прочих источников. Понятно, что имея разные цели своих поездок, никто из путников не направлялся на украинские земли специально, чтобы увидеть казаков или памятники, связанные с их историей. Поэтому и сведений о них в таких текстах немного. Более того, для путешественников казачество было феноменом почти неизвестным. Но и совсем его не заметить, оказавшись в Малороссии, было невозможно. Казаки иногда все же «прорывались» на страницы произведений. А потому эти беглые упоминания представляют особый интерес.

Принято считать, что наиболее известными читательской аудитории начала XIX в. были заметки П. Сумарокова, В. Измайлова, О. фон Гуна и И. Долгорукова, написанные преимущест-

² *Рябчук М.* Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности «асимметричных» отношений // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 447–477.

³ *Киселев В., Васильева Т.* «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX века // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. С. 478–517.

⁴ *Толочко О.П.* Киево-руська спадщина в історичній думці України початку XIX ст. // Україна і Росія в історичній ретроспективі: нариси в 3-х томах / відп. ред. В.А. Смолій. Том 1. Версток В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П. Українські проекти в Російській імперії. Київ, 2004. С. 250–350.

⁵ Там же. С. 282.

венно вскоре по завершении путешествий. Эти тексты позволяют не только зафиксировать черты настоящего и прошлого украинского казачества, которые бросались в глаза «неподготовленному» для его восприятия россиянину, но и особенности «прижизненной» и «мемориальной стадии» формирования образа украинского казака в общественном мнении и историографии.

П. Сумароков оставил потомкам описания двух своих путешествий в Крым – 1799 и 1802–1803 гг. Первый раз в этот край Павел Иванович попал, «удовлетворяя любопытство свое», поскольку «давно желал... видеть Крым, то древнее завоевание Митридата, тот знаменитый полуостров, где слава парящая между двух морей не перестает гласить до пределов всей вселенной в золотую трубу свою мудрость, величество и кротость Российскаго Престола»⁶. Учитывая цель поездки, очевидно, было бы наивно ожидать от путешественника детальных описаний украинского казачества, тем более что путь его проходил преимущественно «неказацкими землями» – свое описание Сумароков начал с границ Южной Украины / Новороссии. Поэтому неудивительно, что упоминания об украинском казачестве в описании первого путешествия занимают в совокупности лишь два предложения. Направляясь в Крым, автор отметил, что «от Елисаветграда до Николаева идет пространная степь, прежнее владение Запорожцев»⁷. А во время пребывания в Еникале «любопытство побуждало» его «переплыть на Азиатскую сторону в Тамань», чтобы, среди прочего, «осмотреть тот край, нынешнее обиталище Запорожцев». Но этому намерению помешали «жестокия бури»⁸.

Второй раз П. Сумароков посетил Крым в качестве члена правительственной комиссии. В 1802 г. он следовал на юг через Харьковщину и Полтавщину. Въехав в «край называемый Малороссиею», П. Сумароков посчитал нужным дать читателю «историческое примечание» касательно края, «претерпевшего от татар» еще в XIII, после чего входившего в состав разных государств, но

⁶ *Сумароков П.И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым с историческим и топографическим описанием всех мест. М., 1800. С. 1.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Там же. С. 74.

«в запустении около 400 лет; то есть до времен Царя Алексея Михайловича»⁹, когда край снова начал заселяться «прежними России подданными» – малороссиянами, которые в 1630 г. «толпами выходили из Волынии, Подолии и Польской украины к Белгородской черте и там поселялись»¹⁰. Для П. Сумарокова они были никем иным, как «россиянами», образ жизни, язык, обычаи, и одежда которых с конца XVI в. несколько изменились под польским влиянием¹¹. Дальнейшая история края изображена следующим образом:

«Таковыя колонии составили свои городки или местечки и пять козачьих их полков Харьковской, Сумской, Ахтырской, Острогожской и Изюмской, служили потом всегда на своих конях, на своем иждивении и управлялись своими полковниками, судьями и есаулами. При начале зависели токмо от Польскаго Приказа, после от Белгородскаго Разряда, наконец же от Губернии. Но в 1765 году учреждена была Слободская Украинская Губерния, козачьих их полки с прибавлением, к ним шестаго Слободскаго, переобразованы в платежные гусарские, и Харьков постановлен Губернским городом»¹².

Таким образом, в презентации П. Сумарокова Малороссия получила свою историю только в составе российского государства¹³. Хотя здесь четко видно, что автор путал и отождествлял историю Малороссии со Слободской Украиной. Но, даже судя по вышеприведенному описанию, для него именно казацкое прошлое было характерной чертой истории региона.

Во время второй поездки П. Сумароков смог все-таки осуществить свой ранний замысел – побывать в Тамани и на россий-

⁹ Сумароков П.И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. СПб., 1803. С. 47.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 48.

¹³ Впрочем, такое видение истории Сумароковым характерно и для других регионов – Крыма и Тамани. В нескольких экскурсах в их прошлое Павел Иванович подал его по схеме: античные времена – средневековые (в связи с деятельностью русских князей) – татаро-турецкое господство («пропащие», неисторические времена) – вхождение в состав Российской империи (восстановление исторического процесса).

ско-турецкой границе в Бургасе. Знакомство с Таманью П. Сумароков начал с паланки – «присутственного места, управляющего сим округом»¹⁴, после чего смотрел достопримечательности античных времен, по поводу которых подал пространные исторические экскурсии по привычной для него схеме. Итак, в 1783 г. на Кубани восстановилось течение исторического времени, а в 1792 г. эта «пустая страна», покинутая предыдущими жителями при российском завоевании, была пожалована «за оказанные услуги розсеяным до того по уничтожении Запорожской сечи козакам, которые водворяясь сюда получили себе тогда наименование Черноморских»¹⁵. Далее подавалось изложение прав, привилегий и обязанностей Черноморцев, описание их внутреннего устройства и, на наш взгляд, самое интересное – описание самих Черноморцев:

«Черноморцы ни в чем не отличаются от Малороссиян; у них те же бритые чупы, та же одежда, те же запасы на женщинах, то же наречие, такая же опрятная хата, та же неразторопность, и те же самые обычаи; одним словом, они суть Малоросияне же, только в саблях и ледунках. Правда, что они оказали опыты услуг отечеству; но Донские козаки в наездничестве, храбрости и проворстве возьмут конечно пред ними преимущество. – Тут П. Сумароков сделал следующие примечание: – Нет никакого сомнения, что Черкесы менее нападали бы на сию страну, когда бы здесь Донские козаки обитали»¹⁶.

Наиболее примечательным тут можно считать сравнение боевых качеств черноморских и донских казаков. Совершенно очевидно, что автор не видел «в действии» первых и неизвестно, видел ли вторых. Поэтому создается впечатление, что основой для сравнения была ментальная близость казацких сообществ – донцы были «своими», привычными, а потому и во всем лучше «чужих» малороссов-черноморцев.

Как видим, для П. Сумарокова почти не было никакой разницы между слободскими, запорожскими и черноморскими казаками и малороссиянами в целом. Казацкое прошлое было опреде-

¹⁴ Сумароков П.И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. СПб., 1805. С. 126.

¹⁵ Там же. С. 136.

¹⁶ Там же. С. 139–140.

ляющей чертой истории Малороссии, очертания которой автор также представлял довольно туманно.

«Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова является ярким образцом «сентиментальных путешествий». Автор, в отличие от другого представителя этого жанра, П.И. Шаликова, писания которого А. Толочко метко назвал «почти карикатурным образчиком сентиментализма»¹⁷, смог во время поездки, кроме самого себя, заметить и явления окружающей действительности. Одним из таких «объектов» были малороссы, о характере которых путник, помимо прочего, отметил следующее: «Они помнят, что собственная рука их защищала отечество против бесчисленных врагов и память Хмельницких жива еще в душах их»¹⁸. Малороссийских гетманов В. Измайлов вспомнил во время посещения Успенского собора в Киеве, где «на левой руке от большого входу написаны на стене портреты великих мужей нашего отечества. Великие Князья и Малороссийские Гетманы являются один за другим к великому удовольствию того, кто любит отечество и славные подвиги его сынов»¹⁹.

Первым из гетманов упоминался «тот славной Хмельницкой», который «умел освободить своих соотечественников от ига Польши; ему обязана Малороссия своим спасением. Он достоин признательности народа, и народ, чувствующий сию признательность, достоин такого начальника»²⁰. Следом за Хмельницким В. Измайлов счел нужным назвать князя Острожского, после чего предложил:

«Взглянем с чувством на прочих Князей и Гетманов, которые более или менее благодетельствовали роду человеческому, и будем особливо искать между ими Наливайко, которой также защищал права своих соотечественников перед Поляками с жаром Демосфена и с мужеством Хмельницкаго, хотя, будучи несчастливее сего последнего, он погиб жертвою своего патриотизма. Тщетно будем искать его; – нет сего великаго мужа! но История не может забыть имя его»²¹.

¹⁷ Толочко О.П. Указ. соч. С. 282.

¹⁸ Измайлов В.В. Путешествие в Полуденную Россию. М., 1800. Ч. 1. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 107–108.

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ Там же. С. 108–109.

Забегая вперед, отметим, что В. Измайлов единственный из упомянутых здесь путешественников, для кого гетманы были «великими мужами нашего отечества», а не одной только Малороссии.

Посетив Полтаву, В. Измайлов сделал отметки о её населении: «Малороссияне и козаки жительствоуют здесь по большей части; есть также довольно и Жидов». Причем, в отличие от еврейского населения, казаки, «пребывая в ленности, живут бедно и грубо»²². Очевидно, путешественник считал казаков отдельным народом. По крайней мере, именно так это понял автор анонимной рецензии на произведение В. Измайлова, заметив в «Вестнике Европы» по этому поводу, что «Малороссияне и Козаки суть одне и те же люди в Полтаве»²³. Хотя остается загадкой, почему В. Измайлов не писал слово «козак» с большой буквы, как делал это в случае с другими этнонимами.

Бесспорно, как отдельный народ путешественником воспринимались запорожцы, о которых он упоминал, проезжая степями:

«Там жили козаки, как новые Мальтийские рыцари, не имея жен и воюя против неверных; оттуда они посылали поражать неприятеля; там от руки их погибли миллионы жертв; но победоносное оружие России нашло их в глубине сечи, и варварство покорилось перед Героизмом»²⁴.

Несколько позже В. Измайлов, говоря о развитии животноводства, упоминал «народы в степях кочующие», к которым относил «Калмыков, Запорожцев, Ногайцев и проч.»²⁵.

Интересной в пересказе В. Измайлова является история о нападении на имение швейцарца Фабра, обитавшего вблизи Николаева. Фабр поселился в степях, когда «козаки или Запорожцы производили свои набеги» и в одну из ночей подвергся их нападению²⁶. Вся «изюминка» рассказа состоит в том, что П. Сумаро-

²² *Измайлов В.В.* Указ. соч. С. 255.

²³ [Рец. на:] Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Новое издание, вновь обработанное автором. 4 Ч. Москва, 1805 // Вестник Европы. 1806. Ч. XXV. № 1. С. 50.

²⁴ *Измайлов В.В.* Указ. соч. С. 268–269.

²⁵ Там же. С. 393.

²⁶ Там же. С. 318–319.

ков, посетивший Николаев в 1799 г., тоже рассказывал эту историю, но «налетчиками» выступали в ней турки²⁷.

Таким образом, В. Измайлов воспринимал запорожцев в типично просветительском негативном образе. Однако трудно сказать что-то определенное касательно соотношения в его воображении малороссов, казаков и запорожцев, хотя и создается впечатление, что казаки воспринимались автором как отдельный от малороссов народ. Примечательна также осведомленность автора о гетманах. Его «поиски Наливайка» являются лишним свидетельством желанья увидеть «материализованными» свои представления относительно объекта путешествия.

Отто фон Гуна весьма условно можно назвать российским путешественником. Лифляндский немец, получивший образование в университетах Галле и Геттингена, русским он был лишь по признаку подданства. Но его «Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию» в таком случае представляют дополнительный интерес, поскольку их автор был дистанцирован одновременно и от малороссийского патриотизма, впрочем, как все российские путешественники, и от великорусского²⁸, но вместе с тем был вписан в имперское пространство.

В 1804–1807 гг. О. фон Гун был домашним секретарем у А. Разумовского²⁹. Осенью 1805 г. «решился Граф Разумовский посетить свое там (в Малороссии. – *Д.Ш.*) имение». Это стало причиной того, что О. фон Гун «нимало не медля» отправился в путь³⁰. Как видно из текста, главной целью этого путешественника были меры по улучшению медицинского обеспечения населения в имениях А. Разумовского. Особый «фанатизм» у доктора вызвало дело противооспенных прививок, о которых он вспоминал при малейшем поводе.

²⁷ *Сумароков П.И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии... С. 317.

²⁸ Вполне очевидное отсутствие какого-либо «русского национального чувства» у О. фон Гуна хорошо заметно при описании им орловских крестьян. См.: *Гун О. фон.* Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию: пер. с нем. М., 1806. Ч. 1. С. 29–31.

²⁹ Гун Отто. фон // *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* Т. IXА: Гравилат–Давенант. СПб., 1893. С. 908.

³⁰ *Гун О. фон.* Указ. соч. Ч. 1. С. 5.

В связи с посещением графских имений, О. фон Гун часто писал об их предыдущем владельце, называя его «фельдмаршалом (и/или) графом Разумовским» (см. такие упоминания о Почепе³¹, Батурине, собственности Андрея Разумовского³², Яготине³³). Однако факт гетманства Кирилла Разумовского, с точки зрения немца, был совершенно не стоящим внимания.

Очевидно, не только гетман, но и казачество в целом не заслужило внимания путешественника. Оно лишь дважды упомянуто вскользь. Первое упоминание появляется при описании Батуринской волости, которая «вмещает в себе шесть тысяч крестьян и две тысячи козаков». «Местные казаки как и все помещечьи в Малороссии крестьяне, со времени князя Потемкина дают рекрут. До сего не платили казаки в казну никакой подати, но за то должны были всякой раз, когда потребуется, быть готовыми на службу каждой с двумя лошадьми и со всем оружием»³⁴.

Второй раз, рассказывая о немецких колониях вблизи Бахмача, О. фон Гун просто отметил, что здесь существует шесть «немецких деревень», а кроме того, недавно им отвели еще одну, «жители же той деревни казаки переселились в Екатеринославскую губернию»³⁵.

Описывая свое пребывание в Киеве, О. фон Гун подал, помимо прочего, изложение истории «духовной академии, училищем братским именуемой». Основанная в 1588 г. патриархом Иеремией, «академия сия разрушилась» из-за «возмущения в Малороссии». Но «в 1620 году гетман Малороссийской Петр Сагайдачный возобновил опять и монастырь и училище». Правда, вскоре «война с Польшею и страшныя беспокойства разорили опять сие жилище муз»³⁶.

Этими тремя короткими упоминаниями О. фон Гун и ограничил как прошлое, так и настоящее казацкого сословия. Очевидно, что в Малороссию этот врач ездил не для изучения казацких

³¹ Гун О. фон. Указ. соч. Ч. 1. С. 36, 42.

³² Там же. Ч. 2. С. 22–31.

³³ Там же. С. 49.

³⁴ Там же. С. 31.

³⁵ Там же. С. 34.

³⁶ Там же. С. 121–122.

достопримечательностей. Но такое «невнимание» является довольно интересным, учитывая «список рекомендованной литературы», поданный автором в конце второй части своего произведения для желающих узнать больше об «Украине». Среди прочих книг там названы произведения Г. де Боплана и В. Рубана. Следовательно, О. фон Гун в определенной мере был проинформирован о казачьей истории края, однако она его никоим образом не заинтересовала. В этом случае желание «увидеть читаемое» не сработало. Или, перечислив книги в списке, О. фон Гун их не читал?

Князь И.М. Долгорукий дважды – в 1810 и 1817 гг. – путешествовал по украинским землям, оставив их подробное изложение. Следует признать, что описание первого путешествия полностью соответствует его цели: «Мне вздумалось проехаться: все дома и дома, наскучит и мудрецу... Я решил и поехал с женою и четырьмя домашними товарищами в Одессу... Еду без нужды, без цели, только чтоб ехать»³⁷. Поэтому автор фиксировал, главным образом, именно то, как он ехал – где какого качества дорога, где останавливались, где ночевали, на какой станции какого качества лошади и т. п. Второе путешествие имело уже совсем другую цель – «одне родственные связи, одна чистая благодарность сестре и зятю», отказавшихся от части наследства в пользу племянниц³⁸. Но изложение событий принципиально не изменилось.

Путешествовал И. Долгорукий, главным образом, по землям Малороссии и Новороссии. Уже первые мысли Ивана Михайловича по прибытии в Украину касались казачьего прошлого: «Наконец въехали мы в пределы Украины. Зачал приходить мне на память пан Хмельницкий и Мазепа»³⁹. Но на этом упоминания владимирского губернатора о казачьем прошлом закончились. Во всем тексте первой книги находим еще четыре эпизода, более или менее связанные с казачьей историей – три упоминания имени Мазепы и одно Разумовского и его столицы.

³⁷ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. М., 1870. С. 1.

³⁸ Долгорукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году, соч. кн. Ивана Михайловича Долгорукого // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1870. Кн. 2. С. 1.

³⁹ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 46.

О Мазепе говорилось в связи с посещением киевских достопримечательностей. Так, в Лавре «в одной из соборных церквей над пещерами все приклады от Мазепы»⁴⁰; Пустынно-Николаевский мужской монастырь имеет «храм старинный. Строен Мазепой»⁴¹. Осматривая же Арсенал, путник «с любопытством смотрел на все», и «особенно любовался», среди других вещей, гетманскими булавами: «Все имеет свое время, подумал я; теперь кинь самую богатую из них куда хочешь, а в руках Мазепы, я чаю, не очень близко к ней подходили»⁴².

Князю довелось побывать также в Батурине, минувшее и настоящее которого было изображено очень лаконично: «Батурин – местечко, принадлежащее Разумовским... Здесь некогда была столица Малороссийских гетманов. Фельдмаршал граф Кирилл Григорьевич Разумовский... последние годы жизни провел в Батурине и в нем скончался»⁴³. В тексте описания первого путешествия К. Разумовский именовался или фельдмаршалом, или графом (или, как в цитированном фрагменте, – одновременно обоими титулами). Гетманом же он так и не был назван ни разу.

В описании второго вояжа уже экс-губернатор (освобожден от должности в 1812 г.) несколько расширил презентацию казачьей истории. Прибыв 29 июня в черниговское имение своего зятя В.Л. Селецкого, И. Долгорукий сообщил на следующий день в записях: «Девицы – место большое... в старину жили тут все козаки, и здесь их сотенный дистрикт или округ находился»⁴⁴. В Чернигове, «древнем княжении и старинной столице Малороссии», путешественник имел возможность еще раз вспомнить о Мазепе: «Заметьте еще, что в здешнем краю по селам и городам многие храмы воздвигнуты Мазепой»⁴⁵.

В следующий раз князь обратился к «казацким сюжетам», объясняя (или, вероятно, пересказывая то, как ему объяснили) наличие огромного количества мелкого дворянства в Малороссии:

⁴⁰ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 270.

⁴¹ Там же. С. 281.

⁴² Там же. С. 292.

⁴³ Там же. С. 313.

⁴⁴ Долгорукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году... С. 25.

⁴⁵ Там же. С. 35.

«Здесь с отдаленных времен обитают вольные люди под именем Козаков. Каждый из них в старину имел хату, огород, землю и собственность, которую он возделывал. Труд и прилежание дают деньги, а сии производят средства возвышаться. Многие Козаки, выуча детей своих грамоте, записывали их в Приказное звание. Было время в России, когда легче было попасть в Секретари, нежели обречь гряду земли. Секретарской чин давал право на приобретение имущества, а недвижимое имение присваивало название личного Дворянина, и сим образом Малороссия наполнилась тьмою панов»⁴⁶.

Делясь впечатлениями от посещения Яготина, он сообщил, что «Яготино есть увесилительный замок последнего Гетьмана, Фельдмаршала Разумовского». В дальнейшем рассказе об этом имении еще дважды упомянул Разумовского как гетмана. Все тот же Яготин со своим парком навеял на очарованного его красотой князя и другие «исторические» мысли:

«На него тем приятнее взглянуть, что проехавши... между курганов в близи и в отдалении от дороги, напоминающим проказы Хмельницкаго, Дорошенки и Мазепы, обрадуешья всем сердцем монументу золотых времен, возникших из Малороссийских междуусобий»⁴⁷.

Итак, к списку известных Ивану Михайловичу гетманов добавился еще и П. Дорошенко. Но на этом упоминания о казачестве как историческом феномене закончились. Причину такого невнимания к минувшему краю можно объяснить, во-первых, характером путешественника, его отношением к истории. Оправдывая свой отказ от посещения Крыма в 1810 г., Иван Михайлович рассуждал:

«Не судила мне судьба видеть природу во ужасе в нашей Росийской Португалии; и чего смотреть? Руин древностей! Разве не везде они одинаковы более или менее? Они же и молчат; а история, как сказка: не разберешь, что было в правду, что кстати солгала. О! перед историей виноват я как Фома перед Мессиею: верю тому что слышал от самовидца; а далее что было, Бог ведает»⁴⁸.

⁴⁶ Долгорукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году... С. 44–45.

⁴⁷ Там же. С. 63.

⁴⁸ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 172.

Во-вторых, можно предположить, что дополнительной причиной невнимания к казацкому прошлому является тот факт, что местности, по которым путешествовал автор, были для него не родными. Именно так описал князь свои впечатления от пребывания в Полтаве: «Здесь уже я почитал себя в чужих краях». Причиной было то, что он «перестал понимать язык народный»⁴⁹. Главным город Новороссии он также считал «незнакомым краем для иностранца», поскольку «россиянин в Одессе, конечно, не дома»⁵⁰.

За семь лет с момента первой поездки Малороссия не стала князю роднее. Увидев нетрезвых русских мужиков в Нежине, он обрадовался, размышляя: «И после этого можно ли меня уверить, что я в отечестве своем, когда бываю в Украине, в Курляндии или на Вятке? Нет, все мне чужое за областью той, в которой я явился»⁵¹. И родная – русская – история интересовала И. Долгорукого несколько больше. Детальный разбор изображения князем ее киево-русской составляющей сделал А. Толочко. Однако, можно отметить, что с явным энтузиазмом путешественник упоминал лишь об относительно недавних для него событиях, связанных с Петром I, Екатериной II, Г. Потемкиным, завоеванием Причерноморья, подтверждая тем собственные слова, как о заинтересованности людьми, а не камнями, так и о доверии только к свидетельствам очевидцев. Поэтому возникает подозрение, что упоминания о Мазепе и Разумовском следует рассматривать как связанные в сознании автора с событиями имперской истории. Тогда от всего казацкого прошлого в двух текстах остаются только «пан Хмельницкий» и «Дорошенко», «сотенный дистрикт» Девицы и краткий экскурс по превращению казацкой старшины в дворянство.

Если обратиться к восприятию И. Долгоруким казачества как явления социального, можно констатировать, что «казацкому настоящему» в произведениях князя отведено примерно столько же внимания, как и «казацкому прошлому». Казаки, как и малороссы вообще, почти не вызывали у мемуариста заинтересованности, в отличие от еврейского и польского населения или хотя бы тоpoleй. Описывая свое путешествие 1810 г., князь иногда отме-

⁴⁹ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 64.

⁵⁰ Там же. С. 131–134.

⁵¹ Долгорукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году... С. 55.

чал этнический состав жителей посещенных населенных пунктов. Говоря о Звенигородке, он сообщил, что это «поветовый или уездный город Киевской губернии, населен Жидами и Козаками»⁵², о Умани отметил, что «город наполнен Жидами, много и Хохлов»⁵³. Ведя речь о населении Киевской губернии в целом, автор написал, что «губерния наполнена всяким народом: в ней Поляки, Малороссы (Хохлы) и Россияне»⁵⁴.

Во второй свой приезд в Киев князь, удивленный тем, что судопроизводство в крае производилось на польском языке, отметил: «Не думайте чтоб губерния была населена Поляками: совсем нет! Она состоит в народе из Малороссов, Козаков и вообще, что мы называем, из Хохлов Руссаго Исповедания и Закона»⁵⁵. Таким образом, учитывая описание И. Долгоруким богослужения в Богуславской церкви в 1810 г., когда «один Хохол или Козак, выменявши самую большую свечу, разсудил с ней стоять во время службы»⁵⁶, или упоминание о надворном советнике, который во время ночевки в Девицах докучал всем присутствующим бесконечными рассказами об алебастре и был «здешняго местечка природный Козак»⁵⁷, создается впечатление, что слова «Малоросс (Хохол)» и «Козак», воспринимались автором как понятия, выражающие этническую, а не социальную разницу. Правда, на таком ограниченном материале трудно сказать точнее о соотношении социального и этнического в представлениях И. Долгорукого.

Прочие упоминания о казацком сословии были такими же беглыми. Так, пребывая в Малороссии и на Правобережье в 1810 г., И. Долгорукий отмечал, что в Решетилровке «поселено в последние военные годы до 5 тысяч Козаков, кои принадлежат Казне»⁵⁸, или что «за две станции от Кременчуга Голова тутошняго селения непременно хотел, чтобы нас сопровождали верхом два Ко-

⁵² Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 211. Правда, остается непонятным, откуда в тот период там, как и в Киевской губернии в целом, могли взяться Козаки (если иметь в виду их как социальную группу).

⁵³ Там же. С. 217.

⁵⁴ Там же. С. 261.

⁵⁵ Долгорукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году... С. 99.

⁵⁶ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 252.

⁵⁷ Долгорукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году... С. 181.

⁵⁸ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 89.

зака»⁵⁹. В 1817 г., кроме уже приведенных примеров, о казаках было упомянуто лишь дважды. 25 июня князь писал: «Ночевали в большом селе Тулиголов. Здесь обитают Козаки»⁶⁰. А на следующий день в Алтыновке И. Долгорукий с удивлением услышал, что здесь «очень много Козаков, едва знающих грамоте, преимущественно перед студентами богословия, ставятся в дьяконы, и даже в попы, из уважения местного владыки к ходатайству помещиков»⁶¹.

Этими короткими упоминаниями князь ограничил в своих произведениях изображение казачества как социальной группы⁶². Однако, интересно отметить, что в первой книге кроме «козаков» встречаются (исключительно в Новороссии) еще и «казаки»: близ Александрии, когда в экипаже князя понесли кони, «Казак, <...> ехавший перед нами, поворотил назад, врезался в нашу четверню, смял лошадей, и тем остановил коляску»⁶³; «Полк Казаков, который по берегу Днестра держит кордон вплоть до Херсона»⁶⁴; «Казак и Офицер Казацкий», вместе с князем переправлявшиеся через Буг на пароме⁶⁵. Находясь в Новомиргороде и говоря о Вознесенской губернии, путешественник отмечал, что «губернский ея город хотя и назначен был в Вознесенске, посреди области Бугских Казаков, но до отстройки того места, все гражданское его сословие поселилось в Новомиргороде»⁶⁶. Очевидно, что под казаками И. Долгорукий имел в виду людей, находившихся на действительной службе в казачьих частях, в то время как козаками для него были жители Малороссии. Правда, полной уверенности, что именно князь был автором такого терминологического разграничения, нет. Его тексты известны в списках 1820-х гг., писанных несколькими писцами. Не исключена и возможность редакторской правки О. Бодянского при подготовке к публикации. Однако, в любом случае имеем интересный пример терминологи-

⁵⁹ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 90.

⁶⁰ Долгорукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году... С. 20.

⁶¹ Там же. С. 21.

⁶² Три другие упоминания слова «козак», содержащиеся в тексте второй книги, непосредственно к казачеству как явлению не относятся.

⁶³ Долгорукий И.М. Славны бубны за горами... С. 99.

⁶⁴ Там же. С. 147.

⁶⁵ Там же. С. 178–179.

⁶⁶ Там же. С. 207.

ческого размежевания, не характерного для других текстов того времени.

Итак, казачество не вызвало у Ивана Михайловича никакого интереса. Правда, причины такого невнимания не совсем понятны. Вряд ли для жителя Москвы украинские казаки были явлением более привычным, чем поляки, евреи или тополя. Возможно, мемуарист воспринимал казаков как часть малороссов, поэтому внимание, уделенное для описания характера и элементов быта народа в целом, касалось и казаков. Но в таком случае непонятны вышеприведенные отдельные упоминания хохлов-малороссов и козаков.

Таким образом, обратившись к восприятию российскими путешественниками начала XIX в. украинского казачества, можно отметить почти полное отсутствие интереса к казачьей истории и современному состоянию казаков. Такое «невнимание» к данным сюжетам может быть объяснено несформированностью стереотипов и нечеткостью представлений в российском обществе об украинском казачестве. Если в общих описаниях малороссов и Малороссии путешественники почти единодушны относительно определений, то в отношении казаков такое единодушие отсутствует. Это касается и этнической принадлежности казаков: их то полностью смешивали с малороссиянами (Сумароков), то видели отдельным народом (Долгоруков, Измайлов). В любом случае, путешественники воспринимали казаков как отдельную категорию жителей региона. Подобное можно констатировать и относительно запорожцев, которые считались или же малороссами, или же отдельным народом. Некоторую солидарность авторов трювелогов можно отметить только в восприятии прошлого края, которое связывалось именно с казацкой историей. Однако представления о ней были крайне фрагментарными.

Отношения В.И. Вернадского и А.Е. Крымского как зеркало жизни интеллигенции

Рассматривается жизнь интеллигенции сквозь призму отношений и переписки двух ученых-академиков В.И. Вернадского и А.Е. Крымского.

Ключевые слова: Владимир Вернадский, Агатангел Крымский, интеллигенция, Украинская академия наук, корреспонденция.

N.V. Budzanivska

Relations of Vladimir Vernadsky and Agatangel Crimean as a mirror of life of intelligentsia

Lives of intelligentsia are examined, through the prism of relations and correspondence of two scientists of academicians UAN of Vladimir Vernadsky and Agatangel Crimean.

Keywords: Vladimir Vernadsky, Agatangel Crimean, intelligentsia, Ukrainian academy of sciences, correspondence.

Находясь в Украине в 1917–1921 гг. Владимир Вернадский общался со многими украинскими учеными. После создания Украинской академии наук, которую В. Вернадский возглавил, Агатангел Крымский занял должность неперемного секретаря. Именно благодаря этому В. Вернадский и А. Крымский получили возможность более тесного общения. В дальнейшем переписка двух известных ученых дает представление о том, как жила интеллигенция в то время.

Интеллигенция 1917–1921 гг. была в центре внимания таких исследователей, как В. Верстюк¹, Р. Пыриг², Т. Осташко³,

© Н.В. Будзанивская, 2014

¹ *Верстюк В. М.П.* Василенко: ходіння у владу (громадсько-політична та урядова діяльність 1917–1918 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2007. № 16. С. 116–133.

² *Пыриг Р.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. Київ, 2011. 336 с.

³ *Осташко Т.С.* З історії літературно-мистецького життя в Україні за часів Центральної Ради // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 24–38.

Е. Бойко⁴, В. Даниленко⁵, Г. Касьянов⁶, О. Коляструк⁷ и др. Источниками статьи является переписка В. Вернадского и А. Крымского⁸, воспоминания историка Н. Полонской-Василенко⁹, а также архивные материалы.

В. Вернадский и А. Крымский познакомились осенью 1904 г. в Москве на квартире у В. Вернадского, где происходило собрание представителей всех высших школ Москвы, на котором решались проблемы высших школ и их забастовок. После совещания А. Крымскому предложили остаться на обед с семьей В. Вернадского. Постепенно между учеными установились теплые дружеские отношения. По словам А. Крымского, в В. Вернадском его «...пленила твердая осознанность общественной обязанности, умение выполнять помимо научных дел также общественные обязанности... умение сочетать горячую любовь к научным, кабинетным занятиям со способностью, например, поехать на земские собрания в Моршанск или Тамбов...»¹⁰.

В. Вернадский принадлежал к либеральной российской интеллигенции, тогда как А. Крымский был представителем украинской демократической интеллигенции. Как отмечает Елена Бойко, «русская интеллигенция, проживающая в Украине, относилась к украинскому национальному движению преимущественно негативно... Часть российской интеллигенции, которая разделяла взгляды кадетов, в большинстве своем относилась отрицательно не только к самой идее автономной Украины, но и к развернув-

⁴ Бойко О.Д. Українська інтелігенція в пошуках шляхів національного самовизначення (1917–1920 рр.) // Історичні зошити: Шляхи до української державності. 1992. № 1. С. 2–18.

⁵ Даниленко В.М. В. Вернадський про українсько-російські відносини // Україна дипломатична. Науковий щорічник. Вип. 5. Київ, 2005. С. 605–616; Даниленко В.М., Касьянов Г.В. Сталінізм і українська інтелігенція (20–30-ті роки). Київ, 1991. 96 с.

⁶ Касьянов Г.В. Українська інтелігенція 1920–30-х років: соціальний портрет та історична доля. Київ, 1992. 176 с.

⁷ Коляструк О.А. Інтелігенція УСРР у 1920-ті роки: повсякденне життя / відповідальний редактор В.М. Даниленко. Харків, 2010. 386 с.

⁸ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской, 1909–1940 / отв. ред. Б.В. Левшин; сост. Н.Ф. Филиппова, В.С. Чесноков. М., 2007. 299 с.; Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890–1941). Т. II. 1918–1941. Київ, 2005. 360 с.

⁹ Полонська-Василенко Н. Спогади. Київ, 2011. 591 с.

¹⁰ Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. II. С. 248.

шемуся национально-культурному строительству, и к делу украинизации народного образования и других сфер общественной жизни»¹¹. Таким образом, взгляды этих двух ученых, в частности на украинский язык, различались.

3 июня 1918 г. В. Вернадский написал письмо А. Крымскому, в котором подчеркивал важность создания Академии наук и с точки зрения украинского возрождения, которое для В. Вернадского «всегда было дорогим», и с точки зрения общечеловеческой – как создание крупного научного и исследовательского центра. Ученый приглашал А. Крымского быстрее приобщиться к работе в Комиссии по созданию Украинской Академии наук (далее – УАН), «несмотря на частичные неизбежные различия между ними»¹². В. Вернадский в организационной работе по созданию УАН не мог обойтись без А. Крымского. Так, в письме от 23 июня того же года он обращался к А. Крымскому с просьбой срочно приехать, поскольку в текущих вопросах остро ощущал отсутствие ученого, иногда трудно находя общий язык по тем или иным вопросам.

Объединяло В. Вернадского и А. Крымского участие в «группе “автономистов-федералистов”»¹³.

Следует отметить, что пребывание В. Вернадского в Украине, а особенно его участие в организации УАН радостно приветствовало научное сообщество. Е. Перфецкий в письме к А. Крымскому писал, что «до приезда Владимира Ивановича Вернадского здесь (в Украине. – *Н.Б.*) совсем замерла научная жизнь... С приездом академика работа закипела и так хорошо пошла...»¹⁴. И вновь раздаются призывы к А. Крымскому как можно скорее приехать в Киев: «...создается Великая Украина, – а в ней такая Величественная и Святая Наука начинает пробивать себе безграничный путь! Наша украинская Наука, наша родная Академия Наук!...»¹⁵

В ноябре 1918 г. была торжественно открыта УАН, которую возглавил В. Вернадский, а А. Крымский стал непременным секретарем УАН. Имеем смелость утверждать, что оба ученых допол-

¹¹ *Бойко О.Д.* Указ. соч. С. 5–6.

¹² Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. II. С. 3.

¹³ Інститут архівознавства НБУВ. Ф. 34. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 13.

¹⁴ Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. II. С. 5.

¹⁵ Там же.

няли друг друга и слаженно работали в период становления УАН именно благодаря энергичности и взаимопониманию, несмотря на различие видения общественных проблем.

Об условиях, в которых работали ученые в то время, красноречиво свидетельствуют слова В. Вернадского, помещенные в работе В. Лейкиной-Свирской: «Они проводили свою научную работу вопреки государственной организации, при отсутствии самых элементарных условий общественной безопасности. Они стали при этом рядом, как равные по силе, со своими товарищами с Запада и за океаном...»¹⁶

Частые смены власти в Украине на протяжении 1918–1921 гг. непосредственно сказывались на деятельности УАН. Входя в Киев, новые власти (например Директория, А. Деникин) одним из первых своих шагов подчеркивали негативное отношение к УАН. В. Вернадский, А. Крымский и другие ученые, как могли, защищали свое детище.

В 1920 г. В. Вернадский отправился в Крым, где начался новый период его жизни. В это время он размышлял об украинском возрождении, русской культуре и роли русской интеллигенции. Так, в симферопольской газете «Наша сила» от 17–18 марта 1920 г. была помещена его статья «Две опасности». В частности, в ней – размышления ученого о жизни в водовороте мировых событий, которые ученый сравнивал с условиями жизни в средние века. Также – убеждение, что прочную и надежную опору в таких условиях можно найти только в своей собственной духовной силе и своей личности. Ученый, говоря о русской культуре, выражает мнение об опасности уничтожения культуры и интеллигенции. А другой опасностью, по мнению ученого, было превращение русской культуры в великорусскую.

«...В непрерывной творческой работе для русской культуры – в области науки, искусства, мысли, религии, быта – мы все находим тот элемент единства, который сдерживает и объединяет государственное тело нашей Родины, что разрушается»¹⁷.

¹⁶ Лейкина-Свирская В.П. Русская интеллигенция в 1900–1971 годах. М., 1981. С. 91.

¹⁷ Володимир Іванович Вернадський і Україна. Т. 1. Кн. 2: Володимир Іванович Вернадський. Вибрані праці / НАН України, НБУВ, Інститут історії

Выход из положения ученый видел таким образом: «...Нужно понять, что украинская культура и украинское возрождение не является чем-нибудь нам чуждым... что это – новое и своеобразное проявление культурной работы того же единого русского племени. Оно вполне и целиком соединено и совместно с русской культурой, которая является общим образованием всех ветвей русского племени в России, оно является логическим следствием полностью ее развития»¹⁸.

В. Вернадский предлагал признать в украинской культуре свое родное и, связав ее с русской культурой, поднять русскую культуру еще выше, как мировую ценность, вместо того, чтобы начинать борьбу с украинским возрождением. Эти задачи ученый возлагал на русскую интеллигенцию.

Как видим, В. Вернадский размышлял над проблемами украинской и русской культур, задумывался о роли интеллигенции, однако оставался на своих позициях представителя российской либеральной интеллигенции.

В это же время А. Крымский оставался непременным секретарем УАН. В. Вернадский, переписываясь с ним, постоянно интересовался делами Академии.

24 апреля 1921 года А. Крымский написал письмо В. Вернадскому, в котором рассказывал о реформировании Украинской Академии. Также он сообщал В. Вернадскому о том, что тот остается академиком УАН без жалования, так как ученый в то время уже не жил в Киеве, а находился в Петрограде, и говорил, что В. Вернадский может вернуться в Киев, когда пожелает, и «вступить во все свои права уже с оплатой»¹⁹.

Уже 11 мая 1921 г. В. Вернадский из Петрограда направил письмо А. Крымскому, написанное на украинском языке. В нем ученый жаловался на тяжелые условия жизни: «Здесь очень грустно и ближайшие времена будут смутные. Никто не знает как будет возможно провести зиму...» – и далее сообщал, что работает

України, Комісія НАНУ з наукової спадщини академіка В.І. Вернадського; ред. кол.: А.Г. Загородній, О.С. Онищенко (голова), В.А. Смолій [та ін.]; уклад.: О.С. Онищенко, В.М. Даниленко, Л.А. Дубровіна [та ін.]. Київ, 2011. С. 250.

¹⁸ Там же. С. 250–251.

¹⁹ Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. II. С. 28.

над трудом всей жизни. И опять-таки В. Вернадского интересуют дела Академии: «Вы знаете как мне дорога Академия и Библиотека и все, что касается роста близкого мне украинского культурного возрождения...»²⁰

Следующее письмо В. Вернадский прислал А. Крымскому из Парижа 3 октября 1923 г. И вновь ученый пишет на украинском языке, хотя извиняется перед А. Крымским за ошибки, ибо писал письма без помощи дочери, находящейся в Праге. В письме – желание В. Вернадского посетить Киев, увидеть «всех и дорогую мне Академию и Библиотеку»²¹.

18 сентября 1924 г. В. Вернадский прислал новое письмо А. Крымскому. Ученый благодарил за посланное ему «Звідомлення ВУАН» – первое известие из Академии, которое «подняло в... душе все воспоминания о хороших временах... когда началась работа Академии». Перечитав его он погрузился в воспоминания о сделанном, и о том, что Академия оставалась мощной научной организацией²². Ученый переживал, сотрудничает ли Академия наук с Францией, где он в то время находился, и спрашивал, может ли он что-то сделать для Академии.

22 марта 1926 г. из Ленинграда В. Вернадский прислал очередное письмо А. Крымскому. В нем была просьба ученого помочь Полтавскому музею. В. Вернадский чрезвычайно интересовался судьбой музея, его собранием и спрашивал А. Крымского, может ли УАН поспособствовать его сохранению. И снова звучат в письме слова В. Вернадского о том, что для него «...и Украина, и Киев и Украинская Академия дорогие и близкие, слились с моей старой личностью»²³.

По каким-то причинам, возможно из-за занятости, А. Крымский временно не отвечал на письма В. Вернадского. Однако, впоследствии общение двух ученых посредством переписки продолжилось. 21 сентября 1926 г. В. Вернадский из Ленинграда написал письмо А. Крымскому, где сообщал о намерении посетить Киев 30 сентября, куда он ехал на Геологический съезд. Стремился уче-

²⁰ Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. II. С. 29.

²¹ Там же. С. 58.

²² Там же. С. 97.

²³ Там же. С. 140.

ный увидеть А. Крымского и Академию²⁴. Владимир Иванович посетил Киев, однако не встретился с А. Крымским. В свою очередь А. Крымский направил письмо В. Вернадскому 9 декабря 1926 г., в котором выражал сожаление, что не встретился с ним. Хотя и принадлежали эти два ученых: один – к либеральной российской интеллигенции, а другой – к украинской, – они имели общее видение на устройство Академии и оба ненавидели разного рода нетерпимость, настаивая на толерантности. Так, А. Крымский отмечал в письме к В. Вернадскому, что Академия жила в духе, который начертил Владимир Иванович, «в духе терпимости к ученым русской нации, в духе бережного отношения и благодарности к тем неукраинцам, которые вошли в состав Академии и работают на пользу украинской науки»²⁵. Также А. Крымский отмечал, что в политической неблагонадежности обвиняются украинские ученые – С. Ефремов, Н. Василенко, – что в обществе царит атмосфера клеветы. Все это негативно влияло на ученого, который при таких условиях намеревался покинуть и Академию, и Киев. Далее ученый просил В. Вернадского прислать статью в сборник к юбилею Д. Багаля, которую собирались поместить в начале сборника, что виделось А. Крымскому как демонстрация «...общности... и органического развития... академической традиции в непрерывном духе»²⁶. Несмотря на просьбы А. Крымского, В. Вернадский не дал статью в сборник, посвященный Д. Багалию, объяснив это неприятием поступков и высказываний последнего и сославшись на занятость²⁷.

В письме В. Вернадского к А. Крымскому от 13 марта 1927 г. В. Вернадский был обеспокоен судьбой Геологического музея Киевского университета.

18 октября 1930 г. А. Крымский направил письмо В. Вернадскому из Звенигородки. Из него мы имеем возможность узнать о тяжелом положении ученого. «Я в катастрофическом положении, и не каждый день обедаю, а на билет денег... нельзя достать»²⁸.

²⁴ Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. II. С. 146.

²⁵ Там же. С. 154.

²⁶ Там же. С. 155.

²⁷ Там же. С. 157–158.

²⁸ Там же. С. 232.

В это время А. Крымского постигла судьба многих ученых, обвинявшихся властью по делу СВУ²⁹ – организации, которой, как теперь доказано историками, не существовало. Был сослан приемный сын А. Крымского, судьба которого ученому была неизвестна. Тяжелое положение представителей интеллигенции описано в этом письме. Цвет нации – люди, служившие науке и ее развитию несмотря ни на что – страдали от голода и тяжелых условий жизни. «Не знаю, как у вас в Петербурге, а у нас на Украине люди, собравшись, не имеют другой темы для разговора, кроме жалоб на отсутствие еды... на ужас замерзнуть в нетопленном доме, простудиться на улице из-за отсутствия подошв в обуви или теплой одежды и т. д. <...> Не жизнь, а сплошной позор...»³⁰

Тяжелым было положение интеллигенции в это время, ведь на 1920–1930-е гг. приходится время «перевоспитания» украинской интеллигенции на советскую. Все это делалось посредством репрессий и унижений. Власть с недоверием относилась к представителям украинской культуры и науки, видя в них угрозу своей национальной политики, направленной на уничтожение всего национального. Вот и в письме А. Крымского читаем строки, наполненные безысходностью и отчаянием. Положение же В. Вернадского было другим. Несмотря на унижительный обыск в Петрограде в 1921 г. он властью почитался и жил в гораздо лучших условиях. Так, в письме к украинскому историку Н. Полонской-Василенко от 5 октября 1937 г. А. Крымский, получив переводом от нее деньги, пишет о том, что теперь может «почувствовать себя человеком с человеческим достоинством». «Теперь я Владимиру Ивановичу могу письмо отписать»³¹, – он объяснил, что по психологическим причинам ему было трудно общаться с В. Вернадским именно из-за разницы в условиях жизни и труда обоих ученых. В. Вернадский мог углубляться в науку и «работать среди полного материального обеспечения», в отличие от А. Крымского, жившего в нужде и лишениях. Правда, в своих письмах В. Вернад-

²⁹ СВУ – Союз освобождения Украины, членами которого были признаны представители интеллигенции. В 1930-е гг. власть обвиняла их в создании этой организации, организовав политический процесс.

³⁰ Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. II. С. 233.

³¹ Там же. С. 244.

ский всегда с оптимизмом смотрел в будущее и старался всячески подбадривать А. Крымского, однако и оптимизм ученого был, по словам А. Крымского, «чужой, даже оскорбительный».

Уже 7 октября А. Крымский пишет из Звенигородки письмо В. Вернадскому, в котором объясняет, почему так долго не отвечал. Из него мы имеем возможность узнать о повседневной жизни интеллигенции. Так, А. Крымский называет свою жизнь «унизительной» из-за недостатка средств на обычные потребности себя и своей семьи: «Что я мог бы продать, чтобы починить обувь и лохмотья, не забирая пищи изо рта у себя и своих домашних?» Продолжает ученый писать о пяти годах нищеты, в которых он жил. В это время академиком повысили зарплату – «мне отправлено 600 руб. за полмесяца...» и А. Крымский перечислял В. Вернадскому, какую «роскошь» он мог теперь себе позволить: «Купил на зиму картофель... куплю и метра 2 дров... Роскошь!»³² Здесь же – вера ученого в возможность заниматься наукой в лучших условиях и вместе с тем мысль о том, что другим ученым в это время жилось еще хуже. Как пример А. Крымский приводил жизнь филолога профессора Калиновича, который работал сидя за столом в валенках и пальто, а в комнате в это время было 2° тепла. В течение полугода не было в продаже хлеба и муки, затем хлеб ученому привозили из Киева водители, однако в сентябре 1937 г. хлеб стали печь. Перечисляя В. Вернадскому некоторые перипетии своей жизни, А. Крымский все же отмечал: «Но ко всем этим гримасам жизни я всегда относился абсолютно безразлично, и они мне не портили настроения...»³³ В кругах интеллигенции в это время царило ощущение угрозы новой войны, о чем узнаем из письма, как и о ужасе А. Крымского, который надеется, что «...пойти на новую мировую бойню люди не рискнут».

В. Вернадский всегда старался помочь ученым, которых преследовала власть. Так, находясь в Крыму в 1920 г., он прилагал много усилий, чтобы спасти нескольких ученых Таврического университета, в котором работал, от казни. Волновала его также судьба учеников. Зная его авторитет у власти, А. Крымский, обращаясь к В. Вернадскому, просил его помочь семье Черняховских в связи

³² Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. II. С. 246.

³³ Там же. С. 247.

с тем, что им была неизвестна судьба их дочери Вероники (как отмечает Н. Полонская-Василенко в своих «Воспоминаниях», ее послали, на тот момент родители ничего о ней не знали).

Ученые интересовались научными работами друг друга. В 1940 г. состоялась встреча А. Крымского и В. Вернадского в Москве. Из письма можем узнать о лекции, прочитанной В. Вернадским А. Крымскому на тему науки. А. Крымский, будучи филологом, прочитал труд В. Вернадского о радиации и в нем он не очень разобрался, но его поразили мысли ученого «о зарождении совершенно иной науки, новых ее путей». Также речь между учеными шла о политике большевиков, о заботе советской власти об ученых. Сеем высказать мнение, что диалог двух ученых на эту тему выглядит несколько странным, ведь в письме к жене В. Вернадский 13 сентября 1940 г. писал: «...Очень тяжелый развал, который наблюдается вокруг. Н. Вавилов арестован по “политическому” делу. Это тоже проявление разрухи и гниения. Человек в полном расцвете сил и наибольший ученый-агроном в нашей стране с огромными достижениями для страны»³⁴. Напрашивается вопрос, о какой заботе советской власти шел разговор двух представителей интеллигенции, которые видели все, что происходило вокруг?

Владимир Вернадский действительно чувствовал эту заботу, чего не можем сказать об Агатангеле Крымском. Действительно, советская власть обещала отметить его 70-летие очень торжественно, провести общее собрание Академии наук и даже создать в Киеве Институт востоковедения. В это время условия жизни А. Крымского вновь ухудшились, землетрясением были повреждены стены в его квартире в Киеве, где зимой было очень холодно, в результате чего ученый болел и ждал с нетерпением прихода весны.

Несмотря ни на что, А. Крымский занимался памятью о М. Драгоманове и говорил В. Вернадскому, что он мог бы помочь сыну М. Драгоманова в его работе. Однако тенденции в исторической науке, которая отвергала достижения и труды целой плеяды ученых и замалчивала их роль в истории, усиливались.

В 1940 г. проходили чествования деятелей интеллигенции, например юбилей М. Старицкого, что, по словам А. Крымского,

³⁴ Вернадский В.И. Указ. соч. С. 264.

«5 лет назад было бы невозможно». О праздновании столетия со дня рождения М. Старицкого на государственном уровне пишет в своих воспоминаниях Н. Полонская-Василенко. Ее видение изменений в отношении власти к деятелям украинской культуры отличается от убеждений А. Крымского: «...советское правительство начало принимать меры, чтобы пышно, торжественно отметить это событие, продемонстрировать перед всем миром, как в Советском Союзе уважают “наших” деятелей... в связи с объединением Украины»³⁵. Власть обратилась лично к Л. Старицкой-Черняхивской по поводу юбилея М. Старицкого и предлагала свою помощь в решении любых вопросов. Это выглядит проявлением двойной морали и жестокой политики власти большевиков по отношению к украинской интеллигенции, ведь вся ее семья этой же самой властью была разрушена. И все, чего хотела Л. Старицкая-Черняхивская – это найти пропавшую дочь. На юбилее, о котором упоминает А. Крымский в письме к В. Вернадскому, она присутствовала. Это – пример «заботы» власти об интеллигенции. Понимал ли это А. Крымский, семью которого и его самого очень скоро постигнет такая же судьба? А пока он считал, что «обруси-тельная тенденция прекратилась не только на язык и его характер, но и на взгляд на роль старых украинцев».

В. Вернадского очень интересовала и беспокоила судьба А. Крымского, который исчез. Ученый надеялся, что А. Крымский выехал в Уфу, куда в июле 1941 г. была эвакуирована Академия наук, однако «он уехал, но никуда не приехал»³⁶. В «Воспоминаниях» Н. Полонской-Василенко вероятной датой исчезновения ученого называется лето 1941 г.

Уже в 1990 г. из ответа на запрос Института литературы им. А. Потебни АН УССР о месте гибели А. Крымского удалось узнать год смерти ученого.

В институте архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского в документе упоминается, что умер А. Крымский «...на 72 году жизни... 25 января 1942 года. Данных о месте захоронения КГБ не имеет»³⁷.

³⁵ Полонська-Василенко Н. Указ. соч. С. 406.

³⁶ Там же. С. 473.

³⁷ Институт архівознавства НБУВ. Ф. 257. Оп. 7. Спр. 10. Арк. 2.

Очень теплыми были личные встречи В. Вернадского и А. Крымского. Даже с личной жизнью А. Крымского был осведомлен В. Вернадский, с его несчастливой любовью.

6 мая 1939 г., находясь на конференции по биохимии в Киеве, В. Вернадский встретился с А. Крымским в его квартире на шестом этаже. Свои впечатления от встречи ученый записал в письме к жене: «Постарел, но сохранил и духовную силу и работоспособность. Сейчас положение его несколько лучше. Его признают как ученого и ценят – это улучшило и его материальное положение. Сыну его 10 лет... учится...»³⁸

Подытоживая, можем сказать, что В. Вернадский и А. Крымский внесли огромный вклад в сокровищницу культуры и науки. Познакомившись в 1904 г., они всю жизнь сохраняли теплые отношения, поддерживая друг друга. Их самоотверженный труд увенчался открытием Украинской Академии наук в 1918 г. Они имели разные мировоззрения, однако в одном были единодушны – назначении науки в обществе.

Если В. Вернадский был принят новой советской властью, то А. Крымский, как представитель старой интеллигенции, несмотря на символическую заботу власти в последние годы своей жизни (в январе 1941 г. на государственном уровне отмечалось его 70-летие, по случаю чего он получил орден В. Ленина), оставался чужим для власти и как и многие другие представители украинской интеллигенции подвергся преследованиям и репрессиям.

Место ученых в научном и общественном социуме также было различным: если В. Вернадский почитался и уважался советской властью, то А. Крымский «вернулся» в сокровищницу украинской культуры из забвения только после обретения Украиной независимости.

³⁸ *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 248.

З.А. Чеканцева

Историки, история и память в современной Франции*

Автор, размышляя о реабилитации субъектности историка, рассмотрев отношения между историей / памятью и рефлексивном повороте во Франции, показывает, что важнейшей составляющей исторической дисциплины сегодня оказывается дискурс о практике, позволяющей историку решать исследовательские задачи. При этом центральной темой исторической эпистемологии являются взаимоотношения между временем, памятью и историей.

Ключевые слова: история как наука, субъектность историка, память и история, режим историчности, презентизм, рефлексивный поворот.

Z.A. Chekantseva

Historians, History and Memory in Modern France

How to write history in a society that no longer trusts it? What is the significance of professional activity of a modern historian? French historians responding to the time challenges are active in searching the answers to these questions for themselves and for the public. In this case, the relationship between time, memory and history are the focus of historical epistemology.

Keywords: history as a science, subjectivity of the historian, memory and history, the regime of historicity, presenteeism, a reflexive turn.

Приступая к познанию истории, познай историка.
Эдвард Карр

Во Франции Республика и История как наука нераздельно связаны с конца XIX в. Возможно, поэтому последняя поставлена здесь на основательный политический и интеллектуальный пьедестал, каким не может похвалиться ни одна страна мира. История пронизывает во Франции все: повседневность, политику, культуру. Она неотделима от потребности в идентификации и конкретного

© З.А. Чеканцева, 2014

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-01-00418а.

гражданина, и профессионального сообщества, и страны. Однако судьба этой «французской страсти» отнюдь не случайность, но результат выбора: «бои за историю» – постоянная составляющая интеллектуальной и профессиональной жизни французского исторического сообщества. Драматургия этих «боев» во многом обусловлена природой исторического познания и свойственной историкам способностью улавливать суть происходящих изменений¹.

Что происходит сегодня с историей? Для чего она нужна? Кто такой историк? В чем смысл его профессиональной деятельности? Эти вопросы интенсивно обсуждаются не только в профессиональном сообществе, но и в социуме не одно десятилетие. В итоге стало ясно, что в историю уже больше не верят так, как верили в XIX в. Грандиозная историческая теология, управляющая миром, ушла в прошлое. При этом историки первыми попали в зону подозрения уже потому, что сами проблематизировали статус истории как науки, убедительно обосновав апористичность исторического познания. Одной из главных причин этой перемены называют изменение «режима историчности»² и связанное с этим «мемориальное движение», которое захлестнуло Францию в 1970–1980-е гг.³ и заставило историков «ввязаться в драку»⁴.

Если до конца XVIII в. в модусной триаде времени – прошлое, настоящее, будущее – людей интересовало прежде всего прошлое, то на рубеже XVIII–XIX вв. темпоральной основой мировосприятия стал футуризм, пропитавший собой все, в том числе научную деятельность. Однако в прошлом веке вера в будущее вместе с верой в прогресс постепенно была вытеснена вездесущим и самодостаточным настоящим. Франсуа Артог, автор этой объяснительной схемы, подчеркивает, что она представляет собой вариант идеального типа, позволяющий прояснить кризисные моменты в «порядке времени», когда теряют очевидность привыч-

¹ «Способность к восприятию живого поистине главное качество историка». – Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 230.

² Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. Paris, 2003.

³ Joutard Ph. Histoire et mémoires, conflits et alliance. La Découverte. Collection Ecriture de l'histoire. Paris, 2013.

⁴ Prochasson Ch. L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée. Paris, 2008.

ные сочленения прошлого / настоящего / будущего. Однако историки (и не только они) приняли этот новый инструмент познания всерьез, и это позволяет многое понять в стремительно меняющемся мире. Разумеется, «мемориальная волна», породившая в условиях презентизма конкуренцию между историей и памятью, научной историей и мемориальной историей социальных групп, явление не только французское⁵, но именно французские историки на вызовы, связанные с ней, сумели найти убедительные ответы. В последние три десятка лет они пережили немало других потрясений, среди которых «эпистемологический шок» лингвистического поворота, утверждение гендерной истории, культурный, социологический, пространственный, прагматический повороты, трансформация культуральных исследований, реконфигурации истории глобальной и др. Все эти перемены оставили свой след в исторической дисциплине. В данном тексте речь пойдет о трех важнейших новациях последних десятилетий: реабилитации субъектности историка, пересмотре отношений между историей и памятью, рефлексивном повороте *à la française*.

Мысль о том, что историки не имеют монополии на историческое сознание, сегодня признана всеми. Поэтому, чтобы представить современное историческое сообщество, производящее новое историческое знание, надо учитывать состояние «популярной истории», историческое потребление и распространение исторической информации в масс-медиа. Медиатизация меняет правила игры на интеллектуальном рынке и влияет на систему ценностей в сфере научного производства. Сотрудничество историка с масс-медиа стало составной частью профессиональной компетенции современного историка⁶.

⁵ *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html>.

⁶ Французские историки активно используют новые информационные возможности для распространения результатов своих исследований и просвещения широкой публики. В Интернете существует огромное количество специальных сайтов, которые систематически обновляются. В сети публикуются не только статьи, рецензии, базы данных, материалы многочисленных научных мероприятий, лекции, обзоры, но и монографии. Осваивая виртуальное пространство распространения исторических знаний, профессиональные историки и преподаватели истории размышляют о возникающих при этом теоретических проблемах –

Проблема идентичности историка, актуализированная мемориальным натиском, стала предметом обстоятельной дискуссии внутри французского исторического сообщества в 1980–1990-е гг. В последнее десятилетие она приобрела статус одной из важнейших социальных проблем. Эта «драматизация» связана не только с продолжающимся наступлением памяти, но и с конфронтацией историков с журналистскими подходами к материалу, а также с вторжением в поле истории законодателей и политиков⁷.

В ходе продолжительных дебатов о том, кто такой историк, как становятся историком, французские ученые пришли к заключению, что в идеале историк не должен быть ни судьей, ни журналистом, ни экспертом, ни жертвой, ни свидетелем. Устаревшим представляется также образ ученого-эрудита, специалиста по конкретному историческому периоду (не имеет значения, какому именно), проводящего большую часть жизни в пыли архивов / библиотек и не склонного покидать свою башню из слоновой кости⁸. «Историк – часть настоящего времени, – пишет Ф. Артог, – он может лучше видеть прошлое, поскольку умеет обращаться со своим собственным настоящим. Я бы назвал историка путешественником, который совершает разезды между прошлым и настоящим. Его путешествия представляют собой повторяющуюся схему уходов и возвращений. Этим действием он создает перспективу, которая постоянно повторяется и никогда не закончена. Он ищет в ней неувязки, и случается так, что сама наша попытка определить, про-

таких, например, как смысл исследовательского поиска и распространения его результатов, исчезновение протокола валидации данных (сносок), анонимность текстов и пр. Кроме того, медийное пространство – мощная и хорошо организованная сеть, позволяющая историкам коллективно и институционально бороться против инструментализации истории и маргинализации научных подходов.

⁷ *Leduc J.* La communauté des historiens: position du problème. Novembre 2007. URL: http://www.ihtp.cnrs.fr/historiographie/sites/historiographie/IMG/pdf/La_communaute_des_historiens.

⁸ *Roche D.* Les Historiens aujourd'hui. Remarques pour un debat // Vingtieme siecle. Revue d'histoire. 1986. Octobre–decembre; *Jeanneney, J.-N.* Le passé dans le prettoire. Paris, 1999; *Dumoulin O.* Le role social de historian. Paris, 2003; *Bedarida F.* L'Histoire et le metier d'historien en France, 1945–1995. Paris, 1995; *Chartier R.* Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et inquietude. Paris, 1998; *Gauvard C., Sirinelli J.-F., Cauchy P.* Les historiens françaises à l'oeuvre, 1995–2010. Paris, 2010. Попутно в процессе осмысления «смещения ролей» была поставлена под сомнение независимость любой интеллектуальной группы, включая сообщество историков.

шлое это или настоящее, оказывается выведена из строя неопределенностью»⁹. Разумеется, по всем этим вопросам в историческом сообществе нет единого мнения. Неоспоримо только то, что «историк должен быть наделен критическим взглядом, позволяющим ему отвлечься от текущих обстоятельств» (Фернан Бродель)¹⁰.

Напряжения между историей и политикой – явление не новое, однако инициативы французских президентов, особенно Николя Саркози, направленные на воскрешение «национального романа», накалили их до предела¹¹. По случаю десятилетнего юбилея ежедневной передачи «Фабрика истории» на канале «Франция Культура» по просьбе известного журналиста Эммануэля Лорантена сорок историков, преимущественно университетских, ответили на вопрос: «Для чего нужна история?» Большинство из них отметили широкое распространение практик политической манипуляции историей и решительно отказались подчиняться новым правилам вездесущей мемориальной политики властей¹². По мнению П. Нора, историки восстали против «мемориальных» законов, предложений создать национальный музей военной истории в духе традиционной истории победителей и прочих политических проектов не потому, что обладают особым корпоративным правом на научную «память» о прошедшем и считают себя носителями истины в последней инстанции. На борьбу за интеллектуальную и политическую свободу их мобилизует гражданская и профессиональная ответственность. «Безусловно, историк – носитель настоящего; но, именно работая с настоящим, он оказывается запертым между “сложнейшими вопросами и ясными ответами, между давлением общества и одиноким упорством собственных исследований, между чувствами и знаниями”». Как бы он ни был скромен, он обязан стать историком настоящего, это его право, и в этом все его искусство» (Ф. Артог).

То, что историк имеет дело с канувшими в лету реалиями, вовсе не означает, что история – это наука о «прошлом», понимае-

⁹ Артог Ф. Какова роль историка во все более «презентистском» мире? URL: <http://gefter.ru/archive/8000>.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Offenstadt N. L'Histoire Bling-Bling. Le retour du roman national. Paris, 2009.*

¹² *A quoi sert l'histoire aujourd'hui? Sous la direction d'Emmanuel Laurentin. Paris, 2010.*

мом как один из модусов времени в западной традиции. История – это наука о людях во времени во всей его многомерности, наука об изменениях, и в таком качестве она предстает своеобразной лабораторией фундаментального анализа проблем человеческого существования всех времен, включая актуальные проблемы современности. Во французской литературе последних лет все чаще встречается последовательное различие между «историей» (прошлое) и «Историей» (историческая наука), с соответствующими прилагательными: если речь идет о «прошлом», добавляется прилагательное «историческое», а историческая наука называется «Историей историков»¹³.

Один из главных диагнозов французских историков, размышляющих о состоянии современного исторического познания, заключается в том, что на исходе прошлого века утратила свою убедительность и силу самая известная модель истории – футуристическая и телеологическая. Формируется новая модель истории, стремящаяся вобрать в себя всю сложность мира. Решающая роль в разработке такой модели, как и во все времена, принадлежит историкам.

Реабилитация субъектности историка

Во времена Третьей республики французские историки верили в объективную историческую науку. Они были убеждены, что профессиональное историческое познание способно адекватно показать, что происходило в прошлом, при условии соблюдения дистанции между прошлым и настоящим. Историк в этой сциентистской модели историописания должен был элиминировать свою субъективность. Но уже «дело Дрейфуса» продемонстрировало, что историки могут писать историю настоящего и участвовать в публичной жизни. Однако аргументированная реабилитация субъектности историка состоялась лишь в последней четверти прошлого века.

¹³ См., напр.: *Morsel J. L'Histoire (du Moyen Âge) est un sport de combat... Réflexions sur les finalités de l'Histoire du Moyen Âge destinées à une société dans laquelle même les étudiants d'histoire s'interrogent / J. Morsel (avec la collaboration de Ch. Ducourtieux). LAMOP-Paris 1, 2007. URL: <http://lamop.univ-paris1.fr/W3/JosephMorsel/Sportdecombat.pdf>*

«Троянский конь субъективизма» (Л. Февр) был внесен в историческое познание вместе с идеей о том, что исторический объект конструируется. Во Франции об этом писали еще основатели движения «Анналов». Позже в условиях структурализма, растворявшего субъекта в структурах и функциях, о субъективной составляющей исторического исследования размышляли не только историки (Анри-Ирене Марру, Поль Вейн), но и философы (Раймон Арон, Поль Рикер). Введя в науку понятие историографической операции, Мишель де Серто показал, что она случается на пересечении исследовательской практики и письма. Это означает, что в занятиях историка неизменно присутствует знание о том, откуда он говорит, каково его место в культуре, каков его индивидуальный профессиональный маршрут¹⁴.

В конце 1970-х гг. Пьер Нора предложил историкам участвовать в проекте самоописания, который был реализован в виде нового для Франции жанра эго-истории¹⁵. Нора убедил историков в необходимости порвать с законом среды, в которой молчание о себе было нормой, и опробовать на себе методы и подходы, применяемые при изучении других. В процессе реализации этого проекта, связанного, как ясно теперь, с апробацией идеи «места памяти», «родился» другой историк, который, в отличие от своих предшественников, признает наличие «тесной, персональной связи с объектом изучения», сделав из этого не препятствие, но новый рычаг для понимания. Этот новый персонаж, полагает П. Нора, «уже больше не человек, наделенный памятью, но “место памяти”... главный инструмент метаболизма историографической операции, в ходе которой рождается историческое знание...»¹⁶.

В контексте философских размышлений и эпистемологических поисков этот проект вписывался в процесс «возвращения субъекта» в познании. Но он был подготовлен устной историей¹⁷, пришедшей во Францию из США с некоторым опозданием, и размышлениями французских интеллектуалов. О том, что история не-

¹⁴ *Certeau M. de. L'Écriture de l'histoire. Paris, 1973.*

¹⁵ *Essais d'ego-histoire / dir. P. Nora. Paris, 1987.*

¹⁶ *Nora P. Entre histoire et mémoire // Les Lieux de mémoire. T. 1. Paris, 1984. P. XXXIII–IV.*

¹⁷ *Joutard Ph. Ces voix qui nous viennent du passé. Paris, 1983.*

отделима от историка, задолго до проекта Нора говорил, например, критикующий историческое познание Поль Валери, а также Анри-Ирене Марру, показавший, что сам он – продукт живой истории¹⁸. Семантическая многозначность слова «история» предполагает ситуацию близости между научной операцией и реальностью, на которую она направлена. Историческое познание не может полностью отделить свою практику от того, что изучается в качестве «объекта»¹⁹. В русле эгоистории историк сам стал историческим объектом: история создает историка, а тот, посвятив свою жизнь своему ремеслу, одновременно пишет историю, делая добытое знание о ней доступным для всех.

Включение в исследовательский процесс субъектности историка было очередной «коперниканской революцией» в историописании (Раймон Арон). Эта революция имела очень существенные последствия: рефлексия о собственной практике стимулирует развитие рефлексии как нормы профессии. Многочисленные индивидуальные творческие биографии французских историков, коллективные монографии, мемуары и другие тексты, написанные в жанре эгоистории, свидетельствуют, что эпистемология, понимаемая как рефлексивное отношение к тому, что делаешь, стала неотъемлемой частью профессиональных занятий для многих историков²⁰. Опросы историков, проведенные известными журналистами в 2009–2010 гг., показали, что в пантеоне главных историков страны сегодня Жюль Мишле, Марк Блок, Люсьен Февр, Поль Вейн, Мишель де Серто²¹. Нетрудно заметить, что это историки, не только оставившие потомкам основательные конкретно-исторические исследования, но открывшие новые пути в историческом познании.

Свидетельства реабилитации субъектности историка можно найти в конкретно-исторических исследованиях, однако далеко не у всех авторов. Более интересный материал по этому поводу содержат бесчисленные интервью историков. Они публикуются

¹⁸ *Marrou H.-I.* De la connaissance historique. Paris, 1954.

¹⁹ *Certeau M. de.* L'Écriture de l'histoire. Paris, 1975.

²⁰ *Popkin J.* Ego-history and beyond: Contemporary French Historian-Autobiographers, *French Historical Studies* 1996. № 19. P. 1139–1167.

²¹ *A quoi sert l'histoire aujourd'hui?* Sous la direction d'Emmanuel Laurentin. Paris, 2010.

на страницах газет и журналов, выходят отдельными изданиями, составляя солидный корпус источников не только по историографии, но и по «эпистемологии историков». Помимо индивидуальных интервью все чаще появляются тематические издания, в которых большие группы историков высказываются по конкретному вопросу. Такие публикации не только дают возможность проследить профессиональный путь конкретного историка, выяснить его понимание собственного дела, но проливают свет на то, как историк работает, что определяет его профессиональные предпочтения и пр. При всей неоднозначности жанра интервью, в котором неизбежно присутствуют известные проблемы устной истории, этот жанр очень популярен во Франции.

Историки между историей и памятью

История и память были связаны всегда: не случайно в греческой мифологии Клио – дочь Мнемозины. Однако мемориальный натиск, проявившийся во Франции после 1968 г. в активизации «альтернативной памяти» регионов и отдельных групп, а также в устной истории, изучающей воспоминания безымянных / забытых / репрессированных / не оставивших письменных свидетельств, сегодня описывается в литературе как настоящий вызов для историков. Впрочем, французское историческое сообщество было к этому вызову неплохо подготовлено. Уже в период глубокого мировоззренческого кризиса между двумя мировыми войнами французские историки постепенно стали отходить от представлений об истории как способе легитимации государства-нации и обратили внимание на общество. Изучая ментальности, т. е. присутствующий в жизни любого социума «эфир», который формируется в повседневной практике людей и одновременно формирует эту практику, они осознали необходимость пересмотра взаимоотношений памяти и истории²². Особенно важную роль здесь сыграло изучение коммеморативных практик, праздников, ритуалов, церемоний, образов, представлений и пр. Вскоре историки поняли, что память повсюду. И хотя она не обладает подлинной объ-

²² «Время памяти пришло тогда, когда историки стали понимать ее связь с историей коллективных ментальностей». – Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 8 (Первое издание на языке оригинала – 1993 г.).

яснительной силой, ее изучение может быть полезно в процессе выявления и артикулирования связей между культурным, социальным, политическим, между представлениями и социальным опытом. Начиная со второй половины 1970-х гг. память становится важнейшим объектом исторического исследования²³. Эта большая работа спровоцировала «решительный и освобождающий развод» (П. Нора) между памятью и историей. Пришло осознание того, что «французский национальный роман», вдохновленный талантом Э. Лависса, на самом деле был не объективной формой национальной истории страны, но «историей-памятью», сформировавшейся в русле исторической науки, находящейся на службе у государства-нации. Историки обратились к изучению мнемонических техник не только в прошлом, но и в таких современных культурных практиках, как автобиография, психоанализ, коммеморация. В целом история современности занимает все более важное место в исторической профессии. Институционально это нашло воплощение в создании Института настоящего времени (1980).

Опираясь на размышления Хальбвакса²⁴, П. Нора так определил в 1978 г. коллективную память: «Коллективная память – это то, что остается от прошлого в жизни групп, или то, что группы делают из прошлого». Превращение истории памяти в компонент коллективных репрезентаций конкретных групп, всегда зависящих от нужд настоящего, сделало такой тип историописания очень популярным. Кульминацией ответа французских историков на мемориальный бум явился знаменитый проект П. Нора «Места памяти»²⁵. Впрочем, для того, чтобы понять смысл и значение этого грандиозного проекта, потребовалось время. В своей последней книге Ф. Артог показал, что «Места памяти» Пьера Нора являются «символом и вектором презентизма, поскольку память служит важнейшим критерием выбора для историка, который, изучая события, институты, памятники, персонажи, работает не столько как “жрец” науки, строящий мост между прошлым и настоящим, но

²³ *LeGoff J. Histoire et mémoire. Paris, 1988.*

²⁴ *Les cadres sociaux de la mémoire / préf M. Halbwachs, G. Nomer. Paris, 1994; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2007.*

²⁵ *Les Lieux de mémoire. 7 vol. / dir. P. Nora. Paris, 1984–1992. Т. I. 1984; Т. II (3 vol.). 1986; Т. III (3 vol.). 1992.*

как хорошо подготовленный и внимательный слушатель присутствующего в поле настоящего прошлого»²⁶. Филипп Жутар полагает, что, хотя проект был задуман как «контр-мемориальная» история, очень скоро понятие «место памяти» стало главным «инструментом коммеморации».

По определению Пьера Нора, «Место памяти – это всякая значительная целостность, материальная или идеальная, которая по воле людей и по воле времени является символическим элементом мемориального наследия некой общности». Важно при этом, что это «место» способно менять свои очертания, воспроизводиться и вновь повторяться. Назвать исторический объект «местом памяти» означало дать слово настоящему времени как реальному пользователю прошлого. Память, как и историк, всегда в настоящем, хотя и предполагает воскрешение отсутствующего в этом настоящем прошлого. Поэтому проект Нора открывал путь к другой истории: «не истории прошлого, которое прошло, но истории последовательного использования уже прошедшего». Речь шла об истории, принимающей во внимание мемориальную слоистость объекта изучения, позволяя историкам осмысливать его темпоральную форму, с тем чтобы это прошедшее понять / присвоить / преодолеть. Такой способ мышления способствовал тому, что историческая критика трансформировалась в критическую историографию²⁷.

Изучение памяти заставило историков более интенсивно размышлять об эпистемологических проблемах своего ремесла. Кроме того, в условиях презентизма свидетели получили в обществе большее признание и доверие, чем профессиональные историки, которые поначалу сами стали жертвами этих перемен. В частности, под давлением памяти усилились сомнения в возможностях истории как науки и в ее будущем. Попав в капкан памяти, французские историки не ограничились тем, что создали новую область исследования – историю памяти. обстоятельно изучив это явление в междисциплинарном режиме, они использовали мемориальный инструментарий для того, чтобы исследовать особый вид коллек-

²⁶ *Drogland J.* François Hartog. Croire en l'histoire. Flammarion. 2013 / La Cliothèque. URL: <http://clio-cr.clionautes.org/croire-en-l-histoire-4463.html>.

²⁷ *Nora P.* Comment on écrit l'histoire de France // Les Lieux de mémoire. Т. III. Vol. 1. Paris, 1992. P. 24, 30.

тивной памяти, о которой писал еще М. Хальбвакс, – память историческую. Родилась история историков, т. е. историография, понимаемая не как «идеологическое оружие» (так было в Советском Союзе), но как историческая эпистемология, занимающаяся исследованием природы и процедур историографической операции.

Важным объектом интеллектуальной истории стала «политика памяти», понятая как власть стереотипов мышления, воздействующих из прошлого на настоящее. Другими словами, историки убедительно показали «властную природу самих историографических концептуализаций» (Ф. Фюре). Кроме того, исследование памяти позволяет выявить глубинные основы официальной «исторической политики». Важнейшим направлением такого поиска стало изучение историографических традиций и современных культурных практик. В частности, ученым удалось убедительно продемонстрировать в материале, как на пересечении культуры памяти и культуры производства исторической продукции формируется модель истории в конкретном социуме. Конечно, память и история – это разные и даже противоположные формы «воскрешения» ушедшей реальности. Однако современные исследования французских историков обосновывают нерасторжимость их «брачного союза» и описывают условия его возможности. Такая работа позволяет превзойти чисто ретроспективное видение «прошлого» и отыскать «прошлое» как «настоящее, которое уже было», способствуя дефатализации истории.

Рефлексивный поворот по-французски

Социокультурная ситуация конца XX – начала XXI в. во многом определяется проблематизацией очевидностей в истории: того, что в ней долго считалось неоспоримым. Во Франции в этой проблематизации проявляется один из аспектов «рефлексивного поворота, одновременно эпистемологического и историографического»²⁸.

Содержательный анализ этого поворота требует специального исследования. Позволим себе сформулировать лишь некоторые наблюдения, в основе которых сравнение вышедших в послед-

²⁸ *Artog F. Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. Editions de l'ENESS. Paris, 2005.*

ние десятилетия во Франции исторических словарей²⁹. В 1970–1980-х гг. самые известные из них – это *Faire de l'histoire*³⁰, *La Nouvelle Histoire*³¹ и *Dictionnaire des Sciences Historiques*³². В 1990-е гг. производство теоретически ориентированных трудов по истории стало во Франции нормой³³. Но лишь в 2010 г., «после тридцати лет споров, важных проблематизаций (*rémissions en cause*) и обновлений», вышел новый словарь, характеризующий актуальное состояние «места» академического исторического знания³⁴.

Этот словарь не представляет никакой школы, не претендует на создание некоей синтетической панорамы достижений современной исторической науки, предполагающей подведение кумулятивного итога. Речь идет о том, чтобы с помощью внятных, профессионально написанных текстов стимулировать новые поиски. В проекте приняли участие историки разных поколений (среди них есть и зарубежные участники). Не все они являются «чистыми» историками, среди авторов статей есть археолог, философ, социолог... При этом субъективизм авторов очевиден и никак не нивелируется. Конкретные примеры, иллюстрирующие новые ориентации в этом словаре, имеются, однако это, как правило, новейшие новаторские опыты.

По замыслу создателей словаря он призван облегчить рефлексивное переосмысление исследовательской практики и письма историков. Предлагается, конечно, прежде всего, французский взгляд на историю, но этот взгляд обогащен хорошим знанием мировых научных тенденций. Французские историки как никогда открыты к мировой историографии и осознают необходимость участия в «ускоренном глобальном открытии национальных исто-

²⁹ Подготовка таких словарей лет стала традицией, и эти «настольные книги историков» могут многое рассказать о состоянии исторического сообщества и исторического познания в этой стране. См.: *Picard N. Des nouvelles écritures de l'histoire au seuil du XXIe siècle // Acta fabula. 2011. Vol. 12, № 6. URL: <http://www.fabula.org/revue/document6401.php>.*

³⁰ *Faire de l'histoire* / dir. J. Le Goff, P. Nora. Paris, 1974.

³¹ *La Nouvelle Histoire* / dir. J. Le Goff. Paris, 1978.

³² *Dictionnaire des Sciences Historiques* / dir. A. Burguière. Paris, 1986.

³³ См., напр.: *L'Histoire et métier d'historien en France 1945–1995* / dir. F. Bedarida. Paris, 1995; *Noiriel G. Sur la «crise» de l'histoire*. Belin; Paris, 1996.

³⁴ *Historiographies. Concepts et débats* / sous la direction de Ch. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia et N. Offenstadt. Paris, 2010. Vol. 1–2.

риографий» (désenclavement planétaire accéléré des historiographies nationales). Складывается ощущение, что «кризис» истории миновал. В прошлом осталось соперничество с другими социальными науками и недооценка связей с философией. Не очень волнует авторов дробление истории и состояние истории глобальной. Нет никакой установки выстраивать и диктовать какую бы то ни было программу исследований. Важнее всего показать историю, вошедшую «в новый режим необходимого теоретического плюрализма».

Очевидно, что французские историки не склонны разделять сегодня историографию и эпистемологию. Правда, некоторые из них все еще осторожно относятся к последней, полагая, что это специальная область философии. В упомянутом словаре «Историографии», в томе, где обсуждаются концепты, нет отдельной статьи о понятии «историография». Возможно, это связано с тем, что традиционное понимание ее как истории науки сегодня не очень интересно французским историкам; все их тексты свидетельствуют, что «чистая» эпистемология и историография здесь практически не существуют раздельно друг от друга, речь идет чаще всего об эпистемологически ориентированной историографии или исторической эпистемологии. Все это важно для историков лишь постольку, поскольку позволяет эффективно искать пути для получения нового исторического знания.

Центральной проблемой исторической эпистемологии является наряду с проблематикой памяти вопрос о «порядке времени» как философской и исторической категории, необходимой для понимания исторических трансформаций и того, как эти трансформации воспринимают люди. Погружаясь в темпоральную проблематику, французские историки перешли, по словам Ф. Артога, от «вопросов ко времени» к «времени как вопросу»³⁵. Они озабочены поиском таких способов историописания, которые позволили бы преодолеть тиранию прошлого / настоящего и найти подходы к овладению будущим³⁶. Историков интересует «не столько гене-

³⁵ См. подробнее: *Чеканцева З.А.* «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 55–74.

³⁶ См., напр.: *Шмитт Ж.-К.* Овладение будущим // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 127–148.

зис, сколько дешифровка того, кем мы больше не являемся»; не столько ушедшее гомогенное прошлое, сколько прошлое, изломанное памятью, которая оттеняется в прерывностях истории. В таких способах написания истории, учитывающих субъективность историка, на первом плане оказывается историография как практика, позволяющая удовлетворить потребность в историческом познании и вместе с тем избежать ловушек наивного реализма по отношению к тому, что познается.

Разумеется, французские историки – очень разные и каждый из них работает так, как считает нужным³⁷. Плюрализм подходов и свобода самовыражения – завоевания французского исторического сообщества, которые конкретные ученые и научное сообщество в целом энергично защищают от разнородных посягательств. Тем не менее важнейшей составляющей исторической дисциплины во Франции сегодня является то, что не вытекает непосредственно из эмпирического материала, но от чего парадоксальным образом зависит его изучение. Это дискурс о практике, позволяющей историку решать исследовательские задачи. В историографических штудиях и в преподавании вопрос о том, как это сделано, является ключевым. В наши дни история как дисциплинарное знание конституируется таким рефлексивным и перформативным дискурсом. Вышедшие за последние три десятилетия многочисленные и разнообразные эссе, коллективные / индивидуальные монографии и словари, посвященные проблемам исторического познания, можно рассматривать как идентификационные жанры французских историков, приглашающие каждого, кто хочет написать исторический труд, для начала основательно подумать над тем, что значит познавать историю в современном мире. Несмотря на специализацию, которая, по мнению многих, чрезмерна, несмотря на наличие центробежных тенденций и активного брожения по краям (между дисциплинами и национальными историографиями), французское историческое сообщество находится в непрерывном поиске (при этом традиционные академические нормы ремесла никто не отменял!), характерные черты которого – открытость и интеллектуальная честность.

³⁷ См., напр.: *Трубникова Н.В.* Ревизия наследия позитивизма в исследованиях современной французской историографии // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 6. С. 206–210.

А.В. Голубев

**От структуры к движению:
Незавершенное путешествие из российской
в канадскую аспирантуру**

На основе личного опыта автора сравнивается подготовка аспирантов в России и Канаде. Анализируются сильные и слабые стороны обеих образовательных систем, а также различия в формировании дальнейшей профессиональной карьеры.

Ключевые слова: аспирантура, PhD, подготовка научных кадров.

A.V. Golubev

**From structures to motion:
An unfinished journey from a Russian Candidate
of Sciences program to a Canadian PhD**

This article is a combination of an autobiographical narrative and a comparison of graduate educational systems in Russia and Canada. Using the author's personal experience, it aims to show the relative strengths and weaknesses of both systems and to discuss how they shape the professional careers of their graduates.

Keywords: Cand. Sc. degree, PhD degree, graduate education, academic training.

Обобщая для данной статьи свой опыт перехода из российской академической среды в североамериканскую, я долго пытался подобрать метафору, которая помогла бы мне представить этот опыт в связном нарративе. В конечном итоге я не нашел ничего лучшего, чем осмыслить мое перемещение в географическом пространстве через изменение моего же собственного методологического инструментария. Мое обучение в аспирантуре Петрозаводского университета прошло под флагом структурализма, методы которого я стремился применить к исследованию новой экономической политики в Карелии. В диссертации на соискание степени PhD, которую я сейчас пишу в университете Британской Колумбии, речь идет о циркуляции текстов, эмоций и предметов в совет-

ском обществе 1970–1980-х гг. Таким образом, если раньше я искал в своем материале структуры, то сейчас я рассматриваю производство исторических смыслов как процесс движения, схожий с экономическим обменом. Эта динамика сродни той, которая сейчас утверждается в западной социальной и критической теории, гендерных исследованиях, теории аффекта и других сферах гуманитарных и социальных дисциплин. Канадский философ и социальный теоретик Брайан Массуми, в частности, выразил этот очередной поворот в социальных науках в призыве объяснять культурные феномены не через семантические структуры, а через циркуляцию значений в культуре и обществе¹. Похожим путешествием от образовательных структур к академическому движению и стало мое поступление в канадскую историческую аспирантуру (так для удобства я буду называть программу PhD).

Понимая всю условность этой метафоры, я все же буду возвращаться к ней в моем сравнении как аспирантских программ, так и академической среды в России и Северной Америке. На мой взгляд, основное различие между ними заключается не столько в уровне финансирования или особенностях историографических традиций, сколько в самом принципе институционального воспроизводства науки, который метафора «от структуры к движению» хорошо иллюстрирует. Не секрет, что подавляющее большинство аспирантов в российских вузах является их собственными выпускниками, и они же составляют основную массу молодых остепененных преподавателей. В канадских и американских университетах, наоборот, в норме вещей по окончании бакалавриата пойти в магистратуру и аспирантуру в другой университет, а работу получить в третьем. Дальнейшее движение по карьерной лестнице также гораздо чаще связано с перемещением из университета в университет, причем нередко по треугольнику Великобритания – Канада – США.

Что касается российской системы высшего образования, то для многих молодых преподавателей, особенно в регионах, определяющим моментом карьеры стало поступление в вуз: сейчас они работают на тех кафедрах и специальностях, на которые когда-то

¹ *Massumi B. Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham, NC, 2002. P. 1–6.*

были зачислены. Так, я поступил в Петрозаводский университет в 1997 г., спустя пять лет окончил его, остался в аспирантуре и параллельно начал работать преподавателем на полставки. Защитив в 2006 г. диссертацию на историческом факультете, я получил там же преподавательскую должность уже на полную ставку. Практически у всех моих знакомых, работающих преподавателями в ПетрГУ, аналогичная биография оседлой академической жизни, очень часто в пределах одной и той же кафедры. Подобная академическая траектория в США и Канаде невозможна: поступление в североамериканскую аспирантуру означает долгий опыт кочевой жизни.

Академические номады

В исторической аспирантуре университета Британской Колумбии (далее – UBC) учиться примерно пятьдесят человек. У половины из них личные вещи умещаются в два больших чемодана. Другую половину за два года своей учебы я еще ни разу не видел. Канадские и американские аспиранты, как правило, стараются по минимуму укореняться в том городе, где учатся – по крайней мере, если они рассчитывают после защиты диссертации найти преподавательскую работу. К тому же учебный процесс организован так, чтобы по максимуму стимулировать мобильность аспирантов.

В отличие от России, университетские программы в Северной Америке включают в себя курсы, которые аспиранты обязаны изучить перед тем, как сдавать кандидатские экзамены, причем курсы, за редким исключением, общие для аспирантов и магистрантов. На историческом факультете UBC это пять курсов: историография, аспирантский семинар и три по выбору (можно и больше в факультативном порядке). Как правило, аспиранты стараются пройти все курсы в течение первых двух лет программы, после чего в конце второго или в течение третьего года сдается так называемый комплексный экзамен (comprehensive examination). Курсы и подготовка к экзамену требуют регулярного посещения университета, но после сдачи экзамена и защиты темы физическое присутствие аспиранта в университете больше не обязательно. Именно поэтому я не знаком с половиной аспирантов UBC: поскольку Ванкувер – дорогой город, многие после сдачи кандидатских эк-

заменю предпочитают переехать куда-либо еще (как правило, ближе к первоисточникам) и поддерживать дистанционную связь с руководителем и диссертационным комитетом. У меня есть коллеги по аспирантуре, постоянно живущие в США, Европе или Азии и планирующие вернуться в Ванкувер только к защите диссертации. Помимо этого, учебный год разбит на триместры, и аспирантские курсы преподаются только в течение осеннего (сентябрь – декабрь) и весеннего (январь – апрель) триместров. Как следствие, даже в течение первых двух лет с мая по август многие аспиранты, чтобы сэкономить на проживании, предпочитают уезжать к родителям или на полевые исследования – отсюда два чемодана, объем которых и ограничивает количество личных вещей второй половины моих коллег.

Нужно отметить, что высокая академическая мобильность закладывается уже на этапе приемной кампании в аспирантуру. Североамериканские вузы предлагают хорошее финансирование, за счет которого могут привлекать соискателей степеней буквально со всего мира, и при этом неохотно берут своих собственных выпускников. Как следствие, на историческом факультете UBC примерно поровну канадских и иностранных аспирантов, причем нет ни одного аспиранта из Ванкувера – разительный контраст с аспирантурой ПетрГУ, где среди моих коллег, наоборот, не было ни одного, кто окончил какой-либо другой вуз. Примерно такая же ситуация и с диссертационными темами: среди моих коллег по петрозаводской аспирантуре около половины (включая меня самого) писали диссертации по истории Карелии. На историческом факультете UBC из примерно 50 аспирантов только пять человек пишут по канадской истории (из которых лишь один или два – по истории Британской Колумбии). Остальные 45 – по истории США, Европы, России / СССР, Латинской Америки и Азии. Некоторые аспиранты пишут по темам, охватывающим сразу несколько регионов – популярна, например, трансатлантическая и североамериканская история. Наконец, заметная часть аспирантов пришла на историческую программу UBC из других специальностей – среди моих коллег есть люди, получившие бакалаврскую или магистерскую степень в инженерных науках, биологии и социологии медицины (все они пишут диссертации по истории науки), а также в

социологии, политологии, культурных и гендерных исследованиях и филологии. В исторической же аспирантуре ПетрГУ я был единственным «аутсайдером» с филологическим образованием.

В результате получаются две совершенно разные модели производства знания. Историческая аспирантура в ПетрГУ в значительной степени работает по принципу относительно герметичной ячейки в структуре высшего образования. Новое знание создается в первую очередь в области региональной истории, в основном путем его количественного накопления – новая проблематика ставится редко, не в последнюю очередь потому, что свои темы аспиранты получают от научных руководителей, пусть и с учетом их собственных предпочтений. У ряда моих коллег кандидатские диссертации продолжали дипломные проекты при одном и том же научном руководителе. Выход на надрегиональную тематику был ограничен как объективно, в силу отсутствия финансовой возможности сколько-нибудь долгое время работать в московских или питерских архивах, так и субъективно, из опасения (по моему субъективному впечатлению) зайти на территорию столичных историков и столкнуться с дополнительными сложностями при защите диссертации. В довершение ко всему, факультетские кафедры довольно ревниво относятся к тем случаям, когда аспиранты других кафедр берут темы, затрагивающие их географическую или хронологическую специализацию. Опыт российской аспирантуры, таким образом, являлся для меня и аспирантов моего потока опытом профессионального укоренения – укоренения в региональной тематике, в определенных хронологических и географических границах, обусловленных спецификой моей кафедры, в тонкостях внутрифакультетских отношений. Подобная модель производства знания находит свое крайнее выражение в появлении факультетских династий, когда дети преподавателей поступали в аспирантуру исторического факультета ПетрГУ, где работали их родители, и писали диссертации фактически (но не формально) под их руководством.

В исторической аспирантуре УВС производство нового знания принимает совершенно иные формы. Исторический факультет служит точкой, в которой сходятся разнонаправленные исследовательские траектории преподавателей, исследователей на постдокторских позициях, аспирантов, магистрантов и студентов ба-

калавриата. Все они, как правило, приходят в UBC из других университетов. Вместе со мной, например, в историческую аспирантуру поступили выпускники магистратур Центрально-европейского (Венгрия) и Пенсильванского (США) университетов и университета Конкордии (Канада). Годом позже учатся выпускники Ближневосточного технического (Турция) и Амстердамского (Голландия) университетов и Университета Тампере (Финляндия). Среди поступивших ранее есть выпускники Католического университета Лёвена (Бельгия), Автономного университета Гвадалахары (Мексика), университетов Пуны (Индия) и Бремена (Германия), не говоря уже о многочисленных выпускниках канадских, американских и британских вузов. Каждый аспирант приносит в академическую среду UBC опыт и знания, накопленные в других местах. Кроме того, все приходят со своими темами. Они могут не раз поменяться в процессе написания диссертации – так, мой знакомый из университета Йорк в Торонто начал писать по истории русскоязычной диаспоры в Канаде, а в итоге выходит на защиту с темой финской иммиграции из Канады в СССР в 1930-е гг., однако проблематика работы в любом случае отражает интересы аспиранта, а не его научного руководителя (хотя, как и везде, встречаются исключения). В результате новое знание производится, в первую очередь, в силу столкновения разных академических традиций, подходов, методологий, принципов исследования и, наконец, географических и хронологических рамок тем.

Приведу любопытный эпизод, иллюстрирующий этот процесс: в один из моих первых дней в аспирантуре UBC руководство университета организовало семинар для международных аспирантов всех специальностей. В ходе семинара нам предложили по нашему усмотрению познакомиться с соседом справа или слева в качестве обычной для таких мероприятий процедуры социализации аудитории. Мой сосед слева представился магистрантом программы по германистике из Буэнос-Айреса. Когда я сказал ему, что мой текущий исследовательский проект использует, в том числе, методологию истории понятий Райнхарта Козеллека, он вздрогнул: оказалось, что он переводит Козеллека на испанский язык².

² *Koselleck R. Sentido y repetición en la historia / prólogo de Reinhard Mehring; traducción y notas Tadeo Lima. Buenos Aires, 2013.*

С этим аргентинским магистрантом-германистом мы позже организовали межфакультетский семинар по истории понятий, который познакомил многих из наших канадских и американских коллег с немецкими (Карл Шмитт, Райнхарт Козеллек и Виллибальд Штайнметц) и британскими (Джон Поукок и Квентин Скиннер) подходами к анализу политических текстов. Новое знание в данной академической среде как раз и было порождено пересечением наших академических траекторий, протянувшихся в Ванкувер из Петрозаводска и Буэнос-Айреса.

Даже сам жизненный опыт в аспирантуре UBC противоположен опыту укоренения аспирантуры ПетрГУ. Многие из моих коллег постоянно мигрируют между местом учебы, где находятся с сентября по апрель, и другими городами, где живут их родители или находятся необходимые им архивы и библиотеки. Ванкувер, как и другие североамериканские города, хорошо приспособлен к подобному академическому номадизму. Огромный и гибкий рынок съемного жилья позволяет в течение августа – сентября разместить огромную массу студентов и аспирантов, приезжающих в UBC. В городе масса мест, где можно взять напрокат машину (в том числе микроавтобус или грузовичок для перевозки крупногабаритной мебели) по российскому (а также китайскому, иранскому или любому другому) водительскому удостоверению – это облегчает процесс обоснования на новом месте или переезд в другой город. Так, мы с женой и двумя детьми в возрасте семи месяцев и двух лет прилетели в Ванкувер в конце августа, за несколько дней до начала программы. Самолет приземлился в двенадцать часов дня. Прохождение границы заняло около полутора часов, после чего прямо в аэропорте мы взяли напрокат «крайслер», в ближайшем магазине купили детские автокресла, потом в местной «Икее» – матрасы и самые необходимые вещи себе и детям. К четырем часам мы приехали в кампус UBC, где еще в середине лета через интернет сняли университетское жилье. Нам выдали ключи, мы перенесли из «крайслера» чемоданы, матрасы и прочие предметы нашего нового быта – в результате от посадки самолета до въезда в новую квартиру прошло меньше пяти часов. Когда мы после первого года обучения уезжали на лето из Ванкувера, то подобно другим аспирантам решили не платить лишние

деньги за аренду жилья в течение летнего семестра и отказаться от квартиры с тем, чтобы с августа снять новую. После восьми месяцев жизни на новом месте с двумя маленькими детьми мы, естественно, обзавелись гораздо большим количеством вещей, чем влезло бы в два или даже четыре чемодана. Однако и здесь городская инфраструктура способствовала номадическому образу жизни: мы сняли на четыре месяца, с апреля по август, комнату на складе, взяли в аренду микроавтобус «форд», и мой аргентинский товарищ – переводчик Козеллека – помог перетаскать вещи из квартиры в микроавтобус и оттуда – на склад. После этого мы сдали ключи от квартиры и отправились по стандартному маршруту академических номадов – сначала к источникам и архивам (в моем случае – во Фрайбург и Билефельд в Германии), а потом в гости к родителями в Петрозаводск.

«Носороги» Эрнста Гомбриха

Любопытно, что при всей мобильности или, если воспользоваться термином Зигмунта Баумана, «текучести»³ североамериканской аспирантуры ее конечный продукт – публикации и диссертации аспирантов – оказываются все же глубоко укорененным в доминирующей академической традиции, как в положительном, так и в отрицательном смысле. С одной стороны, абсолютное большинство диссертационных работ, написанных в США и Канаде, отличается хорошая проработка англоязычной историографии. Это знание позволяет авторам понять и обозначить то место в исследовательском поле, которое занимает их диссертация. С другой стороны, вместо того, чтобы пробовать границы своего поля на прочность, многие аспиранты американских и канадских вузов зачастую настолько старательно воспроизводят проблематику, категорию и концептуальный язык своих предшественников, что в итоге получают «старые песни о главном» – на проверку новое знание оказывается количественным, но не качественным расширением их предметных областей. Данная ситуация отчасти порождается институтом комплексного экзамена, аналога кандидатского экзамена по специальности в российской аспирантуре, который явля-

³ Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года: лекция на Полит.Ру. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>.

ется наиболее трудоемкой и важной частью подготовки в североамериканских PhD-программах.

Формальная сторона комплексного экзамена варьируется от вуза к вузу, но основной принцип остается одинаковым: аспирант вместе с научным руководителем определяет два (редко три) тематических поля, составляющие исторический контекст его будущей диссертации: одно – хронологически-географическое (например, советская история, история Китая эпохи династии Мин или колониальная Америка), второе – проблемное или методологическое (история науки в XIX в., постколониальная теория, история эмоций и т. д.). После этого аспирант собирает экзаменационную комиссию из четырех преподавателей (один из них – научный руководитель), по два на каждое тематическое поле, и уже вместе с ними определяет список ключевых работ, по которым он и будет готовиться к экзамену. Каждый список включает от 80 до 100 ключевых для данного поля монографий и программных статей; в сумме выходит около 180–200 работ, на работу с которыми дается учебный год. Как шутит один из преподавателей УВС, чтобы сдать экзамен вовремя, нужно читать по пять-шесть килограммов книг в неделю.

Таким образом, комплексный экзамен одновременно похож и не похож на кандидатский экзамен по специальности в российских аспирантурах. И тот, и другой гарантируют, что аспирант после их сдачи будет обладать некой суммой профессиональных знаний, необходимых для преподавательской и исследовательской работы. При этом если российский кандидатский экзамен по истории строится вокруг стандартного набора тем и списка работ, которые одинаковы для всех аспирантов, обучающихся по одной специальности в одном вузе, то в североамериканских университетах и вопросы, и списки литературы к комплексному экзамену предельно индивидуализированы. Отличается и интенсивность подготовки: американским и канадским аспирантам, по сути дела, целый год платят стипендию только за то, что они в течение этого года читают литературу по своей специальности – больше в это время от них ничего не требуется.

В результате происходит предельное – гораздо более глубокое, чем в российской аспирантуре – погружение в доминирую-

щий порядок академического дискурса. Это особенно заметно на темах по истории неанглоязычных регионов: при всем том, что от аспирантов требуется глубокое знание языка той страны или региона, в котором они специализируются, в «хронологически-географическом» списке литературы доминирует (иногда безраздельно) англоязычная литература. У аспирантки моего потока, которая пишет по истории восточноазиатской медицины в раннее Новое время, в списке всего несколько работ на китайском языке и ни одной – на японском. Поступивший годом позже аспирант пишет диссертацию по истории диссидентского движения в Чехословакии; его список литературы к экзамену не включает ни одной работы на чешском или словацком языке. Оба свободно владеют этими языками, и использование оригинальных источников будет обязательным условием для успешной защиты диссертации, но на этапе подготовки к комплексному экзамену, после обсуждения списков с членами своих экзаменационных комиссий, они сделали основной акцент на англоязычной литературе.

Подобные тенденции не удивительны, если учесть, что историческая наука отвечает за производство не только нового знания, но и идеологии. Начитывая в течение года литературу, написанную ведущими западными историками по данной проблеме, овладевая ее концептуальным аппаратом, вступая в диалог с ее авторами, аспиранты интернализируют (делают «своим») дискурс, доминирующий в их дисциплине в ее североамериканской вариации. Позднее, становясь университетскими преподавателями, они уже от своего лица воспроизводят все те оценки, категории и классификации, в которые они погрузились за время аспирантуры, особенно при подготовке к комплексному экзамену. Это, в частности, хорошо заметно на примере советской или, например, китайской истории: в североамериканских и европейских университетских программах и та, и другая до сих пор преподаются как опыт «девиантной» истории, через которую определяется «норма» – исторический процесс в Западной Европе и Северной Америке. В этом отношении аспирантская программа УВС вполне качественно выполняет свою функцию по воспроизводству норм и ценностей, доминирующих в канадском обществе. И хотя я вполне осознанно разделяю тезис о том, что неидеологического знания не

существует, я не могу не признать, что большинство из моих коллег совершенно некритично включаются в воспроизводство доминирующего идеологического порядка. Если описать этот процесс в терминах Эдварда Саида, аспиранты североамериканских программ обучаются, среди прочих аспектов профессионального мастерства, практикам «ориентализации» России, Восточной Европы, Центральной или Восточной Азии, и позднее через свое преподавание в других университетах и колледжах транслируют эти практики на широкую студенческую аудиторию. Этот процесс тем более эффективен, что в отличие от советского высшего образования, где идеологические аспекты преподавания принимали, среди прочего, форму отдельных курсов, здесь она растворена в процессе овладения профессиональными навыками.

Обратной стороной подобной эффективности западной аспирантуры в воспроизводстве идеологического порядка является то, что получаемое в ней знание зачастую вторично. Как правило, аспиранты начинают работать со своими первоисточниками только после сдачи комплексного экзамена, когда концептуальный аппарат и аналитический язык их исследования уже, по сути, сформирован глубоким погружением в доминантную академическую традицию. В результате они подходят к своим документам с уже готовыми интерпретационными рамками, и многие тексты оказываются диалогом не столько с первоисточниками, сколько со своими предшественниками. Понять этот механизм лично мне помогла монография Эрнста Гомбриха «Искусство и иллюзия», которую я читал к собственному комплексному экзамену. В первой главе, рассуждая о предмете истории искусства, Гомбрих показывает, что овладение техникой живописи в любой период заключалось, прежде всего, в умении воспроизводить художественный канон, что неизбежно приводило к искажениям в передаче окружающей реальности – при этом эти искажения не воспринимались как таковые. Одним из самых интересных примеров в «Искусстве и иллюзии» является история репрезентации носорога в европейской живописи: канон, созданный Альбрехтом Дюрером в 1515 г., оказался настолько устойчивым, что на рисунке 1790 г. британского путешественника Джеймса Брюса, который рисовал африканского носорога с натуры и обвинил Дюрера в грубых ошиб-

ках, оказалось существенно больше сходства с воображаемым носорогом Дюрера, чем с африканским носорогом:

1 – гравюра А. Дюрера «Носорог», 1515 г.; 2 – гравюра «Африканский носорог» с оригинального рисунка Дж. Брюса, 1790 г.;
3 – фотография африканского носорога⁴

Подготовка к комплексному экзамену в североамериканских вузах работает по похожему принципу. Тут нужно дополнительно отметить, что помимо интенсивного чтения аспиранты регулярно встречаются с членами своей экзаменационной комиссии. У кого-то из моих коллег такие встречи происходят каждую неделю, у

⁴ Gombrich E.H. Art and Illusion: a Study in the Psychology of Pictorial Representation. N.Y., 1960. P. 71.

других – два или три раза в месяц. К ним пишется короткое эссе (response paper) на прочитанную литературу – одна, максимум несколько страниц. Наконец, на основе прочитанной литературы аспирант сначала пишет четыре эссе (письменная часть экзамена, занимающая две недели), а потом защищает их в дискуссии с комиссией (устная часть экзамена). Для меня этот процесс схож с процессом овладения техниками живописи, описанным Гомбрихом, в результате которого художник профессионально овладевает каноном и начинает воспроизводить мир так, как его научили, а не так, как он его видит в действительности. Аналогично, на мой взгляд, действует и подготовка к комплексному экзамену: после его сдачи, когда аспиранты начнут рисовать носорогов с натуры (т. е. работать со своими первоисточниками), они будут в совершенстве владеть техникой их рисования согласно канону Дюрера.

Разумеется, данное наблюдение является абстракцией, и к тому же оно излишне категорично. Академическая мобильность, хорошая языковая подготовка, богатая людскими, финансовыми и информационными ресурсами университетская среда и работа с первоисточниками расшатывают герметичные порядки знания и постоянно подпитывают аспирантов новыми идеями. Многие из них в процессе обучения посылают статьи в журналы с анонимным рецензированием. Это еще один ценный ресурс, поскольку подобные журналы привлекают в качестве рецензентов специалистов по данной области из других университетов и стран – в результате автор получает два квалифицированных отзыва, которые помогают посмотреть на свой текст совершенно с иной точки зрения.

Институт комплексного экзамена способствует выработке профессиональных навыков преподавания и изучения истории, а также включенности аспирантов в «большие» диалоги в их области знания, пусть и ценой медленного обновления концептуального аппарата исторических исследований и игнорирования исследований на национальных языках. Это, в частности, особенно заметно в области советской истории – возможно, потому что в североамериканской науке она является относительно маргинальной дисциплиной. В более «центральных» для западной науки областях знания консервативная функция комплексного экзамена гораздо ниже. В любом случае, с учетом задач, которые северо-

американские вузы ставят в подготовке аспирантов, комплексный экзамен имеет больше плюсов, чем минусов. К тому же в американской и канадской аспирантуре есть как минимум два других фактора, которые хотя бы отчасти помогают аспирантам отучиться рисовать носорогов «по Дюреру» – это, во-первых, высокая конкуренция на рынке труда и, во-вторых, важная роль, которую аспирантские программы играют в организации научного процесса на своих факультетах.

Конкуренция и децентрализация

В 2011 г. исторический факультет UBC открыл сразу несколько вакансий на преподавательские позиции с перспективой постоянного трудоустройства – то, что называется *tenure-track positions*, у которых длительный испытательный срок (пять-шесть лет), зато в случае его прохождения (получения *tenure*) – гарантированная высокооплачиваемая и интересная работа до пенсии. На две позиции по канадской истории было прислано около ста заявлений. На их основе было отобрано пять кандидатов, все недавние выпускники PhD-программ из Канады, Англии и Новой Зеландии, которых пригласили (с оплатой дороги и проживания) на интервью и пробные лекции. Все кандидаты приехали с внушительными портфолио – со статьями, опубликованными в рецензируемых журналах или в сборниках, вышедших в солидных университетских издательствах, с представительным списком конференций, на которых они выступали с докладами, некоторые с преподавательским опытом, полученным на последних курсах аспирантуры или на постдокторских позициях. В итоге работу получили выпускники Университета Торонто и Имперского Колледжа Лондона, но, в принципе, любой из кандидатов стал бы хорошим приобретением для факультета.

К обсуждению кандидатов, по итогам которого факультет сделал предложение двоим из них, активно привлекались магистранты и аспиранты. Трудно сказать, насколько их мнение повлияло на итоговое решение. В любом случае, в данном контексте я хочу использовать этот пример для того, чтобы обсудить две другие важные особенности североамериканской аспирантуры. Во-первых, благодаря включенности в процесс поиска и отбора канди-

датов, аспиранты с самого начала видят, насколько сильна конкуренция на академическом рынке труда и какими навыками и портфолио нужно обладать, чтобы трудоустроиться в вуз уровня UBC. Во-вторых, сам факт того, что магистранты и аспиранты привлекались к процедуре оценки – вплоть до того, что для них были организованы отдельные полуторачасовые интервью с каждым из кандидатов – является симптоматичным в плане организации научной жизни в североамериканских вузах.

Начну с конкуренции, поскольку это один из основных мотивирующих факторов для аспирантов в США и Канаде. Сто заявлений на две позиции, как это было в 2012 г. на историческом факультете UBC – это еще скромное количество, поскольку канадская история является узкой специальностью, и на нее почти не претендуют соискатели из США, составляющие большинство на академическом рынке труда. Например, количество желающих занять вакансию по европейской или американской истории в исследовательском университете (*research university*), который гарантирует высокую зарплату и шадящую преподавательскую нагрузку (четыре-пять семестровых курсов в год), может составить и двести, и триста человек на место. За счет такой конкуренции исследовательские университеты снимают сливки с рынка труда, оставляя менее успешных кандидатов университетам, где ниже зарплаты, скромнее финансирование на исследования и конференции и выше преподавательская нагрузка (*teaching-intensive universities*).

Со своей стороны аспиранты видят, что без интенсивной научной деятельности и публикаций в рецензируемых журналах перед ними возникает реальная перспектива трудоустроиться, в лучшем случае, в каком-нибудь богом забытом колледже на Аляске или в Саскачеване. Так, у одного из моих коллег, защитившего диссертацию на шестом году обучения, к защите так и не вышло ни одной серьезной публикации. При всей конъюнктурности и востребованности его темы (история Китая), он за то время, что был на рынке труда – в его случае это два последних года аспирантуры – не получил ни одного предложения на постоянную преподавательскую позицию. Лучшим вариантом, который он нашел после защиты, оказалась работа в колледже где-то в глуши Бри-

танской Колумбии в городке с населением 17 тыс. человек. В этом году он получил постдокторскую позицию в Университете Сингапура – это, пожалуй, его последняя возможность доказать свое умение заниматься не только преподаванием, но и наукой, для чего ему нужно опубликовать несколько статей в высокорейтинговых журналах. Однако этот процесс занимает не один год, поэтому не исключено, что для карьеры в исследовательском университете время в его случае уже упущено. Даже при том, что он хороший специалист в своей области, следует учитывать, что на любую приличную позицию будут претендовать не менее квалифицированные соискатели, только с гораздо более внушительным портфолио публикаций, выступлений на конференциях, участия в исследовательских проектах и пр. Мой другой знакомый, также окончивший без публикаций университет Глазго, просто не стал тратить время на поиск университетской позиции, поскольку трезво оценил свои шансы как незначительные. В то же время степень PhD (по советской истории, между прочим) помогла ему найти должность аналитика в одной из шотландских правительственных организаций, так что время в аспирантуре было потрачено не напрасно.

Знание подобных прецедентов, как положительных, так и отрицательных, мотивирует аспирантов на активные занятия научной деятельностью. При этом чем выше амбиции аспиранта, тем он сильнее стремится попасть на крупные специализированные конференции, где можно «засветиться» перед теми людьми, которым в будущем, возможно, придется принимать решение о его приеме на работу, и опубликоваться в высокорейтинговых журналах или коллективных монографиях. Как следствие, в североамериканской академической среде практически отсутствует чрезвычайно популярный в российской гуманитарной среде жанр малотиражных сборников статей («братских могил», как называли его некоторые из моих коллег по ПетрГУ). Аспирантам, постдокторским исследователям и даже преподавателям в течение первых нескольких лет карьеры (до окончания испытательного срока) просто нет никакого смысла тратить время и силы на подобные публикации – одна статья в «Slavic Review» или аналогичном журнале намного больше повысит шансы соискателя на получение искомой позиции, чем десяток подобных текстов. В этом еще

одно существенное отличие между российской и североамериканской аспирантурами. В ПетрГУ, например, многие из моих старших коллег публиковали по пять-десять (а то и больше) статей в год, в основном в тех самых пресловутых «братских могилах». Их пример не мог не стимулировать работу на количество в ущерб качеству среди аспирантов. Этому же способствовали и многочисленные отчеты, в которых явно проявлялось желание администрации повысить показатели университета по количеству публикаций. В UBC есть свои рекордсмены по производству научных текстов, но в среднем даже у преподавателей с мировыми именами в год выходит одна-две публикации – зато в высокорейтинговых изданиях. Подготовка такого текста отнимает много времени и сил, но в конечном итоге это окупается, поскольку текст оказывается в глобальном академическом пространстве – а это и широкая аудитория, даже для статей на узкие темы, и включенность в «большие» диалоги, которые определяют развитие научного знания, и в качестве прибавочной стоимости – повышение как собственной репутации, так и репутации факультета и вуза.

Конкурсный отбор кандидатов на вакансии в UBC, с которой я начал этот раздел, иллюстрирует еще одно существенное различие в организации российской и североамериканской аспирантур. Как я уже упоминал, факультет был искренне заинтересован в том, чтобы магистранты и аспиранты активно включились в оценку кандидатов – вплоть до того, что для них были организованы отдельные интервью. Что любопытно, магистранты и аспиранты с энтузиазмом откликнулись на этот призыв. Практического смысла в их участии было немного: большинство из них уже было на последнем году обучения, тогда как соискатели начали работать только с сентября следующего учебного года. Да и для остальных появление новых преподавателей на факультете мало что меняло: первые несколько лет после получения работы начинающие, как правило, слишком заняты переработкой собственной диссертации в монографию и другими делами, необходимыми для получения постоянной позиции (*tenure*), и поэтому не привлекаются к подготовке аспирантов. Участие магистрантов и аспирантов в процессе обсуждения и отбора кандидатов стоит скорее рассматривать как симптом, свидетельствующий о принципиально иной, по

сравнению с российскими вузами, роли магистратуры и аспирантуры в организации научной жизни на факультете.

Историческая аспирантура UBC функционирует отчасти как автономный институт, способный влиять на научную деятельность факультета. Магистранты и аспиранты организованы в формальное общество (UBC History Graduate Student Association, HGSA), которое имеет свой бюджет. Бюджет складывается из факультетского финансирования и доходов от книжной ярмарки, которую общество проводит один или два раза в год. В результате HGSA располагает довольно внушительной суммой денег, которая идет на финансирование участия ее членов в конференциях и на организацию ежегодной лекции какого-либо видного историка. Вся организационная работа проводится самими магистрантами и аспирантами. Скажем, в 2013 г. HGSA удалось пригласить в качестве лектора Натали Земон Дэвис, известную по исследованиям европейской истории Нового времени («Возвращение Мартена Герра»). Началось все с формирования комиссии из пяти или шести человек, которая в дальнейшем и отвечала за большинство организационных вопросов. В течение недели магистранты и аспиранты вносили предложения, кого они хотели бы услышать в качестве приглашенного лектора, после чего путем голосования был составлен рейтинг кандидатов. В нашем случае первый в рейтинге кандидат – Натали Земон Дэвис – с энтузиазмом откликнулась на предложение прочитать лекцию и провести несколько семинаров (иногда соглашается только второй или третий по списку), но попросила оплатить ей билет из Торонто в Ванкувер и обратно бизнес классом. Соответственно, возник вопрос, где взять дополнительное финансирование (разница между эконом- и бизнес-классами на этом маршруте составляет около полутора тысяч долларов). Комиссия организовала книжную ярмарку, для чего студенты, преподаватели и даже один или два букинистических магазина пожертвовали невостребованные книги. В течение двух дней сами же аспиранты продавали эти книги в центре кампуса (доллар за книгу в мягкой обложке, два – в твердой обложке, три – за учебник или энциклопедию). Члены комиссии также связались с различными университетскими структурами, в которых можно было получить деньги на проезд Земон Дэвис. Они же отвечали

за всю логику: встретить и проводить, разместить в гостинице, обеспечить транспортом по городу, заказать аудитории и оборудование и пр. В результате весь этот опыт оказался для них великопечной школой будущей профессиональной деятельности, а факультет получил в качестве приглашенного лектора одного из самых известных североамериканских историков без каких-либо усилий со стороны постоянных преподавателей.

Другой пример – организация факультетских семинаров. Каждый год факультет на конкурсной основе дает финансирование в объеме до 1 250 долларов на организацию четырех тематических семинаров в формате ежемесячных дискуссий. Преподаватели, аспиранты и магистранты организуются в группы по интересам и пишут заявки, которые потом рассматривает руководитель факультета (Department Head) и отбирает четырех победителей. Инициатива в организации семинаров в большинстве случаев исходит как раз от аспирантов, которые определяют и их направления, и содержательное наполнение. Какие-то из семинаров более успешны, бывает и провальный опыт, но в любом случае они составляют важную часть факультетской жизни, ведь каждый из преподавателей занимается, как правило, своей узкой темой, и подобные семинары, организуемые аспирантами, предоставляют им возможность для научного диалога через границы своих тем, областей и дисциплин. В этом отношении магистранты и аспиранты, а также постдокторские и приглашенные исследователи играют роль своеобразного фермента, который не дает факультетской среде застаиваться и стимулирует производство научного знания среди профессорско-преподавательского состава.

Вместо заключения

Поскольку данный текст застал меня в середине моей канадской аспирантуры, я не могу дистанцироваться от своего опыта обучения в ней – в отличие от опыта аспирантуры ПетрГУ. Тем не менее, если сделать некое финальное обобщение, я не могу не отметить, что основное, на мой взгляд, различие между двумя аспирантурами – не в финансовых возможностях и не в доступе к литературе. Нет принципиальной разницы в компетентности профессорско-преподавательского состава, отвечающего за подго-

товку аспирантов, и в начальной подготовке самих аспирантов – в ряде аспектов российское историческое образование даже сильнее. Основная разница – в позиции, которую аспирант занимает в российской и в североамериканской системе образования. Любой человек, попавший в канадскую или американскую аспирантуру, оказывается в положении Алисы в Зазеркалье, когда «приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте, а чтобы попасть в другое место нужно бежать вдвое быстрее». За счет децентрализации научного и учебного процесса на факультете импульс «бежать» исходит от самого аспиранта, а поскольку почти все аспиранты участвуют в этих гонках, в среднем подготовка получается интенсивнее и эффективнее. Наконец, аспирантура растягивается, как правило, на пять-шесть лет, и на это время предоставляется вполне приличное финансирование, благодаря чему бежать можно без надрыва – аспиранты исторического факультета UBC живут в гораздо более комфортном режиме, чем мои однокурсники по аспирантуре ПетрГУ, которые либо параллельно с учебной работали на одной, а то и нескольких работах, либо продолжали жить вместе с родителями.

Я хотел завершить этот текст рассуждениями о том, что знание, производимое выпускниками североамериканских PhD-программ, совершенно не обязательно будет лучше и качественнее, чем знание, которое создают выпускники российских аспирантур. По своей теме я читаю много откровенно слабых текстов, авторы которых некритически воспроизводят советологические интерпретации, игнорируют российскую историографию или вольно обращаются с источниками. Но при этом слабые тексты попадают все-таки в качестве исключения, и к тому же все мои примеры – из области советской истории, которая является периферийной дисциплиной для североамериканской исторической науки и основной областью знания – для российской. При всей несопоставимости положения советской истории в Северной Америке и России, за счет лучшей включенности американских и канадских университетов в процесс глобализации науки те интерпретации советской истории, которые возникают в них, становятся в итоге более резонансными, чем российские. Мне нетрудно представить, что через некоторое время аспиранты российских исто-

рических факультетов будут готовиться по текстам, написанным нынешними североамериканскими аспирантами. В то же время обратную ситуацию – чтобы, скажем, российские интерпретации истории США конкурировали с американскими – вообразить сложно. В этом нет никакого злого умысла, который видят в этой ситуации российские чиновники от науки, создающие комиссии по борьбе с фальсификациями истории и аналогичные механизмы. Причина, как мне кажется, в большей институциональной эффективности западной науки и ее интегрированности в глобальную систему производства знания, в том числе и в области подготовки новых научных кадров.

**Восемь тезисов
о присутствии мифа в истории**

Представлены размышления автора о значении мифов в жизни социума и их влиянии на историческое сознание, предложена модель альтернативности мифа, а не замещения его научным знанием.

Ключевые слова: миф, историческое сознание, гуманитарное знание, историография.

W. Vzhosek

**Eight Theses
on the presence of myth in the history of**

The author reflects on the significance of myths in the life of society and its impact on their historical consciousness. It offers a model for an alternative myth, not its replacement scientific knowledge.

Keywords: myth, historical consciousness, humanities, historiography.

1. Идея мифа, или понятие мифа, является одной из ключевых для большинства областей гуманитарных исследований. Невозможно перевести его присутствие в человеческом мышлении в полностью удовлетворительные и репрезентативные формы ограниченной рефлексии, потому что границы высказывания о нем, как бы они ни были раздвинуты, все равно оставят за своими пределами немаловажные и значимые оттенки этого понятия. При размышлении о культуре мысль о надкультурном существовании мифа высказывается по крайней мере в двух известных произведениях: «Эссе о человеке. Введение в философию человеческой культуры» Эрнста Кассирера (1944) и «Существование мифа» Лешека Колаковского (1972). И уже этих двух книг достаточно, чтобы увериться в вездесущности мифического (мифологического) гуманистического мышления и мышления в терминах мифа. Мы бессильны перед пленительным и глубоким вовлечением этой идеи в культуру¹.

© В. Вжосек, 2014

¹ Начиная даже с классиков античной философии Платона и Аристотеля и вплоть до идеи мифа у Фрейда, Элиаде, Леви-Стросса, Дюмезиля, Мелетинского и многих других мыслителей и исследователей.

2. Каждая попытка размышления о мифе спотыкается на том, каким способом мы её осмысляем и какой выбираем контекст для анализа этой идеи². В кратком вступительном слове к дискуссии нельзя утверждать, какой его способ понимания кажется наиболее побудительным для историографического повествования. В значительной степени это зависит от контекста, в котором мы захотим воспользоваться этим понятием, а также от того, какие задействовать проблемные поля и какие познавательные ожидания стремиться удовлетворить.

3. Что касается историографической операции, которая может быть разделена на несколько уровней, сложности идеи мифа могут быть разными. Во-первых, к нему можно отнести так, как Георгий Топольский, Андрей Феликс Грабский или я сам, т. е. как к категории описания метарефлексивной исторической операции³.

² Наиболее приемлемым приемом для более глубокого изучения этой идеи, мне кажется, является тот, который предложил Елизар Мелетинский, особенно когда он показал пути фиксированной структуры магического мышления как устной и письменной традиции концептуализации мира, когда архаические фигуры становятся основой / генезисом поздних форм признания в мире, в том числе тот, который предоставляется литературой (мифами этно- / антропогенеза, эпоса, романа...). Остановка даже на нескольких тезисах автора «Поэтики мифа» создает, с одной стороны, представление традиции своего понимания мифа, его углубление, и в то же время – сужает возможные интерпретации для конкретный сферы, которая исследует определенную эмпирию размышлений над ним. Такой подход, как мне кажется, очень вдохновляет. Особенно, когда появляется шанс вывести исторический дискурс – как вид – от мифа и мифологического мышления. См.: *Мелетинский Е.* Примитивное наследие в архаических эпосах. М., 1964; *Его же.* Поэтика мифа. М., 1976; *Его же.* Миф и историческая поэтика фольклора // *Избранные статьи. Воспоминания.* М., 2008. С. 9–29; *Его же.* К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике // *Там же.* С. 30–47; *Его же.* Происхождение героического эпоса (Ранние формы и архаические памятники). М., 1963.

³ См.: *Топольский Е.* Типы мифов в историографии // *Топольский Е.* Как пишется и понимается история. Секреты исторического повествования. Варшава, 1996. С. 203–326. – в этой работе и других, показывающих широту понимания мифа в историографии Топольского, используется данная категория. Топольский и Грабский мою идею историографической метафоры системно изложили в работе «История – Культура – Метафора. Создание неклассической историографии» (Претория, 1995). Признанная в свое время в качестве эквивалента, их идея мифа в историографии (у Грабского – «фундаментальные мифы») как категории ког-

4. Мы задаем себе вопрос о том, является ли фундаментальная идея *мифа, легенды, мифичности*, уже присутствующая в классическом историческом дискурсе, той, которая нам необходима. Если так, то вопрос будет решен классическим образом: историки продолжают изучение такого понимания мифа, легенды и т. п., наслаения вокруг событий, лиц, явлений рассказа (фабулы), интерпретации противопоставляя так называемым реальным историческим их измерениям. Следовательно, пытаясь, опираясь на первоисточники и другие маргинализованные свидетельства, которые до тех пор не учитывались, а также на основе новейшей исторической литературы, совершить современные верификации «исторических содержаний». Мыслительной (исторической) картине / событию / явлению / лицам мы противопоставим реальную / критическую картину, которая представлена здесь и сейчас. Мы указываем отличия между ними: во-первых, демифологизируем миф, указывая, что он является мистификацией / неправдой прошлого возникающего сознания из того или иного исторического дела / политического / религиозного / национального и т. д. обстоятельства, ошибкой историографии, связанной с «ошибочной когнитивной / исследовательской» стратегией, или мы корректируем его смысл, приводя к достоверным его размерам.

5. В результате предполагается, что миф заявляет претензии к подлинности, этот факт считается само собой разумеющимся – это обстоятельство подается за чистую монету, и выходит, если посмотреть, что половина претензий являются обоснованными. Эту процедуру можно назвать демифологизацией, но на самом деле она есть не более чем замена присутствующей в традиции / памяти картины или нескольких изображений через другую картину «Я» (иначе, других высококачественных конструируемых стандартов, например, так называемых научных).

Ту процедуру, так или иначе, я понимаю не только как конфронтацию мифа, например, с «объективной реальностью», сколь-

нитивной организации исторического мышления, как мне кажется, обогатила новые контексты (представляется в его работе «Об историческом мышлении» (Быдгощ, 2009), русский читатель найдет ее рассмотрение в моей книге: *Вжосек В. Культура и историческая Истина*: пер. с пол. К.Й. Ерусалимского. М., 2012. С. 34–43, 176 и сл.

ко как сопоставление разных культурных дискурсов, которые, как правило, бывают «несоизмеримы категориально»⁴.

6. Я вообще думаю, что попытки конкурировать с мифом со стороны образов, поступающих из других областей культуры, бесполезны. Историографическое видение событий / явлений / людей в результате так называемого исторического исследования возникло и предлагает альтернативные образы этих исторических явлений, не заменяя мифической силой своей «подлинности». Они совместимы в современном культурном дискурсе. Если же они заменяют мифы, то не потому, что «Правда» убеждает и побеждает.

7. Явление замещения господствующих систем другими верованиями и сложность этого изменения поразительно представляет К. Помян, когда пишет: «С сегодняшней точки зрения совершенно очевидно, что вопрос о суевериях, связанных с кометами или любыми природными явлениями не обязательно должен заинтересовать естествоиспытателей. Интересоваться ими должен гуманитарий, который, используя исторический материал, в состоянии доказать ложность мнения о том, что каждая комета приносила бедствия или войны, и может продемонстрировать, что такое мнение имеет характеристики суеверия, не основанного на рациональном <...>, однако, что теперь, похоже, в целом очевидно, в XVII веке было утверждение, что истина была иногда слишком часто подвержена сомнению и становилась предметом горячей дискуссии <...>, что обязанностью естествоиспытателя должен быть вопрос о его исключительности, и только исследования через сохранившиеся объекты молчаливо позволило исследовать природу отдельно от существования Бога и деятельности Прови-

⁴ Комплексно этот вопрос не может быть удовлетворительно изложен здесь. На самом деле, невозможно сопоставить то, что не стремится к истине, и то, что устремлено к ее культурному партикуляристскому эквиваленту для получения разрешения на компиляцию воедино коллективного воображения семантики – истины в нем излагаются по иным правилам. Это приводит к снижению культурного значения мифа (функции и роль культуры), чтобы играть в «True / False» в соответствии с неисторическими условиями и произвольно установленного «демистификатора». Мифы и демистифицирующая их «реальная картина» отличаются тем, какие сущности не рассматриваются и какие существующие функции / склонности присутствуют. Таким образом, мы сталкиваемся с точками зрения истинности в, на самом деле, различных областях «Правды».

дения. <...> Иными словами, позиция предполагает полную независимость природы от Бога, науки от теологии. <...> При демонстрации неправомочности таких вопросы, как: Комета – это хорошо или плохо? / <...> Есть ли глашатаи войны или мира, чумы или урожая? <...> – стало возможным признать, что единственно допустимый вопрос, относящийся к делу комет, – это правила, регулирующие их движения. Таким образом, следующим шагом на пути к устранению проблемы научного изучения всех вопросов, основанных на убеждении, что природные объекты являются прежде всего – если не исключительно – воплощенными символами, стал подрыв самой фундаментальной предпосылки богословского мышления, для которого каждое существо создано для чего-то, каждый означает что-то, и это значение является сущностью бытия.

Но полемика против суеверия о кометах, если хотела быть полной, не могла ограничиваться лишь этими случаями. Авторы, атакуя суеверие, также должны были ответить на вопрос, как было возможно, что люди, на протяжении веков поклоняясь суевериям, упорно цепляются за них даже в то время, когда разум прокладывает путь к новым победам. Проблема комет, связанная с проблемой человеческой природы, должна относиться к антропологическим исследованиям. Как утверждает Фонтенелле, между 1680 и 1750 г. большинство людей были исцелены через веру в кометы: когда астрономы не имели, в конце концов, единой позиции по данному вопросу, писатели, философы и историки доказали, что, независимо от того, что закон может эффективно регулировать движение комет, остается суеверие – вера, что их появление могло для кого-то что-то значить. Нет сомнений, что эти писатели, философы, историки внесли свой вклад в развитие астрономии, столь, казалось бы, далекой от всяких гуманитарных исследований»⁵.

Анализ, который предлагает нам философ и историк Кшиштоф Помян, по крайней мере для меня, представляет, кроме всего,

⁵ Помян К. Прошлое как объект познания. Варшава, 1992. С. 250–251 (цит. по: Zybortowicz A. Насилие и знания. Изучение неклассической социологии знания. Варшава, 1995. С. 316–317). В упомянутой выше работе «Об историческом мышлении» анализ этого утверждения дается в качестве примера дискурса, характерного для «истории исторической науки».

иллюстрацию тезиса, что «демифологизация мифа» будет сделана не путем фальсификации составляющих его убеждений, но заменой системы верований через другие стили мышления. Разница между ними, основанная на радикально отличной онтологии, часто предполагается ими. Образ мира предполагает, как правило, неявно, что один из них – это то, что отличает от других, он не содержит близкого значения («близко означенного») последнего. Таким образом, два «стиля мышления» не являются взаимоисключающими “противопоставленными”, второй не может фальсифицировать первый обычай в соответствии с критерием истины. Это происходит потому, что, как я уже указал, они находятся в разных «реальностях» – так же, как и его сопровождение «доказательств» на другой смысл истины (если смысл истины основывает).

8. Основания для отнесения мифа к истории и историографии различны, если рассматривать его как реально существующую психическую ушедшую реальность. Фрагмент коллективного сознания, хранитель менталитета, часть традиции – если мы будем действовать в соответствии с предложенной почти сто лет назад теоремой Томаса, объясняющей, почему люди подвержены убеждениям, – должны изучаться, потому что они обеспечивают условия для их деятельности. Иными словами, мы рассматриваем убеждения человека, как бы они не были нужны ему как части прошлого, и исследовать их, потому что они также свидетельствуют и о их деятельности. Следовательно, заниматься их происхождением, наличием и функцией в культуре, в которой они были вызваны, – а не их фальсификацией.

**УЧЕНЫЙ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ
КОММУНИКАЦИОННЫХ ПОЛЯХ
ОБЩЕСТВА И НАУКИ**

К.Б. Умбрашко

**«Нелестные толки нашего времени...»:
М.П. Погодин против М.Т. Каченовского**

Анализируется научная полемика между отечественными историками первой половины XIX в. Цель статьи – показать новые моменты в развитии русской историографии.

Ключевые слова: русская историография, научная полемика, М.П. Погодин, М.Т. Каченовский.

К.В. Umbrashko

**«Absurd senses of the our time»:
M.P. Pogodin against M.T. Kachenovskiy**

In this article there are analyzed scientific polemics between Russian historians of the first half of the XIX century. The purpose of the article is to show the new moments in development of the Russian historiography.

Keywords: Russian historiography, scientific polemics, M.P. Pogodin, M.T. Kachenovskiy.

Анализ контекста, в котором формировались представления ученых об историческом процессе, позволяет уточнить их понимание многих вопросов русской истории. Как показал социолог Пьер Бурдьё, спорные (полемичные) моменты делают нечто большее, чем просто обеспечивают общение, и дают возможность для выражения чьих-либо убеждений, «полемика сама по себе обеспечивает категории и принципы, в отношении к которым все уча-

стники определяют сами себя»¹. Полемика, ведущаяся в исторической науке России первой половины XIX в. показывает границы зоны распространения новых идей и имеет значение как научная борьба сама по себе. Споры оппонентов не только расширяют понимание эволюции исторических идей, но также открывают возможности вписать эти идеи в общественно-идейную борьбу своего времени.

Одним из главных полемистов в сообществе ученых-историков первой половины XIX в. стал Михаил Петрович Погодин (1800–1875). Формулярные списки сохранили подробности служебной карьеры историка в Московском университете. Ординарный профессор «греко-российского» вероисповедания был «сыном губернского секретаря». По окончании Московского университета Погодин получил степень кандидата словесного факультета и награжден золотой медалью. Оставшись при университете, он «начал преподавание всеобщей географии» в Благородном пансионе (1821), защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» и был избран действительным членом «Общества истории и древностей Российских» и корреспондентом Императорской академии наук (1825). Затем Погодин преподавал в университете историю в 1826/27 академическом году и был утвержден адъюнктом (1828), ординарным профессором всеобщей истории, статистики и географии (1833), был членом редакции «Ученых записок Московского университета»; преподавал историю трех последних столетий студентам Нравственно-политического отделения (1833–1834); «при введении в действие Нового устава назначен для преподавания российской истории в 1м отделении философского факультета» (1835). В 1836 г. историка избрали действительным членом Академии наук и членом общества Северных Антиквариев в Копенгагене. «Всемиловитейше пожалован в коллежские советники»².

«За отлично ревностную и долговременную службу» Погодин был «Всемиловитейше пожалован единовременно двумя тысячами рублей серебром из государственного казначейства»³. В 1840 г. Академия наук присудила ему полную Демидовскую пре-

¹ Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford, 1988. P. 81.

² ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 486. Д. 215. Л. 78 об.–82 об.

³ Там же. Д. 231. Л. 88 об.–89.

мию за докторскую диссертацию «Нестор. Историко-критические разыскания о начале русских летописей». В 1841 г. он был «Высочайше утвержден ординарным академиком по отделению русского языка [и] словесности при Императорской Академии наук», а в 1843 г. «Пожалован в статские советники»⁴.

Погодин «во все время службы, аттестовался по формулярным спискам способным и достойным, и выговоров со внесением в формулярный список не получал»⁵. В итоге он был «г. Министром народного просвещения уволен от службы при Университете по его прошению за болезнь с производством за свыше 20 летнюю его службу по учебной части в пенсию полного оклада производившагося ему на службе жалованья по 1429 р. 60 к. сер. в год» (1844)⁶.

К 1841 г. семья Погодина состояла из жены, троих детей, матери, тещи и брата. Жил в собственном доме в Москве на Девичьем поле. Сохранилось описание внешности Погодина в последние годы его жизни, подписанное криптонимом «Д.Я.»: «Как наяву, пред нами и теперь восстает оригинальная фигура Михаила Петровича с шапкою седых волос на голове, с густыми, насупленными бровями, из-под которых смотрели еще зоркие глаза, с длинною белой бородой – клином, в наглухо застегнутом сюртуке и с неизбежным костылем в руках. Как будто до сих пор, по воспоминанию, слышишь его всегда живую, с меткими, точно отрубленными выражениями речь, произносимую несколько сиплым голосом, с постоянными жестами и даже с нередким постукиванием костыля»⁷.

Своей миссией Погодин называл русскую историю, «для которой написал своей рукою уже не одну тысячу листов». «Чем больше я занимался ею, – писал Погодин в письме С.С. Уварову в 1841 г., – тем яснее понимал всю государственную и политическую значимость, кроме ученой и школьной, и теперь дохожу до таких новых, неожиданных и важных результатов, кои с удивлением услышат историки и политики не только в России, но и в Европе.

⁴ ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 486. Д. 241. Л. 77 об.–79.

⁵ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Е.х. 1. Л. 4–4 об.

⁶ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 2. Е.х. 1. Л. 6 об.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 280. Оп. 1. Е.х. 5. Л. 4.

Мне остается работы года на два, после которых я намерен писать Историю, по следам Карамзина»⁸. План оказался невыполненным.

В собственной автобиографии М.П. Погодин указывал, что спор с М.Т. Каченовским и борьба в университете, начатые в 1821–1822 гг. и продолжавшиеся почти 30 лет «наравне с тридцатилетней религиозной войной в Германии», «к счастью историко-критического развития Погодина» оказали самое серьезное влияние на направление научно-исследовательской деятельности. Главные предметы спора: «происхождение Руси с севера, по мнению П[огодина], а не с юга»; «достоверность Несторовой летописи, в которой К[аченовский] сомневался и которую защищал П[огодин]»; подлинность Русской Правды и других древних источников. «От этих главных предметов, – писал Погодин, – простиралось множество ветвей, покрывших всю его университетскую жизнь»⁹.

Другие линии влияния – А.-Л. Шлецер, «Нестор» которого определил метод и дух будущих занятий и идеи Ф. Шлегеля, полагавшего, что при занятиях историей «необходимо какое-нибудь происшествие изучить во всех подробностях, по всем источникам, чтоб получить в этом изучении масштаб для рассуждения обо всех частях истории»¹⁰.

По образному высказыванию А.И. Герцена, «Погодин был полезный профессор, явившись с новыми силами и с не новым Гереном на пепелище русской истории, вытравленной и превращенной в дым и прах Каченовским». Но как писатель «он имел мало значения»¹¹. Автор мемориальной статьи об историке – Н. Овсянников – специально отметил, что, заняв кафедру в то время, когда под руководством М.Т. Каченовского стала «царить» так называемая «скептическая школа», молодой Погодин, наоборот, с первых лекций вносил «философский элемент», находясь под сильным влиянием Шеллинга и других «положительных историков» (Шлецера, Герена, Добертсона)¹².

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Е.х. 80. Л. 398.

⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 2. С. 237, 239.

¹⁰ Там же. С. 243.

¹¹ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1975. Т. V. С. 242.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 280. Оп. 1. Е.х. 5. Л. 6.

Сначала, по собственному признанию, Погодин воспринял сомнения «скептической школы» по поводу древности русской летописной традиции совершенно серьезно и «бросил тотчас противникам перчатку рассуждениями о Несторе», которые начал публиковать в периодике в середине 1830-х гг. и затем свел воедино в докторской диссертации. Но, как вполне правомерно считают современные историки В.И. Дурновцев и А.Н. Бачинин, самой убедительной в полемике была статья «О достоверности древней русской истории»¹³.

Ответа на эту статью не последовало и Погодин «вскоре увидел, что шум был сделан по пустому, как говорит Шекспир, и что бояться за Нестора нет никаких причин, а сомнения так названной скептической школы, начавшей почти тогда же свой детский лепет, не заслуживали никакого внимания знатоков». Однако, для «вразумления молодых людей, готовых всегда гоняться за новизною, расположенных по природе более к сомнению и отрицанию, чем утверждению и доверию», для «предохранения» русской истории «на будущее время от подобных покушений»¹⁴, Погодин счел необходимым неоднократно и последовательно возвращаться к данной проблематике¹⁵.

Он предложил собственную трактовку творческой эволюции «виновника скептической школы» – профессора М.Т. Каченовского.

Первый период творчества – это первые двадцать пять лет «ученой жизни» – с 1805 по 1830 г., т. е. до пятидесяти пяти лет, когда будущий скептик принимал достоверность летописи, Русской Правды, Устава Владимира, «благоговел пред Шлецером»,

¹³ Дурновцев В.И., Бачинин А.Н. Разъяснять явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 199.

¹⁴ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. I. С. VI, VIII.

¹⁵ Нами выделено три редакции «антискептических» сочинений М.П. Погодина: 1-я редакция – серия статей в 1834 г. в «Библиотеке для чтения»; 2-я редакция – докторская диссертация 1838 г. «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей»; 3-я редакция – первый том «Исследований, замечаний и лекций...» 1846 г., куда в расширенном варианте вошла докторская диссертация.

переводил тексты, отрывки как самого Шлецера, так и Й. Добровского об истории России и славян, т. е. был, по мнению Погодина, вполне традиционным ортодоксальным историком.

В течение этого продолжительного периода переводы с иностранных языков фрагментов сочинений иноязычных авторов были его главным исследовательским занятием, он не написал ничего оригинального, т. е. никаких авторских текстов. Собственно научными текстами Каченовского Погодин считает лишь два узко-тематических сочинения: спор о банном строении в «Вестнике Европы» 1812 г. и критический разбор предисловия Н.М. Карамзина к «Истории Государства Российского» по французскому переводу («Вестник Европы». 1819). При этом спор о банном строении, несмотря на простоту темы, остался нерешенным. Лишь Н.М. Карамзин несколькими «ясными строками» прояснил вопрос.

Критический разбор Каченовским «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина также не привнес в научное знание ничего нового. Отметим, что Погодин не заметил трактатов Каченовского о Русской Правде и о кожаных деньгах, опубликованных в 1827–1829 гг. в «Вестнике Европы», где заметны сомнения автора по поводу подлинности древнейших источников по русской истории.

Но уже в рамках этого первого периода Каченовский, по мнению Погодина, узнал работы И.-Ф.-Г. Эверса и отступил от ортодоксальной апологетической позиции. «Начал в разных примечаниях к чужим статьям обнаруживать свое расположение к его гипотезе о козарстве руси», но не отделял русь от варягов и балтийских варягов считал скандинавами. Когда Эверс отказался от хозарской теории, ограничившись идеей «черноморского» происхождения руси, «за ним последовал и Каченовский, не прилагая впрочем от себя никаких доказательств как в первом случае, так и в последнем». Но летопись, Русская Правда, варяги «все еще оставались неприкосновенными».

Второй период в творческой эволюции М.Т. Каченовского связан, по мнению Погодина, с появлением работ Б.-Г. Нибура: «на беду явился тогда и произвел шум в ученой литературе своими сомнениями Нибур». Каченовский перевел о нем статью из французского журнала и «соблазнился» скептицизмом Нибура,

поскольку «его сердце от природы было склонно к сомнению». Он начал исподволь приставлять вопросительные знаки к разным событиям древней русской истории. Был ли Рюрик? Писал ли Нестор? Вопросительные знаки переросли в настоящие сомнения, когда он познакомился с книгой Георга Сартория¹⁶. Каченовский, считал Погодин, увидел в истории Ганзы положения, слова, постановления, подобные древним; ему показалось, что договоры Руси с Византией и Русская Правда являются подделками и составлены в поздний период по модели отношений Новгорода с ганзейскими городами, будто бы для подтверждения древней самобытности истории Новгорода, чтобы «не ударить в грязь лицом» перед европейскими партнерами. «Голова у него закружилась: Нибур заставил его предполагать выдумки, а Сарториус подложил и источник».

Третий период. Дальнейшие события Погодин реконструировал следующим образом: «Нашел, нашел, подумал Каченовский, и решил: договоры и Правда составлены из позднейших отношений Ганзейских. Подле Любека жили вагры, – вот и варяги. Русь же по Эверсу пусть остается на Черном море! Что же делать с Нестором? Разумеется Нестор не писал летописи, которую ему приписывают, а она сочинена в 13 и 14 веке, в период ганзейских сношений. Каченовский в восторге написал тогда же «исторические справки об Иоанне Эксархе Болгарском», и начал печатать рассуждения «о кожаных деньгах» и «мой взгляд на Русскую Правду». Погодин назвал этот период «счастливейшим временем» в литературной биографии Каченовского, поскольку «сгоряча мечтания показались ему истинами, кои должно подтвердить время». Погодин имел в виду высказывание Каченовского: «Мы стоим на праге неожиданных перемен в понятиях наших о ходе происшествий на Севере в давно минувшие века»¹⁷.

Отметим, что М.П. Погодин неверно процитировал этот фрагмент: «происшествия на Севере в давно минувшие века» Каченовского превратились у него в «происшествия IX в.». Такое произвольное уточнение существенно исказило смысл высказывания

¹⁶ Geschichte des Hanseatischen Bundes und Handels. Gettingen, 1802–1808. 3 Bd.

¹⁷ Каченовский М.Т. О белых лобках и кунных мордках // Вестник Европы. 1828. № 13. С. 47–48.

автора, поскольку предположительный тон и характер фразы превратился в утвердительный. Кроме того, Погодин неверно указал выходные данные цитируемого фрагмента (Вестник Европы. 1828. № II). При этом сноска остается неверной независимо от того, обозначен ли номер журнала римскими или арабскими цифрами.

Но для критика важно было подчеркнуть именно утвердительность тона историка, поскольку сам Погодин поддавался внушению и оправдывался: «Они (труды Каченовского. – К.У.) подействовали и на меня, хотя я с 1820-х годов ратовал против Эверса и Каченовского, и в магистерской своей диссертации (1825) разобрал подробно сочинение первого». И далее: «Связь этнографическая Новагорода с Балтийским поморьем мне нравилась; а таинственные намеки о происхождении Русской Правды, тогда не слишком еще для меня знакомой, возбуждали мое любопытство, и я начал ожидать с нетерпением обещанных объяснений и подтверждений»¹⁸.

М.П. Погодин проследил основные этапы перехода М.Т. Каченовского к скептицизму:

1. Увлечение идеями и методологией А.-Л. Шлецера.
2. Увлечение идеями и выводами И.-Ф.-Г. Эверса и Г. Сартория.
3. Увлечение моделью исторического исследования Б.-Г. Нибура.

Второй и третий этап хронологически совпали друг с другом, а главное содержание третьего этапа – предвкушение открытий, которые могли бы изменить традиционные взгляды на древнейший период русской истории, и остановка «на праге перемен». В результате появились статьи «Об Иоанне, Экзархе Болгарском» и трактаты «О кожаных деньгах» и «О Русской правде». Но дальше ученый, подразумевая Погодин, не пошел.

Эту схему можно определить следующей формулой – от Шлецера через Эверса к Нибуру и далее – к европейским историкам первой половины XIX в. Однако, эта формула – сугубо условная. Она не учитывала в полной мере влияния параллельной «скептической школе» отечественной историографии, которое

¹⁸ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 325–329.

было несомненным и чрезвычайно глубоким. Но именно эта схема легла в основу большинства последующих историографических построений отечественных историков.

И.М. Снегирев писал в дневнике о спорах Погодина с Каченовским в «Обществе истории и древностей Российских». Запись 23 февраля 1825 г.: «Поехал в собрание Истор[ического] Общества <...>. Читал председатель рассуждение Санглена о Черниговской гривне, на которое Каченов[ский] делал сильные возражения; <...> Поздно приехавший Полевой прочел свою речь, вступит[ельную], по-видимому, наскоро написанную. После него Погодин [читал] свои замечания на Нестора; Качен[овский] делал ему возражения, что Нестора нельзя нам мерить своим аршином»¹⁹.

По мнению Погодина, только сумасшедшие люди могут делать нелепые предположения по поводу сомнительной подлинности русской летописной традиции. Русская летопись составлена в конце XI – начале XII в. и ее автором, несомненно, является монах Киево-Печерского монастыря Нестор. «Нестор и летописатель – два нераздельные понятия у нас в продолжение веков, и все свидетельства о бытии Несторовом вместе с свидетельствами о сочинении им летописи так соединены между собою, что разделить их совершенно невозможно», – считал Погодин²⁰. Фрагменты летописи, которые носят фольклорный характер (месть княгини Ольги древлянам, смерть Святослава, испытание вер Владимиром и др.), заимствованы летописцем из скандинавских саг, но поскольку таких фрагментов очень мало, то они не могут сделать баснословной всю летопись в целом²¹.

Подозрения скептиков в неподлинности договоров Руси с Византией X в. также, по мнению Погодина, ничего не значили, поскольку состояли «из одних вопросительных знаков, без всяких ученых доказательств; но договоры сами по себе столько важны, столько значительны для русской и общей европейской истории, что необходимо должно утвердить их подлинность, и оградить их

¹⁹ Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Т. I. 1822–1852 / предисл. А.А. Титова. М., 1904. С. 139.

²⁰ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 54, 56, 73.

²¹ Там же. С. 194–195.

от всех возможных притязаний». Доказательства подлинности договоров Погодин назвал филологическими – признаки перевода (язык «мудреный, переводный, насильственный от неискusstва переводчиков», «обличающие перевод, а не сочинение») и историческими – греки очень редко фиксировали в своих летописях заключаемые договоры. Источником сомнений скептиков в подлинности договоров стали рассуждения Шлецера, но скептики не заметили, что выводы немецкого историка по этим вопросам уже пересмотрены в работах Ф.И. Круга, Н.М. Карамзина и других исследователей. «Какой позднейший мнимый подделыватель, 13 или 14 века, – вопрошал Погодин, – мог угадать, что в 911 году можно было приписать договор [императорам] Льву, Александру и Константину, когда теперь, в 19 веке, насилу, со всею ученостью и зоркостью, критика могла добраться, что можно». Кроме того, договоры подтверждаются Русской Правдой, которая «составляет совершенно особый документ» и некоторые статьи которой «согласны, или по крайней мере параллельны с статьями договоров, и доказывают их достоверность». Поэтому автор сделал заключение: «Договоры подтверждают еще более подлинность летописи, и ими по справедливости может гордиться русская история»²².

Что касается Русской Правды, то она, как считал Погодин, «соответствует совершенно положению России ее времени и не представляет никакого противоречия с историей»; содержит «сходство во всех главных чертах с законами тех народов, к которым принадлежит наша Русь»; «выводится самым естественным образом а priori из первоначальных отношений русского общества». Большинство историков «не находили в ней ничего даже сомнительного», лишь Каченовский «объявил ее подложною». Поэтому

²² Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 116, 124, 144, 145, 154. Текст идентичен с соответствующими фрагментами диссертации «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей» (М., 1839. С. 122–127) и сочинения «Норманнский период русской истории», которое было подготовлено к печати еще в 1854 г., но из-за цензурных препон сразу опубликовано не было (М., 1859. С. 18–36). Погодин в данном случае ссылался на примеч. 317 первого тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и сочинение Ф.И. Круга «Kritischer Versuch zur Aufklarung der Bysantischen Chronologie» (СПб., 1807. С. 108–112).

Погодин посчитал нужным очень подробно, шаг за шагом, положение за положением разобрать трактат Каченовского «О Русской Правде».

Проследим за ходом рассуждений Погодина. Требовать от письменного средневекового законодательства признаков дипломатической достоверности, как это делал Каченовский, значит, по мнению Погодина, требовать невозможного. Сомнительность столь раннего появления письменного законодательства на славянском языке, о которой писал Каченовский, снимается параллельным существованием законодательства «у франков салических, рипуерских, бургундцев, лонгобардов, у норманнов в Нормандии, на островах Исландии, в Норвегии, Швеции, Дании» и быстрым распространением славянской письменности в связи с переводом Библии на славянский язык.

Далее Погодин ответил на вопросы Каченовского. С кем торговали новгородцы в XI в.? – Судя по находимым в новгородской области монетам, с арабами, козарами, болгарам, финнами, греками, норманнами. Чем торговали? – Экспортные товары: меха, ткани, невольники. Импорт: серебро, украшения, предметы роскоши и т. п. «Каченовский не видит ничего далее Ганзейской торговли, – писал Погодин, – но ему надо б было вспомнить хоть Адама Бременского, современника Несторова, который говорит, что в его время датчане приезжали в Новгород иногда в 4 недели, а от устья Одера в 43 дня. По Новгородской летописи около 1134 г. новгородцы являются уже в датских владениях, следственно даже за Готландом». Могла ли существовать в Новгороде городская община? – Нет, не могла, но Русская Правда ничего о «градском обществе» и не сообщает, а свидетельствует лишь о наличии «торговых людей», купцов, как особой категории населения. Была ли потребность у новгородцев в законах? – Возможно, нет. Но «законы принадлежали первоначально не Новугороду, а племени варяго-русскому, – и именно городского, муниципального, в них ничего не видать». «Впрочем, – заключил Погодин, – все эти вопросы не имеют решительно никакого отношения к Русской Правде, которая не опровергается вопросами, не доказывается ответами»²³.

²³ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 233, 234, 235, 236, 238, 240, 241, 242.

При любом подлоге существует цель. Но в случае с Русской Правдой, по мнению Погодина, возможность подделки выглядит бессмысленной. Никто не ссылался на этот источник, обосновывая свои права или притязания, не доказывал своих идей. Каченовский ошибочно сравнивал Русскую Правду с более поздними немецкими уложениями XIII–XIV вв., а не с «варварскими» законами, которые существовали у немецких племен «гораздо прежде Правды».

Схема развития русского законодательства, согласно Погодину, выглядит следующим образом: договоры Руси с Византией X в. – Правда Ярослава – «Правда сынов Ярославовых» – «Правда Мономахова» – «Дополнения к Правде» – «Договор Мстиславов» – «Грамота Василья Дмитриевича» – «Устав Иоанна III». Сходство Русской Правды с законами Ганзы само по себе ничего не значит, поскольку «все народы, стоящие на одной степени образования гражданского и житейского, находясь в одинаковых отношениях или обстоятельствах, попадают иногда на одне правила»²⁴. По мнению Погодина, «законы и обычаи русские» были на самом деле «норманнские-скандинавские-варяжские», которые в 1016 г. были записаны Ярославом I (первые 18 статей Краткой Правды)²⁵.

Договоры Руси с Византией X в. Погодин назвал «драгоценной собственностью российской истории» и апеллировал к авторитету Эверса, который принес «в последнее время наиболее пользы российской истории своими сочинениями (кроме черноморских нелепостей)». Эверс основал на этих договорах и Русской Правде «все свое примечательное сочинение о древнейшем праве Руси и представил по сим памятникам изображение нашего древнего гражданского общества», удачно показав «приличие всех статей договоров тогдашнему состоянию Руси и отношениям их к грекам, и вместе вывел а priori очень естественно их происхождение»²⁶.

²⁴ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 256–259. Те же выводы дублируются в диссертации «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей» (С. 130 и далее) и в «Норманнском периоде русской истории» (С. 118–132).

²⁵ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. III. С. 359–383.

²⁶ Погодин М.П. Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. С. 115. Те же выводы видим в «Норманнском периоде русской истории» (С. 172–180).

Разбирая рассуждение «О кожаных деньгах», Погодин показал, что Каченовский, утверждая невозможность существования кожаных денег, не заметил, что это мнение «не имеет никакого отношения ни к летописи Несторовой, ни к древней русской истории, и нисколько не уменьшает ее достоверности», что «это есть только частное ученое мнение, справедливое или несправедливое». Эта статья, как писал Погодин, «начинается жалобами о недостатке критики в нашей истории, жалобами составленными из общих мест, без всяких точных определений». Критик отметил «характеристический процесс» в исследованиях Каченовского, «перенятый всеми его слушателями» (т. е. учениками М.Т. Каченовского, авторами «скептической школы»): «В кожаных лоскутках он сам вообразил себе государственный кредит, который разумеется должен показаться всякому невероятным, и – начинает торжественное опровержение!» Аргумент Погодина такой: «Кредита не было, и не было в нем нужды, а лоскутки могли быть». Доказательства Каченовского построены на основании, неверном изначально.

Пусть во фрагментах летописей, приводимых Каченовским, считал Погодин, куны, мордки означают монету металлическую, но «их нет у Нестора также как и серебряных белок, и напрасно привязывает он этот вопрос к древней истории». «Вот все рассуждение Каченовского! – заключил Погодин. – Читатели видят, что если б даже были верны его положения, (большею частью, весьма сомнительные и натянутые), то и тогда они не могли б нисколько привести в подозрение летопись Несторову, к коей не имеют никакого отношения»²⁷.

Следующей исследовательской задачей Погодина стало выяснение побудительных причин формирования «скептической школы».

Одной из главных предпосылок возникновения «учения сомнения и отрицания» в Московском университете Погодин назвал административный авторитет Каченовского. На своих лекциях он высказывал скептические построения и поэтому «студенты, имевшие к нему отношение, как профессору, декану и нако-

²⁷ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 334, 335–336, 338, 344, 346.

нец ректору, должны были, *benevolentiae captandae causa*, писать классические упражнения в его духе, и подвели рассуждения из общих мест под его отрицания и знаки вопроса». Эти классические упражнения студенческого, школьного, по выражению Погодина, уровня (в доказательство приводятся примеры: в одном написано, что автор, рассуждая о восточных свидетельствах, не мог достать сочинений Френа, в другом нет ни одной ссылки на сочинения на немецком языке, потому что автор не знал этого языка, в третьем представлен свидетелем об исландских сагах современный историк Маккензи), были напечатаны в «Ученых записках Московского университета» и других периодических изданиях. «Журналисты назвали их произведениями скептической школы, – пишет Погодин, – направление признали скептическим, и пошли гулять по белу свету скептики, как ветряные мельницы Сервантеса, хотя все школьники, оставив университет, перестали писать тогда же, кроме одного, <...> который продолжал писать в этом духе <...> еще год».

Интересен список авторов, которых М.П. Погодин причислил к «скептической школе», причем список является полным, поскольку историк, «желая кончить это дело, предосудительное для исторической русской литературы, которая одна почти поддерживает нашу ученую честь, а еще более желая предотвратить молодых людей на будущее время от подобных вредных заблуждений, и охранить прямую дорогу, дорогу Байеров, Шлецеров, Карамзиных», разбирает все сочинения «скептической школы». Погодин при этом указал названия статей «по номерам» в хронологическом порядке, не называя имен, «дорожа честью» авторов, поскольку «все они освободились из-под влияния [скептицизма], и умолкли, – зачем же напоминать об их юношеских грехах, которые послужили им, впрочем, во спасение». Для Погодина при разборе скептических сочинений речь идет о науке, а не о личностях. Мы расшифруем имена (впрочем, частично это делает сам автор в дальнейшем тексте).

Список Погодина выглядит следующим образом:

- 1) «О кожаных деньгах, профессора Каченовского»;
- 2) «О Русской Правде, его же»;
- 3) «О баснословном времени в российской истории»;

- 4) «О пользе изучения российской истории в связи со всеобщей»;
- 5) «О первоначальном заселении Новагорода»;
- 6) «О причинах постепенного возвышения Москвы до Иоанна III»;
- 7) «Об исторических трудах и заслугах Болтина»;
- 8) «Об исторических трудах и заслугах Миллера»;
- 9) «О мнениях касательно происхождения Руси»;
- 10) «Критический взгляд на статью скандинавские саги»;
- 11) «О недостоверности древней русской истории и ложности мнения, касательно древности русских летописей»;
- 12) «Кто писал ныне нам известные летописи?»;
- 13) «О первообытном виде и источниках ныне нам известных летописей»²⁸.

В персональном плане список Погодина расшифровывается так:

- Каченовский М.Т. (1, 2);
- Бодянский О.М. (9);
- Ключников И.П. (3);
- Перемышлевский М. (5);
- Сазонов Н.И. (8);
- Станкевич Н.В. (6);
- Стрекалов Н. (7);
- Строев С.М. (4, 10–13).

Погодин не учитывал важных для «скептической школы» трактатов «О скудости и сомнительности...» В. Виноградова и «О пользе изучения отечественной истории...» В. Шеншина.

Рассуждение Ключникова Погодин назвал в полном смысле «классным», поскольку сведения автора «скудны и собственной мысли никакой, а учителявы изложены складно, даже складнее, чем у него самого». Эта «школьная школа» производит в «знатке особое негодование», поскольку «видеть сокровища, попираемые ногами по невежеству, не скажу ученому, но полуученому; точно так как например слышать русских, говорящих чужим язы-

²⁸ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 331, 332, 333–334.

ком, – и мало ли сокровищ всяких, кои мы русские, и вообще славяне, попираем ногами!» – воскликнул Погодин²⁹.

Разбирая сочинение М. Перемышлевского, критик указал, что это, как и все другие сочинения «скептической школы», «начинается жалобами на недостаток критики в древней нашей истории», «читатели видят здесь опять те же мысли, только в других оборотах». «И такие то упражнения названы у нас школою! Правда – можно назвать их школою, но в первоначальном смысле» – недоумевал Погодин. «Приступаем к разбору, – писал он, – но что разбирать? Встречаем одни прежние восклицания, и никаких доказательств»; «ясно ли видят читатели, что эта школа есть собрание классных упражнений?».

Перемышлевский, по мнению историка, проявил «удивительное смешение понятий»: о севере есть известия летописи – он им не верит, о юге нет известий, но есть множество противоречий – «он верит мечте». «Каченовский с своими студентами, – заметил Погодин, – находится принужденным отделять совершенно север от юга, а их отделять никак нельзя. Киевские князья находились в непрерывной связи с варягами: если бы они были турки, как могли бы они беспрестанно получать помощь из глубины Скандинавии, и ездить туда при всяком нужном случае»? Рассуждения Перемышлевского об отношениях новгородских князей к киевским и о немецких славянах («удалившиеся с берегов Балтийского моря колонии положили основание республике на берегах Волхова») опровергаются существованием новгородского Софийского собора в византийском стиле, принятием христианства в православной версии и т. п. «Если немецкие славяне пришли на берега Волхова, – писал Погодин, – то почему же они не сохранили связей с своими единоплеменниками? Почему не осталось никаких известий в летописях, которые тогда везде уже сочинялись? Могут ли нелепости восходить или нисходить далее»? Главной ошибкой авторов «скептической школы» являлось, по мнению Погодина, то, что «они смотрят на все летописи вдруг, а надо отделять начало от продолжений. Начало имеет один характер; про-

²⁹ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 360, 362.

должения – другой. Что можно сказать с ними о продолжениях, того нельзя сказать о начале»³⁰.

Рассуждение О.М. Бодянского «О мнениях касательно происхождения Руси» также заслужило самую негативную оценку Погодина. «Каченовский и его ученики, – писал он, – сочиняют нам варягов для 12 и 13 века, когда их у нас не было по современным летописям, которые, по их мнению, тогда начались, и уничтожают варягов 9, 10, 11 веков, которые действительно были и засвидетельствованы! Эти господа основывали свое мнение на одном сходстве имени вагиров или вагров с варягами, но разве вранги-норманны греческих писателей и веринги-норманны северных, менее похожи на варягов, чем вагиры? Почему же отвергать последние сходства и принимать первое, между тем как последние имеют за себя множество других доказательств, а первое никаких. Одно сходство ничего не значит, и отвергается не только вышешю, но и низшешю критикою». Это показывает лишь «нелепость покойной системы».

Из повторения одних и тех же замечаний у всех авторов Погодин сделал заключение, что они «записывали только слова своего профессора», т. е. подчеркнул тесную взаимосвязь Каченовского со «скептической школой» в целом. «Кончив безотчетные свои толкования о летописи, – писал Погодин, – автор приступает к разбору мнений о происхождении Руси, по обыкновенной методе всей школы, скрывая и искажая противные доказательства, смешивая вопросы, и тому подобное». Интересно в этой связи примечание Погодина о характере исторических направлений или школ в первой половине XIX в. «У нас, – писал он, – нет еще так называемого общего мнения (в смысле исторического направления. – К.У.), ни об каком предмете, об ученом тем менее. Какая бы нелепость ни была сказана, всегда найдутся люди, которые привяжутся к ней на хвост, провозгласят мнением, и даже прославят ее, надеясь и себе снискать с него имишко. Угодно ли примеров? Что пишут теперь о славянах! Сам Тредьяковский, сам Эмин, сто лет тому назад, постыдились бы таких нелепостей. Г. Морошкин завел нас просто в лес, и показал нам дичь, – и вот

³⁰ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 384–386, 390, 391, 393, 394, 398.

в одном журнале торжествуется потрясение шлецеровой системы, и пишутся стихи в память великого события. Полевой прочел кое-как Гизо, Тьерри, Баранта, и напутал Историю Русского народа, (уже забытую автором, еще более, чем читателями), приставляя к прежним формулярным спискам, на Телеграфский язык переведенным, по несколько слов о развитии, правлении, требованиях века, и вот, говорят, философское направление! Еще что? Исследователи <...> считают долгом сказать: Карамзин полагал вот как... Полевой вот как...! Перестаньте стыдить себя, господа»³¹!

В связи с подобными критическими высказываниями Погодина развернулась научная полемика. Главным оппонентом Погодина со стороны скептиков стал не сам М.Т. Каченовский и не указанные авторы, а один из самых талантливых учеников профессора – С.М. Строев. Но единственный «из пишущих» последователей Каченовского рано умер и полемика оборвалась. Статьи С.М. Строева, полемически направленные против положений Погодина, публиковались не только в текущей периодике, но и отдельными брошюрами.

Начало полемики было положено самим Погодиным, который, прочитав серию студенческих трактатов «юных скептиков», записал в своем дневнике: «Читал с досадою выходки молодых глупцов об истории. Я начинаю и начну преобразования в русской истории, а они говорят о Каченовском, который долбит им только без всякого основания: не верьте. Досада»³². Досада Погодина в конечном итоге и заставила его выступить против скептиков и он стал, по выражению М.А. Максимовича, «новым паломником Несторовой летописи, защитником ее подлинности от строптивых отрицаний неверующей критики»³³.

Первой перчаткой, брошенной Погодиным, стала статья «О достоверности древней русской истории»³⁴, которая и послужила началом полемики. До публикации статьи автор прочел ее на лекции своим студентам, возможно, чтобы переломить настроения в студенческой среде в свою пользу. Когда Каченовский по-

³¹ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 331–332, 403, 404, 406, 408, 412.

³² *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 218.

³³ Там же.

³⁴ Библиотека для чтения. 1834. № 10. Отдел. III. С. 77–104.

знакомился с этой статьей, то сказал автору с усмешкой: «Вы все вооружаетесь за истину»³⁵. Несмотря на ироничный тон, Каченовский подал жалобу декану, но в это время министр народного просвещения С.С. Уваров еще не осознал масштабов разворачивающейся полемики и жалоба Каченовского осталась без внимания. И в это же время Погодин получил успокоительное письмо от К.С. Сербиновича: «Я имел случай говорить о вашей статье с С.С. Уваровым и что он желал бы, чтобы в нашем министерском журнале была помещена статья, в которой был бы показан весь вред безверия в наши летописи. Можно еще раскрыть мысль Уварова, что потрясение наших летописцев предосудительно для нашего народного чувства. <...> Однако ж в нашем журнале нельзя писать прямо ни против кого: можно только изложить свое собственное мнение и опровергать чужое, не говоря чье, чтобы не входить в личную распрю в сем журнале»³⁶.

На своих лекциях Погодин довольно грубо говорил студентам: «мир действительности» в сочинениях «скептической школы» подменяется фантазиями, «грезами и сомнениями зрелых и незрелых юношей»³⁷. Данное замечание в письме (10 марта 1840 г.) студента Погодину еще раз подтверждает наше предположение, что полемика со скептиками велась публично, с кафедр Московского университета, студенты напрямую были включены в эту борьбу. Поэтому автор и не проявил особой сдержанности и в тексте статьи. «Сочинив свою невозможность, – писал он о трактате Строева “О пользе изучения...”, – автор <...> начинает разбирать, и что же показывает? Только старые места, заимствованные из греческих летописей, по указаниям Шлецера, Строева (П.М.) и проч.»

Здравый смысл показывает, считал Погодин, что западные летописи «понимать в 14 столетии также и переводить было почти некому, как и в 11», что «летопись наша сочинена в Киеве, а в 14 веке Киев был под пеплом, и сочинять было там некому», что «Новгородский подделыватель приурочил бы известия к Новгороду, а не к Киеву, который играет первую роль в летописи». «Но

³⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. С. 220.

³⁶ Там же. С. 219.

³⁷ НИОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 4. Е.х. 44. Л. 1.

довольно об этих нелепостях, – писал Погодин, – в коих не знаешь, чему более удивляться – дерзости или невежеству». Для Погодина ясно, что «ни Каченовский, ни ученики его, не читали дальше первых страниц летописи, о коей брались судить по одной теории»³⁸.

Сходство статей договоров князей Олега и Мстислава, на которое обратил внимание Строев, сделав вывод, что договор Олега составлен по образцу позднейших «грамот», по мнению Погодина «показывает только, что были общие правила, которые велись искони, и точно так встречались прежде, как встречались и после. Мстиславов договор представляет подобие с Ганзейскими взаимными договорами – поэтому и он выдуман?», а договоры Олега и Игоря «по содержанию своему совершенно различны».

Закljučая разбор этого рассуждения Строева, Погодин указал на «беспримерную литературную бессовестность» в подтверждение своего положения, что «все рассуждения этой школы были случайные, и отнюдь не имели никакого значения в науке: никто не заботился о том, что он писал; лишь бы с рук сошло». «Если б вся эта школа не прешла, – заключил Погодин, – предложили бы и мы ей советы, с большею надеждою на успех: вы говорите, что летописи сочинены в 14 веке. Доказывайте же это мнение положительными доказательствами, как будто б другого мнения, т. е. нашего, и не было. Вы увидите тотчас, что вам сказать нечего, что нет года, с которого бы вам начать было можно свою историю! В 14 веке вы встретитесь тотчас с Москвою – и должны будете назвать Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород подложными. В 13 веке вы встретитесь тотчас с монголами и сотнею князей, и должны будете предположить их отцов в 12 веке, т. е. дойдете до Нестора. Вы собираете слова и дела, кои, по вашему мнению, не могли быть записаны в XI веке; но во сто раз больше можно найти показаний в летописи, кои не могли быть записаны в 14 веке <...>. На это вся школа не обратила внимания. Следовательно, все возражения от противного решительно не значат ничего»³⁹. С.М. Строев в ответ опубликовал статью «О недостоверности древней русской истории...».

³⁸ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 370–374.

³⁹ Там же. С. 382–384.

Последующие полемические статьи Погодина – «Кто писал Несторову летопись», «О первобытном виде и источниках Несторовой летописи»⁴⁰ – стали новым стимулом для развития научной полемики Погодин – Строев, вызвав в качестве ответа очередные статьи Строева «Кто писал ныне нам известные летописи?» и «О первобытном виде и источниках ныне нам известных летописей». Статьи Погодина в расширенном и более полном варианте вошли затем в первый том «Исследований, замечаний и лекций...», поэтому мы используем именно этот, последний по времени вариант текста как наиболее полно и последовательно отражающий позицию автора.

С.М. Строев, по мнению Погодина, составил по точным данным очерк древней истории и, сравнив его с традиционной версией древней истории, пришел к выводу об их существенном отличии. «Это дело совершенно другое, – указал Погодин. – Одно дело – данные; другое – история по данным. Я вооружаюсь за достоверность данных, и не отвечаю, как разные историки составляют историю из данных. Всякий историк имеет свой взгляд на вещи, и летописатель, критик, не отвечают за него». В ответ на замечание Погодина о различии языка источников Строев привел начало договора Игоря X в. и отрывок из договора Мстислава XIII в., придя к выводу, что язык последнего древнее. «Отвечаю на коварное сближение, – писал Погодин, – которым можно обмануть только незнающих: это примеры двух разных наречий, которых нельзя сравнивать: Игорев договор переведен с греческого на болгарское церковное наречие, а Мстиславов договор писан на собственном новгородском наречии». Об изборниках Святослава, о которых так неосторожно упомянул Строев (см. ниже), Погодин писал: «Не знаем, кто этот знаток, а знаем, что все наши филологи, палеографы, которых больше, чем исследователей, единогласно признают древность Святославовых сборников»⁴¹.

Погодин назвал С.М. Строева студентом, «только что вставшим с университетской лавки, который думает, что вся премуд-

⁴⁰ Библиотека для чтения. 1835. № 1. Отд. III. С. 1–10; Библиотека для чтения. 1835. № 3. Отд. III. С. 1–18.

⁴¹ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 419–420, 432–433, 444.

рость человеческая заключается в его тетрадах»; «на старую Шлецерovu тему, насказал он несколько общих мест о сагах, как будто б ничего не было писано об них и издано после Шлецера». При этом «молодой человек одних мест не знал, других не сообразил, и говорил наобум»⁴².

С.М. Строев вступил в полемику, пытаясь показать органичность и естественность «скептической школы» как факта историографии. Ее появление было подготовлено предшествующим развитием исторической науки, т. е. «скептическая школа» – закономерное историографическое явление. Традиционный взгляд на отечественное летописание, называемый автором «авторитетом», находился «под эгидою» А.-Л. Шлецера и Н.М. Карамзина. Традиционная точка зрения долгое время оставалась господствующей, поскольку никто не осмеливался открыто восставать против этого «авторитета».

Первой попыткой по-иному взглянуть на события древнейшего периода русской истории, по мнению Строева, стали исторические работы Эверса, который «с удивительным самоотвержением вооружился против целой фаланги ученых». Он начал бороться со всеми современными ему исследователями, потому что все они придерживались одного мнения о происхождении руссов. После этого «над бедным Эверсом собралась грозная туча, разразилась над ним, и дело его считалось уже проигранным». Однако Эверса поддержал Нейманн. Суть нового мнения заключалась в непризнании в руссах норманнов. Но эти ученые, «оставивши тот же театр, ту же драму, те же декорации, осмелились переменить только актеров: у них главную роль играли не норманны, а руссы, – народ азиатского происхождения!». Нейманн «имел одну участь с Эверсом»: его публично объявили человеком, «заблудившимся» в «деле историческом».

Но историческая наука, считал Строев, развивается стремительно. Другой историк разрушил сам театр, которым дорожил не только Шлецер, но и Эверс, преобразовал сцену, исправил драму истории, изменил декорации. Этот преобразователь – конечно же Каченовский. Смена поколений в исторической науке произошла

⁴² *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 306, 309.

после смерти Шлецера и Карамзина. Началом формирования «скептической школы», по мнению С.М. Строева, стало появление первых редакций трактатов Каченовского о кожаных деньгах и Русской Правде. Именно Каченовский положил начало новому этапу в науке в 1827 г., когда написал рассуждение о старинных русских деньгах («О старинных названиях в России денег металлических в смысле ходячей монеты») и трактат о Русской Правде («Мой взгляд на Русскую Правду». 1829). Новый взгляд вызвал критические отзывы в текущей периодике⁴³. Таким образом, начало формирования «скептической школы», по мнению С.М. Строева, – это 1827–1829 гг.

В своих первых рассуждениях в скептическом духе Каченовский коснулся вопроса о достоверности древней русской истории и времени создания древнейших источников отечественной истории, в первую очередь – летописей. Он показал в этих трактатах недостоверность древнейшего периода русской истории. В итоге и сформировалось то историографическое явление, которое впоследствии получило название «скептическая школа». Плодом скептических лекций профессора стали несколько диссертаций, написанных его слушателями в том духе, в каком он читал лекции. В 1830 г. в «Вестнике Европы» была напечатана первая из них. Этот год, таким образом, по мнению Строева, стал рубежным в формировании «скептической школы».

С.М. Строев считал, что с 1833 г. начался новый этап в развитии скептической теории. В «Ученых записках Московского университета» авторы стали писать с большей смелостью о новых воззрениях на русскую историю и русские летописи. Это издание, по сравнению с «Вестником Европы», стало качественно новой организационной формой «скептической школы». В 1833–1834 гг. Каченовский «сообщил» четыре диссертации, написанные его слушателями. В этих работах, ставших основой «скептической школы», были изложены главные спорные предметы, приведены более или менее удачные доказательства новым мнениям.

Статью М.П. Погодина «О достоверности древней русской истории» Строев назвал «замечательной по многим отношениям».

⁴³ Отечественные записки. 1829. № 116; Сын отечества. 1830. № 23.

Главный ее недостаток состоял, по его мнению, в том, что сочинитель «не вникнул в спорные предметы, не отдал себе надлежащего отчета в том, что должно опровергать и что должно защищать!». Далее следовала погодинская цитата основного скептического положения: «У нас нет достоверной истории IX, X, XI веков, потому что Несторова летопись подложна». «Это новость, – уточнил Строев, – которой я до сих пор ни от кого не слышал и нигде не читал! Несторова летопись подложна! Нет, м. г., летопись, которую вам угодно называть Несторовою, не есть подложная; монах, писавший ее и не думал о подлогах и обманах, а исследователи ее еще менее имели такую нелепую мысль. Они только неоднократно говорили вам, что летопись, приписываемая Нестору, составлена в конце XIII или начале XIV столетия, что они не признают ее за памятник XI века, а следовательно и за произведение преподобного Нестора, действительно жившего в это время. Итак, м. г., вы не вникнули или не хотели вникнуть в спорный предмет и взвалили напраслину на ваших противников! Дело идет о времени составления наших летописей, а не о том, подложны ли они, или нет».

Силлогизм Погодина неверен, следовательно, вся его система доказательств древности русской истории рассыпается как карточный домик. Строев выделил основные исторические вопросы, рассмотренные «скептической школой».

Он писал, что достоверная история, по мнению Погодина, начинается с IX в. вследствие следующего силлогизма. Существуют свидетельства современников-иностранцев: патриарх Фотий говорит о руссах в грамоте после 866 г.; Луитпранд говорит об Игоре; Константин Багрянородный описывает крещение Ольги и торговлю руссов в Константинополе; Святослава видел Лев Диакон; последний поход руссов на греков описан Кедринем; о Ярославле знают северные летописатели. Поскольку все эти известия описаны очевидцами, современниками, они достоверны. Следовательно, по мнению Погодина, древняя история достоверна.

Верен ли силлогизм Погодина, задался вопросом Строев и привел совершенно абсурдный пример с освещенностью окон в большом здании. «Посмотрим, – писал он, – изо ста или даже более происшествий древней нашей истории есть 12 достоверных:

следует ли из этого заключать, что вся древняя история наша достоверна? Для большей ясности объяснюсь примером: сравню древнюю историю нашу с огромным зданием: в первом этаже освещено одно окошко, во втором три, в третьем пять; следует ли заключать, что все здание освещено, из того, что в нем освещены девять окошек? Разумеется нет! Но такое ложное заключение вывел г. Погодин и думал им доказать достоверность древней нашей истории!»

Точки удивления Строева: «Удивляюсь, как мог г. Погодин, обдумавши хорошенько свой предмет, приводить сказанные выше факты в доказательство достоверности древней русской истории. Удивляюсь, потому что факты эти совершенно противоречат ей, совершенно опровергают ее!»⁴⁴ Приведенными фактами, считал Строев, Погодин опровергает не противников, а самого себя.

Строев перечислил все доказательства в пользу достоверности древней русской истории и древности летописей, представленные Погодиным, и дал на каждое не одно, а несколько опровержений, которые основаны на показаниях современников, на фрагментах летописей, и даже на словах самого Погодина. В итоге Строев заключил: «Желательно бы было, чтобы и меня опровергали также фактами, а не пустыми умозаключениями, чувствительными выходками ничего не доказывающими авторитетами! Пусть противники новых мнений о русской истории и русских летописях докажут мне возражениями, основанными на существе дела, что я заблуждаюсь: я буду готов согласиться с ними, признать их победителями, вручить им пальму победы... До того времени я крепко буду стоять за новые мнения»⁴⁵.

Текст статьи С.М. Строева «О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей», состоящей из двух частей – «Кто писал ныне нам известные летописи» и «О первобытном виде и источниках ныне нам известных летописей», – также построен как полемика с Погодиным. Здесь упоминается старая «шлецеро-карамзинская школа» в противовес новой – «скеп-

⁴⁴ [Строев С.М.] О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. СПб., 1834. С. 4–12.

⁴⁵ Там же. С. 66, 67.

тической»⁴⁶. Всю статью Погодина «О первобытном виде и источниках Несторовой летописи» Строев разделил на две части: о первобытном виде и об источниках летописей.

В первой части Строев нашел следующие положения «нового» мнения Погодина (план построения работы остается прежним – разобрать основные положения статьи противника):

1. Первая часть текста летописи (до 1110 г.) дошла до XIX в. в «первобытном» виде.

2. До летописи Нестора существовали не сохранившиеся монастырские записки.

3. Нестор взял эти записки за основу и дополнил их.

Начало летописей, по Погодину, до 1110 г. по всем спискам совершенно одинаково в главных чертах. Все известия имеют одну последовательность, значит, та же последовательность была и в протографе. Строев не требовал от защитников древности летописей, чтобы ему показали оригинальную летопись, написанную рукой Нестора, поскольку она могла сгореть, потеряться, погибнуть во время междоусобиц. Но если нет ни подлинной летописи Нестора, ни отдельных списков, то Строев просит других доказательств. «Когда мне говорят, – пишет Строев, – во всех списках наших летописей, в сущности, одни и те же известия; следовательно эти известия находились и в подлиннике, с коего сняты те списки, – тогда я убежден, я верю, что это справедливо, ибо заключение выведено верно, точно, логически. Но когда мне скажут: во всех списках наших летописей, в сущности, одни и те же известия, следовательно эти известия находились и в подлиннике, с коего сняты наши списки, т. е. в самом Несторе, – тогда я ищу доказательств, на то, что подлинник, с коего сняты наши списки, и летопись Нестора одно и то же. Но не находя таких доказательств и видя, что меня заставляют верить на слово, я говорю: выведенное здесь заключение ни на чем не основано, и я принять его не могу»⁴⁷.

В конце этой статьи Строев допустил явные промашки. Если Погодин указывал на духовную грамоту Владимира Мономаха, на сборники Святослава, на грамоту Мстислава, как на под-

⁴⁶ [Строев С.М.] О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей. СПб., 1835. С. 17.

⁴⁷ Там же. С. 20–25.

линные источники, то Строев предложил свои ни на чем не основанные сомнения. Духовная Владимира Мономаха, к примеру, по его мнению, дошла до нас «не отдельно, но в летописях, и то не во всех списках, а в одном только, именно – в Лаврентьевском!» Для автора казалось странным, что все другие переписчики, кроме монаха Лаврентия, не поместили такого «драгоценного сочинения», если бы оно принадлежало Владимиру Мономаху. Строев, таким образом сомневался в подлинности этого источника.

Об Изборниках Святослава автор вообще писал, что сам их не видел, но не может не привести замечание одного «знатока древней русской палеографии», который не один раз имел случай рассматривать Изборники Святослава. Имя этого знатока не раскрывается, но речь, скорее всего, идет о П.М. Строеве – известном археографе и старшем брате Сергея Михайловича. По словам этого «анонимного» собеседника, «приписка, вследствие коей относят эти сборники ко временам столь отдаленным, писана чернилами совершенно черными; между тем как вся рукопись писана чернилами бледными; он же замечает, что трудно с точностью определить одной ли и тою же рукою писана приписка, какую писана и самая рукопись». С настойчивостью, достойной лучшего применения, Строев повторил вновь, что «сам не видал сборников Святослава, но тем не менее почел не излишним сослаться на человека, чрез руки которого прошло несколько сотен древних и новых рукописей».

Что касается грамоты Мстислава, то автор заявил: «Я не знаю, как наши исследователи, имея понятия о русской дипломатике, могли считать ее за подлинную?» Самый поверхностный взгляд убедил его в противном, «притом же, если бы даже и доказали подлинность этой грамоты, и тогда чем бы она могла подтвердить существование наших летописей XI столетия?»⁴⁸.

Общий тон С.М. Строева в полемике с М.П. Погодиным гораздо более сдержанный, чем тон оппонента, и Строев повел себя если не благороднее, то, во всяком случае, спокойнее противника. Последний довод Погодина – насмешка – неприемлем для Строева.

⁴⁸ [Строев С.М.] О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей. С. 40–41.

Погодин не слишком церемонился с оппонентом, называя его недоучившимся студентом, показывающим «вместе с смелостью совершенное неведение об исторической литературе, хотя полноты нельзя было и требовать от только что кончившего курс учения студента»⁴⁹. Прочитав статьи Строева, Погодин записал в своем дневнике: «Прочел Строева. Показывает дарование, но как подло»⁵⁰.

Первоначальный успех С.М. Строева в споре с М.П. Погодиным подтвердил Я.И. Бередников в письме П.М. Строеву 8 апреля 1836 г.: «Рекомендую Вам нашего Скромненка: он заклеил позором чело не одного историка-шарлатана, из здешних и Московских. Сенковский также высек жгутом двоих, в Библиотеке [для чтения] № 4»⁵¹. В данном контексте местоимение «наш» обозначает принадлежность к «скептической школе».

В письме Н.П. Барсукова П.П. Вяземскому от 24 июня 1869 г. находим подтверждение основательности доказательств Погодина в споре с С.М. Строевым. После приведения сомнений С.М. Строева по поводу уroda («детиче») из «Повести временных лет» и процитировав противоположную точку зрения Погодина, Барсуков сообщил: «В бумагах Павла Александровича Муханова мне удалось прочитать письмо, в котором его дед (по матери) Александр Александрович (Облуков (Русск. Арх. 1865. с. 329) описывает тоже какого-то урода, имевшего вместо носа то, что нельзя сказать срама ради»⁵².

Однако единства по поводу развернувшейся полемики не было даже в рядах самих скептиков. Так, товарищ С.М. Строева, Н.В. Станкевич, писал одному из своих корреспондентов: «Строев наконец развил свои способности в Петербурге... Выходки его против Погодина неблагородны. Прекрасно вывести на чистую воду ошибки ученого; но что ты скажешь об этом: ему стали замечать его ошибки, и он отвечает, что это ловушки... Как благородно! Если он сделал ошибки без намерения и не хочет сознать-

⁴⁹ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 311.

⁵⁰ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. С. 220.

⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 291. Карг. 2250. Е.х. 4. Л. 12.

⁵² РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Е.х. 66. Л. 206 об.–207.

ся в них, – это бессовестно; если он в самом деле затеял ловушку, – какая уловка! И этот человек говорит, что критики Белинского пахнут кабаком! Я не одобряю слишком полемического тона у Белинского; но это душа добрая, энергичная, ум светлый, за которым ему не угоняться. Но Бог с ними, с этими полемиками!»⁵³.

Это является доказательством того, что «скептическая школа» не стремилась разворачивать научную полемику, ее инициатором выступил Погодин. Собственно и впоследствии главным и в некотором смысле единственным полемистом со стороны скептиков оставался один С.М. Строев, после смерти которого полемика «апологеты – скептики» превратилась из диалогической в монологическую, пока, наконец, не сошла на нет.

В итоговом разборе источниковедческих и конкретно-исторических выводов скептиков в первом томе «Исследований, замечаний и лекций...» Погодин одной из глав дал говорящее название «О скептическом поветрии». Впрочем, о «скептической школе» Погодин писал не только в этой главе, но и во всем остальном тексте. Полемика со скептиками по сути дела – главная тема этого тома.

«Я разобрал все рассуждения скептической школы, – писал Погодин, – отвечал на возражения. Пусть укажут мне хоть одно, пропущенное! Я не касался только до общих мест, которыми обилует, за неимением существенного содержания, всякое рассуждение; не указывал на противоречия их между собою, ибо это не стоило бы труда, и не принесло бы пользы; не обращал внимания читателей на придирки к словам и черты несносного хвастовства, наконец пропустил все личности, собственно до меня относившиеся, в рассуждениях под № 11, 12 и 13. Автор этих рассуждений, (его уже нет на свете) мог бы принести пользу русской истории своей способностью соображения, своим трудолюбием, своим искусством писать, если б стал на прямую дорогу. Возражать, сомневаться, показалось для него сначала гораздо легче, и вместе гораздо виднее; но под конец он, увидел, как говорят достойные свидетели, свои заблуждения»⁵⁴.

⁵³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. С. 220.

⁵⁴ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. С. 446.

Погодин выбрал «для легчайшего обозрения» все главные положения «скептической школы и школьников, из лабиринта их логомахии» и опровергает «вкратце свидетельствами».

Вот эти положения с комментариями Погодина, которые мы оформили в виде таблицы.

<i>Положения скептиков</i>	<i>Доводы М.П. Погодина</i>
«Варяги = вагры, славяне»	«Все это пустое мнение основано на одном созвучии: вагиры, вагры, и варяги. Но разве менее созвучия у варангов или верингеров с варягами?»
«Новгород основан в 11–12 вв.»	«Но Остромирово Евангелие, (на котором Добровский и Востоков основывают систему языка) написано в Новгороде в 1056 году».
«Имя руси принадлежит югу»	«Но в 12 столетии император Фридрих называет жителей Новгорода русинами, а не варягами. Но Адам Бременский, Саксон Грамматик, говорят везде о руси на севере. Есть такие известия у самих арабов. Византийские греки называют русь часто гиперборейскими скифами».
«Русь – племя азиатское, турецкое»	«Как же вы смеете говорить нам в глаза, что византийцы называют русь азиатцами. Если б у византийцев попало какое выражение подобное, то его следовало бы сравнить с другими, проверить, исследовать, и потом уже выставлять. Сам Эверс, который вытягивал себе доказательства со всех сторон, никак не смел взять приведенных мест в доказательство черноморства».
«Византийские источники говорят о руси на Черном море»	«Но император Константин Багрянородный говорит, что вверх по реке Днепру жительство имела русь, и что к полудню, то есть к Черному морю, русь везде смежна была с землею печенегов. Византийцы говорят о руссах в продолжение нескольких столетий: почему же предполагать, что первое известие о руссах относится не к нашим, хотя оно вполне прилично им?»
«Арабы говорят, будто бы, тоже»	«Но все ориенталисты Френ, д’Оссон, Шармуа, Рамуссен, Сенковский, Григорьев не видят ничего восточного в руссах арабских писателей, а напротив, считают северным, норманнским племенем. Нейманн, выразивший последнюю Эверсову мысль, не осмелива-

	<p>ется сослаться на восточных писателей, – а эти школьники, не зная восточных языков, не читая даже немецких рассуждений, а только мои переводы из Эверса и Нейманна, смело утверждают восточное происхождение руси».</p>
<p>«Договоры Руси с Византией X в. не могли иметь место и похожи на договоры Ганзы с Новгородом»</p>	<p>«Но византийцы договаривались и имели обыкновение, договариваться с персами, (и договоры писались по-персидски и гречески), болгарами и другими варварами, хотя сохранились очень немногие из них. А норманны с своей стороны так же договаривались с франками и другими народами, с которыми входили в соприкосновение.</p> <p>Укажите – в чем они сходны? Есть сходство у них с договорами римлян и карфагенян, калмыков и русских. Что же – карфагеняне, калмыки, списывали также с ганзейцев? Откуда например новгородский плут-переводчик ганзейского договора, приписавший свой перевод Игорю или Олегу, узнал о предместье Св. Мамы? <...> Справьтесь с юристами, которые скажут вам, что все статьи этих договоров <...> имеют все внутренние признаки достоверности и подлинности».</p>
<p>«Торговли в 11 веке не могло быть никакой»</p>	<p>«Но Константин Багрянородный, описывая посещение Ольги, говорит, что в ее свите было сорок три человека купцов, которые получили подарки на аудиенции и проч. Но как зашли к нам без торговли арабские монеты 8, 9, 10 века, которые выкапываются на всем пространстве северной и средней России?»</p>
<p>«Исландские саги бесполезны для русской истории»</p>	<p>«Но это мнение сказано Шлецером за 70 лет, и решительно опровергнуто новыми исследователями; но с тех пор найдено множество других саг; но с тех пор над сагами трудились долго многие ученые, ученые первоклассные, которые разобрали их, сравнили, исследовали, и отделили ложь от истины; но с тех пор доказано, что многие саги записаны, но малой мере, в 12 столетии; а чрез сколько времени записана Илиада после ее сочинения?»</p>
<p>«Русской Правды не могло быть в XI в.»</p>	<p>«Главная ошибка здесь состоит в том, что считают Русскую Правду каким-то систематическим правом, и, сравнивая позднейшее появление такого права у всех соседних народов, заключают, что она не могла</p>

	<p>явиться так рано. Но Русская Правда есть собрание записанных обычаев, еще более, чем законы варварские, законы франков салических, рипуерских, законы бургиндионов, вестготов, перемешанные с римскими. Вот с какими законами она должна быть сравниваема! Русская Правда явилась совершенно параллельно с ними, и имеет за собою все доказательства подлинности».</p>
«Не было кожаных денег»	<p>«В Рассуждениях о кожаных деньгах нельзя добраться до того, что хотел доказать сочинитель и его последователи. Кожаных денег не было? Нет, они были. Сочинитель сам приводит слова из Указа Петра Великого <...>. Что же берется он доказывать нам с таким усилием, с таким напряжением? Сам вообразил себе при кожаных деньгах государственный кредит, банковые ассигнации, и начал их опровергать! <...> Может быть, имена кожаных денег сделались впоследствии именами денег металлических, – это может быть».</p>
«Летопись Нестора сочинена в 13 или 14 веке»	<p>«Но в 13 и 14 веках были уже монголы, и Киев опустошен совершенно; монастыри разрушены, жители разбежались. Много лет путешественники находили здесь одни развалины. В надгробной надписи обновителя Печерской церкви, Симеона Олельковича, князя Слуцкого, сказано, что сия церковь со времени Батыя, 233 года, оставалась только в щелке. Кому было тогда писать? Откуда взять в 13 и 14 веке имена двух или трехсот князей, описать их междоусобные войны, и не сбиться в их родословии? Но в ней беспрестанно упоминаются, как современные враги, половцы, которые в 13 и 14 веке исчезают уже из России. Но в 13 и 14 веке с чего можно было так верно описать военных варягов, которые тогда уже перестали наезжать к нам в таком количестве. Но в 13 и 14 веке не было никакой возможности разместить по всей России племена славянские и прочие, коих имена уже выходили из употребления⁵⁵».</p>

⁵⁵ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. С. 447, 449–462.

М.П. Погодина и в последствии интересовали любые проявления скептицизма. В ОПИ ГИМ нами обнаружена недатированная и неподписанная эпиграмма на Погодина:

Историк сволочи варяжской, Всю жизнь спустивший для нее; Фанатик доблести Славянской, Ты видишь и в чужом свое. Археолог Девичья поля, Купчина-книжник Моховой, Не спятил ты с ума от горя, Во всем детина разбитной. Ты академик без академии, И заслуженный без заслуг, Воскрес в Московской эпидемии, Министра-негодяя друг.	Кулак на поприще житейском В литературе то ж кулак. Булгарин в мире полицейском, А в историческом пошляк. Скажи: Когда и кто расстался С тобой без клятвы на тебя? Кому в глаза не насмеялся, Любя и холя лишь себя? Сперва ты мелким бесом вьешься И весь от радости в слезах, Потом в доверие втрешься, А под конец все в дураках ⁵⁶ .
--	--

Если здесь нет прямых упоминаний о полемике, то в пародии «О царе Горохе» обыгрывается спор Погодина с Каченовским. Погодину приписывается следующий пассаж:

«Царь Горох – вот предмет, нечего долго и широко растабарывать, есть ли царь Горох исторический факт, или поэтический вымысл. – Как могу я произносить, скажут, решительный приговор? – Господа! Полноте справляться с метрическими книгами. Никто более моего не уважает святой истины; да прильнет язык к гортани, если скажу ложь! <...> Почему отвергать достоверность того или другого, и проч., если что-либо есть в летописях, если оно не есть хитрое сплетение того, кто мудрствует лукаво, по счастливому выражению поэта? Что нам говорит история, память Божия? – Вот мое средство, я всегда спрашиваю; если есть подобное или сходное, то – по аналогии, по индукции – то может быть допущено, то правдоподобно. Если например в Ипатьевском списке нет слога из, а в прочих есть, то, по моему грешному понятию, в Ипатьевском должно поставить слог из. – Так и с царем Горохом. Летописи средних веков наполнены сказанием о Попе-Царе Иване. Я заключаю: летописи должны быть наполнены о царе Го-

⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 280. Оп. 1. Е.х. 5. Л. 16 об.

рохе. <...> Итак вот мое положение: поп Иван царствовал (к чему выдумали бы летописцы?), следовательно и царь Горох царствовал. Мы множество фактов, доказательств, примеров имеем: доказать оными, изъяснив темные места, развить предмет о царе Горохе можем без оскорбления, и проч. <...> Говоря о царе Горохе я почитаю излишним всякие личности. – С гордостью повторяю: мы, русские, обстроить, отопить, завалить своими лесами, своими водами, своим хлебом всю Европу можем!»⁵⁷

К середине 1850-х гг., когда готовилось к публикации исследование Погодина «Норманнский период русской истории», никаких упоминаний о М.Т. Каченовском и «скептической школе» автор уже не допускал, утвердительно провозгласив лишь «положительные» тезисы о русской истории. Можно предположить, что к этому времени «скептическая школа» из области исторической науки переместилась в область историографии и перестала быть актуальной. Однако, в биографическом сочинении о Н.М. Карамзине Погодин не удержался от намека на скептиков: «И если, по прочтении моей книги, этот прекрасный, величавый, милый образ предстанет в воображении читателя полный, целый и живой; – если на той или другой странице забьется сердце у чистого юноши, не поврежденного нелепыми толками нашего времени и на глазах навернутся слезы <...>, то цель моя достигнута, – я доволен, – больше ничего не желаю, – и пусть судят меня, кому как угодно»⁵⁸.

В итоговой «Древней русской истории до монгольского ига» в основном тексте без всяких доказательств Погодин указал на договоры Руси и Византии X в., Русскую Правду, летописи как на самые достоверные источники древнейшего периода русской истории и ни разу не упомянул ни о Каченовском, ни о «скептической школе». Лишь в «Послесловии» Погодин мимоходом, в одном предложении написал о «войне с Каченовским и скептичес-

⁵⁷ [Закревский А.Д.] Подарок ученым на 1834 год. О царе Горохе; когда царствовал государь царь Горох, где он царствовал, и как царь Горох перешел, в преданиях народов, до отдаленного потомства // Русская Старина. 1878. № 6. С. 363–364.

⁵⁸ Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. I. С. II.

ской его школой за Несторову летопись, за договоры Олега и Игоря, за Русскую правду, за достоверность древней истории»⁵⁹. Однако Погодин, на наш взгляд, упростил происхождение скептицизма в отечественной историографии, поскольку ничего не писал ни о его предпосылках, ни о его ближайших последствиях для русской исторической науки, как будто это случилось по злой воле одного человека.

Переломным этапом, четкой гранью, за которой Погодин становится непримиримым и последовательным «антискептиком», является 1830 г. Еще в 1829 г., находясь под влиянием статей Каченовского и Арцыбашева, в рецензии на книгу И.К. Кайданова «Начертание истории государства Российского» (СПб., 1829) Погодин допустил скептическое высказывание: «Все ложные понятия, господствовавшие в российской истории до нашего времени, о какой-то Рюриковой монархии, о каких-то столицах, о каком-то благоустроенном правительстве, о каких-то политических видах и ошибках первых князей полудиких, о каких-то правах на титул великого, о каком-то героизме, о какой-то мудрости, о каком-то гражданском просвещении, все сказки повторяются без малейшего изменения»⁶⁰. В дальнейшем историк таких вольностей не допускал.

К 1837 г. относится письмо М.А. Максимовича Погодину, в котором читаем: «Министр Уваров говорил, что ты новую готовишь расправу с скептической школой, кою и он не жалует, хотя хвалит ученость Каченовского... Жду твоей расправы с нетерпением... Не хочешь ли я пришлю тебе перчатку с руки Нестора, при разговоре о коей министр советовал мне, шутя, послать всего лучше Каченовскому»⁶¹.

В 1841 г., когда Погодин получил предложение С.С. Уварова перейти на работу в министерство народного просвещения, ситуация изменилась не в пользу историка не только после его

⁵⁹ Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1872. Т. II. С. III. В современном издании этой книги (М., 1999) «Послесловие» отсутствует. См. публикацию «Послесловия»: Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999. С. 231–239. Цитируемый фрагмент – на стр. 233.

⁶⁰ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890. С. 191.

⁶¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 5. СПб., 1892. С. 33.

письма министру от 28 февраля 1841 г.⁶² (с исповедью о своей научной и гражданской позиции), но, возможно, из-за позиции, занятой в споре с Каченовским. В письме министру Погодин высказал охранительное суждение, ставившееся затем не раз ему в вину: «Приготовить в продолжении двух-трех лет несколько молодых людей на кафедре Русской истории, приготовить так сказать фундаментально, по подлинным источникам и памятникам, проникнуть их одним духом, дать им одно направление, согласное с намерениями правительства, с пользою отечества, со всеми его данными, прошедшими, настоящими и будущими, под просвещенным надзором Вашим, по Вашим указаниям и наставлениям, – и таким образом обеспечить судьбу русской истории надолго, застраховать, сколько возможно, образ мыслей, а следовательно и действий будущих учащих поколений»⁶³.

Письмо М.Т. Каченовского С.С. Уварову от 6 марта 1833 г., хранящееся в ОПИ ГИМ, подтверждает раздумья министра о том – кого поддержать в разворачивающейся полемике, поскольку в это время скептическое направление уже обозначилось вполне четко. «Милостивый государь Сергей Семенович! – писал Каченовский. – Удостоившись получить Диплом от Академии наук, я не могу скрыть от вашего превосходительства благодарных чувств сердца; ибо уверен, что вам, одним вам обязан сим одобрительным вниманием знаменитого сословия академиком к моим учебным занятиям, коих плоды еще донныне большею частию таятся под спудом. Может быть, плоды сии не погибнут для общества; по крайней мере мне приятно мечтать, что они когда-нибудь сделаются известными. Смею даже ласкать себя надеждою, что снисходительные судии и ценители скажут за них и мне доброе слово. Не вы ли, милостивый государь, при первой встрече ободрили меня утешительным приветствием? Такие моменты остаются незабвенными в жизни»⁶⁴. За этикетными формулами видно искреннее чувство признательности историка министру. Их общение было, видимо, дружеским.

⁶² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Е.х. 80. Л. 397–402.

⁶³ Там же. Л. 397 об.–398.

⁶⁴ Там же. Л. 66–66 об.

И.М. Снегирев отмечал в дневнике 27 сентября 1834 г.: «Министр С.С. Уваров был в универс[итете] на лекции Каченовского и говорил студентам о том, чтобы они прилежнее учились русскому языку и истории, потому что она половина души народн[ой]; то и другое составляет народность в высшем значении слова. Полузнание хуже невежества. Те, которые все думают знать, ничего не знают и не находят себе места в обществе; космополит есть эгоист. Что говорит он, тому научил его Государь, которого образ мысли теперь он лучше знает, нежели прежде»⁶⁵.

Одобрение скептическим начинаниям Каченовского скорее всего действительно было санкционировано сверху. Кроме того, обращает на себя внимание искреннее признание историка, что результаты его научных и учебных занятий еще «доныне большею частию таятся под спудом». Тексты Каченовского не были опубликованы в полной мере, скорее всего, из-за нежелания самого автора, который был гораздо более откровенен на лекциях и весьма осторожен в печатных изданиях. Возможно, одобрение сановника послужило сигналом к началу публикации в «Ученых записках Московского университета» и других изданиях работ учеников профессора, делающих достоянием гласности основные идеи учителя и ставших основой для формирования «скептической школы» как явления историографии. В письме С.М. Строева П.М. Строеву от 23 марта 1836 г. читаем: «Министр в нем (Погодине. – К.У.), кажется, вовсе разочаровался. За последнюю его статью на меня, напечатанную в С.О., был строжайший выговор цензору, которому он сказал, что таким подлым тоном мог написать только какой-нибудь школьник. Гречу был сделан запрос, кто этот г. Тихонько; а Н.И. без церемонии объявил имя Погодина»⁶⁶.

Что касается авторских текстов самого Каченовского, то фраза в письме, что они когда-нибудь «сделаются известными», косвенно свидетельствует о том, что они, возможно, реально существовали. Но что под этим подразумевалось – трактаты о Русской Правде и кожаных деньгах, либо что-то более развернутое и полное, но несохранившееся к сегодняшнему дню – неизвестно.

⁶⁵ Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Т. I. С. 181–182.

⁶⁶ НИОР РГБ. Ф. 291. Карт. 2250. Е.х. 40. Л. 53.

Более ранняя переписка свидетельствует о наличии у Каченовского неприятелей в верхах общества. В письме В.М. Перевощикову от 11 июля 1817 г., рассказывая о званом обеде у попечителя, историк пересказал его предупреждение: «Я читаю журнал ваш, и, признаюсь, не нахожу в нем ничего противного религии; но... вы имеете неприятелей? Три особы указывали мне на Разговор Сент-Ламберта, как на статью опасную. “Ваше Сиятельство!” – знаю, знаю; и я не нахожу в нем ничего противного; но Сент-Ламберт известный вольнодумец! – “Мне это не известно; что ж касается до разговора, то...” – Об разговоре я ни слова, но автор... Бога ради берегитесь! Теперь такое время.... у вас есть неприятели»⁶⁷.

В целом позиция М.П. Погодина относительно значения «скептической школы» в русской исторической науке осталась без существенного изменения на протяжении всей его творческой биографии. Во многом в итоговой книге «Древняя русская история до монгольского ига» Погодин воздал должное творческому гению Н.М. Карамзина: «Да, Карамзин, сделав Русскую историю “известнее даже для строгих судей своих”, как отозвался он с скромностью в своем предисловии, – осветив ее, скажем мы теперь по строгой справедливости, дал нам возможность рассматривать все ее содержание гораздо яснее, видеть больше, обозревать дальше. Столбовая дорога была им проложена, очищена от лишнего хлама, или, употребим выражение святого Володимира, путь вытерблен, – и идти по нем, исправлять, дополнять, подтверждать, объяснять, стало для всех гораздо легче и удобнее»⁶⁸. В последующем развитии отечественной исторической науки автор не нашел места ни Каченовскому, ни скептикам вообще. «С тех пор (т. е. после «Истории государства Российского». – К.У.), – писал автор в послесловии, – найдено было много новых, неизвестных источников, изданы почти все прежние, проверено и исследовано несколько частных вопросов. В самой науке, в общих понятиях о ней, произошли существенные перемены: иное пренебреженное выдвинуто вперед, а уважаемое понизилось в цене»⁶⁹.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Е.х. 6. Л. 7 об.–8.

⁶⁸ Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1872. Т. 2. С. 1.

⁶⁹ Там же. С. 1, VIII.

Историографическая ситуация первой половины XIX в. в целом складывалась не в пользу скептиков, на стороне Михаила Петровича оказались симпатии научного мира. К.Д. Кавелин, дав подробный анализ первых трех томов «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» и первого тома «Историко-критических отрывков», указал: «Какого бы мы ни были мнения о г. Погодине <...>, мы не можем не сказать, что как исследователь древнейшего периода русской истории, он – лицо замечательное, важное и, к сожалению, до сих пор мало оцененное».

Ученый делал первые шаги в науке, когда «характер исторической критики начал у нас изменяться, и из приуготовительных исследований стала рождаться история в собственном смысле». Олицетворяя это переходное время и «всеми своими сторонами принадлежа к прошедшему, он не чужд некоторым новым требованиям, взглядов, ученых приемов, которых мы не встречаем у его предшественников». Кавелин отметил, что Погодин никогда не смог подняться до «высшего исторического воззрения». Отсюда его пристрастность, несправедливость в оценке, данной М.Т. Каченовскому и другим историкам. Погодин «забыл главное – целое прошедшее воззрение, которое нужно было изменить с корня». Растратив силы над частностями, он потерял из вида общее, возникли споры с оппонентами, борьба, которая ни к чему не привела⁷⁰. Интересно, что Кавелин обращался именно к Погодину с просьбой прислать тексты Каченовского, необходимые в работе. «Так как я занимаюсь все время Русскою Правдою, – читаем в письме Кавелина от 24 сентября 1844 г., – то сделайте милость, если возможно, пришлите мне с сим посыльным: Статью покойного Каченовского о русской правде, помещенную в ученых записках Московского университета. <...> Присылкой <...> Вы несказанно одолжили бы меня»⁷¹.

В.С. Иконников писал, что в науке, как в жизни, есть «приливы и отливы», поэтому «история всех научных теорий, как бы они ни казались иногда, в своих дальнейших результатах, несостоятельными, заслуживает такого же внимания, как любой исто-

⁷⁰ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1904. Т. 1. Стлб. 98, 101–102, 105–106, 225–226.

⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 14. Е.х. 31. Л. 5–5 об.

рический факт, приводящий к положительному или отрицательному заключению». По мнению Иконникова, Погодин «прежде всего заслуживает внимания как противник скептиков»⁷², который старался опровергнуть все их основные положения. Однако, в споре о кожаных деньгах Погодин уклонился от прямого и ясного ответа, ссылаясь на непонятность точки зрения противника. Дискуссия о Русской Правде также не была завершена Погодиным, поскольку в последующей историографии (С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров) подчеркивалась плохая изученность этого источника.

В споре со скептиками, обвиняя их в крайностях, М.П. Погодин сам впал в другую крайность, и преувеличил уровень общественного развития Древней Руси. Кроме того, без «скептического поветрия» не были бы созданы многие замечательные труды самого М.П. Погодина.

⁷² *Иконников В.С.* Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871. С. 95, 96–97.

С.А. Еремеева

В.И. Вернадский и практика поминания в научном сообществе

На примере двух сюжетов из жизни В. Вернадского продемонстрировано, как осознается необходимость некрологов как практики коммуникации и практики памяти: первый касается попытки освоения традиции, закончившаяся неудачей, второй – рассказывает о поиске путей передачи традиции уже следующему поколению.

Ключевые слова: некролог, академическое сообщество, память, коммеморативные практики, коммуникативные практики, научное сообщество.

S.A. Eremeeva

V.I. Vernadsky and practice of commemoration in the scientific society

Using two scenes from the life of V. Vernadsky the author demonstrates the necessity and complexity of practice of obituary as culture of information and memory for a scientist. The first story concerns the attempts to develop the tradition that ended in failure. The second story is about finding ways to transfer that tradition to the next generation.

Keywords: obituary, academic community, memory, commemorative practices, communicational practices, scientific society.

Одна из практик памяти, пронизывающих и связывающих сообщество, т. е. собственно и превращающих группу людей в общество, есть практика поминания умерших. В ней проявляются сущностные черты группы. Сообщество обретает как бы свою тень – присутствие тех, кого уже нет в реальном мире, – и эта тень есть показатель жизни. Живые и мертвые, составляющие единство, встречаются в пространстве памяти. Переход умершего в иную реальность не исключает его из сообщества, а напротив, привязывает к нему теперь уже навсегда. Посмертное поминание – определенная работа со стороны оставшихся, направленная на жизнь: восстанавливаются связи, которые стремятся разрушить смерть. При этом возникает возможность и повод для разговора о жизни.

Некролог нового времени стал частью ритуала поминовения; в конце XVIII в. появились пространные некрологи. Помимо извещения о смерти они содержали в себе рассуждения по ее поводу и оценку жизни умершего¹. В научной среде, где они быстро получили распространение, традицию подобных рассуждений в свернутом виде можно заметить еще со времен гуманистических эпитафий эпохи Возрождения².

Вырастая в объеме, некрологи все чаще становились не просто словом о мертвом. Умерший все чаще выступал как провокатор разговора о насущном. Эти тексты свидетельствовали о мире и о времени – перед лицом вечности и умерших.

В научном сообществе России в наиболее полном виде практика поминовения существовала в конце XIX – начале XX в. Последовавшая дальнейшая трансформация и редукция были связаны и с модернизационными процессами в обществе, и с советизацией науки, и, позднее, с общими процессами глобализации в постиндустриальном обществе. Однако это тема для отдельного разговора³.

Полный цикл поминовения в научной среде в период расцвета включал в себя несколько актов: некролог в периодическом издании (приближен к дате смерти); публичный вечер памяти (через полгода или год); сборник воспоминаний об умершем. Последовательность действий была строго задана, возможность следующего шага определялась наличием предыдущего, подразумевала и использовала его (иногда – фактически: сборник памяти мог включать в себя воспоминания, прозвучавшие на вечере, а порой, и отдельные некрологи). Постепенно, переходя от одной фазы к другой, поминание охватывало все большую аудиторию и все

¹ Проблемы смерти и поминания в сообществах время от времени входят в круг интересов исследователей-гуманитариев. См., напр.: *Bauman Z. Mortality, Immortality and Other Life Strategies. Cambridge, 1992*; *Ben-Amos A. Funerals, Politics and Memory in Modern France, 1789–1996. Oxford, 2000*; *Bourdieu P. Homo Academicus. Cambridge, 1988*; *Davies D.J. A Brief History of Death. Oxford, 2005*; *Hume J. Obituaries in American Culture. Jackson, 2000*.

² Подробнее об этом см.: *Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995. 272 с.*

³ Подробнее об этом см., напр.: *Fowler B. The Obituary as Collective Memory. N.Y.; London, 2007.*

больше переносило акценты внимания на живущих (собственно, происходил переход от поминания к воспоминанию). Исследование этой практики и создаваемой ей структуры может дать понимание различных аспектов существования научного сообщества и личности ученого в нем⁴.

В жизни человека момент рефлексии смерти (в отличие от переживания ее) – культурно необязателен. Тому, что это случиться, могут способствовать среда, традиция и, в какой-то степени, личные склонности. Академическая среда предполагала высокий уровень рефлексии вообще и относительно самой себя в частности. Существующая традиция поминания, сложившаяся в научном сообществе, подчеркивала социальный статус смерти (и путей бессмертия) и через определенные практики памяти давала образец и путь. Выбор (становиться ли на этот путь) оставался за каждым конкретным человеком.

Что заставляло его выбирать или не выбирать? Насколько этот шаг был естественным и необходимым для нового (молодого) члена сообщества? Символическая связь поколений в данном случае приобретала вполне практический аспект: как молодые овладевали этим языком памяти? Как учились разговаривать на нем и как учили понимать других? Означало ли вхождение в научное сообщество жизнь по всем правилам этого сообщества? Когда и как происходило вхождение в эту традицию?

На примере двух сюжетов из жизни В. Вернадского мы хотим показать, как осознается необходимость этой практики и как непросто дается овладение ею.

Казус Клейбера: non finito

С первой своей научной поездки за границу в 1888 г. Вернадский собирал некрологи ученым, специально выискивая у букинистов образцы XVIII и начала XIX в.⁵ По всей вероятности,

⁴ Подробнее об этом см.: *Еремеева С.А.* Бремя памяти: некролог как академическая практика // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2012. № 11. С. 20–28.

⁵ В 1942 г., в эвакуации, Вернадский вспоминает, что когда он в 1931 г., переезжая в меньшую квартиру, продал Академии наук большую часть своей библиотеки, заведующий библиотекой отказался взять собранные за многие годы некрологи. См.: *Вернадский В.И.* Дневники. Июль 1941 – август 1943. М., 2010. С. 334.

она были для него частью истории науки – этот предмет занимал его еще со студенческих лет. До поры до времени этот интерес был теоретическим, во многом – данью традиции. Чтобы самому вступить на нелегкий путь поминания, как правило, необходимо эмоциональное потрясение, связанное со смертью близкого человека, когда опыт смерти как бы «примеривается» на себя и соотносится с окружающим миром.

Для В.И. Вернадского первым подобным опытом стала (в кругу «Приютинского братства») смерть Шуры Ольденбург, над общим (не личным и отдельным!) смыслом которой для целой группы людей он размышлял и более чем полгода спустя: «Я знаю, что смерть Шуры гораздо больше коснулась всего мирозерцания, она дала и укрепила чувство ответственности и стремления к тому, во имя чего она жила и к чему шло все наше “Братство”. <...> Я думаю, теперь стоит перед нашим “Братством” задача – поменьше занимать сердце и мысль личными дразгами, а больше, сильнее страстнее всей мыслью и всей личностью идти к одной великой цели, при создании которой умерла дорогая Шура. Она мне часто вспоминается» (29 мая 1892 г.)⁶. В «Приютинском братстве» не было традиции поминания (по простой причине молодости всех его членов), однако, спонтанный жест (объединяющий время, место, событие и реакцию в едином символическом поле) последовал – над могилой Шуры друзья дали клятву верности своим идеалам. Следующим шагом фиксации памяти предполагалась разборка переписки.

Спустя несколько месяцев после смерти Шуры Ольденбург умер И.А. Клейбер – ровесник и товарищ Вернадского по научно-литературному обществу в Петербургском университете. К моменту смерти и он, и Вернадский были приват-доцентами, один – в Петербургском, другой – в Московском университете. То есть смерть случилась уже внутри научного сообщества (точнее – на пороге), с которым все больше и больше идентифицировали себя и Вернадский, и Клейбер.

Клейбер, окончивший университет в 1884 г., рано почувствовал науку своим призванием. В 1888–1889 гг. Вернадский регулярно сообщал Н.Е. Старицкой о своих встречах с Клейбером за грани-

⁶ *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской (1889–1892). М., 1991. С. 245.

цей, где и тот, и другой были в научных командировках, о том, что они испытывают симпатию друг к другу и перешли на «ты».

28 декабря 1889 г. – очередное письмо: «Молодые Клейберы произвели на меня хорошее впечатление; Л.В. (Лидия Васильевна Клейбер, жена. – С.Е.) жаловалась, что Пепо (И.А. Клейбер – С.Е.) никуда не ходит, а тот сидит над диссертацией, считает, что у него получаются результаты, очень, по его мнению, важные, и говорит, что теперь, пока он работает, ему жалко тратить на другое время. Он вычисляет движение и скорость всех главных звезд и думает, что докажет для них принадлежность к одной системе. Вещь интересная, но ничего не могу сказать, пока не увижу доказательство»⁷. Речь идет о докторской диссертации, магистерская И.А. Клейбера уже защищена. К этому времени у усиленно работающего ученого уже случилось первое горловое кровотечение, но по молодости лет смерть казалась нереальной. Прошло чуть больше двух лет – и Клейбера не стало.

26 февраля 1892 г. (Клейбер умер 31 января) Вернадский пытается написать поминальную статью и признается жене в своем бессилии на этом пути: «Вечером набросал и передумал весь план статьи о Клейбере. Но я совсем не умею писать! Мне хочется изложить его жизнь в связи с тем течением, в котором готовилась значительная часть нашего поколения, только теперь вступившего в жизнь. Сперва строгая научная работа. Студенческое общество как род selfgovernment и связи молодых сил, работающих в разных отделах, – вследствие этого расширение кругозора и интереса вне формальных делений наук. Для Клейбера это вызвало интерес к приложению математического метода в других областях: в связи с общественными явлениями, психологией etc. Закрывшие высших женских учебных заведений и реформа университета вызвала в нас всех никогда не пропадающие думы о высшем образовании. Создание библиографии по высшему образованию, рефераты-статьи Клейбера в “Русском богатстве”, “Вестнике Европы”, попытка составления записки о медицинских курсах, попытка основания “женского университета”. Наряду с этим этические течения в это время вследствие неожиданного торжества реакции и нашей молодости особенно стали перед нами, для

⁷ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1889–1892). С. 34.

Клейбера она выразились в его разрыве с семьей, переводе “Этики” Вундта, статей Эберти. В то же время перед ним стояла его диссертация: он все время, неуклонно, несколько лет работал над теорией движения звезд и стремился понять звездную систему как целое. Я лично считаю эти его мысли – я знаю их и в состоянии оценить, так как когда-то эти вопросы были близки мне, и одно время мы вместе пытались работать над частным, сюда относящимся вопросом, считаю эти его мысли **очень важными** (здесь и далее выделено Вернадским. – С.Е.) и убежден, что он мог бы достигнуть здесь многого. Ему пришлось работать относительно новым в астрономии методом – статистическим. Задача оказалась выше его знаний. Но И.А. неуклонно добивался ее: он обратился к изучению методов. Для этого: 1) небольшой частный вопрос (методологический), обработанный как магистерская диссертация, 2) целый ряд частных вопросов разных наук он пытался подчинить тому же методу, постепенно улучшая форму и глубину анализа. Этим являются его блукания в метеорологию, математическая теория экзаменов, математические отклонения теории Дарвина⁸. Его вычисление π из разных невозможных случаев etc., 3) он убедился, что его математических знаний недостаточно, и отправился в Кембридж. Его занятия вопросами логики и генезиса методов привели его к вопросам наследственности: попытка программы наблюдений над детьми etc. (у тебя она?). Эта поездка за границу имела другие последствия: снова при взгляде на живую организацию Кембриджа <...> стали вопросы о высшем образовании, в то же время рабочее движение Бельгии, свободная английская жизнь etc. натолкнули его неудержимо на вопросы политической жизни. Он понимал их отвлеченно очень, но ставил резко, и мало у кого сознание своих **прав** так глубоко проникало в природу. Из Кембриджа Клейбер вынес: 1) знание математического метода (некоторые его математические статьи обратили там внимание) и 2) новую переработку методологических взглядов, отчасти под влиянием Седжуика: его интерес к психическим явлениям и гипнозу. Частный вопрос был обработан как докторская диссертация, а в сущности, Клейбер усиленно работал все над

⁸ Примеч. Вернадского: Петербургские математики смеялись. В прошлом году в Англии возбудило общий интерес то же самое, сказанное другими.

той же темой строения звездного мира, над которой работал с 1882 г. Он мне говорил, что лишь **одна** часть не поддавалась его анализу. Перед болезнью он усиленно работал над этой темой. <...> Напиши мне свое мнение об этой схеме биографии»⁹.

Вернадский впервые пишет то, что сам он определяет как «биографию умершего человека». Ему трудно писать. И чем дальше – тем труднее.

6 марта 1892 г.: «Мало работалось – голова несколько болела, а в сущности, среди машинального чтения, просмотра романов etc. мысль работала над отчетом Докучаева, над статьей о Клейбере»¹⁰.

12 марта 1892 г.: «Об Иосифе Андреевиче пишу, но больше рву: такая вещь не может писаться по приказу»¹¹.

14 марта 1892 г.: «Статью о Клейбере несколько раз принимаюсь писать – не выходит. <...> ...пробовал писать о Клейбере, но все вяло»¹².

17 марта 1892 г.: «О Клейбере пишу понемногу. Сборник так скоро не выйдет, а я не могу, не могу писать о нем, постоянно думая о цензуре и о количестве отведенных мне строк. Что выйдет, пошлю им, а черновик пришлю тебе, пришли мне письмо, где я набросал тебе программу»¹³.

Целый год эта тема не упоминается, и вдруг – снова становится актуальной.

22 мая 1893 г.: «Представь, все, что я писал о Клейбере, пропало – надо начинать сначала!»¹⁴

4 июня 1893 г.: «В деревне я думаю заняться несколько, буду снова писать статью о Клейбере (очень досадно, что все написанное раньше пропало – должно быть, в бумагах Адьки)»¹⁵.

⁹ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1889–1892). С. 193–194.

¹⁰ Там же. С. 200.

¹¹ Там же. С. 206.

¹² Там же. С. 208.

¹³ Там же. С. 210.

¹⁴ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1893–1900). М., 1994. С. 19. Спустя 40 лет, разбирая бумаги С.Ф. Ольденбурга после его смерти, Вернадский обнаружил свою статью «для сборника, который мы хотели издать и не издали», и забрал ее – о чем вспоминал, составляя «Хронологию» своей жизни в 1942 году в эвакуации.

12 июня 1893 г.: «Я читаю теперь некоторые из статей Осипа Андреевича и Clerke “History of astronomy dur. XIX cent.” (у меня издание 1887, в последнем – 1893 – вероятно, есть и про Иосифа Андреевича?) и все больше увлекаюсь своей старой страстью. Я даже мечтаю, что через несколько лет заведем телескоп, и при распланировке сада оставляю для сего поляну»¹⁶.

В архиве Вернадского сохранилось три попытки текста о Клейбере – все неоконченные. Авторская датировка на вариантах отсутствует, однако можно попытаться восстановить последовательность их появления. Это не отдельные самостоятельные и сопоставимые тексты – каждый последующий является как бы развитием какой-то конспективной части предыдущего. То есть они не отменяют или уточняют друг друга, а дополняют.

Текст (назовем условно) А¹⁷ хранит на себе материальные следы самого начала работы – здесь больше всего зачеркиваний и переписываний. Первый, довольно большой, абзац зачеркнут и переписан полностью – возможно, потому, что содержал в себе слишком много клишированных выражений («Смерть его была совершенно неожиданна для всех близко знавших его. Он умер в полном расцвете сил, когда, казалось, перед ним открывалась широкая научная работа» и т. д.); в дальнейшем подобных формулировок Вернадский старался избегать. Даты приведены по памяти (или, скорее, наугад) и очень приблизительны (Вернадский указал датой рождения Клейбера 1860 г., в то время как тот родился в самом конце 1863 г.; по всей видимости, Вернадский ориентировался на время окончания университета, не зная, что Клейбер поступил в него в 16 лет, для чего потребовалось даже особое разрешение). Текст полностью следует тому плану, который Вернадский изложил в письме жене: соответствуют не только логика и последовательность изложения, но и ключевые понятия и личные имена (Вундт и Эберт позднее встречаться не будут). В тексте много сокращений – он быстро становится не повествованием, а планом, испещренным знаками «etc». Ключевыми понятиями для Вернадского в этом тексте оказываются «личность» (пять раз упомя-

¹⁵ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1893–1900). С. 29.

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 299. Л. 1–2.

нуто в первом абзаце) и «поколение» (два раза), описанные в контексте эпохи и университета в связи с наукой и этикой. Затем «поколение» и синонимичная ему в данном случае «молодежь» встречаются на оставшихся двух страницах еще пять раз.

Текст В¹⁸ – на других листах бумаги, хотя на листах предыдущего варианта осталось еще много места. Вернадский, опустив начало, как бы разворачивает здесь свои «etc», посвящая этот текст Студенческому научно-литературному обществу¹⁹ и его воздействию на Клейбера. Клейбер оказывается как бы вписан в контекст этой стороны университетской жизни, однако, в конце концов, создается впечатление, что текст посвящен вовсе не Клейберу. Записи обрываются – там, где Вернадский начинает говорить о послеуниверситетской жизни героя.

Текст В²⁰ предваряет жанровое определение, данное автором: «Из воспоминаний». Текст размещен на листе свободно, почти без помарок, оставлены широкие поля в полстраницы, по-видимому, для дополнений и уточнений. На самом деле – это опять расширенный фрагмент предыдущего текста, точнее, вычеркнутый первый абзац, разросшийся до четырех страниц, есть даже значок, помечающий место вставки новых записей. Они представляют собой несколько страниц воспоминаний о научно-литературном обществе, от которого Клейбер неотделим – воспоминаний уже отстоявшихся, с точностью формулировок.

Если смотреть, как развивается мысль внутри каждого текста, то можно заметить, что Клейбера становится как бы все меньше и меньше. Первый текст начинается апологией личности Клейбера и потом переходит к проблеме молодежи и эпохи, которая своеобразным образом была выражена в Научно-литературном обществе. Второй текст посвящен в основном самому феномену На-

¹⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 299. Л. 3–8 и Ф. 518. Оп. 2. Д. 67. Л. 3. Текст (на отдельных листках) оказался в двух разных делах, но единство его подтверждается не только смысловыми связями и внешними признаками (бумага, чернила), но и сквозной нумерацией страниц, проставленной рукой Вернадского.

¹⁹ Студенческое научно-литературное общество было создано в Санкт-Петербургском университете в 1882 г., его деятельностью руководил Научный совет. Оно объединило около четырехсот студентов университета, собиравшихся на заседания секций для докладов и обсуждений дважды в месяц. Открыто в 1887 г.

²⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 67. Л. 1–2.

учно-литературного общества, которое рассматривается как идеальная модель функционирования науки в обществе, и тому, как изменились мировоззрение и жизнь Клейбера, когда он стал его членом. В третьем варианте прописываются подробности сложных отношений эпохи и университетской жизни в начале 1880-х гг.

Каждая попытка оканчивается формулировкой какой-нибудь важной для Вернадского мысли, которая, по-видимому, оказывается каждый раз не тем, что он хотел сказать о Клейбере. После чего – текст оставляется.

Окончание текста А: «Сознание долга не в одной научной работе»²¹. Окончание текста Б: «В нашей будничной жизни редки поступки, сделанные по идее вопреки засасывающему влиянию обычной жизни»²². Текст В: «Реакция, разрушая университет и введя в его перестройку задачи и цели, ничего общего с наукой не имеющие, губила самое живое учреждение в России, наносила пагубный удар дальнейшему росту и развитию нашей родной страны»²³.

Что характерно – ни один текст не обозначен Вернадским как некролог – потому что в узком жанровом смысле, так, как понимали это в то время, это – и по задачам, и по исполнению – некрологом быть не могло (некролог отмечал факт и момент смерти). В отличие от расширительного толкования, как любого «слова о мертвом», которым мы пользуемся сейчас, внутри живой практики дифференциация подобных текстов была совершенно очевидна²⁴. Текст, который пытался написать Вернадский, предназначался для сборника памяти, и он, согласно традиции, должен был быть ближе к воспоминаниям.

Образцы подобных текстов в академической практике и академических печатных изданиях тех лет встречались регулярно. На них и ориентировался автор. Однако что-то упорно не получалось, не сходилось: «я совсем не умею писать!», «пишу, но больше рву», «несколько раз принимаюсь писать – не выходит», «я не могу, не

²¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 299. Л. 2.

²² АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 67. Л. 3.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Характерно, что в описи архива дело с двумя вариантами текстов озаглавлено именно как «некролог», хотя внутри текста такое слово не встречается ни разу. То есть это расширенное понимание вполне сложилось позднее.

могу писать о нем, постоянно думая о цензуре и о количестве отведенных мне строк»...

Что не устраивало? Что не получалось?

Именно при сравнении текстов с жанровыми образцами, которые явно имел в виду автор, бросается в глаза удивительная вещь: в записках, посвященных памяти Клейбера, самого Клейбера очень мало! Мысль о нем все время вытесняется мыслью о Научно-литературном обществе, как будто происходит расфокусировка зрения и автор не может сосредоточиться на своем предмете, почти сливающимся с фоном. Причем этот фон двойной: его явный план – научно-литературное общество, в описание которого Вернадский все время уходит, неявный – смерть, раздумья о которой все чаще фиксируются в письмах жене.

Начав писать о Клейбере, Вернадский несколько месяцев постоянно возвращается к мыслям о смерти и смертности. «Теперь, когда стоит его жизнь передо мной, больно становится при мысли о его смерти. Как странно, что вопросы смерти так стоят перед нами»²⁵ (26 февраля 1892 г.). «Какое-то тяжелое настроение налагает смерть Шуры и Иосифа Андреевича. Тяжело, грустно, а между тем чувствуешь сознание **долга** (выделено Вернадским. – *С.Е.*), долга, наложенного их чистой, безупречной личностью и желанием и в памяти остаться вместе с ними. Точно связан с ними и после их смерти, и связь эта – в воспоминании – усилилась и углубилась. Мне они часто вспоминаются, и часто щемит сердце»²⁶ (12 марта 1892 г.). «Вчера умер неожиданно Имшенецкий – я видел его за несколько дней здоровым и бодрым. Какая ужасная вещь смерть»²⁷ (25 мая 1892 г.). «Я знаю, что смерть Шуры гораздо больше коснулась всего мирозерцания, она дала и укрепила чувство ответственности и стремления к тому, во имя чего она жила и к чему шло все наше “Братство”»²⁸ (29 мая 1892 г.). «Как ты относишься к моей мысли: образовать подписной фонд имени и памяти всех погибших в борьбе с народной бедой (помещиков, священников, учителей, врачей, студентов etc.), например, Веневитиновой, Ро-

²⁵ *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской (1889–1892). С. 194.

²⁶ Там же. С. 206.

²⁷ Там же. С. 242.

²⁸ Там же. С. 245.

занова и пр. Это, мне кажется, общественный долг. Этот капитал должен идти на хорошее дело: например, фонд для издания дешевых книг, или премия, или школа etc.»²⁹ (1 июня 1892 г.). «Я лично полон всяких планов. Для читальни имени Шуры есть 2 подходящих места: 1) в Каменке – учитель Котельников и 2) в Питиме – местный дьякон. В Моршанске узнаю официальное условие разрешения читальни»³⁰ (21 июня 1892 г.). «Я много думал дорогой и согласен с тобой, что надо устраивать школу имени Коли (Владимир Иванович вспоминает старшего брата, умершего в 1874 г. – С.Е.) здесь, а не в Рязанской губернии»³¹ (22 июня 1892 г.).

Затем тема смерти из писем уходит. Но посмертная статья И.А. Клейберу так и остается ненаписанной. Возможно, именно это: внутренняя неготовность признать смерть – не дает возможность высказаться. Вернадский действует в данном случае по правилам существующей академической традиции поминания, но он пока еще не находится внутри этой традиции и во многом имитирует поминальный текст, подражая ему по форме. Вернадский пытается писать о Клейбере как о живом. В результате неприятия окончательности случившегося оказывается, что герой не представлен: ни через поступки, ни через цитаты, ни через связи с другими людьми (имена – случайны, скорее, что вспомнилось по ходу, а не то, что было главным). Не сформулированы (для себя в первую очередь) ни цель (зачем писать?), ни аудитория (для кого?). С этим связана и позиция автора – он максимально удален из текста (появляется лишь в конце текста Б, когда неожиданно речь начинается вестись от первого лица). Вернадский пытается создать некую объективную картину, и не получается именно то, к чему он, казалось бы, стремится: писать **от своего имени** об умершем **друге**. Эта неготовность и не дает возможности отделить главное от неглавного, взять на себя ответственность окончательной личной оценки, при этом чувствуя за плечами тех, кто эту оценку разделяет и поддерживает. Не случайно, что когда выяснится пропажа текста, он подозревает, что отдал его почитать кому-то из друзей по «Приютинскому братству», т. е. он искал со-

²⁹ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1889–1892). С. 247.

³⁰ Там же. С. 251.

³¹ Там же.

вета внутри «своего» сообщества. Причем очевидно, что это мог быть любой из «братьев»: Вернадский думает, что текст у Корнилова, а бумаги (сорок лет спустя – они были важны, их сохранили) обнаруживаются у Ольденбурга.

Освоение практики: возраст

Как жить рядом со смертью? Вот основной вопрос.

Клейбер, безжалостный и последовательный аналитик, сам пытался ответить на него. В архиве Вернадского сохранилось «Литературное завещание» Клейбера³², составленное тем за два месяца до смерти и переписанное собственноручно в двух экземплярах. В случае этого документа смысл и цель текста определены автором с мужественностью, граничащей с жестокостью по отношению к самому себе: подтвердить, что прошедшая (уже почти прошедшая, хотя автору 27 лет) жизнь – не была бессмысленной.

«Уже не раз, начиная какую-нибудь работу, требовавшую продолжительного труда, я задумывался над тем, что какой-нибудь “несчастный случай” может прервать одновременно и мою жизнь, и начатое исследование. По мере того, как у меня накоплялись начала работ, из которых некоторые не могут быть окончены раньше, чем через много лет, мысль эта все больше меня преследовала. Мне было жалко думать, что моя смерть может уничтожить результат стольких трудов, и я не раз помышлял составить (и пополнять постепенно) некоторое руководство для ориентировки в моих бумагах так, чтобы по крайней мере то, что уже доведено до некоторой степени законченности, могло появиться в печати посмертным изданием, чтобы некоторые начатые работы, которым я придаю значение и которые считаю достойными публикации, могли быть закончены или приготовлены к печати компетентными лицами; наконец я хотел изложить хотя бы в виде программы некоторые, для меня чрезвычайно интересные работы, за осуществление которых я еще не принимался; последние – существующее только в проекте – почти исключительно философского характера и я бы хотел, чтобы мои идеи могли увидеть свет и помимо того, жив я или нет»³³.

³² АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 56. Л. 1–11.

³³ Там же. Л. 1–2.

Клейбер сам обозначает контуры своей жизни. И выстраивает иерархию результатов своих занятий. Аннотированные рукописи статей на английском, немецком и русском по астрономии и метеорологии – это понятно. Но важно не только это. «Тут же находятся некоторые другие отрывки других начатых работ, из которых некоторые совсем не могут быть продолжены без меня, а другие может быть и не стоит продолжать или кончать. Совершенно самостоятельное целое и отдельно от других стоит работа: **Дневник моего ребенка** (наблюдения за маленькой дочерью с момента ее рождения; выделено Клейбером. – *С.Е.*)»³⁴. «Я особенно настаивал бы на продолжении и опубликовании этого труда, в который положено много времени, стараний и терпения, хотя результаты его и представляют пока только сырой материал для дальнейших выводов и не имеют никакого философского значения. Я думаю, что напечатание этого исследования вызывало бы многие наблюдения подобного же рода и могло бы немало способствовать устранению некоторых педагогических ошибок»³⁵. И наконец – самое главное: «Но более всего я оплакивал бы потерю не этих, частично уже написанных, частично начатых исследований. Мне жаль думать, что я могу не успеть передать письменно и печатно мои взгляды на некоторые существенные философские вопросы; изложение моего мирозерцания, отчасти уже формулированного мысленно, не начато еще материально, и оно должно погибнуть вместе со мной, если я не успею написать то, что я думаю, и напечатать то, что я написал. В настоящее время три в особенности вопроса составляют предмет моих постоянных размышлений, три вопроса, долженствующие составить содержание трех книг, которые я напишу, если буду иметь время, силы, терпение и внешнюю возможность предаться этому занятию, которое мне наиболее по душе»³⁶.

Эти три вопроса (которые могли бы, по мысли Клейбера, превратиться в три книги) представлены на одной странице: теория образования мира из случайных комбинаций всех возможностей, проблема соотношения явлений видимого мира и тема пе-

³⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 56. Л. 5.

³⁵ Там же. Л. 6–7.

³⁶ Там же. Л. 7.

редачи мыслей на расстоянии. «Но высказанные в той краткой, конспективной форме, в какой это по необходимости должно было быть сделано здесь, все помянутые три философские работы имеют мало интереса и посторонний наблюдатель не может понять, почему автору их они могут казаться более драгоценными, чем другие, специальные работы его, дающие решения некоторых насущных вопросов астрономии»³⁷. Жизнь не случилась. На днях исполняется 28 лет. «В настоящее время (ноябрь 1891 г.), когда кроме непредвиденных случайностей я могу ожидать смерти и от нормально, хотя и неблагоприятного течения болезни легких, которую я страдаю уже шесть месяцев, и когда такие случайности как простуда и т. п. могут иметь роковые последствия, придавая именно болезни неблагоприятное направление, в настоящее время, говорю я, более чем когда-либо можно считать своевременным составление такого литературного или научного завещания»³⁸.

Клейбер проявляет себя как человек, принадлежащий академической традиции; так случилось, вероятно, и в силу раннего вступления в науку, и в силу раннего «взросления» перед лицом смерти.

Вернадский оказался в иной ситуации. Точнее, в иной позиции. Впрочем, не он один. Это, похоже, проблема возраста и степени интегрированности в академическую среду. Не получилось не только с воспоминаниями у Вернадского – не получилось издать (а точнее – собрать) сам сборник.

Свидетельством серьезности намерений может служить ряд подготовительных материалов, сохранившихся в архиве Вернадского. Подробная хронология недолгой жизни Клейбера, обширный список работ, даже фототипия портрета (с пометкой «дозволено цензурой 11 марта 1892 г.»). Небольшой текст неизвестного автора, по жанру близкий к некрологу. И представляющие наибольший для нас в данном случае интерес четыре статьи, написанные в сборник памяти ученого, умершего в 28 лет. Понятно, что авторы статей также зачастую молоды и неопытны. Как они справляются с задачей?

³⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 56. Л. 8–9.

³⁸ Там же. Л. 2.

Люди постарше – метеоролог Владимир Кеппен (ему 45 лет) и историк Николай Кареев (41 год) – сконцентрировались на локальных сюжетах.

Озаглавив свой текст «О трудах Иосифа Андреевича Клейбера по метеорологии»³⁹, Кеппен узко и четко поставил задачу и педантично выполнил ее. Интерес для автора представляют именно печатные работы Клейбера: что было сделано и какие перспективы в области определенной научной дисциплины это открывало. Клейбер оценивается исключительно с точки зрения его научных заслуг – на поминальный характер статьи указывают только традиционные формульные выражения сожаления о преждевременной смерти в начале и конце текста.

Статья Кареева точно соответствует своему заголовку: «Один из планов Клейбера»⁴⁰. Речь идет о списках литературы для самообразования, с идеей составления которых Клейбер не расставался несколько лет. Надо заметить, что Кареев до этого случая не писал ни одной статьи «в память» – они появляются у него только с 1903 г.⁴¹

«Молодые» пошли другим путем. Василию Водовозову, ученику Клейбера по Санкт-Петербургскому университету, – 27 лет. Революционер-народник, человек с уже сформировавшимися политическими взглядами, автор рассматривает смерть достойного человека как общественное событие. «Обидно бывает, когда умирает крупный человек, много послуживший обществу пером, словом, или иным каким-нибудь способом. Горе людей близких встречает сочувственный отклик в тысячах сердец, тысячи людей идут за его гробом, могилу его украшает множество венков. Но самые эти доказательства связи, которые соединяют общество с его лучшими деятелями, все же облегчают скорбь, напоминая и близким, и неблизким, и друзьям, и недругам, что смерть из горя семейного сделалась горем всенародным, и что умерший совершил в пределе земном все земное. Гораздо обиднее смерть человека, еще не успевшего развернуть всего богатства своих духовных сил, тем

³⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 59. Л. 1–8.

⁴⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 61. Л. 1–4.

⁴¹ Николай Иванович Кареев: библиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань, 2008. 223 с.

обиднее, что она проходит почти незамеченною, и только личные друзья умершего понимают потерю, понесенную обществом. Такова смерть И.А. Клейбера. Тяжелый недуг оторвал его накануне докторского диспута от науки и друзей, и отправил умирать под голубым небом Ниццы лишь только ему минуло 27 лет, так что он не сделал и десятой доли того, что задумал, что мог, и что должен был сделать»⁴². В данном случае трагедия в том, что общественно-го события не случилось.

Несмотря на молодость, автор обладает большим публицистическим опытом, что дает ему возможность развить ту мысль, что особенности личности и начало жизненного пути Клейбера обещали жизнь, наполненную общим смыслом. Выбрав жанр, обозначенный им как личные воспоминания, он последовательно описывает Клейбера со стороны его «миросозерцания». Собственно, статья вполне могла бы быть озаглавлена – «О миросозерцании Клейбера».

О том же пишет и юрист Михаил Лозинский (ему 26 или 27 лет), по всей видимости, сталкивавшийся с Клейбером в Комитете грамотности. Судя по всему, то, что бросалось в глаза, то, что отличало Клейбера от большинства окружавших его людей – это продуманная, выстроенная жизнь. Координаты этой продуманности авторы и пытаются описать. В определенном смысле – это и их проблема тоже, возможно, даже проблема поколения. «При жизни мне приходилось несколько раз спорить с покойным И.А. Клейбером по поводу вышеизложенных его взглядов; – теперь, над свежейю могилою молодого ученого, мне остается только отдать дань уважения стройности и последовательности его миросозерцания, цельности и непосредственности, с которыми он проводил свои убеждения словом и делом. Смерть безжалостно остановила готовившуюся развернуться оригинальную человеческую личность и недюжинную научную силу»⁴³.

Вернадский не хочет локализовать тему или говорить о тенденциях. Он не хочет прибегать ни к редукции личности, ни к редукции опыта, ни к редукции жанра. Внутренне он ориентирован именно на академический некролог, дающий цельный взгляд

⁴² АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 58. Л. 1–2.

⁴³ АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 60. Л. 2 об.

на всю жизнь человека. Но чтобы его написать, чего-то не хватает. В этой ситуации могли помочь или жизненный опыт, или навык, не только дополняющие, но и в определенной степени заменяющие друг друга – ни того, ни другого не было; и то, и другое – дело наживное.

Почти через 20 лет, в феврале 1910 г., Вернадский запишет в дневнике: «Отзывы о Нине Клейбер (дочери умершего друга. – С.Е.). Так это все давно – целое поколение. И молодой прелестный образ высокодаровитого юноши – ее отца исчез. Не раз он мне вспоминался: впервые с ним я начал работу со спектрометром. Недавно, для метеоритов, перечитывал его работу о падающих звездах. Но все сильнее движется колесо времени и все меньше остается его следов. Как-то очень ярко я понял это с моим отцом, когда на моих глазах быстро исчезли его сверстники»⁴⁴.

В 1944 г., составляя Хронологию (к моменту этой записи проблема сосуществования живых и мертвых в границах единого сообщества для него уже как проблема не существует), Вернадский прокомментировал запись о Клейбере воспоминаниями о нем: высказывание по этому поводу наконец состоялось.

Освоение практики: личность

Отношения с некрологами у Вернадского были непростыми на протяжении всей его жизни. Эти отношения определялись, с одной стороны, сознанием необходимости жеста (долгом, который осознал сам Вернадский еще в истории с Клейбером), а с другой стороны, частой невозможностью этого жеста.

Первая (вполне формальная) возможность выступить с некрологом случилась даже чуть раньше смерти Клейбера, едва лишь Вернадский получил место приват-доцента в Московском университете (т. е. вступил в профессиональную жизнь – до этого момента он только учился, т. е. готовился к профессии). В октябре 1941 г. Вернадский вспоминал: «Перенесся к 1889–1891 годам – 50 лет назад. Помню мое впечатление о Толстопятове. Я был предупрежден Вырубовым, но то, что я встретил, превзошло мое впечатление. 25 лет он был профессором. Если бы Е.Д. Кислаковский,

⁴⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.

его друг и приятель, хранитель Мин[ералогического] каб[инета], фармацевт по образованию, не устроил прекр[асную], с иглолки, лабораторию под лестницей из 3-х комнат, то было бы совсем ужасно. К[ислаковский] высоко ценил Т[олстопятова] как ученого (он сам не был ученым). Ко мне обратились, чтобы я написал его <Толстопятова> некролог, и я отказался. Но познакомился с его научными трудами, его речью на франц[узском] яз[ыке], напечатанной за год-другой до его смерти и 2 диссертациями – маг[истерской] и докт[орской]. Это были историч[еские] обзоры по литературе, без чего бы то ни было научно нового – наблюдений или экспериментов. К[ислаковский] говорил мне, что Т[олстопятов] – блестящий оратор (и честный человек) имел большой успех у студентов. Через К[ислаковского] со мной говорили о некрологе Т[олстопятову] – я не согласился, говоря, что не могу сказать хорошего. Лучше не касаться»⁴⁵.

То есть Вернадский должен был написать о незнакомом ему лично человеке, для чего обратился к его трудам: вклад в науку считался бы достаточным основанием для поминания, но, не обнаружив этого вклада – Вернадский отказался: «Не могу сказать хорошего». Некролог оказывается для него не только ритуальным текстом (положенным в определенной ситуации), но и текстом, в котором нельзя кривить душой (в этой определенной ситуации будем все).

Надо сказать, Вернадский в этом отношении всегда был весьма разборчив, и такого плотного, постоянно воспроизводимого в своей жизни, текста некрологов, как, например, у его друга и соратника по «Приютинскому братству» С.Ф. Ольденбурга (у которого их было больше шестидесяти), у Вернадского нет. Число написанных (а уж тем более напечатанных) им за свою долгую жизнь поминальных статей значительно меньше – не более трех десятков. Это, несомненно, для автора значимые тексты – причем поминание понимается в большей степени как личный долг, а не как социальный жест. По сравнению с Ольденбургом Вернадский менее эмоционален, менее экстравертен, менее склонен высказывать свое сиюминутное переживание, зато более ощущает некую многослойность этого мира, нелинейность его, некую «метафи-

⁴⁵ Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. С. 53–54.

зическую» подкладку. Он сознательно и последовательно старается нивелировать «мистическую» часть своей личности – в юности и старости у него часто случались галлюцинации, он знает некое неведомое и смутное состояние души, но в зрелом возрасте у него хватает сил держаться от всего этого на расстоянии. Однако от внутреннего знания все равно никуда не денешься. Все это с необходимостью сказывается и на тексте тех некрологов, которые он пишет в течение жизни. Это тоже «источник личного происхождения», где личность проявляется опосредовано, зато в предельной ситуации: перед лицом смерти.

Вернадский любил думать медленно (судя по дневникам и письмам, проблема симметрии, например, занимала Вернадского больше полувека). Он как бы обкатывал мысль, обсуждая ее с самим собой или с близким человеком. На протяжении всей своей жизни – не непрерывно, но регулярно – он вел дневники (когда для этого находилось время). Если в это время он был в разлуке со своей женой, то вместо дневников писал письма Наталье Егоровне. Здесь он не столько обсуждал, сколько излагал: то ли ему было легче сформулировать мысль в процессе письма, то ли, написанная, эта мысль начинала жить какой-то иной жизнью, формировалась и легализовалась. Его дневники и письма весьма своеобразны: бытовое повествование вдруг прерывается каким-нибудь мучительным рассуждением, чтобы снова, в следующем абзаце, без всякого перехода, вернуться к злобе дня. И некрологи встраиваются в эту систему отражений непрерывной мысли. При этом имплицитное в одном типе текстов эксплицируется в другом.

Личное отношение к смерти – не предмет для разговора в некрологах. Но в жизни этот вопрос для Вернадского существует. Весной 1886 г. он рассказывает своей будущей жене о детских переживаниях: «Я создал себе какую-то религию, полную образов, то страшных, то нежных, но которые жили везде и всюду. Помню, как глубоко и сильно меня интересовали вопросы о том, что делается с душою после смерти, и рисовалось мне, что она долго (40, кажется, дней) летает вокруг тел, не может попасть туда, и ей холодно, ей страшно тяжело, она видит, как плачут, как рыдают кругом родные, как ее тело предадут земле. То слышал я, что и тело это еще долго слышит, хоть и не видит... Все такие образы

все сильнее и сильнее смущали меня; <...> Я помню, как сильно на меня действовала смерть, я, казалось мне, видел этих мертвецов, мрачных, унылых, становившихся вокруг меня, и помню, как перепугал няню, с которой спал в одной комнате; ночью, проснувшись, я стал уверять ее, что ее брат, который недавно умер, стоит тут, в углу и грозит мне...»⁴⁶

Мысли о смерти оказываются тесно связаны с вопросами личности и религии. Вот что пишет 30-летний Вернадский: «Для меня единственно и понятна религия, где есть вечно сущая бессмертная **личность** (выделено автором. – С.Е.) – и всякое божество мне представляется вторичным явлением в религиозном чувстве человека. Я не могу понять пантеизма как религию еще потому, что он допускает единство мира, мировые законы и т. п., одним словом, целое – природу – как нечто несомненное, и мне кажется, что все это фикция, есть создание человеческого сознания или духа... Ну да об этом долго писать, но много, часто приходится вспоминать все эти вопросы и скользить по ним мыслью, так как невольно чаще и чаще, большее и тяжелее мысль на них останавливается. Приближаешься ведь к концу жизни, и кто знает, сколько осталось прожить. А при постоянном настроении мысли на таких вопросах и при скепсисе любопытен становится и этот последний шаг»⁴⁷ (10 июня 1893 г.).

В 1899 г., рассуждая по поводу прочитанной книги: «И меня больше всего интересует: 1) отхождение на второй план всех вопросов морали, всех сторон обычных людских стремлений – если рассуждать и идти логическим путем – перед жизнью, неизбежным справедливым концом которой является смерть. А справедливость, естественность, и, пожалуй, теоретическую желательность смерти я ясно чувствую»⁴⁸.

В 1900 г.: «Нет веры в свою мысль и личность, полная насмешка над слабостью и случайностью своего ума, и усталость еще больше охватывает – усталость прожившего человека»⁴⁹ (Вернадскому 37 лет).

⁴⁶ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1886–1889). М., 1988. С. 25.

⁴⁷ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1893–1900). С. 33.

⁴⁸ Там же. С. 248.

⁴⁹ Там же. С. 335.

Внутри традиции: трансляция практики

Часть некрологов не была напечатана при жизни Вернадского – на компромиссы здесь он не шел. Порой же поминальные статьи, которые, казалось бы, неизбежно должны были появиться, – не были написаны: отметить возле каждой даже значимой для него смерти Вернадский не спешил. Похоже, что иногда он даже ставил себя в ситуацию, когда принятые на себя внешние обязательства делали высказывание неизбежным. Например, соглашался выступить с речью на заседании, назначенном на определенный день.

16 марта 1908 г. Вернадский произносит в студенческом обществе речь о князе С.Н. Трубецком, которая затем под названием «Черты мировоззрения кн. С.Н. Трубецкого» была опубликована в журнале и сборнике памяти Трубецкого⁵⁰.

Жизнь С.Н. Трубецкого в речи перед студентами можно было бы представить с разных точек зрения. С одной стороны, Трубецкой – первый выборный ректор Московского университета, пришедший на этот пост во время студенческих волнений и умерший от инсульта через три недели после избрания. С другой, он – крупный русский философ. Рассказ, в зависимости от выбора «рамки», может строиться совершенно по-разному. Казалось бы, перед студентами логично говорить о Трубецком как о ректоре. Но Вернадский оставляет ректорство своего героя за скобками – это подразумевается, но не называется, обращается он, тем не менее, именно к той части молодежи, «которая его помнит и знает лично, для которой он был учителем».

Вернадский находится в нетипичной ситуации (с точки зрения условий артикуляции поминального текста). Обычно с молодыми не разговаривают о смерти и в данном случае этого вполне можно было бы избежать. Смена поколений в социуме отличается «растянутостью и замедлением», разные поколения сосуществуют в одном времени и одновременно каждое – в своем време-

⁵⁰ *Вернадский В.И.* Черты мировоззрения кн. С.Н. Трубецкого: Речь, произнес. в студент. О-ве памяти кн. С.Н. Трубецкого 16 марта 1908 г. // Рус. мысль. 1908. № 4. С. 76–32. То же: Сб. речей, посвященных памяти С.Н. Трубецкого. М., 1909. С. 5–13. Цит. по: *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 162–167.

ни⁵¹, существуют многочисленные практики их взаимодействия, но разговор о смерти – не лучшая возможность перейти из частного времени поколения во время общей современности. Однако и история с Трубецким уникальна (связана непосредственно с университетом), и культурная ситуация в России этого времени мало на что похожа. Здесь имеется в виду переоценка отношений жизни и смерти в среде молодежи, приведшая к эпидемии самоубийств в это время. И Вернадский идет на этот разговор⁵². Кроме того, здесь очень сильна дидактическая составляющая, в то время для Вернадского чрезвычайно важная.

Человек академического круга того времени почти обязательно был связан с преподаванием. Если не был связан – этот факт уже сам по себе требовал объяснения. Отношения между наукой и преподаванием все время проговаривались и прояснялись: и на уровне отдельного человека, и на уровне всего сообщества. Личные позиции (и жизненные стратегии) при этом могли быть разные: Ольденбург, например, был уверен, что преподавание мешает научной работе, Вернадский видел в преподавании серьезный ресурс социализации научных идей. То, что у сообщества была своя позиция по этому поводу, доказывает хотя бы тот факт, что в 1911 г., протестуя против ущемления автономии университетов, вслед за отставкой выборной администрации из Московского университета ушли более 100 человек профессорско-преподавательского состава.

Вернадский всегда исходил из понимания, что наука социальна, и в написанных им некрологах (а в академических некро-

⁵¹ Assman A. Generationsidentitäten und Vorurteilsstrukturen in der neuen deutschen Erinnerungsliteratur. (Wiener Vorlesungen im Rathaus. Band 117). Wien, 2006. S. 18–19.

⁵² Возможно, в этом есть и необходимость, связанная с культурной ситуацией того времени: смерть переставала быть поколенческой проблемой. Умирают молодые. В том числе и вокруг Вернадского. Совсем недавно покончила с собой дочь Д.И. Шаховского – Саша. Через два года, по поводу смерти от туберкулеза Шуры – дочери Ивана Гревса, Вернадский запишет в дневнике: «Еще недавно я видел ее веселой и улыбающейся при страшной болезни, свалившей ее жизне-радостную природу. Смерть кругом – смерть молодых, новых жизней – и новых страданий. Вечное стремление человечества искать человеческого смысла и человеческой цели в окружающем, несмотря на постоянные уходы, подрывающие всякую веру в смысл и цель». – АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 8. Л. 46.

логах в той или иной степени этот мотив не присутствовать не мог) тема «наука и преподавание» трансформируется, ставится в более широком смысле: «наука и практика». Преподавание оказывается частным случаем этой практики, одним из вариантов. Но выбор этого варианта налагает особые обязательства. В частности потому, что преподаватель имеет дело с совсем молодыми людьми, и потому его задача не ограничивается обучением основам профессии.

Осмысляя события разгрома высшей школы, Вернадский через несколько лет напишет: «Научная работа развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиняться министерству... И можно смело сказать, что пока русские профессора будут стремиться к научной работе и будут научно работать, все стремления министерства сделать из них приниженных и униженных слуг будут напрасны»⁵³.

До революции Вернадский опубликовал около 30 работ о высшей школе. Для него – это не частный профессиональный вопрос. «Спасение России заключается в поднятии и расширении образования и знания... Каждый удар, нанесенный высшей школе, каждое стеснение ее автономии есть удар национальной силе, есть удар русской культуре. Ибо высшая школа совершает национальную работу первостепенной важности: в ней сосредоточивается и куется все будущее великого народа. В ней слагается молодое поколение – будущее России; она распространяет знания в стране. Но в ней сверх того сосредоточивается работа нации в области научной мысли и научного искания»⁵⁴.

Понимание роли личности в преподавании для Вернадского ключевое⁵⁵. Это вполне явно формулируется в речи памяти Трубецкого в 1908 г.

Вернадский все время подчеркивает, что речь идет об умершем человеке, равномерно распределяя упоминания о смерти по

⁵³ Вернадский В. 1911 год в истории русской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. М., 1913. С. 8.

⁵⁴ Вернадский В. Перед грозой // Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 193–194.

⁵⁵ Подробнее об этом см.: Еремеева С. Приютинское братство // Высшее образование в России. 2007. № 1. С. 157–166.

всему тексту. «После смерти князя С.Н. Трубецкого не прошло и трех лет»; «И во всей его недолгой жизни ярко выступал этот элемент искренности и смелости личного самоопределения»; «Еще в последние месяцы жизни его интересы сосредоточивались»; «Ярко и глубоко эта двойственная сторона духовного творчества сказалась в недолгой жизни С.Н. Трубецкого»; «Вдумываясь и всматриваясь в жизнь этого дорогого, еще недавно бывшего здесь человека»; «Здесь живая, неумирающая память о С.Н. Трубецком явится одним из отражений того личного бессмертия». Но разговор при этом все время идет о ценности жизни. Ключевое понятие этого разговора: «личность». Оно повторяется в тексте 29 раз.

«Здесь и сейчас» – трансформируются, идет расширение пространства и времени, речь оказывается не только об университете и не только о настоящем времени. Такую широкую перспективу пытается Вернадский донести до студентов в своей речи перед ними. «В тяжелое и мрачное время нам приходится жить, но его время (время Трубецкого. – С.Е.) было еще безотраднее. Свинцовыми, беспросветными сумерками была охвачена университетская жизнь – отражение жизни России». Это было время, когда «иссякала вера в будущее». И вот это будущее, собственно, наступило, все находящиеся в зале присутствуют в нем. И то, что будущее в университетских стенах все-таки настало – заслуга Трубецкого, не столько как ректора, сколько как «свободной мыслящей человеческой личности», боровшейся против «давящих рамок обыденности» и «чуждой ей обстановки общественной забитости, общественного отчаяния, узкой кружковщины»⁵⁶.

Дальше слова «личность» и «свобода» прошивают весь текст, иногда дополняя друг друга (личная свобода или свободная личность), иногда выступая самостоятельно. Плотность этих и близких им по значениям слов уподобляют текст заклинанию. Собственно, между понятиями свободы и личности поставлен знак равенства, одно отражает другое, и наиболее благоприятное поле реализации этого единства – то поле, на котором подвизался Трубецкой: философия. «Творческая мысль философа свободна. Она руководится только своим разумом, только тем сложным, неделимым и несравнимым элементом человеческого существа,

⁵⁶ Цит. по: *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 162.

которое мы называем духовной личностью человека». Личность – это как раз то, что делает философские системы практически бессмертными. Каждая философская концепция – личностна. «Творец всякой философской системы накладывает на нее всецело свою личность». Но тут же следует оговорка, что такая «творческая работа философии суждена немногим»⁵⁷. Кажется бы, тупик, поскольку философия оказывается уделом нечасто встречающихся избранников, однако разговор о Трубецком сворачивает в другую сторону. Поиск смысла философских систем приводит его к изучению истории философии – пограничной области, где начинают функционировать законы научного исследования. И эта двойная позиция – работа и внутри поля, и вне его – делает опыт Трубецкого бесценным для последующих поколений⁵⁸.

После смерти Трубецкого, в момент произносимой Вернадским речи, прошло уже почти три года. Время эмоциональной реакции на смерть миновало, и можно апеллировать не к душе, а к духу. А чистый, кристаллизованный дух уводит в область мистического и религиозного. Это следующий уровень абстракции: вслед за наукой и философией. Совмещение всего этого в одном человеке (как это было в случае с Трубецким), по Вернадскому, – «удивительная загадка». Но разрешение этой загадки и есть путь, которым «подымаешься к глубоким проблемам человеческого существования».

Для современной литературы, согласно Вернадскому, это путь спекуляций, игры в мистицизм и мистическое настроение. Для Трубецкого это был способ жизни, способ проявления своей свободы. «Он всегда оставался самим собой, всюду проявлял себя всего. Будучи мистиком, он в философии оказался критическим

⁵⁷ Цит. по: *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. С. 163.

⁵⁸ Здесь, по всей видимости, продолжается неявный для студентов, но важный для Вернадского разговор с самим Трубецким. В свое время С.Н. Трубецкой заинтересовался работой В.И. Вернадского «О научном мировоззрении» и опубликовал ее в журнале «Вопросы философии и психологии» (1902. № 65). Как уже упоминалось, Вернадский свои мысли продумывает долго. И процесс, который начинался в статье начала века, очевидно продолжается и в 1908 г., и будет продолжаться теперь до самой смерти автора, став одним из источников учения о ноосфере. Для Вернадского сам факт возвращения к фигуре Трубецкого означает возвращение к определенному кругу мыслей, связанных с ним.

идеалистом, в науке – строгим и точным исследователем, в общественной жизни – сознательным деятелем. Философским мышлением и научной работой он заменил ненужные ему символические формы мистических настроений. В гармонии их – в своей личности – он мог убедиться, что несогласимые противоречия между этими сторонами человеческого существа рождаются лишь при подавлении какой-нибудь одной его стороной других ее проявлений. Благодаря этому мы наблюдаем в его жизни и в философском мышлении живой пример глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека – мистических элементов веры, философского мышления и научной мысли.

Вернадский пытается донести до студентов какие-то очень сложные размышления о личности и свободе, плохо поддающиеся рационализации. И пытаясь быть понятным, от высокой мистики снова возвращается к социальному: «Культурная работа общества отнюдь не ограничивается готовыми созданиями творческих сил его членов. Здесь не менее, может быть более, важен самый процесс творчества, происходящий в среде общества. Важно... чтобы те или иные научные исследования, те или иные произведения искусства... вырабатывались в его среде, чтобы они черпали свою силу, свое содержание, свои формы в жизни этого общества, в его надеждах будущего, в окружающей и чеканящей его природе и обстановке. Только этим путем и подымается культурная сила обществ». Он пытается обозначить в сознании слушающей аудитории ее связь с тем способом жизни, о котором идет речь. «Поэтому вся жизнь князя С.Н. Трубецкого, русского ученого и русского философа, являлась сама по себе глубоким культурным делом, делом общественным. Она не может и не должна быть забыта русским обществом. Ее след прочно и непреодолимо заложен в самой русской культуре и будет жить и развиваться вместе с ней. Здесь живая, неумирающая память о С.Н. Трубецком явится одним из отражений того личного бессмертия, паразитически живая вера в которое составляла такую чарующую черту его благородной личности»⁵⁹.

⁵⁹ В 1944 г., дополняя-комментируя дневники 1910 г., Вернадский напишет: «Эта смерть, мне кажется, смела человека, который мог бы направить в другую сторону ход событий». – АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Л. 12 об.

Дихотомия жизни и смерти разрешается через неумиращую память и личное бессмертие. Формула достойного существования как бы обретена и высказана.

25 сентября 1941 г., уже в эвакуации, Вернадский записывает: «Чувство спокойное у меня неизбежности смерти, как единственной правды. К старости примиряешься со смертью, сопровождаемой страданием. Чувствую вечность»⁶⁰.

⁶⁰ *Вернадский В.И.* Дневники. Июль 1941 – август 1943. С. 52.

О.И. Журба, И.А. Скиба

**Коммуникации Владимира Валериановича Данилова,
или Отечественный гуманитарий XX века
на дисциплинарных и культурных порубежьях**

Представлены основные стратегии научного творчества этнографа, историка, филолога, педагога В.В. Данилова (1881–1970), его национально-культурное, дисциплинарное, географическое, темпоральное измерение. Поставлены вопросы конструирования корпоративной биографии сообщества профессиональных гуманитариев.

Ключевые слова: В.В. Данилов, провинциальная историография, дисциплинарное порубежье, украинско-российское культурное пространство, советская гуманитаристика, корпоративная биография, историографические иерархии.

O.I. Zhurba, I.A. Skiba

**Communications of Vladimir V. Danilov,
or Domestic Humanities Scholar of the XXth century
on Disciplinary and Cultural Borderlands**

Provides a framework strategy for scientific creativity ethnographer, historian, philologist, teacher V.V. Danilov (1881–1970), his national-cultural, disciplinary, geographical, temporal dimension. Constructing a set of corporate community biography professional humanitarians.

Keywords: V.V. Danilov, a provincial historiography, disciplinary borderlands, Ukraine and the Russian culture space, the Soviet humanities, corporate biography, historiographical hierarchy.

Устойчивый интерес к личности и творчеству Владимира Валериановича Данилова (1881–1970) у днепропетровских историков пробудился за последние полтора десятилетия¹. Связано это,

© О.И. Журба, И.А. Скиба, 2014

¹ *Абросимова С.В.* Катеринославський дослідник В.В. Данилов і його внесок у вивчення місцевої історії та культури // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті. 2001. № 1. С. 153–160; *Скиба І.А.* В.В. Данилов – дослідник культури Катеринослава // Гуманітарний журнал. 2002. № 2 (14). С. 46–49; *Скиба І.А.* Українська народна творчість у працях катеринославського дослідника В.В.Данилова // Грані. 2003. № 4. С. 44–47; *Скиба І.А.* Українська

как представляется, прежде всего, с общей регионализацией постсоветской гуманитаристики, вызвавшей потребность в переосмыслении и освоении наследия регионального интеллектуального пространства, его места и значения в истории исторического знания в целом. В такой ситуации стало явственно ощущаться, что для адекватного представления о характере, смыслах, структурах, идеях, участниках историографического процесса вовсе не достаточно традиционного сциентистского подхода к состоянию и движению исторической мысли / знания / познания, как правило, ограничивающегося вниманием к фигурам и явлениям первой величины. Их масштабность, а значит и сфокусированность исследовательского интереса определяется не только количественными и качественными параметрами творчества, но и расположением на «карте» историографических иерархий. Добротный и высококвалифицированный специалист, завоевавший прочную «цеховую» репутацию надежного профессионала второго-третьего порядка, в рамках иного региона / дисциплины / проблематики может восприниматься как его интеллектуальный лидер.

Сказанное имеет прямое отношение к В.В. Данилову, деятельность которого в Екатеринославе пришлась на начало XX в., когда тут только начинал складываться немногочисленный круг профессиональных историков. А потому, очень молодого в ту пору, делающего еще только первые шаги на научно-педагогическом поприще выпускника Нежинского института можно смело отнести к «отцам-основателям» екатеринославского-днепропетровского сообщества профессиональных гуманитариев.

Безусловно, горячий интерес к нашему герою был вызван и его необычной биографией. Бросалась в глаза «провинциальность» жизненной и творческой стратегии, понятая не как вторичность или неполноценность, а как сквозная и множественная порубежность, определявшаяся как внешними обстоятельствами, так и образованием, складом характера, интеллектуальной

поховальна традиція в творчій спадщині Володимира Данилова // Сіверянський літопис. 2005. № 2–3. С. 38–42; Журба О.І., Скиба І.А. Сповідь українського історика та фольклориста (Володимир Валеріанович Данилов: провінційний дослідник на межі культур) // Вісник Дніпропетровського університету. 2008. Серія: Історія та археологія. Вип. 16. С. 204–214.

нацеленностью и морально-этическими ориентирами самого В.В. Данилова.

Особенностью научной судьбы Владимира Валериановича стало, прежде всего, то, что он достаточно специфически «расположился» на научно-культурном поле, занимая тут своеобразное место на границе украинского и российского. А потому его фигура представляет национально-культурную провинциальность деятеля и (и не совсем) российского, и (и не совсем) украинского, что открывает внимательному наблюдателю возможности для осознания и хотя бы постановки проблемы специфики самоидентификации интеллектуалов и механизмов их вписывания в межкультурные и поликультурные научные пространства.

В.В. Данилов также всегда уютно чувствовал себя и на междисциплинарных перекрестках. Начав как фольклорист и литературовед, он успешно работал и как историк, и как языковед, и как ученый-педагог, и как переводчик, и как публицист.

Провинциальность В.В. Данилова имела своеобразное проявление и социального порядка. После завершения в 1905 г. словесного отделения Нежинского историко-филологического института князя Безбородко он учительствовал в Екатеринославе (1905–1907), Одессе (1907–1911), Петербурге (1911–1919). На короткое время в 1919 г. был назначен профессором кафедры методики русского языка Петроградского женского педагогического института. Но, как можно предположить, голод и холод большого города времен гражданской войны заставили искать спасения в провинции, преподавать в 1919–1920 гг. в школах Вологодской губернии и Тихвина. Вернувшись в Петроград уже после войны, Владимир Валерианович долгие годы служил на различных административно-педагогических должностях в учебных заведениях Военно-морского флота. В годы Великой Отечественной войны был на интендантской службе. И только с 1947 г. (по некоторым данным, с 1948 г.), после отставки в звании капитана 1-го ранга, начал работать как исследователь, став научным сотрудником Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). На пенсию он вышел в 1956 г., когда ему было уже под 80 лет.

Научная нобилитация ученого серьезно затянулась. Только в 1945 г. он стал кандидатом педагогических наук (вероятно, по

совокупности работ)². О возможном присвоении степени доктора филологии узнаем только из отчета о научных докладах на заседаниях Сектора древнерусской литературы Пушкинского дома, где регалии В.В. Данилова, выступавшего 8 июня 1960 г., обозначены как «докт. филол. наук», а 31 мая 1961 г. – как «канд. педагог. наук»³. Учитывая, что в юбилейной статье 1962 г. Владимир Валерианович не назван ни доктором филологии, ни кандидатом педагогики, то, возможно, имеем дело с опечаткой⁴. Докторская степень В.В. Данилова не подтверждена также и в некрологе⁵.

Имея десятки публикаций по различным отраслям знаний, В.В. Данилов так и не написал ни одной монографии, отдавая предпочтение малым формам. Он неоднократно сетовал, что военноморское ведомство, которому он посвятил свои зрелые годы, не было заинтересовано в его научной деятельности.

Вместе с тем, без его трудов невозможно себе представить не только исследования по истории украинской и русской литературы, фольклористике и этнографии, национально-культурного движения первой половины XIX в., но и духовно-культурный облик Южной Украины, где он разворачивал энергичную общественно-научную деятельность как педагог, публицист, один из ведущих сотрудников Екатеринославской Ученой архивной комиссии⁶. Даже окончательно переехав в Петербург, он продолжал под-

² Письмо К.Г. Воблого В.В. Данилову из Киева в Ленинград в июле 1945 г. // ИР НБУ. Ф. 309. № 94.

³ Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1960–1961 гг. // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 597–598.

⁴ *Гуревич М.М., Могилянский А.П.* В.В. Данилов (К 80-летию со дня рождения и к 60-летию научной деятельности) // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 481–483.

⁵ *Лихачев Д.С.* Памяти Владимира Валериановича Данилова // ТОДРЛ. 1970. Т. 25. С. 351–354.

⁶ «Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии» (1903 – 1915): Библиографічний покажчик / упор. С.В. Абросимова, О.І. Журба, М.В. Кравець. Київ, 1991. С. 11, 12, 21, 23, 33; *Журба О.І., Абросимова С.В.* Археографічна діяльність Катеринославської ученої архівної комісії // Український археографічний щорічник. Вип. 1. Київ., 1992. С. 34–46; *Журба О.І., Абросимова С.В.* Едиційна археографія в Україні у XIX –XX ст.: плани, проєкти, програми видань. Катеринославська учена архівна комісія (1903–1919 рр.) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Вип. 2. Дніпропетровськ, 2001. С. 432, 442, 444; Ко-

держивать тесные личные и деловые контакты с коллегами из украинских регионов. В кругу его внимания постоянно находилась украинская проблематика, украинские научные издания: последняя публикация в украиноязычном сборнике датирована 1947 г.⁷, а посвященная украинскому сюжету – 1958 г.⁸ Своеобразным научным обрамлением биографии В.В. Данилова стала тема, объединявшая русско-украинское культурное и литературное пространство – «Слово о полку Игореве». С неё он начал ученую карьеру, а завершил свой научный путь докладом, посвященным защите «Слова» как древнерусского памятника. В своем письме Д.С. Лихачеву от 2 мая 1966 г. он писал об этом так:

«Еще будучи учеником Нежинской гимназии, я составил сводку комментариев к “Слову” на основании нескольких книг по его изучению, бывших в гимназической библиотеке, и переложил в стихах несколько мест из него. Плодом этого была почтенной толщины тетрадь в переплете, которую года два назад я передал в Библиотеку Академии наук.

Первая работа, которую я писал на 1-м курсе по предложенным проф. М.Н. Сперанским темам, была “Слово о полку Игореве” и отражение его в “Задонщине”. Работа вышла большая, но с такой постановкой вопроса я теперь совершенно не согласен. Эта работа находится в историческом музее Педагогического института им. Гоголя в Нежине, заменившего наш Историко-филологический институт.

Так что со “Словом” связана моя юность и молодость. Я тогда знал его все наизусть и, будучи “на кондициях”, как тогда го-

вальский Н.П., Абросимова С.В. Из истории Екатеринославской ученой архивной комиссии // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989. С. 52–57; *Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996. С. 210, 215; *Куліш П.* Листи // Куліш П. Повне зібрання творів. Київ, 2005. Т. 1. (1841–1850). С. 332, 341, 372, 374, 543, 574, 595; *Максимович М.* Листи / упор. і вступ. ст. В. Короткого. Київ, 2004. С. 12, 15, 28, 134, 268.

⁷ *Данилов В.В.* «Нарка в utrapieniu» Мариана Гожковського // Наукові записки Інституту мовознавства, фольклору та етнографії АН УРСР. Київ, 1947. Т. I–II. С. 275–284.

⁸ *Данилов В.В.* Записи украинских обрядовых песен о туре в Пушкинском фонде ИРЛИ // ТОДРЛ. 1958. Т. XIV. С. 52–526.

ворили, у помещика, уходил в лес и перед деревьями декламировал отрывки из памятника.

Поэтому, на старости, пять лет назад, уходя с арены литературной работы, я решил закончить ее выступлением о “Слове о полку Игореве”. В этом был весь смысл для меня моего выступления»⁹.

Интерес к личности и творчеству В.В. Данилова определяется также местом его поколения в общественно-политических, военных и социальных потрясениях своего времени. Судьба ученого второго-третьего ряда, прошедшего через все трагедии и катаклизмы конца XIX – XX в., в этом смысле может быть значительно более репрезентативным объектом изучения для постановки проблемы «историк на переломе», чем творческий путь лидеров отечественной гуманитаристики. При всем своеобразии отдельных жизненных и творческих стратегий, создание «корпоративных биографий» таких специфических социальных групп, как научные сообщества, конечно, требуют охвата всех без исключения уровней «цеха». В то же время, представляется, что первоочередного внимания заслуживают, прежде всего, представители крепкого второго-третьего эшелона, удельная масса и инерция которых определяет потенциал, уровень и состояние науки в целом.

В этом смысле важнейшей особенностью творческой биографии В.В. Данилова является его верность и преданность любимым, выношенным, дорогим для него темам, которым он не изменял на протяжении всей своей долгой и драматичной жизни. В списке его работ, насчитывающем более 300 публикаций, мы не найдем конъюнктурных текстов, типичных для упрощенно понимаемой советской историографии с её, как принято считать, ритуальными заклинаниями в верности и преданности единственно правильной, научно обоснованной и проверенной методологии. В.В. Данилову, если судить по списку его работ, удавалось без особого труда достаточно органично, долгие годы находясь, по сути, на идеологической работе в системе учебных заведений ВМФ, а потом в одном из ведущих научных центров гуманитаристики СССР, оставаться честным, вдумчивым, незаидеологизированным, «несоветским» гуманитарием, упорно разрабатывавшим свою про-

⁹ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 353.

блематику, почти что ничем (кроме внутренней убежденности) не навязываемой. Такая этичная позиция вызывала глубокое уважение современников, отмечавших высокий профессионализм и научную добросовестность ученого. В некрологе, написанном тогда еще членом-корреспондентом АН СССР Д.С. Лихачевым, отмечалось:

«В.В. Данилов был глубокий патриот, он никогда не изменял правде, был справедлив и точен, как точен и справедлив может быть только настоящий ученый. Вот почему его долгий научный путь ни разу не привел к неудачам и был по-своему красив и торжествен»¹⁰.

Причем, понимая особенности жанра, Дмитрий Сергеевич, под руководством которого в Секторе древнерусской литературы завершал свой научный путь В.В. Данилов, стараясь по возможности избежать субъективности, процитировал, вероятно, переданные в архив Пушкинского дома, письма к Владимиру Валерьяновичу его коллеги, крупного специалиста по истории русской литературы и журналистики XVIII в., члена-корреспондента АН СССР П.Н. Беркова. В письме от 9 июня 1962 г., отвечая на присланную ему статью «О жанровых особенностях древнерусских “хождений”», П.Н. Берков писал:

«Такая статья, как Ваша, стоит больше, чем многие пухлые “философии литературоведения”, авторы которых полагают, что двигают науку. ...И в то же время как интересен, как плодотворен Ваш метод анализа! Вы умеете “читать” литературный текст и учите своих читателей этому трудному методу анализа, идущему из классической филологии – учите обращать внимание на реалии, на высказывания, на приемы и т. д. Это поразило меня в начале 20-х годов, когда я впервые познакомился с Вашим “Комментарием к “Рудину”” и со статьей о Фонвизине. На фоне тогдашнего увлечения “методологией” Ваши работы были для меня образцом серьезного и плодотворного “раскрытия” текста. И эта же манера, во много раз утонченная, отшлифованная, углубленная, пронизывает все Ваши последующие статьи, включая и нынешнюю о “хождениях”. Это и есть настоящая филология, – зоркая, не боящаяся колоссальной затраты времени и сил на овладение ма-

¹⁰ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 354.

териалом и на классификацию его, и на обобщения. Ну, а без мастерства, высокого и мудрого, никакая зоркость, никакой труд не даст результата. Спасибо, большое спасибо Вам, мой дорогой и давний учитель!»¹¹

Признанием заслуг автора, значимости его вклада в отечественную гуманитаристику стало составление библиографии, выпущенной двумя изданиями сотрудниками Пушкинского дома¹². И хотя имя В.В. Данилова постоянно упоминается в экскурсах по региональной истории, краеведению, историографии, истории русской и украинской литературы, этнографии, фольклористики, педагогики, его творчество и жизненный путь, место в развитии отечественной гуманитаристики только начинают привлекать внимание.

Понятно, что для решения такого рода задачи должна быть проведена основательная эвристическая работа по выявлению как научной продукции В.В. Данилова, так и «эго-материалов» (писем, воспоминаний, дневников и т. п.). Часть этой работы уже начала выполняться в рамках издания эпистолярного наследия академика Д.И. Яворницкого, где были напечатаны и прокомментированы 11 писем В.В. Данилова к известному украинскому ученому¹³ с 1905 по 1939 г. Причем, заметим, часть из них написана на украинском языке. Однако, абсолютное большинство материалов такого рода до сих пор не введено в научный оборот.

Созданию условий для реализации этого проекта поспособствовал и сам Владимир Валерианович. Всю жизнь он вел интенсивную деловую, дружескую, личную переписку, собирал исторические источники, бережно относился к своим творческим материалам. Таким образом сложился значительный по тематическому, хронологическому, географическому охвату личный архив ученого, который был им после выхода на пенсию приведен в порядок (в том числе атрибутированы многочисленные корреспонденты). В начале 1960-х гг. это рукописное богатство было передано

¹¹ Цит. по: *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 352.

¹² *Панченко Н.Т.* Список печатных научных трудов В.В. Данилова (1904–1959). Л., 1960. – 33 с.; Список печатных научных трудов В.В. Данилова (1904 – 1962) / сост. Н.Т. Панченко. Л., 1963. 33 с.

¹³ [Листи В.В. Данилова до Д.І. Яворницького] // *Епістолярна спадщина академіка Д.І. Яворницького*. Вип. 1. Листи вчених до Д. І. Яворницького / упор. С. В. Абросимова та ін. Дніпропетровськ, 1997. С. 150–162.

В.В. Даниловым Центральной научной библиотеке УССР в Киеве. Тут ныне оно составляют отдельный именной фонд № 53 Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского НАН Украины¹⁴.

Значительное место в личном фонде занимает переписка с многочисленными и очень разнообразными корреспондентами. Она раскрывает не только научные приоритеты, но и направления, характер и содержание коммуникативных практик ученого. Кроме этого, эпистолярные личные фонды В.В. Данилова нацеливают исследователя на дальнейшие эвристические разыскания, так как в абсолютном большинстве случаев тут, как это обычно бывает с такими архивными комплексами, собраны письма лишь к фондообразователю.

Отличительной особенностью письменных контактов Владимира Валериановича, конечно же, была их профессиональная нацеленность. Круг его корреспондентов включал, прежде всего, ведущих литературоведов и фольклористов страны, ракурс научных интересов которых так или иначе был сориентирован на изучение народной культуры и литературного процесса русско-украинского пространства. Несколько особняком в этом ряду стоит переписка с академиком К.Г. Воблым и член-корреспондентом АН УССР П.Н. Поповым, поддерживая которую В.В. Данилов в первые послевоенные годы пытался, кроме творческих задач, разрешить и вопрос о своем трудоустройстве, рассчитывая переехать из Ленинграда в Киев для работы в системе АН УССР.

С большинством из своих корреспондентов Владимира Валериановича связывали теплые, подчас искренне дружеские отношения. В этом смысле показательной стала его длительная и очень насыщенная переписка с профессором Черновицкого университета, известным пушкинистом Николаем Николаевичем Фатовым. Она началась как сугубо деловое общение провинциального литературоведа с сотрудником главного хранилища пушкинского рукописного наследия. Н.Н. Фатов был крайне заинтересован в получении информации о научной деятельности и планах столичных пушкинистов и, особенно, в копировании пушкинских

¹⁴ Лисоченко І.Д. Данилов Володимир Валеріанович // Особові архівні фонди Інституту рукопису НАН України. Путівник. Київ, 2002. С. 135–137.

текстов для своих научных проектов. Вероятно, и В.В. Данилову были небезынтересны подробности о научной работе черновицкого профессора, университетских делах, повседневной жизни провинциальной преподавательской среды (учебная нагрузка, отношения с вузовской бюрократией и студентами, научные планы, общественная жизнь, перипетии, связанные с защитами диссертаций), о свободном времени, семейных делах коллеги (отдых, здоровье, погода). Главное же, что переписка была насыщена дискуссиями и откровенными суждениями о пушкинистике и пушкинистах, о научных и околонаучных отношениях в академической и университетской среде.

Постепенно взаимное информирование, обмен мнениями перерастали в потребность постоянного общения. К сожалению, писем самого В.В. Данилова к Н.Н. Фатову в фонде нет, однако, их характер «прочитывается» в текстах его корреспондента. Насколько теплыми и продуктивными были отношения, можно судить по типичному началу послания 1 февраля 1951 г.:

«Получил Ваше письмо – и просто не знаю уж как Вас и благодарить за Вашу сверхлюбезность. Ведь Вы же по сути сделали за меня большую работу!»¹⁵

В данном случае имелась в виду пересылка нужных книг и выписки из архивных дел.

Почувствовав близость научных интересов, взаимную человеческую приязнь, корреспонденты начинали делиться фактами своей биографии, воспоминаниями о студенческих годах, открывая неформальные точки соприкосновения и расширяя эмоциональную окраску заочного общения. Оказалось, что оба – ученики профессора Михаила Несторовича Сперанского, оба слушали его лекции, только один в Нежине, а другой в Москве. Воспоминания об учителе содержат любопытные подробности о восприятии уже зрелыми учеными своего отношения к преподавательской среде во времена своего студенчества.

С неподдельным интересом оба воспринимали представленные друг другу автобиографические заметки. Николай Николаевич с не скрываемым изумлением в письме от 25 января 1951 г. восклицал:

¹⁵ ИР НБУ. Ф. 53. № 185.

«А я ведь и не знал, что Вы 25 лет служили во флоте! Сколько же Вы всего в жизни насмотрелись! Вам бы писать и писать мемуары! И как же Вы после такой службы, которая должна была Вас совсем отвести от филологии, оказались таким прекрасным знатоком и хранителем пушкинских рукописей?!»¹⁶

С нарастающей «человечностью» переписки в заключительном формуляре появляются приветы от жен, информация о здоровье и занятиях детей, откровенные пересуды касательно общих знакомых, маленькие и приятные сюрпризы в виде отправленной в Ленинград на новый 1951 г. посылочки с черновицкими черносливами и грецкими орехами¹⁷.

Продолжительные дружеские отношения связывали В.В. Данилова и его семью и с академиком Н.С. Державиным, который на пять лет ранее также закончил Историко-филологический институт в Нежине. Именно из письма Николая Севастьяновича от 13 июля 1946 г. узнаем о присуждении В.В. Данилову научной степени кандидата педагогических наук:

«Желаю Вам *quam plurimum* здоровья и сил, чтобы продолжить свои работы и получить доктора. Вообще, скажу Вам еще раз, что, если бы Вы смолоду не зарылись так основательно в средней школе, Вы давно бы были доктором и полноправным профессором вуза, к чему Вы всегда располагали всеми необходимыми данными»¹⁸.

Отдельно от эпистолярных текстов, в центре которых – научное сообщество с его специфическими интересами, запросами, стандартами, стоит целый ряд писем, объединенных сентиментами авторов к их студенческой общности, ностальгией за молодостью, памятью про *alma mater* (см. табл. 1 № 10–14). В большинстве случаев контакты с выпускниками Нежинского института В.В. Данилов устанавливал в 1950-х гг. Бурная послереволюционная эпоха разметала их по стране так, что только с приходом относительно спокойного послесталинского времени возникла потребность и возможность связаться друг с другом. Большинство из этих писем носят исповедальный характер, где их авторы, кото-

¹⁶ ИР НБУ. Ф. 53. № 184.

¹⁷ ИР НБУ. Ф. 53. № 183.

¹⁸ ИР НБУ. Ф. 53. № 116.

рым, как правило, было уже далеко за семьдесят, практически под-водили итоги своему жизненному пути, рассказывая друг другу о мытарствах, достижениях и потерях, вспоминая студенческое время, своих преподавателей, делясь и интересуясь известиями о судьбах знакомых и близких людей из далекой поры начала XX в. Эти письма, чрезвычайно любопытны с точки зрения выявления жизненных стратегий, способов выживания в советское время людей с хорошим старым высшим образованием. Письма студенческих побратимов образуют целостный комплекс, само наличие которого в окружении переписки ученых представляет также ценностные и этические ориентиры самого В.В. Данилова.

Следует отметить, что показателем наибольшей устойчивости коммуникации (за исключением круга непосредственного общения, когда переписка теряет смысл в виду регулярных непосредственных контактов) является численность писем. При всем том, что отобранные самим Даниловым тексты наверняка не отображают всего эпистолярного массива, сам факт автоотбора является важнейшим актом формирования репрезентативного круга подобного вида источников, способных адекватно выявить саморепрезентацию изучаемого персонажа в создаваемом им жизненном пространстве, определяемую им самим иерархию отношений (см. прил. 1, табл. 1).

Большой массив писем В.В. Данилова к своим адресатам отложился в их личных фондах, представляя органическую заинтересованность и искреннюю потребность ученого в деловых и дружеских контактах с украинскими коллегами (см. прил. 1, табл. 2). Среди них особого внимания и отдельного изучения заслуживает огромный массив писем Владимира Валериановича к этнографу Павлу Николаевичу Попову (229 единиц хранения за 1942–1970 гг.) и внушительный комплекс посланий В.В. Данилова профессору Нежинского института Михаилу Николаевичу Бережкову (64 единицы за 1905–1929 гг.). Дисциплинарно-темпоральное измерение научных коммуникаций как нельзя более полно представляет библиография ученого. Она, пускай и схематично, но все же позволяет представить динамику творческих приоритетов, их расположение во времени и в проблемно-дисциплинарном пространстве. Так, наибольшее внимание на старте научной биографии (1904–1915)

уделялось украинским сюжетам, что определялось местом учебы и первых самостоятельных шагов В.В. Данилова на профессиональном поприще. Важную роль в этом сыграл подъем в это время украинского культурного и общественного движения, общение с украинскими интеллектуалами Нежина, Екатеринослава, Одессы, Киева. Причем, надо отметить, что свои украиноведческие исследования В.В. Данилов публиковал и в столичных изданиях.

На втором этапе творческой биографии (1916–1942) украинская проблематика в целом занимала маргинальное положение, если не считать времени украинизации 1927–1930 гг., когда В.В. Данилов восстановил утраченные связи с главными научно-интеллектуальными силами Украины, публикуясь в престижных изданиях. На первый план тогда выходили научно-педагогические интересы, тесно связанные с вопросами разработки методик преподавания русского языка и литературы. Проблемы же истории русской и всемирной литературы, фольклористики, в численном измерении даже превышая педагогические сюжеты, нередко были представлены в научно-популярной, публицистической форме. Такой разворот в творчестве связан, прежде всего, с тем, что в это время В.В. Данилов был всецело занят на педагогической работе в системе учебных заведений ВМФ.

Завершающий период творчества В.В. Данилова (1946–1962), который по праву можно назвать «академическим», в целом характеризуется сокращением публикаторской активности, явным преобладанием научной продукции, посвященной проблемам истории русской литературы. И хотя украинские и дидактические сюжеты присутствовали в репертуаре, они играли роль явных аутсайдеров.

Несмотря на все сложности общественно-политического, материального и социального порядка, неравномерность производства научной продукции, творчество Владимира Валериановича отличало завидное постоянство и упорство. За 59 лет, которые охватывает библиография его печатной продукции, ни одной публикации не вышло только в 1919, 1943–1945, 1948–1949, 1952 и 1961 гг. В целом же на сегодня учтено 315 работ ученого, что в среднем составляет около 5,2 за год.

Коммуникации, выявленные на материалах библиографии ученого, позволяют определить и приоритетные географические

ориентиры его научных устремлений, а в рамках интеллектуальных центров – те институциональные структуры, которые отвечали запросам ученого и на аудиторию которых он нацеливался¹⁹.

Среди украинских городов чаще всего В.В. Данилов публиковался в Киеве (29 публикаций), прежде всего в «Киевской старине» (11, 1904–1906), в её продолжении «Україна» (3, 1907), в академическом журнале под тем же названием «Україна» (6, 1926–1930). В Екатеринославе появилось девять публикаций («Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии», 1908–1915), в Одессе – четыре за 1908–1909, в Харькове (1909, 1930) и Нежине (1904, 1940) – по две, в Чернигове (1909) и Львове (1930) – по одной.

Всего у В.В. Данилова в Украине появилось 38 публикаций, из которых четыре – в ненаучных изданиях (газеты). В России это соотношение составило 244 к 49. Тут приоритет был за Петербургом-Петроградом-Ленинградом – 135 публикаций («Исторический вестник» – 55, 1907–1915; «Живая старина» – 10, 1907–1912; ТОДРЛ – 11, 1935–1962; «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук – 3, 1909–1928» и др.).

Следующим, несколько неожиданным, центром творческой активности В.В. Данилова была Варшава, куда на протяжении 1907–1917 гг. в авторитетный «Русский филологический вестник» он направил и опубликовал там 47 своих текстов.

В московских изданиях статьи В.В. Данилова издавались 18 раз («Русский архив» – 8, 1907–1916; «Морской сборник» – 7, 1924–1939). Особое место в коммуникациях В.В. Данилова занимало ведущее педагогическое издание России, до 1917 г. выходившее в Ярославле, а потом в Москве – «Родной язык в школе» (25, 1914–1927) и его приемники «Русский язык в советской школе» (1, 1931) и «Русский язык в школе» (9, 1937–1947).

В российской провинции Владимир Валерианович публиковался эпизодически. В Воронеже вышло две его работы (1909, 1917), в Тихвине – три (1920–1921), в Вологде (1923), Астрахани (1942), Пушкинских горах (1960) и Балтийске (1954) – по одной.

¹⁹ При дальнейших подсчетах не учтены коллективные проекты, в которых принимал участие В.В. Данилов (публикации писем литераторов, предисловия и комментарии к их собраниям сочинений, отдельные издания педагогического характера). Местом издания этих работ в подавляющем большинстве были обе российские столицы.

Среди даниловских материалов ИР НБУ особое место занимает тетрадка под названием «Как я стал украинским фольклористом»²⁰ (см. прил. 2). Она важна не только с точки зрения эксклюзивной информации биографического характера, сведений о профессорах Нежинского историко-филологического института, об увлечениях и настроениях местного студенчества, а прежде всего как достаточно редкий пример анализа исследователем генезиса и развития собственной творческой личности, рефлексии по поводу самоидентификации, мотивов научной работы, её места в украиноведении.

Исключительность текста связана также со временем и местом его написания. В декабре 1942 г., как известно, решалась судьба Второй мировой войны. Будучи военным и находясь неподалеку от фронта, В.В. Данилов мог оказаться в буквальном смысле на грани жизни и смерти. А потому его отклик на просьбу П.Н. Попова представить сведения о своих занятиях для проекта «Истории украинской этнографии», который Павел Николаевич начинал как сотрудник Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, находившегося тогда в уфимской эвакуации, отличается искренностью и откровенностью и, конечно, не может не привлекать исследователей.

Примечательно, что почти через два года в письме от 17 сентября 1944 г. Владимир Валерианович еще раз вернулся к тексту своих воспоминаний, робко надеясь на их публикацию: «Если Вы на заседании... Этнографического отдела скажете два-три слова о моих работах, как последнего еще остающегося в живых сотрудника “Киевской старины”, я, конечно, буду бесконечно польщен. Если Вы прочитаете мой мемуарный рассказ: “Как я стал

²⁰ Текст «Исповеди» хранится в Институте рукописи НАН Украины им. Вернадского в фонде 285 как приложение к письму В.В. Данилова П.Н. Попову из Куйбышева в Уфу от 29 декабря 1942 г. (№ 4018). Бумага розового цвета. Чернила синие. Автором пронумерованы 25 страниц, определенные в архивном описании как 15 листов. Формат F⁰ 4. Археографическая передача текста не была сложной задачей, потому что почерк довольно четкий, разборчивый, почти каллиграфический, а текст выполнен на современном русском языке. Он уже был опубликован в «Вестнике» Днепропетровского университета (см.: *Журба О.И., Скиба І.А.* Сповідь українського історика та фольклориста...), однако, по нашему убеждению, будет интересен и российскому читателю.

украинским фольклористом” и, тем более, опубликуете его, я не знаю, как благодарить Вас за эту Высокую честь! Что об этом говорить!»²¹

Осознавая, что изучение биографии В.В. Данилова еще только начинается и требует серьезных эвристических и герменевтических усилий, мы убеждены в том, что исследование его жизненных и творческих стратегий представляет интерес не только в контексте персональной истории, а прежде всего – с позиций освоения и переосмысления задач историографии на её дисциплинарных и культурных порубежьях.

Приложение 1

Т а б л и ц а 1

**Письма В.В. Данилову в фонде 53
Института рукописи НБУ им. В.И. Вернадского НАН Украины**

	<i>Корреспонденты В.В. Данилова</i>	<i>Статус корреспондента во время переписки с В.В. Даниловым</i>	<i>Количество писем</i>	<i>Хронологические рамки</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
1	Адрианова-Перец В.Н. (1888–1972)	Член-корр. АН СССР (1943) и АН УССР (1926). Историк литературы	1	1950
2	Белецкий Александр Иванович (1884–1971)	Академик АН УССР (1939). Литературовед	1	1946
3	Воблый Константин Григорьевич (1876–1947)	Академик (1919), Директор Института экономики АН УССР (1942–1947), доктор экономических наук (1947)	17	1942–1947
4	Державин Константин Николаевич (1903–1956)	Профессор Ленинградского университета. Член-корр. Болгарской АН (1946) литературовед, театровед и переводчик	7	1952–1955

²¹ Письмо Данилова В.В. Попову П.Н. от 14 сентября 1944 г. // ИР НБУ. Ф. 285. № 4024.

1	2	3	4	5
5	Державин Николай Севастьянович (1877–1953)	Академик (1931). Славист. Директор Института славяноведения АН СССР. Выпускник Нежинского института 1900 г.	18	1930–1952
6	Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954)	Профессор Ленинградского университета (1925). Член-корр. АН СССР (1925). Академик Болгарской АН (1946). Этнограф, фольклорист	2	1943, 1948
7	Ляшенко Аркадий Иоакимович (1871–1931)	Член-корр. АН УССР и СССР (1928). Литературовед, библиограф	3	1926, 1930
8	Свенцицкий Илларион Семенович (1876–1956)	Директор государственного музея украинского искусства во Львове. Искусствовед, этнограф, филолог	3	1951, 1955
9	Фатов Николай Николаевич (1887–1961)	Заведующий кафедрой русской литературы, профессор Черновицкого университета (1946)	65	1950–1960
10	Деревянко Иван Георгиевич (1876–1958)	Выпускник Нежинского института 1900 г. Учитель из Запорожья	3	1953–1954
11	Музыченко Александр Федорович	Выпускник Нежинского института 1900 г. Профессор педагогики	1	1934
12	Незнамов Петр Александрович	Выпускник Нежинского института 1903 г.	3	1949–1950
13	Лучко Михаил Иванович (г.р. неизвестен – 1961)	Выпускник Нежинского института 1902 г. Преподаватель	2	1954, 1959
14	Егоров Петр Александрович (г.р. неизвестен – 1963)	Выпускник Нежинского института 1900 г. Учитель из Запорожья	28	1957–1960
15	Абрамов Иван Спиридонович (г.р. неизвестен – 1960)	Краевед, литератор, учитель с. Воронеж Сумской области	43	1949–1960

**Письма В.В. Данилова в фондах
Института рукописи НБУ им. В.И. Вернадского НАН Украины**

<i>№ фонда</i>	<i>Название фонда</i>	<i>Статус фондообразователя во время переписки с В.В. Даниловым</i>	<i>Количество писем</i>	<i>Хронологические рамки переписки</i>
Ф. XXIII	Бережков Михайло Миколайович (1850–1937)	Профессор русской истории Нежинского историко-филологического института (1882–1904; 1919–1927)	64	1905–1929
Ф. 38	Воблий Костянтин Григорович (1876–1947)	Академик (1919), Директор Института экономики АН УССР (1942–1947), член Госплана УРСР (1945) доктор экономических наук (1947)	4	1944–1946
Ф. 73	Кириллюк Евгений Прохорович (1902–1989)	Заведующий Отделом шевченковедения Института литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР (1944–1983); член-корреспондент АН УССР (1957)	2	1961
Ф. XXXVI	Крымский Агатангел Ефимович (1871–1942)	Профессор (1900–1918) арабской филологии и истории Востока Лазаревского Института восточных языков	5	1906–1910
Ф. 123	Могиланский Александр Петрович (1909–2001)	Литературовед, научный сотрудник Пушкинского Дома	7	1959–1962
Ф. 78	Назаревский Александр Адрианович (1887–1977)	Профессор Киевского университета, литературовед, библиограф, педагог	9	1961–1965
Ф. 285 ²²	Попов Павел Николаевич (1890–1971)	Член-корреспондент АН УССР (1939), научный сотрудник Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР. Литературовед, фольклорист, искусствовед, славист	299	1942–1970

²² Кроме этого в фонде 285 находятся также 8 писем П.Н. Попова своему ленинградскому корреспонденту 1945–1962 гг., фотографии В.В. Данилова и его работа «Статья Н.В. Гоголя “О малороссийских песнях” в ряду предшествующих его фольклорных изучений» (1935), «Украинские заговоры о туре в великорусской рукописи» (1952, напечатана в 1958 в ТОДРЛ, т. 14).

Таблица 3

Дисциплинарные коммуникации и интенсивность публикаторской деятельности В.В. Данилова (по материалам его библиографии)²³

<i>Год</i>	<i>Исследования и материалы по истории украинской культуры, литературы, фольклора</i>	<i>Вопросы методики преподавания русского языка и литературы</i>	<i>История русской, славянской и всемирной литературы, фольклора и культуры в целом</i>
1904–1915	61 + 14	10 + 5	17 + 41
1916–1942	28 + 1	35 + 5	60 + 2
1946–1962	3	5	28
Всего	92 + 15 = 107	50 + 10 = 60	105 + 43 = 148

Приложение 2

Как я стал украинским фольклористом

Л. 1. Я родился и провел детство в Смоленской губернии и до 1895 года, когда мне было уже 14 лет и когда я с родителями приехал в Нежин Черниговской губ., имел понятие об украинском языке только по эпиграфам в «Сорочинской ярмарке» Гоголя.

Первое время жизни в Нежине ничто не наталкивало меня на стремление познакомиться с украинским языком, который представлялся лишь искажением русского, и тем более с украинской песней, совершенно незнакомою, не вызывающею никаких ассоциативных представлений.

Толчок пришёл с совершенно неожиданной стороны.

В Рославльской прогимназии, где я учился до Нежина, всеобщим любимцем учеников был преподаватель русского языка Василий Ильич Ласкин. Он не был хорошим методистом и был слишком нетребователен. Необходимой дисциплины на его уро-

²³ Цифра после знака «+» обозначает количество рецензий. Сложности в проблемно-дисциплинарном разделении, возникавшие с работами, посвященными Н.В. Гоголю, разрешались в пользу «украинского» в случае их биографического характера; если же работа посвящена текстам – в пользу «российского». При всей понятной надуманности такого подхода, он вынужденно использовался для преодоления еще большей надуманности односторонних посягательств на наследие великого малоросса.

как не было. Но Ласкин неуклонно прививал лю // **Л. 1 об.** бовь к литературе, отводя большую часть уроков чтению. Во втором классе он прочитал ученикам всю первую часть «Мертвых душ», а также Жуковского «Наль и Дамайанти» и «Рустема и Зораба». В третьем классе читал нам Потапенко, Баранцевича и «Хозяина и Работника» Льва Толстого, повесть, только что опубликованную в то время. Ученики очень любили эти чтения и всегда слушали с большим вниманием.

Ласкин был настоящий учёный филолог и к тому же полиглот. Он занимался «Словом о полку Игореве», но его интерпретация памятника была высмеяна Е. Барсовым в его монументальном труде о «Слове». Ласкин перевёл «Об управлении государством» Константина Багрянородного, и это остается вкладом в историческую науку. Всю жизнь он изучал языки, один за другим. Дойдя в каком-либо языке до способности читать книгу, он начинал новый язык.

Перейдя в Нежинскую гимназию, я часто вспоминал мягкого учителя, чувствуя его влияние на моё развитие. Будучи в пятом классе, я написал Ласкину письмо, на которое получил прекрасный ответ.

// **Л. 2.** Ласкин рекомендовал мне записывать народные песни, а если среди них окажутся исторические, то присылать их ему, сообщая, что он сам записал несколько исторических песен и послал их проф. В.Ф. Миллеру. Совет не пропал даром, и я решил записывать песни. Но я жил в городе, с сельским населением не сталкивался и первые записи делал от подёнщиц, приходивших стирать бельё, мыть полы и белить дом. Бывало, подёнщица белит мелом стену и «проказывает» песню, а я записываю, хотя на меня и падают брызги жидкого мела.

Так я записал два-три десятка нежинских песен. Потом я присоединил к ним записи песен Сергея Шаньгина, малого лет двадцати, ничего не делавшего и без цели шатавшегося по городу всегда с тетрадами под мышкой, наполненными стихами, рассказами и прочими продуктами его не всегда трезвого воображения. Человек необразованный, не знавший ремёсла, впоследствии Шаньгин совсем спился.

Вместе с его песнями составилась сборник нежинских песен, числом до сотни.

// **Л. 2 об.** Это было коллекционерство, не имевшее под собою никакого ни идейного, ни научного основания. Знакомство со студентом Харьковского университета, естественником В.В. Резниченко, впоследствии членом Украинской Академии Наук, дало этому коллекционерству идейный уклон. Беседы с ним, из которых я впервые узнал такие имена, как Драгоманов и Иван Франко, а также общее украинское национальное направление Резниченко, создавали идейно-народническую атмосферу вокруг представлений об украинском языке и народном творчестве.

Под влиянием таких настроений я внимательно стал читать украинских писателей и особенно Шевченко, который не меньше связан с моим юношеским развитием чем, например, Некрасов.

В другом направлении связала меня с народной поэзией лекция о фольклоре философа-позитивиста Лесевича, который читал в Нежине две публичных лекции: о фольклоре и Даниеле Дефо, протянув между содержанием обеих лекций линии связи.

//**Л. 3.** Лесевич говорил плавно, гладко, занимательно, открывая, перед слушателями широкие перспективы и увлекая воображение обобщениями. После его лекции я прямо бредил фольклором. Этот термин тогда был вовсе неизвестен, не только в широких кругах, но не употреблялся в научном обиходе. Лесевич пустил его у нас в оборот и привил к научному языку. Для меня это слово звучало особенно гордо и глубоко.

Насколько самое понятие о фольклоре было новым и чуждым в русской науке, показывает тот факт, что, когда один студент Историко-Филологического Института заговорил с профессором русской литературы М.Н. Сперанским о фольклоре, тот сказал: «Я не занимаюсь такими глупостями, как фольклор». Впрочем, это могло относиться к тем необычайно широким обобщениям, которые делали фольклористы. Сам Лесевич в лекции говорил, что в Англии многие считают фольклор шарлатанством, так как фольклористы смело пересекали пространства земли и времени, обобщая несоединимые образы и вкладывая в них свои собственные идеи.

Сильное влияние на развитие моих интересов к фольклору оказали также два // **Л. 3 об.** фолианта очерков Ф.И. Буслаева по народной поэзии и искусству. Обобщения и сопоставления, которые широко и свободно делала мифологическая школа, увлекали

и открывали пространный мир поэтических образов, заманчивый и поражающий воображение.

Однако интерес к украинской народной песне не был для меня явлением исключительно книжного порядка.

В те же времена в 90-ые годы прошлого столетия, народная песня была ещё крепка в жизни украинского населения. Она жила, как бытовое явление; не только среди нежинских мещан и казаков, но и среди интеллигенции. Собирались мы гимназисты и гимназистки или более пожилые люди, часто составлялся хор, и начиналось пение украинских песен: «Ой гаю мій, гаю...», «Козак виїзжає, дівчинонька плаче...», «Засвітали козаченьки...», «Час до дому час...», «Гуляв чумак по риночку...», «Ой, у полі озерце...», «Гей, чого хлопці, славні молодці...», «Пливе човен води повен...» и прочие.

В местечке Монастырище Нежинского уезда к кружку поющих примыкали все и // **Л. 4.** все пели: помещики, священники, учителя, врач, фельдшер, начальник почтового отделения, дамы и барышни, пели с увлечением, вкладывая в песни всю свою душу.

Как-то несколько лет назад в Старом Петергофе, в кубрике военно-морского учебного заведения мне попались разрозненные страницы украинского сборника песен с нотами. На этих страницах была, между прочим, песня «Ой, гаю мій, гаю...», причём сообщалось, что она записана в Нежине с голоса А.И. Поливоды. «Вот, куда залетел его голос!» – подумал я, вспомнив милейшего Александра Ивановича, всегдашнего запевалу домашних хоров, обладавшего сочным и приятным баритоном.

Не малое значение в моем вживании в украинскую народную песню имел также украинский театр, который встаёт в моих воспоминаниях в лице создателей и корифеев украинской сцены: М.Л. Кропивницкого, М.К. Заньковецкой, Садовского, Саксаганского, Карпенки-Карого... И самые театральные представления, и пение действовали так эмоционально, что до сих пор, когда я слышу песню «Закувала та // **Л. 4 об.** сиза зозуля», я испытываю тот рефлекс эстетического волнения, который был мне знаком в дни далёкой юности.

Все эти влияния: научные, бытовые и эстетические, создали во мне определённое направление интересов и умонастроение, так что, когда я, по окончании гимназии в 1900 году, поступил в

Историко-Филологический Институт князя Безбородко, у меня была своя научная целеустремлённость и поэтому первая же моя «научообразная» работа, как определял проф. Сперанский характер сочинений, которые студенты должны были подавать ему на 1 курсе, была фольклорного содержания: «Народно-поэтические элементы в “Слове о полку Игореве” и отражение их в сказаниях о Задонском бое». Я просидел над этой работой пять месяцев, говоря фигурально, не вставая из-за стола, и расстроил здоровье.

После окончания гимназии мною и моим братом, выступавшим в украинской печати, как беллетрист, под псевдонимом Петра Перекидька, мать поступила в сель // **Л. 5.** ские учительницы и переехала в село Андреевку Нежинского уезда, находящееся в 30-ти километрах от города.

Жители Андреевки очень редко ездили в свой уездный город и более тяготели к рынку местечка Ични соседнего Прилукского уезда Полтавской губернии. Городские влияния мало чувствовались в Андреевке, а песенный репертуар по словам матери был обширен, и я решил исчерпать его. Все имевшиеся тогда сборники украинских песен шли из различных географических пунктов, но каков запас песенного творчества в одном селе, об этом ни один сборник не давал представления. Я высказал свою мысль проф. Сперанскому, и он её одобрил.

А.В. Кольцов писал, что собирать песни «и копотко и трудно». Но почти невозможно было собирать песни человеку, неизвестному в данной местности, не поддержанному в глазах местного населения каким-либо авторитетом. В таком случае крестьяне обычно отговаривались незнанием // **Л. 5 об.** песен. В этом отношении, как сын учительницы, я имел большие преимущества, и мне удалось, вероятно, почти исчерпать весь репертуар, по крайней мере, молодой части села, хотя я записал песни и от пожилых людей и от старых.

Я собирал песни в Андреевке в 1901–1903 г.г. 2-го марта 1903 г. я делал доклад о них на заседании Историко-филологического общества при Институте, и это было моим первым научным выступлением. Доклад шел в присутствии бывшего как раз в то время в Нежине почётного попечителя Института графа А.А. Мусина-Пушкина, принявшего участие в обсуждении доклада. В сле-

дующем 1904 г. «Песни села Андреевки» были напечатаны в V томе «Сборника Ист.-Фил. Общества», а также вышли отдельно.

Понятно, каким праздником было для меня появление в свет моего собрания.

Даже мои гимназические учителя при // **Л. 6.** нимали его, как некоторое торжество. Когда я поднес его своему бывшему преподавателю греческого языка, чеху по национальности, О.В. Добиашу, он высоко поднял книжку и, потрясая ею, воскликнул: «Это школа! Школа!» – т. е., что это результат хорошей школы, пройденной мною.

Б.Д. Гринченко, у которого я был в Киеве не только с тем, чтобы поднести свою книгу, но и чтобы поговорить о задуманном мною сборнике украинских похоронных причитаний, так как собрания их, сделанного Гнатюком, тогда еще не появлялось, не раскрывая сборника, спросил: «Алгебра є у вашому збірнику?» Я недоумевал. Гринченко разъяснил, что «алгеброй» он называет буквенно-цифровую систему обозначения вариантов, введенную Рудченком в его «Чумацких песнях». Эта «алгебра» является одним из недостатков «Песен села Андреевки», // **Л. 6 об.** но не главным. Теперь, ретроспективно оценивая сборник, я нахожу в нём один большой недостаток.

Если применить к песне греческое понятие, то она не ερῶν, не застывшее в определенных формах «дело», которое сделано и с которым покончено, а εφερευεια – постоянное изменение формы, беспрестанное движение. Словесники интересовались только содержанием песен, т. е. тем, что можно назвать ερῶν, но песня в пении почти всегда звучит иначе, чем в разговорной, диктовочной передаче, и богаче формами уже потому, что в ней появляются интеръекциональные звуки и междометия: а, и, та, ой, и проч. Поэтому, записав сперва песню под диктовку, надо восстанавливать текст под пение, и не только сольное, но и хоровое.

Второго момента – восстановления энергетического текста под пение у меня не было.

Этот недостаток был устранен при записывании песен от кобзаря Терентия Пархоменка.

Проф. Сперанский решил выяснить и исследовать репертуар одного кобзаря из с. // **Л. 7.** Мены Сосницкого у. Черниговской губ. Пархоменка, для чего привлёк четырёх студентов Института:

для записи словесной формы – меня и Бокалова, для записи музыкальной формы – Боборыкина и Кибальчича.

Дума или песня сначала записывалась под диктовку Пархоменко в двух текстах, затем он пел, а мы, следя по записанному, восстанавливали действенную, энергетическую форму песни. Оказывалось, что в разговорной передаче текста кобзарь опускал все интеръекционные слова и звуки, переставлял слова и даже опускал целые стихи, так как в разговорной передаче текста пропала ассоциация слов, напева и аккомпонимента на бандуре. Затем мы сводили две записи в одну, взаимно дополняя их.

Поэтому песни в монографии Сперанского наиболее совершенны и по точности записи и соответствия их энергетической форме песни.

В работе проф. Сперанского, носящей несколько тенденциозное название: «Южно-русская песня и её современные носители», // **Л. 7 об.** я участвовал также собиранием сведений для перечня кобзарей и лирников, которым, помимо всего другого, ценна эта монография. Сперанский просил меня летом 1903 г. съездить в село Лосиновку, где, по слухам жили лирники, и если удастся, приобрести лиру для Румянцевского Музея.

В Лосиновке я нашёл только бывшего лирника Мойсу, слепого, не ходившего уже с лирою, но дававшего пристанище странствующим нищим. У него в это время был еще один слепец. Они дали дополнительный материал для перечня кобзарей и лирников. Лиру я купил в Нежине от лирника из Борзенского уезда Трофима Блохи за 5 рублей и, кроме того, записал от него несколько песен и лирницкий криптоглоссон. Передавая слова последнего, Блоха всё ёжился, поворачивал голову в разные стороны, прислушиваясь, нет ли в помещении ещё кого-либо. На вопрос, чего он беспокоится, Блоха высказал опасение, как бы другие не узнали, что он сообщил мне слова тайного языка, и ему ни попало бы от нищих его братства.

«Сборник Историко-Филологического Об // **Л. 8.** щества» при Институте князя Безбородко, в котором были напечатаны «Песни села Андреевки» и монография Сперанского о Пархоменко, были поздним откликом на научные требования, которые Украина могла предъявлять к Институту, продолжавшему традиции

Гоголя и Гребенки, портрет которого висел в зале торжественных собраний.

В издании этого тома, несомненно, сказалось влияние Б.Д. Гринченко. Когда Институт князя Безбородко готовился к XI археологическому съезду в Харькове, председатель подготовительной комиссии проф. греческого языка А.В. Добиаш, брат предыдущего, обратился к Гринченко, тогда служившему секретарем Черниговской Земской Управы, причём послал ему труды Общества и Института. Просмотрев их содержимое, Гринченко был крайне изумлен, не найдя в них ничего относящегося к Украине. Своё недоумение Гринченко высказал в письме к Добиашу в весьма энергических выражениях.

Обвинения Историко-Филологического Института князя Безбородко в том, // **Л. 8 об.** что он ничего не сделал для местного края и Украины, были задним числом высказаны на страницах советской украинской печати в середине 20-х годов, но кем и где именно, не могу припомнить. На обвинения на страницах «Украины» возражал какой-то другой автор, указывавший, как на плоды работы Института в украинском направлении, на монографию Сперанского и мой сборник, гиперболически назвав их настольными книгами украинского фольклориста.

При всей глубочайшей благодарности к своей alma mater, благодарности, которая с ростом моей жизни росла во мне всё больше и больше, я должен, всё-таки, с прискорбием признать, что первый автор вполне прав, потому что одна ласточка не делает весны, и ничего больше нельзя поставить в украиноведческий актив Нежинского Института.

Причин этого было несколько.

Историко-Филологический Институт в Нежине был классическим, по преимуществу, учебным заведением, и даже славяно-русское отделение открылось в нем не со времени учреждения Института. По // **Л. 9.** этому классицизм подавлял другие отрасли историко-филологических знаний. Затем, профессора приезжали в Нежин, главным образом из Петербургского и Московского университетов со сложившимися уже научными интересами, и лишь немногие из них, живя в Нежине, как историк М.Н. Бережков и историк литературы М.Н. Сперанский «заражались» украиноведче-

скими интересами. Наконец, значительное засилье в ученом свете немцев, всех этих Фохтов, Фогелей, Зенгеров, Броков, Бурзи, которые как классики и верноподданные немцы (недаром Зенгер стал министром народного просвещения), составили бы сильную оппозицию всякому отклонению от официальных программ.

Анекдоты бывают очень характерны для действительности. Проф. Сперанский поставил вопрос об устройстве в Институте для студентов и учащихся гимназии концерта Пархоменка. По этому поводу проф. Бурзи, читавший греческие древности, не то пошутил с немецкою ограниченностью, не то сказал серьезно: «Ежели он будет петь гекзаметрами, то можно: пусть поёт».

// **Л. 9 об.** Но в украинском фольклоре нет ни гекзаметров ни пентаметров, и потому ему не находилось места на тяжеловесных страницах институтских изданий между экзегетическими заметками о греческих и латинских авторах. И только накануне 1905 года, когда прошел сильный сдвиг в общественных настроениях, Институтом была издана книга с украинским содержанием.

Впоследствии я старался соединить свои интересы к фольклору с академическими требованиями. На третьем курсе проф. Сперанский вел семинарий по русской литературе. Я взял на себя разработку предложенной им темы: «Библейские мотивы в устной народной поэзии», что, помимо изучения богатой области духовного стиха и прозаической легенды, требовало знакомства с апокрифической литературой, нашедшей более сильное отражение в народной поэзии, чем каноническая Библия.

Мой доклад продолжался в течение месяца, по два часа ежемесячно²⁴, и студенты смеялись, что я читаю параллельный курс литературы. В заключение о нем проф. Сперанский указал на неравномерность использования мною материала: украинского и русского. Как он сказал, украинский фольклор // **Л. 10.** лор я черпал двумя руками, а русский – одною.

Студенты четвертого курса должны были подать к выпускным экзаменам так называемое кандидатское сочинение. Сначала я остановился на теме: «Украинские гайдамацкие песни», но когда освоил материал, не сумел его проанализировать и обобщить

²⁴ Так в тексте. Вероятно автор ошибся, по содержанию наверное должно быть «еженедельно».

потому, что не имел никакой руководящей точки зрения и попросил проф. Сперанского дать мне тему.

Сперанский, ученик Н.С. Тихонравова, был преимущественно историком древнерусской литературы, которой посвящено большинство его работ, хотя среди них есть также работы о Гоголе, Киреевском, как фольклористе, и И.Г. Кулжинском, как авторе «Малороссийской деревни». Как и следовало ожидать, Сперанский предложил мне тему по древнерусской литературе, притом крайне узкую: «Влияние ереси жидовствующих на состав второй редакции Толковой Палеи».

Никаких апперципирующих представлений для возникновения у меня интереса к этому вопросу не было, но, напрасившись на тему, я вынужден был заниматься ею. Внимательно сравнив обе // **Л. 10 об.** редакции, я не нашел никаких различий, которые можно было бы отнести к влиянию ереси.

Когда я сказал об этом Сперанскому и попросил переменить тему, он вспылил и с шумом бросил на стол книги, которые были у него в руках: «Я не стану вами руководить, – кричал он, – идите к профессору Радченко!». К.Ф. Радченко был славист, молодой еще ученый, но больной и замкнутый. Мне ни разу даже не пришлось разговаривать с ним. Я отказался и предложил свою тему: «Стилистические особенности украинских похоронных причитаний», с которыми был близко знаком. В конце концов, он согласился на мою тему. В.И. Резанов, впоследствии приобретший научную известность исследованиями по истории школьной украинской драмы, посоветовал мне сначала проштудировать сочинения Потебни, идеями которого была проникнута не только моя работа об украинских похоронных причитаниях, но и мои методические взгляды на преподавание литературы, изложенные мною в книге «Литература как предмет преподавания» (1917), и потому в «Методике // **Л. 11.** литературы» Голубкова, учебнике для педвузов, я фигурирую как потебнианец.

В печати, к сожалению, я разбил свою работу о причитаниях на мелочи. Я выкроил из нее две статьи и несколько заметок в «Киевской Старине». Первая статья, в подражание «Трем главам из исторической поэтики» – А.Н. Веселовского, называется «Одна глава об украинских похоронных причитаниях»; в ней рассматриваются разные формы поэтической тавтологии. Другая называ-

ется «Символика птиц и растений в украинских похоронных причитаниях». Это – последняя статья, которую оканчивается двадцатипятилетнее издание «Киевской Старины», и таким образом статья была похоронною в полном смысле слова.

По окончании Историко-Филологического института моя активная фольклорная работа в качестве собирателя окончилась. Кроме двух нищенских причитаний, записанных мною в 1907 г., из которых одно было записано в Киеве на базаре, и опубликованных в этнографическом сборнике «Среди нищей братии» («Живая Старина», 1907 г. IV), я больше ничего сам не записал.

// **Л. 11 об.** Моя педагогическая работа проходила по большим городам, в украинских селах не приходилось бывать, но интерес к украинскому фольклору остался у меня неизменным на всю жизнь, хотя, конечно, не было того молодого задора в этом интересе, который побуждал меня уходить с уроков в Нежинской гимназии и проводить сырые осенние дни за городом, записывая от ребят-пастушков колядки.

Как фольклорист, я находил в свое время некоторое признание, и в 1912 г. Русское Географическое общество присудило мне серебряную медаль.

С этим связаны несколько причудливые сопоставления фактов моей жизни.

Медаль на торжественном годичном собрании Общества вручил мне его вице-президент Ю.М. Шокальский. Он был в военно-морской форме, а я в штатском сюртуке. Дело происходило // **Л. 12.** в большом зале Географического Общества.

Через 28 лет в том же самом зале я говорил речь над гробом Шокальского, и я был в военно-морской форме, а он лежал в гробу в штатском костюме.

В 1914 г. весной я получил письмо из Львова от Владимира Гнатюка с приглашением приехать во Львов на время летних каникул для редактирования собрания украинских веснянок. Я решил ехать, как директор Петербургского Учительского Института, где я тогда работал преподавателем, заявил, что летом при Институте будут курсы для учителей, и я буду читать методику русского языка. С большою неохотою пришлось остаться, но это вышло к лучшему. Летом началась война, и многие русские, застрявшие в неприятельских государствах, погибли там.

Свои фольклорные интересы я внес и в педагогическую работу. Особенно это имело // **Л. 12 об.** плодотворный характер в Учительском Институте. Слушатели его, официально именовавшиеся воспитанниками, набирались из сельских учителей и большей частью были крестьяне, тесно связанные и рождением, и воспитанием с деревней. Большинство их было уроженцы северных губерний, украинцы были редкостью. На первом курсе я читал большой курс народной литературы и в связи с этим ставил тему «Состояние песни и старинного обряда в такой-то местности».

На эту тему набралось несколько очень интересных работ, преимущественно, по великорусскому фольклору. Сообщение о них было сделано мною в статье: «Работы по этнографии в учительских институтах и семинариях» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1916 г. № 8). Все эти работы поступили в архив Русского Географического Общества. Одну из них, принадлежащую Мышко и относящуюся к Белоруссии, извлек Д.К. Зеленин и напечатал в «Советской этнографии» 1941 г.

// **Л. 13.** В селе Устье Кадниковского уезда Вологодской губ., в связи с чтением «Бежина луга» Тургенева, школьники записали мне немало местных поверий, примет и легенд, о чем было два фельетона в местной газете «Труд» (1920 г.) – «Кадниковские суеверия».

Ученики педагогических курсов в Тихвине собрали несколько сказок, песен и целую тетрадь свадебной причеты. Об этом было сообщено мною в фельетоне «Живая старина Тихвинского уезда по работам учащихся педагогических курсов» («Красное Знамя», 1920 г.).

Но все это выходит за пределы моего рассказа о том, как украинская народная поэзия захватила мысли и чувства человека, не связанного с Украиной рождением и детством, в которое²⁵ намечается будущая личность, и [как народная поэзия²⁶] была для него не только «голубым цветком» его юношеских, романтических увлечений, но и орудием, формировавшим его научные интересы.

29.12.1942. Куйбышев.

²⁵ Так в тексте.

²⁶ Эти слова вписаны синим карандашом над строчкой и не принадлежат перу автора.

О.С. Селиванова

**К портрету В.П. Бузескула – историографа
(по материалам его переписки
с И.Н. Бороздиным и Н.И. Кареевым)**

Реконструирован научный облик известного специалиста по Всеобщей истории на материалах переписки с коллегами И.Н. Бороздиным и Н.И. Кареевым, определено влияние социально-политического контекста на научные взгляды ученого.

Ключевые слова: Всеобщая история, В.П. Бузескул, научное сообщество, ученые в СССР.

O.S. Selivanova

**The portrait of VP Buzeskul – historian
(based on his correspondence
with Borozdin and Kareyev)**

The author reconstructs the scientific image of the famous specialist in the history of the Universal on materials correspondence with colleagues I.N. Borozdin and N.I. Kareyev determines the influence of socio-political context on the scientific views of the scientist.

Keywords: World History, V.P. Buzeskul, the scientific community, scientists in the USSR.

Имя академика Владислава Петровича Бузескула хорошо известно не только антиковедам, но и историографам; однако, если его труды по истории Древнего мира были опубликованы и получили признание еще при жизни автора, то судьба важнейшей работы по историографии – «Всеобщей истории и ее представителей в России в XIX и начале XX века» – была гораздо более сложной. Условия, в которых происходило создание это труда, сам процесс написания, сложности с публикацией – все это нашло отражение в письмах В.П. Бузескула таким ученым, как В.И. Вернадский, Н.И. Кареев, С.А. Жебелев, С.Ф. Ольденбург и И.Н. Бороздин. Письма Карееву хранятся в Отделе рукописей РГБ и частично

опубликованы В.А. Филимоновым¹. Остальные письма хранятся в Архиве РАН и его Санкт-Петербургском филиале. Большая часть писем вышеназванных авторов (В.И. Вернадский, С.А. Жебелев, С.Ф. Ольденбург) была использована доктором исторических наук И.В. Тункиной во вступительной статье к «Всеобщей истории и ее представителям в России в XIX и начале XX века», изданной под ее редакцией в 2008 г.² В настоящей статье преимущественно рассматриваются письма Бузескула Бороздину и Карееву, с которыми он поддерживал активную переписку в 1920-е гг., когда трудился над «Всеобщей историей...». Всего в архиве Н.И. Кареева насчитывается 19 писем от Владислава Петровича за период с 14 сентября 1897 г. по 3 января 1931 г., а в архиве И.Н. Бороздина – 32 письма за период с 27 сентября 1911 г. по 12 июня 1929 г. Практически все письма носят высокоинформативный характер, в них содержатся сведения как научно-делового, так и личного характера, позволяющие не только лучше понять обстановку в научной среде в послереволюционный период, но и выявить некоторые детали биографии харьковского историка.

Владислав Петрович Бузескул родился в с. Поповка Харьковской губернии. С детства питавший любовь к истории, он закончил в 1876 г. с золотой медалью 2-ю Харьковскую гимназию и поступил на историческое отделение историко-филологического университета. В 1890 г. он защитил диссертацию на степень магистра всеобщей истории и стал экстраординарным профессором, а в 1895 г., после защиты докторской диссертации, – ординарным профессором Харьковского университета. Тема диссертационных исследований Бузескула была связана с Афинами, и на долгие годы увлечение историей Древней Греции было преобладающим, однако далеко не единственным – круг интересов историка был необычайно широк. Еще его выпускное сочинение было посвящено Мстиславу Мстиславовичу, князю Торопецкому; затем в университете он читал лекции по истории Западной Европы, новей-

¹ *Филимонов В.А.* «Нет возможности опровергнуть нелепости и клевету». Письма В.П. Бузескула к Н.И. Карееву // Исторический архив. 2007. № 2.

² *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008.

шей историографии, гуситскому движению³. Такой широкий кругозор сочетался у Владислава Петровича с интересом к развитию исторического знания. Не просто ознакомление с новыми исследованиями в отечественной и зарубежной историографии, прекрасная информированность о новых трудах, ученых, школах, но и постоянное рецензирование книг только подпитывали этот интерес⁴. Проявившееся уже в первых работах Бузескула по Периклу и «Афинской политике» Аристотеля, критиками его «историографическое изложение чужих мнений по своей полноте и точности названо было образцовым»⁵. Большое количество отдельных статей Владислава Петровича, в том числе некрологов, посвящено ученым-историкам⁶. О подготовке одного из некрологов он, например, упоминает в письме от 17 мая 1913 г. своему московскому коллеге, историку Илье Николаевичу Бороздину: «Апрель у меня ушел на некролог моего товарища, профессора С.В. Соловьева, так неожиданно ушедшего из этого мира. Некролог вышел довольно велик и уже отправлен в Ж.М.Н.Пр. (я взялся за эту статью по просьбе Э.Р. Радлова); напечатан будет, кажется, в сентябре»⁷.

Первым крупным исследованием Бузескула, включившим историографический очерк, стало «Введение в историю Греции», выдержавшее несколько изданий. Подготовлено оно было в 1900 г., затем переиздано в 1903 и 1904 гг. К 1914 г. оно уже «разошлось в прежних изданиях», о чем В.П. Бузескул сообщает Бороздину в

³ См. подробнее в автобиографии В.П. Бузескула: Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / под ред. С.А. Венгерова. Т. VI. СПб., 1904. С. 155–156.

⁴ См., например: *Бузескул В.П.* Рец. на кн.: *Бузольт Г.* Очерки государственных и правовых греческих древностей // Филологические записки. 1890. № 6; *Его же.* Рец. на кн.: *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза // ЖМНП. 1887. № 5; *Его же.* Заметка о кн.: *Кареев Н.И.* Выбор факультета и прохождение университетского курса // Харьковские ведомости. 1897. № 97.

⁵ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых Т. VI. С. 160.

⁶ См., напр.: *Бузескул В.П.* В.К. Надлер (1841–1894) // ЖМНП. 1894. № 5; *Его же.* Н.А. Осокин (1839–1895) // Харьковские ведомости. 1896; *Его же.* Генрих Зибель, как историк-политик // Записки Харьковского университета. 1896. № 4; *Его же.* Памяти М.С. Корелина (1855–1899). Профессор-гуманист // Помощь. СПб., 1901; *Его же.* Макс Дункер (1811–1886) // Вестник и библиотека самообразования. СПб., 1905.

⁷ АРАН. Ф. 2181.

письме от 24 января 1914 г.⁸ В течение этого года историк подготовил новое издание и уже в декабре заканчивалось печатание; к концу года Бузескул завершал «Добавления и поправки», о чем говорил Бороздину в письме от 10 декабря 1914 г.⁹

В письме от 21 июня 1915 г. Бузескул, видимо, в ответ на высказывание Ильи Николаевича об интересе к изучению историографии, признается, что и сам чувствует «большое влечение к работе над очерками исторической науки в XIX столетии и с радостью взялся бы, но завяз над вторым томом своих “Лекций”...». Потребуется 14 лет, и это «влечение» будет воплощено в монументальном издании «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века».

После революции Владислав Петрович, хотя во многом и не одобрял действий советской власти, предпочел остаться в России. Несмотря на многочисленные сложности как в Харьковском университете, так и в собственном положении (историк болел, был ненадолго арестован, выслен, лишен обстановки и обширной личной библиотеки), он не оставлял трудов, находя утешение только в работе. В письме Илье Николаевичу от 11 сентября 1921 г. он рассказывает: «Пишу книжку об открытиях в области истории (Восток, Греция, Рим). Восток надеюсь скоро кончить. Греция будет видоизменением соответствующих страниц моего “Введения”. Рима подробно не думаю касаться. Но хотя и пишу, на появление книжки в свет надежды не имею. Останется, вероятно, в рукописи, за невозможностью издать. А хотелось бы дать книгу, в которой был бы обзор главнейших открытий XIX и начала XX в. в области нашей науки: кажется, такого общего обзора не существует...»¹⁰ В итоге работа над этой книгой заняла три года, а часть, касающаяся Рима, была сокращена. «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира» были изданы в 1923–1924 гг. в двух частях: «Восток» и «Древнегреческий мир».

В течение жизни историком был накоплен огромный материал, он превосходно ориентировался как в зарубежных, так и

⁸ АРАН. Ф. 2181.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

отечественных работах по истории различных периодов. При этом Владислав Петрович стремился постоянно пополнять свои знания; в связи с этим в годы войны и революции постоянным источником переживаний служила отсталость от Запада, разобщенность Харькова с Петроградом и Москвой, а также ограниченность доступа к новой литературе. В том же письме от 11 сентября 1921 г. он сетует Илье Николаевичу: «...мы, харьковцы, лишь случайно, урывками узнаем, что выходит в Москве или в Петрограде, а книжки получаем благодаря какой-нибудь благодетельной оказии»¹¹. Тем не менее мысли о написании труда по истории исторической науки не оставляли Бузескула; в письме Бороздину от 10 апреля 1924 г. он делится размышлениями о своем труде: «Работаю над Очерком развития исторической науки в XIX и начале XX в. в лице главных ее представителей. Но увидит ли эта книга свет, если даже я ее благополучно закончу, не знаю: издатель есть, появляется опасение затруднений со стороны цензуры. Во всяком случае я решил этой работы не оставлять: она меня привлекает и утешает»¹². В некотором смысле автор частично предугадал судьбу своей книги – ей пришлось прождать почти 80 лет до полного издания.

В ноябре 1924 г. появляется новая преграда для написания монографии – издательство «Наука и Школа», где Бузескул планировал ее издать, закрылось. Не обосновательным было и опасение препятствий со стороны цензуры: изначально Владислав Петрович не собирался руководствоваться марксистским подходом, хотя и прекрасно осознавал последствия такого решения. Снова ухудшилось здоровье историка: в 1925 г. он переболел малярией, на фоне чего вернулась старая болезнь желчного протока и печени. Однако все это не останавливает историка, и 1924–1925 гг. посвящены «Очеркам». В письме от 3 июня 1925 г. он сообщает Бороздину: «В последнее время я изменил греческой истории и погрузился в область историографии: пишу об исторической науке и ее представителях, начиная со времени французской революции и до начала мировой войны. Приходится массу перечитывать, многое в свое время читалось, да забылось»¹³.

¹¹ АРАН. Ф. 2181.

¹² Там же.

¹³ Там же.

К декабрю 1926 г. большая часть материала была собрана и даже написана первая глава, о чем он сообщает Бороздину¹⁴. Однако автора отвлекают исполнение разных поручений от Украинской и Киевской Академий, тянувшаяся больше года болезнь, участие в конференциях и написание рецензий. «Очерки» он теперь считает главной темой исследований, даже своим долгом: «Говорят теперь, что у нас раньше науки не было. Надо показать, что она была и что сделано в России в области всеобщей истории (как и в других) немало»¹⁵. При этом, правда, Бузескул отмечает, что увлекся историографическими экскурсами. Одним из таких экскурсов он называет присланную Бороздину статью – вероятно, речь идет о работе «Ранке и Штенцель» из цикла «Из истории критического метода».

За 1927 г. писем Бузескула ни Бороздину, ни Карееву не сохранилось. В письме В.И. Вернадскому от 21 февраля 1927 г. Владислав Петрович рассказывает о своем давнем увлечении историей исторического знания, о желании написать очерк о развитии исторической науки со времени французской революции до начала мировой войны, а также о том, что наибольший интерес для него в данный момент представляют 1820-е гг.¹⁶

Первое упоминание о работе над «Очерками» в письмах Н.И. Карееву встречается в письме от 22 января 1928 г. Бузескул говорит о своей занятости в связи с тем, что для части, касающейся изучения славяноведения, «увлекся чтением книг... и просмотром новых исторических журналов»¹⁷. К концу лета 1928 г. первая часть «Очерков» в черновом варианте почти готова, чему предшествовала непрерывная работа. В письме от 23 августа 1928 г. он пишет Николаю Ивановичу: «Погода у нас неважная... для занятий это хорошо; я сижу за письменным столом и днем, и вечером, до 1-го часа ночи»¹⁸.

¹⁴ АРАН. Ф. 2181.

¹⁵ Цит. по: *Тункина И.В.* Академик В.П. Бузескул и судьба его книги «Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века» // Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. М., 2008. С. 26.

¹⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 201. Л. 1.

¹⁷ *Филлимонов В.А.* Указ. соч. С. 87.

¹⁸ Там же. С. 92.

Закончив черновой вариант и предоставив рукопись в бюро Комиссии по истории знаний (далее – КИЗ), Владислав Петрович и дальше должен был работать в таком же темпе. Как он сообщает Карееву в письме от 1 декабря 1928 г., рукопись приняли к печати, поэтому к ноябрю, чтобы не пропустить свою очередь, необходимо предоставить отредактированный вариант. Поэтому по возвращении из Петербурга в Харьков В.П. Бузескул «напрягал все силы, просиживал до поздней ночи, чтобы успеть к сроку... прибегнул к помощи трех машинисток». 26 ноября рукопись, составившая чуть больше 11 печатных листов, была отослана.

В декабре книга была сдана в издательство (тогда же было изменено название, вместо «Очерков» – «Всеобщая история»), а Владислав Петрович приступил ко второй части, несмотря на сомнения по поводу возможности публикации в связи с участвовавшими нападениями на буржуазную науку. 25 февраля 1929 г. он пишет Карееву: «...работа поддерживает мой дух, служит мне успокоением. Хотя я не уверен, что она увидит свет. Ведь вывод из нее тот, что наука всеобщей истории у нас и раньше существовала... приходится говорить об ученых, которые теперь одиозны; не могу же я о них умолчать или не отметить их заслуги, их значение»¹⁹. При обсуждении с В.И. Вернадским второй части в письме от 13 марта 1929 г. Бузескул сообщает о том, что размер будет примерно таким же, как и у первой части, и планирует закончить ее летом – к началу осени²⁰. В апреле 1929 г. первая часть была набрана, но «задерживают верстку портреты, которые желает В.И. Вернадский», сообщает Бузескул Бороздину в письме от 12 июня 1929 г.²¹ Сам автор изначально хотел сопроводить работу портретами, однако не настаивал на этом, так как боялся удорожания книги.

Зимой 1929–1930 гг. вторая часть уже находится в издательстве, однако из-за задержек печатание еще не начато; Владислав Петрович посылает в КИЗ портреты для нее. При этом он опасался

¹⁹ Филимонов В.А. Указ. соч. С. 94.

²⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 201. Л. 8.

²¹ Это письмо – последнее из сохранившихся в архиве И.Н. Бороздина; вероятно, последующие письма, если они были, могли быть изъяты при аресте Ильи Николаевича в 1935 г., или же, возможно, уничтожены им после начала «академического» дела.

ется, что портреты «и на этот раз надолго задержат печатание; между тем долгий промежуток между выходом I части и продолжением весьма нежелателен» из-за нарушения цельности впечатления (письмо В.И. Вернадскому от 25 января 1930 г.)²².

В 1930–1931 гг. произошла реорганизация КИЗ; в октябре 1930 г. В.И. Вернадский был заменен Н.И. Бухариным, а в КИЗ со временем приоритет отдан техническим и естественным наукам²³. Вероятно, предвидя изменение отношения к гуманитарным наукам, Бузескул после прихода Бухарина решил забрать посланную Вернадскому рукопись третьей части «Всеобщей истории». В письме Карееву от 25 октября 1930 г. он выражает надежду на то, что, возможно, «удастся эту часть напечатать в издании Украинской Академии (конечно, в украинском переводе)»²⁴.

В 1931 г. вышла вторая часть «Всеобщей истории», но 1 июня 1931 г., после обострения рака желудка, Владислав Петрович умер. После его смерти, несмотря на старания его друга С.А. Желбелева, в 1930-е гг. третья часть так и не была издана. В 1940–1950-х гг. была предпринята еще одна попытка издания, но и она завершилась неудачей. Только в 2008 г. директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И.В. Тункина смогла издать полностью монографию В.П. Бузескула, сопроводив работу обстоятельной вступительной статьей, научными комментариями и аннотированным указателем исторических и мифологических лиц.

«Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» стала итогом 50-летней научной деятельности В.П. Бузескула. Это первый труд в отечественной историографии, в котором автор так развернуто и в то же время досконально анализирует вклад русских ученых в развитие мировой исторической науки, акцентируя при этом внимание на новом, самостоятельном решении многих вопросов. «Подчиняясь влиянию западных идей, западной науки, русская наука в деле изучения всеобщей истории однако не ограничилась лишь пересказом результатов, добытых на Западе; она, хоть и молодая, внесла тут и нечто свое; внесла и новый материал при решении некоторых вопросов, и новое осве-

²² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 201. Л. 13–14.

²³ Тункина И.В. Указ. соч. С. 33.

²⁴ Филимонов В.А. Указ. соч. С. 102.

щение, и новую точку зрения»²⁵, – такими словами во вступлении предваряет В.П. Бузескул свою работу. При этом существенным преимуществом русских историков автор считает их некоторую дистанцированность от борьбы «политической, классовой, национальной, вероисповедной и т. д., которую переживала Европа»²⁶, что позволяет более беспристрастно и объективно оценивать события. В итоге «Всеобщая история» Бузескула дала не только полную картину историографии, но и показала значение русской мысли в развитии мировой исторической науки.

²⁵ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. С. 46.

²⁶ Там же.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

А.В. Антощенко

**«Теперь я спокоен за свое будущее,
могу думать только о своей работе над книгой...»***

Письма Г.П. Федотова к Б.А. Бахметьеву и документы детально характеризуют условия подготовки и публикации книги Г.П. Федотова «Русское религиозное сознание». Корреспонденция и документы хранятся в Бахметьевском архиве российской и восточно-европейской культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, Б.А. Бахметьев, русские эмигранты в США.

A.V. Antoshchenko

**«Now I am calm about my future,
can only think about my work on the book...»**

George Fedotov's letters to Boris Bakhmeteff and concomitant documents describe in details the process of writing and publishing the book «Russian religious mind» by Fedotov. The correspondence and documents are stored in Bakhmeteff archive of Russian and East European culture of Columbia university in New York City.

Keywords: George Fedotov, Boris Bakhmeteff, Russian emigrants in USA.

© *А.В. Антощенко, вступительная статья, примечания, перевод с английского и публикация, 2014.*

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 13-01-00170 «Апостол древнерусской святости Г.П. Федотов (1886–1951)».

В сентябре 1941 г., после почти годового и полного опасностей путешествия через Атлантику, Георгий Петрович Федотов (1886–1951) прибыл в Нью-Йорк, где его ждала семья. Однако, даже в безопасности, вдали от театров военных действий Второй мировой войны, он оказался перед лицом трудностей, связанных с необходимостью обустройства на новом месте и добывания средств к существованию в новых для него условиях. Важную роль в преодолении этих трудностей сыграли Борис Александрович Бахметьев (1880–1951) и Михаил Михайлович Карпович (1888–1959), с которыми Г.П. Федотов познакомился в Париже еще до войны. Переписка между Г.П. Федотовым и М.М. Карповичем за 1941–1945 гг. была подготовлена для публикации в журнале «Исторический архив» (2013. № 5). В этом же издании «Мира историка» хочется предложить читателям письма Г.П. Федотова к Б.А. Бахметьеву и сопутствующие им документы. Такой формат публикации, в котором собственно письма Г.П. Федотова занимают лишь незначительное место, требует пояснения.

Сложившаяся традиция издания исторических источников с учетом специфики их появления и бытования предполагает возможность отдельной публикации таких источников личного происхождения, как письма и переписка. Однако не всегда такого рода публикации позволяют полностью раскрыть суть и значение издаваемых источников. Средством преодоления этого недостатка могут послужить детальные комментарии, составление которых требует трудоемких архивных разысканий. В результате их успешности могут сложиться условия, при которых более плодотворным будет издание не только писем, но и тех документов, что сопутствовали их появлению. Это обращает нас к другой традиции издания исторических источников – комплексной публикации, которая позволяет более полно раскрыть их значение, даже если они фиксируют не очень крупное явление.

В данном случае таким явлением было овладение известным эмигрантским историком и публицистом Г.П. Федотовым новой социальной практикой – поиска финансовой поддержки в виде грантов своей исследовательской работы. В годы жизни в Париже важнейшими источниками получения денежных средств для него были преподавательская работа в Православном богословском

институте и написание публицистических статей. Научные работы были следствием преподавания и не имели самостоятельного значения как вид деятельности, который мог обеспечить приемлемые условия жизни с финансовой точки зрения. Только в Америке у него появилась такая возможность благодаря Гуманитарному фонду, созданному Б.А. Бахметьевым. Объяснить механизм принятия решений о выделении грантов этим фондом на исследования едва ли было возможным, опубликовав только письма Г.П. Федотова к нему.

Кроме того, как представляется, данная комплексная публикация должна обратить внимание на весьма важную для понимания «историографического быта» проблему – финансовое обеспечение исследовательской деятельности историков. Как ни парадоксально звучит, но в рамках «материалистического» подхода к историографии, свойственного марксизму, безраздельно господствовавшему среди советских историков на протяжении многих десятилетий, вопрос о материальных (финансовых) средствах для изучения прошлого никогда не ставился. Во многом это было следствием представления о том, что подлинное служение науке должно быть выше корыстных интересов («прислуживания капиталу»). Вспоминается в этой связи, какое негодование у меня, тогда еще молодого историка, вызвал подсчет американским исследователем Р.Ф. Бирнсом совокупного жалования В.О. Ключевского, преподававшего в начале XX в. в пяти высших учебных заведениях Москвы. В современных условиях новые теоретические подходы, обращающие внимание на значение «символического капитала», также нередко оставляют в тени роль реальных ассигнований на исторические исследования и публикацию их результатов. Вполне понятно, что никакой «символический капитал» не может непосредственно удовлетворить материальные потребности историка, даже если он и содействует повышению его статуса и, как следствие (хотя отнюдь не всегда), приобретению реального капитала. Обращение к изучению роли последнего поможет лучше понять характер и механизмы коммуникаций между историками, что особенно отчетливо видно на примере стран с «высокомонетаризированной» экономикой, каковой обладали США, когда Г.П. Федотову пришлось обустроиваться там в середине прошлого века.

Документы публикуются в хронологической последовательности на языке оригинала с последующим переводом (в случае необходимости) на русский язык. При этом адреса, приводимые в англоязычных текстах, опускаются в переводах. Русскоязычные тексты оригиналов приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации. Сокращения расшифрованы в квадратных скобках. Письма Г.П. Федотова к Б.А. Бахметьеву отложились в архиве в виде автографов. Большинство сопутствующих документов представляют собой машинописные оригиналы с собственноручной подписью автора или чаще – неавторизованные копии, авторство которых легко устанавливается в комплексе документов. Все они хранятся в Бахметьевском архиве российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (США) в коллекциях Б.А. Бахметьева, М.М. Карповича и Г.П. Федотова.

Письма Г.П. Федотова к Б.А. Бахметьеву и сопутствующие материалы

1

Б.А. Бахметьев М.М. Карповичу

BORIS A. BAKHMETEFF
250 WEST 57 STREET
NEW YORK, N.Y.
Октября 2, 1941 г.

Дорогой Мишенька,

Вчера был у меня Федотов, который редко мне понравился. Очень давно я не испытывал такого удовольствия, встречая новое лицо. Он совсем не похож на то, каким я его представлял себе и каким мне его описывали. По большинству вопросов, которые мы обсудили, я чувствовал значительный резонанс в его и моих вибрациях.

Говоря о его будущем, мы затронули вопрос о книгах, которые он собирается писать. Он говорил о новой теме – «истории религиозного сознания» в России. Начал он с 6 томов лет на десять. Но потом сказал, что мог бы написать один том, сведя вперед, что он хотел бы развить в *opus magnum*¹. Меня очень заинтересовала

¹ Большая работа (лат.).

мысль, особенно т. к. вдохновенно написанная книга могла бы ответить на вопрос многих америк[анцев] в чем суть русского православия. Книга Булгакова² не отвечает на этот вопрос. Конечно, может и Федотов напишет так, что иностранцам непонятно, но мне кажется, что ему можно объяснить, что и как нужно.

Мысль у меня следующая:

1) Может, Фонд может наскрести несколько сот долл[аров] в виде пособия. Фед[отов] говорит – шесть месяцев. Скажем, год, но не full time³, т. к. надо ему найти постоянную работу и т. д.

2) Может, Вы могли бы выбрать несколько образцовых книг по-английски⁴, которые могли бы показать Г[еоргию] П[етровичу] примерный уровень читателя. Я сказал ему, что Вас попрошу это сделать. Г[еоргий] П[етрович] просил также спросить, получили ли Вы его письма⁵?

3) Что Вы обо всем сем думаете? Я ему ничего ни о Фонде, ни о сумме не сказал. Только в общей форме высказал предположение, что американцы могут заинтересоваться, и что я буду зондировать почву.

Денег у нас мало, но я на той неделе очень аккуратно считаю, нельзя ли будет набрать, скажем, \$ 500 или \$ 600. Конечно, книга его. Он может печатать ее по-русски и по-английски. Может, можно добавить аппех⁶, в котором на 20–30 страницах рассказать кратко историю восточного православия и отметить главных объективных героев русской традиции? Тогда федотовская лирика (или, вернее, лирический эпос) может быть увлекательным чтением с возможностью фактических ссылок на аппех. Может ли он вразумительно писать для иностранцев?

Вот все вопросы, на которые буду ждать Вашего просвещенного мнения. Не стесняйтесь обсуждать с ним все это дело. Я ска-

² Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – русский философ, богослов, православный священник. В эмиграции с 1922 г., с 1925 г. в Париже, профессор кафедры догматического православия и декан Свято-Сергиевского Православного богословского института, духовный отец Г.П. Федотова. Имелся в виду английский перевод его книги «The Orthodox Church» (Л., 1935).

³ Полный рабочий день (англ.).

⁴ Список был выслан М.М. Карповчем в письме Г.П. Федотову от 13 ноября 1941 г.

⁵ Первое письмо М.М. Карповичу Г.П. Федотов написал 15 сентября, сразу же после приезда в США. В письме от 23 сентября он выражал беспокойство, не получив ответа от М.М. Карповича.

⁶ Приложение (англ.).

зал Г[еоргию] П[етровичу], что буду Вам писать и искать Вашей помощи и совета. <...>

Ваш Б[орис] Б[ахметьев]

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 1923–1941 / To Michael Karpovich.

2

М.М. Карпович Б.А. Бахмтьеву

Prof. B.A. Bakhmeteff

250 West 57th st[reet]

N.Y.C.

HARVARD UNIVERSITY

DEPARTMENT OF HISTORY

CAMBRIDGE, MASS.

7 октября 1941 г.

Дорогой Борис Александрович,

Отвечаю Вам сразу на два Ваших письма:

1) О Федотове. Я очень рад, что он Вам так понравился, и что Вы оценили его ум. Я считаю его одним из самых даровитых людей в эмиграции и совершенно уверен в том, что он может написать книгу, которая будет интересна для американцев. Он достаточно гибок для того, чтобы понять, что от него требуется и приспособиться к новому читателю. Поэтому, если только есть малейшая возможность, я всецело стою за намеченное Вами ассигнование, а также готов помочь Федотову в его работе, чем могу. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 1923–1941 / To Michael Karpovich.

3

Б.А. Бахметьев М.М. Карповичу

<...>

Professor M.M. Karpovich

61 Brattle Street

Cambridge, Mass.

Дорогой Мишенька.

Федотов был у меня опять перед своим отъездом в Yale, где ему дана жизненная стипендия – комната + board в Divinity School⁷, за что он должен платить \$ 35 в месяц. Я опять говорил о

⁷ Питание в Богословской семинарии (англ.).

книге, и он очень enthusiastic⁸ ее писать. Я сказал Г[еоргию] П[етровичу], что буду стараться устроить ему a stipend⁹, указал, что никаких обязательств на него не налагается, и что книга будет его собственностью. Суммы никакой я не называл. Теперь, т. к. Вы head of Russia America Endowment¹⁰ в Фонде на Вас падает 1) решить с Г[еоргием] П[етровичем] о размере суммы и порядке оплаты, 2) написать Фонду представление об ассигновании.

Я пересмотрел наш бюджет. По-видимому, в этом году не придется его тратить на Вернадского¹¹, и я думаю, что можно наскрести \$ 600. Я не знаю, как на такую сумму посмотрит Г[еоргий] П[етрович], и Вам надо к нему по этому поводу лично и дипломатически подойти. Т. к. никаких прав мы не добиваемся и это просто вспомоществование, то думаю, что кроме удовлетворения такое предложение ничего вызвать не должно.

Буду ждать от Вас ответа.

Адрес Г[еоргия] П[етровича] – Yale, c/o Divinity School
Ваш искренне Б[орис] Б[ахметьев]

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 1923–1941 / To Michael Karpovich.

4

MEMORANDUM

Professor G.P. Fedotov, who has recently arrived from Europe and who at present is a Visiting Fellow at Yale Divinity School, is planning to write a book in English on the history of Russian religious mind.

The subject is of obvious historical interest and importance and Professor Fedotov is preeminently qualified to deal with it. I have no doubts that he will produce a volume which, while scholarly, will have general appeal for the English speaking reader.

⁸ Полон энтузиазма (англ.).

⁹ Стипендия (англ.).

¹⁰ Глава фонда «Россия–Америка».

¹¹ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) – русский и американский историк, в эмиграции с 1920 г., с 1927 г. в США, преподавал в Йельском университете, с 1946 г. профессор этого университета. Гуманитарный фонд обязался финансировать публикацию многотомной «Истории России» издательством Йельского университета, которую готовил Г.В. Вернадский. Первый том серии, названный «Ancient Russia» («Древняя Русь»), был подготовлен и опубликован только в 1943 г.

In order to bring this project to completion Professor Fedotov needs certain financial assistance as otherwise he will have to spend practically all his time on earning money.

In view of the above I recommend that the Humanitarian Fund grant Professor Fedotov a stipend of \$ 600, to be paid in twelve monthly installments of \$ 50 each.

If this request is granted I shall discuss with Professor Fedotov the details of his project and I shall keep in constant touch with him throughout the period during which he will be engage in the work.

October 16, 1941

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

МЕМОРАНДУМ (перевод)

Профессор Г.П. Федотов, который недавно прибыл из Европы и в настоящее время является приглашенным исследователем в Йельской школе богословия, планирует написать на английском книгу по истории русского религиозного сознания.

Предмет представляет очевидный исторический интерес и значение, а профессор Федотов обладает именно той подготовкой, которая нужна для его изучения. Я не сомневаюсь, что он создаст книгу, которая, будучи научной, вызовет общий интерес у англоговорящего читателя.

Для того чтобы реализовать этот проект, профессор Федотов нуждается в определенной финансовой помощи, так как в противном случае он вынужден будет тратить все свое время на зарабатывание денег.

Ввиду вышеизложенного я рекомендую Гуманитарному фонду предоставить профессору Федотову стипендию в 600 долларов, которая будет выплачена двенадцатью ежемесячными взносами по 50 долларов каждый.

Если эта просьба будет удовлетворена, то я мог бы обсудить с профессором Федотовым детали его проекта и мог бы поддерживать постоянную связь с ним на протяжении того периода времени, в течение которого он будет занят этой работой.

16 октября 1941 г.

Б.А. Бахметьев М.М. Карповичу

BORIS A. BAKHMETEFF
250 WEST 57 STREET
NEW YORK, N.Y.
Professor M.M. Karpovich
61 Brattle Street
Cambridge, Mass.

Dear M.M.

I have, as of date, initialed your memorandum regarding a stipend of \$ 600 to Professor Fedotoff and the project is now formally approved.

I presume I should have Miss Roberts¹², as Assistant Secretary, inform him formally of the stipend, and I should be greatly appreciate if you would give us the proper formulation with regard to the name and essence of the project. Also when should we commence to send his checks and in whose name the check should be made and also the address. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 1923–1941 / To Michael Karpovich.

ПЕРЕВОД

Дорогой М[ихаил] М[ихайлович],

Я на данный момент завизировал Ваш меморандум относительно стипендии в 600 долларов для профессора Федотова, и проект формально одобрен.

Я полагаю, что мисс Робертс, как помощник секретаря, должна сообщить ему официально о стипендии, и я был бы очень признателен, если бы Вы сообщили нам правильную формулировку названия и сути проекта. Также когда мы должны начать высылку чеков и на чье имя следует выписывать чек, а также на какой адрес посылать. <...>

¹² Робертс Джейн (годы жизни неизвестны) – помощница секретаря, с 1943 г. – помощница казначея Гуманитарного фонда.

М.М. Карпович Б.А. Бахметьеву

October 22, 1941
 Professor Boris A. Bakhmeteff
 250 West 57th Street
 New York, N.Y.

Dear B.A.

<...> With regard to Fedotov. The title «History of the Russian Religious Mind» has been suggested by Fedotov himself as an attempt to translate the Russian term «[сознание]»¹³. Personally I do not like it, but I cannot find adequate substitute. Perhaps «History of Russian Religious Thought» will be the nearest approach to it, although it somewhat narrows it down. I think, however, that we can use it for Fedotov's plans to trace this history from the earliest times to the present.

I believe that we should commence to send the checks at once as Fedotov already has begun collecting material and as he certainly is in need of money. They should be made out in the name of George P. Fedotov and sent to his address care of the Divinity School, New Haven, Connecticut.

Cordially yours,

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 1923–1941 / To Michael Karpovich.

ПЕРЕВОД

22 октября 1941 г.

Дорогой Борис Александрович,

<...> Относительно Федотова. Название «История русского религиозного сознания» было предложено самим Федотовым как попытка перевести русский термин «сознание». Лично мне оно не нравится, но я не могу найти адекватной замены. Возможно, «История русской религиозной мысли» будет наиболее подходящим для него, хотя оно несколько сужает [смысл]. Я думаю, однако, что мы можем использовать его для федотовских планов проследить эту историю с древнейших времен до современности.

Полагаю, что нам следует начать высылать чеки тотчас же, так как Федотов уже начал сбор материала и, определенно, он ну-

¹³ Слово вставлено по смыслу.

ждается в деньгах. Их следует выписывать на имя Георгия П. Федотова и посылать на его адрес в Богословской семинарии, Нью-Хейвен, Коннектикут.

Сердечно Ваш,

7

Дж. Робертс Г.П. Федотову

250 WEST 57 STREET
NEW YORK, N.Y.

October 29, 1941

Professor George P. Fedotov,
Divinity School,
New Haven, Conn[ecticut]

It gives me a great pleasure to inform you that upon the recommendation of Professor M.M. Karpovich the Humanities Fund has granted you an annual stipend of \$ 600.00 to assist you in the preparation of a manuscript of a book on the «History of Russian Religious Thought».

At Professor Karpovich's suggestion the above stipend will be remitted to you monthly in checks of \$ 50.00 each, which will be sent to you at the end of each month. The first check dated October 30 is hereby enclosed.

As told to you by Mr. Bakhmeteff this stipend is intended solely to assist you in the writing of your book, which will be entirely your property and you are free to arrange about the publication of the volume in any way which you see fit. The only claim of Humanities Fund will be to have a copy of your manuscript in its files, but that only in the event if you do not succeed in making proper arrangement for the publication of your volume.

Wishing you success in this undertaking, I am,

Yours very truly,

HUMANITIES FUND INC.

Assistant secretary

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

ПЕРЕВОД

29 октября 1941 г.

С огромным удовольствием сообщаю Вам, что по рекомендации профессора М.М. Карповича Гуманитарный фонд предоставил Вам годовую стипендию в 600 долларов, чтобы содейство-

вать Вам в подготовке рукописи книги по «Истории русской религиозной мысли».

По предложению профессора Карповича упомянутая выше стипендия будет высылаться Вам по почте ежемесячно чеками по 50 долларов каждый, которые будут посылаться в конце каждого месяца. Первый чек, датированный 30 октября, прилагается.

Как говорил Вам г-н Бахметьев, эта стипендия предназначена исключительно для содействия Вам в написании Вашей книги, которая будет всецело Вашей собственностью, и Вы свободны договариваться о публикации этого тома любым способом, какой найдете подходящим. Единственным требованием Фонда может быть предоставление рукописи в его распоряжение, да и то только в случае, если Вам не удастся достичь соответствующего соглашения о публикации Вашего тома.

Желаю успеха в этом деле и остаюсь искренне Ваша
Заместитель секретаря
Гуманитарного фонда инк.

8

Г.П. Федотов Б.А. Бахметьеву

4 ноя[брь 19]41 г.

Дорогой Борис Александрович,

Я получил первый чек от Humanities Fund, подписанный Вами как председателем (или вице-председателем)¹⁴ и приношу Вам свою глубокую благодарность. Прошу также передать ее другим trustees¹⁵ или членам правления, если таковые существуют и если вы не являетесь, как это часто бывает, несмотря на конституции, единственным распорядителем Фонда. Теперь я спокоен за будущее, могу думать только о своей работе над книгой и, если понадобится, ездить и в Нью-Йорк и даже в Вашингтон для расширения моих книжных материалов. Пока я нахожу достаточно и в Йельской библиотеке, и вообще очень доволен своим жизнью здесь и отношением ко мне окружающих.

Имел удовольствие познакомиться у Вернадского с Вашей сестрой¹⁶, приехавшей сюда из деревни, и узнал, что Ваше имение как раз неподалеку¹⁷.

¹⁴ Б.А. Бахметьев был председателем и казначеем Фонда.

¹⁵ Попечители (англ.).

¹⁶ Упоминалась Юлия Александровна Базавова.

¹⁷ Очевидно, речь шла о местечке Green Hills.

Чудная здесь осень. Так вспоминается Россия, хотя о ней сейчас лучше не вспоминать.

Еще раз благодарю и остаюсь искренне уважающий Вас
Г. Федотов

Yale Divinity School
New Haven, Con.

**BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 2. Folder: Fedotov G.P.
(Georgii Petrovich) v.p. 1941–1945 / To Boris Aleksandrovich
Bakhmeteff.**

9

М.М. Карпович Б.А. Федотову

23-го апреля 1942 г.

Дорогой Борис Александрович,

Федотов пишет мне, что он закончил три главы. Сейчас они переписываются на машинке, после чего он мне их пришлет. Он пишет, что со следующими главами он испытывает некоторые «внутренние трудности», но надеется с ними справиться.

Дальнейшие его перспективы неопределенны. Никаких предложений на будущий год он пока не получил. К тому ж он прибавляет: «Говоря откровенно, я предпочел бы прожить будущий год без кафедры, но в городе с приличной библиотекой, чтобы закончить мою книгу. Но какой-то заработный минимум – хотя бы 50 дол[ларов], мне необходим. Пока и этого нет в виду»¹⁸.

Я не представляю себе, возможно ли было бы для Фонда продлить поддержку, которую мы ему оказывали, и сообщаю Вам это лишь для осведомления. Попробую поговорить кое с кем в здешних богословских кругах, но сомневаюсь, чтобы из этого что-нибудь вышло. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 7 Jan. – 30 Dec. 1942 / To Michael Karpovich.

¹⁸ Цитата из письма Г.П. Федотова М.М. Карповичу от 21 апреля 1942 г.

10

М.М. Карпович Б.А. Бахметьеву

13-го июня 1942 г.

Дорогой Борис Александрович,

Только что здесь был Федотов, и мы провели с ним два дня, посвятив много времени обсуждению его книги. Он привез с собой подробно разработанный план и несколько написанных глав, которые он мне прочел. План его показался мне чрезвычайно интересным, и я его полностью одобрил, без всяких изменений. То, что он уже написал, составляет лишь небольшую часть задуманной работы, и он извинялся, что не сделал больше. Но я думаю, что надо принять во внимание обычные первоначальные трудности при писании книги, к чему прибавилась еще необходимость для него пройти через период приспособления к Америке. Он сам считает, что теперь работа пойдет гораздо быстрее, и я думаю, что так оно и будет.

То, что он мне прочел, очень хорошо. Я сделал только одно критическое замечание: отдел о Византийской религиозности (которую он трактует как исходную точку русской религиозности) я ему посоветовал сократить и упростить, так как он пустился в некоторые, на мой взгляд, излишние богословские подробности. Остальное же все написано так, как нужно. Меня приятно удивил его английский язык. Думаю, что понадобятся лишь сравнительно небольшие стилистические поправки. В общем, я считаю, что он на правильном пути и что у него получится хорошая книга. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 7 Jan. – 30 Dec. 1942 / To Michael Karpovich.

11

Б.А. Бахметьев М.М. Карповичу

BORIS A. BAKHMTEFF
250 WEST 57 STREET
NEW YORK, N.Y.
September 23, 1942

Dear M.M.:

<...> The particular question which has come up is that regarding Fedotov. The subsidy to him was for a period of one year. Miss Roberts is mailing the last check this week. I remember last spring you and I thought that if necessary we could prolong the subsidy. But I have

been informed recently, that Fedotov has gotten a regular job. If that is true, perhaps there would be no necessity in future burdening the Fund.

Fedotov has not communicated with me since last spring and I do not know at all where matters stand. Will you let me know what the situation is and what are your thoughts and suggestions in the matter? <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 7 Jan. – 30 Dec. 1942 / To Michael Karpovich.

ПЕРЕВОД

23 сентября 1942 г.

Дорогой М[ихаил] М[ихайлович],

<...> Особый вопрос – тот, который возник относительно Федотова. Субсидия ему предоставлялась на один год. Мисс Робертс посылает последний чек на этой неделе. Я помню, прошлой весной Вы и я думали, что в случае необходимости мы могли бы продлить субсидию. Но мне сообщили недавно, что Федотов получил постоянную работу. Если это правда, то, возможно, нет необходимости в будущем обременять Фонд.

Федотов не сносился со мной с прошлой весны, и я, в общем, не знаю, как обстоят дела. Дайте мне знать, каково положение и каковы Ваши мысли и предложения по этому делу. <...>

12

М.М. Карпович М.М. Бахметьеву

3-го октября 1942 г.

Дорогой Борис Александрович,

Так как я некоторое время не имел известий от Федотова, то мне надо было сначала снестись с ним, чтобы получить нужную информацию¹⁹. Дело обстоит следующим образом. Летом он действительно имел заработок, получив приглашение преподавать русский язык в Йеле (один из интенсивных курсов русского языка). Теперь это кончилось, и пока у него никакой постоянной работы нет. Он решил остаться в Нью-Хейвене, куда переехала его жена, получившая там небольшой заработок. Сам он тоже ищет заработка, предпочтительно такого, который оставил бы ему время для

¹⁹ Г.П. Федотов подробно описал свое положение в письме М.М. Карповичу от 30 сентября 1942 г.

работы над книгой. По его словам, некоторое время он мог бы существовать на таких началах, так как за лето он скопил небольшую сумму денег. Он очень сокрушается по поводу того, что мало продвинул книгу вперед (за лето написал только две главы²⁰) и, по-видимому, намерен усиленно ею заниматься теперь.

Ввиду всего этого я бы предложил следующее. Предоставить ему пока существовать на тех началах, о которых он написал, но написать ему, что если ему не удастся найти подходящий заработок и его ресурсы придут к концу, мы будем готовы возобновить субсидию на некоторое время, при условии, конечно, что он продвинет работу над книгой. Я думаю, что это даст ему чувство некоторой обеспеченности, и что нет опасности, чтобы он обратился к нам, если в том не будет настоящей необходимости. Ввиду его застенчивости я скорее бы боялся обратного. Если Вы предпочитаете просто ему продолжить субсидию теперь же, я возражений не имею.

Буду ждать Ваших указаний, прежде чем отвечать Федотову.

Всего лучшего,

Искренне Ваш,

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 7 Jan. – 30 Dec. 1942 / To Michael Karpovich.

13

Б.А. Бахметьев М.М. Карповичу

BORIS A. BAKHMTEFF
250 WEST 57 STREET
NEW YORK, N.Y.
October 8, 1942

Dear M.M.

Thanks so much for your letter about Fedotov. <...>

Personally I incline to follow your suggestion in leaving matter in abeyance for the time being and possibly telling Fedotov that the question of renewing the allowance might be taken up say at the end

²⁰ Главы 4 «Русский византизм» и 5 «Русский кенотизм» Г.П. Федотов характеризовал в письме М.М. Карповичу от 30 сентября следующим образом: «Здесь я разбираю Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Илариона, Бориса и Глеба, Феодосия Печорского. По намеченному плану это половина Киевского периода. Т. е. сделано ужасно мало – сравнительно с тем, что осталось».

of the year. I think we should make clear to him, that in order to present the case to the Fund, we shall require a statement telling what has already been accomplished on his book, and what are the future plans.

As all other institutions, the Humanities Fund has felt the effect of the war in that the dividends received has been substantially reduced in connection with heavy taxation. This only means that we have to be more careful and watch our step in future. By next week I shall have all the figures showing our position in detail. Under all circumstances, we must count on a 10–20 % reduction in our income, at least.

If you concur, I should greatly appreciate if you wrote to Fedotov on these lines²¹. <...>

ПЕРЕВОД

8 октября 1942 г.

Дорогой М[ихаил] М[ихайлович],

Спасибо большое за Ваше письмо о Федотове. <...>

Лично я склонен последовать Вашему предложению оставить дело в неопределенном состоянии в настоящий момент и, возможно, сказать Федотову, что вопрос о возобновлении выплаты может быть рассмотрен, скажем, в конце года. Я думаю, что мы должны разъяснить ему, что для того, чтобы представить дело Фонду, нам необходимо сообщение о том, что уже сделано по его книге и каковы планы на будущее.

Как все другие учреждения, Гуманитарный фонд испытал на себе воздействие войны в том, что получаемые дивиденды значительно сократились в связи с тяжелым налогообложением. Это значит, что мы вынуждены быть более осторожными и действовать осмотрительнее в будущем. К следующей неделе у меня будут все цифры, детально показывающие наше положение. При любых условиях, мы должны рассчитывать, по крайней мере, на 10–20%-ное сокращение наших доходов.

Если Вы согласитесь, то я был бы очень признателен, если бы Вы написали Федотову письмо в этом духе. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 7 Jan. – 30 Dec. 1942 / To Michael Karpovich.

²¹ Такое письмо было написано М.М. Карповичем 12 октября 1942 г.

14

М.М. Карпович Б.А. Бахметьеву

22-го декабря 1942 г.

Дорогой Борис Александрович,

Когда я разговаривал с Федотовым в начале ноября, он подтвердил, что он может обойтись своими средствами приблизительно до января. Он сказал мне, что он продолжает работать над книгой и что он хотел бы уделить ей большую часть своего времени в течение этой зимы. Ввиду этого я думаю, что нам следовало бы восстановить ему нашу субсидию в размере 50 долларов в месяц начиная с января. Я сейчас не помню, в каком размере мы сделали для него условную ассигновку, но мне почему-то кажется, что мы отложили достаточно денег, во всяком случае, для того, чтобы покрыть эти платежи до начала нашего оперативного года. Мне хотелось бы знать Ваши соображения по этому поводу и получить Ваши указания насчет того, в каком смысле мне составить официальный меморандум для фонда. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 7 Jan. – 30 Dec. 1942 / To Michael Karpovich.

15

Б.А. Бахметьев М.М. Карповичу

BORIS A. BAKHMTEFF
250 WEST 57 STREET
NEW YORK, N.Y.
December 30, 1942

Dear M.M.

Thanks for your letter regarding Fedotov. I am very interested in the work he is doing, and am quite agreeable to arrange for another annual subsidy of \$ 600.00 to be paid in monthly installments of \$ 50.00 commencing January 1943.

While I have not yet worked out a detailed budget for the coming year, we might assume that an appropriation for Fedotov can be well fitted into the heading of Historic Research, since during the coming year there will be no contribution on the Russian History Series to the Yale University Press. So perhaps you will be kind enough to send memorandum recommending that Fedotov be given this subsidy.

I think it might be wise to word the document in a manner, which will make the whole subsidy contingent on the approval by the Board

of Trustees, recommending at the same time that the first three monthly installments be advanced to Fedotov on the provisional approval of two Trustees, you and myself. I also think the new subsidy should tie up with your original memorandum dated October 16, 1941, in which you recommended the first stipend. In connection with this I think it is only fair that Fedotov send us a «statement telling what has already been accomplished on his book and what are the future plans». The quoted words are from my letter to you as of October 8, 1942.

Do you believe that Fedotov will be able to finish his book during this coming year? I would very much hope so, as two years is sufficient period. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 7 Jan. – 30 Dec. 1942 / To Michael Karpovich.

ПЕРЕВОД

30 декабря 1942 г.

Дорогой М[ихаил] М[ихайлович],

Спасибо за Ваше письмо относительно Федотова. Я очень заинтересован в работе, которую он делает, и я вполне согласен с выделением еще одной субсидии в 600 долларов, которая будет выплачиваться ежемесячными взносами в 50 долларов начиная с января 1943 г.

Поскольку я еще не рассчитал детального бюджета на предстоящий год, мы могли бы счесть, что наиболее подходящим будет выделение средств для Федотова под рубрикой «историческое исследование», так как в предстоящем году не будет платежа на серию «Русская история» издательству Йельского университета. Поэтому, возможно, Вы будете столь любезны и пошлете меморандум, рекомендуемый, чтобы Федотову была предоставлена эта субсидия.

Я думаю, что было бы разумно составить меморандум таким образом, который сделал бы всю субсидию зависящей от одобрения Совета попечителей [Фонда], рекомендовав в то же время, чтобы первые три ежемесячные выплаты были авансированы Федотову на основании временного одобрения двумя попечителями, Вами и мной. Я также думаю, что новая субсидия должна быть увязана с Вашим первоначальным меморандумом от 16 октября 1941 г., в котором Вы рекомендовали [выплатить] первую стипендию. В связи с этим я думаю, что вполне справедливым будет то, что Федо-

тов пришлет нам «сообщение о том, что уже сделано по его книге и каковы планы на будущее». Цитируемые слова – из моего письма Вам от 8 октября 1942 г.

Верите ли Вы, что Федотов способен завершить свою книгу в наступающем году? Я бы очень хотел надеяться на это, так как два года – достаточное время. <...>

16

М.М. Карпович Б.А. Бахметьеву

15-го января 1943 г.

Дорогой Борис Александрович,

Посылаю Вам меморандум относительно Федотова с приложением его «официального заявления»²². Как Вы видите, он теперь пишет о двух томах вместо предполагавшегося одного. Ввиду обширности и сложности темы меня это не удивляет, и я думаю, что книга о средневековом периоде сама по себе будет очень ценна и оправдает произведенную нами сравнительно небольшую затрату. Насчет второго тома сейчас, конечно, ничего предрешать не надо. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 11 Mar. – 27 July. 1943 / To Michael Karpovich.

17

January 15, 1943

MEMORANDUM

In October 1941 Professor G.P. Fedotov was granted by the Humanities Fund a stipend of \$ 600. to be paid in twelve monthly installments of \$ 50. each for the purpose to enable him to write a book in English on the history of Russian religious mind. Since October of last year Professor Fedotov has continued to work on his book without receiving any stipend from the Fund, but it appears that now he is longer able to do so as his personal resources have become all but exhausted. Professor Fedotov informs me that so far he has written about 450 pages covering the pre-Mongolian period of Russian history. In the course of the coming year he expects to write about an

²² Документ не обнаружен.

equal number of pages to cover the period of the end of the XV century. This will form a volume on the history of Russian religious mind to the end of the Middle Ages. According to Professor Fedotov, in the course of his work he came to the conclusion that it would not be possible to cover the whole subject in less than two volumes. No points but that many questions require special and independent research and that it would be a pity to sacrifice some of this valuable material for the sake of brevity or popular appeal. I am inclined to agree with him on this question in view of the pioneer nature of his undertaking.

In view of the above, I recommend that the Humanities Fund grant Professor Fedotov another stipend of \$ 600. to be paid in twelve monthly installments of \$ 50. each. This subsidy should be made conditional on the approval by the Board of Trustees, but I recommend that the first three monthly installments, beginning with the current month, be advanced on the provisional approve of two Trustees. It should be made clear to Professor Fedotov that the Fund expects him to finish his book, within the chronological limits as indicated above, in the course of the present year and that no obligation rests on the Fund with regard to the financing of the proposed second volume.

Enclosure: Professor Fedotov's statement (in Russian) as to his progress and further plans.

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 11 Mar. – 27 July, 1943 / To Michael Karpovich.

ПЕРЕВОД

15 января 1943 г.

МЕМОРАНДУМ

В октябре 1941 г. профессору Г.П. Федотову Гуманитарным фондом была предоставлена стипендия в 600 долларов для уплаты двенадцатью ежемесячными взносами по 50 долларов каждый с тем, чтобы дать ему возможность написать книгу на английском языке по истории русского религиозного сознания. С октября прошлого года профессор Федотов продолжал работать над его книгой, не получая никакой стипендии от Фонда, но сейчас очевидно, что он не может более продолжать работу, так как все его личные средства исчерпаны. Профессор Федотов сообщил мне, что он уже написал около 450 страниц, охватывающих домонгольский период русской истории. В течение наступающего года он соби-

рается написать примерно такое же количество страниц, чтобы охватить период до конца XV века. Это составит том по истории русского религиозного сознания до конца Средних веков. Согласно Федотову, в ходе своей работы он пришел к выводу, что невозможно охватить весь предмет менее чем в двух томах. Не только отдельные аспекты, но и многие вопросы требуют специального и независимого исследования, и было бы жалко пожертвовать чем-то из этого ценного материала ради краткости или популярного изложения. Я склонен согласиться с ним по этому вопросу ввиду новаторской природы его предприятия.

Ввиду вышеизложенного я рекомендую Гуманитарному фонду предоставить профессору Федотову еще одну стипендию в 600 долларов для выплаты ежемесячными взносами по 50 долларов каждый. Эта субсидия должна быть обусловлена одобрением Совета попечителей, но я рекомендую, чтобы первые три месячные выплаты, начиная с текущего месяца, были авансированы на основании временного одобрения двумя попечителями. Следует разъяснить профессору Федотову, что Фонд ожидает от него завершения книги в указанные выше временные сроки, в течение этого года, и что на Фонд не возлагается никаких обязательств относительно финансирования предлагаемого второго тома.

Приложение: Сообщение профессора Федотова (на русском языке) о результатах его работы и дальнейших планах.

18

Дж. Робертс Г.П. Федотову

January 19, 1943
Professor George P. Fedotov
436 Whitney Avenue
New Haven, Conn.

Dear Professor Fedotov:

Upon the recommendation of Professor M.M. Karpovich and subject to the final approval of the Board of Trustees, the Humanities Fund is granting you a stipend of \$ 600.00 to assist in preparing the manuscript of a book on the "Religious Mind in Russia". The stipend will be paid in monthly installments of \$ 50.00 per month, the first check being enclosed herewith. As stated above, a payment from March onward are conditioned on the decision of the Board of Trustees which meets early in March.

Professor Karpovich has informed the Fund that you expect to complete the first volume of your work during this year.

Wishing you success,

Very truly yours,

HUMANITIES FUND INK

Assistant treasurer

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 2. Folder: Fedotov G.P. (Georgii Petrovich) v.p. 1941–1945 To Boris Aleksandrovich Bakhmeteff.

ПЕРЕВОД

19 января 1943 г.

Дорогой профессор Федотов,

По рекомендации профессора М.М. Карповича и при условии окончательного одобрения Совета попечителей Гуманитарный фонд выделяет Вам стипендию в 600 долларов, чтобы содействовать подготовке рукописи книги по истории «Религиозного сознания в России». Стипендия будет выплачиваться ежемесячными взносами по 50 долларов в месяц. Первый чек при сем прилагается. Как отмечено выше, выплата, начиная с марта, обусловлена решением Совета попечителей, который собирается в самом начале марта.

Профессор Карпович сообщил Фонду, что Вы предполагаете завершить первый том Вашей работы в течение этого года.

Желаю Вам успеха,

Ваш истинно,

Помощник казначея

Гуманитарного фонда инк.

19

Г.П. Федотов Б.А. Бахметьеву

3 мая [19]43 г.

Глубокоуважаемый Борис Александрович,

Петр Петрович Зубов²³ говорил мне о сочувствии, с которым Вы встретили его проект об открытии кафедры по истории Восточ-

²³ Зубов (Zouboff) Петр Петрович (1893–1964) – русский общественный и церковный деятель. В эмиграции в США с 1931 г., защитил докторскую диссертацию о Вл. Соловьеве в Колумбийском университете (1943), один из основателей Свято-Владимирской семинарии, участвовал во Всеамериканских церковных соборах.

ной Церкви и о моей кандидатуре на нее. Искренне благодарен Вам за поддержку, которую Вы обещали в проведении этого проекта. Я Вам и так столько обязан – возможностью вести здесь свою любимую научную работу. Из всех возможных устройств в Америке проект П.П. Зубова для меня самый привлекательный и естественный – с точки зрения моего научного дела. Я очень жалею, что на страстной не удалось повидаться с Вами. Я бываю в Нью-Йорке на week-end'ах, как раз в то время, когда Вы уезжаете. Но, если Вы найдете, что мое присутствие необходимо для обсуждения каких-либо подробностей, я готов приехать в любое время.

Искренне уважающий Вас Г. Федотов

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 2. Folder: Fedotov G.P. (Georgij Petrovich) v.p. 1941–1945 To Boris Aleksandrovich Bakhmeteff.

20

Б.А. Бахметьев М.М. Карповичу

BORIS A. BAKHMTEFF
250 WEST 57 STREET
NEW YORK, N.Y.
July 27, 1943

Dear M.M.

<...> I want to write you first about Fedotov. He came to see me a few days ago, to tell about leaving New Haven and is living in New York at 300 West 108th Street.

Fedotov told me also, that he has finished the first volume of his work. However, he explains that in course of writing he has given up the idea of reducing the opus to two volumes, and has returned to his original plans namely, of spreading his analysis of the religious thought in Russia to four or five volumes.

Fedotov does not expect to receive any stipend from Humanities Fund after this year. On the other hand, I have tentatively agreed with Paul Anderson²⁴ of the Y.M.C.A. who is trying to arrange lectures

²⁴ Андерсон Пол (1894–1982) – американский сотрудник YMCA, международный секретарь YMCA для русской эмиграции, исполнительный секретарь международного комитета YMCA (1947), член попечительского совета Свято-Владимирской семинарии (1948), почетный доктор Православного Богословского Института в Париже (1948), директор исследовательской группы YMCA «Religion in Russia» (конец 1940-х – начало 1950-х гг.).

for Fedotov at General Theological Seminary, to give the latter a subvention of \$ 600.00 annually²⁵.

Were you aware of the changes in Fedotov's ideas and plans? What do you think about them? Of course if he could find a publisher for five volumes of religious history it would be something very monumental and useful for scholars. I am afraid, however, the work will be utterly lost on the general public. Still, there is nothing to do. It is a matter where one is forced «to cooperate with inevitable». <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 11 Mar. – 27 July, 1943 / To Michael Karpovich.

ПЕРЕВОД

27 июля 1943 г.

<...> Я хочу написать прежде всего о Федотове. Он приходил повидать меня несколько дней назад, чтобы сказать, что покинул Нью-Хейвен и живет в Нью-Йорке по 108-й улице, 300 в Западной части Манхэттена.

Федотов сказал мне также, что он закончил первый том своей работы. Однако, он объясняет, что в ходе написания его он отказался от идеи сократить труд до двух томов и вернулся к первоначальному плану, а именно, развернуть свой анализ религиозного сознания в России до четырех или пяти томов.

Федотов не рассчитывает получать какую-нибудь стипендию от Гуманитарного фонда после этого года. С другой стороны, я в предварительном порядке согласился с Полом Андерсеном из ИМКА, который пытается устроить лекции для Федотова в Общей богословской семинарии, предоставить последней субсидию в 600 долларов ежегодно.

Знали ли Вы об изменениях федотовских идей и планов? Что Вы думаете о них? Конечно, если он смог бы найти издателя для пяти томов религиозной истории, то из этого вышло бы нечто монументальное и полезное для ученых. Я боюсь, однако, что такой труд будет полностью потерян для общей публики. Тем не менее, здесь ничего не поделаешь. Это дело, где приходится «взаимодействовать с неизбежным». <...>

²⁵ Лектура по истории Православной Церкви была создана специально для Г.П. Федотова в Общей богословской семинарии в Нью-Йорке в 1944 г. и финансировалась Фондом в размере 600 долларов ежегодно до 1947 г. включительно.

21

Г.П. Федотов Б.А. Бахметьеву

22 сент[ября 19]43 г.

Дорогой Борис Александрович,

Согласно Вашим указаниям, я позволяю себе обратиться через Вас к «Humanities Fund» со следующей просьбой. В настоящее время я заканчиваю отделку своей книги в смысле английской литературной формы. Предстоит переписка на машинке около 500 страниц. В настоящее время я не имею средств оплатить переписчика, без чего не могу представить книгу издательствам. По расчёту 25 ц[ентов] за страницу в 3 экземплярах мне понадобится 125 долларов. Я был бы очень благодарен «Фонду», если бы он довел до конца свою поддержку моей работы, оплатив вполне или частично расходы по переписке.

Искренне уважающий Вас Г. Федотов

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 2. Folder: Fedotov G.P. (Georgii Petrovich) v.p. 1941–1945 To Boris Aleksandrovich Bakhmeteff.

22

М.М. Карпович Б.А. Бахметьеву

7-го октября 1943 г.

Дорогой Борис Александрович,

<...> Прежде всего, насчет Федотова. Мне кажется, что мы могли бы дать ему 100 долларов. Ведь, кажется, из всех планов насчет его устройства пока ничего не вышло, и ему, вероятно, правда негде достать денег для переписки на машинке. Прилагаю соответствующий меморандум. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 11 Mar. – 27 July, 1943 / To Michael Karpovich.

23

MEMORANDUM

Professor G.P. Fedotov has applied to the Humanities Fund with a request for financial assistance to enable him to cover expenses in connection with the typing of his manuscript on the history of religious ideas in Russia. He estimates that the cost will be about \$ 125.

I recommend that we grant him a subsidy of \$ 100 to partially cover the above mentioned expenses.

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

ПЕРЕВОД МЕМОРАНДУМ

Профессор Г.П. Федотов обратился в Гуманитарный фонд с просьбой о финансовой помощи, которая позволила бы ему покрыть расходы в связи с напечатанием на пишущей машинке его рукописи по истории религиозных идей в России. Он считает, что расходы составят около 125 долларов.

Я рекомендую предоставить ему субсидию в 100 долларов для частичного покрытия вышеупомянутых расходов.

24

Дж. Робертс Г.П. Федотову

October 12, 1943

Dear Professor Fedotov,

In answer to your letter of September 22, 1943 the Humanities Fund Inc. has allocated the sum of \$ 100.00 in payment for the clerical and typing expenses connected with the preparation of your book.

A check for the aforesaid amount is herewith enclosed. Will you kindly acknowledge the receipt of the check.

Yours very truly,

HUMANITIES FUND INC.

ASSISTANT TRASURER

Professor George P. Fedotov

328 West 108th Street

New York, N.Y.

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 2. Folder: Fedotov G.P. (Georgii Petrovich) v.p. 1941–1945 To Boris Aleksandrovich Bakhmeteff.

ПЕРЕВОД

12 октября 1943 г.

Дорогой профессор Федотов,

В ответ на Ваше письмо от 22 сентября 1943 г. Гуманитарный фонд инк. ассигновал сумму в 100 долларов в уплату делопроизводственных издержек и расходов на печатание, связанных с подготовкой Вашей книги.

Чек на упомянутую сумму при сем прилагается. Будьте любезны сообщить о получении чека.

Истинно Ваш,
Помощник казначея
Гуманитарного фонда инк.

25

М.М. Карпович Б.А. Бахметьеву

28-го августа 1944 г.

Дорогой Борис Александрович,

<...> Сейчас же хочу только кратко написать насчет книги Федотова. Мы пригласили их к себе в Вермонт²⁶, и он там кончил свою книгу, т. е. первый том, покрывающий киевский период. Почти вся книга, в которой будет около 500 страниц на машинке, уже перепечатана – осталось только перепечатать заключение. Федотов писал прямо по-английски и давал потом кому-нибудь проверить²⁷. Заключение мы с ним проверяли вместе. Я был поражен тем, как мало пришлось исправлять. По существу, это получилась очень ценная и интересная книга. Он уговорился передать рукопись Rev[erend]²⁸ Scaife²⁹ – это один из епископальных священников, интересующихся православием – а тот уже от себя пошлет ее своему отцу³⁰, который теперь директор Гарвард Пресс. Что из

²⁶ В этом штате в местечке West Wardsboro Карповичи снимали дачу.

²⁷ В письме дочери от 26 июня 1943 г. Г.П. Федотов писал: «Во-первых, первый том моей книги почти закончен, и нашлась одна американка, которая поправляет мой английский текст в обмен на уроки русского языка. Это Miss Shelley, мамаина находка. Чтобы она не сбежала и не изменила мне, мы поселили ее рядом с нами, пьем кофе и завтракаем вместе (т. е. со мной) и, вообще, присматриваем за ней, т. к. она, хотя и очень милая, но совершенно безвольная и нервно расстроенная, впрочем, как все иностранцы, влюбленные в русскую культуру и Достоевского». BAR. Ms. Coll. G.P. Fedotov. Box 2. Folder: Correspondence – Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1946.

²⁸ Преподобный (англ.).

²⁹ Скэйф Лоуристон Ливингстон (1907–1970) – американский священник Епископальной Церкви, епископ епархии Западного Нью-Йорка (1848–1970), президент православно-англиканского братства, членом которого был Г.П. Федотов, сын Р.Л. Скэйфа.

³⁰ Скэйф Роджер Ливингстон (1875–1951) – американский издатель, выпускник Гарвардского колледжа (1897), директор издательства Гарвардского университета (1944–1946).

этого выйдет, сказать трудно, но я, со своей стороны, конечно, окажу здесь всякую поддержку. <...>

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 1. Folder: Bakhmeteff, Boris Aleksandrovich / New York, 11 Mar. – 27 July, 1943 / To Michael Karpovich.

26

М.М. Карпович Р.Л. Скэйфу

October 10, 1944
Mr. Roger L. Scaife
Director Harvard University Press
38 Quincy Street
Cambridge, Massachusetts

Dear Mr. Scaife:

I certainly know both Mr. Fedotov and his work. In my opinion he is one of the most gifted Russian historians of my generation. Because of the First World War and the Revolution he had no opportunity to show his mettle during the years in Russia, which he had to leave in the 1920-ies because of his opposition to the communist regime. Up to his arrival to this country a few years ago (after the collapse of France) he lived in Paris where he was professor of Church history in the Russian Theological Academy. During this years of emigration he published several excellent books and many articles in Russian. He is primarily interested in Russian religious history is now engaged in writing his magnum opus on the subject.

He has discussed with me the plan of his first volume and I have read parts of it. I think it is a remarkable piece of work. It is not a mere formal history of the Russian Church. In fact it is not that at all. What he is trying to do is to trace the working of Russian religious mind both among churchmen and laymen, in church life as well as in literature and art. In this first volume he has tried to do for the early medieval Russia what H.O. Taylor has done in his "Medieval Mind"³¹. I must say that I do not know of any book, either in Russian or in any other language, that deals with the same problem and in the same way that Fedotov does.

³¹ Тейлор Генри Осборн (1856–1941) – американский историк и правовед, автор неоднократно переиздававшейся книги «Средневековое сознание» (The Medieval Mind: A History of the Development of Thought and Emotion in the Middle Ages. 2 vols., 1911).

He has written his book in English and I think that for a man who, as far as I know, has never done this before it is quite a creditable performance. His English text still has to be gone over before it is published, but my impression is that it will not be a very difficult task.

I understand very well the difficulty which is presented by the scope of his project. Of course, for the non-Russian reader it would be more convenient to have a work, let us say, of two rather than five volumes. I do not know, however, whether the author can be induced to abandon his plans for a large work and to write a condensed version. I must say that as it is planned each volume represents a complete unit in itself and the first volume is the most important one as it deals with the foundation of Russian Christianity. Thus it could be perhaps published separately, without committing the publisher to continue the series. At any rate my feeling is that you should give this project most serious consideration. Here is something really worth-while.

As to your question whether Mr. Fedotov would be in position to secure the necessary funds for such a work, I do not quite understand what you mean. Do you have in mind a personal subsidy that would enabled him to finish his work or a grant for publication of the same? In any case I am not in a position to say anything definite on the subject, but I shall be glad to make inquiries as I am very interested in this matter myself.

With best wished,

Sincerely yours,

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

ПЕРЕВОД

10 октября 1944 г.

Дорогой г-н Скэйф,

Я хорошо знаю как г-на Федотова, так и его работу. По моему мнению, он является одним из самых одаренных русских историков моего поколения. Из-за Первой мировой войны и революции у него не было возможности проявить свои способности в свое время в России, которую он был вынужден покинуть в 1920-е гг. из-за неприятия коммунистического режима. Вплоть до прибытия в эту страну несколько лет назад (после падения Франции) он жил в Париже, где был профессором церковной истории в русском богословском институте. В эти годы эмиграции он опубликовал несколько блестящих книг и много статей на русском языке. Его интересуе

прежде всего, русская религиозная история, и в настоящее время он пишет обширный труд по этой теме.

Он обсудил со мной план своего первого тома, и я же прочел части его. Я считаю, что это – замечательный фрагмент работы. Это не просто формальная история Русской Церкви. По сути, она и не является таковой вообще. То, что он пытается сделать, – проследить действие русского религиозного сознания как среди клириков, так и среди мирян, в церковной жизни также, как в литературе и искусстве. В этом первом томе он попытался сделать для ранней средневековой Руси то, что Г.О. Тейлор сделал в его «Средневековом сознании». Я должен сказать, что я не знаю ни одной книги ни на русском, ни на каком-либо другом языке, в которой разбирались бы та же проблема и тем же способом, как это делает Федотов.

Он написал свою книгу по-английски, и для человека, который, насколько мне известно, никогда не делал этого прежде, это довольно похвальное произведение. Его английский текст все еще требует редактуры перед публикацией, но, по-моему, это будет не сложная задача.

Я хорошо понимаю трудность, которую представляет собой размах проекта. Конечно, для нерусского читателя более приемлемым было бы иметь работу, скажем, в двух, чем в пяти томах. Однако, я не знаю, склонен ли автор отказаться от своих планов обширной работы и написать сжатую версию. Я должен сказать, что согласно плану каждый том представляет собой законченное целое и первый том – наиболее важный, так как в нем рассматривается основание русского христианства. Таким образом, его, возможно, можно было бы опубликовать отдельно, без обязательства издателя продолжить серию. Как бы то ни было, я чувствую, что Вам следует рассмотреть этот проект самым серьезным образом. Он действительно заслуживает внимания.

Относительно Вашего вопроса – в состоянии ли г-н Федотов добиться необходимых средств для такой работы, я не вполне понял, что Вы имеете в виду. Подразумевали ли Вы личные субсидии, которые позволили бы ему закончить свою работу или грант на ее публикацию? В любом случае я не в состоянии сказать что-то определенное по данному предмету, но я был бы рад навести справки, так как я сам очень заинтересован в этом деле.

С наилучшими пожеланиями,
Искренне Ваш,

М.М. Карпович Р.Л. Скэйфу

November 20, 1944
Mr. Roger L. Scaife
Director Harvard University Press
38 Quincy Street
Cambridge, Massachusetts

Dear Mr. Scaife:

To supplement what I told you before I wish to summarize my reasons for recommending Mr. Fedotov's book for publication by the Harvard Press.

1. The book is a real contribution to the literature on the subject. In fact this is the first attempt to write the history of the Russian religious mind as distinct from the history of Russian Church in its dogmatic or organizational aspects. There are several good histories of last-named type, but neither in Russian nor in any other of the Western languages do I know of a single book which try, as Mr. Fedotov does, to combine into well-rounded picture religious ideas and sentiments, as expressed in art, historical wittings, literature, folk-lore, etc.

2. Because of this character of the book it would be of interest not only to specialists but also to all those interested in Russian culture and Russian national spirit.

3. The competence of the author is beyond any doubt. For years he has been teaching history of Eastern Church and Eastern theology in the Russian Theological Institution in Paris (at that time the only institution of this kind in the world), and at present is lecturing on the same subject in the General Theological Seminary in New York. He has published in Russian several volumes in the field of Russian religious history, among them a book on the saints of ancient Russia, one on the Russian religious folk poetry and one on St. Philip, Metropolitan of Moscow³².

With best wished,
Sincerely yours,

BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 7. Subject file: Fedotov, Georgii Petrovich.

³² Упоминались книги: *Федотов Г.П.* Святые древней Руси: X–XVII ст. Париж, 1931; *Его же.* Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. Париж, 1935; *Его же.* Святой Филипп, Митрополит Московский. Париж, 1928.

ПЕРЕВОД

20 ноября 1944 г.

Дорогой г-н Скэйф,

В дополнение к сказанному Вам прежде я хотел бы суммировать мои мотивы рекомендации книги г-на Федотова для публикации издательством Гарвардского университета.

1. Книга является несомненным вкладом в литературу по предмету. По сути, это первая попытка написать историю русского религиозного сознания как отличную от истории Русской Церкви в ее догматическом и организационном аспектах. Существует несколько хороших историй последнего из названных типа, но ни на русском, ни на одном из европейских языков, насколько я знаю, нет ни одной книги, которая попыталась бы, как это делает г-н Федотов, объединить в гармоничной картине религиозные идеи и чувства, выражающиеся в искусстве, исторических произведениях, литературе, фольклоре и т. д.

2. Благодаря такому характеру книги она будет представлять интерес не только для специалистов, но также для всех тех, кто интересуется русской культурой и русским национальным духом.

3. Компетентность автора – вне всякого сомнения. В течение ряда лет он преподавал историю Восточной Церкви и восточного богословия в Русском богословском институте в Париже (в то время единственном в мире институте такого рода), а в настоящее время читает лекции по тому же предмету в Общей богословской семинарии в Нью-Йорке. Он опубликовал на русском языке несколько книг по русской религиозной истории, среди них книга о святых древней Руси, книга о русской религиозной народной поэзии, книга о св. Филиппе, митрополите московском.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш,

28

Г.П. Федотов Б.А. Бахметьеву

29 н[оября 19]45 г.

Глубокоуважаемый Борис Александрович,

С радостью могу сообщить Вам, что Harvard Univ[ersity] Press наконец-то принял окончательно мою книгу. Обещают напечатать в 1946 году. Позвольте Вам напомнить, что Humanities Fund ассигновал на печатание моей книги, по требованию издательства, 750 дол[ларов]. Сейчас Mr. Scaife, директор изд[ательст]ва, напо-

минает мне об этом обещании и ждет этой суммы. Если Вы можете выслать ему чек сейчас же, будьте добры сообщить мне копию Вашего письма ему; если же нет, сообщите мне, когда Scaife может получить эти деньги, чтобы я мог ему точно ответить.

А мне позвольте выразить Вам свою искреннюю и глубокую благодарность за все, что Вы сделали для меня в Америке, обеспечив мне возможность и написать эту книгу и подготовить материал для следующей.

Искренне преданный Вам Г. Федотов

Адрес Scaife'a

Roger L. Scaife

Harvard University Press

38 Quincy Street

Cambridge, Mass

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 2. Folder: Fedotov G.P. (Georgii Petrovich) v.p. 1941–1945 To Boris Aleksandrovich Bakhmeteff.

29

Р.Л. Скэйф Б.А. Бахметьеву

December 4, 1945

Professor Boris A. Bakhmeteff

250 West 57th Street

New York, New York

Dear Mr. Bakmeteff:

In a pleasant talk this morning with Professor Karpovich we discussed together the matter of subsidy to help in the publication of Fedotov's «Dawn of Russian Christianity». The manuscript has been enthusiastically accepted by Harvard but only with the proviso that funds would be forthcoming to finance partly the project since the sale of the book is in our judgment somewhat problematical and not likely to meet the expenses.

We accordingly told Dr. Fedotov that we would proceed only if we could secure the promise of at least \$ 750. From Professor Karpovich we understand that the Humanities Fund is prepared to pay this amount. Accordingly I am writing you to this affect.

It is not necessary that we should have the money in hand at the moment, but I would like to think of our receiving a check sometime before the first of March, if this is convenient for you. The check should be sent to me but it should be made out to the Treasure of Har-

vard College. If you require a more formal word, of course we shall be glad to send it, but as far as we concerned this will sufficient.

I am, most truly and gratefully yours, Roger L. Scaife

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 50. Subject file: Humanities Fund 1945.

ПЕРЕВОД

4 декабря 1945 г.

Дорогой г-н Бахметьев,

В приятном разговоре этим утром с профессором Карповичем мы обсудили вместе проблему субсидии, которая должна помочь опубликовать книгу Федотова «Заря русского христианства». Рукопись была с энтузиазмом встречена в Гарварде, но при условии, что поступят средства для частичного финансирования проекта, так как продажа книги, по нашим оценкам, представляется несколько проблематичной и, похоже, не покроеет расходов.

Поэтому мы говорили д-ру Федотову, что мы приступим [к публикации], только если нам будет гарантировано обещание, по крайней мере, 750 долларов. От профессора Карповича мы узнали, что Гуманитарный фонд готов заплатить эту сумму. Поэтому я пишу об этом.

Нет необходимости, чтобы деньги были в нашем распоряжении немедленно, но мне хотелось бы думать, что чек будет получен до первого марта, если это приемлемо для Вас. Чек следует выслать мне, но он должен быть подписан для Казначейства Гарвардского колледжа. Если Вам нужно более формальное обещание, то мы с удовольствием вышлем его, но для нас достаточно этого.

Остаюсь искренне и с благодарностью Ваш, Роджер Л. Скэйф

30

Б.А. Бахметьев Р.Л. Скэйфу

December 5, 1945
Mr. Roger L. Scaife
Harvard University Press
38 Quincy Street
Cambridge 38, Mass.

Dear Mr. Scaife:

I have your letter of December 4th with regard to the publication of Fedotov's book «Dawn of Russian Christianity».

I am writing to confirm the understanding conveyed to you by Professor Karpovich that the Humanities Fund is prepared to contri-

bute an amount of \$ 750.00 for the publication of Fedotov's book. This figure has been entered into the budget of the Fund by the Trustees and is available when ever required. If you want to have the check now it could be sent at any time. Otherwise as you mention in your letter the check could be forwarded to you early next year.

I should like to add a few words of personal appreciation and to say how gratified and delighted I am by the decision of the Harvard University Press to publish Fedotov's book. I have the highest regard for the Professor and I believe that the book is very outstanding both in material it presents and the high spiritual level in which it is conceived. I am certain the book will be most useful in conveying to the English speaking world knowledge and understanding of early Russian Christianity.

With high personal regard, believe me,

Yours faithfully,

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 50. Subject file: Humanities Fund 1945.

ПЕРЕВОД

5 декабря 1945 г.

Дорогой г-н Скэйф,

Я получил Ваше письмо от 4 декабря относительно публикации книги Федотова «Заря русского христианства».

Я пишу, чтобы подтвердить договоренность, переданную Вам профессором Карповичем, что Гуманитарный фонд готов представить сумму в 750 долларов для публикации федотовской книги. Эта цифра уже внесена в бюджет Фонда попечителями и может быть предоставлена в любое время. Если Вы хотите получить чек сейчас, он может быть выслан в любое время. В противном случае, как Вы упоминали в Вашем письме, чек может быть послан Вам в начале следующего года.

Я хотел бы добавить несколько слов личной признательности и сказать, как я удовлетворен и обрадован решением издательства Гарвардского университета опубликовать книгу Федотова. Я самого высокого мнения о профессоре и полагаю, что его книга является выдающейся как по представленному в ней материалу, так и по высокому духовному уровню, на котором он осмысливается. Для меня несомненно, что книга будет наиболее полезна тем, что предоставит англоговорящему миру знание и понимание раннего русского христианства.

С неизменным личным уважением, искренне,

Преданный Вам,

Р.Л. Скэйф Б.А. Бахметьеву

April 30, 1946
Mr. Boris A. Bakhmeteff
250 West 57th Street
New York, New York

Dear Mr. Bakhmeteff,

We wrote you on December 7, 1945 indicating that there was no immediate haste in your paying the subsidy for the publication of Fedotov's The Dawn of Russian hristianity. Now we should be glad to see the check which should be sent to me here, but made out to the Treasure of Harvard College, if this is entirely convenient to you.

We find, because of increased union rates and for other reasons as well, that the manufacturing costs of this book are likely to be greater than was originally expected. If this check could be increased to, say, \$ 1000.³³ we should be most grateful.

Faithfully yours,
Roger L. Scaife

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 50. Subject file: Humanities Fund 1945.

ПЕРЕВОД

30 апреля 1946 г.

Дорогой г-н Бахметьев,

Мы писали Вам 7 декабря 1945 г., отмечая, что не было настоятельной потребности в уплате Вами субсидии для публикации книги Федотова «Заря русского христианства». Сейчас же мы хотели бы получить чек, посланный мне сюда, но подписанный для Казначейства Гарвардского колледжа, если это вполне приемлемо для Вас.

Мы находим, что по причине роста отчислений профсоюзам и по другим причинам производственные расходы на эту книгу будут, похоже, больше, чем ожидалось первоначально. Если бы чек был бы увеличен, скажем, до 1000 долларов, мы были бы крайне признательны.

Преданный Вам, Роджер Л. Скэйф

³³ Никаких дополнительных выплат помимо 700 долларов на погашение расходов по публикации книги Г.П. Федотова в отчете Фонда за 1946 г. не зафиксировано.

Б.А. Бахметьев Р.Л. Скэйфу

May 2, 1946
Dr. Roger L. Scaife:
Harvard University Press
Cambridge 38, Mass.

I have your letter of April 30th and I am taking this first opportunity to send you enclosed check as a subsidy for the publication of Fedotov's «Dawn of Russian Christianity». The check for the moment is made for the amount of \$ 700.00 as agreed previously as this figure has been passed by the Trustees. At the moment I have no authority to go beyond their decision.

I shall be glad, however, to present your request for an increase of the subsidy, and although the budget of Humanities Fund is over-taxed, may be we can get some favorable action. It will take some time before we can go through all the formalities.

In the meanwhile, I would suggest that you see Professor Karpovich and explain to him the situation in somewhat greater detail, so that we can assemble the necessary facts for the benefit of the Trustees.

Assuring you of our cooperation, believe me,

Yours very sincerely,

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 50. Subject file: Humanities Fund 1945.

ПЕРЕВОД

2 мая 1946 г.

Дорогой г-н Скэйф,

Я получил Ваше письмо от 30 апреля и пользуюсь первой возможностью, чтобы выслать Вам прилагаемый чек как субсидию для публикации федотовской «Зари русского христианства». На данный момент чек выпущен на сумму 700 долларов, как было согласовано ранее и утверждено попечителями. Сейчас у меня нет полномочий выйти за рамки этого решения.

Однако, я был бы рад представить Ваш запрос на увеличение субсидии, и хотя бюджет Гуманитарного фонда обременен чрезмерными налогами, может быть, мы сможем добиться положительного решения.

При этом я предложил бы Вам повидаться с профессором Карповичем и объяснить ему ситуацию более детально, так что-

бы мы могли подобрать необходимые факты для рассмотрения попечителями.

Готовый к услугам, искренне Ваш,

33

Б.А. Бахметьев Р.Л. Скэйфу

December 19, 1946
Mr. Roger L. Scaife
Harvard University Press
38 Quincy Street
Cambridge 38, Mass.

Dear Mr. Scaife:

I was most gratifying to receive the Fedotov volume and to realize that useful and promising endeavor has received fulfillment.

I heartily congratulate you on the appearance of the book. The paper and print and everything that goes with it could not be better. The Humanities Fund has felt privileged to be associated with the work of the Harvard Press, and greatly appreciate receiving from you the complimentary volume.

With best wishes on the season, believe me,

Yours very sincerely,

BAR. Ms. Coll. Bakhmeteff. Box 50. Subject file: Humanities Fund 1945.

ПЕРЕВОД

19 декабря 1946 г.

Дорогой г-н Скэйф,

С большим удовольствием я получил том Федотова и понял, что полезное и многообещающее предприятие завершено.

Сердечно поздравляю Вас с выходом книги. Бумага и печать и все сопутствующее едва ли могут быть лучше. Для Гуманитарного фонда большая честь быть связанным с работой Гарвардского издательства, и мы благодарны за присылку Вами подарочного тома.

С лучшими пожеланиями в преддверии Рождества,
Искренне Ваш,

А.И. Ключев, А.В. Свешников

Письма советских медиевистов к О.Л. Вайнштейну*

Публикуются письма советских медиевистов к О.Л. Вайнштейну, охватывающие период в развитии советской исторической науки с середины 1960-х гг. до середины 1970-х гг. Письма отражают дискуссии историков вокруг проблемы феномена советской медиевистики, а также касаются проблем генезиса феодализма в Западной Европе.

Ключевые слова: медиевистика, генезис феодализма, феномен советской медиевистики, Ленинградский университет.

A.I. Klyuev, A.V. Sveshnikov

The letters of soviet medievists to O.L. Vainshtein

Published letters of soviet medievists to O.L. Vainshtein, covering the period in the development of soviet historical science from the mid 60s to mid 70s of the XX century. The letters reflect the discussion historians around the problem of the phenomenon of soviet medieval studies, and also related to the problems of genesis of feudalism in Western Europe.

Keywords: medievistics, genesis of feudalism, fenomen of soviet medieval studies, university of Leningrad.

Среди материалов, хранящихся в личном фонде Осипа Львовича Вайнштейна архива Санкт-Петербургского института Истории РАН, нами были обнаружены публикуемые ниже письма к нему известных советских медиевистов М.Я. Сюзюмова, Е.В. Гутновой, Я.А. Левицкого, М.А. Заборова.

Осип Львович Вайнштейн (1894–1980), безусловно, являлся крупной фигурой не только ленинградской, но и в целом советской медиевистики¹. Выпускник историко-филологического факультета

© А.И. Ключев, А.В. Свешников, вступительная статья, примечания, публикация, 2014

* Работа проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, соглашение № 12-31-01041/2013 от 10.04.2013 г.

¹ Подробнее о биографии и деятельности О.Л. Вайнштейна см.: *Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Cathedra mediae aevi. Материалы к истории ленинградской медие-*

Новороссийского (Одесского) университета, ученик П.М. Бицилли и Е.Н. Щепкина, после нескольких лет работы в родном университете он в 1935 г. переехал в Ленинград, где возглавил в университете кафедру истории средних веков. Эту должность О.Л. Вайнштейн занимал до 1951 г., когда, подвергнувшись критике в ходе «компании по борьбе с космополитизмом», был вынужден переехать во Фрунзе, где несколько лет проработал в местном университете. В 1955 г. Вайнштейн вернулся в Ленинград и до выхода на пенсию в 1973 г. был старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Став вторым после недолго занимавшего эту должность Н.Н. Розенталя заведующим кафедрой истории средних веков второго по значимости исторического факультета страны, О.Л. Вайнштейн должен был, говоря языком того времени, в «короткие сроки», фактически, создать коллектив и организовать работу кафедры. И он вполне успешно справился с этой задачей, проявив недюжинные организаторские способности. Ему удалось совместить новые тенденции в медиевистике с продолжением дореволюционной традиции как в личностном, так и в содержательном плане. К концу 1930-х гг. кафедра истории средних веков ЛГУ стала одним из ведущих центров советской медиевистики. Ее сотрудники и сам О.Л. Вайнштейн принимали участие в создании первого советского учебника по истории средних веков, публиковали научные работы, обеспечивали чтение на высоком профессиональном уровне лекционных курсов. Сам О.Л. Вайнштейн читал вторую часть общего курса истории средних веков, но основной его научной специализацией стала историография, точнее говоря, история медиевистики. Еще в Одессе в 1932 г. он опубликовал «Очерк историографии западноевропейского феодализма», а в 1940 г. защитил докторскую диссертацию «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней». Эта работа, наряду со знаменитой «Русской историографией» Н.Л. Рубенштейна, учившегося, кстати сказать, в том же Одесском университете, что и Вайнштейн, ознаменовала собой

вистики 1930–1950-х годов. СПб., 2008. См. также: К 70-летию О.Л. Вайнштейна // Средние века. Вып. 27. М., 1965; Дякин В.С. К 70-летию О.Л. Вайнштейна // Новая и новейшая история. 1965. № 1.

начало нового рубежа в советской традиции изучения истории исторической науки. Несмотря на то, что обе названные работы в конце 1940-х гг. подверглись жесткой критике², О.Л. Вайнштейн не оставил занятия историей медиевистики. В 1968 г. вышла в свет его монография «История советской медиевистики. 1917–1967», закрепив на долгие годы, наряду с «Очерками истории исторической науки», определенную каноническую версию истории советской медиевистики. При противоречивых оценках в современной историографии³, эта работа до сих пор остается единственной общей работой по истории отечественной медиевистики, а во многих отношениях и единственным справочно-библиографическим пособием.

Именно эта книга, представленная в ней концепция и различные связанные с ней сюжеты и стали одной из двух основных тем переписки О.Л. Вайнштейна с советскими медиевистами. Среди его корреспондентов московские медиевисты Евгения Владимировна Гутнова⁴, читавшая курс историографии средних веков в Московском университете и издавшая в 1974 г. работу «Историография истории средних веков», крупнейший советский специалист по истории крестовых походов Михаил Абрамович Забо-

² О критике этих работ (в первую очередь книги Н.Л. Рубенштейна) см.: *Шаханов А.Н.* Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубенштейна // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 186–205; *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2006; *Мандик М.В.* Николай Леонидович Рубенштейн: очерк жизни и творчества // Рубенштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011. С. 323–371.

³ *Рыжковский В.* Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/ty4.html> (дата обращения: 04.07.2013).

⁴ Гутнова Евгения Владимировна (1914–1992) – известный историк-медиевист, специалист в области средневековой английской истории, а также историографии средних веков. Основные работы: *Гутнова Е.В.* Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства в XIII в.). М., 1960; *Ее же.* Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974; *Ее же.* Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984.

ров⁵, опубликовавший, помимо всего прочего, и работы по историографии крестовых походов, и исследователь английского средневекового города Яков Александрович Левицкий⁶. Еще одним корреспондентом О.Л. Вайнштейна, чьи письма мы публикуем в нашей подборке, был Михаил Яковлевич Сюзюмов⁷, известный византист, заведующий кафедрой всеобщей истории Свердловского университета и основатель самобытной школы византиноведения. Все эти ученые, с одной стороны, так или иначе занимались изучением истории медиевистики, а с другой – были современниками и в той или иной степени участниками процессов, протекавших в советской исторической науке в 1920–1930-е гг. (конечно, в меньшей степени это относится к М.А. Заборову). Именно этот период, период становления советской медиевистики и вызывал, как видно из публикуемых писем, наибольший интерес и даже определенную полемику. Для корреспондентов О.Л. Вайнштейна, как и для него самого, 1920–1930-е гг. были периодом становления научных взглядов, и каждый из них имел свое видение этих процессов, естественно предпринимая попытки рефлексии в рамках того дискурса, который сложился в советской историографии в данный период. Далеко не все они были согласны с моделью, предложенной О.Л. Вайнштейном. Особенно справедливо это замеча-

⁵ Заборов Михаил Абрамович (1920–1987) – известный советский историк, медиевист, крупнейший советский специалист по истории крестовых походов, популяризатор исторических знаний, доктор исторических наук, профессор. Основные работы: *Заборов М.А.* Крестовые походы М., 1956; *Его же.* Папство и крестовые походы М., 1960; *Его же.* Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI–XIII вв.). М., 1966; *Его же.* Историография крестовых походов (литература XV–XIX вв.). М., 1971.

⁶ Левицкий Яков Александрович (1906–1970) – историк, специалист по истории английского средневекового города, доктор исторических наук, профессор МГУ. Основные работы: *Левицкий Я.А.* Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М.; Л., 1960; *Его же.* Город и феодализм в Англии. М., 1987.

⁷ Сюзюмов Михаил Яковлевич (1893–1982) – доктор исторических наук, профессор, основатель уральской школы византистики, один из видных деятелей советской филателии в 1920–1930-е гг., основоположник тематического коллекционирования в филателии. Основные работы: *Сюзюмов М.Я.* Византийская книга Эпарха. М., 1962; *Его же.* Историческая роль Византии и её место во всемирной истории (в порядке дискуссии) // *Византийский временник.* М., 1968. Т. 29; *Его же.* Хронология всеобщая. Свердловск, 1971; *Его же.* Византийские этюды. Екатеринбург, 2002; *История Византии / под ред. С.Д. Сказкина.* Т. 1–3. М., 1967.

ние будет по отношению к М.Я. Сюзюмову, за краткими критическими высказываниями которого в письме к О.Л. Вайнштейну явно присутствует своя, альтернативная «каноническая» концепция истории советской медиевистики 1920–1930-х гг.

Другой темой, присутствующей в публикуемой переписке, опять-таки в первую очередь в письме М.Я. Сюзюмова, является проблема генезиса феодализма в странах Западной Европы. Как известно, с середины 1960-х гг. эта проблема стала одной из основных в теоретических дискуссиях, в которых принимали участие А.Д. Люблинская, З.В. Удальцова, Е.В. Гутнова и др.⁸ В какой-то степени это тоже была проблема, о которой в силу известных причин «не доспорили» в 1920-е. В ходе этих дискуссий постепенно выкристаллизовалась теоретическая модель, основанная на выделении нескольких регионов, характеризующихся спецификой синтеза романских и германских (шире – варварских) элементов социально-экономического и политического строя в ходе генезиса феодализма. Особую позицию в этой полемике занимал М.Я. Сюзюмов, выступавший сторонником радикального понимания континуитета. И хотя эта позиция фактически была блокирована и даже маргинализована в рамках коммуникативного поля советской медиевистики⁹, М.Я. Сюзюмов, продолжая отчаянно за нее бороться, высказывал ее при каждом удобном случае. Это он и делает в письме к О.Л. Вайнштейну.

Хочется надеяться, что публикуемые материалы помогут пролить свет на недостаточно изученные моменты истории советской медиевистики. По крайней мере, они позволяют взглянуть на советскую медиевистику не как на гомогенное монолит-

⁸ Как определённый итог данных дискуссий стоит рассматривать научную сессию «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» (30 мая – 3 июня 1966 г., Москва), в которой приняли участие многие ведущие медиевисты страны. Доклады и прения были опубликованы в сборнике «Средние века». См.: Научная сессия «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» // Средние века. 1968. № 31. С. 5–154. См. также: *Удальцова З.В., Гутнова Е.В.* Генезис феодализма в странах Европы: доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970; *Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; *Колесницкий Н.Ф.* Феодальное государство (VI–XV). М., 1967.

⁹ См.: *Рыжковский В.* Указ. соч.

ное сообщество, шагающее в ногу, а как на сложно организованное поле взаимодействия, взаимопомощи и борьбы живых людей и живых идей, какой она на самом деле и была.

Письма О.Л. Вайнштейну публикуются по рукописным и машинописным оригиналам, хранящимся в личном фонде Осипа Львовича Вайнштейна в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением случаев, имеющих особую смысловую нагрузку. Все авторские сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Письма М.Я. Сюзюмова

№ 1

Свердловск, 31 июля 1968 [г.]

Дорогой Осип Львович,

С большим удовольствием я прочитал Вашу новую книгу – «История советской медиевистики». Воображаю, какого колоссального труда, а иногда и такта стоило издание такого важного обобщающего исследования! Ведь это не перечень, а вполне субъективное ИССЛЕДОВАНИЕ. Я читаю курс «Историографии средних веков», причем одно полугодие – заканчиваю О. Контом¹⁰ и К. Марксом и Энгельсом, а второе полугодие – вторая половина XIX века и современная медиевистика – и Ваш новый труд очень поможет мне. Премного благодарен за Ваши теплые, хотя и критические, отзывы о моих выступлениях, особенно благодарен, что не забыли моих учеников!!!

Конечно, кое-что мне не по душе – в первую очередь о моей критике статьи Дьяконова¹¹ о димах¹² и факциях¹³. Считаю, что я

¹⁰ Конт Огюст (1798–1857) – французский философ, один из основоположников позитивизма. Основные работы: *Comte A. Traité élémentaire de géométrie analytique*. Paris, 1843; *Idem. Traité philosophique d'astronomie populaire*. Paris, 1845; *Idem. Catéchisme positiviste*. Paris, 1852; *Idem. Synthèse subjective*. Paris, 1856; *Idem. Discours sur l'esprit positif*. Paris, 1844; *Idem. Discours sur l'ensemble du positivisme*. Paris, 1848.

¹¹ Дьяконов Александр Петрович (1873–1943) – русский историк, византист, востоковед. Основные работы: *Дьяконов А.П. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды*. СПб., 1908; *Его же. Раннее средневековье в новом освещении* А. Допша. Пермь, 1927; *Его же. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1939. № 4. С. 83–90; Его же. Византийские димы и факции в V–*

полностью прав. Самая основная концепция Дьяконова противопоставлять димы (кварталы) и факции неприемлема с точки источников и фантастична – в Византии не было отличных димов от факций. Были только спортивные (а иногда переходящие в политические) партии – «факции», которые назывались «димами». И вряд ли кто сейчас может поддержать основное положение Дьяконова.

Я совсем не отрицательно реагирую на то, что на конференции никто не поддержал моего стремления показать континуитет. Шутливо говоря, я отношусь к тому поколению, которое воспитывалось на Ибсене¹⁴, который говорил: «Меньшинство всегда право!» и образы доктора Штокмара¹⁵ и Брандта¹⁶ когда-то воспламеняли меня... К тому же те выступления, которые были после моего доклада ещё больше меня убедили в моей правоте. Дело в том, что наши медиовисты ни в коем случае не хотят признать, что спор романистов и германистов продолжается и в марксистской историографии, и в наши дни он остается наиболее актуальным!

А также о филиации и континуитете.

Мои расхождения с Кажданом¹⁷ главным образом основаны на его игнорировании института суверенного государства, потому считаю: централизованную ренту нельзя смешивать с налогом. Генетически налог и рента совершенно противоположные экономические и социальные категории. Но подобно тому, как в биологии

VII вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 144–227; Тезисы к диссертации А.П. Дьяконова: Восстание рабов в Сицилии во 2-й пол. II в. до н. э. // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1971. С. 255–270.

¹² Димы (от греч. *demos* – народ) – формы организации населения византийских крупных городов V–VII вв.

¹³ Факция (лат. *factiones*) – термин, употреблявшийся в Римской империи для обозначения совокупности лиц, связанных с устройством конных состязаний.

¹⁴ Ибсен Генрих (1828–1906) – норвежский драматург, основатель европейской «новой драмы»; поэт и публицист.

¹⁵ Доктор Штокмар – герой комедии Г. Ибсена «Враг народа» (1882).

¹⁶ Священник Брандт – герой пьесы Г. Ибсена «Брандт» (1865).

¹⁷ Каждан Александр Петрович (Пейсахович) (1922–1997) – российский историк, византист, арменист, один из крупнейших специалистов XX в. по Византии и Великой Армении, редактор фундаментального «Оксфордского словаря Византии». Основные работы: *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952; *Его же.* Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960; *Его же.* От Христа к Константину. М., 1965; *Его же.* Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968; *Его же.* Книга и писатель в Византии. М., 1973; *Его же.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

в определенных условиях наблюдается симуляция органов (разные органы выполняют одинаковую роль), так же происходит и в обществе. Смешение собственности с суверенитетом я считаю недопустимой ошибкой многих экономистов.

Относительно Сиротенко¹⁸ – считаю, что он вовсе не игнорировал данные источников. Конечно, в среде римлян IV–V веков были и изменники, ведь говорят, что где 12 человек – всегда найдется один Иуда-предатель! Таких предателей было много и в римском обществе – и конечно, всякий предатель ищет для себя какое-либо идеологическое оправдание!

А фактов сопротивления варварам в источниках гораздо больше, чем фактов о пресловутом «союзе» варваров с римлянами. В источниках есть ли факты, как осуществляли этот мифический «союз» сами варвары? Кроме геноцида ничего массам не приносили. И Сальвиан¹⁹ сам себе противоречит, говоря, что у варваров лучше – и в то же время рисуя картины Галлии, полной трупов и разрушений! Нужно, наконец, историкам отказаться от любовного – снисходительного отношения к преступлениям их, показать варваров с основного их момента – «война как промысел»! Никаких новых институтов варвары не принесли – то, что они принесли это архи-архи старые институты догомеровского и гомеровского общества, и только филиация континуитета дала возможность превратить то прямолинейно-деструктивное, которое было потом превращено в прогрессивное. Все НОВОЕ социальное и политическое, идеологическое – все было у РИМЛЯН. Такая нелепость, что будто варвары разрушили рабовладельческие отношения – вся экономика, строй варваров имел тенденцию к рабству и только то, что в самом Риме рабство было давно дискредитировано как нерентабельное, прервал естественную тенденцию варваров к развитию рабовладельческому обществу. Континуитет Рима изумителен (особенно через христианство).

¹⁸ Сиротенко Василий Трофимович (1915–2006) – русский историк, антиковед, специалист по истории поздней античности. Основные работы: *Сиротенко В.Т.* Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. Ч. I. Источники. Пермь, 1973; *Его же.* История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. Пермь, 1975; *Его же.* Народные движения в поздней Римской империи и образование варварских королевств. Днепрпетровск, 1988; *Его же.* Народные движения в Северной Африке и королевство вандалов и аланов: учебное пособие. Днепрпетровск, 1990.

¹⁹ Сальвиан (V в.) — христианский проповедник и писатель.

Я показываю студентам: До сего дня (хотя русские никогда не были под властью Рима) но мы строжайшим образом выполняем постановления римского сената о том, что месяц август должен иметь тридцать один день! И т. д., и т. д... Если идеей Рима – республики был откровенный грабеж провинций, то утопией – единое человечество и всеобщий мир рах Romana! Ну, кажется я что-то заболтался... В общем я очень и ОЧЕНЬ Вам признателен за Вашу книгу, которая так много поможет студентам и разбираться и проявлять самостоятельную мысль.

Посылаю Вам юбилейный сборник – безобразный в техническом оформлении и неладно скроенный.

С сердечным приветом,
Всегда Ваш [подпись]

Мой новый адрес: Свердловск 81, Луначарского, [д.] 17, кв. 24, М.Я. Сюзюмову, или Свердловск, Ленина, [д.] 51, Госуниверситет, проф[ессору] Сюзюмову.

Архив СПБНИИ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–2.

№ 2

Свердловск, 22 декабря 1968 [г.]

Дорогой Осип Львович,

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым 1969/7477 годом. Желаю Вам доброго здоровья, могучей энергии, светлого счастья и блестящих успехов!

Только что закончил курс историографии средних веков для студентов и провел экзамен, – очень и очень благодарен Вам за новую книгу об истории советской медиевистики. Мои студенты в один миг раскупили все экземпляры, бывшие в киоске. Этот великолепный труд так много дает студентам. Конечно, труд субъективный – Ваши личные оценки – но таким эмоциональным и должен быть историографический труд!!! Разумеется, труд Ваш дал такой стимул для развития самостоятельной мысли. Разумеется, я кое в чем и не согласен был с Вами – в первую очередь в Вашей трактовке и оценке 20-х годов. Я дал историографию медиевистики 1917–1934 гг. как борьбу двух немарксистских направлений – пролеткультура и традиционализма с постепенной (особенно через Институт Красной Профессуры) победой марксизма-ленинизма (против махистских тенденций, против игнорирования Ленина как историка, против

культы Покровского²⁰, Марра²¹, Бухаринской Азбуки Коммунизма²², Богдановской экономической теории и говорильни псевдосоциологической) и, конечно, против допшианства²³ старой школы. Но я дал высокую оценку таких журналов, как *Анналы*²⁴. Те авторы не могли научиться у Покровского, Троцкого и Бухарина и Богданова марксизму, а тогда – кто против них – тот не марксист!!! Я помню это время.

Но все-таки мою самую глубокую благодарность за составление блестящей книги!!!! Мой курс стал благодаря Вашей книге таким интересным для студентов... и так живо прошли экзамены...

Всего наилучшего! Жаль, что мне не удается прибыть в Ленинград в январе – думаю, сумею быть в Москве с 6 января.

Привет всем коллегам!

Ваш [подпись].

Архив СПБНИИ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 116. Л. 3.

²⁰ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – видный русский историк-марксист, советский политический деятель. Лидер советских историков в 1920-е гг., «глава марксистской исторической школы в СССР». Основные работы: *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен до смутного времени. М., 1896–1899; *Его же.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920–1923. Ч. 1–3; *Его же.* Очерк истории русской культуры. М., 1915–1918. Ч. 1–2; *Его же.* Октябрьская революция: сб. статей. М., 1929; *Его же.* Избранные произведения. М., 1965–1967. Т. 1–4.

²¹ Марр Николай Яковлевич (1864 (1865) – 1934) – российский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР. После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке», или «яфетической теории». Основные работы: *Марр Н.Я.* Избранные работы. М.; Л., 1933–1937. Т. 1–5; *Его же.* Яфетидология. М., 2002.

²² «Азбука коммунизма» – книга, написанная Н.И. Бухариным и опубликованная в 1919 г., представлявшая собой написанный простым языком комментарий к программе РКП(б) 1919 г. В 1920-х гг. использовалась в качестве учебного пособия в партийных школах.

²³ Допш Альфонс (1868–1953) – австрийский историк, занимавшийся главным образом аграрной историей западноевропейского средневековья, профессор Венского университета в 1900–1937 гг. Основные работы: *Dopsch A.* Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit vornehmlich in Deutschland. Bd 1–2. 3 Aufl. Weimar, 1962; *Idem.* Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung aus der Zeit von Cäsar bis auf Karl den Großen. 2 Aufl. Bd 1–2. Wien, 1923–24; *Idem.* Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930, *Idem.* Herrschaft und Bauer in der deutschen Kaiserzeit. Jena, 1939.

²⁴ «Анналы» – печатный орган Российской академии наук, издававшийся в Санкт-Петербурге, под редакцией Е.В. Тарле и Ф.И. Успенского, с 1922 г. Последний, четвертый том вышел в 1924 г.

Письмо Е.В. Гутновой

5 окт[ября] 1974 [г.]

Глубокоуважаемый Осип Львович!

Спасибо за Ваше милое, доброжелательное письмо и первые замечания на мою книгу. Вы правы, что отечественная медиевистика дана в ней, пожалуй, наиболее обстоятельно. Но мне кажется, что главный её смысл, или, во всяком случае, весьма важный её аспект, в сравнительно-историческом рассмотрении развития медиевистики этого периода в четырёх ведущих в области развития исторической науки странах. Но м[ожет] б[ыть] это мое мнение субъективно.

Что касается пробелов в отношении не названных мною историков, то их, наверное, можно <нрзб.> и в других разделах. Но беда в том, что я, с одной стороны, была лимитирована листами, с другой стороны, старалась дать относительно развернутые характеристики тех ученых, которые были отобраны. Конечно, об отборе всегда можно спорить, но коль скоро его приходилось делать, те или иные пробелы оказались неизбежны. Тем не менее, принимаю эти замечания с благодарностью, хотя использовать их смогу, очевидно, только в следующем издании, если оно будет, на что как всегда мало надежды.

Что касается Карсавина²⁵, то я его, по-моему, довольно решительно покритиковала, но м[ожет] б[ыть] действительно следовало бы больше подчеркнуть вредность его непосредственного влияния на историографию по ист[ории] культуры.

Ещё раз спасибо.

С искренним уважением и добрыми пожеланиями,

[подпись]

Архив СПБИН РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 106. Л. 2.

²⁵ Карсавин Лев Платонович (1882–1952) – русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт. Основные работы: *Карсавин Л.П. Монашество в средние века.* СПб., 1912; *Его же. Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков.* СПб., 1912; *Его же. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии.* Пг., 1915; *Его же. Католичество.* Пг., 1918; *Его же. Культура средних веков.* Пг., 1918; *Его же. Введение в историю (Теория истории).* Пг., 1920; *Его же. Философия истории.* Берлин, 1923.

Письма Я.А. Левицкого

№ 1

Москва, 17-XII-[19]64 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Осип Львович!

Очень благодарен Вам за присылку Вашей новой монографии и поздравляю с выходом её в свет. С большим интересом начал её читать. Это большой и, как и другие Ваши работы, хорошо фундированный труд, ценная и весьма полезная работа. Как и в 1940 г. («История средн[их] веков»²⁶) и даже ещё в 1932 [г.] («Очерк историограф[ии] зап[адно]-европ[ейского] феодализма»²⁷) Вы выступаете на новых, не хоженных тропах, прокладывая новые пути в историографии. Это несомненная и большая Ваша заслуга. Надеюсь, Вы получили своевременно поздравительные телеграммы к Вашему 70-летию от сектора истор[ии] средних веков и от меня лично.

Ещё раз поздравляю.

Ваш Я. Левицкий.

Архив СПБИН РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.

№ 2

Москва, 27-VII-1968 г.

Дорогой Осип Львович!

Благодарю за присылку Вашей новой монографии. Это очень ценный и в высокой степени полезный труд. С большим интересом читаю его и мысленно как бы прохожу все этапы пути, проделанного нашей медиевистикой за полвека. Советские медиевисты могут почерпнуть здесь много важного не только в историческом плане, но и для текущей исследовательской работы. Нельзя не быть признательным Вам, взявшему на себя такой большой и сложный труд и столь успешно с ним справившемуся.

С приветом и глубоким уважением,

Ваш Я. Левицкий.

Архив СПБИН РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

²⁶ *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней: учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М.; Л., 1940.

²⁷ *Вайнштейн О.Л.* Очерк историографии западноевропейского феодализма // Феодализм в Западной Европе / под ред. О.Л. Вайнштейна, А.Е. Косминского. М., 1932. С. 137–162.

Письмо М.А. Заборова

[б.д.]

Дорогой Осип Львович!

Очень меня тронула Ваша открыточка и добрые пожелания, в ней содержащиеся. Я уж думал, Вы меня вовсе забыли. Я тоже Вас поздравляю с Днем Победы и от души желаю Вам ещё многих Побед. Слышал, что Вы книгу написали. Думаю, все медиевисты будут рады увидеть ее – там ведь их работа оценивается за 50 лет. Желаю её скорейшего выхода в свет, а Вам – доброго здоровья. За поздравления с защитой и книгой – большое спасибо. Но я никогда не забываю, сколь многим в этом обязан именно Вам, Вашей доброжелательной и вместе с тем очень серьезной и дельной критике одной из центральных глав этой книги. Это ведь – «Введение»²⁸. А у меня задумана и наполовину готова вторая часть – историография крестовых походов с XV в. и – хотелось бы – до наших дней²⁹. Надеюсь, ленинградцы не откажутся обсудить какой-нибудь существенный фрагмент и этой работы (через год, может быть...).

Осип Львович! Я редактирую сб[орник] [№] 30 «Ср[едних] веков». С интересом прочитал Вашу статью: обзор о XII Конгрессе. Написано очень хорошо, и я внес лишь мелкие стилистические исправления, да и их – немного. Однако: а) пришлось изменить все начало, т. к. под одним заголовком идут два обзора (Ваш и Ал[ександ]ры Д[митриевны]³⁰), и получались бы повторения (насчет секций Конгресса и пр.)³¹; б) Очень прошу сообщить уточненные вы-

²⁸ Речь идет о книге М.А. Заборова, изданной в 1966 г. См.: *Заборов М.А. Введение в историографию крестовых походов* (Латинская хронография XI–XIII вв.). М., 1966.

²⁹ Имеется в виду монография М.А. Заборова, изданная в 1971 г., написанная на основе докторской диссертации, защищенной им в 1967 г. См.: *Заборов М.А. Историография крестовых походов* (Литература XV–XIX вв.). М., 1971.

³⁰ Люблинская Александра Дмитриевна (1902–1980) – историк западноевропейского Средневековья и раннего нового времени, архивист, палеограф. Основные работы: *Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков*. Л., 1955; *Ее же. Франция в начале XVII в. (1610–1620 гг.)*. Л., 1959; *Ее же. Французский абсолютизм в первой трети XVII в.* М.; Л., 1965; *Ее же. Латинская палеография*. М., 1969; *Ее же. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв.* Л., 1978; *Ее же. Франция при Ришельё. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг.* Л., 1982.

³¹ Речь идёт о двойной статье, опубликованной в № 30 сборника «Средние века». См.: *Люблинская А.Д., Вайнштейн О.Л. Проблемы медиэвистики на XII Международном конгрессе историков в Вене // Средние века. 1967. № 30. С. 261–277.*

ходные данные о книгах Планитца³², Шлезингера³³ и Мольса³⁴ (у Вас не приведены сведения о месте их издания, а только годы). В остальном в статье – все в порядке.

Еще раз благодарю Вас, дорогой Осип Львович, за память, поздравляю с праздником, желаю всего-всего наилучшего
Ваш, Мих[аил] Абр[амович].

Архив СПБИИ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–2.

³² Планиц Ганс (1882–1954) – немецкий юрист и историк, исследователь средневекового немецкого города. Профессор университетов Лейпцига (с 1912), Базеля (с 1913), Франкфурта (с 1914), Кёльна (с 1919), Вены (с 1941). Основные работы: *Planitz G. Die deutsche Stadt im Mittelalter von der Römerzeit bis zu den Zunftkämpfen*. Graz-Köln, 1954.

³³ Шлезингер Вальтер (1908–1984) – немецкий историк. Основные работы: *Schlesinger W. Stadt und Burg im Lichte der Wortgeschichte // Studium generale*. Berlin, 1963; *Idem. Die Entstehung der Landesherrschaft*. Leipzig, 1941; *Idem. Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte*. Sigmaringen, 1975.

³⁴ Мольс Роджер – французский историк, автор трудов по демографической истории Западной Европы. Основные работы: *Mols R. La démographie historique des villes d'Europe du XIV au XVIII-e siècle*. 3 vol. 1954–1956.

**ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА**

**«Прожив столько, отбираешь то, что в какой-то
мере соответствует твоему настрою, твоим сего-
дняшним взглядам, твоим увлечениям...»**

(фрагменты беседы с Сигурдом Оттовичем Шмидтом¹
16 мая 2012 г.)

Материалы посвящены памяти выдающегося российского историка, педагога, организатора уникальной научной школы, выросшей из студенческого кружка источниковедения Историко-архивного института, создателя школы историко-культурного краеведения, организатора Союза краеведов России Сигурда Оттовича Шмидта. В интервью он размышляет о профессии историка и краеведа, о методологических и этических проблемах историознания, подводит итог многим своим научным начинаниям

Ключевые слова: краеведение, С.О. Шмидт, методология науки, этика науки, история, историография.

**Fragments of the conversation
with Sigurd Shmidt May 16, 2012**

Materials dedicated to the memory of the outstanding Russian historian, teacher, organizer of unique scientific schools, which grew out of student circle of source History and Archives Institute, creator

© В.Г. Рыженко, вступительная статья, примечания, расшифровка текста, публикация, 2014

¹ Шмидт Сигурд Оттович (15 апреля 1922 – 22 мая 2013), академик РАО, член редколлегий многих изданий, научных (ученых) советов вузов, архивов, библиотек, советов научных обществ. В 1989 г. С.О. Шмидт был удостоен звания Заслуженного деятеля науки РСФСР, в 1992 г. он стал академиком Российской академии образования. В 2003 г. удостоен Макариевской премии «за выдающийся вклад в развитие отечественной исторической науки», в 2006 г. Санкт-Петербургской премии имени академика Д.С. Лихачева «за выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия России». С 2007 г. – «заслуженный профессор РГГУ», с того же времени – заведующий впервые организованной кафедрой москвоведения РГГУ. В 2007 г. «за большой вклад в изучение и пропаганду исторического и культурного наследия Москвы, многолетнюю педагогическую деятельность» награжден Знаком отличия «За заслуги перед Москвой». В 2009 г. награжден премией «Триумф» в номинации «Гуманитарные науки» «за значительный вклад в развитие отечественной и мировой науки».

of a school of historical and cultural study of local lore, the organizer of the Union Russian ethnographers Sigurd Shmidt. In an interview, he reflects on the profession of historian and local historian, on the methodological and ethical issues istorioznaniya sums up many of his scientific endeavors.

Keywords: local history, S.O. Schmidt, methodology of science, ethics of science, history, historiography.

По приглашению С.О. Шмидта беседа² проходила у него на квартире (Кривоарбатский переулок, 12, кв. 8), спустя месяц после празднования его 90-летия и на следующий день после его возвращения из подмосковного санатория Узкое.

Старинная мебель, повсюду книги: в шкафах, на полках, на подоконниках, в креслах, книги с многочисленными закладками... Они соседствуют с рукописями, гранками статей, газетами. Картины и фотографии на стенах, на них запечатлены родные и близкие ученого: знаменитый отец, Отто Юльевич Шмидт, полярник, ученый-энциклопедист; мать Маргарита Голосовкер – видный музейный деятель, экспозиционер, автор выставок исторической тематики, создатель Сектора художественной иллюстрации в Институте мировой литературы Академии наук; дядя Яков Голосовкер (философ, писатель, переводчик), член семьи Франциска Александровна Тетерская («няня Тата»), с которой Сигурд Оттович общался на протяжении 67 лет.

На письменном столе оригинальная настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром, с подставкой, выполненной в виде стопки из трех книжных томиков, пишущая машинка «Эрика» в рабочем состоянии.

Во всем интерьере квартиры ощущается уникальная атмосфера «мира историка» – пространства повседневной жизни и творчества Сигурда Оттовича Шмидта – выдающегося российского историка, педагога, организатора уникальной научной школы, выросшей из студенческого кружка источниковедения Историко-архивного института, создателя школы историко-культурного краеведения, организатора Союза краеведов России (с 1990 г.), активно вдохновителя его деятельности на протяжении почти 20 лет и почетного председателя СКР с 2007 г.

² Беседу записали Валентина и Александр Рыженко.

При расшифровке текста была сохранена стилистика свободного разговора, передающую доверительную атмосферу беседы и присущую С.О. Шмидту манеру построения фраз. Для данной публикации выбраны три фрагмента, в подзаголовках которых в кавычках использованы выражения, принадлежащие Сигурду Оттовичу, взятые из содержания беседы. Необходимые уточнения даны в подстрочнике и в скобках внутри текста.

Фрагмент первый
**«Сколько же можно заниматься постановкой вопроса»:
*о сделанном и планах***

С.Ш.: Когда достигаешь определенного возраста, то понимаешь, что по некоторым темам надо делать какие-то конечные выводы. Сколько же можно заниматься постановкой вопроса, тем более, когда ты понимаешь, что сам вопрос этот уже не сможешь изучать...

Я написал большую статью «Академия Наук и развитие краеведения», она должна выйти в «Исторических записках»³. По существу-то это повтор того, что уже было сформулировано на рубеже 80-х – 90-х годов, но с новыми данными и с более таким обоснованием, особенно эти 20-е годы, почему это произошло и как это было, с чего все начиналось, как забыли и почему забыли, почему это первая жертва... Затем были другие... и почему это не изучали... Статья большая, листов 4,5... В «Исторических записках» теперь вместо [Б.В.] Ананьича [Е.И.] Пивовар... Получается такая триада: я в свое время дал туда статью о [А.Т.] Фоменко⁴, потом она вышла отдельной книгой, затем статья об историографии историографии⁵, она будет еще в продолжении этой кни-

³ Шмидт С.О. Российская Академия наук и развитие краеведения // Исторические записки. Вып. 14 (132) / Отд-ние ист.-филол. наук РАН; сост. и отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2012. С. 5–87.

⁴ Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного сознания // Исторические записки. Вып. 6 (124) / Отд-ние ист.-филол. наук РАН; отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2003.

⁵ Шмидт С.О. Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. Вып. 8 (126) / Отд-ние ист.-филол. наук РАН; отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2005.

ги (речь идет о втором сборнике статей, который должен был последовать за сборником С.О. Шмидта «После 75»⁶. – В.Р.). Потом вот эта статья, так что триада состоялась.

Краеведение как таковое на данном этапе меня меньше волнует, хотя с переменами в Институте истории РАН там совершенно сменилось руководство, пришел настоящий ученый и человек приятный. Заместитель директора мой прямой дипломник и аспирант, Сережа Журавлев, для меня он – Сережа... Они всячески приманивали меня туда, я сказал – нет, я не вернусь, но они решили там создать Центр краеведения. В день моего юбилея были разговоры, и директор зачитал приказ, что будет такой Центр.

Для нас, по-видимому, две задачи ясны. Я хочу попытаться начать писать академическую историю краеведения в двух частях: дореволюционную и советскую. Я думаю, конечно, для исторической науки 1917 год, как бы ни оценивать сами события, это рубеж. Ее задачи поменялись, положение поменялось, руководство ею поменялось и многое другое.

И поскольку идея издавать новую многотомную отечественную историю была высказана новым директором, а он настоящий ученый, специалист по экономике, как мы выражались недавно, эпохи империализма, и предполагается рассматривать историю России в контексте мировой истории, и я предложил, чтобы в будущей истории непременно были не только части, посвященные национальным республикам, которые имели разные традиции, но и регионам. Потому что, скажем, Зауралье, не знавшее крепостного права и вообще возникшее как часть России на 500 лет позже, конечно, отличается от ЦЧО, от Поморья, а и Поморье и ЦЧО отличаются от южных казачьих районов. Так что тут было много разного. Посмотрим, как у нас все это будет, все только начинается.

В общем, я пытаюсь сводить и другие дела. А это любопытная книга (снова о сборнике «После 75». – В.Р.), будет же еще вторая часть... Я ее еще не сдал... Там будет много всякого разного...

В.Р.: То есть «Историография историографии» будет во второй части? Здесь тоже много интересного и полезного, что-то я уже знала раньше, но вот так компактно...

⁶ Шмидт С.О. После 75. Работы 1997–2001 годов. М., 2012. 734 с.

С.Ш.: Ну да. Тут, конечно, многого нет, но [Н.Л.] Рубинштейн, по-моему, попал. [Н.Л.] Рубинштейн – это серьезная статья⁷. Интересная статья о [А.П.] Каждане⁸, она в сборнике памяти [А.П.] Каждана⁹, и будет во второй части. Но как у нас всё издают? Это всё медленно. Там я по существу говорю о нашем поколении и о наших 40-х годах. Потому что с Саней мы были связаны тесно именно в студенческо-аспирантские годы, потом как-то в разных местах были, а потом он очень рано уехал. И когда он вернулся, он вернулся сразу очень знаменитым, был Византийский конгресс, на него смотрели как на мэтра и устроили презентацию его византологического (оксфордского. – *В.Р.*) словаря. И мы собрались в столовой. <...> Были люди очень близкие ему, наверное, с довоенных лет, сокурсники. Приятно было. Он собирался свое 75-летие отметить здесь, уже и билеты были. И вообще он говорил: «Я человек пожилой, но, с другой стороны, необычайно счастлив». Вместе с внуком купался, вышел из бассейна и все... Счастье такое, ничем не болел, ничего не было, и вот он оказался мертвый и еще полный мыслей ехать в Москву. <...> Сейчас о здоровье много говорят, но как-то хочется обобщить прежнее, и это тоже отнимает время... То, вы делаете, меня тоже очень интересует, и эта книга вам будет полезна.

[М.М.] Богословского¹⁰ Вы имеете?

В.Р.: Имею, Вы же передавали «Дневники» с Вашим автографом...

С.Ш.: Правда, очень хорошая книга? У нас сейчас еще одна хорошая книга, о Платонове¹¹. Это была конференция 2010 г.

⁷ Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Шмидт С.О. После 75... С. 496–538.

⁸ Каждан Александр Петрович (1922–1997) – историк, византист, арменист, один из крупнейших специалистов XX в. по Византии и Великой Армении, редактор фундаментального «Оксфордского словаря Византии».

⁹ Шмидт С.О. Самый талантливый с нашего курса // Мир Александра Каждана: к 80-летию со дня рождения / отв. ред. А.А. Чекалова. СПб., 2003. С. 10–51.

¹⁰ Богословский М.М. Дневники (1913–1919): из собрания Государственного Исторического музея / отв. ред. С.О. Шмидт; вступ. ст. С.О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. М., 2011. 800 с.

¹¹ Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. 502 с.

В 2010-м я выпустил книжечку маленькую в ста экземплярах. Она будет перепечатана вот в этом издании, которое сейчас выходит, но у меня еще нет экземпляров¹². <...> Они (издательство «Языки славянских культур». – *В.Р.*) издали мне книгу о [М.Н.] Тихомирове¹³, такую же, как о Лихачеве¹⁴. Мне захотелось, когда Дмитрию Сергеевичу исполнилось 100 лет, я объединил часть мною написанного, и они это издали с иллюстрациями. <...> К его столетию мы издали нечто, что по существу не вышло, но сейчас выйдет снова – «Письма о добром» в серии «Литературные памятники» и напечатали это издание...<...>

Между прочим, мне дали паспорт после моего 90-летия. Особый, и знаете почему? Смотрите. [Показывает «Паспорт», выданный Муниципалитетом внутригородского муниципального образования Арбат в городе Москве, что подтверждают подписи руководителей и печати. В паспорте зафиксировано, что Сигурд Оттович Шмидт 21 апреля 2012 г. принял личное участие в посадке дерева на территории ВМО Арбат по адресу: Арбатская площадь, д. 14. – *В.Р.*]

А.Р.: О посадке дерева. То есть, Вы посадили какое-то свое дерево?

С.Ш. [смеется]: Когда я говорю, что мне дали паспорт, то те, кто доживает до моих лет, думают, что специально дают паспорт...

В.Р.: Такой паспорт, наверное, еще ни один историк не получал?

С.Ш.: Не знаю, но мне говорит Андрей (ученик С.О. Шмидта, его аспирант и помощник последние годы. – *В.Р.*), я не видел, там не проезжал, оно [дерево] больше других. <...> Знаете, это на Арбатской площади, возле старого метро. Андрюша говорит, что оно там выделяется. Там десять или около этого деревьев, сажали со мной в один день, там еще Герой Советского Союза был один,

¹² *Шмидт С.О.* Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Двадцатое столетие. Кн. 2. М., 2012. 496 с.

¹³ *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции.: сб. ст. М., 2012. 464 с.

¹⁴ *Шмидт С.О.* Наш великий современник: Статьи об академике Д.С. Лихачеве, 1976–2006. СПб., 2007.

моложе меня, но он Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, так что ему восемьдесят пять, не меньше должно быть...

А у меня же есть общественная глыба всяких дел, я же почетный гражданин Арбата № 1, поэтому, когда ввели эти звания, значит, поэтому я соответственно еще и это дерево сажать. <...>

Последняя попытка писать не совсем новую для меня тему была года полтора назад. Я написал большую книгу о моем отце, по существу отдельную книгу. Они, учитывая мою дружбу с типографией, мне сделали подарок и переплели отдельной книгой. Это по существу книга в книге¹⁵, 14 листов печатных. Она называется «Соображения и воспоминания сына-историка». Я думал написать ну листа два, потому что там было мое выступление 91-го года¹⁶, это автоматически, мы все сыновья выступали. Стенограмма, просто, может быть, литературно доработана, ее перепечатали. А потом, когда я сел, я понял, что пришло время написать, я написал большую работу, конечно, не о теории космогонической, тут я ничего не понимаю, не знаю, я только писал, как я воспринимал его и считал, что это самый героический период его жизни. Ведь он же больной продолжал работать и никаких софитов славы в это время не было... он мог этого не делать. И больше всего о его государственно-общественной деятельности, взглядах, отношениях с людьми. Там есть главка «Шмидт и Ленин», «Шмидт и Сталин», «Шмидт и всякое». Одну главку они не решились напечатать – «Шмидт и женщины», а без этого вообще Шмидта нельзя воспринимать, и вообще это неверно, когда речь идет об ученых и государственных деятелях, они все у нас живут только своими должностями или писаниями. Писатели и артисты как-то могут влюбляться, менять жен... А так вот – написал такую-то работу, встретился с тем-то. Между тем это очень интересно, и у папы это совершенно возрожденчески получалось. И все-таки чисто формально трое сыновей, у всех разные мамы, это тоже не всегда

¹⁵ Шмидт С.О. Этюды об Отто Юльевиче Шмидте. Соображения и воспоминания сына-историка // Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей / под ред. академика А.О. Глико. М., 2011. С. 361–550.

¹⁶ См.: Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей... С. 347–350.

бывает, и все носят его фамилию, и все имеют его отчество. Это тоже характеризует человека. Сейчас еще очень хороший альбом вышел. <...> А книга эта очень любопытная и с ней стоит познакомиться. <...>

И вообще, прожив столько, отбираешь то, что в какой-то мере, я бы не сказал, интересно, но в какой-то мере соответствует твоему сегодняшнему настрою, твоим сегодняшним взглядам, твоим сегодняшним увлечениям. <...>

Фрагмент второй
**«Раньше не было такого отрыва
между негуманитариями и гуманитариями»:
об образе и коммуникативном поле
современной исторической науки**

В.Р.: Тот проект, по которому мы уже выпустили книжку по трансформации образа исторической науки¹⁷, у нас это продолжалось в прошлом году, даже три года в рамках министерского гранта¹⁸, но это уже образ современной исторической науки. И мы брали аспект, связанный с коммуникативным полем; подготовили рукопись, проводили анкетирование. Мы назвали это «случайная выборка». Мы брали условную площадку – конференции, во время которых мы распространяли анкету. У нас было несколько таких участков. На анкету отвечали многие, и очень интересные результаты¹⁹. Я выбрала некоторые вопросы из этой анкеты, но хотелось бы услышать Ваши размышления по ним, а не вариант ответа по типу «а», «б», «в».

¹⁷ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун; авт. коллектив: В.П. Корзун, Н.А. Кныш, Д.М. Колеватов, М.А. Мамонтова, В.Г. Рыженко, А.В. Свешников. М., 2011. 471 с.

¹⁸ Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

¹⁹ Частично они представлены в статье: Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 37. М., 2011. С. 24–44.

Можно, Сигурд Оттович?

Первый вопрос о корпоративной культуре, который мы будем обсуждать и на конференции²⁰, и он больной для нашего общества: «Считаете ли Вы, что современные профессиональные сообщества гуманитариев (историков, культурологов, философов и т. д.) являются закрытыми корпоративными объединениями?»

С.Ш.: Нет, я думаю, что, наоборот, это утрата по сравнению с дореволюционными. Дореволюционные, не могу сказать, что считались закрытыми, но они были, безусловно, корпоративными. Но понятие профессорской чести, понятие поведения не только профессора, но и членов его семьи, как бы это ни оценивать, оно было достаточно ясным для всех, принадлежавших к этой категории. И те, кто вступали в состав профессуры, или приват-доцентуры, стремившиеся стать профессорами, они должны были учиться, они всегда имели это в виду. В наше время это, к сожалению, утрачено. Почему я вижу, к сожалению? Потому что все-таки выделявшимся признаком культуры при всем обилии людей недаровитых и внутренне недостаточно коммуникабельных оно [общество] все-таки отличалось стремлением овладеть определенным комплексом культурных навыков и, по крайней мере, показывать, что это овладение есть. Но это был довольно широкий круг, это был достаточно энциклопедический круг. Но это исчезает.

Но это вообще свойство времени. Это как раз Ортега (Х. Ортега-и-Гассет. – *В.Р.*) отметил, что ученые XIX века были гораздо более широки, а теперь стали узкими специалистами, узкие специалисты горды тем, что они являются действительно специалистами в какой-то сфере технологии своей науки, действительно уважаемы как консультанты, когда обращаются по этой тематике, и воображают, что могут судить о многом.

Раньше не было такого отрыва между негуманитариями и гуманитариями. И не было такого, может быть, недекларируемого, но ощущающегося самомнения, что ты стал чем-то, раз ты доктор технических или каких-то других наук, ты уже являешься интеллигентом. На самом деле признак того отношение, скажем,

²⁰ Имеется в виду Всероссийская научная конференция «Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ» (Москва, 17–18 мая 2012 г.).

к истории [А.Т.] Фоменко, когда очень многие негуманитарии – гуманитарии, естественно, достаточно образованы – принимают эту историю, уверенные, что так и есть. Они просто не имеют элементарного представления об истории, это не только то, что они могут не знать факты, это понятно, это не их профессия. Но ведь Фоменко, в отличие от других, не отрицает, и его последователи, существование памятников, которые они приписывают не людям древним, а людям более нового времени. Они не понимают, что в период Возрождения создать весь этот дополнительный массив было просто невозможно ни по техническим данным, ни по политической истории, ни по организации сношений, то есть у людей нет реальных представлений о повседневной жизни человека. А это раньше все-таки было свойственно, и люди исходили из этого. А у нас социологическая схема убивала конкретику, и наши учебники составлены совершенно безобразно и учат не столько истории, сколько обществоведению. Обществоведение – это важная часть, но не к этому сводится история. Обществоведение – это не только государственно-политическая история, это каждодневная жизнь. Люди не понимают даже перемены, происшедшие в XX веке.

В.Р.: Сигурд Оттович, правильно ли я Вас поняла, что Вы считаете утрату закрытости плюсом в том плане, что это утрата профессиональной корпоративной культуры прежней?

С.Ш.: Утраты, может быть, не профессиональной культуры, а утраты представления, что культура не может быть только профессиональной, что должны быть общие знания, которые делают человека культурным, который хочет воспринимать музыку, который хочет воспринимать искусство, который читает книги сам, а не только помнит название по бестселлеру или дайджесту кратенькое содержание. Это вы можете обратить внимание, что разговоры на эти темы, так сказать, культурные темы или скорее культурно-социологические темы, чаще всего ведутся только [для] очень юных, которые ищут, что вообще будет в жизни, как им жить. А когда бегает первый, второй, третий, то уже ясно, кому жить и для кого жить.

В.Р.: Я вернусь еще раз к этой теме закрытости / открытости. Потому что, когда мы составляли эту анкету, то у нас немножко другое было. Как закрытость мы рассматривали тот советский

вариант, который сложился, упрощенный, вот она узкая специализация, вот она профессиональная корпорация. А когда произошел всплеск плюрализма, методологического и прочего, и идеи междисциплинарности утвердились, вот тогда, как нам казалось, начинает открываться корпорация. И прежняя советская закрытость как бы шла в минус. Но вот сейчас, когда я Вас слушала, я подумала, что, может быть, речь идет именно о высокой степени корпоративной культуры прежнего сообщества, которая потом сузилась, стала вот этой маленькой ячеечкой, а потом стала заслоном, чтобы воспринимать эту идею.

С.Ш.: Тут еще два момента. Я не точно передал или неточно понял. Дело в том, что если мы берем нашу гуманитарную науку, то в гуманитарной науке по существу исчезло то, что было свойственно поколению моих учителей по возрасту. Гуманитарии мы – не гуманитарии... Отец мой был математик, но вообще он был образованный гуманитарий и с интересом занимался гуманитарными науками. У нас узкой специализацией занимаются все. Например, один 40 лет занимается монастырями, другой занимается 50 лет историей исторической науки определенных десятилетий, третий революцией пятого года в ее разных вариантах. Почти нет историков, Вы их почти не назовете, у которых имеются труды явно разнотемные и разнохронологические. Это редкость, это Вы можете перечислить по именам. Это в нашей профессиональной [корпорации], это то, что происходило.

А второе, конечно, это когда в течение 50–40 лет, то есть два поколения, два поколения приучали не высказываться, приучали, с одной стороны, понимать эзопов язык, в то же время очень напряженно контролировать себя и запрещать самим себе входить за рамки дозволенного. Когда это разрешили, то утрачены были и навыки такого размышления, а кроме того, за это время был утрачен вот этот широкий кругозор, без которого нельзя новое осмыслить. И поэтому вы можете все-таки увидеть, что очень резко, вот если взять это слово «шестидесятники», там выделяется ничтожная прослойка мыслящих людей и тусовка, которая хочет выглядеть современно. Ей можно рассуждать, но она меняет свои взгляды, у нее по существу и нет как следует взглядов и это необязательно люди того поколения. Потому что одним

из блестящих шестидесятников был [Б.] Окуджава, который старше других лет на десять. Он был просто по натуре такой и, кроме того, шестидесятники в моем представлении это вовсе не те, которым было по тридцать лет. Это те, которые поняли, что меняется. Я так и писал: Михаил Николаевич Тихомиров, которому в 1953 году ровно 60 лет, и у которого успели расстрелять младшего брата, он тоже был историк. Он [М.Н. Тихомиров] немедленно воспользовался 20-м съездом, организовав Археографическую комиссию, и занялся другим.

Люди поняли, что можно что-то такое организовывать. У них была унаследованная от первых лет революции та тенденция стариков, которые считали задачей своей сохранить культурные традиции. Не принимая социализма, но сохранив культурные традиции. Культура была для них основой всего, и это понимал [А.В.] Луначарский, он был замечательным наркомом в этом отношении. Этого не понимал [М.Н.] Покровский и не желал понимать, точнее. Этого совершенно не понимала [Н.К.] Крупская. А вот Луначарский и некоторые другие люди, мой отец в том числе... Вот сейчас, когда я работал над его биографией, я понял... он был умен, чтобы не декларировать публично, все время соединить... вот энциклопедия: соединяются знаменитые опытные старики и молодые образованные партийцы. То же самое он делает, когда руководит Академией наук, когда руководит Арктикой. Он приглашает всех колчаковских сподвижников на ведущие темы и к ним подбираются молодые. Это было его убеждение такое, при том, что он совершенно верил в будущее и был очень даже удовлетворен, что может сам первоначально что-то делать. Это при-суще сравнительно немногим, к сожалению, приспособление более важно в жизни.

В.Р.: Сигурд Оттович, второй вопрос, который мы задавали и в анкетах: «Испытываете ли Вы потребность в научном общении с коллегами, представляющими другие гуманитарные специальности?»

С.Ш.: Да, конечно, всегда испытывал. Но у меня у самого ограниченный интерес и, может быть, способности. Я не интересовался экономическими сюжетами и никогда ничего не писал [на эту тему]. А всегда интересовался общественным сознанием,

его выражением. Поэтому для меня это было больше с филологами, в какой-то мере с философами, частично с юристами, но, конечно, больше всего с языковедами, искусствоведами – мне это казалось естественным. Я был в этом воспитан и наблюдал в домашней обстановке как само собой разумеющееся.

В.Р.: Я помню, что Вы были на одной конференции у Лорины Петровны Репиной. Вы с докладом выступали²¹. Вы продолжаете поддерживать контакты с Центром интеллектуальной истории?

С.Ш.: Вы знаете, мало. Центр интеллектуальной истории в данном случае не проявляет инициативы. Я уже достиг определенного возраста и сам никуда не влезаю. В основном если откликаюсь, когда меня приглашают. Центр этого не делает. Хотя на моем юбилее, меня приятно удивило, очень хорошо выступал [А.О.] Чубарьян, по-человечески, он был один из тех, благодаря кому я получил премию «Триумф». Я единственный историк России, который получил эту премию, потому что [В.Л.] Янин археолог, а классический историк России один. Вот на фотографии после вручения рядом со мной Андрей, Костя Новохатский (ученик С.О. Шмидта К.Е. Новохатский. – *В.Р.*), он живет в Киеве, он был тогда зам. начальника архивного ведомства Украины, сейчас он в Академии наук и на пенсии, он приезжал специально ко мне на юбилей, мои племянники, детский врач и заслуженный врач-хирург, Федя и Верочка. Это было в 2010 г.

Это премия особая, сейчас она кончилась, простите, это премия Березовского. Это премия только для ученых. Их всего шесть в год, и одна по гуманитарным наукам. Это премия, о которой узнаешь только, когда ее вручают. Ее получил [С.Л.] Тихвинский, ее получил [Г.М.] Бонгард-Левин, ее получил [В.Н.] Кудрявцев (юрист), ее получил [А.П.] Деревянко, [В.Л.] Янин, ее получил [Т.И.] Ойзерман, [Я.Н.] Засурский, [И.А.] Антонова, я, и после меня, я знаю, получил [Е.М.] Примаков. Но когда я получал, главным конкурентом был Примаков, и я его переиграл в голосовании. Он получил премию через год.

²¹ Имеется в виду Всероссийская научная конференция «Историческое знание и интеллектуальная культура» (Москва, 4–6 декабря 2001 г.), на которой С.О. Шмидт выступил с докладом «Краеведение и формирование исторического знания и интеллектуальной культуры».

В.Р.: Вот мы постоянно выходим за рамки вопросов анкеты, но это, наверное, очень хорошо и интересно.

Следующий вопрос: «Как Вы оцениваете роль современных научных и научно-практических конференций в складывании эффективных коммуникаций между учеными и гуманитарными сообществами?»

С.Ш.: Неоднозначно. В принципе оцениваю очень положительно, потому что на научных конференциях, особенно сейчас, люди могут по-человечески общаться, а не общаться с помощью технических средств, которые сейчас преобладают. Люди должны видеть глаза друг друга. Но иногда конференции организуются, чтобы показать, что мы провели конференцию, или оправдать получение денег от РГНФ или кого-то другого. Но я сам всегда принимал участие в конференциях, всегда старался их организовывать побольше и всегда от всех конференций субъективно немало извлекал и для себя, и для тех молодых людей, которых привлекал, если не к участию докладами, но к присутствию. Думаю, что это одно из лучших дел. Я сам организую в год как минимум две конференции: «Тихомировские чтения» и пленарное заседание Комиссии (Археографической. – *В.Р.*). Это мы обязательно делаем. Всегда есть еще какая-то конференция с моим участием, краеведческие чтения каждый год. Так что, по-моему, это одно из добрых дел и сейчас оно стало гораздо более развитым. Потому что раньше надо было согласовывать с отделом науки ЦК, там к объединению гуманитариев относились с подозрительностью.

В.Р.: А на те конференции, где вы не участвуете лично, Вы присылаете приветствия?

С.Ш.: Я присылаю только на конференции по краеведению, потому что я все-таки патрон был формальный краеведения, пока был председателем Союза краеведов России. И там меня просили, сам я инициативу не проявляю, но понимаю, что, видимо, это нужно. Краеведение – это особая статья. Оно является, на мой взгляд, формой настоящей научно-общественной деятельности, очень важной для того места, где эта работа ведется, но не всегда признаваемой, иногда справедливо, имеющей более широкое значение. И обвинять в этом никого нельзя. Настоящее краеведение – всегда краелюбие, не всегда соответствует уровню знаний, под-

готовки, потому что желание знать, сохранить памятник, оно не всегда [подкреплено] уровнем подготовки, чтобы все описать, зафиксировать и действовать каким-то иным путем. Но это не вина людей. Они, тем не менее, занимаются делом и спасибо им.

В.Р.: Если вернуться к вопросу о конференциях: получается, что это живое общение, только разного уровня и разной глубины? Даже Краеведческие чтения, которые здесь в Москве проходят – это один вариант, в других местах, в Челябинске, своя версия, во Владимире третья. И то, что в Омске – Вам же много рассказывали и сборник передали – то, что мы рискнули в этот раз даже некоторых активных краеведов-любителей все-таки не включать, уйти от частных, посмотреть: а что это такое как социокультурный феномен, – развивая Вашу идею.

С.Ш.: Я очень рад, это особенно заметно и по краеведению, и по историографии, и по другим [направлениям]. Это меня очень радует, что такое происходит. Провинция сейчас в области гуманитарных наук не ниже столицы. Потому что сейчас стали выписывать книги, ездить за границу и пытаться действительно проверить новые данные, новую информацию применительно к тому, что хорошо знакомо на местах и конкретно может быть поддержано или, наоборот, опровергнуто широким кругом лиц, которые все-таки какие-то знания имеют. Это я очень ценю. Но Ваша книга, которую Вы мне прислали²², она, конечно, исключение. Положительное, и, я бы сказал, широкое, но именно исключение, подобного у нас не было в литературе.

В.Р.: Спасибо. Но в Вашем ответе я услышала, что к техническим новым формам проведения конференций Вы относитесь довольно скептически. У меня к этому был дополнительно вопрос по поводу интернет-конференций.

С.Ш.: Я не могу ответить, так как сам этим не овладел, что объясняется моим возрастом и моей очень заметной малой способностью к овладению всяческими технологиями. Мои ученики владеют. Для меня даже машинка... переставлять ленту было со-

²² Имеется в виду книга: *Рыженко В.Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект) / науч. ред. В.П. Корзун. Омск, 2010. 340 с. (Тр. ученых Ом. ун-та. Серия «История»).

бытием, приходится до сих пор заставлять учеников. Но это не показатель, скорее чисто слабость Шмидта.

В.Р.: В этот раз, когда С.И. Маловичко со своим центром «Новая локальная история» проводил интернет-конференцию²³, я тоже участвовала. Довольно интересно, только времени много занимает.

С.Ш.: Но сейчас, когда стало дорого ездить, обеспечивать гостиницами и питанием, хорошо, что можно делать это. Другое дело, что Маловичко и Марина Румянцева говорят о новой локальной истории, а чем она отличается от старой? Объявили, что начинаем заново. Что начинаем? Я как-то не уловил.

В.Р.: Дальше очень важен Ваш ответ вот на такой вопрос: «Какие профессиональные журналы гуманитарного профиля для Вас сегодня являются наиболее авторитетными?»

С.Ш.: Знаете, такого более авторитетного журнала для меня нет, такого настоящего, но я с уважением отношусь и обращаюсь, видимо, с возрастом стал уже меньше следить за журналами: и «Отечественная история» делает неплохо. Безусловно, не журналы, а нашего типа издания: «Археографический ежегодник», «Вспомогательные исторические дисциплины» и «Труды отдела древнерусской литературы». Средние века, если брать медиевистику, они сохранили то, что было раньше, то есть довольно трудно в наше время, когда все стремятся к декларации чего-то нового за счет качества преимущественно, а эти доказывают, что лучше старая мебель, если хорошо сделана, необязательно менять ее на новую.

В.Р.: А вот «Диалог со временем» Вы читаете – альманах, который издает Л.П. Репина?

С.Ш.: Нет, случайно, иногда. Я сейчас стал меньше читать, у меня еще глаза болели, мне операцию делали года два назад. То, что мне попадает, это интересно. Но Вы знаете, что меня тревожит, может быть, это уже стариковское бурчание, тревожит, что люди больше спорят о толкованиях, терминах толкования, чем о реальных явлениях. Но меня радует, что есть такой Кирилл Немцов (сын Веры Владимировны, а ее муж известный социолог Алек-

²³ Речь идет об интернет-конференции «Предметное поле новой локальной истории – источниковедческая методология исторического познания: опыт и перспективы взаимодействия» (декабрь 2011 г.).

сей Немцов из группы [Ю.А.] Левады), он пишет сейчас диссертацию, ездит за границу, о средневековом делопроизводстве, о психологии делопроизводства, в основном германский материал. Это настоящая наука, отвечает современной зарубежной науке, и это естественно. А вот когда, понимаете, у нас исконные русские слова исчезают и все заменяется западным, это меня чрезвычайностораживает, потому что российская наука в начале XX века была высочайшего класса наукой. Не в политике дело, это когда хотели провести Международный конгресс историков в 1918 г. в России, решение было принято предыдущим конгрессом. Значит, понимали, что такое русская наука и специально историки готовились, они хотели ознакомиться с переводами наших сочинений, с изложениями русской истории, ведь тогда мало печатали на иностранных языках. Меня несколько смущает, что сейчас столько болтологии, но сборники молодые часто выходят интересные. В РГГУ, например.

В.Р.: А вот НЛО, к нему Вы обращаетесь?

С.Ш.: Это серьезное издание, по-настоящему серьезное. От случая к случаю обращаюсь. И они еще со вкусом, это тоже важно.

В.Р.: Сигурд Отгович, другая тема, которую уже затрагивали в связи с профессиональной культурой и вообще корпоративной культурой: «Как Вы оцениваете защиту диссертации в качестве коммуникативного события? Диссертация – это коммуникация?»

С.Ш.: К сожалению, это почти утрачено. Я помню старые защиты. Это были события. Они посещались. Сейчас на защитах бывает очень мало народу. Только люди уж очень себя проявившие, они вызывают приток некоторого числа дополнительно, тех, кто не обязан присутствовать. Неслучайно последние жесткие правила, что нельзя выходить во время защиты, это вызвано тем, что не интересовались самой диссертацией, их теперь приучивают сидеть. Я давно вышел из ученого совета, и понимаю, что не совсем здоров, и не хочу терять время, хожу на то, что меня интересует. Я давным давно не был оппонентом, выступал как руководитель диссертации, это мне было положено в последние годы.

По-моему, они (защиты. – *В.Р.*) утрачивают свое значение из-за девальвации диссертации. Сейчас явная девальвация диссертаций.

В.Р.: То есть, Вы считаете, что ВАКовская реформа, эти новые требования помогут изменить ситуацию?

С.Ш.: Изменить ситуацию сейчас ничего не может. Этот перечень... Но почему 13? Почему 15? Откройте этот самый список ВАКа. Нам пришлось буквально биться, чтобы «Византийский временник», «Археографический ежегодник», то есть первые издания в своей сфере, издания Академии наук включаются. Когда мы не можем добиться, чтобы ВАКовскими изданиями считались материалы конференций Академии наук, в которых принимают участие члены Академии наук, которые считают для себя возможным печататься в одном издании, под одним переплетом с Имя Рек, значит, Имя Рек допускают под один переплет со знаменитыми именами – это уже показывает, что это за Имя Рек. А это не важно, хоть пять академиков рядом с ним, а это не ВАКовская конференция. Совершенно пустая формальная сторона. В то же время никому неизвестные вузы (а мы все-таки знаем вузы, Омский университет или Томский университет, филологический факультет) издавали Жуковского – это не показатель – это высокие достижения, а второстепенные вузы, где мы не знаем ни одного профессора, они получают ВАКовские права.

Фрагмент третий

**«В коммуникации по закону Оруэлла
будут выделяться какие-то узкие группы»:
*о профессиональной корпоративной культуре
и сообществе историков***

В.Р.: Сигурд Оттович, что бы Вы хотели пожелать, чтобы повысить эффективность современных научных коммуникаций?

С.Ш.: Что хотелось пожелать – это невозможно сделать. Потому что пожелать надо было бы, чтобы значительную часть ученых степеней и званий отняли бы и оставили только тем, кто их заслуживает, но никто отнимать не будет. Поэтому в коммуникации по закону [Дж.] Оруэлла будут выделяться какие-то узкие группы, принадлежность к которым или к учреждениям, она что-то значит или не значит. Ну вот вчера я вернулся из Узкого, в пробке перед нами стоит машина, на ней сзади написано «дипло-

мы, диссертации», в метро (хотя я сейчас езжу реже), но когда ездил, мне-то не предлагали, а тем, кто помоложе, предлагали дипломы.

В.Р.: И в Интернете сайты есть специальные, где предлагается купить готовые диссертации, в том числе и из тех, которые уже защищены. Убирается фамилия и переделывается текст

С.Ш.: Поэтому я всячески поддерживаю, когда разоблачается откровенный плагиат, к сожалению, это делается. Ряд докторов наук, и дамы при этом отличаются не меньшей хищностью, чем мужчины, обворовывая мужчин... Примеры мне приводили, провинциальные примеры, и не только провинциальные. Это видно. Мы же знаем, кто что стоит. В то же время я толкаю к защите тех, кто по моему мнению порядочный человек, и которому это в какой-то мере облегчит жизнь. Было бы больше порядочных людей, но порядочный – это тот, для которого служение науке, а не служба, у которого самоуважение выражается в том, что он уважает то, что он делает, который занимается наукой не в угоду концепции, не в угоду положению, не в угоду ситуации, а потому, что он не может иначе. Большая беда, которую я наблюдаю, я ведь много лет являюсь председателем жюри конкурса школьных работ, всероссийского причем, и лучшие работы, действительно хорошие, издаются частично, даже переводятся, почти никто не хочет продолжать свою деятельность, хотя у него явно есть элементы призвания, но ведь наша профессия одна из самых низкооплачиваемых. И они предпочитают всяких юристов, экономистов, менеджеров, и я их понимаю, потому что сегодня они радуются, а завтра появятся раз, два, три и молоко, и не молоко требуется, и ничего сделать нельзя. Поэтому я особенно ценю тех, а все меньше число этих людей, которые действительно хотят работать по призванию, а жизнь меня убедила, что [это] единственное, что действительно является подлинным счастьем, потому что мы не можем предвидеть нашу судьбу, не знаем наше здоровье, здоровье наших близких, мы не знаем, с кем окажемся в одном рабочем коллективе, который нам создает какие-то неудобства, и мы не знаем, что можно сделать, мы все-таки занимаемся тем, к чему у нас есть склонности и способности, и результаты есть настоящие, и если люди на это идут, то тут я их всячески поддерживаю

и стараюсь, чтобы они не совершали неблагородные поступки, то это очень хорошо.

В.Р.: Сигурд Оттович, мы уже вышли на такую тему, вне анкеты. Как Вы думаете, сейчас происходящая реформа университетского образования – насколько она влияет на формирование профессиональной корпоративной культуры?

С.Ш.: Трудно ответить на этот вопрос. Я сейчас вообще с большой тревогой и без оптимизма отношусь к тому, что свершается в последние годы. В школьном образовании явно отделили обучение от воспитания, в вузовском образовании – память от осмысления. Люди боятся соображать. Я вузовский профессор, берем нормальную [ситуацию]. На каждом курсе, даже самом удачном, только несколько человек выделяются из общей массы. Остальные – это добросовестные и, может быть, очень хорошие люди, со способностями и склонностями, но небольшими способностями и небольшими склонностями. В лучшем [случае] они честно, хорошо и увлеченно работают.

Я хоть и вузовский профессор, стал заведующим кафедрой в 85 лет, но я оторван от этого, условие было, что это делает мой зам, я только подписываю бумажки, знаю, как они мучаются с этими бесконечными бумагами, какая бюрократия развелась. Мы берем американскую систему. Московский университет был создан за 20 лет до Америки. Университет до Соединенных штатов. Нельзя забывать наши великие традиции. Меня это огорчает. К чему я отношусь однозначно положительно, это к тенденции правительства, министерства сокращения вузов. Слишком много стало университетов, все университеты стали академиями, все пединституты университетами.

В.Р.: И последнее, с чего мы начинали, с нашего научного сообщества. Недавно появилась книга под редакцией Г. Бордюгова «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен». И там известный Вам Борис Соколов в конце своей статьи предлагает, чтобы сохранить сообщество и поднять планку профессиональной культуры, принять Хартию историка. Вот он так представил эту возможную Хартию. Тут всего четыре пунктика.

«Мы, российские историки, признаем существование в нашей стране сообщества историков, которое руководствуется едиными этическими принципами в подходе к научной деятельности.

Осознанно и добровольно мы принимаем на себя следующие обязательства, касающиеся нашей профессии:

1. Все историки имеют равное право на высказывание своей точки зрения как в печати, так и на форумах историков. Единственное ограничение, которое накладывается на нас в этом отношении – это недопустимость фальсификации фактов и документов.

2. Ни один из историков не должен выдвигать против своих коллег обвинений политического или морального характера. В научной полемике необходимо руководствоваться только соображениями поиска научной истины.

3. При цитировании работ предшественников или современников недопустима никакая цензура политического, идеологического или личного свойства.

4. В поисках научной истины историки не должны следовать соображениям политической, этнокультурной, религиозной или идеологической конъюнктуры»²⁴.

Вот такую Хартию он предлагает принять. Как Вы смотрите на это?

С.Ш.: Видите ли, а нужна ли Хартия? То, что он говорит, это то, чего должны придерживаться добросовестные и самоуважающие люди, обладающие самоуважением. Никаких новаций нет. Нужно ли это декларировать? Не знаю. Но внушать эти мысли действительно важно и, к сожалению, хотя казалось бы, это само собой разумеется, в своей практической деятельности историки не следуют этой хартии. Оттого, что они ее примут, они не перестанут делать то, что привыкли делать. Поэтому я не уверен, что это нужно декларировать. Мы столько раз за мою долгую жизнь принимали разные – слова «хартия» тогда не было – разные дела, которые не соответствовали действительности, во всяком случае, я еще жил в то время, когда пели «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» – это было Ежовское время. Такое было полное отступление от реальности, которое существовало. И люди это пели, и на демонстрациях вы видите совершенно естественные лица. Вот вчера показали фильм о Хрущеве, том времени. <...>

²⁴ Соколов Б. Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 322–343.

Ну а Хартия? Хартия – благородное дело, но она ничего не изменит. Я думаю, что, к сожалению, воспитание сегодняшних историков, не их обучение, отделение обучения от воспитания, у нас слишком мало внимания обращают на источниковедческую сторону, то есть на обоснование выводов. Выводы считаются само собой разумеющимися. Нас приучили, если мы прикрываемся цитатой, классиков стало уже четыре, значит, можно брать четыре источника, как после этого можно было поверить <...> и как в течение 10 лет все уже ссылались на [Н.А.] Бердяева, [С.Н.] Булгакова, [П.Б.] Струве даже, а сейчас как-то вообще не понятно, на кого ссылаться. Но это не меняет дело...

Поэтому я думаю, что это главное. Это определяет историка. Когда я читаю труды моего коллеги, я должен знать, в какой мере я должен ему доверять, все ли он привлек, все ли он пытался – я не могу от него требовать, чтобы он все раскрыл, это зависит от его способностей, от его интересов, наконец – ну не интересовался он этой стороной дела, а меня больше она интересует... Но мы же отличаемся друг от друга и в этом плане тоже.

Вот эта система описательной истории, фактов без указания, откуда я это знаю, конечно, это вредит. Но с этим никто не борется, к сожалению. Пусть не печатаются статьи, хотя сейчас на это вроде бы обращается внимание. Но я не берусь судить, я все-таки, понимаете, позволяю себе продолжать работать, конечно, в определенной мере отделившись от того регулярного общения, в котором я был почти во всех институтах, я значительно меньше преподаю. Я притворяюсь (выражение С.Ш. – *В.Р.*) сбором материала для изданий, которые я же редактирую, хотя есть и другие издания, участвую в конференциях, хотя тоже меньше, чем было раньше.

В.Р.: Спасибо большое, я Вас, наверное, утомила.

А.Р.: Но можно еще один маленький вопрос, у меня по ходу возник. Сигурд Оттович, а вот я слышал, что такое мнение существует, что сейчас система образования должна не формировать энциклопедического ученого, а формировать ученого, который может, где-то насобирав информацию, ну например, в Интернете, ее компилировать и делать какие-то выводы. Потому что на любой вопрос Яндекс даст ответ – это реклама, конечно. Как Ваше отношение к этому?

С.Ш.: Очень осторожное. Я вообще со страхом отношусь к Интернету сейчас. Я об этом писал. И если сейчас найду, могу маме дать эти интервью. Понимаете, при всем том, что Интернет дает необычайные возможности научной работе, необычайно ускоряет и облегчает труд, он одновременно освобождает от необходимости напряженной самостоятельной работы. Можно извлечь информацию, доходит до того, что диссертации пишутся на основании Интернета, это я просто проверял.

Диссертация всегда является проверкой двух качеств, по крайней мере, способности самостоятельно отыскать материал и способности самостоятельно его интерпретировать. Если уже первой нет, если Вам уже подставляют материал, то ведь материал всегда, если он не Вами открыт, он всегда несет в себе элемент его интерпретации, потому что из великого множества того, что нам встречается, по крайней мере, в истории – я сужу по гуманитарным наукам, я не беру Ваши науки – мы отбираем то, что нам кажется легким, удобным, понятным, желанным... Но всегда субъективный подход, какая-то субъективность... И мы не можем проверить, объективно ли оно, потому что трудно сказать, сколько их всего, допустим, тысяча источников, и они проверят тысячу, а я проверю сто, а они проверят девятьсот, если ты девятьсот привлек, покажи же, мне больше доверия, чем, если я привлек сто, девятьсот достаточная выборка... Поэтому меня сейчас это смущает, это отучает от такого творческого подхода.

Даже меня иногда смущает чрезвычайно и телевидение, хотя я сам смотрю с интересом. Я впервые смог увидеть, что такое баобаб или что такое антилопа гну, как они плодятся, размножаются. Сейчас эти фильм... они чрезвычайно интересны, откуда мне было знать, я в Африку уже никогда не попаду, но в то же время меня уже не испортишь, я уже прошел долгую жизнь, а молодой человек, на этом уже удовлетворяется, он же не идет...

Я помню эти дворовые разговоры, двор очень не ровный был, у нас было много ребят разных социокультурных корней, разных разговоров в семье, разные палаты книжных полок, а когда и отсутствие книжных полок в комнатах вообще... Мы разговаривали об этом, это всех интересовало. Сейчас темы уже подсказаны, они обсуждают то, что им подсунули. Да, они это обсуждают,

матч обсуждают и события обсуждают, и фильмы обсуждают, они высказывают мнения, но мнения, которые они не ищут сами, их столько много, что уже не нужно искать, они уже в этом без [и] вне их существующем ориентируются и отбирают удобное им, интересное им, спокойное для них. И это с годами будет увеличиваться. Это ведь практику остроты ума и потребность к самостоятельным действиям все больше преуменьшает, а зачем?

А.Р.: Сигурд Оттович, если я правильно понял, то Вы считаете, что в качестве интеллектуальной, так скажем, зарядки ума историкам-студентам рекомендуется взять несколько источников и найти, скажем, десять отличий, исходя из личностей историков?

С.Ш.: Вот Вы взяли хороший пример. Да. Я могу даже сам дать источники. Вначале Вы источники искать не умеете. На начальных курсах, на втором и, может быть, даже на третьем это может делать руководитель. Потом он проверяет Вас, насколько Вы сами можете эти источники обнаружить. Вы уже нашли библиографию, пользуетесь каталогами какими-то. Вы уже должны демонстрировать, потому что жизнь складывается так, что почти все оказываются в положении, когда нужно быстро давать ответы на неожиданные вопросы, и сотрудник музея, и сотрудник архива, и школьный учитель, у которого программа от палеолита до главлита, как выражались в мое время, он же разные вопросы имеет. Это тоже важно сделать, чтобы он мог научиться этому.

А.Р.: И в этом случае у историка появляется прививка от той опасности, о которой Вы сказали, легкого отношения к источнику?

С.Ш.: Да, и сейчас я все больше ценю, например, все-таки была долгая жизнь, меня заставляют и вопросы задают, что формировало и держало, что сохраняло, что позволило прожить творчески жизнь. Другое дело, что это зависело от тех способностей, которые были, я не мог иметь больше, чем имел, но вот, скажем, семинар Михаила Николаевича Тихомирова, который был очень умен, тем более, я познакомился с ним в 39-м году, брат его только что был расстрелян, что он умел держаться и знал, как себя вести. В университете мы занимались почти полгода комментарием Русской Правды. Русская Правда – это Киевская Русь, почти тысяча лет назад. Он нам показывал, как по-разному можно толковать явления. И умные понимали, что это относится не только к 1036 г.,

когда создана основная часть, но и к 1936 г. Разные газеты в нашей стране все писали одинаково, но кое-кто понимал по цитатам в наших газетах, что «Монд», «Юманите», и «Тан», и «Фигаро» по-разному толковали то, что происходило у нас... Четыре мнения, даже в наше время... Это такая школа была для тех, кто способны были и хотели думать. Это было школой... Тот же Тихомиров, например, он отличился фразой, которая замечательно характеризует его и его мимирию. Это могло быть между 44-м и 47-м годом. Нас спрашивали и звонили из ЦК, спрашивали о научных школах. Потом, когда собрали актив, только один декан, беспартийный, сумел ответить на вопрос. Его спросили о научных школах, декан исторического факультета ответил: «Школа у нас одна – Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, но есть ученые, ученики которых работают в определенных направлениях». Это ведь было совершенно правильно сказано и так нужно было сказать в этой ситуации. Хотя сам он цитаты почти никогда не употреблял и даже спрашивал меня.

В.Р.: Ну что, Сигурд Оттович, мы Вас уже очень утомили. Большое спасибо.

С.Ш.: Приятно было вас видеть. Вы меня застали после Узкого, я еще такой, готовый более или менее на многочасовье... Я сейчас живу в двух измерениях: с теми, кого уже нет рядом, и с теми, кому я еще интересен.

Г.П. Мяжков

**Мастерская средневекового историографа
и «нормативная» диссертационная позиция**

(Отзыв официального оппонента о диссертации А.В. Якуба «Образ "норманна" в западноевропейском обществе IX–XII вв. Становление и развитие историографической традиции» (Томск, 2008. 565 с.), представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»)

Ключевые слова: историография всеобщей истории, образ «норманна», скандинавское завоевание.

G.P. Miagkov

**Workshop medieval historian
and «normative» thesis position**

(Reviewed official opponent of the dissertation A.V. Yakub «Image "Norman" in Western European society IX–XII centuries. Formation and development of historiographical tradition» (Tomsk, 2008. 565 p.) Submitted for the degree of Doctor of History specialty 07.00.09 – «Historiography, a source study and methods of historical research»)

Keywords: historiography of world history, the image of «Norman», Scandinavian conquest.

К числу традиций российского историознания с периода деятельности его «первоначальников» (Т.Н. Грановского, С.М. Куторги и др.) относится пристальный интерес к развитию зарубежной исторической науки. Знание последней, непрестанный диалог с коллегами обеспечили достижения российских историков-«всеобщников», обретение ими международного признания. К сожалению, на протяжении большей части XX в. диалог был заменен жестким противостоянием «научной» марксистской и «ненаучной» буржуазной историографий. Исследования А.В. Якуба, подытоживаемые рецензируемой диссертацией, вливаются во все расширяющийся ныне круг литературы, который не только отражает благотворные перемены в историческом знании, происшед-

© Г.П. Мяжков, 2014

шие за последние 10–15 лет, но и задает им тон, ритм, определяет перспективы.

Отмечая общую тенденцию, следует учитывать, что для историка-профессионала важными являются процессы специализации, внутренней дифференциации и кооперации. С этой точки зрения видно, что вплоть до самого последнего времени в нашей исследовательской литературе явно недостаточно внимания уделяется – при весьма внимательном отслеживании теоретико-методологических поисков – состоянию **проблемной** историографии.

Одной из интереснейших в средневековой европейской истории является **проблема скандинавской экспансии**. Разворачивавшаяся на протяжении нескольких столетий на огромных пространствах, она имела среди многих результатов и формирование весьма устойчивого образа норманна / викинга. Последний стал частью исторической памяти разных европейских народов, приобрел характер неотъемлемого компонента их политической культуры и начал с течением времени оказывать огромное влияние на развитие национальных историографий, порождая в них острые дискуссии. Так, в **отечественной (российской) исторической мысли**, что, впрочем, вполне объяснимо, вот уже на протяжении нескольких столетий основной акцент в изучении проблемы норманнов делается на исследовании противостояния между двумя концепциями происхождения Руси – норманнской и антинорманнской. В этом отношении теме западной составляющей в норманнской экспансии повезло гораздо меньше, и историографический обзор основных отечественных работ, предпринятый автором диссертационного исследования, лишь подтверждает этот вывод. Уже поэтому актуальность выбранной А.В. Якубом темы исследования представляется нам вполне обоснованной и весьма своевременной.

Актуальность диссертационного исследования, однако, связана не только с необходимостью заполнить имеющийся вакуум в исследовании проникновения норманнов в пределы каролингского мира в IX–X вв., но и в назревшей *потребности осмыслить механизм взаимодействия двух культурных феноменов*, сдвинув его с традиционной позиции анализа военно-политических контактов к анализу контактов, осуществлявшихся в интеллектуальной сфере, где собственно и формировался тот образ «норманнов»,

который с течением времени, как доказывает диссертант, приобрел многослойный характер, сохраняющийся и поныне.

В связи с этим представляется вполне обоснованным избранный А.В. Якубом **путь рассмотрения формирования образа «норманна»** в средневековом общественном сознании через изучение такого этнополитического и этнокультурного явления средневековой истории, как «контактная зона». Фактически диссертантом предложен и сформирован, по моему мнению, принципиально новый подход как к изучению становления средневековых историографий, так и к выявлению способов формирования «исторической памяти» и самих норманнов о себе, и окружавших их этносов о них самих.

Применительно к избранной теме он позволил автору вполне четко определить **объект** и **предмет** своего исследования, сформулировать его **цель**: *изучить процесс формирования историографического образа «норманна» путем анализа творческого наследия средневековых авторов в условиях трансформации каролингского и посткаролингского обществ под воздействием внутри- и внешнеполитических факторов*. Полагаю, что следующее далее «расширение» формулировки цели – не более, чем выражение одной из устанавливаемых автором функций исторического знания, что и определено при постановке задач исследования (см. пункт 4) и не нашло, что справедливо, отражения в авторском видении новизны диссертации.

Может возникнуть вопрос, насколько репрезентативным является территориальное ограничение «норманнского вопроса» «контактной зоной» в пределах Французского королевства, ибо даже сама историография «норманнской проблемы», как отмечает сам диссертант, огромна и представлена множеством национальных историографий как скандинавских, так и западноевропейских стран. В связи с этим, кстати, возникает вопрос и о том, почему автор, активно привлекая наработки франко- и англоговорящих историков, фактически оставляет в стороне скандинавскую историческую мысль, для которой сюжеты, связанные с экспансией норманнов в разных направлениях, являются одними из наиболее любимых. Но здесь следует согласиться с аргументацией диссертанта, что именно история Нормандского княжества оказа-

лась в итоге своеобразной квинтэссенцией не только реально воплощенных в жизнь достижений норманнской экспансии на пост-каролингском пространстве, но и стала почвой, на которой сложилась именно «национальная», «нормандская» историография, являющая собой уникальный характер в структуре средневекового историописания конца X–XII столетий.

Исходя из этого, представляются вполне обоснованными и логически выстроенными **задачи** исследования, которые четко коррелируются с его продуманной и достаточно стройной композицией. Также не вызывают возражений хронологические рамки исследования, определяемые во многом именно этапами проникновения норманнов на территорию Франкии и формирования Нормандского княжества.

Нельзя не отметить авторское видение **методологических начал** осуществляемого исследования. Оно базируется на эвристически значимых положениях, сформулированных в свое время акад. Е.А. Косминским и М.А. Баргом. Подчеркну: речь идет не о «нормативной» диссертационной «позиции», а об определении тех методов исследования, которые позволяют проникнуть в мастерскую средневекового историографа, объяснить механизм взаимодействия его творчества с реальной действительностью, исследовать историю возникающей исторической мысли с ее, по определению М.А. Барга, «невидимой», внутренней стороны. В результате все названные во введении методы историографического исследования включены в исследовательский процесс, «работают» на достижение цели.

Особо хочется остановиться на **источниковой базе** диссертационного исследования. Количество привлеченных латиноязычных текстов вызывает уважение. Но дело не только в количестве, но – главное – в качестве привлекаемых источников. На наш взгляд, следует согласиться с предложенным автором принципом отбора и ранжирования источников согласно степени интереса, который проявлял тот или иной анонимный или известный средневековый автор к проблеме взаимоотношений между франкским и скандинавским мирами в условиях расширявшихся между ними контактов.

Обоснованным является особое внимание к корпусу нарративных памятников, которые А.В. Якуб систематизирует по их

жанровым особенностям. Именно нарративные памятники – полагает автор – в наибольшей степени показывают особый характер взаимодействия личности и общества, итогом которого стало превращение «норманнской проблемы» в особый сегмент исторической памяти многих европейских народов. Диссертант привлекает как известные широкому кругу исследователей нарративные памятники (Эйнхард, Астроном, Нитхард, Теган, Гильом Жюмьежский, Рихер Реймский, Флодоард), так и памятники, которые в отечественной историографии практически не исследовались и в исторический оборот не включены (Эрмольд Черный, Дудо Сен-Кантенский, Ордерик Виталис, Роберт де Ториньи). Исследованный корпус источников, само качество проделанной источниковедческой работы позволило диссертанту сформировать у читателя вполне цельное представление о механизме складывания исторической памяти о норманнах и роли в этом именно историографической традиции.

Основная часть диссертационного исследования А.В. Якуба состоит из трех глав. Первые две посвящены выявлению основных этапов формирования представления о норманнах в их различном этнополитическом состоянии. В *первой главе* автор обращается к комплексному анализу источников **каролингской эпохи**, от сочинений Эйнхарда, Тегана, Астронома, Нитхарда и Эрмольда до каролингской анналистики, представленной полуофициальными анналами и так называемыми «малыми анналами», до авторских анналов X в., вышедших из-под пера Флодоарда, и до сочинения Рихера Реймского. Автору удалось выявить несколько этапов формирования исторического образа «норманна». Если на первом этапе этот образ был достаточно сдержанным и вполне конкретным (речь шла исключительно о данах как соседях Империи), не выходящим за рамки традиционных представлений франков о всех не-франках, живших по другую сторону границ Империи, то для второго этапа были присущи совершенно иные трактовки этого образа. По Якубу, «норманн» второй половины IX в. предстает как понятие обобщенное, универсальное и даже вне-этническое (по автору, даже литературное). Диссертанту удалось установить исторические корни и время, когда образ «норманна» был наделен теми отрицательными качествами, которые, как его отличительные маркеры, обнаруживаются в текстах современной эпохи.

Дальнейшая трансформация образа «норманна», по мнению автора диссертационного исследования, оказывается связанной с событиями X в., главным из которых стало появление в пределах каролингского геополитического пространства совершенно новой политико-административной единицы – княжества Нормандии. Итогом этой трансформации стало постепенное вытеснение образа «норманна» как врага всей Империи образом «норманна» как врага или союзника определенного политического клана, участвовавшего в политической борьбе в пределах Западно-Франкского королевства.

Вторая глава посвящена анализу творчества ведущих историков (Дудо Сен-Каетенского, Гильома Жюмьежского, Ордерика Виталиса и Роберта де Ториньи). Здесь А.В. Якуб вступает в пространство историографического наследия, которое в отечественной историографии до сих пор остается практически неосвоенным. Можно лишь приветствовать стремление автора к детальному анализу основных сочинений авторов XI–XII вв., которых он с полным правом и убедительно относит к «отцам-основателям» классической нормандской историографической традиции. Историограф выработал и скрупулезно «допрашивает» документы согласно схемы-«вопросника», показывает условия, в которых формировались и жили его «герои»-авторы, держит в поле зрения весьма пестрые конгломераты редакций сочинений, выявляет и исследует самые близкие текстуально к автографу сочинения (Гильома Жюмьежского и др., с. 269–273), прослеживает географию распространения сочинений. Найденный им образ «живого» текста позволяет на основе изучения изменений, вносимых в текст на протяжении длительного времени (до полутора столетий) проследить становление «официального» историографического видения (с. 274). Интересны наблюдения над опытами фальсификаций, на которые шли средневековые авторы (с. 267 и др.).

Проведенный сравнительный анализ творчества авторов, писавших о ранней истории нормандского княжества, позволил А.В. Якубу подметить весьма важную особенность нормандской историографии: Дудо начал, а его ближайшие последователи продолжили формировать не только официальную версию нормандской / нормандской истории, но придали этой версии характер

идеологемы. Более того, диссертант вскрывает механизм взаимосвязи исторического знания и идеологического процесса: историк (в исследовании Дудо) создал «историю», которая должна была сформировать идеологию, но идеология в итоге стала диктовать свои правила игры и выдвигать свои условия «истории». Доказательства тому автор находит в судьбе сочинения Гильома Жюмьежского, претерпевшего – это установлено текстуально – весьма заметные историографические правки, диктуемые реалиями политического бытия, под пером последующих редакторов первоначального текста – Ордерика Виталиса и Роберта де Ториньи.

Содержание этих двух глав, по нашему мнению, служит вполне основательным фундаментом для выводов, сделанных диссертантом в заключении диссертационного исследования, ключевым моментом которых является выявление жесткой зависимости между формированием самой территории Нормандии и образа «норманна», когда смена территории влекла за собой изменение, а в итоге качественную трансформацию самого этого образа.

Особо хотелось бы остановиться на *третьей главе* диссертационного сочинения А.В. Якуба. В ней автор попытался совместить воедино проделанный им источниковедческий и культурно-лингвистический анализ основных сочинений каролингской и посткаролингской историографии с традиционной политической историей, выстроенной в жанре классического повествовательного изложения событийного ряда. Казалось бы, эта глава более приемлема для традиционных конкретно-исторических исследований. Да, такая функция здесь присутствует, поскольку содержательно глава восполняет отсутствующее в отечественной историографии знание о политической истории каролингской Франкии в части ее взаимоотношений со скандинавским миром. Но значение этой главы, на наш взгляд, не сводится только к этому. Ее место в общей концепции А.В. Якуба более весомо, поскольку она позволяет совершенно по-новому определить роль «норманнского фактора» в международных отношениях каролингской эпохи, отказавшись от представлений о «норманнах» как исключительно грабителях, разбойниках и наемниках. «Норманнская проблема», таким образом, обретает не только статус проблемы историографической, связанной с различными интерпретациями деяний норманнов сами-

ми средневековыми авторами, но и проблемы конкретно-исторической, когда эти интерпретации позволяют совершенно по-иному трактовать казалось бы хрестоматийные факты норманнских походов в пределы Империи. В результате клише «норманн – враг» оказывается в серьезной степени подорванным, и хотя «норманн» не превращается в друга, но тем не менее приобретает статус партнера в тогдашнем международно-правовом пространстве.

Основные выводы диссертации по всем поднятым в ней вопросам **не вызывают возражений**, они достаточно аргументированы, построены на строгом научно-критическом анализе. Но исследование А.В. Якуба, как всякое фундаментальное исследование, затрагивает многие, в том числе и дискуссионные проблемы, **ставит новые вопросы**. Поэтому, естественно, возникает желание по этим вопросам-проблемам вступить в дискуссию, получить более обстоятельно изложенный взгляд диссертанта на некоторые проблемы и его отношение к некоторым дискутируемым в медиовистике сюжетам.

1. Об источниковой базе исследования. То, что автор, как было подчеркнуто выше, отдает приоритет нарративным памятникам, понятно и справедливо. Однако, по нашему мнению, диссертант мог бы все же расширить круг источников. Прежде всего, за счет *правовых документов* и их предметного рассмотрения. Справедливость нашего тезиса подтверждается как наличием большой сноски на с. 186, материалы которой говорят о формировании системы защиты подданных от насилия со стороны норманнов, так и практикой самого диссертанта, обращающегося к некоторым каролингским капитуляриям.

Вне поля зрения автора оказался различного рода *актовый материал*, связанный с деятельностью королевских канцелярий различных каролингских монархов, с частноправовой деятельностью магнатов и церковных учреждений. Обращение к этому комплексу документов расширило бы сферу наших представлений о том, как воспринимались «норманны» в каролингской и посткаролингской среде, особенно, так сказать, на *обывательском уровне*.

Не ясно, почему среди «разных жанров» историко-церковной литературы – «от анналов до gesta» (с. 187) – отсутствует житийная литература. Неоднозначным выглядит решение автора ограничить-

ся ссылкой (с. 244) и не обращаться к изучению поздних англо-нормандских авторов Р. Васа (Уаса) и Бенуа де Сент-Мора как представителей уже литературной традиции «норманнской проблемы», что могло бы ярче подчеркнуть роль такого явления средневековой исторической культуры, как образ «норманна» в *формировании сознания тогдашней политической и интеллектуальной элиты*.

Обратим внимание автора в перспективе последующих исследований на так называемые визуальные источники. Например, одну из сцен на шпалере из Байё объясняет надпись: «Здесь пали в битве Англы и Франки» Ж. Дюби видит в этом свидетельство усиления процесса окультуривания нормандцев.

2. Соглашаясь с наблюдениями и выводами автора относительно постановки проблемы «норманнской экспансии» в российской исторической науке, все же укажу на заслуживающий быть отмеченным опыт публикации в самом начале ее пути ряда источников, в том числе тех, к которым обращается диссертант. Речь идет об известной хрестоматии, составленной М.М. Стасюлевичем, и включившей отрывки из Эрмольда Черного, Регинона (Регино), Аббона, Роберта Васэ, Дудо, Рикера и др.

3. Автор постоянно оперирует понятием «реймская школа историописания», вовлекает в оборот значительный материал о творчестве ее представителей, пытается проследить и установить, пусть в первом приближении, некоторые научные коммуникации (см. с. 79, 188–189, 307 и др.), фактически выходит на постановку вопроса: что есть школа в системе средневекового историознания? Поднимаемый науковедческий пласт заслуживает быть специально осмыслен.

4. Проявляя незаурядную эрудицию, В.А. Якуб в ходе исследования ставит и предлагает свои решения ряда конкретных историографических проблем. Вот здесь-то, на мой взгляд, сказывается ограниченность предложенного автором выборочного подхода к анализу историографического наследия как способа преодоления противоречивости «историографического бытия» изучаемой проблемы. Это видно, например, при решении автором проблемы определения родины первого князя Нормандии Роллона.

Автор диссертации фактически ограничивает свое внимание формированием так называемой канонической, «датской»

версии происхождения Роллона, восходящей к сочинениям Флоарда и Рихера и окончательно оформленной в творчестве Гильома Жюмьежского, Ордерика Виталиса и Роберта де Ториньи (с. 248 и сл.). Вероятно, такое ограничение имеет право на существование, ибо оно связано с хронологическими рамками исследования, которые определил для себя диссертант. Однако вопрос о происхождении Роллона на самом деле приводит к серьезным столкновениям в национальных историографиях ряда стран, прежде всего скандинавских. Имеются еще две версии происхождения Роллона, идущие в разрез с канонической: 1-я, полагающая его этническую принадлежность к норвежцам, и 2-я, «этнически нейтральная». Рассмотрение подобной историографической коллизии позволило бы диссертанту значительно расширить представления научного сообщества не только просто по вопросу происхождения первого нормандского князя, но и по сюжетам, связанным с *проблемой этнического состава первых поселенцев в Нормандии и глубине континуитета между франкской Нейстрией и скандинавской Нормандией*.

Все эти положения-вопросы высказываются в порядке дискуссии, они демонстрируют, скорее, не критику диссертации, а ее достоинства, позволяющие видеть перспективы последующих исследований.

Подытоживая анализ, считаю, что представленную к защите работу А.В. Якуба характеризуют высокий профессиональный уровень, новизна подхода к предмету изучения, значительность источниковой базы, аргументированность основных выводов и оценок. Она полностью соответствует критериям оценки квалификационных работ высшего уровня (п. 8 «Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий») и отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям. Основные выводы и результаты проведенного исследования добротнo изложены автором в опубликованных научных трудах, в том числе в монографии и в 9 статьях в ведущих научных рецензируемых журналах. Диссертация имеет большое практическое значение. Она может быть использована при подготовке общих и специальных курсов по историографии, истории средних веков, средневековой Франции, при написании исследований и учебных

пособий по медиевистике. Автореферат соответствует содержанию диссертации и выполнен согласно действующим правилам.

Рекомендую диссертационному совету Д 212.267.03 по присуждению ученой степени доктора исторических наук при ГОУ ВПО «Омский государственный университет» ходатайствовать перед ВАК о присуждении Алексею Валерьевичу Якубу искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Официальный оппонент, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
Казанского государственного университета
12 декабря 2008 г. Г.П. Мягков

Н.Н. Алеврас

**«Импрессионистская техника
мелкого, насыщенного штриха...»**

(Отзыв официального оппонента о диссертации Т.В. Бернгардт на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Историческая библиография и конструирование нового образа исторической науки. 1920-е годы (на материалах Сибири)». Омск, 2010. Специальность 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»)

Ключевые слова: образ науки, историческая библиография, методология научного исследования, советская наука и государство, цензурная политика.

N.N. Alevras

**«Impressionist technique
of small saturated strokes...»**

(Reviewed official opponent of the dissertation TV Bernhardt for the degree of candidate of historical sciences on "Historical bibliography and construction of a new way of historical science. 1920s (on materials of Siberia)". Omsk, 2010. Speciality 07.00.09 – «Historiography, a source study and methods of historical research»)

Keywords: image of science, historical bibliography, methodology of scientific research, the Soviet science and state, censorship policy.

Взгляд на историографию как историю исторической науки предполагает фиксацию внимания на совокупности всех компонентов ее предметного поля, включающих, в том числе, историю дисциплинарного комплекса, обеспечивающего получение исторического знания. Вследствие этого «дисциплинарная» историография должна рассматриваться в качестве органичного элемента истории исторической науки: ведь только при условии научных исследований, связанных с историями различных исторических дисциплин, можно приблизиться к созданию целостного образа исторической науки. Следует признать, что специальных работ, выполненных в ключе дисциплинарной историографии, сравнительно

немного. Из имеющихся характерны исследования лишь по ряду некоторых вспомогательных исторических дисциплин: истории источниковедения, архивоведения, археографии, дипломатики, сфрагистики, метрологии. Поэтому представленная Т.В. Бернгардт диссертация, обращенная к истории исторической библиографии как специальной отрасли исторического знания, привлекает особое внимание. Она пополняет скромный еще список «историографий» специальных исторических дисциплин, что уже само по себе определяет ее значение как историографического исследования.

Рейтинг теоретической и практической значимости предпринятого исследовательского проекта ещё более повышается, если учесть основной замысел диссертации. Он, по большому счету, связан с попыткой реконструировать коммуникативное сосуществование конкретно-исторического знания и его сублимации в виде историко-библиографического произведения. Понимание автором смысла исторической библиографии – сферы деятельности и области знания – как отдельного института «освоения, сохранения и трансляции исторического знания и интеллектуальной культуры» (с. 4) (а эта мысль проходит через весь контекст диссертационного исследования), сближает социокультурное предназначение историографии и библиографии. Две области знания пересекаются в пространстве реализации их общей функции – сохранения историко-научной памяти и передачи исторического знания. Уже это позволяет обсуждать проблемы взаимодействия и степень дисциплинарного родства этих специальных исторических ветвей знания, что выводит нас на уровень теоретических аспектов историографии.

Кроме решения поставленных конкретных задач, автор своим исследованием попутно выполняет своего рода просвещенческую функцию: диссертация погружает читателя-специалиста в мир свойственных данной научной области историко-библиографических ценностей, обрисовывая пределы предметного поля исторической библиографии и раскрывая точки пересечения и каналы актуального взаимодействия двух сегментов общего исторического знания – историографии и исторической библиографии.

Попытка Т.В. Бернгардт рассмотреть историческую библиографию как компонент исторической науки приобретает осо-

бую актуальность, если учесть расхожее представление об иерархическом соподчинении этих двух научных сфер. В тех случаях, когда, например, глубина историографического анализа не удовлетворяет потребителя историографического продукта, нередко его историографический нарратив пренебрежительно уподобляется уровню исторической библиографии, создавая упрощенное представление о второстепенности библиографического знания в пространстве исторической науки. Данное диссертационное исследование раскрывает, независимо от привязки к его конкретно-историографической проблематике, рассмотренной в соответствии с поставленными задачами, значимость и самостоятельность данной области знания, актуальность ее дисциплинарных задач, что демонстрирует правомерность отказа от иерархического подхода в определении научной роли «больших» и «малых» наук.

Отмечу далее те идеи диссертации, подчеркнутые автором специально или вытекающие из наблюдений за эмпирическим материалом, которые позволяют говорить о теоретическом потенциале рецензируемого исследования. Задержу внимание на наблюдениях, рассуждениях и обобщениях автора о научной природе исторической библиографии, представленных в значительной мере во **Введении**. Его содержание, как и общий научный пафос диссертации, опираются на уверенность автора в существовании междисциплинарной по характеру природы исторической библиографии. Актуальные ракурсы, задаваемые соискателем дисциплинарным функциям исторической библиографии, позволили рассмотреть ее как научную дисциплину, концентрирующую в «свернутом» виде, прежде всего, историю исторической науки. Автор приходит к мысли о таком специфическом свойстве исторической библиографии, как способности моделирования первичного текста (исторического источника или исследования) и замещения его библиографической информацией различных типов. (См., например, с. 100). В этом смысле историческая библиография предстает неким слепком или своеобразным зеркалом состояния исторической науки и является, одновременно, вспомогательным средством ее познания. Библиография в этой связи рассматривается и как органичный компонент исторической науки, и как особый способ коммуникации. Являясь «хранительницей интеллектуальной куль-

туры», историческая библиография, по версии автора, опирающаяся на изучение опыта историографических, источниковедческих и историко-библиографических исследований, сосредоточивает внимание на творческой составляющей деятельности библиографа и на междисциплинарном потенциале данной сферы науки. Факт формирования особого, «библиографического знания» позволяет автору утвердиться в понимании библиографических явлений как «когнитологических феноменов». Одновременно соискатель соотносит ее с объектом культурной истории, а также учитывает «наукоемкость» историко-библиографической информации, приближая предметное поле библиографии к границам науковедения (с. 9–12).

Исследовательский материал **первой главы** – *«Историческая библиография и историческая наука: возможности взаимодействия в процессе становления нового образа науки в 1920-е гг. в Сибири»* – раскрывает институциональные основы (в виде научно-образовательных, академических учреждений, обществ, организаций, совещаний, конференций, съездов, исследовательских проектов и пр.) библиографической деятельности сибирских ученых. Он выразительно показывает на этой основе две стороны процесса развития исторической библиографии: предстает и как «созидание общесибирского интеллектуального пространства», и как начало «унификации исторической науки на основе марксистской методологии» (с. 52–53), с которой, как явствует из контекста диссертации, автором связывается «конструирование нового образа исторической науки».

Опираясь на методически выверенную, репрезентативную и убедительную эмпирическую базу, что составляет несомненное достоинство диссертации, автор рассматривает сущностные и смысловые аспекты, характер и особенности историко-библиографических произведений изучаемого времени. Т.В. Бернгардт удалось показать впечатляющие масштабы библиографической деятельности в Сибирском регионе, контекст диссертации демонстрирует сформировавшуюся профессиональную среду специалистов-библиографов, выдвинувшую своих лидеров – в лице, например, М.К. Азадовского, В.Д. Вегмана, Н.В. Здобнова, П.К. Казаринова, В.П. Косованова. По мысли автора, многие из них, про-

долгая традиции дореволюционной библиографии, опирались на представление о научной функции библиографии, а потому рассматривали библиографическую продукцию как информационную базу для исторических исследований. Это определяло курс на широкий проблемно-тематический охват сюжетов соответствующих библиографических изданий, их ориентацию на выполнение академических и историко-культурных задач обобщения научно-исследовательской практики. В то же время автор показывает формирование новой традиции исторической библиографии, ориентированной на избирательный подход, имевший двойное следствие, что можно особо отметить как принципиальное наблюдение. С одной стороны, этот подход проистекал из обстоятельств политической жизни страны и положения науки, подчиненной власти, и содействовал внедрению идеологических принципов отбора материала для библиографической продукции. Это означает, что библиография использовалась как инструмент манипулирования общественным сознанием и являлась важным элементом конструирования образа «новой» науки. С другой стороны, закладывался иной статусный режим библиографии – как вспомогательной по своей сути отрасли знания. Эти, вытекающие из авторской позиции, выводы, на мой взгляд, отличаются новизной и продуктивны как для всего содержания диссертации, так и для общего понимания процесса становления, развития и функционального (с идеологической подкладкой) предназначения библиографии в советской гуманитарной науке.

Для нарративно-аналитической части главы характерно детальное освещение деятельности сибирских библиографов и принципов подготовки конкретной библиографической литературы. Опираясь на оригинальный источниковый материал со специфическими библиографическими свойствами, Т.В. Бернгардт убедительно показывает, что научный продукт исторической библиографии выступает в роли носителя концентрированного опыта научно-исследовательской деятельности историков. Являясь в этом смысле важным элементом инфраструктуры исторической науки, библиография, несомненно, входит в круг тех дисциплин, которые, как бы я сказала, «работают» на «мемориальном» сегменте культуры и науки: она представлена в диссертации в роли «хра-

нительницы» научной памяти и интеллектуальной культуры. Другой стороной научного образа исторической библиографии в данной главе становится ее особая коммуникативная функция, связанная с трансляцией исторического знания в культурную среду. На мой взгляд, можно было бы подчеркнуть, опираясь на материал диссертации, что, выступая одним из каналов, соединяющих историка и читательскую аудиторию, историческая библиография в изучаемый период времени, для которого характерна скудная (по современным меркам, конечно) система СМИ, становится основным средством связи исторической науки и общества.

Автор с библиографической педантичностью раскрыла жанры и особенности библиографических произведений, заострив внимание на их «критическом» типе. Изучение в диссертации содержания библиографических изданий с точки зрения их построения и концептуально-идеологического наполнения в сочетании со статистическим анализом публикуемых материалов, осуществленном по различным ценностным критериям, демонстрирует, как постепенно научно-академические задачи исторического знания подменялись идеологическими установками. Особое внимание автор уделяет характеристикам многочисленных рецензий, выступающих в работе как разновидность библиографического жанра. Вполне можно согласиться с автором, что именно рецензии, являясь наиболее «удобным» для реализации идеологических задач видом информационно-библиографического материала, позволяют реконструировать процесс формирования новой марксистской парадигмы исторической науки. Элементы этой реконструкции, посредством изучения воздействия инструктивных партийных документов на структуру, язык, стиль и содержание рецензий, и осуществляет автор диссертации (см., например, с. 120–138). Правда, сохраняется вопрос о научно-дисциплинарной природе рецензии – является ли она в изучаемом контексте феноменом библиографии или относится к сфере историографии, а может быть – к области критической публицистики?

Тема роли и специфики трансляции исторического знания при посредстве исторической библиографии продолжена во **второй главе** диссертации – *«Влияние политики в области цензуры на историческую библиографию Сибири»* – задавая систему ее со-

циальных и политико-идеологических характеристик. В главе показан процесс приспособления властными и идеологическими структурами имманентных коммуникативных свойств библиографии к идейно-политическим задачам новой революционной власти. Вполне закономерно поэтому, что Т.В. Бернгардт выходит на тему «историческая библиография и цензура». В общем методологическом плане тема истории и воздействия формирующейся в 1920-е гг. советской цензуры на облик исторической науки и всю совокупность ее научно-дисциплинарного аппарата ожидаема и актуальна. Но, как показывает автор (с. 17–21), при характерном интересе историографии последнего десятилетия к истории института цензуры, в изучении его влияния на историческую библиографию сохраняется немало «белых пятен». Поэтому сюжетные линии диссертации о региональной системе цензурных органов и их практической деятельности в области контроля над научной продукцией ученых-историков и библиографов приобретают особый интерес и обладают несомненной новизной.

Логика построения главы – от изучения структуры и деятельности институтов цензуры до «библиотечных чисток» как средства ограничения доступа к исторической информации и формирования на этой основе идеологически заданных параметров массового исторического сознания – создает основу целостной и объемной картины условий, в которых существовали историческая наука и ее важнейший инфраструктурный элемент – историческая библиография. Характерно использование автором в целях акцентирования идеологической функции библиографии данного периода образного понятия «мобилизация библиографии» (с. 142). В этом отношении чрезвычайно интересным является эмпирический материал диссертации, свидетельствующий о возникновении на волне творческой социальной активности любопытных форм цензурных практик – например, библиотечных советов. Через анализ их деятельности просматривается опыт «коллективного творчества» в деле рецензирования и цензурирования интеллектуальной продукции (с. 144–147). За приводимыми в диссертации фактами, на мой взгляд, просматривается тенденция установления с помощью общественных активистов (так сказать, «своими руками») тотальной цензуры.

Автору удалось создать выразительную картину различных репрессивно-идеологических кампаний в Сибири, направленных в конечном итоге на уничтожение значительной части научного и интеллектуального национального наследия, что прерывало традиции преемственности в исторической науке и, в том числе, в исторической библиографии. Характерен в этом отношении факт появления жанра цензурной библиографии. Т.В. Бернгардт приходит к выводу о том, что присущая библиографии посредническая миссия была в 20-е гг. XX в. трансформирована: она становится одним из механизмов управления и контроля социальными, в том числе научными коммуникациями, а также инструментом манипуляции общественным сознанием (с. 190–191; 193–204 и др.). При этом удаленность изучаемого региона от Центра, по замечанию автора, не являлась препятствием для использования различных форм цензурной деятельности, направленной на ограничение доступа к научно-исторической информации (с. 208–209).

Полнота и обстоятельность историографического обзора, внимание автора при этом к теоретико-методологическим аспектам исторического и историко-библиографического знания, репрезентативность, внушительные масштабы и видовое разнообразие источникового комплекса, удачные попытки выбора актуальных для замысла диссертации сюжетов источниковедческого анализа положительно характеризуют рецензируемую диссертацию, позволяя видеть в соискателе вдумчивого и заинтересованного исследователя. Полагаю, что сформулированная автором научная новизна (с. 35) вполне соответствует и целевым установкам диссертации, и, главное, их реализации в исследовании.

Несколько слов можно сказать об особенностях авторского нарратива и стиля диссертации. Для диссертанта свойственен подход, предусматривающий при анализе изучаемого объекта локализацию его специфических характеристик с последующим обстоятельным рассмотрением деталей его облика. Не заявляя специально, автор фактически прописывает исследовательский текст в традициях, близких методам повседневной истории, а где-то приближается к микроанализу. Во всяком случае, авторский нарратив создается на основе реконструкции не только крупных, но и мельчайших элементов общего облика исторической библио-

графии в контексте историко-научной и политической повседневности изучаемого времени. Если уместна метафора, то авторский стиль напоминает импрессионистскую технику мелкого, но насыщенного штриха / мазка, когда из элементарных деталей складывается общее объемное впечатление о потоке практик жизни и науки (в данном случае – деятельности профессиональных библиографов) с присущей атмосферой изучаемого исторического времени. Ситуация трансформационных перемен, переживаемая в 1920-е гг. всей культурой, накладывает на эти практики отпечаток драмы истории и науки, что подчеркивается автором как отобраным эмпирическим материалом, так и ракурсами изучения темы, выраженными структурой диссертации. В качестве примера авторской методики можно указать анализ библиографического указателя М.К. Азадовского «Сибирские темы в изучении русского устного творчества» с последующим выводом соискателя об инновационности этого проекта – появлении в нем «новых смысловых единиц (дефиниций) в изучении сибирского фольклора» (с. 101–102).

В ходе исследования Т.В. Бернгардт рассмотрела практически все виды историко-библиографических практик – от составления различных библиографических списков и указателей до библиографических аннотаций и рецензий – и обобщила богатый опыт теоретико-методологических установок российских специалистов в области библиографии, и что особо интересно – их региональной группы в лице сибирских ученых-историков / библиографов. Это позволило Т.В. Бернгардт впервые представить богатое эмпирическое полотно истории исторической библиографии Сибирского региона в 1920-е гг.

Изучение опыта историко-библиографических исследований этого времени привело соискателя к рассмотрению исторической проблематики, актуальной для времени укрепления марксистской историографии. Истории социальных катаклизмов – российских революций, Гражданской войны, протестных движений – определяют тематический облик большинства тогдашних библиографических изданий. Вполне обоснован сделанный в диссертации акцент на актуальные в эти годы сюжетные линии исследований по истории и библиографии декабризма – темы особого зна-

чения в сибирской историографии. Однако для автора важна не только сама по себе востребованная в те годы проблематика, но и реакция на нее представителей среды историков-библиографов, творческий облик которых в большинстве случаев складывался еще в условиях дореволюционной культуры. Историко-библиографические рефлексии, характерные для ученых и исследователей Сибири, рассмотрены Т.В. Бернгардт в контексте общих трансформационных процессов, которые повлекли деформацию прежних принципов библиотечно-библиографической культуры в целом и исторической библиографии в частности.

Исследовательский текст насыщен персоналиями – представителями российской и ее регионального сегмента – сибирской – библиографии. Воссоздавая ландшафт научных исканий и проектов в области исторической библиографии, Т.В. Бернгардт стремилась воспроизвести роль коммуникативных практик сообщества библиографов, воздействовавших на процесс создания историко-библиографических произведений. Интересны сюжеты, связанные с анализом переписки, возникающих полемик по поводу подготовки тех или иных библиографических проектов. Имена М.К. Азадовского, А.В. Адрианова, Н.К. Ауэрбаха, В.Д. Вегмана, Н.В. Здобнова, А.В. Мезьева, М.А. Слободского, А.Н. Турунова и многих др. вписаны в контекст диссертации таким образом, что они не только персонифицируют историко-библиографический процесс, но и позволяют увидеть специфику их личного вклада в развитие концепций и методик исторической библиографии 1920-х гг., противоречия и столкновение мнений внутри сообщества библиографов (см. с. 81–85; 87–88; 91–98; 100–110 и др.).

Как характерную черту авторского подхода следует подчеркнуть устойчивое стремление соискателя рассматривать региональные аспекты изучаемой проблематики в органичном общероссийском контексте развития исторической науки и библиографии.

Сформулируем некоторые замечания по диссертационному исследованию:

1. Ставя задачу раскрыть процесс «конструирования нового образа исторической науки» посредством анализа исторической библиографии, автор предварительно не определила характерные

и наиболее актуальные для данной темы черты «старого» образа науки, что, полагаю, было бы продуктивно для понимания «стартовых» характеристик исторической науки и, в частности, исторической библиографии, сложившихся в период, предшествовавший революционным трансформациям. В таком случае за счет прямого использования сравнительного метода образ «новой науки», сформировавшийся в изучаемое соискателем время, мог стать еще более выразительным.

2. По ходу знакомства с материалом диссертации не исчезло желание уловить в работе соискателя реакцию научного сообщества Сибири на испытываемые и переживаемые им трансформационные процессы в культуре и науке. Т.В. Бернгардт почти не касается этих моментов, что не дает возможности до конца понять преюбельность историко-библиографической культуры в регионе, а также расстановку научных сил и смысл противоречий в профессиональной среде. Лишь в заключительном абзаце работы автор, определяя дальнейшие перспективы исследования, намечает «изучение восприятия научным сообществом и отдельными персоналиями этих процессов» (с. 217). Думаю, этот немаловажный момент можно было специально оговорить еще во Введении. Но, даже ограничивая таким образом сюжетные линии диссертации, можно было все же в процессе изложения основного материала предложить хотя бы первые очертания такого подхода. Это внесло бы большую определенность и, так сказать, «экзистенциальность» в понимание перехода от «старого» к «новому» образу науки.

3. В некоторых сюжетах диссертант, детально раскрывая сложные перипетии библиографических полемик, ситуации непонимания, противоречий и борьбы в сообществе историков-библиографов, не акцентирует собственную интерпретацию событий или подводит итоги, до конца не разъясняющие интригу спорной ситуации. Так, например, на мой взгляд, случилось при характеристике взаимоотношений В.Д. Вегмана и А.Н. Турунова (с. 92–98); недостаточно проясненной представляется изложение полемики Н.В. Здобнова с коллегами через их переписку (с. 104). Не выясненными остаются позиции исследователей-библиографов по линии их отношения к власти и формирующейся культуре «исто-

риков-марксистов». Возможно, это также можно объяснить ситуацией, изложенной в п. 2.

4. Думаю, что текст диссертации, наполненный большим количеством имен, сведениями об институциональной структуре библиографии и цензуры мог бы сопровождаться рациональными формами организации этого материала и справочными комментариями. Персоналии могли бы обрести биографические справки, например, в специальном приложении, а многочисленные организационно-структурные элементы институциональной картины понятнее смотрелись бы при наличии каких-либо схем.

Сформулированные замечания рождались у оппонента по ходу анализа рецензируемой диссертации, выполненной на высоком научном уровне и в традициях добротной научной культуры. Совершенно очевидно, что работа создавалась специалистом не только хорошо знающим свой предмет, но и любящим свое дело. Это и рождало желание предъявить повышенные требования автору диссертации, имеющему перспективы развития своих идей и наблюдений.

Как оппонент, я без сомнений оцениваю диссертацию Тамары Викторовны Бернгардт как зрелое научное исследование, соответствующее всем требованиям, предъявляемым ВАК к таким квалификационным сочинениям, каким является кандидатская диссертация. Полагаю, что автор рецензируемой диссертации заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Доктор исторических наук, профессор
Челябинского государственного университета
12.11.2010 г.

Н.Н. Алеврас

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН – Архив Российской академии наук

ВДИ – Вестник древней истории

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИР НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского

НБУВ – Национальная библиотека Украины им. В. Вернадского

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГБ – Российская государственная библиотека

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

СПБИН РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГИАМ – Центральный государственный исторический архив в Москве.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алеврас Наталия Николаевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета.

Антощенко Александр Васильевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.

Блиев Владимир Русланович – канд. ист. наук, Омский автобронетанковый инженерный институт.

Будзанивская Наталия Владимировна – младший научный сотрудник отдела истории академической науки Института архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев).

Бухерт Владимир Генрихович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук.

Воробьёва Ирина Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета.

Вжозек Войцех – д-р наук, профессор университета им. Адама Мицкевича (Познань).

Голубев Алексей Валерьевич – канд. ист. наук, PhD-кандидат исторического факультета Университета Британской Колумбии (Канада) и доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета.

Гришина Наталья Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета.

Еремеева Светлана Анатольевна – кандидат культурологии, доцент кафедры истории и теории культуры РГГУ.

Журба Олег Иванович – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой историографии, источниковедения, архивоведения Днепропетровского государственного университета им. О. Гончара.

Клюев Артем Игоревич – аспирант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Корзун Валентина Павловна – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Кузнецов Андрей Александрович – д-р ист. наук, доцент, проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Лаппо-Данилевский Константин Юрьевич – литературовед, д-р филол. наук, doctor habilis Гиссенского университета.

Мамонтова Марина Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Мягков Герман Пантелеймонович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

Посохов Сергей Иванович – д-р ист. наук, профессор, декан исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Рыженко Валентина Георгиевна – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Свешников Антон Вадимович – д-р ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Селиванова Ольга Сергеевна – канд. филос. наук, доцент Южно-Уральского государственного университета (Челябинск).

Скиба Иван Анатольевич – аспирант исторического факультета Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.

Соганова Екатерина Юрьевна – магистр истории, младший научный сотрудник научно-исследовательского сектора Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Умбрашко Константин Борисович – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета.

Чеканцева Зинаида Алексеевна – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра новой истории Института всеобщей истории Российской академии наук.

Шаталов Денис Валерьевич – аспирант кафедры истории Украины Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.

Шмидт Сигурд Оттович – д-р ист. наук, академик РАО, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Научное издание

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 9

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*

Редактор *Д.С. Нерозник*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 18.09.2014. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 31,75. Усл. печ. л. 29,53. Уч.-изд. л. 29,2. Тираж 150 экз. Заказ 148.

Издательство Омского государственного университета

644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ

644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

